

Я. Э. Юдович, М. П. Кетрис

Российские геологи рассказывают о себе

Тексты с комментариями

Книга вторая

ГЕОЛОГИЧЕСКОЕ ПОЛЕ

Сыктывкар

2015

УДК 55:929

Юдович, Я. Э., Кетрис, М. П. Российские геологи рассказывают о себе: Тексты с комментариями. В 3 книгах. Книга вторая. **Геологическое поле**. Сыктывкар: Геопринт, 2015. 376 с.

© Юдович Я. Э., Кетрис М. П., 2015 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие ко всему изданию	6
Предисловие ко второй книге	8
Глава 1. Полевая работа	9
1.1. Как работали великие геологи	9
1.1.1. Владимир Обручев	9
1.1.2. Карл Богданович	12
1.1.3. Александр Чернов	14
1.1.4. Вера Варсанофьева	16
1.1.5. Константин Войновский	19
1.1.6. Михаил Ермолаев	20
1.1.7. Леонид Громов	20
1.1.8. Борис Вронский	22
1.1.9. Николай Наковник	25
1.2. Работа на собаках	28
1.3. Эпизоды чукотского картирования	31
1.4. Разное о многом	36
1.5. Полярные станции	53
1.6. Маршрутные будни	55
1.6.1. Питание геолога	55
1.6.2. Дом полевого геолога	62
1.6.3. Холодные ночевки	64
1.6.4. Кукуль	69
1.6.5. Подъем на лодках бечевой	71
1.6.6. Кошмар кедрового стланика	72
1.6.7. Работа с лошадьми и оленями	74
1.6.8. Работа в жару	76
1.6.9. Комары, мошка, гнус, овода	78
1.6.10. Дождь — главный враг геолога	81
1.6.11. Горные маршруты	85
1.6.12. Последние маршруты в сезоне	88
1.7. Приемка полевых материалов; отпуск	99
1.8. Бурение скважин	103
1.9. Полевая геофизика	107
1.10. Шлихование	113
1.11. Работа геолога под землей	120
1.12. Трудная работа горняков	123
1.13. Работа вулканологов	125
Глава 2. Природные чудеса	126
2.1. Чудеса географические	126
2.2. Чудеса геологические	134
2.2.1. Ископаемые леса	134

2.2.2. Разное о многом	139
2.3. Чудеса минеральные	147
2.4. Чудеса биогенные и рукотворные	154
Глава 3. Полевые приключения	157
3.1. Геолог в Саянах	157
3.2. Хождение по кругу и по прямой	160
3.3. Спуск на лодках и плотках	163
3.4. Жажда	165
3.5. Приключения с вездеходами и тракторами	168
3.6. Летающие геологи и буровики	171
3.7. Кое-что о птицах, клещах, змеях и фалангах	177
3.8. Геологи на охоте	180
3.9. Геологи и медведи	193
3.10. Геологи на рыбалке	203
3.10.1. Таймень — сибирская акула!	203
3.10.2. Разное о рыбалке	205
3.11. Разное о многом в поле	211
Глава 4. «Смерть меня подождёт»	235
4.1. Белые медведи	236
4.2. Михаил Ермолаев на Новой Земле	237
4.3. Мысли... на дне реки	239
4.4. Грозные Саяны	242
4.5. Не утонуть в море?	244
4.6. Разное о многом	248
Глава 5. Геологическая лирика	262
5.1. Наедине с Природой (или с Богом)	263
5.1.1. Вера Варсанюфьева	263
5.1.2. Владимир Обручев	269
5.1.3. Валентин Литвинов	270
5.1.4. Разное о многом	272
5.2. Философские раздумья	286
5.2.1. Размышления Бориса Жуланова	286
5.2.2. Размышления Льва Фирсова	288
5.2.3. Размышления Владимира Чайкова	289
5.2.4. Размышления Людмилы Похиленко	289
5.2.5. Геологи о своей поэзии	290
5.2.5. Разные размышления о многом	291
5.3. Весна. Начало сезона	301
5.3.1. Весеннее заболевание	301
5.3.2. О весне по-разному	302
5.4. Любовь к профессии. Описания быта	304
5.4.1. Томские геологи о своей работе	304

5.4.2. Олег Тарутин	307
5.4.3. Дина Черепанова.....	308
5.4.4. Бесхитростные рифмы	310
5.4.5. Разное о многом	316
5.5. Лирика в ненастную пору	328
5.5.1. Ненастная лирика Валерия Лихачева	328
5.5.2. Разное о непогоде.....	330
5.6. Конец сезона. Осенняя лирика	333
5.6.1. Валентин Литвинов.....	333
5.6.2. Елена Афанасьева	335
5.6.3. Василий Кузнецов	336
5.6.4. Олег Тарутин	337
5.6.5. Разное на осеннюю тему	338
5.7. Любовь у геологов	347
5.7.1. Томские геологи пишут про любовь	347
5.7.2. Разное про любовь.....	348
5.8. Старость геолога	358
5.8.1. Геологи — об ушедшей молодости	358
5.8.2. Геологи — о неизбежности смерти	360
5.8.3. Разное на тему старости	361

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВСЕМУ ИЗДАНИЮ

Эта книга (точнее три книги) не имеет аналога в мировой литературе.

— Наглое, поразительно наглое заявление! Видимо, у одного из составителей (Я.Ю.), лет 50 занимавшегося геологией-геохимией, определенно поехала крыша...

Но что же поделать, если аналога действительно не видно?

— Это ведь не роман?

— Конечно, никакой не роман.

— Не повесть?

— И не повесть.

— Не мемуары?

— Мемуарного здесь немало, но всё же это отнюдь не мемуары, и тем более не составительские.

— Может быть, просто сборник документов?

— Но ведь таких сборников не бывает: здесь слишком много комментариев.

— Тогда, быть может, это нечто литературоведческое?

— Да, элементы литературоведения (в отношении геологической поэзии и прозы) здесь есть. Но, во-первых, это всего лишь элементы, а во-вторых, далеко не профессиональные. Всё же составители — геохимик и петрограф, а не литературоведы.

— Тогда, быть может, это просто продукт графомании?

— Но помилуйте: графоман строчит свои дурацкие сочинения самолично, а здесь 90—95 % текста — чужие, вовсе не наши.

Ну, хорошо, оставим поиски аналогов в беллетристике. Может быть, это вообще не беллетристика, а научная работа?

— Да, это, пожалуй, ближе к науке, чем к изящной словесности. Но к науке, во-первых, очень облегченной, «популярной»; во-вторых, не к серьезной науке, а к «романтической»; а в-третьих, конечно же, только к такой науке, которая близка и понятна самому первому составителю-геохимику, который из почти 80 лет прожитой жизни — не менее 30 лет провёл в тайге, тундре и горах Российского Севера.

В размышлении о том, как же все-таки определить жанр этих необычных книг, в конце концов ему найдено название: это *рассказ экскурсовода, ведущего читателя по музею Российской Геологии*. Только музей этот необычный: вместо экспонатов в нем — тексты, притом что все эти экспонаты-тексты были разысканы, собраны, изучены и систематизированы самим экскурсоводом.

Экскурсовод подводит своего читателя к очередному экспонату-тексту, дает несколько кратких вводных пояснений — и отходит в сторонку. А дальше экспонат-текст сам разговаривает с читателем, часто сообщая ему вещи совершенно удивительные. Экскурсовод при этом присутствует, но только иногда вставляет кое-какие комментарии.

Пройдя с автором-экскурсоводом по всему музею-серии (т. е. прочитав эти три книги), читатель узнает о том, что за люди были русские геологи, как они жили и работали, «прежде и теперь», в мирные годы и на войне, и, что для составителей, быть может, всего дороже, узнает, *как они мыслили*. Вот об этом (о мышлении геолога) как будто никто еще не писал.

Остается добавить, что если литературно-жанрового аналога этих книг нет, то есть аналог ... гастрономический, а именно — винегрет! Действительно, по чрезвычайно разнообразию собранных здесь текстов они соответствуют именно винегрету. Чтобы сделать этот винегрет более съедобным, в состав упомянутых выше 5—10 % составительского текста были включены подходящие по тематике занумерованные вкрапления, обозначенные как «*Авторское*». Они взяты из сборника «Беллетристика от ЭЮЯ», скроенного Я. Э. Юдовичем к своему 75-летию в 2012 г.; в единичных случаях такие вкрапления являются дневниковыми записями или письмами.

Наконец, последнее — о составителях. Сбирал и комментировал тексты Я. Э. Юдович, а всю редакторскую и техническую работу (в которой главное — составление именных указателей) — выполнила М. П. Кетрис, с большой помощью нашей замечательной лаборантки Наташи Рыбиной, которой составители рады выразить свою тёплую признательность.

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОЙ КНИГЕ

В этой книге подобраны тексты, прямо или косвенно связанные с полевой работой российских геологов. При этом для советского периода мы не делаем никакой разницы между геологами по их бывшему местоположению (например, между российскими и белорусскими или украинскими). Наша геология была единой, как и наша страна СССР.

Заголовку этой Второй книги точно соответствует Глава 1 — «Полевая работа», в которой рассмотрены самые разные стороны геологического поля — как собственно маршруты, так и всё то, с чем они бывают сопряжены.

Полевому геологу всегда есть, о чем вспомнить, причем о некоторых впечатлениях невозможно забыть никогда. Иногда они вызывались удивительными явлениями природы — своего рода «чудесами», которым посвящена специальная Глава 2.

Общеизвестно также, что полевая работа российских геологов, часто проходившая в диких, труднодоступных местах, в тундре, тайге, горах и пустынях, на необъятных просторах нашей Родины, обычно была сопряжена с разными «приключениями». По прошествии времени они нам вспоминаются как увлекательные или даже забавные, но нередко они бывали и смертельно опасными. Этим «приключениям» посвящены Главы 3 и 4.

Наконец, среди нашего брата-геолога — очень много таких, которые склонны к лирике, что легко и естественно объясняется всё той же причиной — спецификой работы наедине с Природой или (если это кому-то нравится больше) — с Богом. В последние годы, в связи с гибелью советской геологии (которая исчезла, словно Атлантида) в этой лирике все явственнее стали проступать ностальгические и философские мотивы, ранее почти неощутимые. В этой книге мы скомпоновали специальную Главу 5, полностью состоящую из геологической лирики — как в прозе, так и в стихах.

Глава 1. ПОЛЕВАЯ РАБОТА

Здесь мы расскажем о некоторых из наших великих или знаменитых предшественников, опыт которых крайне поучителен для молодого геолога. Затем будут приведены материалы о маршрутных буднях при выполнении геологического картирования, которые тоже, как нам представляется, очень интересны и поучительны.

1.1. Как работали великие геологи

1.1.1. Владимир Обручев

Умный выбор маршрутов • Вечерний дневник • Забавная история:
два Обручева на Чукотке

Умный выбор маршрутов

Осмысленный (не формальный!) выбор маршрутов Владимиром Обручевым в Ленском золотоносном районе в 1901 г. [2, с. 145–146]. А сколько нашим (советским) съемщикам приходилось гонять маршрутов «для галочки» — только для того, чтобы обеспечить кондиционную «плотность сети». Поучительна замечательная организация работы, жесткий контроль Обручевым работы своих геологов.

Опыт исследований в 1890 и 1891 гг. показал мне, что в Ленском районе вообще наибольшее количество выходов коренных пород можно найти на гребне всех водоразделов, хотя бы в виде обломков, тогда как склоны и дно долин были покрыты мощной толщей четвертичных рыхлых отложений, скрывающих коренные породы. Поэтому и маршруты геологической съемки следовало вести по водоразделам, конечно не пропуская те редкие скалы, которые попадают на склонах и на дне долин в виде исключения и бросаются в глаза.

Каждый из помощников ежедневно получал свои маршруты и ходил пешком или ездил верхом, если расстояние было большое, в сопровождении рабочего, который нес в наплечной сетке собираемые образчики пород. На работы мы выходили или выезжали с восьми часов утра и возвращались часа в три или четыре, обедали и затем занимались разборкой собранных материалов. Я писал дневник своих наблюдений в шахтах и разрезах, этикетировал взятые в них образцы коренных пород из плотика и рыхлых отложений, из золотоносного пласта и торфов. В это время помощники приводили в порядок свои записи и образцы, и потом я, под их диктовку, писал дневник их наблюдений по маршрутам, что давало возможность полного руководства, контроля и, в случае надобности, разъяснения недоумений. Так мы работали изо дня в день, и только проливной дождь мешал маршрутным наблюдениям и давал дни отдыха. Этот метод разделения труда и дал возможность закончить за одно лето картирование всего бассейна Бодайбо посредством густой сети маршрутов и осмотра подземных и открытых работ для выяснения состава, строения и генезиса россыпных месторождений золота.

Вечерний дневник

Обручевский гимн Вечернему Дневнику, который, мы, советские геологи — уже не вели никогда! [2, с. 20]. Нас научили фиксировать все наблюдения в полевом дневнике. А всякие «размышлизмы» — заносить в полевой дневник только в камеральные дни, а отнюдь не ежедневно. Кроме того, употребление чернил запрещалось категорически. Полевой дневник («пикетажку») мы носили отнюдь не в кармане, а в полевой сумке. Люди неприхотливые обходились выдаваемыми со склада кирзовыми сумками, но многие из нас предпочитали пользоваться щегольской офицерской полевой сумкой, которую можно было купить в Военторге...

Геологическая практика в песках Кара-кума Туркмении не научила меня еще необходимости писать вечером дневник для подробной регистрации выполненных за день наблюдений. В песчаной пустыне эти наблюдения были настолько незначительны и, главное, однообразны, что краткие заметки, сделанные наскоро в записной книжке, вечером достаточно было немного дополнить и оформить в той же книжке. А на лекциях по геологии никто из профессоров Горного института не сообщил студентам, как важно записывать каждый вечер в отдельную тетрадь (и чернилами, а не карандашом) все дневные наблюдения подробно, дополняя на память все краткие записи, сделанные наскоро в книжке карандашом. Никто не указал, что этот дневник является документом, фиксирующим полностью всю дневную работу и представляющим основной материал для обработки и сводки в предварительном и полном отчетах результатов летней работы. Никто не подчеркнул, что в записную книжку нельзя занести даже кратко все виденное за день не только при осмотре выходов горных пород, когда наскоро записываются результаты измерения условий залегания, но и в промежутках между этими пунктами остановки, когда глаз геолога должен следить за формами рельефа и их изменением, а память должна вбирать и хранить все виденное. Никто не отметил, что в тот же день вечером легко занести все это по памяти в дневник, но что наблюдения последующих дней, наслаиваясь, вытесняют из памяти предшествующие наблюдения и восстановить все виденное на память, при обработке материала по возвращении с полевых работ, уже невозможно на основании кратких заметок в записной книжке. Кроме того, отдельный дневник, перевозимый в выючном ящике, более гарантирован от порчи и потери, чем записная книжка, засунутая в карман, которая может быть потеряна и во всяком случае подвергается подмочке и трению, т.е. сглаживанию записей до неразборчивости. И, наконец,

такой дневник дает возможность использовать наблюдения и все результаты летней работы даже через несколько лет после ее выполнения, а также другим лицом, если автор дневника умер, заболел или переменял специальность. Итак, только ведение дневника позволяет полностью использовать затрату времени, труда и средств на исследования.

*Забавная история:
два Обручева
на Чукотке*

Своего сына Сергея великий Обручев стал брать в экспедиции еще мальчиком. И вырос из него крупнейший геолог, прославившийся исследованиями диких просторов Сибири и Северо-Востока России.

В числе его открытий — и чукотская озеро (астроблема) Эльгыгыткын. Как свидетельствует геолог Иосиф Тибилев, в поселке Певек малограмотные, но весьма шустрые столичные любители экзотики повесили мемориальную доску Обручеву — перепутавши сына с отцом [60, с. 231–233].

Группа энергичных ребят из столицы, которым успел, видно, наскучить забугорный сервис и вылизанные красоты мировых центров отдыха и туризма, решила ударить по экзотическим местам. Выбрали они таким Чукотку, а конкретнее — ставшее к этому времени знаменитым озеро Эльгыгытгын.

Один из геологических первооткрывателей Чукотки, Сергей Владимирович Обручев, умудрился добраться на своих знаменитых аэросанях до этого озера, уникального своими крупными размерами, почти правильной круглой формой и огромной глубиной. Дал поэтическое описание этого природного уникама и сравнил его с лунными кратерами.

Позднее американские ученые, узрев озеро на своих шпионских космических снимках, сразу поняли, что это гигантская астроблема. Огромная яма от шмякнувшегося когда-то на бедную Чукотку гигантского метеорита. В «Реферативном журнале» появилась заметка. Ее, конечно же, заметили, и поехало дело. На озеро оперативно прибыла экспедиция из крупного научно-исследовательского института. После нескольких не сильно утомительных полевых сезонов проникательные научные сотрудники пришли к выводу, что таки да, яма озера — это астроблема. Несомненно, именно сюда бухнулось заблудившееся в космических просторах здоровенное небесное тело. В результате чего и образовалась наполненная чистой водой ледяной водой красивая дырка на теле беззащитной планеты. Появились публикации, в которых эти выводы были обнародованы. С этими выводами согласились не все. И тоже публично. Как бы там ни было с метеоритами, падали они или не падали, загадочное озеро обрело широкую известность.

<...>

Вышеупомянутые столичные любители экзотики, вполне понятно, за деньгами в карман не полезли — они же не провинциальные лопухи. Быстренько провернули через одно из центральных издательств финансирование культурологическо-мемориальной экспедиции на Чукотку. Посвященную памяти известнейшего геолога Обручева. Естественно, с посещением озера Эльгыгытгын. Сооружение мемориального знака. Приличествующая моменту мина с скорби. Обзор окружающих диких красот. Обязательная в подобных случаях обильная дегустация гольца-эндемика. Под уместные и неуместные случаю тосты.

В Певеке участники экспедиции быстренько приспособили к зданию нашего Предприятия мемориальную доску с барельефом Обручева, сфотографировали ее и отбыли в столицу. И на стене здания геологического предприятия, стоящего на улице Сергея Владимировича Обручева, остался висеть барельеф его родного отца академика Владимира Афанасьевича Обручева. Того самого, написавшего кроме своих знаменитых геологических трудов извест-

ный роман «Земля Санникова» и несколько менее известную «Плутонию». И не имевшего никакого отношения, при всем к нему огромном уважении, к познанию геологии Чукотки.

Конечно, после определенных философских прозрений можно признать очевидность не совсем полной неуместности появления мемориального знака в честь папы Обручева на улице сына Обручева. И бритому ежу понятно, что если бы не было папы Обручева, то не было бы и в помине сына Обручева. И не появился бы он на берегу Чаунской губы, и не добрался бы до озера Эльгыгытгын, и не сделал бы первую обзорную геологическую карту Чукотки, и не дал бы блестяще оправдавшегося прогноза ее оловоносности. Не было бы грядущего члена-корреспондента АН СССР Сергея Владимировича Обручева. И естественно, улицы, поименованной в его честь. Так что папин барельеф висит на самом том месте. И ничего удивительного в этом не следует видеть. Если, конечно, смотреть на вещи сугубо философски.

1.1.2. Карл Богданович

Один из двух • Мушкетов о двух своих учениках • Что он видел в Центральной Азии • Дальневосточные окраины России • Богданович в концлагере

Один из двух

Карл Иванович Богданович начал работу в Средней Азии вдоль строящейся Закаспийской ж/д — одновременно с Владимиром Обручевым. И притом он также был, как и Обручев, настоящим землепроходцем. Тот факт, что мы (советские геологи) знаем про него неизмеримо меньше, чем про Обручева, объясняется просто: он в 1919 г. эмигрировал на свою историческую родину — в Польшу. Вот что пишет о нем И. А. Резанов в своей книжке [56, с.5].

Из тридцати шести горных инженеров, окончивших в 1886 г. Петербургский горный институт, только двое — Богданович и Обручев стали специалистами геологами. Но даже для них двоих работа нашлась не сразу. Спрос на геологов в России в то время был очень небольшим. Геологический комитет, основанный А. П. Карпинским в 1882 г., состоял из директора и шести штатных геологов, и вакантных мест там не было. <...>

Мне пришлось проводить исследования во многих горных областях нашей страны. И почти каждый раз, знакомясь перед поездкой с литературой по новому для меня району, я убеждался, что первым ученым, оставившим подробное геологическое описание этого района, был К. И. Богданович. Он первый изучал геологическое строение Туркмено-Хорасанских гор, расположенных на границе Туркмении и Ирана. Ему принадлежит первое капитальное исследование геологии и полезных ископаемых Северного Тибета и Тянь-Шаня. Богданович впервые исследовал вулканы Камчатки и составил первое геологическое описание побережья Охотского моря, Чукотского и Ляодунского полуостровов. Он одним из первых изучал геологическое строение Казахских степей и Южной Сибири, Восточного Кавказа и Предкавказья.

Богданович оставил нам капитальные труды по рудным месторождениям, нефтяной геологии, сейсмологии и многим другим разделам геологической и географической науки.

Поляк по национальности, он большую часть своей жизни прожил в России и многое сделал для изучения ее природных богатств. В 1919 г. Богданович переехал в Польшу.

Мушкетов о двух своих учениках [56, с. 27]

И. В. Мушкетов, высоко оценивший научное значение [первой — Я.Ю.] экспедиции К. И. Богдановича, писал: «Оба моих ученика — К. И. Богданович и В. А. Обручев собрали настолько

значительный геологический материал, что кроме издания нескольких работ явилась возможность даже составить геологическую карту Закаспийской области в масштабе 20 верст в дюйме».

Такая карта вскоре была создана.

*Что он видел
в Центральной
Азии*

Как Богданович в своем докладе в Географическом о-ве осенью 1891 г. рассказывал об экспедиции 1899–1891 гг. через Тянь-Шань в Памир, далее в Куньлунь и Тибет [56, с. 47].

К. И. Богданович в своем сообщении об экспедиции говорил: «... *Богатые сырты Тянь-Шаня, гигантские высоты восточной части Памира, знойные равнины Кашгарии с ее оазисами, песчаными пустынями и удивительными остатками громадных городов, уже стертых с лица земли, — пустынные и дикие горы Куньлуна, этого «белоснежного скалистого хребта» туземцев, и наконец, мертвые каменистые пустыни северо-западного Тибета — такова панорама нашего пути. <...> Центральная Азия представляет тем не менее страну величественных контрастов рельефа земной поверхности. Неизменно гигантские снеговые хребты Куньлуна, протягивающиеся на тысячи верст, высокое нагорье Тибета и обширная равнина Кашгарии представляются сочетанием замечательных типов рельефа земной поверхности. Только обширные работы картографа дают возможность объять одним взором сочетание этих типов, только эти работы дают нам представление о действительном разнообразии рельефа исследованной нами части Центральной Азии ...»*

*Дальневосточные
окраины России*

Итоги поистине героических экспедиции Богдановича 1895–1898 и 1890 гг. Как их результаты описывает Резанов и как — сам Богданович, у которого на Камчатке тяжело заболела жена, ухаживавшая за больными (и, видимо, от них и заразившаяся) [56, с. 52–53].

Охотско-Камчатская и Чукотская экспедиции К. И. Богдановича явились важным этапом в изучении геологического строения дальневосточных окраин России. Впервые обширные пространства побережья Тихого океана были охвачены планомерными маршрутными исследованиями. К. И. Богданович дал описание геологического строения Чукотки, Камчатки, западного побережья Охотского моря, Ляодунского полуострова. Многие геологические представления, сформулированные им 75 лет назад, не потеряли своего значения и в настоящее время. Они развиваются и дополняются современными геологическими изысканиями. Здесь в первую очередь надо сказать о его теоретических воззрениях на происхождение вулканов Камчатки, времени образования Охотско-Чукотского вулканического пояса, происхождения впадины Охотского моря. Имя К. И. Богдановича можно встретить в любой сводке по геологии Дальнего Востока. Зоркий глаз Карла Ивановича уже тогда, на заре русской геологической науки, умел разглядеть многие важнейшие черты этой разной по геологическому строению территории, простирающейся на тысячи километров.

Вернувшись в Петербург из своего дальневосточного путешествия, Богданович писал: «*Нам пришлось иметь дело с угрюмой природой и неприветливым климатом, с долгой холодной зимой, коротким летом и бурными весной и осенью, нам пришлось приспособляться ко всяким невздам, проведя более половины времени из трех лет под открытым небом, а остальное время в условиях хотя и оседлой жизни, но способной ужаснуть культурного европейца. Отрадной*

стороной нашей жизни было лишь знакомство с инородцами и русскими побережий Охотского моря. Кочевые тунгусы Удского и Охотского края, оседлые казаки и крестьяне Удска, оседлые камчадалы Камчатки, и кочевые ламуты и коряки вызывают у меня самые лучшие воспоминания. Эти люди, одаренные лучшими задатками духовной жизни благодаря своему тесному единению с природой... Трогательное прощание с нами жителей Чумикана и Аяна и огромная заботливость жителей Камчатки во время постигших лично меня там несчастий убедили нас, что я достиг того, что жители не относили нас ни к одной из двух только известных им категорий людей высшего порядка — ни к чиновникам, ни к купцам. Присутствие женщины в экспедиции производило на жителей неизгладимое впечатление, и сразу ставило нас обоюдно в чисто человеческие отношения».*

*Богданович
в концлагере*

В. А. Друянов, талантливый биограф Владимира Обручева, сообщает скудные сведения о последних днях Карла Богдановича [26, с. 156].

Вскоре Обручев узнает, что его институтский друг, впоследствии известный геолог, профессор Петербургского горного института, директор Геолкома Карл Иванович Богданович всю оккупацию Польши провел в концлагере, выжил и после освобождения страны возглавил геологическую службу Польской Республики. Жив еще один человек, который помнит его студентом, женихом, молодым геологом, который встречал его после долгих отлучек в Китай, Сибирь, с которым они вместе мужали как ученые и вместе поднимали на более высокие ступени зрелости науки о Земле. К. Богданович был известным исследователем Центральной Азии и Тибета, знатоком геологии Европейской России, Кавказа, многих районов Сибири, изучал Камчатку...

Но через два года умирает и К. И. Богданович, и теперь, наверное, никто не напомнит Обручеву молодые годы, никто не расскажет окружающим, что старейшина советских геологов бывал влюблен и весел, отчаянно здоров, выносив в путешествиях.

1.1.3. Александр Чернов

Экспедиция в верховья Вычегды в 1929 г. • Черновские женщины •
Чернов на обнажении

*Экспедиция
в верховья Вычегды
в 1929 г.*

О том, как она собиралась в Москве, вспоминал тогдашний школьник А. С. Соколов — в будущем крупнейший знаток фосфоритов. Наша Яренга была тогда совершенно необитаемой... [5, с. 222–223].

Возвращаясь к захватывающим нас, юношей, рассказам Александра Александровича, нельзя не сказать, что именно они пробуждали в нас стремление самим отправиться в геологические экспедиции, путешествия, пристрастили нас к природоведению, к геологии. А год или два спустя после этих встреч с Александром Александровичем перед моими родителями встал житейский вопрос: куда пристроить меня на трехмесячные летние каникулы, чтобы они прошли не в футбольных баталиях, чем тогда мы очень увлекались, а с определенной пользой для умственного развития. И было решено просить Александра Александровича пристроить меня на полевые геологические работы. Отец с ним созвонился, и в начале июня 1929 г. мы направились в Мерзляковский переулок, где он жил на втором эта-

* вероятно, речь идет о болезни жены (Примечание И. А. Резанова).

же, занимая одну или две комнаты в большой квартире, кажется, принадлежавшей В. А. Варсанофьевой.

В рабочем кабинете мы застали Александра Александровича за разборкой и изучением образцов и фауны, которыми был завален весь письменный стол. Очень доброжелательно встретив нас, благоприятно оценив мои физические данные, он сказал, что направит меня в один из отрядов его геологической экспедиции, ведущей работы в области Коми. Он познакомил меня с начальником отряда, и вопрос был решен. Оставалось только еще получить «добро» в Представительстве Коми при Президиуме ВЦИК.

Мы там побывали, получили напутствие и начали подготовку провианта и снаряжения. В Москве, как помнится, только что были введены карточки на хлеб. Начальник нашего отряда жила в студенческом общежитии. Студенты питались в столовой, и потому нам удалось собрать 30–40 карточек, закупить по ним хлеб и насушить два мешка сухарей. Заготовив все снаряжение, в конце июня мы отправились в путь и добрались до г. Яренска на р. Вычегде, в которую здесь впадает р. Яренга. В задачу отряда входило геологическое обследование ее бассейна. Это была глухая тайга без селений, дорог и даже троп. Маршруты шли по реке и ее притокам, и за все время мы не встретили ни одного человека.

Черновские женщины

Как коми жители Троицка-Печорска недоумевали по поводу кадрового состава отряда А. А. Чернова, собиравшегося подниматься по Илычу — ведь женщины с илычскими охотниками никогда не ездили [5, с. 62]. Но времена меняются... В 1970 г. охотник Василий Кузнецов, которого мы встретили в верховьях Илыча, рассказывал нам, как однажды они подняли сюда своих баб из Троицка, чтобы показать им «природу». Конечно, бывая на окрестных болотах за морошкой и клюквой, а в тайге — за черникой и брусникой, они «природу» видели, но так далеко в необитаемые дебри никогда не забирались...

В с. Троицко-Печорском мы без труда наняли большую лодку и рабочих. У нее не было крыши, но она вместила и наш багаж, и нас самих вместе с рабочими. Состав нашей экспедиции ввел жителей в некоторое недоумение. То, что мы едем искать минеральное сырье, было понятно, и нам говорили о разных полезных ископаемых, особенно о свинцовых рудах. Но что поисками их могут заниматься женщины, это было подозрительно. Указывая на самую молодую спутницу, они спрашивали: «А она тоже знает?» Приходилось говорить, что она тоже знает. Раздавались и трезвые голоса о том, что Москва едва ли отпустила бы такие средства, если бы экспедиция была пустым развлечением.

Нам беспрепятственно удалось подняться по Илычу, описывать его берега, осмотреть месторождение свинцовых руд и сделать пешеходные экскурсии в водораздельную область Урала.

Чернов на обнажении

Как Александр Чернов приучал коллекторов не трепаться на обнажении — чтобы не отвлекать геолога от работы. Золотое правило! Рассказывает Георгий Чернов [5, с. 186].

Мне как практиканту на первых порах отец поручал поиски окаменелых остатков флоры и фауны. После соответствующей палеонтологической апробации, проведенной Марией Ивановной [это Шульга-Нестеренко — Я.Ю.], я должен был завернуть образец в бумагу и не

забыть при этом положить этикетку. Мне показалось это занятие очень скучным. Помню, как отец отпарировал первый заданный мной вопрос: «Раз ты решил быть геологом, на все вопросы получишь ответ из учебников и на лекциях». Я в недоумении раскрыл глаза, но на помощь пришла Мария Ивановна. Она объяснила, что не следует отвлекать внимание А. А. на несущественные вопросы. «Осмотр и описание обнажения требуют большого внимания и сосредоточенности, к нему уже не вернешься второй раз», — сказала она. С тех пор я стал выполнять то, что поручено, наблюдать и молча набираться ума.

1.1.4. Вера Варсанофьева

Курсистка-красавица • Впервые на Тимане • Берлога в качестве обнажения • Домой — вплавь налегке • Многодневный маршрут на Печорский Урал • Её все радовало...

Курсистка-красавица

Наша выдающаяся палеонтологиня Мария Ивановна Шульга-Нестеренко (вторая жена Александра Чернова), вспоминает о том, как она впервые увидела Варсанофьеву. Об этом рассказывает академик Е. Е. Милановский [39, с. 257–258]. Вот такой была эта генеральская дочка в 1913–1915 гг. Только вот насчет «носа французенки» я (Я.Ю.) позволю себе усомниться, хотя все советские биографы В. А. Варсанофьевой именуют ее мать Юлию Львовну «французенкой»¹).

Как выглядела Вера Александровна в годы своей молодости в 1913–1915 гг. и какое она производила впечатление на общавшихся с ней людей, мы узнаем из воспоминаний Марии Ивановны Шульги-Нестеренко, в те годы студентки Высших женских курсов, которая впервые увидела Веру Александровну на лекции по минералогии: «Такой исключительной, оригинальной красоты я, кажется, не встречала в своей жизни. Поразительно выделялось ее лицо среди однообразных лиц курсисток. Каждая черта останавливала взгляд — очень черные блестящие волосы, густые короткие оригинальной формы брови, глаза-звезды и нежный детский рот, немного бледный. Когда она поворачивалась в профиль, я могла разглядеть ее нос с горбинкой, немного притупленный на конце. Нос французенки, но никак не русской. Вся головка такая, какой рисовались мне те волшебницы, которых сжигали в Средние века...»

Впервые на Тимане

История тиманской экспедиции Чернова 1917 г. (на средства Рябушинского) дает необходимый справочный материал к поэтичным «Очеркам Тимана» Веры Варсанофьевой (1922). Эти важные технические данные, приведены сыктывкарским палеонтологом Николаем Калашниковым [5, с. 214]. Извлечения из замечательных «Очерков Тимана» читатель может найти в главе 5 — «Лирика геологов».

Основная база экспедиции находилась на р. Рудянке, в «Рудных заводах», куда возвращались отряды после маршрутов. Проводниками были ненец из д. Ортинской Андрей Выучейский, старик усть-цилем Хатанзейский и русский по имени Киприян с р. Пижмы. На разведочной площади (р. Рудянке) работали местные и нанятые рабочие, которыми руководил Леонтий Константинович Чертополохов.

¹ Вероятно, французская еврейка?

О лодочных маршрутах красочно написала в 1922 г. В. А. Варсанофьева в «Очерках Тимана», опубликованных в журнале «Землеведение». Она с двумя проводниками провела исследования нижнего течения р. Косьмы, левого притока Цильмы и двух впадающих в нее речек — Песчанки и Кузнечихи, а также притоков верхнего течения р. Цильмы и водораздела между рр. Цильмой и Мылой.

*Берлога в качестве
обнажения*

Это — из «Очерков Тимана» 13, с. 59].

Мы старались держаться окраины болота, проходя, где возможно, по опушке лесов. Пересекая один из перелесков, мы увидели берлогу, которую медведь начал было рыть у подножия высокой ели, и бросил, встретивши под почвой твердые порфириды, которые пришлось ему не по вкусу. Это случайное обнажение указало нам на участие изверженных девонских пород в строении той возвышенности, на которой раскинулось водораздельное болото.

*Домой — вплавь
налегке*

Варсанофьева в 1917 году на тиманской Кузнечихе проделывала тот же трюк, что и я (Я.Ю.) на Лене — в 1963 году... [13, с. 29].

Утром, перед тем как пуститься в обратный путь [от устья Кузнечихи дальше вниз по Косме — Я.Ю.], я пошла к устью Кузнечихи и решила выкупаться в ее бурных, быстрых водах. Я далеко заходила вверх по реке, а затем стремительно плыла, или скорее неслась, с полверсты вниз по течению мимо зеленоватых обрывов песчаника и высоких лиственниц и елей. Было совершенно особенное наслаждение в этом купанье, и так приятно было плыть в бурной, холодной воде под безоблачным небом и теплым солнцем.

*Многодневный
маршрут
на Печорский Урал*

Результаты этого кругового маршрута на Сотчем-ёль-из (они захватили маршрутом и часть Нерим-Чугры, где встретили гнейсы, кварциты и кварцево-серицитовые сланцы) — более чем убедительны.

Варсанофьева описывает их уже с использованием изучения шлифов. Заметим, что эти материалы, извлеченные из полевого дневника Варсанофьевой, были впервые опубликованы академиком Н. П. Юшкиным — в сборнике, посвященном её 90-летию [15, с. 96].

В результате проведенных трехдневных маршрутных исследований Сотчем-иоль-иза и двух сопков Нерим-чугры намечается следующая предварительная картина:

I. Основная порода, слагающая массив Сотчем-иоль-иза, — по-видимому, габбро, претерпевшее существенную метаморфизацию, причем в части образцов сохранилась массивная структура, есть остатки первичных пироксенов, частью сохранились плагиоклазы, еще присутствует первичная роговая обманка, видны остатки первичных моноклинических пироксенов [не заметила, что о пироксенах написала дважды? — Я.Ю.], много ясных альбитовых двойников плагиоклаза, но много и вторичных минералов. По плагиоклазам — вторичный эпидот, альбит, биотит, резкая уралитизация пироксенов с замещением их зеленой роговой обманкой, образование хлорита и т. п. Можно полагать, что габбро было основное (например, очень большое содержание клиноцоизита) [современный геолог уже не очень понимает, что значит «основное габбро»; возможно, имелось в виду кальциевая порода вроде анортозита? — Я.Ю.]. Часто

много руды. [Очевидно, что ни аншлифы, ни другие методы изучения рудных минералов не применялись, чтобы хотя бы отличить в «руде» ильменит от магнетита — Я.Ю.]

Кроме этой группы пород имеются более глубоко метаморфизованные основные породы, превращенные в зеленые сланцы: актинолитовые сланцы, амфиболиты, альбитово-эпидотовые амфиболиты, эпидотовые амфиболиты и др.

Может быть следует поставить вопрос о том, являются ли все эти породы продуктом различной степени метаморфизации разновозрастной интрузии или же более метаморфизованная группа зеленых сланцев более древняя, габбровая магма была интродуцирована в нее в более позднее время, и поэтому порода этой второй интрузии несколько менее метаморфизована. Такой вопрос может быть поставлен в связи с тем, что в одном из образцов (№ 63 из осыпей восточного склона) можно наблюдать две основные породы различной степени метаморфизации. Первая нацело метаморфизована, состоит из зеленой роговой обманки, полностью заместившей пироксены, из эпидота и серицита, полностью заменивших полевые шпаты. Вторая порода слагается из совершенно свежих основных плагиоклазов и столь же свежих призматических пироксенов, причем эта свежая порода в части шлифа смешана с первой, глубоко измененной [своим орлиным взором она — фактически на бегу — углядела и подняла из осыпи кусок породы прямо с контакта! Но такие «случайные» счастливые находки свойственны только тем, кто того заслуживает! — Я.Ю.]

Кроме того, можно отметить в массиве Сотчем-иоль-иза участки, где как будто преобладают глубоко измененные сланцы, как на восточном склоне, и участки, где основной материал осыпей составляют менее метаморфизованные не рассланцованные габбро.

II. В основных породах, слагающих массив Сотчем-иоль-иза, встречаются кислые магматические породы гранитной магмы, большей частью жильные (кварцевый порфир, пегматит, аплит), частью представляющие граниты с порфириковой структурой и двумя поколениями минералов, и плагиоклазовые граниты, тоже, вероятно, жильные, а также другие разновидности гранитов, несущие следы сильного пневматолитического воздействия или плавления осадочных пород — глиноземистых (шлиф 32 с главной вершины) или кварцитовых. Гранитные породы моложе основных, что можно наблюдать в шлифах, где жилка гранита проходит в более основной породе (шлиф 25 с плато главной вершины и шлиф 38 оттуда же)

III. По-видимому в небольшом количестве встречаются слюдяные диориты (вторая порода шлифа 25-го и некоторые другие).

IV. Интрузивные и жильные породы Сотчем-иоль-иза внедрились и проникли в кварцевые осадочные породы, в небольшом количестве встречающиеся в осыпях по всему массиву и слагающие примыкающую к нему с запада Нерим-чугру. Среди них можно различить более метаморфизованные, превращенные в серицито-кварцитовые, иногда сильно смятые и богатые слюдой сланцы и мало измененные кварцитовидные песчаники, в которых различаются округлые песчинки.

Её все радовало...

В многодневном маршруте в предгорья Печорского Урала, Вере Варсановьевой всё было нипочем!

Ее радовали и габбро-диабазы, и ледяная вода ручья (в котором она купалась) и изложение по вечерам «Дочери Монтесумы» своим коми-спутникам, и насколько не печалили ни проливной дождь, ни холодная ночевка... [15, с. 94]. «Из» (коми) — камень, вершина.

Во время обеда под развесистым кедром, несколько спасающим от продолжающего лить дождя, обсуждаем создавшееся положение и решаем не идти дальше сегодня в обход север-

ного склона. Лучше не спеша организовать здесь, где всегда есть вода, хороший ночлег с берестяным балаганом и сухими дровами. Это работа немалая. Пока Петр и Василий занимаются подготовкой ночлега, я осматриваю ближайшие осыпи и глыбы в ручье.

Когда меня позвали к месту ночлега, я увидела лучший дом, о котором можно мечтать на изах в непогоду. Под пушистым густым кедром была налажена широкая, покатая берестяная крыша на столбах. Под нею получилось уютное, сухое и обширное помещение. Был свален целый сухой кедр, и вскоре перед нашим домом запылал такой жаркий костер, что пришлось отступить в самые дальние углы нашего жилища. Василий навалил за костром габбро-диабазовых глыб, и весь жар шел к нам. До чего приятно и радостно было ощущение тепла, сухости и укрытости от непогоды, когда кругом, за чертою нашего огня, стоял туман, холодные облака покрывали вершины гор, и дождь барабанил по прочной берестяной крыше. Согревшись и обсушившись, мои спутники просят закончить рассказ о дочери Монтезумы. Они с увлечением слушают, я — с неменьшим увлечением рассказываю. Напившись чаю, засыпаем как убитые, так крепко и сладко, как нигде. [Подозреваю, однако, что спальных мешков они в далекий горный маршрут не брали... — Я.Ю.]. Часов в 5 сквозь сон слышала я шум последнего проливного дождя.

30/VIII. Окончательно проснулись только в 7 часов! Бегут низкие, рыхлые облака с просветами синего неба и солнца. Дождя нет. В 9 часов покидаем свое прекрасное жилище. Я ходила купаться в ледяной поток, вздувшийся от дождей. Руки не терпят — так холодна вода. Но я смело погружаюсь в маленькую ванну и выхожу бодрая, свежая, точно окунувшись в источник вечной юности.

1.1.5. Константин Войновский

Биографы Константина Войновского-Кригера рассказывают, как он работал на Полярном Урале — цитируя отрывок из его воспоминаний [37, с. 88—89].

На Севере летом много дождливых дней. Поэтому хорошие дни нужно использовать полностью. Приходилось бороться за каждый лишний час работы. Я старался как можно раньше выезжать в маршрут. Просыпался всегда раньше всех, будил повара, который разжигал костер и начинал готовить завтрак, а я в это время, сидя под пологом, защищавшим от комаров, записывал свои соображения об итогах работы, сделанной за предыдущий день.

В одно из лет я брал с собой радиоприемник «Родина» и батареи к нему. Однако уже на следующий год я отказался от приемника. Конечно, приятно было вечером послушать известия и музыку, находясь далеко от людей в девственных лесах и тундрах Урала. Но приемник и батареи занимали целую вьючную лошадь, а главное — молодые работники партии вечером долго слушали музыку, их трудно было поднимать на работу.

Во второй половине лета дни стали короче, и работу приходилось кончать раньше. Для удлинения рабочего дня нужно было еще раньше вставать. Чтобы не пугать ребят, я пошел на хитрость. Часы были только у меня, и вот я стал их постепенно переводить вперед, никому ничего не говоря. К осени часы у меня «ушли» на целых три часа вперед. Ребята, конечно, были бы очень удивлены, если бы узнали, что вставали они в два часа ночи, а ложились спать в шесть часов вечера. Зато мы могли использовать для работы все светлое время суток.

Для увеличения времени на геологические маршруты все работы по заворачиванию образцов, вычерчиванию карт, починке одежды, обуви и сбруи были переведены на дождливые дни.

Очень мучили всех нас комары и мошки. Вся работа шла в накомарниках. В палатках можно было жить, только находясь под пологом из марли. Такие пологи висели над каждым спальным мешком. Так как при влезании под такой мешок в него спешили забраться и кома-

ры, то каждый раз жизнь под пологом начиналась с того, что нужно было перебить всех комаров, попавших под полог. Мы хорошо научились ловить их одним взмахом руки.

В некоторые годы мы брали с собой на лето какую-либо собачку. Ее присутствие в партии всегда доставляло много удовольствия. Я помню одну веселую дворняжку, которая очень смешно ловила полевых мышей-леммингов. Чтобы увидеть, куда скрылся лемминг в высокой траве, наш Дружок (так звали собачку) научился высоко подпрыгивать, вертикально вверх, сразу всеми четырьмя ногами, что было очень забавно. Мы научили Дружка есть сладкую голубику прямо с куста. Он пасся на голубике рядом с нами. Очень забавно было наблюдать, как, нагнув голову на бок, он брал в рот ветку и протягивал ее сквозь зубы так, что все ягоды оставались у него во рту.

Вот так я работал на Полярном Урале. Бывало трудно. Бывало голодно и холодно. Изрядно уставали. Тяжело было месяцами не знать, что делается на свете, что делается дома.

Но все это искупалось общением с природой, чудным сном под шум горной реки, утренним умыванием в студеной воде. А главное — интересными маршрутами, открытиями и находками, ставившими нас перед увлекательными научными задачами и трудно поддающимися решению и головоломками.

Что может быть лучше любимой работы! Мы были счастливы каждодневным ощущением хорошо проведенного полновесного дня, наполненного бодрым физическим и умственным трудом.

1.1.6. Михаил Ермолаев

Вещи, которые теперь представляются просто фантастическими, неправдоподобными! Как один (!) Михаил Ермолаев, которому тогда было 20 лет, высаженный 8 августа 1925 г. на побережье Чешской губы (Северный Тиман), за 4 дня произвел топографическую и геологическую съемку. А назывался он в отчете Чешской экспедиции торжественно: «Чешской береговой геологической партией» (!). Вот что, по свидетельству архангельского геофизика и журналиста Миши Данилова, было написано в отчете Е. К. Суворова, начальника экспедиции [24, с. 18].

За время пребывания на берегу М. М. Ермолаевым произведена съемка береговой полосы шириной в два километра на протяжении 30 километров от косы реки Васькиной до брода реки Черной. Помимо составления плана этой местности изучен петрографический и геологический характер побережья, представляющего совершенно исключительный интерес как один из районов щелочных изверженных пород. Добыты новые сведения об углях на Северном Тимане. На основании съемки М. М. Ермолаева оказалось, что мыс Бармин обращен почти к северу, тогда как самым западным выступом является соседний мыс Румяничный, который, как видно, и следует считать началом Чешской губы и его воротами, вместо общепринятого мыса Бармин. Съемками районов мыса Бармина и мыса Микулкина обнаружены (М. М. Ермолаевым) заметные неправильности существующих карт, каковые и исправлены... Несомненным практическим результатом Чешской экспедиции явилось оживление интереса к этому глухому уголку нашего отечества.

1.1.7. Леонид Громов

Чукотский геолог Иосиф Тибилев на одном совещании под Ленинградом оказался вместе с геологом Вадимом Алискеровым в одном номере с легендар-

ным Громовым — исследователем острова Врангеля, доктором наук из института экономики минерального сырья (ВИЭМС) [60, с. 119—121].

В ходе застольных разговоров выяснилось, что сосед Вадима доктор наук, что он ведет в институте несколько тем, в том числе и одну экзотическую. Собирает «увековеченные» имена. Имена геологов, присвоенные горным комбинатам, поселкам, улицам, пионерским дружинам и т.п. Оказалось, что о существовании улицы Обручева в Певеке сосед знает, а о недавнем появлении здесь еще двух геологических улиц понятия не имеет. Ни об улице Н.И. Чемоданова (начальник Чаунского РайГРУ и лауреат Ленинской премии за открытие россыпей золота на Чукотке), ни об улице О. Куваева (геофизика Чаунского РайГРУ и известного писателя). Неизвестно было соседу и о существовании в горнодобывающем поселке Валькумей центральной улицы, носящей имя М.И. Рохлина, одного из первооткрывателей Валькумейского месторождения олова. После получения таких новых существенных данных и немедленной их регистрации в записной книжке сосед сильно оживился. Приподнялся на кровати повыше и начал соблазнять Алискерова. Предлагая ему плюнуть на нескончаемую текучку в институте и махнуть летом на Чукотку посетить поселок Билибино, потом поселок Алискерово (тут выяснилось, что Вадим никогда не был в этом поселке, что было дружно отнесено к непоправимому уровню позору), потом посетить Певек и Валькумей с их геологическими улицами. А потом — гулять так гулять — махнуть на остров Врангеля. И тут сосед — без всякой паузы — добавляет, что побывать на острове Врангеля будет особенно интересно. Потому как он составил первую схему геологического строения этого острова.

До этого места соседа Вадима я слушал спокойно. Более того, даже с интересом, примериваясь, как бы мне присоседиться к этому путешествию. Но пассаж соседа о том, что он каким-то образом причастен к составлению первой схемы геологического строения острова Врангеля, меня мгновенно вывел из равновесия. Это было слишком нахальным враньем. Первая схема геологического строения острова Врангеля была составлена пятьдесят лет тому назад. В крайне далеком 1931 году. И составил ее геолог Ленинградского Арктического института по фамилии Громов. Что является совершенно неоспоримым фактом. Который мне очень хорошо известен — как автору проекта на несостоявшуюся съемку острова. По этой причине слушать, как какой-то самозванец пытается присвоить заслуги человека, которого уже давно нет на земле, было просто невыносимо. Тем более, что к этому времени выпито было уже прилично, и холодной головы, которая могла бы дать команду плюнуть на незнакомое самозванца, у меня уже не было. Поэтому я надулся и сказал, что, конечно же, прошу прощения у человека, который много старше меня, но дело в том, что первая схема на острове была сделана очень давно. В 1931 году. Последняя моя фраза в ответе, полная скрытого сарказма, как я полагал, звучала дословно так:

— *И знайте, пожалуйста, что сделал эту схему Громов.*

Пойманный мною с поличным сосед Игоря неожиданно улыбнулся и сказал:

— *Спасибо, я знаю. Я и есть Громов.*

Для меня это его признание прозвучало столь же фантастично, как если бы он сказал, что он и есть Ломоносов. Или, скажем, Менделеев. Но он сказал, что он Громов. А Вадим Алискеров совершенно спокойно подтвердил этот факт.

1.1.8. Борис Вронский

Начало колымских экспедиций • Зимовка на Колыме • «Постолы» колымских первопроходцев • Обычный день колымского геолога • Будни геолога на Колыме

Начало Колымских экспедиций

Это подъем от бухты Нагаева по долине Олы — к Охотско-Колымскому водоразделу в июле 1931 г., где они должны были свалиться в приток Колымы — Бахапчу, и далее по ней сплывать [17, с. 42].

Путь до места сплава не баловал нас. Это была унылая, однообразная дорога по узкой тропе среди болотистых просторов, тяжелая, выматывающая силы. Чахлые лиственницы, топкий моховой покров, одуряющий запах багульника и комары, комары, комары. Обстановка резко менялась, когда мы подходили к берегу реки (Олы — Я.Ю.). Здесь расстились чудесные тополевыи роши, в изобилии росли шиповник, красная и черная смородина, костяника и жимолость, а на сырой земле здесь и там отчетливо виднелись отпечатки когтистых медвежьих лап, на которые мы взирали с почтительным любопытством.

Карты у нас не было, и мы шли, полностью полагаясь на проводников. Названия многочисленных ключей и речек, чуждые нашему уху, ничего нам не говорили, и мы очень смутно представляли себе, где находимся.

Постепенно поднимаясь вверх по долине Олы, мы свернули в один из притоков и стали приближаться к Охотско-Колымскому водоразделу.

Зимовка на Колыме

Она была организована на высоком правом берегу Колымы, в 1.5 км выше устья Среднекана (а на устье была база Цветметзолота, с которым билибинские геологи не очень-то ладили). Здесь они, причалив 27 сентября, занялись строительством себе домиков для зимовки. Разоблачение Джека Лондона [17, с. 49—51].

К 10 октября Колыма стала. Снега еще не было, но морозы доходили до 25—30 градусов.
<...>

Развлекались мы как могли. Много читали, часто коллективно, вслух. Хотя книг у нас было мало, но зато все любимые, привезенные с собой, несмотря на трудности пути. Были здесь «Двенадцать стульев» Ильфа и Петрова, немало произведений Джека Лондона, в основном касающихся жизни на Аляске, были и классики.

Однажды Джек Лондон был «разоблачен». Это произошло в конце декабря, когда мы переместились на устье Среднекана (этого потребовало их новое начальство — Я.Ю.). В это время стояли свирепые морозы. Столбик термометра опустился до цифры 61. Как-то утром в барак, приплясывая и потирая руки, вбежал коллектор Волька Добролюбов.

— *Вы знаете,* — радостно закричал он, — *я разоблачил Джека!*

— *Какого Джека?*

— *Ну, Джека Лондона, американского писателя.*

И Волька с торжеством вытащил из кармана потрепанную книжку.

— *Вот слушайте.* — Он быстро перелистал страницы. — *«... Смок плюнул в воздух. Через секунду раздался звон упавшей льдинки... Сейчас, должно быть, не меньше семидесяти или семидесяти пяти. Я чувствую, что отморозила себе щеки». Поняли? Так вот, я сейчас весь исплевался,*

стараясь услышать «звон упавшей льдинки». Черта с два, слюна не успевает замерзнуть на лету даже при таком морозе.

— В книжке ведь сказано, что мороз был семьдесят или семьдесят пять градусов, — робко заметил кто-то.

— Так это по Фаренгейту, — поучительно произнес Волька. — У меня все вычислено. Семьдесят градусов по Фаренгейту равняются 56.7 градусов Цельсия, а семьдесят пять — 59.4, а у нас сейчас 61.

— Пойдем проверим. — И мы веселой гурьбой высыпали из барака. Тщетно оплеывали мы окрестности во всех направлениях — слюна упорно не хотела замерзать в воздухе. Даже самый маленький, плюгавенький плевочек успевал в полужидком виде долететь до земли. А между прочим, льдинка-плевоч с легкой руки Джека Лондона прочно вошла в арсенал северной экзотики и частенько фигурирует в произведениях авторов, пишущих о севере.

«Постолы»
колымских
первопроходцев

Это 1932 год. Вронский уступил уговорам начальства (которому на вес золота были нужны опытные полевики билибинской школы) и остался после окончания 1.5 летнего договора — ещё на год, так и не вернувшись к семье в Москву. Вот его записки из дневника 1932 г. [17, с. 80–82].

26 июля

С одеждой у нас дело обстоит катастрофически плохо. Я, например, одет так: на мне асимметричные брезентовые брюки — их по примеру известного Тришки пришлось чинить за счет укорачивания одной штанины. Эти брезентовые брюки составляют самую прочную основу моего гардероба. Правда, комариное жало пронзает их с такой же легкостью, как игла кусок масла, но всё же это защита. Под ними к телу прилегает «лоскутная империя» кальсон, которые, несмотря на систематическую починку, упорно рвутся, причем каждый раз на новом месте. К счастью, дырявые участки кальсон и брюк не совпадают, так что кое-как существовать можно.

В брюки наглухо засунута нижняя рубашка — краса и гордость моего гардероба — добротная, без единого изъяна <...>.

Поверх нижней рубашки надета плотная черная рубашка, которая со временем становится все менее и менее проницаемой для комариных жал. Трупы убиенных комаров покрыли ее своеобразной броней, о которую ломаются комариные жала. Стирать рубашку я опасаясь, ибо, лишенная этой брони, она потеряет значительную часть своих защитных свойств.

Теперь перейдем к обуви. Совсем недавно на ногах красовались опорки от ичиг, перевязанные веревочками, но они окончательно выбыли из строя. Вместо них на ногах появились купленные на Оротуке торбаза из коровьей кожи — «иннях-этербес». Они уже чинены-перечинены, но пока еще кое-как держатся. Основное свойство их помимо прочих качеств, присущих каждой дырявой обуви, — это способность изменять объем. Сделанные из сыромятной кожи, они на влажной почве немедленно размокают, увеличиваются в объеме, и ноги болтаются в них, как в мешке. Зато подсохнув, они стягивают ногу не хуже «испанских сапог», применявшихся членами святой инквизиции для получения от своих жертв нужных признаний. Обломочный материал, начиная от песка и кончая галькой среднего размера, свободно попадает в них через многочисленные дыры, так что, вернувшись из маршрута и сняв «иннях-этербес», можно отчетливо проследить все изменения горных пород на нашем пути. Несмотря на это, ходить в них все же несколько удобнее, чем босиком.

Наша обувь окончательно развалилась, и мы решили сделать из нее «постолы». Изготовление «постолов» весьма несложно: отрезаются голенища, в них прорезывается шесть дырочек, через которые пропускается бечевка. На распластанное голенище ставится нога, бечевка затягивается, и «постол» прочно сидит на ноге. В этой «апостольской» обуви мы отправились в далекий маршрут.

*Обычный день
колымского геолога*

Сезон всё того же 1932 года — по воспоминаниям
Бориса Вронского [17, с. 88–90].

Еще рано — только восемь часов утра. Где-то в городах и поселках люди солидно допивают чай и собираются идти «на службу» в душные помещения, где им предстоит сидеть целый день. Мы же давным-давно уже на работе. Сейчас мы остановились попить чайку около небольшой лужицы на вершине гранитного массива. Маленький чахлый кустик кедрового стланика, единственный, выросший здесь среди камней, не пережил встречи с нами, и его ветви, шипя и треща, греют воду.

День знойный. Даль окутана густой синеватой дымкой, сквозь которую просвечивают силуэты ближних гор. Назойливо звенят комары, и тяжело сопит, свесив розовый дрожащий язык, соизволивший пойти с нами Кутька.

В маршрут мы ушли в пять утра и были крайне удивлены, увидев часа через два неожиданно появившегося Кутьку. Эта маленькая бестия обладает воистину изумительным чутьем. Так же просто, как мы, идя по улице, читаем «Аптека», «Булочная», он, уткнув в землю свою смоляно-черную мордочку с блестящим, влажным, подвижным носом, на мху, на песке, на голых камнях читает незримые письма запахов: вот след Чалки, вот бурундука, вот хозяина — и мчится по следам с завидной скоростью.

<...>

... Как приятно в туманном мраке надвинувшейся ночи увидеть далекую яркую вспышку огня, особенно если ты основательно прозяб, и всё вокруг мокрешенько. С деревьев падают сочные, тяжелые капли, с кустов при каждом прикосновении к ним сыплются фейерверком холодные увесистые брызги. Весь ты промок, кажется, до подкожного слоя, но быстрая ходьба все-таки немного согревает, ровно настолько, чтобы не лязгать зубами.

Время от времени ты бросаешь в холодное безмолвное пространство дикий призывный клич и, наострив уши, прислушиваешься, не слышно ли желанного отклика. Но вокруг стоит мертвая тишина, и только эхо насмешливо бросает тебе обратно обрывки твоего истощенного вопля. Проходит долгое время, и вот наконец откуда-то издалека чуть слышным слабым отголоском слышится ответный звук — желанная весточка, что тебя услышали. Итак, связь установлена. Это первая радость, первое достижение, но они несравнимы с тем восторгом, который охватывает тебя, когда твой глаз увидит наконец яркую огненную точку. Так было и сегодня, да и только ли сегодня?

*Будни геолога
на Колыме*

Как это верно! Лучше и не скажешь, чем Вронский
[17, с. 159–161].

Дни проходили в непрерывной напряженной работе, ставшей привычной. Мы с Алексеем почти всё время находились в многодневных маршрутах.

Ох уж эти маршруты! Они слишком выматывают нас. Особенно дает себя чувствовать убийственная тяжесть геологических образцов, количество которых к концу маршрута катастрофически возрастает. И в то же время без них не обойдешься. Это геологические документы, а геология здесь сложная, документов набирается много. Для организма это дополни-

тельная нагрузка — ему и так приходится нелегко при многочасовом непрерывном движении вверх-вниз по крутым водоразделам.

Сегодня, например, за четырнадцать часов работы — с шести утра до восьми вечера — мы смогли пройти только 11–12 километров. Обычно мы за день проходим с работой 17–20 километров, но сегодняшний маршрут был особенно трудным. Нам приходилось шагать по острым гребням, покрытым глыбами и ускользающим из-под ног обломкам камней. На каждом шагу мы рисковали сломать ноги. Помимо этого сегодня в изобилии встречались дайки, а так как каждая дайка представляет большой интерес, нам приходилось задерживаться почти около каждой — описывать, замерять, брать пробу, отбивать образцы. И наконец, эта злосчастная глазомерная съемка, которая отнимает массу времени. Не верится даже, что где-то люди работают, имея добротные точные карты.

... Поздний вечер. Мы расположились на ночлег. Холодная колымская ночь, мерцающая огоньками созвездий, тихо сошла на землю. Ярко горит костер. И эту ночь, как и многие предыдущие, проведем мы вдаль от остальных, на ворохе ветвей, насланных на горячую щебенку, под тонким кровом бязевой палатки, с полевой сумкой и ичигами вместо подушки и телогрейкой в роли одеяла. По совести говоря, я устал от этих многодневных маршрутов и жажду хотя бы небольшой передышки. Хочется поспать по-человечески, раздетым, с подушкой и одеялом. Хочется как следует поужинать — не каким-то месивом, а настоящим супом или борщом, досыта, — и не из котелка, а хотя бы из миски (о тарелке я и не мечтаю). Хочется просто посидеть, пописать, отдохнуть от этого непрерывного шатания с тяжелым грузом за спиной вверх-вниз, вверх-вниз.

Я пытаюсь взглянуть на наше теперешнее существование со стороны: какое оно убогое, жалкое, но в то же время... завидное. Да, завидное.

Человеку, каким бы он ни был, необходимо общение с праматерью-природой. Эта тяга к природе, сознательно или бессознательно, живет в душе каждого из нас: прогулки, дачи, туристские походы, охота, рыбная ловля — во всем этом выражается стремление хоть ненадолго уйти от сложностей цивилизованной жизни в другую, более простую обстановку, ближе к природе. И это общение с природой, пусть даже кратковременное, неизменно дает свои плоды: делает людей более здоровыми, бодрыми, жизнерадостными, вливает в них новые силы.

Работа геолога-полевика больше, чем какая-либо другая, наполнена этим тесным общением в природой, с дикой, суровой, первобытной — такой, какой она была тысячи лет назад.

Приспособились мы к ней неплохо и физически чувствуем себя превосходно. Нас поддерживает сознание важности и полезности нашей работы, однако слишком большие порции сверхпримитивного быта все-таки заставляют мечтать хоть о каких-то благах цивилизации.

1.1.9. Николай Наковник

Первый казахстанский маршрут • Премия от начальника — кусочек сахара! •

Сломанная буссоль • Конвоир Баймуханов

Первый казахстанский маршрут

28 июля 1925 г. — первый маршрут студента-географа Николая Наковника на южной (осадочной) окраине Тагалинского гранитного массива [42, с. 83].

Снаряженный в путь, я подошел к начальнику и доложил, что готов в маршрут.

— Ну прямо настоящий Робинзон! — воскликнул он. — Давайте сниму вас на память для потомства!

И вот теперь я вглядываюсь в эту 36-летней давности пожелтевшую фотокарточку размером 6×9 и думаю: «Не Робинзон ли это?». На меня глядит, насупив брови, загорелый борода-

тый дядя, обвешанный со всех сторон экспедиционными предметами. Слева полевая сумка, справа барометр-анероид, на поясе восьмидюймовый финский нож, патронташ и компас, на груди фотоаппарат, морской бинокль, а за спиной рюкзак и короткоствольный карабин. На дяде красноармейская фуражка с переломленным надвое козырьком, залатанная гимнастерка и дырявые штаны, засунутые в рваные обрезы голенищ. В руках фотографический штатив и молоток. Не хватает только зонтика над головой да сбоку Пятницы.

Я двинулся в 30-километровый утомительный маршрут, поливаемый ослепительно-горячим светом и, помню, не ощущал своей полупудовой амуниции.

Премия от начальника — кусочек сахара!

Круговой маршрут студента-географа Наконника — в конце своего первого сезона в Казахской степи 27 августа 1925 года [42, с. 69–71].

Вчера мне выпал большой полукруговой маршрут, вознагражденный начальником по заслугам. Я вышел со стоянки перед сопкой Котур-Оба с целью охватить как можно больший участок сектора и вначале увлекся глазомерной съемкой, но чем дальше продвигался на северо-запад, тем рельеф становился сложнее, а камни интереснее. Как было не увлечься геологией!

Поднявшись на скалистый гребень, увидел выступы круто поставленных пластов древних конгломерат-песчаников, каких мы еще не встречали, каких я не видел и в геологическом музее. Галька и валуны до полусажени в поперечнике, вросшие в красноватый крупнозернистый песчаник! Стоило подробнее заняться такой редкостью. Я задержался у скалистых обнажений, набивая рюкзак обломками и досадуя, что не могу набрать крупных образцов, — хотелось показать начальнику всю пестроту и красоту структуры камня.

Потом наткнулся на ступенчатые выходы прихотливо полосатых лиловатых лав с вплавленными обломками стекла и шлака и вспомнил лекции профессора Герасимова, живо рисовавшего извержения вулканов и движение лавовых потоков.

Затем попались обнажения известняков с красивыми ракушками, которых я счел непременно долгом набрать побольше, чтобы порадовать фауну начальника, который прожужжал мне уши. *«Фауну, товарищ инженер-географ! Без фауны не возвращайтесь!»*

Когда лога закрылись тенью, до меня дошло, что пора подтягиваться к лагерю, до которого надо было шагать добрых полтора десятка верст, да еще засекаяться, определять вертикальные углы, рисовать рельеф, отбивать образцы, записывать и прочее. Почувствовалась жажда, голод и припомнилась горсть зачерствелых баурсаков, которые Джуматай положил в рюкзак.

Подкрепившись у родника, я облегчил рюкзак, выкинув десяток крупных образцов — выкинул с тяжелым сердцем. От родника потопал к югу — потопал, переломленный надвое грузом камней, перекинутым за плечи. Признаться, я не ощущал его — так свыкся с ним за долгие часы маршрута.

Сумерки сгущались, контуры сопки расплывались, перспективы искажались, и я оставил съемку.

Уже в потемках наткнулся по руслу лога на белесоватую корягу, которая оказалась, когда ее ощущал, костью лошади, а может быть, и верблюда. Не прошел и двенадцати шагов, как напоролся на другой, побольше, потом на третий, четвертый, пятый... Кто-то зашипел из-под скелета и метнулся в сторону.

Я взобрался на борт лога, перевалил в другой, широкий, и здесь услышал под ногами знакомый мягкий хруст дресвы гранитов, но напрасно задерживал шаги, вглядываясь в глущую темень, в который чуть обозначились силуэты сопки под сияющими звездами.

«А вдруг Баймуханов сбился и ушел в сторону?» — подумал я с тоской, как позади — на севере — прозвучал далекий выстрел, отдавшийся в груди бодрящим эхом.

Я ответил двумя выстрелами и, поднявшись на ближайшую вершину, увидел огонек костра. Из лога донеслись звяканье подков, ржанье Игренья, вскрикивание Баймуханова.

Оказывается, обеспокоенный начальник выслал мне навстречу конвоира с Игренем. Я отдал рюкзак приятелю и плюхнулся в седло. По дороге Баймуханов рассказал, что это горы Аюлы, что начальник наткнулся в маршруте на след свежего костра, что кончился овес, что спицы совсем порасшатались и прочее, и прочее.

За ужином, который был одновременно и обедом, я показал начальнику образцы пород, фауны, наброски снятого участка.

— Надо отдать справедливость вашему уменью быстро схватывать и рисовать рельеф, — сказал он, разглядывая красивые фестоны накрученных горизонталей, которыми я стилизовал рельеф, подражая манере рисования на полуинструментальных военно-топографических двухверстках севера района. — Если так пойдут дела, закончим съемку в 4 дня, — добавил инженер, вытаскивая из кармана куртки кусочек сахара, который сунул мне в кружку чая.

Сломанная буссоль

Они приехали на речку Кайракты — для разведки заброшенного Cu-Ag-Pb месторождения. Ехали почти месяц от Павлодара... [42, с. 29—30].

Вчера начальник осмотрел медно-серебросвинцовую залежь и приказал десятнику расчистить английский шурф и проходить новый, а мне — снимать полуинструментальный план месторождения.

Сегодня я снимал, волновался и оскандалился. Уже перед концом работы положил буссоль Шмалькальдера на землю и, зазевавшись, наступил на нее со всего размаху. Стекло рассыпалось на мелкие кусочки, а костяшка с агатовым гнездом лопнула на остром стержне. К моим промахам по дороге прибавился еще один чувствительный: выведена буссоль из строя — шутка ли!.. Меня обдало жаром, потом холодом! Я продолжал съемку с помощью горного компаса, обдумывая план и доморощенные средства реставрации прибора.

Вернувшись в лагерь, я отпилил кусочек костяной ручки зубочистки, потом взял коробку негативов, планшет, циркуль и, захватив напильник и обломок кварца, отправился под обрыв на речку. И там, вдали от пытливых глаз начальника, которые, казалось, спрашивали: «А что же вы, товарищ инженер-географ, опять устроили?» — я вырезал кварцем круглое стекло, испортив четыре негатива, обточил костяшку, выскреб гнездышко и поставил всё на место.

На первый взгляд буссоль как буссоль, но достаточно было приглядеться, как вылезли все дефекты: зазубрины по краям костяшки и стекла и подозрительно неровный ход магнитной стрелки.

Когда я в сумерках подходил к палаткам, начальник, ухмыляясь, спросил меня:

— *Снимали Кайракты? Покажите, как выглядит на плане речка!*

Конвоир Баймуханов

Джуматай и Баймуханов — казахи; первый — нанятый ими конюх, второй же — конвоир, которого им выделил начальник отряда ЧОНа в Спасском заводе, ибо то время в «киргизской степи» было беспокойным. Живописует Николай Наковник [42, с. 31].

Джуматай теоретически караулит ночью лошадей, а днем отсыпается, потому что Баймуханов сопровождает нас в маршруты. Практически же он спит и днем и ночью, за исключением часов, когда варит пищу.

— *Опять забрался под телегу! Где кони?* — слышится сердитый голос начальника.

Я одеваюсь и через широко раскрытый вход в палатку вижу обычную картину: на краю лагеря лицом к речке — на восток — семеро забойщиков совершают утренний намаз.

— *Смотри! Смотри!* — показывает Баймуханов на склоненные к земле фигуры, обращенные к нам задом. — *Какой мортирный артиллерий заимелся! Прямо целый батареи!*

Баймуханов — коммунист, религиозных обрядов не выполняет и подтрунивает над забойщиками.

Я отправляюсь за водой, а босой Баймуханов, накинув халат на плечи, присаживается около потухшего костра и начинает разводить огонь. Это одно из его любимейших занятий. Разводит сосредоточенно, методично, молча и так искусно, что костер вспыхивает от первой спички даже в сильный ветер.

Когда я возвращаюсь с речки, огонь уже пылает. Баймуханов макает тряпочку в мою коробку зубного порошка и надраивает эфес шашки. Он аккуратист и чистюля. Начищает до сияния все, что относится к оружию, и даже пустые гильзы от патронов, которых у него целая коллекция.

— *Сейчас! Сейчас!* — сердится он, сплевывая на тряпочку, когда начальник выкликает к завтраку. — *Последний грязный гильз остался.*

1.2. Работа на собаках

Архипелаг Норденшельда • Ездовые собаки на Чукотке •
Магнитометрия... на собачьих нартах

*Архипелаг
Норденшельда*

В 1957 г. (?) Юлиан Погребницкий картировал Архипелаг Норденшельда. Свидетельство Льва Махлаева [38, с. 144–146].

С Юлианом Погребницким (будущим членкором РАН) я незнаком, зато с его отцом (Е. О. Погребницким) — профессором Горного ин-та в Ленинграде, был «знаком» при нелучших для меня обстоятельствах. С большими трудами переведясь в январе 1965 г. из заочной аспирантуры геолфака МГУ в очную аспирантуру ВСЕГЕИ [369, с. 25] и сочинив вскоре диссертацию, я столкнулся со специфической «ленинградской» проблемой: дефицитом возможных оппонентов! Найти в ставшим за советские годы «провинциальным» Ленинграде доктора наук для оппонирования кандидатской диссертации по геохимии — неожиданно оказалось трудным делом! Одной из первых была кандидатура профессора Е. О. Погребницкого, у которого в 1959 г. в «Записках» Горного института была опубликована статья о германии в углях Донбасса. Когда он прочитал работу, то заявил мне, что приведенные в ней картинки — мои зарисовки деталей обнажений нижнемеловой угленосной толщи на Кангаласском мысу (левый берег Лены, в 70 км ниже Якутска) — подозрительно красивы! Вероятно, диссертант их не мог нарисовать сам, а откуда-то содрал...

Напрасно я (оскорблённый) уверял его, что это мои собственные зарисовки; но мои полевые дневники были сданы в ЯЦГСЭ в Якутске, и предъявить их профессору для доказательства я не мог. Вторая его претензия к моей диссертации была и вовсе смехотворной: он сказал, что если коэффициенты корреляции (которые я тогда честно вычислял на арифмометре «Феликс»!) — меньше 0.5, то они недостоверны. Пораженный такой неграмотностью (ведь достоверность коэф. корреляции зависит только от объема выборки; в больших выборках вполне достоверным может оказаться, например, и $r = 0.1$), я не мог сдержать своего изумления. Профессор спорить с непочтительным диссертантом не стал ... но в итоге оппонировать отказался.

Из воспоминаний Махлаева я (на старости лет) узнал, что профессор имел сына — талантливого геолога, старше меня лет на 8–9.

Самую сложную часть работы взял на себя начальник нашей экспедиции Ю. Е. Погребницкий. Он был старше большинства из нас, но совсем немного — ему тогда еще не было тридцати. В площадь одного из листов входила группа многочисленных небольших островов, расположенная недалеко от северного побережья Таймыра, — Архипелаг Норденшельда. Сведения о геологии архипелага были крайне скудны и отрывочны. Как изучать эти острова? Вертолетов тогда почти не было, первый гусеничный вездеход появился в нашей экспедиции через 2 года. Можно было ждать лета и перебираться от острова к острову на небольшом корабле типа гидрографической шхуны, но аренда такого судна привела бы к резкому удорожанию работ. Юлиан Евгеньевич выбрал красивое и смелое решение: арендовать у местных охотников-промысловиков пару собачьих упряжек и использовать их в качестве транспорта. С началом весны самолетом были доставлены в разные точки архипелага наглухо заклепанные железные бочки с продуктами и другими предметами первой необходимости, канистры с горючим для примусов... В середине мая, когда уже прочно вступил в свои права полярный день, но снег еще не таял, Юлиан со своим отрядом начал лыжную экспедицию. Они шли от острова к острову, от склада к складу, а собаки везли на нартах палатки, спальные мешки, рацию и всякий бытовой скарб. Насколько мне известно, это была последняя в истории человечества научная экспедиция на собаках. Р. Пири, Р. Амундсен, Г. Седов прошли с собаками сотни километров в Арктике и Антарктиде... Однако развитие авиации и прочей техники привело к тому, что о собаках почти забыли. В конце пятидесятых годов ими пользовались только северные охотники за пушниной, объезжая песцовые капканы и ловушки. Юлиан Евгеньевич сделал так, что собачки вновь послужили науке.

При утверждении проекта экспедиции многие члены ученого совета выступали против, утверждая, что это авантюра, ибо нет уже тех собак (порода деградировала), нет и прежних многоопытных каюров-погонщиков (одни вымерли, другие спились), белые медведи разорят продуктовые склады, а главное — у членов отряда нет личного опыта зимних лыжных переходов! Но Юлиан отстоял свой проект и блестяще реализовал его. Как раз в то время, когда мы были на Тарейской базе, его группа завершала последние маршруты. Самолет, который развозил нас по полевым точкам, должен был после окончания «заброски отрядов» вылететь на Архипелаг Норденшельда и вывезти оттуда группу Погребницкого. Позже мы узнали, что самыми тяжелыми были именно эти последние дни. Лед начал таять, поверхность льдин стала неровной, она распадалась на шестигранные кристаллы, ребра которых были остры, как сколы стекла, и до крови резали собачьи лапы. Всему отряду пришлось брать в руки иглы и из подручного материала (обрывков палаточной ткани, байковых мешочков для

образцов) шить собакам сапожки. Сапожки затягивались шнурками и оберегали лапы от порезов. В самых тяжелых местах люди ташили нарты наравне с собаками. Ледовая эпопея продолжалась 2 месяца (май и июнь), и в итоге геологическая карта архипелага была составлена. Осенью, по окончании полевого сезона, питерские газеты, радио и телевидение широко информировали всех о необычном для наших времен событии, но все же оно не привлекло должного внимания. А жаль. Юлиан Евгеньевич вполне заслуживал присуждения какого-нибудь несуществующего почетного звания — что-нибудь вроде «Последний рыцарь собачьих экспедиций». Я понимаю, что ему было легче, чем Амундсену или тому же Седову, или даже членам Толлевской экспедиции — Коломейцеву, Матисену, Вальтеру. Он знал, в отличие от них, что в случае беды ему, скорее всего, придет помощь на самолете — они не могли на это надеяться. Но все же сама работа была, как и прежде, очень тяжелой. Почти на грани физических возможностей человека. Ледовые торосы не стали глаже, а пурга, которая так часто бывает весной, не стала добрее!

Ездовые собаки на Чукотке

Вадим Сафонов рассказывает о ездовых собаках на берегу Берингова пролива [57, с. 46–48].

Ездовые эскимосские лайки, как и положено на Чукотке, — достойные обитатели нашего поселка. Никакие вездеходы и снегоходы не могут их полностью заменить. Ибо техника ломается, а горячее кончается.

В поселке две рабочие упряжки. Кроме того, здесь бродит неопределенное количество бездомных псов, среди которых «масть» держат крупные, но еще в силе, старики с клокастой от старости шерстью, шрамами на морде и рваными ушами. Это — бывшие: упряжные работяги, которым по счастливой случайности удалось избежать петли от любимого хозяина в момент «выхода на пенсию». Ведь их мясо и шкуры, согласно обычаю, идут в дело.

Как-то в соседнем поселке в начале весны я наблюдал возвращение с охоты эскимосов, добывающих нерпу на кромке льдов Берингова пролива.

С высокого берега вдаль была видна открытая вода — сильное течение не давало схватиться льдам. Полынья парила. Красно-желтое солнце, лежащее на горизонте, призрачными лучами пробивало гроздь тумана, низко ползущего к берегу. Припорошенный лед светил синевой в слабом, сумеречном освещении короткого арктического дня. Несколько упряжек быстро двигались от полыньи к поселку. Эскимосы в белых маскировочных одеждах поверх кухлянок и нерпичьих брюк. На нартах — одноместные байдары из моржовой кожи — каяки, и следом за нартами привязаны одна — две добытые нерпы. Подъем к поселку и путь до дома собаки, на удивление, преодолели на бешеной скорости. Прибытие не сопровождалось какими-то возгласами или паузами. Молча и быстро охотник принялся разделять еще не замерзшую нерпу и кормить собак. Один из охотников вернулся без добычи. Через мгновение я увидел его, ведущего на кожаной веревке крупную белую лайку. Пес шел неуверенно, слегка хромя, низко опустив голову, как это всегда делают рядовые псы в близости хозяина. Подойдя к навесу, на котором обычно хранится от собак сделанная из моржовой шкуры байдары, эскимос перекинул веревку через верхний брус и, ни секунды не задерживаясь, упершись ногой в стойку, подтянул вверх собаку. Короткий взвизг, и кормежка упряжки после трудового дня обеспечена.

Ездовые лайки никогда не лают, зато бесподобно, по-волчьи, воют. Упряжные псы любят выть перед сном, после еды, во время захода солнца, уделяя этому не менее часа. Ведь кормят их один раз в сутки — после рабочего дня: иначе не будут работать. Кормежка их представляет собой не слабое зрелище. Постоянно голодные работяги во избежание свалки кормятся хозяином привязанными к осевому постромку. Любимая пища собак —

сквашенное в ямах-колодцах моржовое и нерпичье мясо (копальхен). Мясо морских животных в сыром виде не усваивается даже желудками эскимосов; будучи вареным, теряет львиную долю полезных веществ. Скислое же, с разложившейся клетчаткой, несмотря на отвратительный запах, сохраняет в себе все полезные вещества и легко усваивается. Копальхен и сейчас еще нередко почитается эскимосами и совершенно обожается ездовыми собаками.

На кормежку хозяин-каюр обычно выходил с тазиком, полным мяса морского зверя или копальхеном. Псы начинали вести себя по-разному — кто-то повизгивал, кто-то рычал или прыгал, насколько позволяли постромки, в зависимости от возраста и характера, но абсолютно у всех начинала течь слюна. Резким точным движением хозяин кидал кусок величиной с ладонь какому-нибудь псу, тот, отвечая такой же резвостью, моментально его заглатывал. Жевать некогда, ведь хозяин может бросить второй кусок, и если у пса зубы в этот момент заняты, кусок непременно окажется в глотке соседа. После приобретения подарков псы приступают к их пережевыванию. Для это они, как волки, сначала их отрывают. Процесс этот происходит под абсолютным контролем соседа. При отрывании кусок частенько вылетает из пасти, при этом дневная пайка другого пса моментально увеличивается минимум на пятьдесят процентов.

*Магнитометрия...
на собачьих нартах*

Это Таймыр, год 1958. Вспоминает Лев Махлаев [38, с. 170—171].

Итак, все работы по благоустройству были выполнены, но земля еще была под снегом, который, казалось, и не думал таять. Вот тут-то и пригодились собаки: нам предстояло выполнить маршрутные магнитометрические исследования. На каждой нарте размещался каюр и геофизик с магнитометром. На одной из нарт ехал я, чтобы выполнять попутно геологические наблюдения. Главной проблемой было измерение расстояний. Магнитометрические измерения предстояло делать через каждые 100 или 250 м, в зависимости от избранной детальности. Но как же их отмерить? Оказалось, что эту задачу давно уже решил Н. Н. Урванцев в годы своей работы на Северной Земле. К нартам крепилось сзади велосипедное колесо. Колесо катилось по заснеженной тундре, а велосипедный спидометр отсчитывал метры пройденного пути! Каюр смотрел вперед, а геофизик смотрел на показания счетчика: как только намеченное расстояние было пройдено, он дергал шнур, привязанный к локтю каюра, и тот останавливал упряжку. Геофизик соскакивал с саней, быстро ставил треногу, снимал замер, и мы ехали дальше.

1.3. Эпизоды чукотского картирования

Конь и трепетная лань • От бочки к бочке • Зависть к академическим коллегам •
Групповая съемка 1:200 000 • Начальник и рабочие

Как и везде в Советском Союзе, основным видом чукотского геологического картирования была съемка м-ба 1:200 000. Что касается более детальной съемки м-ба 1:50 000, то она выполнялась только на перспективных площадях, обычно в окрестностях уже открытых месторождений.

*Конь и трепетная
лань*

Что такое 1:200 000 съемка на Чукотке — по описанию геолога Иосифа Тибилова [60, с. 64].

Желанные мною двухсотки — это далеко не сахар. Это огромные территории, которые должны быть исхожены и опоискованы. Находятся они у черта на рогах. Транспорт — для организации исхоживания и опоискования этих обширных геологических пространств — по существу никакешный. Не более четырех лошадей на всю партию. Народу в этих партиях — что слез у римского легионера. Поэтому пахать в двухсотке приходится за двоих. Каждый геолог здесь должен набегать за короткое чукотское лето около 400 километров маршрутов. Иначе не будет требуемой плотности наблюдений на один квадратный километр изучаемой площади. И эти маршрутные километры надо протоптать отнюдь не по сухой тропе в симпатичном березнячке вдоль живописной равнинной речки. А по горному рельефу. С его булыганами, осыпями и прочими прелестями. Внимательно познавая особенности геологии и набирая в каждом маршруте до 20–30 кг образцов и проб. Двухсотка представляет совершенно безбрежные возможности для опровержения классика. О том, что в одну телегу впрячь не можно коня и трепетную лань. Можно. Да еще и как. Геолог-съемщик в маршруте соединяет в себе (чуть не написал — гармонично соединяет) и символического коня, заменяя хорошо груженного ишака, и символическую трепетную лань — геологического наблюдателя и мыслителя. Последнее считаю совершенно неоспоримым, потому как настоящий съемщик в двухсотке — безоговорочный представитель элиты производственной геологии. Если он не может хорошо наблюдать и толково мыслить — ему нечего делать в двухсотке.

Что означала должность начальника съемочной партии м-ба 1:50 000. Рассказывает тот же Иосиф Тибиллов [60, с. 186–187].

Как мы уже неоднократно подчеркивали, в пятидесятке площадь работ много меньше в сравнении с двухсоткой, а вот хлопот, особенно у начальника партии, гораздо больше. Прежде всего, в пятидесятке тьма народа, за которым нужен глаз да глаз. Кроме геологов, техников-геологов и горных мастеров здесь трудятся горные рабочие — взрывники, проходчики шурфов и канав, а также сторожа складов взрывчатых материалов. А это уже не инженерная прослойка общества, это пролетариат в чистом виде. Народ серьезный и непримиримый. Хорошо знающий свои права и умеющий выдирать их. Кроме того, у этих представителей передового класса регулярно возникают поползновения к браговарению. И за спиной начальника партии нередко начинает поспевать грамотно спрятанная от посторонних глаз брага. Она же бражка, она же бражуленция. Поспевает тайно, но неукротимо, как любой животворный процесс, — вспомним хотя бы траву, неукротимо прошибающую асфальт.

Брага, напомним, простейший алкогольный продукт. Если говорить об ингредиентах, требуемых для ее изготовления, то это вода, сахар и дрожжи.

Все эти ингредиенты на базе полевой партии существуют как обязательные. Свежей воды в речке сколько угодно, а без сахара полевая жизнь вообще непредставима, равно как и без дрожжей. Последние завозятся в поле для выпечки хлеба. Конечно, свежеиспеченный в поле хлеб — это роскошь.

И прожить без этой роскоши можно. Но жить так почему-то никому не хочется. Так что сахар и дрожжи на базе нормальной полевой партии наличествуют обязательно, а браговары разной степени виртуозности в сезонных партиях не переводились никогда.

Теперь напомним самим себе, что такое выпивка для российского работяги, дорвавшегося до родимого зелья после раскаляющего душу перерыва в его потреблении. Дело известное — праздник души. Причем праздник неопиcуемый. А с этим неопиcуемым праздником повязана крепчайшим морским узлом погибель делам. Любой важности и неотложности. И погибель эта норовит растянуться не на один день. А в чукотском полевом сезоне каждый день — подчеркнем, каждый рабочий день, день без туманов и дождей, ветров и снегопа-

дов — на вес золота. Золотых рабочих дней здесь в обрез. Поэтому если начальник партии, а в данном случае это и есть наш герой, чуть расслабился и потерял круглосуточную бдительность, то ему обеспечен полноценный полевой геморрой. Все это мы излагаем только для того, чтобы подчеркнуть, что руководство полноценной пятидесятитысячной партией на Чукотке было делом непростым. Занятием суровым, требующим лошадиного здоровья, покрытой броней нервной системы, круглосуточной готовности разгрести авральные ситуации, которые возникают всегда не вовремя и абсолютно не к месту.

От бочки к бочке

Перед маршрутами надо было завезти продукты в тундру. Работа проходила от бочки к бочке. Рассказывает Вадим Сафонова [57, с. 13].

После разгрузки угля два общих дела для всей экспедиции были еще не закончены: заброска металлических бочек с продуктами в тундру и развоз аммонита по партиям. Это занимало много времени, так как во многом зависело от авиации.

В тех партиях, где не было вездехода, отряды передвигались «на рюкзаках» от бочки к бочке, постепенно обрабатывая территорию. В нашей партии, ведущей съемку масштаба 1:200000, территория работ была самой большой в экспедиции и составляла на год 1000 квадратных километров. Поэтому бочки расставлялись по двум петлям, по восемь штук, с общей точкой соприкосновения на базе. В середине сезона было приятно недельку покамеральничать на базе, помыться в бане и встретить вертолет с письмами.

В пустых бочках недостатка не было. В огромном многоярусном их штабеле на краю поселка попадались даже бочки из нержавеющей стали, сделанные, судя по маркировке, в третьем рейхе. Этот штабель использовался нами и при пристрелке оружия.

Приятно было убедиться, что хороший жакан пробивает с пятидесяти метров бочку.

При упаковке бочки (открывавшейся, как консервная банка, с помощью зубила) нужно было заложить в нее количество продуктов, необходимое именно на данном месте работ, и при этом придать ему возможно большее разнообразие. Закрываемая крышка связывалась с корпусом толстой проволокой через пробитые дырки в крышке. Ведь в тундре все ее обитатели, а особенно евражки, горностаи и песцы, большие охотники за продуктами геологов. Медведи там редки, но даже если мохнатому и повезет набрести на бочку, то он никогда не догадается раскрутить проволоку и, в худшем случае, скатит бочку в ручей.

Зависть к академическим коллегам

Полевая партия НИИГА (Ю. Г. Рогозов) на берегу Ледовитого океана (на Чукотке), экипированная, по свидетельству Иосифа Тибилова, так, как и не

снилось производственным геологам-съемщикам из Певека, имевших вместо 8 лошадей — одну (которую звали Малыш). Производственники почувствовали себя неандертальцами [60, с. 103].

А на мысе Кибера, на освободившемся от снега галечном пляже еще забитого льдом моря, уже обжилась полевая партия из Ленинграда. Из Института геологии Арктики. Наши научные земляки. Они должны весь сезон безвылазно торчать на одном месте, детально изучая палеозойские отложения знаменитых береговых обрывов. Командует партией полярный геологический ас Ю. Г. Рогозов. Старший научный сотрудник, кандидат наук, знаток палеозоя Российского Севера. Замаскировать его под псевдонимом, увы, не получается. Бедолага попал, как вы понимаете, в рифму. Не нами, но очень верно сказано — «что написано пером...».

Обжилась его партия, по нашим тогдашним аборигенским понятиям, просто сказочно. На четыре человека вездеход. Непродуваемая круглая арктическая палатка Шапошникова (знаменитый КАПШ). Готовят они на газовой плите. И отапливаются газом. Невообразимая для тех лет полевая цивилизация.

Не будет большим преувеличением, если я скажу, что Миклухо-Маклай среди папуасов выглядел менее разительно, в сравнении с Ю. Г., подъехавшим утром следующего дня к нашему лагерю на своем сказочном вездеходе. Вездеход подкатывает на очень приличной скорости. Rogozov его резко осаживает у наших трех сиротских палаток с понуром, еще не отошедшим от героического перехода Малышом. Ю. Г. молодецки выскакивает из вездехода. Весь из себя энергичный, радостный и одухотворенный. Я лично чувствовал себя в этот момент даже не папуасом, а скорее неандертальцем, которого покинули добрые духи. И который в одночасье потерял инстинктивные навыки разведения огня трением и потением. Если ранее обладал ими.

*Групповая съемка
1:200 000*

При сбивке заснятых разными геологами листов 1:200 000, часто обнаруживались большие расхождения, что требовало хлопотной организации дополнительных ревизионных маршрутов для «увязки» геологической картины, изображенной на соседних листах. Поэтому в 1960-е гг. появился новый вид геологической съемки — групповая съемка 1:200 000, когда в течение нескольких лет одной партией или крупным отрядом картировались 4–6 соседних листов. Вспоминает колымский геолог Борис Жуланов [28, с. 151–152].

Государственная геологическая съемка и поиски месторождений полезных ископаемых масштаба 1:200000 (в просторечии — «двухсотка») — понятие уже из прошлого века, можно сказать, из прошлого тысячелетия. Благословенное время геологических романтиков, стремление к свободе, познанию, открытию, приключению — эпоха, которая навсегда ушла в Лету. Но у нас, свидетелей этой эпохи, субъектов живших и действовавших в ней, осталась благодарная память, и иногда возникает потребность кому-то рассказать о былом. Полистных «двухсоток» было множество, групповых — охватывающих несколько листов сразу, СВГУ (Северо-Восточное геологическое управление) провело только две. Их выполнили Гижигинский и Мухоморнинский групповые отряды. Мне довелось работать в одном из них.

Гижигинский групповой геологический отряд ЦГГЭ (Центральной геолого-геофизической экспедиции) работал в Северо-Эвенском районе. Площадь изучения составляла шесть двухсоттысячных листов — около двадцати четырёх тысяч квадратных километров, что соответствует площади некоторых государств, существующих на политической карте планеты. Район очень сложный в географическом, геоморфологическом и геологическом аспектах — приводораздельные склоны бассейнов Ледовитого и Тихого океанов: речка Кегали (через Омолон, Колыму) течет в Восточно-Сибирское море, а Гижига, Парень — в Охотское.

Пространства для поиска огромные — есть, где разбежаться. Народу в отряде много — с некоторыми только в конце сезона впервые встретиться и познакомиться случалось. Вертолет МИ-4 к базе отряда приписан...

Работы планировались и были осуществлены за три года. Много геологов принимало в них участие. Это были замечательные люди — братство профессиональное и духовное. Трудно перечислить всех, но тех, кого уже с нами нет, кто ушел безвременно, нельзя не вспомнить: Анциферов Евгений Алексеевич, Жарихин Константин Григорьевич, Корольков Виктор Георгиевич, Песков Евгений Германович...

*Начальник
и рабочие*

Опытный начальник Вадим Сафонов рассказывает только что прибывшим рабочим геологические задачи на предстоящий сезон. Это долина р. Кялы, тайга, охотское побережье. Огромная территория: слева долина Юдомы, справа — ОЧВП (Охотско-Чукотский вулканогенный пояс). Начальник поясняет персоналу режим дня [57, с. 72–75].

— Нам поручено провести в этом районе групповую геологическую съемку и опознавание территории. Государство тратит большие средства на доставку нас сюда из Москвы, снаряжения и продуктов и поэтому будет требовать качественной работы. Геологи-съемщики вместе с рабочими будут работать в горах, в основном по гребням водоразделов, там, где хорошая обнаженность, нанося на карту контуры геологических тел, их состав и разрывные нарушения. При этом отбираются образцы пород, которые нужно нумеровать с помощью наклеек из лейкопластыря, шариковой ручкой. В то же время поисковики-промывальщики будут искать в отложениях ручьев рудные минералы, беря пробы и промывая их в деревянных лотках. Отмытые шлихи нужно сливать в пакетики из крафтовой бумаги, а места их взятия наносить на карту. На участках работ все водотоки должны быть опробованы с интервалом в двести метров. Результатами наших работ явятся геологическая карта, карта полезных ископаемых, карта опробования, отчет по главам. Все это будет приниматься компетентной комиссией, а затем издаваться для служебного пользования и, по сути дела, останется после нас, так как является национальным достоянием.

Парни слушают с интересом. Витя, смотрю, даже вспотел, то ли от выпитого чая, то ли от напряженного внимания. Ведь каждому приятно чувствовать себя участником большого дела, которое останется и после него в виде карт и отчета.

Сделав паузу, я продолжил:

— Отряд должен работать как единый слаженный механизм, а не как какая-то контора. Слишком мы зависим друг от друга и от многих, казалось бы, незначительных мелочей. От нашей слаженности зависят и результативность, и безаварийность. В экспедиции рабочий день не нормирован, слово начальника — закон, а тот, кто не сможет работать или попытается сачковать, будет отправлен первым вертолетом на базу и далее — за свой счет.

Приготовлением пищи будут поочередно заниматься рабочие и студенты. Радиосвязь — утром, без пятнадцати минут семь, это обязанность; повар встает в семь, в восемь — завтрак, затем — подготовка к маршруту и выход — в девять. Опаздывать на завтрак не рекомендуется — не стоит задерживать дежурного с мытьем посуды, так как ему нужно готовиться к маршруту.

Вечером ужин готовит маршрутная пара, пришедшая в лагерь первой, но посуду моет дежурный. Наличие дров для приготовления завтрака должен накануне вечером проконтролировать дежурный следующего дня. Чтобы рано утром людям не мешать спать.

В одиннадцать часов вечера на лагере все должны быть в спальных мешках.

За тушение костра всегда и везде отвечает тот, кто его разжигал.

1.4. Разное о многом

Возраст полевого геолога • Значение весновки • Глеб Горбовский о весновке • Как картировал Мефферт на Кавказе • Как Махлаев картировал кимберлитовую трубку • Вóроны реагируют на отпалку • Картирование по курумникам • Умная полевая геология Дальстроя • Искать контакты! • Искать фауну! • В колодец — на аркане • Полевая диагностика • Шуршание и скрип • Полевая химия • Оценка слюдоносности пегматитов • «Размер имеет значение...» • Признаки золотой россыпи • Проклятие ступы для дробления проб • Авторское-1: мой учитель Андрей Симон • Авторское-2: диабаз

Возраст полевого геолога

Как академик Левинсон-Лессинг в 70 лет залезал на Рокский перевал! Рассказывает Валерий Петров [48, с. 48].

После ночевки в г. Роки мы с Ф. Ю. Левинсоном-Лессингом поднялись на Рокский перевал. Ф. Ю. все время сам вел вверх свою лошадь. Подниматься по существующей тогда тропе верхом было невозможно. Тропа была очень крутой, на перевале мы сделали остановку для завтрака, и тут Ф. Ю. совершенно неожиданно для нас сказал: «Сегодня день моего рождения, мне исполнилось ровно 70 лет, а первый раз я поднимался на Рокский перевал точно 35 лет тому назад, мне тогда исполнилось ровно 35 лет».

Значение весновки

Как организовывалась работа в Арга-Салинской экспедиции НИИГА, в составе четырех геологосъемочных партий, снимавших листы 1:200 000 карты. Свидетельство Льва Махлаева [38, с. 106]. Партия работала в районе Оленёка на Анабарском щите, и кроме съемки её основной задачей были поиски кимберлитовых алмазодносных трубок — поскольку алмазы в аллювии уже находили.

Каждая партия в составе экспедиции выбирала в пределах своего планшета место будущей опорной базы. Туда по весне, пока не растаял снег и лед, на лыжном самолете забрасывалось снаряжение и личный состав. Затем в этот пункт приходило стадо арендованных в ближайшем совхозе вьючных оленей — голов от 60 до 100 для перевозки грузов при выполнении съемочных маршрутов. За лето подбирались также подходящая площадка для приема легких самолетов (типа АН-2, ЯК-12 или ПО-2) на колесах. Обычно это была галечная коса, но могли быть и безлесные водораздельные плато с плотным грунтом. Главные требования сводились к достаточным размерам площадки, гарантирующим возможность взлета и посадки, отсутствию ям, валунов, крупных пней, вязких участков и прочих препятствий и, наконец, наличию хороших подходов — отсутствию по курсу взлета и посадки одиноких больших деревьев, скал. С этой летней площадки, гордо именовавшейся аэродромом, партию вывозили по окончании работ.

Поскольку заброску в поле осуществляли по снегу, когда самолет садился на лыжах, а съемочную работу можно было начинать только после таяния снегов и спада весеннего паводка, превращавшего даже малые ручейки в непреодолимые преграды, недели три, а то и месяц уходило на так называемую «весновку». Золотое время, когда единственной работой были приятные дела по обустройству лагеря, проверка и подгонка снаряжения. Погода в эту пору обычно была отличная, труд — не изнуряющий. Наши бичи, приобщаясь к природе и ведя здоровый образ жизни, выходили из алкогольной зависимости и превращались в пол-

ноценных работников. Молодые ребята и девушки отъедались и крепили после не очень сытой (при скромной лаборантской зарплате) городской жизни. Забывалось о бытовой неустроенности, мытарствах бездомья, семейных неурядицах. Если в партии были женщины, то на весновках завязывались романы, иногда кончавшиеся разводами и новыми браками, но чаще ничем, как большинство «курортных» романов. Вот и нашлось нужное слово — весновка была своего рода курортом: отдых, хорошая еда, укрепление физического и нервного здоровья. Тот, кто придумал ее, вряд ли сознавал всю грандиозность, масштабность и полезность своего нововведения! Так или иначе, но к концу весновки мужики, как застоявшиеся кони, рыли землю копытами и рвались в бой!

1950 г., Полярный Урал, р. Лангот-Юган. Весна: организация базы полевой партии М. С. Бельского, занятой разведкой молибденовых руд. Вспоминает тогдашний техник-радиометрист Володя Хлыбов [51, с. 11].

Полевой лагерь располагался на правом берегу р. Лангот-Юган примерно в 1.5 км от реки ближе к горам по левому борту руч. Магнетитового. Там уже стояли палатки рабочих, ИТРовцев, чуть в стороне — геологов. По числу персонала партия была большой — несколько десятков человек самых разных профессий. В основном это были горнорабочие. С первых дней все, от рабочих до ИТРовцев, не занятых днем на работе, собирали щитовые домики — столовую, баню, пекарню. Примерно через неделю после моего приезда в этой полярно-уральской девственной глуши стоял чистенький мини-поселок.

Глеб Горбовский
о весновке

Конец весновки на Лене [19, с. 100].

Прощай, товарищ по берлоге.
Словно стеклянный месяц май,
трещат ледовые дороги,
звенит погода, как трамвай.

Скотина милая, олени
неутомимо держат путь.
У просыпающейся Лены,
позеленев, набухла грудь.

И остается сесть на камень
и ликовать... И пустыки,
что время тонкими ногами
уходит с нами вдоль реки,
сквозь пряди первого тумана,
как Лена, в бездну океана.

Как картировал
Мефферт
на Кавказе

Заправка «добрым грузинским вином» — оригинальный метод геологического картирования, применявшийся Б. Ф. Меффертом на Кавказе. Свидетельство Виктора Хаина [63, с. 53].

Своеобразной фигурой был Борис Федорович Мефферт, картировавший Западную Грузию. Я не был с ним знаком, но слышал о нем от известного грузинского геолога-нефтяника

Е. К. Вахания, бывшего его коллектором. В отличие от своих коллег по Кавказской секции, которые все были трезвенниками, Мефферт любил с утра заправиться добрым грузинским вином, а затем забирался на самую высокую гору в данном районе и оттуда рисовал геологическую карту. Несмотря на такую методику, карты его были весьма высокого качества, чему, очевидно, способствовали хорошее пространственное воображение, хорошая обнаженность и литологическая выраженность картируемых комплексов, сравнительная простота структуры и, наконец, большой опыт предыдущей работы в Донецком бассейне под руководством выдающегося мастера геологической съемки Л. И. Лутугина. Однако Б. Ф. Мефферт допускал и ошибки, за которые беспощадно критиковался основоположником грузинской геологической школы и знатоком того же региона А. И. Джанелидзе <...>

*Как Махлаев
картировал ким-
берлитовую трубку*

Поставив одноместную палаточку прямо на найденной им трубке, Махлаев с коллектором Ниной Володкевич провели на ней три дня — искаживали по профилям, составляя детальный план. И ухитрились сделать уже в поле самое главное — определить геологический возраст трубки — конец раннего триаса [38, с. 255–256].

К исходу третьего дня план был готов. Мы установили, что трубка имеет форму восьмерки, т.е., скорее всего, это две соприкасающиеся диатремы. От них отходят две узкие полосы голубой глины, трассирующие, видимо, кимберлитовые дайки. Выяснилось также, что трубка рвет дайку долеритов, но сама сечется шонкинит-порфирами. Это четко определило ее возраст: пост-трапповый, но «дошелочной» — конец раннего триаса. Нами были закартированы гигантские ксенолиты доломитов: типичные «плавающие рифы». Самое удивительное, что последующая магнитная съемка, проведенная по тем же профилям, почти не изменила нашей рисовки. Разве что более четко выявилась граница предполагавшихся нами обособленных диатрем, поскольку они, как выяснилось, обладали к тому же резко разной магнитностью.

*Вороны реагируют
на отпалку*

Как после отпалки шпуров на обнаруженной Махлаевым кимберлитовой трубке — прилетели вороны за добычей! [38, с. 257].

Не было у нас и взрывника. Экспедиционный взрывник в то время чем-то отравился и лежал в Хатангской больнице. Однако все необходимое снаряжение и взрывчатка с детонаторами были доставлены. Я вспомнил, как всё это делал в Бирулях Коля Шануренко, и решил «палить шпур» сам. Не скажу, чтоб это получалось у меня безупречно, но никого я не покалечил, да и сам цел остался. Поразило меня одно странное событие: через некоторое время после первых взрывов, откуда-то прилетели два громадных чернущих ворона, которые стали внимательно осматривать образовавшиеся от взрывов воронки... Мы не сразу поняли, но они явно искали... трупы! Пришлось поверить, что вороны живут 300 лет (во всяком случае, за сотню). Наверное, они видели в своей прошлой жизни войну, а может, и не одну. И помнили, что взрывы часто сопряжены с трупами, а трупы для них — лучшая еда. Дня три они не давали нам покоя, подлетая на каждый взрыв. Однако в конце концов им это надоело — взрывы гремели, а еды все не было — и они исчезли так же внезапно, как появились, улетев в другое место. Может, во Вьетнам или в Эфиопию, или еще куда-нибудь, где шла война. И где взрывы были «правильными», потому что после них появлялись трупы.

Картирование по курумникам

Картирование по курумникам может оказаться грубо-ошибочным! Удивительное наблюдение было сделано геологами Вороговской поисково-разведочной партии под началом Льва Румянцева — при съемке 1:50 000 на севере Енисейского кряжа в 1960 г. [12, с. 270–280].

Обычная у геологов практика считать курумы эквивалентом подстилающих пород вообще не верна в половине примерно случаев. Первооткрыватель крупнейшего ильменитового месторождения Б. Сейим (в месте пересечения реки Олекмы БАМом) Е. Панских рассказывал мне, что геологи много лет не могли зацепиться за коренной источник руды, которая постоянно попадалась в крупноглыбовых курумах. В конце концов, выяснилось, что и крупные до десятка кубометров каждая, глыбы рудных пород также подчиняются гравитационной сепарации, точно как и тонкозернистый шлик, и находятся совсем не там, где образовались.

В нашу партию уже под самый конец сезона пришла телеграмма с указанием пройти дополнительно сколько-то сот метров шурфов. Обычная история, кто-то из наших не смог, не успел освоить именно этот вид горных работ, и чтобы деньги не пропали и не было упреков в невыполнении плана, экспедиция перебрала задание более успешной партии. Лев задал меридиональную просеку через весь гранитный массив, и по ней прошли линию шурфов. Лучше бы мы этого не делали.

Более половины шурфов на линии, пересекающей крупный изометричный гранитный массив, вошли в коренные неизменные вмещающие сланцы — ни одного обломка сланцев в курумах гранитов не встречалось. Итоговая карта выглядела настолько причудливо, что я не знаю даже, решились ли ее помещать в отчете.

Умная полевая геология Дальстроя

Методика Дальстроя, в которой геологической службой руководил В. А. Цареградский, была продуманной и весьма эффективной [33, с. 54–55].

Кстати о В. А. Цареградском. Он был начальником ГРУ ДС — Геолого-разведочного управления Дальстроя, а Дальстрой (Главк) — имел полное название «ГУ СДС НКВД СССР», т.е. Главное управление строительства на Дальнем Севере в системе НКВД СССР. После 1942 г. (или в том же году?) ранее вполне штатский геолог Цареградский сделался инженер-полковником, а к концу войны он получил чин генерал-майора инженерных войск [16, с. 186].

Необходимо отметить, что все месторождения золота и других полезных ископаемых на Колыме были открыты благодаря правильно составленным геологическим представлениям и хорошо организованной структуре геологической службы. В этом отношении северо-восток Сибири представляет собой уникальный район, в котором случайность в открытии новых месторождений была почти исключена.

В 1935 г. были организованы два горнопромышленных управления — Северное и Южное. Первое (главный геолог Д. В. Вознесенский) руководило работой приисков и поисками новых месторождений на левобережье Колымы, второе (главный геолог Г. А. Кечек) — на старых, правобережных. Спустя год создается база дальних разведок, которую возглавил опытный золотоискатель С. Д. Раковский. База вела успешные поиски и разведки золотых россыпей в бассейне р. Берелех и далее на северо-запад в бассейне рек Аян-Урях и Нера, верховьях

Индикирки. В 1938 г. геологи базы открыли россыпь золота на р. Чай-Урие, отработка которой позволила перевыполнить государственный план золотодобычи в первые годы Великой Отечественной войны.

В начале 40-х годов был обнаружен другой золотоносный район, расположенный в бассейне р. Теньки. К началу войны на территории Дальстроя работало восемь горнопромышленных управлений, занимавшихся добычей золота и олова.

Все это время геологоразведочной службой Дальстроя руководил В. А. Цареградский. Человек большой души, художник, поэт, прекрасный исследователь, он внес огромный вклад в развитие Колымского края, где проработал почти 30 лет (1928–1956).

Геологоразведочная служба Дальстроя придерживалась четкой последовательности в проведении геологических работ. На малоизученных территориях работали рекогносцировочные геологопоисковые партии, состоящие из трех отрядов: съемочного, опробовательского и топографического. Задачами каждой партии являлись составление мелкомасштабной геологической карты и определение перспективных на золото или другие полезные ископаемые территорий. На последних ставились крупномасштабные геологопоисковые и геологосъемочные работы. Их производили более многочисленные партии, в состав которых включались отряды, проводившие предварительную разведку золотоносных долин. При обнаружении рудных проявлений велись геологоразведочные работы еще большего масштаба. В них участвовали крупные разведочные и топографические отряды, оснащенные буровыми станками, передвижными электростанциями, компрессорами, транспортом. На вновь открытых месторождениях организовывались разведочные районы.

В правильном и целенаправленном проведении геологопоисковых и разведочных работ огромную роль сыграли научные исследования, организованные при всех районных геологоразведочных управлениях и в Центральном геологическом управлении Дальстроя. Они включали в себя составление атласов сводных карт (изученности и разведанности, геологической, оловоносности, золотоносности и шлиховой). Эти карты имели объяснительные записки, которые обязаны были изучить все исполнители новых работ. Кроме того, на каждое месторождение составлялся особый паспорт. Все это значительно повышало эффективность проводимых геологических работ. Впоследствии принцип составления так называемых прогнозных карт был распространен на всю геологическую службу нашей страны.

Искать контакты!

Высокие требования академика Д. С. Белянкина к геологической съемке интрузивов: крайне поучительный поиск контактов. Свидетельство Валерия Петрова [49, с. 119–120].

Если в Дзирули, где развиты древние граниты, границы этих последних с вмещающими породами весьма не четки, и не всегда можно, даже в сплошных обнажениях, сказать где гранит, а где метаморфизованный осадок, то в Аджарии эту границу на образце или скале можно провести карандашом. Поэтому Дмитрий Степанович от нас молодых «картировщиков» не принимал карты того или иного гранитного массива до тех пор, пока мы не приносили ему с нескольких мест таких образцов, у которых с одной стороны куса был бы гранит, а с другой — контактно-измененная порода. Должен сказать, что это была далеко не простая задача. Очень легко, картируя вдоль дорог и тропинок, наметить смену пород и показать на карте границу с возможной для данной карты точностью (для карты 1: 50 000 границу достаточно фиксировать с точностью около 50 м, это будет равно примерно толщине линий — 0,1 мм), но взять требуемый образец из контакта без горных работ страшно трудно; приходи-

лось облазить все овраги, все высыпки мышинных нор, а иногда и пройти вдоль контакта в ту или другую сторону, постоянно возвращаясь, многие километры, пока не попадешь на достаточно хорошее обнажение иногда под деревом или в колодце.

Но какое счастье, когда уверенно удастся найти границу, да еще в какой-либо хорошо обнаженной скале, тогда ее удастся зарисовать, взять серию образцов и проследить поведение жилок, отходящих от гранитного массива в толщу осадков. Как гордились мы друг перед другом этими обнажениями и при случае показывали товарищам.

Многие километры прошли мы в поисках контактов, протискиваясь сквозь сплошные заросли лавровишни и колючих кустарников, по грязи и крутым склонам, и, что греха таить, иногда роптали, не понимая, зачем такие труды, когда граница уверенно картируется и не может быть уточнена. Но не учитывали мы того, какая это была замечательная школа: такое детальное «обхаживание» контактов позволило во многих случаях провести самоконтроль и избавиться от многих ошибок, которые можно было допустить при первом знакомстве с контактом. Кроме того, такое изучение контактов позволяло увидеть механику внедрения гранита. Умение распознать нужную деталь, найти ее в поле и как следует изучить — все это, безусловно, является важнейшей частью геологического опыта и такой опыт в большой степени приобретался именно при «обхаживании» контактов.

Искать фауну!

Колымский геолог Виктор Володин рассказывает две истории о находках триасовых аммонитов на Верхней Колыме. В обоих случаях полезным для геолога оказались бывшие лесные пожары! Так, в июне 1943 г. на правобережье Бахапчи (правый приток Колымы, в ее верховьях) он добывал фауну из кремневых конкреций... обходясь при этом без молотка [16, с. 228], а в другом случае повезло даже не геологу, а его прорабу Лепихину, который обнаружил триасовую фауну в верховьях речки Таяхта («Лосина» по-якутски) [16, с. 325–326].

Эти первые маршруты были примечательны тем, что в первый же день я со своими спутниками Шинкаренко и Ивановым собрал десятка два кремневых конкреций, часто включающих в себя остатки раковин и других окаменелых организмов. В первый же дождливый день я занялся препарированием их на костре.

Делается это так: конкреции нагреваются в жаре костра и затем раскаленные почти докрасна бросают в холодную воду. Они при этом часто лопаются, и иногда излом проходит по поверхности, заключенной внутри конкреции раковины. Этого не всегда удается добиться, но все же гораздо чаще, чем если разбивать их просто молотком.

И мне тогда удалось таким способом отпрепарировать несколько отпечатков раковин аммонитов анизийского яруса среднего триаса. Особенно хорошо отпрепарировался моллюск, живший около 200 миллионов лет назад.

<...>

Лепихину выпала честь открытия там, на Таяхтахе, окаменелости, датирующие осадочную толщу анизийским и ладинским ярусами среднего триаса. В тот вечер я тоже пришел с фауной. Но я собрал обыкновенную верхнепермскую, можно сказать, пошлую фауну, а Лепихин нашел и собрал среднетриасовую и притом обильную фауну и, что особенно было интересно, на заболоченном участке водораздела в депрессионном участке. Там, в выветренном элювиально-делювиальном слое, при его оттаивании весной образуются характерные для участков полигональных почв грязевые конвекционные токи, приводящие к образованию полигональных почв и каменных колец.

В этих так называемых каменных кольцах среди редких и мелких обломочков глинистых сланцев довольно часто встречаются эллипсоидальные, овалоидные и круглые кремневые или глинисто-кремневые конкреции, нередко заключающие в себе остатки окаменелых аммонитов среднетриасового возраста. Вероятно, в связи с прокаливанием горных пород этого участка во время, возможно неоднократных, лесных пожаров среди конкреций, носящих иногда явные следы ожогов, преобладают не целые, а расколовшиеся — обнажающие в изломах аммонитов.

*В колодец —
на аркане*

Как Владимир Обручев изучал в 1886 г. туркменские колодцы [3, с. 19].

Проснулись, конечно, рано, при первых лучах солнца и под звуки усиленного блеяния баранов и коз, которых пригнали к колодцу для водопоя. Осмотр всех колодцев на пути входил в мою задачу; нужно было определять их глубину, качество и количество воды, ее температуру. Этот колодец был глубиной около 5 м до уровня воды, образовавшей перед водопоем слой в 1 м; вода была пресная, но мутноватая. Стенки вверху были закреплены плетнем из прутьев, но глубже крепления не было, виден был песок. Черпали воду кожаным ведром на шерстяном аркане и выливали ее в небольшую колоду, выдолбленную из ствола тополя; из колоды скот пил ее. Почва вокруг колодца была пропитана экскрементами, а так как устье колодца было наравне с поверхностью земли и ничем не закрывалось, то ветер мог заносить в воду песок, мусор и шарики бараньего кала, а дожди, просачиваясь через загрязненную почву, добавляли в воду еще экстракт навоза.

Подобное же примитивное устройство имело большинство туркменских колодцев, как показал их осмотр на дальнейшем пути. Редкостью были те, устья которых защищались плетнем в полметра выше поверхности земли. Глубина их большей частью была от 2–3 до 5 м, но некоторые имели 10–15 и даже до 20 м и давали понятие о составе наносов. В такие глубокие колодцы казаки спускали меня на аркане: я становился одной ногой в ведро и, держась рукой за аркан, осматривал во время медленного спуска стенки колодца, выглаженные трением ведра. Приходилось работать молотком, чтобы обнаружить наслоение и состав рыхлых отложений, пройденных колодцем, и взять их образчики.

*Полевая
диагностика*

Как школьники Тбилиси обследовали (сразу после окончания Гражданской войны, вероятно в 1922 или 1923 гг.?) «кварцевую жилу с примесью свинцового блеска» — и что из этого вышло. История показывает, как важно уметь определить минералы уже в поле. Ведь сфалерит (как и карбонат!) тоже разлагается под действием HCl; в итоге студенты, как вспоминает Валерий Петров, чуть было не проморгали будущее Квайсинское свинцово-цинковое месторождение [48, с. 18].

Наиболее крупным рудным объектом в районе была одна жила, которая в справочнике по минеральным месторождениям Кавказа значилась как жила кальцита с примесью свинцового блеска. Нам надлежало проследить жилу по простиранию и взять бороздовые пробы для определения содержания полезного ископаемого. Месторождение это попало в каталог по описанию довольно известного «кавказского» геолога тех лет, назовем его здесь «К».

А. А. взял с собой в качестве помощников нашу троицу — Георгия, Женю и меня. Мы бредили минералами, а, как назло, главная жила, на которой мы работали, оказалась скуч-

ной; ее сплошь составлял «кальцит», хотя вид «кальцита», его кристалличность и цвет были различны, но любой кусочек, если на него капали соляной кислотой, «шипел», выделяя пузырьки газа; и мы успокаивались.

Однако через некоторое время у нас появилась загадка. Рядом с жилой в известняке, а иногда и в жиле нам стали попадаться пленки галмея — углекислого цинка. Раз так, то в жиле должен быть какой-либо цинковый материал — вероятнее всего, сфалерит. Мы очень подробно просматривали всю жилу, лили на нее кислоту; сфалерита не находили. Все шипело, и только через пару недель таких поисков, не помню, кому из нас пришло в голову понюхать газ, выделяющийся из образца при шипении; и все сразу стало на место. Оказалось, что из мелкозернистых белых, слабозелезистых кусков руды выделяется не CO_2 , не имеющий запаха, а вонючий сероводород; оказалось, что наша жила содержит довольно много безжелезистого сфалерита — клейофана, который все и мы в начале принимали за кальцит. Сейчас в каждой учебной коллекции и в Союзе, и во многих местах за рубежом есть образцы клейофана из этого месторождения — Квайса — в западной части Южной Осетии. Сейчас студент-геолог, не узнавший на экзамене по виду образец Квайсинского клейофана, получает по минералогии двойку, но тогда это было в диковинку.

Конечно, изменился весь характер нашего опробования, а самое главное, сразу по телефону мы попросили химическую лабораторию Геологического управления в Тифлисе во всех пробах, кроме свинца, определять цинк.

Шуршание и скрип

Молодой Николай Наковник отличал гранит от порфира по звуку... [42, с. 33] А нефелиновый песок на острове Лос в Центральной Гвинее, по свидетельству Виктора Хаина, скрипит под ногами... [63, с. 22–23].

Ведем маршрут на север, подтягиваясь к Асанбеку. Баймуханов и Джуматай в телеге, а мы с начальником опять в седле. Я разглядываю окрестности, прислушиваясь к шуршанию под колесом дресвы гранитов — характерному мягкому шуршанию, которое я уже научился отличать от жесткого сухого хруста порфировой дресвы.

<...>

Удалось совершить со студентами экскурсию в алмазонасный район Центральной Гвинеи и посетить знаменитый своим кольцевым плутоном нефелиновых сиенитов остров Лос, описанный еще французским минералогом, непременным секретарем Парижской академии наук Альфредом Лакруа. Песок на пляже этого острова, образованный кристаллами нефелина, скрипит под ногами.

Полевая химия

Июнь 1926, малый кварцевый хр. Семиз-Бугу («Толстый марал»), качественные анализы на медь в полевых условиях. Рассказывает Николай Наковник [42, с. 124]. (Ваганов Михаил Иванович — начальник «Алмазно-буровой партии Семиз-Бугу»).

Десятого июня геологический отряд приступил к медной съемке. Топографы с Андриюшкой разбивали нивелиром сеть точек, по которым коллекторы брали через каждые 100 метров образцы кварцитов. Потом мы растирали их в порошок, смачивали соляной кислотой и пропускали через пламя бензиновой горелки. Если получалась зеленая или сине-голубая вспышка — есть медь, не получалась — нет. Результаты этой крайне однообразной работы оказались совсем плачевными: нигде на поверхности массива мы не обнаружили меди, за исключением двух-трех точек, показавших сомнительные вспышки.

Оценка слюдоносности пегматитов

Как велось опробование слюдоносных и бериллоносных пегматитов Бирулинской экспедицией НИИГА в 1958 году. Рассказывает Лев Махлаев [38, с. 183—184]. Это типовая картина горных работ, информативная и поучительная.

Еще до прибытия вездеходов мы всюю развернули горные работы по опробованию пегматитов. Сначала поверхность жилы и вмещающих её пород (гранитов, гнейсов) расчищали лопатами от перекрывавшей их щебенки, глыбы откатывались вручную. Словом — делали зачистку по контуру будущей канавы. Затем по осевой линии расчищенного прямоугольника пробивали шпуры — круглые скважины диаметром около дюйма (2.5 см) и глубиной от полуметра до метра. Проходка шпуров проводилась вручную, «ударным» методом: к скале приставлялся забурник — некое подобие лома с плоским концом, в который была зачеканена острая пластина из победита (особо твердого сплава). Один человек держал забурник, прижимая его к скале, а второй бил по противоположному концу тяжелой 10-килограммовой кувалдой. Словом, все делалось так, как делают отверстия для закрепления шурупов в бетонной стене квартиры, только все инструменты в десятки раз больше: вместо пробойника — забурник, вместо молоточка — увесистая кувалда. А технология была точно та же: удар — поворот, удар — поворот, удар — поворот и так до бесконечности. Когда бьющий уставал, его место занимал тот, кто держал забурник, потом они менялись снова и снова. Чтобы пробить одну «бурку», порой приходилось тратить 2—3 часа, но обычно на это хватало одного часа. Затем туда опускался взрывной патрон — палочка аммонита в картонной упаковке, диаметром чуть меньше дюйма и длиной 20 см. Сверху вплотную заталкивали второй, а то и третий патрон. Затем осторожно опускали детонатор с отрезком бикфордова шнура и оставшуюся часть пробуренной скважины (шпура) тщательно забивали каменной крошкой — забутовывали. Шпуры по дну канавы делали на расстоянии около метра друг от друга. Снаряжалось 4—5 шпуров, затем все уходило в укрытие, а подрывник производил «отпалку»: одновременно поджигал бикфордовы шнуры всех готовых зарядов и тоже уходил в укрытие. Бикфордов шнур горит со скоростью 1 см в секунду — так что время от заpalивания до взрыва рассчитать легко. Когда огонь доходил до детонатора, заряд взрывался. Взрыв дробил скалу и в то же время выбрасывал значительную часть обломков. В скале образовывалась канавка. Ее расчищали и в случае необходимости повторяли всю процедуру: снова били шпуры, снаряжали их взрывчаткой, отпаливали. И так до тех пор, пока канавка не вскрывала монолитную скалу на глубину около метра. Затем ее днище и стенки тщательно зарисовывали, соотношения вскрытых пород описывали в специальном журнале, отбирали типичные образцы. После этого по днищу канавы в пределах пегматитовой жилы вырубали вручную зубилом небольшую канавку сечением 20×20 сантиметров, и весь материал, выбранный «зубами» (т.е. зубилом), из каждой ее секции длиной 1 метр упаковывался в отдельный брезентовый мешок. Это была проба для комплексного исследования: ее слегка дробили, просматривали визуально, отбирали слюду и берилл, оценивая их содержание и качество. Остальной материал пробы дробили и истирали до состояния пудры, которую затем направляли на спектральный анализ для определения содержания бериллия.

«Размер имеет значение...»

Как оценивалось качество слюды (мусковита) в Бирулинском пегматитовом поле на Таймыре. Когда произошла технологическая революция (слюда понадобилась для тепловозов) — то в дело пошла и слюдяная крошка! Свидетельство Льва Махлаева [38, с. 202—203].

Выполненное нашей экспедицией опробование пегматитовых тел на известных месторождениях Бирулинского поля со всей очевидностью показало, что даже с учетом мелко-вкрапленных кристалликов берилла его содержание таково, что рентабельным может быть только его извлечение попутно с каким-либо другим полезным компонентом — например, со слюдой (мусковитом).

Однако на мусковит эти жилы были опробованы еще в гулаговские времена трудом тех самых заключенных. Результат был отрицательным: несмотря на высокие диэлектрические свойства, добыча слюды нерентабельна из-за малых размеров слюдяных пластин. Преобладала слюда 10 и 9 номеров. Чтобы было понятнее, скажу, что к десятому номеру относят слюдяные пластинки поперечником около сантиметра, то есть такие, в которые можно «вписать» старую копеечную монету. Отсюда и второе ее название — слюда-копейка. Первый номер — больше квадратного дециметра или, как говорили старатели, «с пачку беломора». Еще крупнее — «нулевка», а совсем большие кристаллы составляли класс экстра, с индивидуальной оценкой каждой пластины. Так вот, в таймырских пегматитах не было ни нулевки, ни экстры, а на классы с первого по пятый приходилось в сумме около 5%. Зато свыше 80% составляла «копейка». С учетом того, что диаметр самых малых радиоламп того времени был около двух сантиметров, найти потребителя на таймырскую слюду было нереально. Таким грустным заключением и завершился наш отчет. Надо было переключаться на изучение каких-то других объектов, чего не очень-то хотелось, ибо суровую таймырскую тундру все мы полюбили.

Однако довольно неожиданно ситуация в корне изменилась. Пришло указание Министерства геологии провести переоценку всех известных слюдяных месторождений Севера, причем в первую очередь месторождений Бирулинского поля, исходя из ранее установленных высоких технологических качеств: прекрасные диэлектрические показатели и способность расщепляться на тончайшие листочки! Что касается размеров, то как раз в конце 50-х годов промышленность перешла на массовый выпуск крохотных радиоламп: «пальчиков» и «желудей», для которых нужны были слюдяные пластинки диаметром 5–6 мм и меньше. К нам в институт приехал в связи с этим изменением конъюнктуры представитель отдела нерудных полезных ископаемых Министерства геологии и рассказал, насколько возросла в последние годы потребность в слюде вообще. И связано это, как ни странно, с обновлением локомотивного парка. Раньше на один паровоз требовалось полтора грамма слюды: пластинки в конденсаторах весьма примитивного электрооборудования. Теперь же для изготовления электровоза требуется около центнера слюды, а для тепловоза и того больше, ибо тепловоз — это тот же электровоз и еще передвижная дизельная электростанция, вырабатывающая ток для электромоторов, вращающих колеса. Теперь в дело идет даже слюдяная крошка, из которой прессуют конденсаторные пластины любых размеров.

Эти обстоятельства решили судьбу нашей экспедиции еще минимум на год. Мы поехали для переопробования тех же объектов, а я должен был возглавить автономный поисковый отряд, главной задачей которого было выявление на Таймыре новых мест развития слюдяных пегматитов.

Признаки золотой россыпи

Куропатки не показывают золотой россыпи... А ржавый кварц — реальный признак! Разговоры геологов-поисковиков [57, с. 119].

— Главное, конечно, фарт, но и глаз набить надо. Если кварц в гольшах сливной, молочно-белый, то скорей всего будет пусто, а если рыхловатый, с желтизной — копай, дело верное. Вот мой кореш, Степан Иваниди, — грек, всю жизнь старается — за птицами следит. Говорит, если

птицы поперек долины летят, то в ней пусто, а если вдоль, то там россыпь. Правда, я в этом сомневаюсь. У нас тут по весне куропаток много было, так они, как хотели, летали — и вдоль, и поперек.

Проклятие ступы для дробления проб

Как шустрый, невысокий Николай Юшкин, будущий академик, в 1967 году тащил в рюкзаке 15-килограммовую ступу для дробления проб в свой лагерь — из лагеря Е. П. Калинина, расположенного в 20 км ... Здесь он описал конец своего обратного пути, проделанного им в тот же день [74, с. 50–51].

Выбирался из травяных лабиринтов больше часа. А когда вышел на тропу в семи километрах от лагеря, то почувствовал себя лимоном, выжатым железной пятерней. Присел отдохнуть и потом еле поднялся.

Последние семь километров запомнились на всю жизнь. У меня было много походов — и длинных, и коротких, с большими рюкзаками и почти неподъемным грузом, в тундре, в тайге, в пустыне... — но ни один из грузов не был таким тяжелым, как этот. До сих пор не пойму: то ли петляние по медвежьим тропам что-то надорвало во мне, то ли был не в «форме», то ли взял на себя непосильную задачу, решившись на оба конца в один день. Рюкзак валил меня свинцовой тяжестью, выворачивал плечи, как заправский экзекутор. К тому же края ступы норовили сокрушить позвончик и ребра. Ломило все суставы, ноги не держали, передвигать их — великая мука. Кочки, маленькие ручейки, кусты, которые обычно не замечаешь, сейчас — почти непреодолимые препятствия. Вверх по склонам я позорно опускался на четвереньки и полз.

Быстро смеркалось. В двух километрах от лагеря увидел пастуха. Он ловил рыбу. Пастух махнул мне рукой:

— Иди, иди! Я пару раз заброшу и догоню.

«Иди... — подумал я. — меня давно уже нести пора...».

Оленевод меня не догнал. Видимо, начался клев.

Переставляя ноги чуть ли не руками, я угрюмо ругал себя: «Для чего все это нужно? Ради каких высоких благ полевые мучения? Кто тебя гонит к черту на рога?...».

До сих пор в мельчайших деталях помню каждый шаг последних метров этого изнурительного перехода.

Была ночь. Меня не ждали, и лагерь спал. Я ахнул на землю, высвободил руки из потевших лямок рюкзака и, отдышавшись, пополз в палатку.

Ступа, она и есть ступа...

Авторское-1: мой учитель Андрей Симон

В 1957 и 1958 гг. я, студент геолфака МГУ, проходил практику в отряде сотрудника Геологического института Кольского филиала АН СССР — Андрея Константиновича Симона. Кое-что об этой незаурядной личности можно узнать в моём очерке «Прощание с учителем» (2000 г.) [67, с. 169–172].

1957 год. Сейчас я уже не могу вспомнить, как я попал в отряд Кольского филиала АН СССР в 1957 г. на производственную практику — т.е. не помню, кто меня туда «сосватал». Но Симон счел необходимым предварительно прощупать студента и назначил мне randevu — живя и работая в Кировске, он располагал и своей московской квартирой. Он подробно рас-

сказал мне о предстоящем полевом сезоне в кольской тундре, не скрыв, что работа предстоит тяжелая. Поскольку мне было 20, и я был глуп — то именно это мне очень понравилось...

Мы забросились гидросамолетом на озеро Пурнач. Обратный рейс был заказан на 25 сентября. Больше никакой связи с внешним миром не предусматривалось (о вертолетах и портивных «Каратах» тогда в академической геологии и помину не было).

Работа состояла в геологической съемке «свиты Имандра-Варзуга», которую позже стали называть «полоса Имандра-Варзуга-Сосновка», а ныне, насколько я знаю, трактуют как некий рифтогенный пояс карелид в теле архейского кратона. Но тогда стратиграфия этой полосы писалась с чистого листа — и писал её как раз Симон. Уже тогда он находился в длительном творческом конфликте с «окружающей средой». Эта среда была петрографической ленинградской школой академика Полканова. Ведущими сотрудниками Геологического института Кольского филиала АН СССР были выдающиеся петрографы, что определяло упор исследований на петрографию в ущерб геологии.

Между тем Симон был питомцем московской геологической школы Леонова-Богданова (кстати, он, кажется, был однокурником Зоненшайна, и я впервые от него услышал эту фамилию — А.К. отзывался о нем, как о ярком таланте). Симон подошел к сложнейшей метаморфической толще в первую очередь как геолог, и лишь во вторую — как петрограф. Такой подход (ныне общепризнанный) тогда был новым, отсюда напряженные отношения Симона с его предшественниками, построения которых он практически полностью дезавуировал.

В дальнейшем многолетнее картирование Сином полосы карелид в сердце Кольского полуострова, созданная им схема стратиграфии и магматизма — были восприняты и «потреблены» производственной геологией, а также всеми представителями академической науки, работавшими после него. Только (и это его, так сказать, типоморфная особенность!) после первых (сделанных как бы нехотя) ссылок — на Симона, как правило, быстро переставали ссылаться, оправдывая тем самым афоризм Коржинского о том, что «на классиков не ссылаются».

<...>

... Мы все дальше удалялись от своей базы на озере Пурнач. Поэтому примерно раз в неделю двое студентов забирали накопившиеся образцы и тащили их на базу. Там мы нагружались продуктами и возвращались к заранее согласованной с начальником новой стоянке. Сперва ходки туда-обратно можно было сделать за день. Потом стали уже ночевать в избушке на озере. А под конец сезона приходилось ночевать уже и по дороге к базе.

Время шло, наступил сентябрь, но Симона это как бы не касалось — мы продолжали удаляться от базы, хотя (по разумению персонала) давно следовало поворачивать назад...

Наконец, когда до 25 сентября оставалось всего несколько дней, начальник распорядился: студентам (Толе Лукашеву из Петрозаводска и мне) поднимать лодку с грузом по речонке Пурнач на базу, а он со своим лаборантом (Игорем Кондратовичем — сокурсником Юшкина по горному техникуму) пока останется, ибо должен еще поработать.

Мы с Лукашевым отправились в путь. День или два с грехом пополам как-то еще продирались на шестах по этому мелкому, густо заросшему ивняком и невероятно петляющему ручью, гордо именуемому рекой Пурнач. Но потом, крутясь в бесконечных меандрах и продвинувшись за полдня всего на километр, мы отчаялись и решили, что такими темпами нам к сроку не успеть. Поэтому мы бросили лодку и принялись перетаскивать груз в избу в рюкзаках — напрямик по азимуту, через гряды и болота. Сделали то ли одну, то ли две ходки (сейчас уже не помню) и выбились из сил. В общем, студенты с заданием начальства не справились — кишка у нас оказалась тонковата.

Отряд соединился в избе на озере только ночью 24-го сентября. На начальника и Игоря было страшно взглянуть — оба они были как из концлагеря. Они-таки подняли до озера нашу

лодку с остатками груза (при этом, как стало известно, у Игоря от непомерных перегрузок шла носом кровь).

Игорь шепотом поведал нам о некоторых других деталях их возвращения, из которых мне запомнилось только одна. На одном из присмотренных еще летом обнажений (оставленных про запас!) А.К. черной сентябрьской ночью — считал при свечах (!) гальки в конгломератах, а Игорь писал в пикетажке под его диктовку... Эпизод был вполне типичный и ярко характеризовал этого фанатика, для которого Работа — это было всё, а остальное — ничего (или почти ничего) не значило. Он был беспощаден к себе (все мы таскали страшные рюкзаки, но его рюкзак я и поднять не мог) — и соответственно к своему персоналу.

Я хорошо помню, что в течение всего сезона-1957 у персонала симоновского отряда никогда не было других тем для разговора, кроме как о Нем, об этом Проклятом Фанатике, который нас так нещадно эксплуатировал, и которого, тем не менее, мы безгранично уважали, перед которым преклонялись, и которому некоторые из нас хотели бы подражать.

Как-то я писал под диктовку в его пикетажке и случайно прочитал на последних страницах набросанную карандашом его Жизненную Программу под названием «Идеалы и цели жизни мужчины». Оттуда мне запомнились три пункта, кажется, именно в такой последовательности: 1. Партия, 2. Мама, 3. Работа. В те годы он был фанатиком-коммунистом.

Забегая вперед, отмечу, что в 1970-е годы он с гордостью поведал мне, что лично знаком со всеми крупными московскими диссидентами. Теперь он сделался фанатиком-диссидентом, и я услышал от него удивительное ругательство — он меня за что-то обвинил в бытовом ленинизме (!). Одновременно он стал фанатиком-лыжником. Ему было мало просто поддерживать свою физическую форму — его неукротимая натура требовала полного напряжения сил — надо было непременно ставить рекорды. И организатором он тоже был совершенно ненормальным. Если средний организатор может от силы собрать за год 2–3 совещания, то он проводил их десятками. Когда же он увлекся искусством, то заделался таким же фанатиком — крупным знатоком живописи.

1958 год. Но вернемся назад. На преддипломную практику я снова поехал к Симону. Это был беспрецедентный случай, ибо до меня никто из студентов-практикантов к нему второй раз уже не приезжал, впечатленный тяжестью полевой работы.

В начале сезона мы с ним ушли от места выгрузки на реке Поной куда-то вглубь Кольского полуострова, бросив остальной персонал отряда нас догонять — Симону не терпелось как можно скорее начать работу. Поскольку ночи были белые, а днем жарко и комары, то мы работали преимущественно по ночам. Продуктов у нас было всего на несколько дней — но было оговорено с нашими место встречи, куда они в указанный день придут. Как водится, указанного на карте места они не нашли, и мы с начальником стали голодать.

Сперва я плавно уменьшал норму выдачи продуктов, которые таяли прямо на глазах. Скоро уже и уменьшать стало нечего. В отчаянии думая только о том, где бы раздобыть пропитание (а это был июнь — ни ягод, ни грибов), я разорил ястребиное гнездо и скормил начальству яичницу, в которой явственно угадывались зародыши птенцов — но Симону всё было нипочем — его интересовала только геология... Я помню, что варианты нашего возвращения на Поной даже не рассматривались — «придут же они когда-нибудь!» — бодро произносило начальство, когда мы с подведенными животами тащились в очередной маршрут. В конце-концов, они пришли — когда мы с ним от голода уже качались на ветру (но тем не менее, продолжали яростно работать).

<...>

1980-е. Он был по уши погружен в организационную деятельность в Петрокомитете и в своем Лыжном союзе, и мне казалось (мы встречались редко), что роман с наукой у него окончился. Но вот где-то, то ли в 1986, то ли в 1987 г. он мне сообщил, что:

а) он имеет тайное (я плохо понял, почему и от кого это надо было скрывать) желание сочинить докторскую;

б) для этого ему необходим я — для оказания моральной поддержки и для предварительной формулировки тезисов (!?).

Безмерно удивившись (ведь он, кроме прочего, был еще и активным редактором), я взял нацарапанные им черновые наброски, сел за машинку и напечатал (отредактировал) ему тезисы.

Надо было видеть, как расстрогался этот Проклятый Фанатик. Он понёс что-то несусветное: что-де я — велик и могуч, и что благодаря моей безмерной доброте у него-де открылись глаза, что-де он только теперь ясно увидел полную реальность своей диссертации (в какой-то до того сомневался), и прочее в том же духе — короче говоря, полную ахинею.

Но необходимо сказать о том, что легло в основу его замысла. Это был второй крупнейший (после Имандры-Варзуги) результат в его жизни — настоящее открытие века. Блестяще организовав работу двух талантливых мальчиков-изотопщиков (один из них теперь процветает в зарубежной науке), и главное — уместив их начальника Игоря Чернышева (ныне член-корр РАН), он получил от них сенсационные Rb-Sr датировки: на казалось бы, хрестоматийных архейских разрезах Украины (а позже и Алдана) были обнаружены древнейшие на Земле породы с возрастом около 4 млрд лет!

На базе этого открытия Симон выстраивал три важных вывода: а) знаменитые «серые гнейсы» отнюдь не являются самыми древними породами на Земле (как это тогда считали), б) древнее их были амфиболиты-базальтоиды — это и была первозданная земная кора; в) серые гнейсы — продукт натрового метасоматоза этих амфиболитов, имевшего глобальный характер.

Помню, что меня поразили последний вывод, как свидетельство неизменности его мышления — от региональных метасоматитов-1957 в карелидах Кольского полуострова — к глобальным метасоматитам-1997 в катархее всех щитов на Земле!

Секретная докторская. За этим последовали некоторые «секретные» события — которые теперь (увы) уже можно рассекретить...

Будучи безмерно перегружен работой в Петрокомитете, и опасаясь, что ему не дадут возможности легально заниматься своей докторской, он составил грандиозный План диссертации (каждая глава, а их было, по-моему, намечено семь — была как минимум кандидатская!) и принялся его тайно реализовывать.

Для этого он поступал следующим образом. Брал по службе командировку куда-нибудь, допустим, в Апатиты. Заезжал туда на пару дней, отмечал командировку и быстро возвращался... но отнюдь не в Москву, а в Сыктывкар, где поселялся у меня. С утра до ночи на моей машинке он кропал диссертацию, а М. П. Кетрис его питала и целыми сумками таскала ему книги из нашей библиотеки. Люди, которые его иногда видели в нашем Институте (В. Л. Андреичев или Л. В. Махлаев) и не подозревали о том, что он находится здесь, так сказать, на нелегальном положении.

В конце каждого такого секретного пребывания (это было, кажется, раза три) он выдавал мне машинописный «отчет», в котором занудно сообщал, сколько процентов диссертации им сочинено...

Дело шло споро, и я тихо радовался, предвкушая его скорый триумф.

Однако как-то незаметно эта секретная работа прекратилась. Он не счел нужным объяснить — почему, а я, оскорбленный, — не спрашивал.

Катастрофа. В 1995 г. на очередных лыжных гонках его хватил тяжелейший инфаркт прямо на дистанции. Когда мы с М. П. Кетрис посетили его в московской клинике, где он выкарабкивался практически с того света, он выглядел очень бледно.

За этим последовали события, знакомые мне только по его рассказам и письмам. После выписки и реабилитации выяснилось, что дальше жить он не сможет — необходима операция на сердце такого же типа, как у Ельцина, но более тяжёлая.

Российский лыжный союз и мировое сообщество лыжников-любителей собрали большие деньги и определили его в германскую клинику, где ему сделали сложную операцию.

1998 г. — Меморандум. Вторично вернувшись с того света, он заметно прибодрился (хотя в Москве жизнь его проходила в непрерывной борьбе с периодически отнимающимися конечностями и прочими напастями, которые у нас почему-то лечить не умели) — и опять занялся своей невероятной по объёму и напряженности организационной деятельностью — как в Петрокомитете, так и в Лыжном союзе.

В повестке дня у него стояла подготовка очередного Петрографического совещания, для чего он снова явился в Сыктывкар — уже вполне легально. О своей диссертации (как и до инфаркта) он и не заикался — словно бы этого предмета никогда в природе не существовало.

Когда в один из дней он явился к нам в гости, то за ужином ему был вручен Меморандум, приводимый ниже в сильном сокращении (опущены не интересные для читателя пункты).

*Генеральному Секретарю Петрокомитета России,
Президенту Лыжного Союза Спортсменов-Инфарктников России,
Вице-Президенту Аналогичного Международного Союза,
Кандидату геолого-минералогических наук,
Моему Первому и Единственному Учителю
Симону Андрею Константиновичу*

Меморандум

Ваше Превосходительство, г. Генеральный Секретарь,

поскольку всё говорит о том, что Вы всё-таки вернулись с того света — настало время нам, наконец, объясниться.

1. Известно ли Вам, г. Генеральный Секретарь, что в Вашей жизни имеется тёмное пятно — один весьма неблагоприятный поступок. А именно — Вы продали своего ученика. Обычно ученики продают своих учителей, и это как бы даже в порядке вещей. Однако в данном случае Вы — продали меня.

.....

7. Но теперь, когда непосредственной опасности Вашей жизни, слава Богу, как будто уже нет — я бы просил Вас задуматься над тем, что Вы оставите на Земле после себя.

Вместо одного Симона в Петрокомитет наберут 5 бабок, которые много хуже будут делать его работу... Вместо почившего Президента и Вице-Президента найдут других, а почившего забудут через месяц. Внучка в силу естественных причин забудет дедушку через два месяца. Мая будет ухаживать за могилкой. Один Юдович будет помнить своего Учителя до собственной кончины... От силы лет 5 в научной литературе будут еще фигурировать ссылки типа «Пухтель и др., 1990», но и это едва ли...

Не маловато ли?

8. Я предлагаю Вам: чтобы выполнить То, Ради Чего Вас Послали в Этот Мир — НЕМЕДЛЕННО приступить к сочинению компактной книжки (листов на 10) «**Древнейшие горные породы Земли**». Эту книжку необходимо написать за 2—4 месяца — до лета-99.

9. Я отредактирую книжку и напишу предисловие — где изложу биографию автора — Учёного, Спортсмена, Организатора. Можно даже портретик автора поместить (как сказал Поэт, монумент — и то бы вылепили с Вас!)

10. Лыжный Союз даст денег на издание.

11. Книжку надо издать не позднее конца 1999 года. Только так Вы сможете искупить свой неблаговидный поступок, изложенный в пп. 1–5.

Составлено в городе Сыктывкаре 15 ноября 1998 г., воскресенье, в 9 час утра.

Хмыкая и крякая в особо сильных местах, он прочитал Меморандум, и заявил, что увезет его в Москву, где изучит его (как дипломатическую ноту) и даст мне достойный отлуп... Впрочем, он не выдержал (Меморандум его глубоко уязвил) и стал кричать, что диссертации и тому подобная бумажная макулатура — это чушь, суета, прах, зола и чешуя — но зато (!?) благодаря Международному лыжному союзу он объездил за последние годы весь мир и наслаждался Великим Искусством.

— *Я был в галерее Уффици*, — кричал он, — *а Вы, Яша, со своими дурацкими книжками, на которые угробили всю жизнь — Вы видели эту галерею?! Нет, Вы её не видели!!*

В ответ я тоже орал, что я в гробу видел эту галерею, что есть же книжки с цветными репродукциями (смотри себе на здоровье), и что (не в пример ему) художники-то в этой галерее оставили нечто после себя...

Но это был разговор глухих.

Прощание. И вот — он умер. Всё кончено — его уже нет.

Я даже не знаю, где его похоронили.

В загробную жизнь я не верю.

Хотя бессмертие души теоретически вполне допустимо (например, путем записи биологической информации на нейтринно), но практически — зачем бы понадобились Богу наши бессмертные души — для коллекции?

Андрей Константинович ушёл навсегда, а когда я последую за ним — то мы безусловно там не встретимся — и не продолжим дурацкую дискуссию насчет галереи Уффици...

Книга, которую лучше всех мог бы написать только он — не написана. Конечно, что-то в этом роде напишут другие, а что более вероятно — переведут с басурманских языков и будут раболепно ссылаться (нам не впервой, мало ли у нас таких симонов, проложивших новые пути и напрочь забытых?)

Я плачу и рыдаю.

Я потерял Учителя, и эта потеря невозвратна и невосполнима.

Сыктывкар, сентябрь 2000 г.

Авторское-2:
диабаз

В этом весёлом эссе [67, с. 20–21] отражена извечная (и отнюдь не весёлая) полевая проблема — правильная диагностика горной породы.

Сочинение было нацарапано в полевом дневнике в июле 1973 г., на р. Унье. Целый день я в скверных лесных обнажениях опробовал «диабазы» и лишь к вечеру понял, что это всё-таки карбонатные полимиктовые песчаники... Чтобы зализать рану, я в тот же вечер сочинил рассказ. Его первыми слушательницами у костра были две девушки, составлявшие весь персонал моего геологического отряда: моя штатная лаборантка Люся Морохина, и студентка-дипломница Ухтинского индустриального института Тамара Пономарева. Рассказ развеселил моих благодарных слушательниц, а можно ли требовать от беллетристики большего?

ДИАБАЗ²

Геолог Николай отобедал, рыгнул и отправился в маршрут.

Его коллектор, девушка Маруся, взвалила за спину пудовый рюкзак и двинулась за ним. Они давно работали вместе и научились обходиться без лишних слов. Девушка Маруся знала: ежели геолог Николай рыгнул — быть маршруту, а ежели интеллигентно икнул — будет камеральный день.

... Маршрутная пара углубилась в дремучую тайгу.

Непроходимые заросли, без всяких признаков обнаженности, со всех сторон обступали путников. Компас показывал одной стороной на Север, а другой — на Юг. Геолог Николай всегда доверял компасу и шел туда, куда следовало.

В этих непролазных дебрях, где никогда не ступала нога белого человека, находился, согласно описанию Анны Ивановны Антошкиной, «превосходный разрез живетского яруса». Эти сведения геолог Николай почерпнул из эпохальной монографии Антошкиной «Стратиграфия живетских отложений боров-беломошников в связи с проблемой поисков черники».

Через некоторое время геолог Николай остановился, перевел дух, утер пот со лба, достал карту Антошкиной, выдранную из ее монографии, еще раз сверил направление своего маршрута и спросил:

— Маруська! Ты там обнажений не видела?

— Нету, — сказала, подходя, девушка Маруся.

— Где же превосходный разрез живетского яруса? — в недоумении сказал геолог Николай.

— Должно, левее от азимута, — степенно сказала девушка Маруся.

— Почему знаешь? — строго спросил геолог Николай.

— Думаю я так, значит. Подозреваю.

— Взять разве левее? — размышлял вслух геолог Николай, глядя на компас, стрелка которого была ориентирована субмеридионально.

Вдруг его рассеянный взгляд упал на бурые обломки в корнях вывороченного дерева.

— Глянь, Маруська! Обнажение!

Геолог Николай с живостью подошел к вывалу и стукнул молотком по одному из обломков.

— Маруська! Никак диабаз?

Девушка Маруся закурила, присев на свой рюкзак, сплюнула на диабаз и сказала:

— Едва ли.

— Почто споришь? — загорячился геолог Николай. Шаровидная отдельность — раз! Зеленоватый — два! Сверху бурый — три! В целом ни на что не похож — четыре! Все признаки диабазы налицо!

— А у Антошкиной обозначен? — бездушно спросила девушка Маруся.

Геолог Николай снова вытащил из полевой сумки карту Антошкиной, еще раз отыскал среди непроходимой тайги точку 1132, обозначающую «превосходный разрез живетского яруса мощностью 14.752 м», огляделся по сторонам и сказал:

— Ничего у ней не обозначено.

— Значит, не диабаз, — сказала девушка Маруся.

— А что ж тогда?

— А что у Антошкиной?

² Впервые опубликовано в самопальном журнале воркутинского геолога В. С. Озерова «ЗКУ» (Золотоносные конгломераты Урала) и датировано 19 октября 1996 г. Впоследствии напечатано в сборнике «Не ждите нас, жаркие страны. Литературный сборник». Сыктывкар: Милета, 2001. С. 13—15.

— Далась тебе Антошкина! — возмутился наконец геолог Николай. — Это ведь я, лично я нашел диабаз, а не твоя Антошкина! Впрочем... гм... У ней тут показаны песчаники карбонатные с этими... брахиоподами.

— Ищите брахиоподов, дядя Коля, — посоветовала девушка Маруся.

— Ты что?... — поперхнулся геолог Николай. — Нету их тут! Не живут они в диабазах, окаймленные, не климатит им, понимаешь?

— А может раньше жили... — упрямо сказала девушка Маруся.

— Ну нет, девушка, — твердо возразил геолог Николай. — Диабаз-то, он знаешь, какой горячий был? Тут бы суп получился из твоих брахиоподов. Сварились бы они за милую душу, поняла?

Девушка Маруся докурила сигаретку, аккуратно загасила окурком о подошву сапога, поднялась с рюкзака, неспешно приблизилась к вывалу и, немного покопавшись, вытащила бурый обломок, выпачканный в суглинке.

Она потеряла его рукавом, поплевала и снова потеряла. Потом протянула геологу Николаю.

— Вот она, дядя Коля. С ребрышками.

Геолог Николай осмотрел брахиоподу, выругался про себя и спросил девушку:

— А где же тогда превосходный разрез живетского яруса?

— Должно, левее от азимута, — сказала девушка Маруся.

И они снова взвалили свои рюкзаки и пошли по азимуту, но левее.

1.5. Полярные станции

Что это такое • Одинокие женщины Диксона • Гибель полярных станций

Что это такое

Наблюдения Льва Махлаева в пос. Усть-Таймыр [38, с. 191–192]. Лев Махлаев пытается представить себе обитание на полярной станции в 1930-е гг. [38, с. 294]

Однако злключения того сезона на этом не кончились. Ночью на Усть-Таймыр обрушилась пурга, какой я еще не видывал. Снега несло столько, что за доли минуты, требовавшие, чтобы пробежать десяток метров, отделявших наш дом от столовой, он забивал карманы куртки до самого верха! Пурга неистовствовала три дня. Зато мы получили возможность оценить, как великолепно были дома в Усть-Таймыре! Ядро поселка составляли три дома, построенные еще в 1932 году, когда полярная станция была открыта. Оказывается, мы с ней ровесники — у нас один год рождения. Эти дома были сделаны из плотного и толстого бруса сечением 25×25 см. Брус изнутри и снаружи обшивали тесом, причем между досками и брусом укладывалась теплоизолирующая прокладка. Стены комнат и коридоров были оклеены не обоями, а линкрустом — материалом, которым отделывали в те годы вагонные купе и парходные каюты. Окна в домах были с четвертным остеклением: двойные рамы, каждая из которых была остеклена с двух сторон. Форточек не было вовсе: для вентиляции были проделаны отверстия в стенах, задраивавшиеся медными заглушками. Полы укрыты плотными коврами. Тепло в таких домах держалось великолепно. Даже в пургу можно было топить печи через день. Не доходил внутрь и вой ветра. Казалось, за окном тишь и гладь. Но стоило выйти в тамбур, как рев пурги обрушивался на тебя. Выбраться на улицу было почти подвигом. Ладно уж нам идти в столовую. Она напротив: не промахнешься. А каково в такую погоду,

каждые четыре часа выходить на метеоплощадку, чтобы снимать показания приборов?.. Метеоплощадка удалена от крайнего здания поселка более чем на 100 метров. На таком отрезке вполне можно было заблудиться. Поэтому от дома к дому и от крайнего дома к метеоплощадке были протянуты канаты-лееры, которые по инструкции нельзя было выпускать из рук за все время передвижения!

<...>

Вы попытайтесь представить себе: 6 человек коротают в этом домике долгую полярную ночь при керосиновых лампах и свечах... И вокруг на многие сотни километров нет ни поселочка! На запад 410 километров до Диксона, на восток 420 до Челюскина, на юг 600 до Хатанги, а на север до самой Канады нет никого! А они жили, работали... Регулярно заполняли вахтенные журналы. Вот они, лежат тут же. Передавали сводки погоды...

*Одинокие женщины
Диксона*

Вспоминает Лев Махлаев [38, с. 193—194].

Танцы в островном Диксонском доме культуры бывали чуть не ежедневно: в Диксоне было в те годы много одиноких молодых женщин. Почти все радисты и метеорологи, работавшие в местном центре (а это около 100 человек), были выпускницами Ленинградского гидрометеорологического института либо Арктического радиотехникума. Приходили они на танцы нарядные, красивые и... грустные. Мужчины в Диксоне были не те, в которых они нуждались. Временно находящиеся там женатые летчики и геологи, постоянно живущие женатые начальники всех рангов... Ну а кроме них — никому не нужные спившиеся бичи, работавшие на подхвате везде, где удавалось. А этим девушкам, не забывшим Питер, был нужен принц, рыцарь или хотя бы жених. А откуда он там возьмется?! Тем не менее молодость требовала своего. И многие из них дарили нерастратченную нежность и ласку случайным партнерам по танцам: тем же залетным пилотам, заезжим геологам... Я по молодому максимализму тех лет осуждал их, что было, конечно же, глупо. За что? Вы только представьте себе крохотный остров меньше пяти километров в поперечнике. Радиометеоцентр, в котором 90 % сотрудников — женщины, а те немногие мужчины, что есть, давно женаты. Полугодовая полярная ночь с воем ветра, пургами и тоской одиночества. И никаких надежд на перемены в обозримом будущем. А так — у большинства из них появлялись в конце концов дети. В Диксонской школе больше половины детей было, как это говорится, из неполных семей. И далеко не худшие это были дети. А мамы у них были, как я теперь понимаю, просто золотые.

*Гибель полярных
станций*

Как умирает жилье, оставленное людьми. Грустные свидетельства Льва Махлаева [38, с. 290—291].

В начале августа мы добрались до Усть-Таймыра. Грустное впечатление произвел этот безлюдный поселок, который я всего несколько лет назад видел полным жизни! Тогда в домах было тепло и уютно, стучал движок электростанции, горел яркий свет, аэродром сиял гирляндами посадочных огней, из печных труб шел дым... А сейчас — внешне, при взгляде издали, все вроде бы цело, но сразу ощущается отсутствие жизни. Даже не понятно почему. То ли оттого, что не видно ни людей, ни собак... То ли оттого, что не слышно ничего, кроме уныло-монотонного бряканья оборванного антенного провода с фарфоровым изолятором о крышу радиорубки... Вблизи хорошо видно, что поселок гибнет. Стекла во многих окнах полопались, часть печных труб обрушилась, стены перекосило напором откуда-то взявшихся наледей... Все же без людей жилье не существует: оно разрушается очень быстро!

Но пока еще поселок сопротивляется. Он не хочет умирать. Люди покинули его всего-то лет пять назад, и кажется, дома еще верят, что они не брошены, что люди вернуться. И поселок держится из последних сил, ждет их! Наш приезд, видимо, укрепил эти надежды. Мы нашли дом получше, самый древний в Усть-Таймыре. Первый жилой дом, построенный в самом начале тридцатых годов. Он был не из бревен, а из мощного бруса (25×25), плотно подогнанного друг к другу. Снаружи и изнутри брус обшит тесом. Стены комнат оклеены линкрустом. Печи в этом доме еще не успели развалиться. У входа возвышалась большая груда каменного угля... Через пару часов из трубы пошел дым. Наши женщины и Коля Чугунов взялись за уборку: мыли окна, драили полы... И все же еще дня три в доме держался нежилой запах застоявшейся сырости. Но в конце концов он исчез. А может, мы просто пообвыклись, и перестали его ощущать.

1.6. Маршрутные будни

1.6.1. Питание геолога

Питались грибами и ягодами • Полевой хлеб • Газовая кухня на Чукотке • Бочковые печки на Чукотке • Мытьё посуды • Черемша • Тяньшаньский маршрут за продуктами • Как строят лабаз в тайге • Гений грыз сухарь • Неужели Бродский? • Лучшее время маршрута... • Молодой Евтушенко на Рудном Алтае • Распили баллон спирта • Авторское-3. Голодовка

*Питались грибами
и ягодами*

Изучение Хибин под руководством Ферсмана в начале 1920-х гг. было невероятно тяжелым. Академик Д. И. Щербаков в своей книжке о Ферсмани приводит воспоминания минералогa Б. М. Куплетского [66, с. 26–27].

«Помню, — пишет один из главных участников работ Б. М. Куплетский, — как во время одного многодневного маршрута в горы нас подвела испорченная 10-фунтовая банка мясных консервов, в связи с чем два дня нам пришлось питаться только исключительно ягодами и грибами. Помню и первый подъем на вершину Кукисвумчорра, где нас накрыл туман и где мы вынуждены были двое суток плутать, не имея возможности спуститься вниз. Ночевали мы тогда между скалами, согреваясь только собственным теплом и редкими глотками спирта, так как никакого топлива на вершине не было. Помню и первый трудный переход в центральную часть Хибинских гор к озеру Малый Вудъявр в 1921 г. Александр Евгеньевич проник сюда еще раньше с группой в 5 человек (пройдя через ущелье Географов с разезда Белый (теперь ст. Апатиты); мне же на ст. Хибины он прислал распоряжение привести к озеру вторую группу в 6 человек через ущелье Рамзая, назначив встречу на следующее утро на северном берегу этого озера. Без точных карт, без всякого опыта больших переходов, при необходимости тащить на себе недельный запас продовольствия и снаряжения — это была нелегкая задача. Но зато как радостна была встреча обоих отрядов на новом месте после того, как трудный путь остался позади».

Полевой хлеб

Георгий Горелов рассказывает о выпечке хлеба в горах Кузнецкого Алатау [22, с. 106–107]. Ася — жена Горелова, палеоботаник.

В полевых условиях мы питались очень просто. Вместо хлеба в костре на лопате пекли пресные лепешки. Скоро лепешки надоели и захотелось настоящего хлеба. В экспедиции была лишь одна женщина, жена техника-геолога, но она выпекать хлеб не умела, мужчины в этом деле также ничего не понимали. Пришлось мне с нарочным написать Асе письмо с просьбой дать рецепт приготовления кислого теста. Со Сталинском (это нынешний Новокузнецк — Я.Ю.) у нас была связь, для этого использовали верховую лошадь. Ася быстро откликнулась, прислала теплое письмо, рецепт и дрожжи. Я попросил нашу повариху приступить к делу. Как она ни старалась, с выпечкой хлеба у нее ничего не получалось. Пришлось взяться за это дело мне. Я взял у нее кастрюлю с заведенной опарой, застегнул палатку на все шнурки и отправился в маршрут. День был жаркий, душный. Поздно вечером, возвратившись с маршрута, я заглянул в палатку и ужаснулся: тесто из кастрюли плыло на мой спальный мешок. У поварихи тесто не получалось потому, что она заведенную опару ставила в холодное место. Я попросил повариху довести дело до конца. Ребятам поручил сделать в террасе печь и нарубить дрова. Мы сложили печь, обложили ее со всех сторон каменными плитами, сделали трубу и дверь. Три раза протопили печь дровами, чтобы пол и стенки прогрелись, а потом освободили пол от золы. К этому времени подошло и тесто. Пол печи мы выложили лопухами. Пекли хлеб, плотно закрыв двери. Через некоторое время хлеб был готов, истряпуха попросила нас оценить его качество. Все единогласно пришли к выводу, что подоувый хлеб получился отменным и такого хлеба в магазинах Сталинска не купить. С этого времени и до конца сезона мы были обеспечены своим вкусным хлебом.

Газовая кухня на Чукотке

Профессор геолфака МГУ Ю. К. Бурлин рассказывает о весновке вблизи чукотского озера Имыней-Гыткин. По-видимому, он описывает случай — уникальный [10, с. 195].

На Чукотке проблема с растительностью и нет дров. Но нам крупно повезло. Обследова берега озера, мы обнаружили в одном месте прибрежную полынью, в которой со дна поднимались пузыри. Это оказался естественный выход метанового газа. Наши умельцы полынью расчистили и немного расширили. Затем при помощи широкой гидрогеологической воронки и резинового шланга построили газопровод, на конце его из камней сложили плиту, и весь сезон у нас постоянно работала газовая кухня, дров не надо, сажи нет, всё чисто, культурно. Вокруг ни души, ближайший населённый пункт и погранзастава в 130 километрах. Поскольку почти все интересующие нас объекты были ещё прикрыты снегом, наша жизнь носила несколько курортный характер. Протяжённый склон, под которым мы стояли, был очень хорош для катания на лыжах, при ярком весеннем солнце на снегу было замечательно, и мы даже загорали, благо комаров ещё не было. Но весна шла очень быстро, и надо было втягиваться в работу.

Бочковые печи на Чукотке

Он же повествует о печках для выпечки хлеба, которые они делали на Чукотке в 1960-е гг. [10, с. 196].

Проблема, конечно была с хлебом, поскольку сухари и галеты всё же надоедают. Но благодаря сообразительности В. В. Донцова нам всё же удавалось лакомиться свежим хлебом. По его проекту мы сооружали печи, в которых и выпекали хлеб. Для этой цели использовались железные бочки, разбросанные кое-где по тундре. Эти бочки с бензином и соляной сбраивались самолётов в определённых местах для заправки вездеходов и вертолётов, которые обеспечивали работу экспедиции, проводившей здесь миллионную геофизическую съёмку. Кроме того,

скопление бочек мы встретили и в подножье одной из гор, на которой в свое время геодезисты вели работу по установке тригонометрической вышки (обустройство и определение точных координат такого пункта высокого класса точности является очень сложной работой). Бочка с одного торца полностью вырезалась, а другой стороной вкапывалась в склон. В боковой стенке бочки сверху вырезалось отверстие для трубы. Большим мастером устройства этих печек был начальник нашего отряда В. В. Донцов. В бочку укладывались каменные валунчики и ветви кедрового стланика. Когда они прогорали, а камни накалялись, в печку ставились формы с поднявшимся к тому времени тестом. Хлеб получался прекрасный.

Мытьё посуды

В своей экспедиции на поднятие Чернова — под началом сына А. А. Чернова, Георгия Чернова — тогдашний лаборант Коля Юшкин (будущий академик и директор нашего института) впервые наблюдал хорошо известный полевикам способ мытья посуды [73, с. 46—47]. (Волька — В. Оверин).

Признаться, дежурство не очень приятное занятие. Самым тоскливым казалось его завершение: мытьё посуды. Отмыть пригоревшие кастрюли, груды тарелок и ложек не так-то легко. Все ложатся спать, а дежурный, проклиная свою судьбу, плетется к речке, предвкушая предстоящие муки. На мытьё уходит с полчаса. Здесь уже диметилфталат не помогает. Он сразу же смывается водой. Приходится полчаса кормить комаров.

У Вольки подгорели все блюда, и драить сразу три кастрюли было свыше его сил. Кое-как очистив одну, он плюнул на остальные и побросал их в речку.

— *Пусть мокнут. Завтра вымою.*

Наутро Волька поднял лагерь веселым криком:

— *Всё! Конец! Больше посуду мыть не придется!* — Он совал каждому под нос чисто, до блеска вымытую кастрюлю.

— *Хорошо вымыл. А зачем же крик?* — проворчал начальник.

— *Какое к чёрту, вымыл! Рыбы вымыли! Смотрите!*

Схватив грязную миску, Волька побежал к реке и бросил её в воду. Мы подошли к нему. Не успела миска затонуть, как ее закрыла сплошная черная пелена. Что это?

Мальки! Целая туча мальков! Они набросились на остатки каши и за несколько минут вычистили миску так, что лучше нельзя было отмыть с мылом. С тех пор мы посуду не мыли. Это делали за нас мальки. Только на берегу моря, где рыбы мало, пришлось снова браться за мочалку, мыло и песок.

Черемша

Черемша — спасение от цинги! Рассказывает Владимир Обручев [2, с. 46—47]. А мы и не знали этого её волшебного свойства, поскольку в наше-то время о цинге давно забыли.

В утесах обоих берегов появились другие породы, чем на Лене: белые, серые и розоватые граниты и кристаллические сланцы. Среди реки кое-где поднимались острова, также покрытые лесом. Один такой остров, уже недалеко от резиденции Бодайбо, назывался Цинготный. На нем в изобилии росла черемша — растение с сильным запахом и вкусом чеснока. На этот остров в начале лета вывозили с приисков рабочих, больных цингой, которые жили в балаганах из корья, питались одной черемшой, которую сначала ели, передвигаясь ползком за отсутствием сил, и очень быстро поправлялись и вставали на ноги.

*Тяньшаньский
маршрут
за продуктами*

Какие мысли посещали студента-дипломника Юрия Ткачева, отправленного в Центральном Тянь-Шане в трехдневный маршрут за продуктами в посёлок при свинцовом руднике Чолок-Терек. На пути (~30 км) ему надо было преодолеть два перевала, причем один из них — снежный, выше 3000 м. «Маршрут проделал преимущественно скальный и ледово-скальный». Его напутствовал начальник отряда, геолог Юрий Петрович Пивоваров [62, с. 82–83].

— Выйдете с конюхом завтра утром с рассветом. Спуститесь на лошадях до Минкуша, переправитесь. Дальше вверх пойдешь один, а он вернется. День — туда, день — обратно. После завтра вечером конюх с лошадьми будет ждать тебя у речки, чтобы переправить назад. С собой возьмишь рюкзак для продуктов, самый большой, деньги, карту, компас и молоток. Вместо ледоруба. Всё.

<...>

Утром с восходом солнца я был переправлен на правый берег Минкуша и стал круто подниматься по южным расщелинам хребта Кавак-тоо. Шлось хорошо. Только тяжелая с пистолетом и компасом полевая сумка выворачивалась из-за спины вперед и колотила по бедрам. Шум реки затих далеко внизу. Каменные громады гор как будто росли по мере подъема. Мысли были редки и чисты, как горный воздух. Повседневная суета осталась где-то далеко внизу. Думалось — недаром буддийские монастыри строят на предельной для обитания высоте. Мысли перескочили на геологию: как Кавак-тоо медленно, но верно зажимает речку в узком ущелье, а потом совсем сомкнется с южным хребтом. А потом, потом все эти хребты исчезнут и будет равнина, а потом снова будет рифт, океаническая впадина, а потом снова горы. И будут, возможно, лазать по ним какие-то похожие на нас существа-геологи и снова составлять геологические карты этих мест — этих по географическим координатам, но совсем других по сути. А мы? Где будем мы, и что останется от нас через сто-двести миллионов лет? Повлияет на что-нибудь наш сегодняшний труд? Полная перемена декорации и полная смена исполнителей: языка, облика, возможностей. Жуть... А может, разбежаться и со скалы — вниз. Нет, нет, глупости. Здесь же так интересно жить.

*Как строят лабаз
в тайге*

Вадим Сафонов подробно рассказывает о том, как строят лабаз [57, с. 98].

Древнейший способ сохранить продукты и вещи в тайге — это построить лабаз, эдакий склад на деревьях. Из тундры, где нет деревьев, в тайгу пришел другой способ «лабазить» продукты и снаряжением с помощью бочек из-под авиационного топлива. Но способ этот проигрывал тем, что медведи, от которых и «городится этот забор», частенько скатывали бочку в ручей, и продукты намокали.

Грамотно же построенный лабаз чрезвычайно редко удается разграбить хозяину тайги.

Но в трудное время неурожая шишки медведь все же с характерной для него настойчивостью решает этот вопрос, перегрызая дерево-опору.

Настоящий, рассчитанный на неоднократное пользование, лабаз строится в виде легкого, тонкостенного сруба на деревьях и покрывается корой. Одноразовый лабаз сооружается просто, в виде площадки, на которой вещи закрываются брезентом.

Деревья-опоры лабаза спиливаются на высоте не менее трех метров, причем спилы желательно сразу делать в виде желобков, удобных для бревен площадки. С деревьев сдирается

кора, они становятся скользкими, мокрыми от сока, и по таким гладким стволам ни медведь, ни россомаха забраться уже не могут. Кроме того, для этого же воздвигаемая площадка должна «уходить за опоры», по площади быть больше основания. Деревья, стоящие рядом с лабазом, спиливаются, дабы не дать возможность россомахам с них перебраться на лабаз. Лестница, используемая людьми, бросается под лабазом — звери не догадываются ее приставить.

Эвены, кочующие в родной тайге почти круглый год, летом обязательно «лабазят» зимнюю одежду и снаряжение.

*Гений грыз сухарь.
Неужели Бродский?*

Калининградский морской геолог Емельян Емельянов, бывший на своей первой производственной практике в геолого-съёмочной партии в Горной Шории, рассказал любопытную историю [27, с. 76–77]. Очевидно, Саша — это не кто иной, как геофизик и бард Александр Городницкий. А вот кто был этот безымянный будущий «нобелевский лауреат» — осталось неясным...

Проснулся я утром от громких разговоров, доносившихся из шестиместной палатки. Все мы поднялись, подошли к этой палатке. Спрашиваем: «В чём дело?». Саша поясняет: Просыпаюсь я от хруста: в палатке раздаётся звук, как будто крыса что-то грызёт. Открываю глаза и вижу, что кто-то сидит у выхода из палатки и что-то грызёт. Я сообразил, что грызут наши последние сухари из НЗ. В человеке я узнал нашего рабочего. Я ему говорю: «*Что же ты делаешь, гад! Это же наш НЗ! Если ты всё сгрызёшь, мы умрем с голоду!*» А он отвечает: «*Вы можете умирать, так как никакого толку от вас не получится. А я — гений! Мне умирать нельзя!*» Этим грызуном оказался рабочий отряда, приблудший как-то в геологическую экспедицию и распределённый к нам в отряд. В его обязанности входило таскать рюкзак с образцами, рыть шурфы и закопушки для изучения осадочных пород. Не знаю, действительно ли этот рабочий был гением, но то, что он стал лауреатом Нобелевской премии по литературе — это факт.

Ну, а Саша, начальник нашего отряда, стал доктором наук и одновременно известным на всю страну поэтом и бардом.

*Лучшее время
маршрута...*

Лучшее время в маршруте на Чукотке — по мнению В. Масленникова [57, с. 128]. Пожалуй, я (Я.Ю.) в отношении своих маршрутов с ним соглашусь ...

В маршруте, говоря откровенно, самое лучшее время — обеденный привал, особенно, если подгадаешь на хорошее место. Я больше всего любил останавливаться на высоте, у самых снежников, где еще попадались чахлые прутья карликовой березки, годные для небольшого костерка. Отсюда открывался захватывающий вид — уходящие вдаль горы, долины чистых рек с проблесками широких плесов и пойменных озер, близкие тугие облака, крупный белохвостый орлан, свободно парящий в высоте, и ты один, совсем один среди островерхих гольцов и медленных облаков.

*Молодой Евтушенко
на Рудном Алтае*

Достоверное свидетельство коллектора и завхоза, будущего поэта Евгения Евтушенко — о добывании пропитания для геологов, работавших в рудном Алтае. Вероятно, 1950-е? [19, с. 178].

ПРОДУКТЫ

Мы жили, помнится, в то лето
среди черемух и берез.
Я был посредственный коллектор,
но был талантливый завхоз.

От продовольственной проблемы
я всех других спасал один
и сочинял я не поэмы,
а рафинад и керосин.

И с пожеланьями благими
субботу каждую меня
будили две геологини
и водружали на коня.

Тот конь плешивый, худородный
от ветра утреннего мерз.
На нем, голодном,
я, голодный,
покорно плыл в Змеиногорск.

Но с видом доблестным и смелым,
во всем таежнику под стать,
въезжал я в город — первым делом
я хлеба должен был достать.

В то время с хлебом было трудно,
и у ларьков уже с утра
галдели бабы многолюдно
и рудничная детвора.

Едва-едва тащилась кляча,
сопя, разбрызгивая грязь,
а я ходил, по-детски клянча,
врывался, взросло матерясь.

Старанья действовали слабо,
но все ж,
с горением внутри,
в столовой Золотопродснаба
я добывал буханки три.

Но хлеба нужно было много
и я за это отвечал.
Я шел в райком.
Я брал на бога.
Я кнутаовищем в стол стучал.

Дивились там такому парню:
«Ну и способное дитя!»—
и направление в пекарню
мне секретарь давал, кряхтя.

Как распустившийся громила,
грозя, что все перетрясу,
я вырывал еще и мыло,
и вермишель,
и колбасу.

Потом я шел и шел тропюю.
Я сам навьючен был, как вол,
и в поводу я за собою
коня навьюченного вел.

Я кашлял, мокрый и продутый.
Дышали звезды над листвою.
Сдавал я мыло и продукты
и падал в сено сам не свой.

Тонули запахи и звуки
и слышал я
уже во сне,
как чьи-то ласковые руки
шнурки
развязывали мне.

*Распили баллон
спирта*

В. Е. Хаин рассказывает об экскурсии компании академиков на Приполярный Урал [64, с. 150–151].
(Правда, какой это был год — из его книги неясно).

По линии тектонической секции Научного совета проводились и другие экскурсии, в частности, на Приполярный Урал и Тиман с участием В. Д. Наливкина, Е. Е. Милановского и Р. Г. Гарецкого. Стояли мы лагерем на реке Кожим, ловили рыбу, варили уху, сидели вечерами у костра, пели песни, но не потребляли ни одной рюмки спиртного, ибо было это в разгар антиалкогольной кампании и никто не хотел подводить В. И. Богацкого — организатора экскурсии — директора Ухтинского филиала ВНИГРИ. А потом оказалось, что у нас целый баллон спирта, который после нашего отъезда из лагеря благополучно распили рабочие, которых привез с собой Богацкий. Вот были времена!

*Авторское-3:
голодовка*

Ниже помещен весёлый рассказик, написанный после окончания весьма успешного сезона-1977 на Пай-Хое [67, с. 31–32]. Реальная голодовка проходила на о-ве Марей-го, в нижнем течении р. Кара.

ГОЛОДОВКА³

Задолго до 5-го сентября — даты, на которую был заказан вертолет — я объявил персоналу: «Если 5-го вертолета не будет, то со следующего дня начну голодать».

Этим своим ходом я надеялся из одного ствола убить сразу 6 зайцев:

(1) сэкономить стремительно тающие продукты, уменьшив угрозу голода на 25 %, ибо нас в отряде было четверо;

(2) поднять у персонала дух — вследствие п. 1;

(3) путем демонстрации могущества своей воли — укрепить свой авторитет, который, как известно, всегда полезно укреплять (на всякий случай);

(4) хотя бы отчасти скомпенсировать последствия непрерывного двухмесячного обжорства — для своего организма;

(5) передать в эфир с помощью радиостанции «Карат» эффектное сообщение: НА КАРЕ ЛЮДИ ГОЛОДАЮТ и хотя бы таким путем умягчить задубевшие сердца воркутинских вертолетчиков;

(6) в случае, если бы не сработал п. 5 — передать другое сообщение: НА КАРЕ ЛЮДИ ГОЛОДАЮТ В ЗНАК ПРОТЕСТА. Тогда за нами хоть КГБ выслал бы вертолет...

Пришло 5 сентября.

Вертолет не прилетел.

Настало роковое утро 6 сентября: я приступил к голодовке.

Основную свою задачу я видел в том, чтобы как можно дальше обходить палатку, в которой топили печку, трижды в день звенели ложки и невыносимо пахло жареной рыбой.

Прошла неделя.

Вертолет не прилетал.

Однако дух мой был бодр, ибо я полагал, что как раз пришло время получить вознаграждение по всем запланированным шести позициям.

Увы! Человек предполагает, Аэрофлот располагает.

³ Статья в стенной газете Института геологии (1977 или 1978 г.). В дальнейшем опубликовано в книге «Уезжают друзья с севера: Литературный сборник» Сыктывкар: Геопринт, 2003. С. 39–40.

Все пошло прахом.

Во-первых, персонал даже не заметил какого-либо изменения в своем рационе. Ибо трое здоровых студентов без малейшего труда пожирали долю хилого старого начальника.

Во-вторых, как следствие из во-первых, — это породило у них чувство неуверенности в завтрашнем дне. Ибо им стало казаться (и они были правы!), что теперь продукты тают еще быстрее, чем раньше.

В-третьих, вместо ожидаемого укрепления, мой авторитет опасно упал. Как выяснилось — персонал просто не мог заставить себя уважать дурака, который добровольно не жрет целую неделю.

В-четвертых, вместо описанной в специальной литературе живительной легкости в организме, изнуренном двухмесячным обжорством, я вдруг ощутил: в почках — камни, в желудке — рези, в сердце — тоны, в печени — всхлипы. Всё это разительно отличалось от прогнозируемой картины укрепления здоровычка.

В-пятых и в-шестых, связаться с внешним миром с помощью радиостанции «Карат» оказалось решительно невозможно: ИХ я слышал, а вот ОНИ меня — нет. Поэтому я не мог передать ни того, что на реке Каре люди голодают, ни того, что голодают они в знак протеста.

Однако ничего иного мне уже не оставалось: я продолжал тупо голодать. Ибо теперь прекратить голодовку было бы и бесполезно для здоровычка, и неприлично, и непедагогично.

Но я утешался мечтою: как я свински нажрусь, когда прилетит вертолет!

Эта трепетно лелеемая мечта дала совершенно неожиданный результат, который, как я думаю, вызвал бы острый интерес дважды нобелевского лауреата — академика Павлова. Всякий раз, когда в воздухе раздавалось гудение (а вертушки шастали над нами ежедневно, только не садились!) — у меня начиналось интенсивное слюноотделение — в точности, как у павловских собачек!

Эпилог

Я уже давно дома. Но дела мои плохи: моя жена подала на развод.

Дело в том, что мы живем недалеко от аэропорта. И вчера она заявила, что с нее хватит — она больше не в силах меня прокормить: ибо всякий раз, когда отправляется или прибывает очередной рейс, я непроизвольно сажусь за стол.

1.6.2. Дом полевого геолога

Четыре типа палаток • Турецкая палатка Обручева • Вспоминает Борис Вронский • Баллада о палатке Станислава Белобяжского • Наивная жена Обручева

Четыре типа палаток

Студенты Владимира Обручева осваивали 4 типа палаток [2, с. 171]. Большинство из нас о них и не слыхали, имея дело, как правило, только с «датскими» палатками, но не подозревая, что они «датские»...

В имуществе геологического кабинета имелись палатки разных типов, и эта практика позволила познакомить будущих сибирских горных инженеров и исследователей с их качествами. Были раскинуты палатки монгольского типа в виде двускатной крыши, датские — в виде домика с вертикальными стенками снизу и сзади и двускатной крышей, турецкие — в виде конуса на одном вертикальном шесте и японские — в виде шестигранника с куполообразным верхом.

Турецкая палатка Обручева [3, с. 73]

Поэтому на базаре в Чарджуе я купил трех верблюдов и двух верховых лошадей, нанял молодого армянина в качестве конюха и повара и пожилого туркмена, знавшего дорогу вверх по Аму-дарье, для ухода за верблюдами. Были куплены также два небольших бочонка для воды на случай необходимости ночлега в безводном месте и сшита палатка из солдатского сукна в виде четырехгранной пирамиды с основанием в квадратную сажень, державшаяся на одной центральной палке. Это была простейшая форма палатки, вмещавшая только двух человек. Ее сшил мне собственноручно один из мелких подрядчиков при железной дороге, занятый на постройке моста через Аму-дарью.

*Вспоминает Борис
Вронский*

Это относится к тому времени, когда бывший колымский геолог, московский пенсионер Борис Вронский занялся поисками Тунгусского «метеорита»; в его экспедиции участвовали и туристы-байдарочники [18, с. 117–118].

Только что мы успели расставить на разогретых камнях нашу палатку, как пошел мелкий морозящий дождь, который теперь нам был не страшен. В палатке было тепло и уютно. Как хорошо в холодный, ненастный вечер сидеть в таком надежном убежище! В консервной банке горит огарок свечи, на горячих, хорошо прогретых камнях навален ворох березовых веток, прикрытых легкой хлорвиниловой клеенкой. На клеенке разостланы телогрейки, одеяло и прочие предметы одежды и обихода, предохраняющие нас от вулканического жара, исходящего от нагретых камней. По туго натянутому полотнищу палатки стучат дождевые капли, и их монотонный, шелестящий перестук создает какое-то особое, умиротворенное настроение. Быстро съедается сытный ужин из ухи, в которой рыбы больше, нежели юшки, делаются необходимые записи в дневнике, а затем сон, глубокий, каменный сон усталости.

Баллада о палатке Станислава Белобяжского [30, с. 3]

Закрыли горы горизонт,
и тучи сини,
Дождь по палатке шелестит,
по тонкой парусине.
Пусть край не обжит и суров,
но мы не пропадём.
Ведь есть у нас надёжный кров,
наш полотняный дом.
Он верно служит нам, друзья,
уже немало лет.
И дома лучшего для нас,
наверно, просто нет!

*Наивная жена
Обручева*

В это время (по-видимому, 1896 г.) Владимир Обручев изучал отложения угленосной юры на левом берегу Селенги, в районе озера Гусиного... [2, с. 116].

Во время моего обследования этой местности на левом берегу Селенги моя жена захотела познакомиться с условиями моей полевой работы. Она думала, что геолог может разъезжать вместе со своей семьей и что ночлеги в палатке удобны и заманчивы. Вместо моей легкой повозки запрягли наш тарантас, в котором они прибыли из Иркутска в Ганзурино, и мы с обоими детьми пяти и восьми лет поехали в нем. Я останавливал экипаж для осмотра попутных обнажений, во время которого дети могли побегать у дороги. Но часы шли, жена и дети устали от езды и жары. На ночь остановились на земской квартире, где удобств было, конечно, больше, чем в палатке: был самовар, молоко, яйца; спать на полу не очень понравилось. Второй день прошел сравнительно хорошо, но ночевать пришлось на берегу озера Щучьего, где вечером в палатке осаждали комары, а ночью было холодно; не понравился и ужин, сваренный в котле на костре. Поэтому на следующее утро жена и дети предпочли уехать в тарантасе назад на мельницу, а я отправился дальше.

1.6.3. Холодные ночевки

Трехдневный маршрут в горах • Саянские будни • Под дождем в голой тундре • Разминулись с каюрами • Маршрутные будни колымского геолога • Рокотуля вместо палатки • Одинокая ночёвка в пустыне

Трехдневный маршрут в горах

Ночевка 35-летней Варсанофьевой (с «Дочерью Монтесумы») 29 августа в трехдневном маршруте 27–30 августа 1925 г. в горной полосе Печоро-Илычского заповедника. Это горный кряж Сотчем-ёль-из в верховьях левого притока Илыча — Сотчем-ёля. А на второй день, когда они уже двигались обратно, на границе леса на склоне Сотчем-ёль-иза их настигает дождь, так что они вынуждены остановиться на обед — а потом и внепланово заночевать... Типичная ситуация в многодневном маршруте — дождь в поле сильнее всяческой геологии... [15, с. 91–93]. Ёе уральские переживания природы — точно такие же, как и 8 лет назад на Тимане. Но тогда ей было 27 лет, а теперь уже 35.

С вершины Сотчем-иоль-иза открывается широчайший кругозор. День безоблачно ясный. Четко выделяются в голубой дали все вершины изов, ярко белеют снега на далеком конусе Тэлпос-иза [по этим снегам мы с Витей Пучковым в 1967 г. съехали на своих молотках обратно в долину Щугора; альпинист Витя научил меня этому запрещенному техникой безопасности приему спуска — «глиссированию» — Я.Ю.]. В широком прорыве Поясового кряжа открывается необъятная синеющая равнина Сибири. На юге, за Болванами [это знаменитая группа каменных столбов («болванов») — Мань-пупу-нёр в самых верховьях Малой Печоры — Я.Ю.] и на севере, за Неройкой и Турыньей, встают неведомые вершины [ведь тогда ещё не было топокарт на эти территории!— Я.Ю.]. На зубцах Шуки еще много снега.

Мы проводим чудный день на вершине и только в 7 ч. 30 м. идем вниз по южному склону. Солнце склоняется к закату и начинают розоветь каменистые склоны изов. Ярko выступает «хребет стегозабра» на вершине Етенева. У края плато вершины давление 684 [это замер по анероиду — способ высотной привязки — Я.Ю.]. Мы быстро спускаемся по осыпям. Это все те же габбро-диориты, необыкновенно удобные и для подъема, и для спуска. Они дают в осыпях по большей части небольшие и устойчиво лежащие обломки. По гладким участкам мы бежим вниз бегом, как когда-то на вершине Monte-Baldo. [Это она вспоминает свою единственную зарубежную поездку — экскурсию в Альпы от Общества распространения техни-

ческих знаний в 1911 г. Ей тогда был 21 год. — Я.Ю.]. На большой террасе у подножья главного конуса отметка анероида 695 [поскольку 1 мм ртутного столба соответствует 12 м высоты, это значит, что они спустились уже на 132 м — Я.Ю.]. На ней много серебристых ивов. Отсюда мы любовались закатом необыкновенной красоты. Все гребни изов были ярко, ярко розовые и сияли на фоне темно-синих теней долин и лесистых склонов. Никогда еще не видела я таких дивных красок. Настоящий Uralgluhen [т.е. «Уральское рдение (горение) — нем. — Я.Ю.]

В 8 ч. 40 м. пришли к лесистой седловине между главной вершиной и южным чуком Сотчем-иоль-иза (или первого чука его Южной чугры, отрезанного от остальной ее части Восточной рассохой Сотчем-иоля). Отметка анероида 717 [значит, что они еще спустились на 264 м — уже в лесной пояс гор — Я.Ю.]. Уютно и жарко будет спать у жарких дров среди низких, густоветвистых горных елей и пихт.

29/VIII. Прекрасно спали у хорошего огня. Улеглись только в 12 часов, так как Василию пришлось долго ходить за водою, а куропаток жарить на вертеле. Пока готовился ужин, я продолжала рассказ о дочери Монтезумы, начатый в предшествующую ночь. Над нами светил уже до половины ущербленный месяц.

Давление за ночь не изменилось — 717. В 3 часа утра на восходе солнца было совсем ясно. Встали в 6 часов. Все небо в серых stratus, плывущих с Ю-В. Плохой признак!

В 8 часов идем уже на Южный чук⁴. Он тоже весь сложен из габбро-диабазы с редкими кусками кварцитовых пород. Габбро-диабазы все тех же типов. Встретились образцы как будто сильнее метаморфизованные, превращенные в сланцы. Высота Южного чука 693 м.

В 10 час. Возвращаемся обратно. Давление начинает падать! У конуса 718. В 10 ч. 10 м. идем в обход восточного склона приблизительно по границе осыпей. В них все те же метаморфизованные габбро-диабазы прежних типов, есть эпидозиты, амфиболиты и т.п. и глыбы с сохранившейся массивной структурой [но по моему небольшому опыту на Полярном Урале эпидозиты «просто так» не появляются — это может быть признак метасоматизма, сопутствующего сульфидному оруденению! — Я.Ю.].

По восточному, как и по южному, склону Сотчем-иоль-иза совершенно не выражена полоса березового парка. До осыпей идет низкорослый ельник. Его граница проходит на отметках 711, 719, 713.5. Намечается пояс серебристых ив [не означает ли это, что здесь близко к поверхности проходит некий водоносный горизонт? Ивы ведь влаголюбивые растения — Я.Ю.].

В 11 ч.15 м. доходим до параллели той возвышенности, которая служит водоразделом между ручьями, сбегаящими в Ичет-Лягу и восточный вож Сотчем-иоль-иза, и притоками Нерим-Ю. Здесь, на высоте с отметкой 713.5, в осыпи в крупных глыбах видны рассланцованные породы типа амфиболитов. Есть и нерассланцованные габбро-диабазы. Немного выше по склону небольшой выход. В нем породы с ярко-зелеными зернами роговой обманки породы с крупными зернами роговой обманки, переходящими в лучистый актинолит [по моим наблюдениям на Верхней Печоре, это признак неких контактовых процессов — Я.Ю.]. В осыпях часть глыб плоские, сильно рассланцованные, другие глыбы угловаты и дают переходы к массивным, нерассланцованным габбро-диабазам.

Вершины Сотчем-иоль-иза в облаках. Идет тонкий дождь из редкой пелены облаков. Продолжаем идти по восточному склону приблизительно по границе лесов [потому что в лесу никакой геологии уже не увидишь, а здесь хоть можно судить о породах по составу осыпей, т.е. по делювию — Я.Ю.]. В осыпях все время габбро-диабазы, участками их динамометаморфические дериваты — зеленые сланцы, изредка отдельные глыбы кварцита или кварцитоподобного песчаника и кварцитового сланца и очень, очень редко куски кварцевых жил.

⁴ На карте назван Сотчем-иоль-из-чугра.

Доходим до лога, из которого течет ручей в Нерим-Ю. Его воронкообразный водосборный бассейн глубоко вдается в массив Сотчем-иоль-иза. Тем временем облака становятся все гуще и ниже, скрывая вершину Сотчем-иоль-иза, и один за другим исчезают соседние изы в пелене дождя. Мы основательно подмокли. Третий час. Спускаемся обедать к зовущему нас шуму ручья. Русло его загромождено глыбами габбро-диабазы и реже глыбами измененного зеленого сланца. Ручей бежит здесь уже в долинке с ясно обозначенными склонами высотой около 12 м, врезающейся в широкое дно лога.

Саянские будни

И. Б. Филиппова описывает свой первый полевой сезон в 1954 г. на северном склоне Восточного Саяна. Это была съемка м-ба 1:200 000 в партии, руководимой молодым Львом Зоненшайном [31, с. 94–95]. (Юра — это окончивший МГРИ Ю. Баранов).

По-другому не скажешь, дремучая непроходимая тайга. Лошади по ней передвигаться не могут, только по единственной тропе. Стало быть, единственная возможность покрыть съемкой территорию — это двух-трехдневные изнурительные маршруты с холодными ночевками без палаток. Геологи тех лет прекрасно знают, что это такое.

Вот мы стоим у костра перед тем, как разойтись в маршруты. Я живо представляю наш внешний облик. Левка в каком-то балахонистом черном костюме, черной помятой шляпе, мальчишки в драных телогрейках и разваливающихся сапогах, мужчины в знаменитых энцефалитках, уже прожженных у костра, женщины в грязных синевато-серых спещовках не по росту. Ну, просто «бомжи». За спиной у каждого рюкзак, в который забиты чехол от спальника, телогрейка или свитер, носки, продукты, посуда, сюда же пойдут образцы. На боку здоровая дерматиновая сумка, которая постоянно спадает и мешает передвижению. Левочка дает последние указания, на что обратить внимание в маршруте.

И вот обычный маршрут, где прыгаешь через завал, где подныриваешь под завал, ломишься через бурелом, малые речушки вброд, не снимая ботинок — сколько вылетит воды, столько и выльется. И только лес, ни одного просвета. Твои помощники в ориентации — солнце (если есть), компас и часы. Знаешь, с какой скоростью идешь и через сколько часов нужно сворачивать с плоского залесенного водораздела, чтобы попасть в отмеченный на карте ручей — приток Агула. А истоки ручья — веер маленьких ручейков. И все текут, и не поймешь куда, в твой ручей или в соседний. Напряжение постоянное, тайга не прощает легкомыслия.

И погода не балует, утром светило солнце, к вечеру небо затянуло тучами. Самое неприятное, когда просыпаешься ночью под деревом от того, что холодный дождь льет тебе в лицо, за шиворот, вещи отсырели. Ты собираешься в кулечек, в копеночку под деревом и, дождавшись рассвета, трогаешься в обратный путь к лагерю. Дождь льет, хватаешь по дороге камни, запикиваешь в рюкзак, карманы куртки. Карту вытаскиваешь, прикрыв от дождя телом. Записи — на клочке бумаги и тоже в карман. Полевой дневник под дождем не достанешь. В жару одолевали мошка, особенно «мокрецы», вгрызающиеся в кожу, распухает лицо, руки. Диметилфталат спасает ненадолго, а мешаясь с потом, попадает в глаза, начинается жжение. Но самое неприятное были клещи. Они впивались в самые мягкие части тела, и вечером (как ритуал) каждый снимал с себя по 20–30 штук. Их в конце мая особенно много и часть из них энцефалитные. Оказывается, район был энцефалитным, а нам перед выездом в поле не были сделаны даже прививки. Большинство из нас, как говорится, Бог миловал, а вот Юра через год заболел.

У него началось необратимое ослабление мышцы верхнего века над одним глазом настолько, что веко почти прикрыло глаз, а позже то же самое случилось со вторым глазом.

*Под дождём
в голой тундре*

Холодная ночевка на Вайгаче. Рассказывает Николай Юшкин [72, с. 50—51].

За Талатой опустился туман, к счастью, не очень густой. Метров на пятьсот тундра все же просматривалась. Зарядил непрерывный, довольно густой дождь. Укрылись прорезиненными плащами и пошли дальше. Под дождем взяли пробы еще с двух диабазовых тел. Стало темно, но на ночевку остановиться негде. Ни дров, ни укрытия. Если уйти к берегу, там не лучше. Мы надеялись дойти до озера Пайгото, где как мы знали, у Л. Романцова были оставлены две бочки ненужного теперь бензина. На дрова не надеялись — последние остатки сожгли януловцы, когда там работали, а основное было спалено еще задолго до них рыбаками и охотниками.

В темноте не то что бочки, а и озеро найти очень трудно. Укрыв карту плащом, я насколько возможно точно вычислил азимут, ввел поправки на склонение и сближение. Шли строго по компасу, подсвечивая путь фонариками. В темноте так прошли два километра и вышли точно к бочкам. Дождь не утихал.

Пока лазали вокруг бочек в поисках посуды, в которую можно было бы налить бензина, наткнулись на кусочек прогнившего, замшелового барачного пола, уже полузатонувшего в тундре. Видимо, никто не надеялся, что эти доски могут гореть, и их не тронули. Найденными тут же кусками железных труб мы разобрали этот кусок и вытащили мокрые, грязные тяжелые байдачины. Обильно поливаемые бензином доски все же горели, даже под проливным дождем, и нам удалось сварить кашу и два раза заваривать чай.

Ночь, конечно, не спали. Стояли у костра, подставляя свои спины под дождь, а когда они промокали, поворачивались спиной к костру. Так и вертелись, ожидая рассвета.

*Разминулись
с каюрами*

Переброска лагерей оленями. Вынужденная холодная ночёвка, в описании геолога Вадима Сафонова [57, с. 110].

Караван идет по долинам, а мы, параллельно их ходу, — маршрутами. Вечером встречаемся в назначенном месте, на котором никто раньше не был, километрах в восьми — пятнадцати от прежнего лагеря. Но иногда назначенная встреча не происходит. Заблудиться или не дойти каюры не могут. А вот «проскочить» точку на карте в поисках места, удобного для корма оленей — запросто. В таких случаях собравшиеся после маршрута геологи начинают искать караван по следам. Но часто какая-то маршрутная пара задерживается, и светлое время суток кончается. Тогда все остаются на «холодную ночевку».

Если не будет дождя, то это довольно просто. Сначала нужно обеспечить себя дровами на всю ночь. Для этого вручную валится тонкий листовичный сухостой, который всегда в наличии. Стволы деревьев укладываются на раскаленные угли параллельно друг другу, почти вплотную. Так они обеспечивают долгое горение с равномерной отдачей тепла. Из рюкзаков достаются «зачапки»: пакетики с супом, банки сгущенного молока, тушенки, сухари, чай, и ужин обеспечен. А частенько бывает и несколько куропаток, убитых в маршруте и запеченных на углях.

Индивидуальный настил из лапника кедрового стланика, свитер из рюкзака под энцефалитку, и теплая ночевка приходит на смену холодной.

Утром каюр, вставший с рассветом, найдет вас раньше, чем вы успеете проснуться.

*Маршрутные будни
колымского геолога*

Виктор Володин описывает типовой одиночный маршрут летом 1943 г. в верховьях Колымы, в котором холодные ночёвки были делом вполне обычным [16, с. 237–238].

Остановившись на ночлег, сначала разжигаешь костер, предварительно натаскав кучу сухих лиственничных дров. Удобней всего сухостой — молодые погибшие от пожара лиственницы, продолжающие стоять, или поваленные потом ветром. Затем рубишь своим ножом-секачом зеленые ветки кедрового стланика или лиственницы и устраиваешь из них постель. Потом вытаскиваешь из рюкзака котелок, наполняешь его водой, а когда она закипает, насыпаешь туда крупу, солишь, заправляешь растительным маслом из пузырька и ешь, отодвинув котелок от огня, и сидя на своей свежей постели из веток. Я любил носить с собой в мешочке манную крупу, потому что она, во-первых, очень быстро варится, а во-вторых, очень портативна, занимает мало места в твоём рюкзаке, а также с пузырьком масла, солью и хлебом мало весит.

Вся возня с устройством ночлега, костром и ужином занимает совсем мало времени. После этого ты подкладываешь в костер дровишек потолще, укрываешься суконным одеялом, и прямо в телогрейке на постели из веток быстро засыпаешь безмятежным сном, не нарушаемым сновидениями. Суконное одеяло спасает твою ватную телогрейку и тебя от искр, выбрасываемых костром, когда горящие поленья, потрескивая, «стреляют», и ты не рискуешь превратиться в факел, когда телогрейка затлеет от искры, а потом задымит. Кроме того, то же одеяло спасает тебя от дождя или от снега, которых ты даже не почувствуешь, продолжая мирно спать, а телогрейка не даст тебе продрогнуть.

Но если ночь выдается особенно холодной, твой сон автоматически прервется, ты встанешь, подложишь дров, погреешься немного у вновь запылавшего костра и уляжешься опять досматривать сны, которых опять не увидишь.

Утром, опять заправившись полужидкой манной кашей, напьешься чаю и вновь пойдешь на сопку, чтобы продолжить свой маршрут, опять будешь искать проявления полезных ископаемых, искать окаменелые остатки морских животных, главным образом моллюсков, живших на Земле сотни миллионов лет назад, будешь описывать горные породы, по щебню которых ступают твои ноги, искать их коренные выходы — скалы, чтобы определить, как они залегают, куда простираются, протягиваются их пласты, и куда и под каким углом они падают. Будешь на карту наносить точки твоих геологических наблюдений.

*Рокотуля вместо
палатки*

Виктор Володин рассказывает о том, как охотники и лесорубы строят шалаш из кедрового стланика — «рокотулю» [16, с. 71].

Строятся они так: на расстоянии двух-трех метров друг от друга ставятся два треножника, связанных или как-то скрепленных из трех жердочек каждый. Одна жердочка в каждой из них должна быть в полтора-два раза длиннее, чем две другие. Ставятся они так, чтобы длинные жердочки были направлены параллельно в одну сторону. На них укладываются горизонтальные жерди, к которым потом прислоняются ветви кедрового стланика комлями вверх. Сначала ставят нижний ряд, потом внахлестку следующий, чтобы он вершинами ветвей перекрывал комель предыдущего ряда, и так далее. Тогда вода во время дождя стекает, и в палатке можно укрыться.

Перед шалашом разводится костер из толстых бревен. Наклонный потолок отбрасывает тепловые лучи вниз на спящих людей, и в шалаше становится теплее.

Но это, собственно говоря, только половина рокотули. Когда людей много, ставится и другая такая же половина, обращенная открытой стороной к первой, а костер оказывается между ними.

Одинокая ночёвка в пустыне

Потеря тюка — довольно обычное происшествие при работе с вьючными животными; оно случилось при возвращении экспедиции Обручева в Кызыл-арват [3, с. 91].

Поэтому я вернулся к колодцам Игды и по старой дороге через грядовые пески направился в Кызыл-арват. На первом ночлеге в песках случилось маленькое происшествие. Когда мы остановились и стали развьючивать верблюдов, оказалось, что с одного вьюка исчез тюк со всем имуществом моего рабочего. Он был, очевидно, плохо привязан и по дороге свалился, а проводник и рабочий, ехавшие впереди верблюдов, не заметили этого. Теперь им пришлось, наскоро напившись чаю, поехать назад и искать тюк, хотя солнце уже садилось.

Я остался один возле палатки и верблюдов, уже уложенных на ночь, а люди поехали на лошадях. Стемнело; я развел большой костер, так как топлива в виде деревьев саксаула было достаточно. На небе засверкали звезды; огонь освещал соседние песчаные холмы; на них выступали темными кучами кусты. Ночь была тихая и теплая; полную тишину пустыни нарушало только потрескивание дров и звуки медленной жвачки верблюдов. Было немного жутко в полном одиночестве среди пустыни, приходили мысли о возможном нападении волков или каких-нибудь людей. Мы ведь находились на большой караванной дороге в Хиву, и проезжие, заметив, что я один, могли воспользоваться случаем и угнать верблюдов, может быть захватить палатку и вещи. Так прошло часа три, и время близилось к полуночи, когда я расслышал голоса и звяканье удил и стремян. Вернулись мои спутники, нашедшие тюк далеко от места ночлега.

1.6.4. Кукуль

Что такое кукуль • Куваев правильно описал кукуль • Великие оледенения и кукуль

Что такое кукуль

Вадим Сафонов описывает полевые условия работы в Чукотской тундре [57, с. 22–23].

Погода — это то, от чего здесь зависят твоя работа и жизнь.

Ветер — настоящий хозяин Чукотского полуострова, тот, о котором ты помнишь всегда, так постоянно и значительно его присутствие. Зимой он несмолкаемо гудит за окном, разгоняя пургу; летом, в маршруте, весело трубит на конце ствола за спиной и свистит в волосах. Благодаря ветру на полуострове практически нет комаров.

Но главные враги геолога в этом краю — холод и дождь. Первый облегчает работу и при нагрузке не дает перегреваться организму. Человек быстро закаливается, привыкая к нему. Второй же совсем не таков. Мелкий, порой еле ощущаемый, дождь приходит, когда ты его не ждешь. Он может исчезнуть так же незаметно и опять вдруг начаться. Дождь воспринимается врагом тогда, когда появляется изо дня в день и не дает просыхать рабочей одежде. Но сильное дождливое лето бывает редко.

У чукотского геолога три друга: палатка, примус и спальный мешок «кукуль», сшитый из выделанных шкур северного оленя мехом внутрь.

Здесь, на полуострове, почти нет природного топлива для костра. Только кое-где у русел рек можно встретить кустарник ольхи. В маршруте чай кипятят, кидая в огонь пучки стелющегося по земле растения, напоминающего таежную ягоду шикшу. Его тонкие, но густо растущие стебли усеяны мелкими смолистыми иглами, дающими при хорошей тяге сильный жар. Но с костром надо уметь общаться. Как юноша, начинающий дело, огонь не любит, когда его часто поправляют, подкладывая топливо, в то время, когда он разгорается. Ну, а старой чукчанке, загородивший его от ветра двумя плоскими камнями, он вскипятит целый чайник на трех палочках.

Для приготовления пищи и обогрева палатки лучше примуса ничего нет. На местах временных лагерей около бочки с продуктами обязательно ставится канистра с керосином. Ведь тепло здесь — это то, чего так часто не хватает.

Олений мех спальных мешков обеспечивает полноценный отдых и при отрицательной температуре. Таким мешкам не нужны надувные матрасы, ведь мех, густой и упругий, способен компенсировать неровности ложа, а благодаря трубчатому строению волоса он еще и самый теплый.

Кроме того, «кукули» греют, будучи изрядно подмоченными. Современные пуховые мешки уступают им по комфорту. Важным достоинством «кукуля» является его малый вес.

Но «кукуль» имеет два несущественных недостатка. Первый — если мешок из зимней шкуры, то его мех активно лезет. Второй проявляется в том, что при малом весе такой спальник занимает все же много места, и обычно его носят поверх рюкзака. Если тебе достался мешок с короткой шерстью, то это — удача. Такой мех не лезет, занимает маленький объем, а греет, как ни странно, так же, как и длинношерстный.

Куваев правильно описал кукуль

Кукуль, описанный единственным признанным писателем-геологом Олегом Куваевым — нарисован им правдиво! Это признает и Иосиф Тибиллов, имеющий большие претензии к Куваеву, умолчавшему о ГУЛАГе [60, с. 389—391].

Сидел я в компании с хорошими и умными людьми. Людьюми, располагающими к себе. Я как-то не решился быть неискренним и сказал, что самого Куваева считаю писателем талантливым, а к его роману отношусь отрицательно. Довольно подробно разъяснил почему. После моей филиппики один из собеседников, человек с опытом полевой геологии, обеспокоенно спросил: *«А про спальные олени мешки — это тоже неправда? Помните, там герой в маршруте ложится спать в олений мешок — совершенно голым. И ему в этом мешке очень хорошо»*. Оказывается, это место в свое время произвело на него, как на полевого геолога, большое впечатление. Он никогда в жизни не сталкивался со спальными мешками из оленьей шкуры. Поскольку ему не довелось работать на Севере.

И тут я — неожиданно для себя — осознал, какая небольшая по существу горстка современных европеоидов имела возможность оценить совершенно фантастическое изобретение северного люда — спального мешка из шкуры северного оленя. Именуемого на Чукотке кукулем. Осознал и удивился. Поскольку напрочь забыл про свое первое знакомство с кукулем. И свое собственное удивление перед этим чудом. Пришлось признать, что тут у Куваева все совершенная правда, что бытовая сторона описываемых событий в романе вполне достоверна. И попутно рассказать несколько историй, связанных с кукулями. <...>

Представьте себе большой — двухметровой длины — мешок для картошки. Сшитый не из мешковины, а из хорошо выделанных оленьих шкур. Причем сшитый мехом вов-

нутрь. Это и будет кукуль. Самый простой его вариант. Классический вариант кукуля — это когда он сшит с наголовником. Сверху такой кукуль закрыт, отверстие в нем сравнительно небольшое и располагается на боку мешка. Это позволяет целиком закрывать голову, выставляя наружу один нос. Эксплуатация кукуля элементарна — владелец помещает в него свое тело в голом виде, устраивается поудобнее, через небольшой промежуток времени начинает легко согреваться, а еще через некоторое время начинает себя чувствовать как на хорошо протопленной русской печи. Кукуль не следует мочить, иначе будет сильно лезть шерсть, рекомендуется регулярно его подсушивать на солнце и вытрясать. Вот и все хитрости.

*Великие оледенения
и кукуль*

По мнению Иосифа Тибилова, «предок выжил в кукуле!» [60, с. 391].

Первое мое знакомство с кукулем привело к убеждению, что наш предок выжил в условиях великих оледенений не столько благодаря приручению огня, что, конечно же, было немаловажно, сколько потому, что он изобрел кукуль. Предок выжил в кукуле! В этом у меня не было никаких сомнений. Выделывать шкуры он научился очень давно, диких оленей вокруг бегала тьма, изобрести кукуль не представляло больших трудов. Он его изобрел и благодаря кукулю спокойно переживал любую зиму любого из великих оледенений.

1.6.5. Подъем на лодках бечевой

Подъем Обручева по Лене • Подъем Войновского по Лемве и Лем-ю

Лодочные моторы появились у геологов не раньше конца 1950—начала 1960 гг. До этого геологи поднимались по рекам бечевой — либо на конной тяге, либо (неизмеримо чаще) подобно бурлакам — на собственной...

*Подъем Обручева
по Лене*

Владимир Обручев описывает подъем по Лене в шитиках — бечевой на конной тяге [2, с. 61–62].
"Зарочило! Мяша набрали!" Мы (на Печорском Ура-

ле) этих слов не знали, т.к. тащили бечеву вручную или (при непроходимых берегах) — подымались на шесте. По Мархе Вилюйской в 1960 г. я тоже поднимал лодку со студентом бечевой, по очереди: один сидит в лодке и подруливает веслом, другой тащит.

На своем шитике мы потянулись вверх по течению Лены; теперь на станциях нам давали, кроме двух гребцов, еще пару лошадей и мальчика-конюха, сидевшего на одной из них. Лошади тянули лодку бечевой; из гребцов один сидел на корме и управлял лодкой посредством весла, второй был на носу и следил за состоянием бечевы, поправлял ее, командовал конюхом. Бечева то натягивалась струной, то шлепала по воде и при этом могла зацепиться за камень, за куст, за утонувшую в реке корягу. Тогда гребец на носу кричал «зарочило!», конюх останавливал лошадей и гребец освобождал бечеву, подбрасывая ее, или подтягивал лодку к препятствию. Но когда бечева тянулась по воде, она постепенно захватывал много водорослей, тяжелела и тонула.

Тогда раздавался крик «мяша набрали!». Опять нужна была остановка, чтобы освободить бечеву от этого «мяса».

Подъем Войновского по Лемве и Лем-ю

Как великий Войновский-Кригер поднимался по порожистой Лемве и по спокойной Лем-ю и здесь — читая в лодке Ромен Роллана ... и им же потом грёб. Вспоминает сам Войновский [37, с. 86].

<...> Подъем по реке Лемве был очень труден. Шедшие по берегу лошади тянули бечевой две лодки. На быстрой горной реке много страшных порогов. Подчас пороги были такие крутые, что нос лодки поднимался на полметра вверх, по обе стороны образовывались две огромные, покрытые пеной волны, которые захлестывали лодку так, что после прохода порога приходилось всегда откачивать из нее воду.

Около рулевого всегда был воткнут в сиденье отточенный как бритва нож. Однажды на пороге мне самому пришлось воспользоваться им. Дно в Лемве каменистое. И вот лошадь, напрягавшая последние силы, чтобы вытащить лодку против быстрого течения, поскользнулась и упала на передние колени. Еще секунда, и лодка потянула бы ее назад, вместе с сидящим на ней ездоком. Но я мгновенно полоснул ножом по натянутой бечевае, последняя со свистом вылетела из мачты, моя лодка понеслась вниз по течению, а освобожденная лошадь смогла, хоть и с трудом, стать на ноги. Я стал быстро грести своим рулевым веслом к берегу, и все же меня снесло вниз не менее чем на километр.

Был у меня и такой случай. Я поднимался на лодке по совсем спокойной маленькой реке Лем-Ю. Лодка шла у берега, ее тянула лошадь с всадником, шедшая по нижнему плоскому краешку берега, называемому «бечевником». Я сидел за рулем и, изредка поглядывая вперед, читал книгу «Кола Брюньон» Ромена Роллана. И не заметил, что со стороны берега впадал ручеек. Течением этого ручья нос лодки сразу отвернуло в сторону от берега; почувствовав напряжение, лошадь налегла крепче на бечеву, и лодка сразу повернулась на бок. Я поплыл. Мне было жаль бросать книгу, и я так и грёб «Кола Брюньоном» до берега. Эта книга, распавшаяся на отдельные тетрадки, так и хранится у меня на память.

1.6.6. Кошмар кедрового стланика

Обручев и «стланец» • Махлаев и стланик • Масленников и стланик

Обручев и «стланец»

Владимир Обручев о кедровом стланике, который он называет «стланцем» [2, с. 77].

Этот родственник красивого высокорослого кедра также несет шишки с орехами, но мелкими, и растет на верхней границе леса огромными кустами в рост всадника, состоящими из кривых толстых ветвей, направленных в разные стороны и поднимающихся невысоко над поверхностью земли. Поэтому по чаще этих кустов трудно пробираться — нужно то перелезть через ветви, то пролезть под ними.

Махлаев и стланик

Студент-третьекурсник Лев Махлаев лез за начальницей на водораздел в Алданском районе и впервые познакомился с кедровым стлаником [38, с. 33].

Начальником отряда, где мне предстояло работать, была сотрудник лаборатории (ныне института) геологии докембрия М. Д. Крылова — бывшая аспирантка Николая Георгиевича [профессора Судовикова — Я.Ю.], в то время уже кандидат наук. Скажу сразу, что мне повезло: эта молодая и очень умная женщина со старинным русским именем Мелита была фанатично предана геологии. В поле для нее не было слов «не могу», «устала». Ради того, чтобы

взглянуть на интересный объект, она могла пройти десяток километров «с полной выкладкой», с тяжеленным рюкзаком за плечами. Но при всем этом она тонко чувствовала красоту: видела ее сама и умела показать другим. Никогда не забуду первый «водораздельный» маршрут, когда мы с ней вдвоем поднялись на хребтик, протянувшийся вдоль правого борта долины р. Унгры, притока Алдана, венчавшийся цепочкой замшелых останцов. Подъем был тяжелым. Безветрие, жара... Точнее даже зной. Пот заливал лицо, щипал глаза. Ноги подкашивались, а сердце готово было выпрыгнуть из груди. К тому же я не ожидал, что такие заманчиво-зеленые вершины гор покрыты вовсе не травой, как казалось снизу, а непролазными зарослями ползучего кедрового стланника. Его стволы, толщиной в руку, тянулись, густо переплетаясь, параллельно поверхности склона в метре от нее. Подлезть под них было невозможно: мешал частокол ветвей, вросших в землю — своего рода «воздушные корни». Перешагнуть тоже невозможно: слишком высоко. Приходилось карабкаться, перепрыгивая с одного пружинящего ствола на другой, что отнимало последние силы. Однако, начальница не проявляла усталости, я же был, хоть и совсем еще юным, но мужчиной. Не мог я показать перед женщиной свою слабость, а потому держался из последних сил.

Но вот и вершина. Гряда замшелых скал, где, казалось, кроме лишайников ничего и не видно. Первая мысль: «Господи! И чего ради мы сюда лезли? Зачем столько сил угрохали?» И тут Мелита Дмитриевна, словно почувствовав мое раздражение, ни слова не говоря, показала рукой куда-то мне за спину. Я оглянулся. Над нами поднималось синее небо, ставшее вдруг невероятно близким. Дул свежий, в меру прохладный, но очень ласковый ветерок. Далеко внизу сверкала серебряная лента реки, рассекавшая зелень тайги. А совсем рядом, за полосой кедрового стланника стояли одинокие сосны, словно инкрустированные рукой опытного резчика в небесную синь: стволы цвета червонного золота, малахитовая зелень крон и васильковое небо... А вокруг — ни души! Только мы вдвоем среди этой немислимой красоты. Я влюбился сразу и бесповоротно. Нет, не в свою начальницу. Любить ее я не мог — я ее боготворил. Я влюбился в красоту горной тайги. Усталость тут же отступила. Мелита поняла, что со мной происходит, и улыбнулась сдержанно, но радостно. Она словно подарила мне эту бесподобную алданскую тайгу. А делать подарки, особенно щедрые, так приятно!

Масленников и стланик

Правдивое описание кедрового стланика геологом
В. Масленниковым [57, с. 132—133].

Южный склон гряды оказался заросшим непролазными дебрями стланика. Каждому приходилось читать или слышать о джунглях южных широт, но и у нас на севере встречаются места, которые могут поспорить своей неприступностью с любыми лесами тропиков. Представьте себе упругие деревья высотой до двух-трех метров, толщиной в руку человека, перевитые, скрученные, сцепившиеся между собой так, что даже перерубленную ветку не вдруг вытащишь из зеленого вороха. Деревья растут больше в сторону, чем в высоту, и под ними пройти невозможно, разве что на четвереньках. Иногда пробуешь идти по верхам, прыгая с ветки на ветку, но пару раз промахнувшись и сев на сучковатый ствол, отказываешься от этой затеи. Свежие ветки источают прозрачную смолу, над кедром стоит крепкий запах скипидара, не дай Бог чиркнуть спичкой — кажется, вся гора сразу вспыхнет синим ореольным огнем.

Хорошо еще, если это зеленые заросли. Они пусть и густые, но все-таки мягкие, легко гнутся, проберешься без особых травм, хотя и окажешься просмоленным, как корабельный канат. Хуже, когда попадешь в недавнюю гарь. Высохшие кусты стланика, удивительно похожие на окаменевшие морские звезды, приобретают костяную твердость и неподатливость. Их не сломаешь, не согнешь, перерубить и то трудно, и уж из такого бурелома ты без урона не вылезешь.

1.6.7. Работа с лошадьми и оленями

600 верст по казахской степи • Лошадиный условный рефлекс • Искусство завьючивания лошадей • Вездеход — не замена лошади • Верблюды вместо лошади • Что такое «ботало»

600 верст

по казахской степи

Впечатления Николая Наковника от Казахской («киргизской») степи на пути по тракту Павлодар—верховья Сарысу [42, с. 15]. Наковник до того, как стал студентом и нанялся в экспедицию, служил в кавалерийских частях русской армии — и поэтому умел обращаться с лошадьми. Джуматай — казах-рабочий, нанятый им в Павлодаре, «мало-мало» говорящий по-русски, из городских джатаков — бедняков.

За увалом развернулась безграничная, пустынная зеленовато-серая равнина, оживленная извилинами тракта, по которому катили наши две подводы, и бежавшими вдоль тракта телеграфными столбами. И ни живой души кругом, кроме черного большого хищника, вероятно, коршуна, тяжело перелетавшего с переднего столба на дальний, по мере того как подводы подвигались. И никаких звуков, кроме топота коней, гортанных выкриков Джуматая, подбадривавшего тройку, да заунывного гудения проволоки. Передо мной открылась степь, которая подавляла своим простором и безмолвием. Я глядел на нее широко открытыми глазами и думал, какой тесный душный мир остался позади.

А между тем свежело... Я стащил промокшие ботинки, завернул ноги в кошму, застегнул шинель и, закурив трубку, стал смотреть, как за темный край глухой степи спускался большой оранжево-красноватый диск. Монотонно-переливчатое гуденье проволоки становилось заунывнее и громче. Какие-то странные, неопределенной формы существа, вероятно, земляные зайцы, беззвучно прыгали около телеги, бросаясь под колеса, под ноги лошадей.

Так началось путешествие к верховьям Сарысу, до которых предстоит сделать около 600 верст.

Лошадиный

условный рефлекс

Как великий Войновский-Кригер воспитывал лошадей... Вспоминает тогдашний коллектор Владимир Хлыбов [51, с. 27].

Еще в Абези я удивился большому количеству овса, загружаемого в шнягу — ведь стоит практически уже лето, и луговой травы лошадям предостаточно. Оказалось, что овес нужен, кроме его непосредственного употребления, еще и для проведения очень простого оригинального эксперимента, задуманного Константином Генриховичем. На первой же стоянке он распорядился вечером кормить лошадей овсом вволю, при этом стучать громко чем-нибудь по пустому ведру и проделывать эту процедуру впредь каждое утро и вечер. И сказать, эксперимент удался — уже к началу августа овес лошадям перестали давать, а подзывали их по утрам для седлания громким стуком по ведру. Таким вот образом Войновский на практике продемонстрировал возможность появления условного рефлекса у животных (по И. П. Павлову).

*Искусство завью-
чивания лошадей*

В 1886 г. в Туркмении в городишке Кызыл-арват («красных женщин») молодые геологи Обручев и Богданович собирались в экспедицию для обследо-

дования трассы строящейся Закаспийской ж/д [3, с. 16–17]. Оказывается, у молодого Обручева в 1886 г. при завьючивании лошадей возникли почти те же проблемы, что и у меня (Я.Ю.) в Якутии на р. Кэнкэмэ... через 75 лет!

Закупка снаряжения заняла у меня не много времени. Я купил пару больших вьючных ковровых туркменских сум и запаковал в них все походное имущество — постель в виде подушки, одеяла и куска войлока для подстилки, запасную одежду, белье и обувь, бумагу для упаковки собираемых образцов, тарелку, кружку, ложку, нож и вилку и немного сухой провизии в виде круп, сухарей и чая. Для приготовления чая я купил самый простой жестяной чайничек, который привязал поверх туго набитых сум, так как сообразил, что в сумах он будет измят. Для записи наблюдений я имел только записную книжку; геологический молоток был засунут за пояс, а компас в карман. Снаряжение Богдановича было в том же роде; он уехал днем раньше.

В назначенный мною день отъезда явились два казака верхами и привели еще двух лошадей — верховую и вьючную. Последняя под вьюком, вероятно, еще не ходила; с трудом наложили на нее мои сумы, которые пугали ее своим объемом и ярким цветом. Едва мы тронулись в путь, эта лошадь начала бить задними ногами и подниматься на дыбы, чтобы сбросить вьюк, который ничем не был прикреплен. Это удалось ей очень скоро; сумы полетели на землю, а лошадь удрала в свою конюшню. Ее вернули и опять завьючили, но мой чайник при падении сум уже пострадал: носик раскололся, а бок был вдавлен. Все-таки поехали; лошадь, после нескольких попыток снова сбросить вьюк, успокоилась, и мы быстро миновали городок и направились по караванной дороге на север в Хиву.

В мою задачу входило изучение песков Кара-кум, их подвижности и водоносности, особенно по южной окраине, где пески окаймляли пояс небольших оазисов с городами и линией железной дороги вдоль подножия гор Копет-дага от Кызыл-арвата до р. Теджен. Поэтому я наметил маршрут вдоль этой окраины с заездами то в глубь песков, то в глубь оазисов.

*Вездеход —
не замена лошади*

Томский геолог-уранщик Николай Амшинский считает большой ошибкой отказ от использования лошадей в геологической практике [61, с. 320].

Лошадь в геологии в прошлом была основным транспортным средством. Мало того, она обеспечивала качественную работу геолога. На лошадке он проникал в самые труднодоступные места и отбирал там достаточно образцов и проб. Сейчас механизированный способ транспортировки намного сократил возможности геолога. Далекие пешие переходы привели к ухудшению геологических работ, а также к сокращению объема каменного материала. И появилась новая порода геологов, которая боится лошадей, как цепной собаки. Они не хотят признать в ней верного товарища и помощника, и их силой не заставишь сесть верхом на лошадь.

*Верблюд вместо
лошади*

Владимир Обручев о достоинствах верблюда в песках [Обручев, 1948, с. 73].

Чтобы попасть на эти Узбои, нужно было миновать большие пески; поэтому целесообразнее было купить верблюдов для багажа, которые в качестве вьючных животных в пустынях предпочтительнее лошадей. Каждый верблюд несет вдвое больше груза, чем лошадь, не требует сена и овса, а довольствуется скудным подножным кормом, растущим на песках, и может обходиться без водопоя в течение двух-трех дней.

Олени безропотны и покорны. Некоторые с детства так привыкают к человеку, что, привлеченные дымом, подходят к костру во время ужина и ложатся рядом, ловя дым и не обращая внимания на людей.

Пасутся они обычно рядом с лагерем, но некоторые все же привязывают на шею колокольчик, называемый «ботало». Слово это чисто сибирское, русское и используется по всей Сибири. Оно произошло от слов «болтаться, болтать», само по себе очень образно и часто используется в сибирском лексиконе для прозвища человека, которого в русском лексиконе называют словом «трепло».

1.6.8. Работа в жару

На кислых эффузивах Казахстана • Начальник без шаровар • На вершине хребта

*На кислых
эффузивах
Казахстана*

Маршруты в июльскую жару. Студент-географ Николай Накovníк демонстрирует своему геолкомовскому начальнику интерес к геологии...[42, с. 32]. Казах-коммунист Баймуханов — их конвоир (время было беспокойным) и одновременно конюх.

Ранние часы маршрута проходят оживленно. Мы бодро взбираемся на сопки, оставляя Баймуханова внизу, при конях. Я с непривычки выдыхаюсь на полпути к вершине, обливаясь потом, а натренированный начальник прёт вперед, словно у него в груди не сердце, а мотор, работающий на очищенном бензине. Я часто останавливаюсь, задыхаясь, приглядываюсь к обнажению, будто передо мной необыкновенная горная порода, и начинаю демонстрировать признаки высокого интереса к камню: отбиваю образец, рассматриваю в лупу, царапаю по нему концом финского ножа, прикладываю компас и... тем временем передыхаю.

— *Можно подумать, что вы алмаз нашли, — покажите!* — кричит начальник сверху.

— *Это же обыкновенный жильный порфирит!* — разочаровывается он, когда я, подтянувшись, показываю темно-зеленый камень с вкрапленными белыми кристаллами, потом бросает мне: — *Из вас, инженер-географ, вижу, выйдет толк! Переходите-ка лучше на геологию!*

Случаются, как например, сегодня, особенно горячие и притом почти безветренные дни, и тогда полуденные часы мучительны. Куда деваться от ослепительных лучей! В логах душно, а на вершинах, в коротких тенях нависших скал, нет прохлады. Латунный диск компаса сияет так, что больно смотреть на цифру румбов. Баймуханов топчется внизу, скинув с себя тяжелую винтовку, а мы с начальником ползаем по голым склонам, обтирая обильный пот, глотая тягучую липкую слюну. Пить! Вода преследует меня своей соблазнительной прохладой, мерещится в степных речушках, родниках, графинах, покрытых жемчужными росинками.

Мы ощупываем биноклями мелкосопочник, такой живой, рельефный утром и такой мертвый, плоский в полдень. Кажется, он тает в полупрозрачной розоватой знойной мгле. Простор, безмолвие! Далекие горы плавают над горизонтом в молочном мареве, над шетиной ковыля дрожит, струится горячий воздух...

Мы пересекаем лога, долины, гряды, сопки. К заходу солнца переметные суммы вздуваются от камней и жесткость седла становится непереносимой. Рубцы вчерашнего маршрута

так чувствительны, что я, стиснув зубы, ерзаю на седле. Начальник корчится в седле, оглядываясь на конвоира, а тот трусит себе на Вороном, будто сидит на подушках.

— *Какой ты кавалерий есть!* — зубоскалит он, сплевывая через плечо зеленовато-бурую табачную слюну. — *Тыбя армейский пихот ходить, а не джигитский кавалерий ездить!*

*Начальник
без шаровар*

На верблюжьей тропе в долине Сарысу («Плохой Сарысу» — потому что в неё впадает солёная р. Караганда). Как «молился» геолкомовский начальник 15 августа 1925 года. Рассказывает Николай Наковник [42, с. 47]. (Кень-казган (казах) — рудная яма).

Солнце поливает убогую потрескавшуюся землю горячим светом. Мы без рубашек. Начальник скинул даже шаровары и шагает по равнине с томиком Ахматовой. Он то вскидывает книжку, отстраняя её далеко от глаз, то опускает, шевеля губами и размахивая молотком в такт размашистого шага.

— *Ваныч!* — подзывает меня Джуматай и, когда я подхожу к подводе, спрашивает, понизив голос: — *Скажи, пожалуйста, начальник молится?*

Джуматай заметил, как хозяин квартиры в Павлодаре молился по молитвеннику, отставляя его далеко от глаз.

— *Молится.*

— *Зачем?*

— *Чтобы Аллах послал нам хороший кень-казган.*

На вершине хребта

Купрометрическая съёмка на вершине хр. Кок-Джартас, Казахстан. Очень любопытно, как это делалось на глаз — безо всякой «металлометрии»... Рассказывает Николай Наковник [42, с. 111–112]. Ваганов — коллектор, студент-практикант, Бруновский — топограф, Петр Алексеевич Сорокин — рабочий-кашевар, сам Наковник — «съёмщик-коллектор», Бычков — ездовой (подводчик). Андрюшка — сын Сорокина. Бай — геолкомовский начальник (Модест Петрович Русаков).

Нам надоело стоять у Кок-Джартаса и лазать по его скалистым склонам, окрашенным зелеными и синими цветами меди. Нет конца-краю этой однообразной медной съёмке, или, выражаясь по-ученому, «купрометрической съёмке». Как она осточертела!

Два раза в день тянемся гуськом под жгучими лучами солнца на гребень Кок-Джартаса. Впереди Ваганов. Есть ли у кого такая быстрая и эластичная походка! Он идет, подавшись весь вперед, пружиня на носках, как «Соколиный Глаз» из Фенимора Купера — высокий, стройный, с темно-коричневым лицом, орлиным носом и глубоко запавшими глазами. За Вагановым шагаю я, за мной опоясанный патронташем топограф Ричард Бруновский с винчестером и нивелиром, а позади Андрюшка с треногой и рейкой на плечах. На парнишке длиннущий выдавший виды отцовский дождевик. Как ему не жарко?! Начальник тянется в хвосте и подбадривает «лодырей», потому что топограф и Андрюшка часто останавливаются и разглядывают в бинокль подножие: «Нет ли дроф?».

Когда Ваганов на вершине — начальник еще на полпути. На вершине мы отдыхаем, курим и поджидаем «Бая», как назвал начальника Ваганов и как мы называем его за глаза. «Бай»

не сердится за это, потому что ребята вкладывают в прозвище не столько иронического, сколько почтительного отношения к власти начальника отряда.

Наконец появляется «Бай». Потный, красный, задыхающийся, он опускается на камень и долго обтирает старой вылинявшей форменной фуражкой лицо, грудь, живот, а потом командует начинать съемку. Ричард с Андреем провешивают нивелиром линии, отмечая каждые 10 метров копками из камней, а мы с Вагановым отбиваем следом около копков по пяти образцов руды, оценивая глазом степень озеленения — омеднения и ставим на плане цифры. Получается правильная сеть точек-цифр. Это и есть купрометрическая съемка, собственно, «кухня», в которой нет никакого воображения: копки, образцы и цифры — «метраж, монтаж, вольтаж»... — как восклицает Ваганов, потрясая трехфунтовым молотком. По цифрам-точкам начальник рисует изолинии содержания металла, и на плане получаются бугры и ямы, по которым видно, где много и где мало меди. Как мы ни упрашиваем «Бая» дать нам это занимательное дело, он не дает.

И так каждый день: копки, образцы и цифры... И каждый день Сорокин кормит нас ненавистой пшенной кашей, против которой в отряде уже началось брожение.

1.6.9. Комары, мошка, гнус, овода

1917 г., р. Косма на Тимане • Комары на Севере • Якутские комары • Опухший блондин • Колымские комары • Мошка — соперник комаров • Овода — исчадия ада для оленей

*1917 г., р. Косма
на Тимане*

Мошка в описаниях молодой Варсанофьевой, столкнувшейся с ней впервые [13, с. 19–21]. Диметилфталата тогда еще не было...

С теплым солнцем выползли из своих засад комары и мошки, тучами набрасывающиеся на нас, особенно на того, кто шел по берегу бечевой. Не побывав на севере, трудно себе представить все страдания, которые приходится переносить от этих маленьких мучителей. Особенно терзают мошки. Они пробираются через малейшие отверстия и щели одежды, проникают всюду, и их укусы гораздо болезненнее, чем укусы комаров. От мошек не защищают тюлевые накомарники на обручах, которые надевают от комаров. Они легко проползают через петли тюлевой ткани и, чтобы спастись от них, нужно носить особые, очень неудобные сетки. Они сшиты из двойной материи в виде шлема с большой пелериной. На месте забрала вшит небольшой четырехугольный кусочек частой сетки из конского волоса, непроницаемый для мошек. В таких накомарниках очень душно и самый солнечный день кажется темными сумерками. Но при ходьбе и работе другого спасения от мошек нет. В лодке можно развести дымокур. Особенно боятся комары и мошки едкого дыма березового трута или березовой «баки», как ее здесь называют. <...>

К вечеру мы остановились на луговом берегу [Космы — Я.Ю.] у горы, на которой пышно разрослись цветы и травы. Вечер выдался прекрасный с великолепными, яркими красками на воде и на небе. Хочется подольше побродить в цветущих зарослях царь-зелья (*Delphinium elatum*), аконита (*Aconitum septentrionale*) и кипрея (*Epilobum angustif*), любуясь зорями белой ночи [дело было в июле — Я.Ю.]. Но тучи комаров и мошек, бившиеся о сетку, заползающие под рукава, под ворот, кусавшие открытые руки, измучили до того, что пришлось, в конце концов, забираться под свой кисейный полог и укладываться спать.

Чем поражает Север всех новичков, так это комарами. Невозможно себе представить эти тучи желтовато-серого цвета, непрерывно жужжащие вокруг тебя. На Севере комары гораздо крупнее наших сибирских. Укусы от них очень болезненные, просто жгучие. Появляться вне палатки без накомарника и специальной «робы», которую они не могут прокусить — просто невозможно, но и в спецодежде они облепляют тебя с головы до ног, так что идешь в сплошной комариной туче. Есть на открытом воздухе тоже невозможно, моментально еда в миске покрывается толстым слоем комаров. Первое время все новички пытаются вылавливать комаров из своих мисок, но опытные люди знают, насколько это бесполезно. Поэтому, если предпочитаешь еду без комаров, приносишь свою миску под накомарником в палатку, а если тебе хочется есть и одновременно любоваться потрясающе красивым северным закатом, который расцветивает все небо самыми немислимыми сочетаниями красок, перестаешь обращать внимание на комаров и ешь содержимое миски не глядя.

Осложняли работу два обстоятельства. Во-первых, обилие комаров. Не удивительно, что я никогда прежде столько комаров не видел. Где мне было встречаться с ними ранее? Но я и за десятки последующих сезонов с таким их обилием не сталкивался. Это надо пережить, а передать словами — невозможно. Все равно никто не поймет и не поверит. Например, работая с компасом, нужно держать его на ладони неподвижно 2–3 секунды, чтобы стрелка успокоилась. Так вот за эти секунды комары покрывали кисть руки сплошным трехслойным покровом. Рука выглядела так, словно на нее была надета шевелящаяся розово-серая перчатка. Комары нижнего слоя сосали кровь из руки. Комары второго слоя до руки достать не могли, они протыкали хоботками брюшки нижних комаров и высасывали кровь оттуда, а третий слой получал кровь у второго. Варить еду на костре было невозможно: стоило снять с ведра крышку, как «варево» покрывалось сплошным слоем комаров толщиной 2–3 сантиметра. Мясной суп превращался в суп комариный. Самыми беззащитными были олени. Они никак не могли постоять за себя. У оленя нет даже хвоста, подобного лошадиному или коровьему, чтобы от комаров отмахиваться. На стоянке олени сразу же влезали в дымокуры, порой настолько, что обжигали морды. При этом они, стоя в клубах дыма, совершенно не могли пасть: я уже писал, что есть олень может только на ходу. Есть из кормушки он не умеет, поэтому олень, обреченный на неподвижность, неизбежно умирает голодной смертью. Но смерть наступала не только от голода — порой на очередном переходе какой-нибудь олень начинал хрипеть, падал и через несколько минут умирал от удушья. У таких оленей легкие оказывались совершенно черными от набившихся в них комаров, захваченных при вдохах.

Часто казалось, что комаров вокруг столько, что больше уже просто не может быть, но проходило несколько дней, и их количество удваивалось, а то и утраивалось с очередным выплодом. Лужи кишели комариными личинками, озера и реки — тоже. Рыба шалела от обилия еды! К счастью этот кошмар кончился с первым снегопадом. Снег пошел третьего августа вечером и сыпал два дня, укрыв всю землю. Потом он растаял и тепло вернулось, но большинство личинок погибло от холода, и очередной «выплод» не состоялся, да и не все взрослые комары выдержали. Зато нам после пятого августа стало намного легче. Зачастую на ходу уже можно было не опускать на лицо надоевший накомарник, а всего лишь обмахиваться веточкой.

Опухший блондин

Студент-блондин, по свидетельству Георгия Горелова, не перенёс гнуса [22, с. 108]. Заметим, что Горелов называет гнусом всех кровососцев скопом. На самом деле, гнус — это микроскопические насекомые, называемые мокрецом.

Лето 1950 года в центральной части Кузнецкого Алатау было очень жаркое и очень дождливое. Растительность в этих местах бурная, высокая. Сильно донимал гнус: мошка, комары, оводы, пауты. Мошка носилась тучами, и не каждый мог ее спокойно пережить. Она забивалась повсюду, даже в сапоги. Один рабочий из нашего коллектива, студент-блондин, от гнуса начал опухать. Ясно было, что он в этих местах дальше продолжать работать не сможет. Пришлось его откомандировать в распоряжение отдела кадров управления.

Колымские комары

Колымский геолог Виктор Володин, хотя и несколько занудно, но вполне верно описывает своё обитание в тайге с комарами в 1939 г. — в эру до появления диметилфталата [16, с. 90–91].

Самым злым врагом человека и всех теплокровных животных в колымской тайге являются комары. Они страшнее всех хищных зверей, водящихся там: волков, рыси, росомахи, страшнее медведя. Это тем более справедливо, что все упомянутые звери встречаются редко. Все они, кроме медведя, держатся в районах оленьих пастбищ, потому что в других местах им нечем питаться.

Комары же докучают человеку и в солнечный полдень, и теплой ночью, и в долинах рек и ручьев, и в густых зарослях тайги, и на вершинах самых высоких сопков, даже безлесных, голых, лишенных растительности. Отдохнуть от них удавалось иногда в ветреный день где-нибудь на открытом месте, в холодную ночь или на солнцепеке в самые жаркие дни.

Этого забыть нельзя. Поднимаешься утром жаркого дня на сопку. Солнце припекает все больше, а над головой и вокруг нее звенят, поют комары, вызывая привычный зуд кожи. Поднимать черный тюлевый накомарник, спасающий тебя от них, но мешающий тебе дышать и заставляющий мучиться от жары, нельзя, потому что загрызут. А спасает накомарник мало, потому что очень узок и из-за этого прилегает к ушам, которые уже давно распухли и воспалились от комариных жал, вонзаемых сквозь ячейки тюля, и очень короток — комарам легко забираться под него. То и дело где-нибудь за ухом слышишь громкое зудение комара. Это вызывает особенно неприятное ощущение.

Сидишь, бывало, вечером у костра, сварил себе суп, который нужно съесть, прежде чем уляжешься здесь же спать. Вокруг твоей головы вьется и гудит густой рой комаров, несмотря на идущий от костра густой черный дым. Зачерпываешь ложкой зажатой в правой руке суп, а левой быстро поднимаешь накомарник, чтобы отправить ложку в рот. Но комары не дремлют и действуют еще быстрее тебя. За это мгновение несколько из них успевают впиться в разные участки твоей кожи на лице, а два-три оказываются в ложке с супом. Раздражаешься и нервничаешь по этому поводу, но кончаешь тем, что ешь суп с комарами. Впрочем, я так и не привык к этому. Мне до конца казалось, что они не особенно вкусные.

Сильно искусывают они и руки. Особенно достается рукам, когда они вынуждены сохранять малую подвижность, например, делая записи наблюдений в полевой книжке или в дневнике. Первое лето я работал в кожаных перчатках, так и в них комары успевали находить швы и сквозь них вонзали свои длинные жала и напивались крови. Не служит для них препятствием и толстый брезент, в котором они быстро находят просветы между толстыми ни-

тями и сквозь них напиваются крови. Новая белая брезентовая куртка покрывалась алыми пятнами от комаров, которых ты успеваешь раздавить на себе.

Мошка — соперник комаров

По мнению Виктора Володина, мошка менее неприятна геологу, нежели комары [16, с. 92–93]. Мнение это очень спорное. Во всяком случае, когда появился диметилфталат, то комаров он отпугивал, а вот мошку — нет...

Человек, терпящий комариное бедствие, пытающийся утихомирить нестерпимый зуд искусанной кожи, всегда утешает себя мыслью, что эти муки не так уж продолжительны, что комары не живут все лето и почему-то в начале августа, числа 8–10 исчезают, уступая место мошке. Некоторые, даже бывалые и видевшие свет таежники утверждают, что мошка еще хуже комаров, но в действительности это не так. Мошка досаждала человеку только тем, что залезает в нос, в уши и попадает в глаза, садясь под закрывающиеся веки. Проникает и под одежду. Особенно неприятны ее укусы, когда они приходится в слизистую оболочку губ, которые от этого сильно зудят и вспухают. Вообще же укусы мошки гораздо слабее комариных. Водится она не повсеместно, как комары, отсутствуя совсем, или почти совсем, в некоторых районах. С наступлением темноты она перестает кусать, давая человеку отдохнуть. Наверное, она тоже укладывается спать на ночь. Против нее не обязательно иметь накомарник, можно и отмахнуться от нее веточкой или чем-нибудь. Я слышал, что некоторые якуты делают такую большую кисть из конского хвоста и отмахиваются этим орудием не только от мошки, но и от комаров. Не любит мошка и похолоданий, уходя в случае их на покой.

Все это позволяет считать, что мошка далеко не так страшна, как комары, а гораздо более смирна. Появляется она в начале лета, приблизительно одновременно с комарами, все лето ее бывает очень мало, но она очень быстро размножается, когда комары исчезают.

Овода — ишадия ада для оленей

Свидетельствует чукотский геолог Вадим Сафонов [57, с. 109].

Есть оводы, которых олени боятся как никаких других. Эти «твари ада», отличающиеся полосатым брюшком, размножаются и выводят потомство только в носоглотке оленя. Залетая оленю в нос, они моментально откладывают там сотни микроскопических личинок, которые вскоре вырастают в коротких, толстых червей белого цвета. Они-то и забивают своей массой носоглотку животного, нередко этим приводя его к смерти. Особенно это опасно для молодняка. Вися в воздухе перед носом оленя, оказавшегося на какое-то время вне дыма, такой овод ни за что сам не оставит животное в покое. Тогда олень рывком срывается с места и, сделав стремительный круг вокруг навеса, пристраивается к стаду уже в другом месте.

1.6.10. Дождь — главный враг геолога

Гроза на Кузнечихе • Дождь на Алтае • Ненастье на уральском водоразделе •
Дождливое уральское лето-1965 • Дождливое лето в Колымских горах

Гроза на Кузнечихе

Веру Варсановьеву гроза застигла при подъеме по тиманской реке Кузнечихе — в самый разгар её интересной работы на обнажении морены [13, с. 27–29].

На другой день нас встретило такое же яркое, солнечное утро. Воздух был тяжелый, несколько влажный, попрежнему носились тучи мошек и комаров. Мы продолжали свой путь, преодолевая быстрые пороги и медленно поднимаясь против течения. Часам к 12 мы стояли у длинного и интересного обнажения, вскрывавшего строение ледниковой толщи, в состав которой входили довольно мощно развитые озерные осадки. Я всецело ушла в свои наблюдения, а работники мои расположились отдыхать на обрыве у дымокура. Вдали уже несколько раз гремел гром, но я не обратила на это внимания. Не обратила внимания и на первые капли дождя, которые стали накрапывать из надвигавшейся из-за обрыва темной тучи, и продолжала разбивать интересный валун порфирита, встреченный мною на бечевнике. Однако дождь очень быстро перешел в настоящий ливень, и мне пришлось спастись под узкий навес обрыва, где я и спряталась в выдутом в ледниковых песках углублении. Дождь лил с невероятной силой, непрерывно сверкали молнии, и казалось, что земля дрожит от громовых раскатов. Наша лодка у берега стала наполняться водою, которая начала уже подмачивать багаж и могла, в конце концов, переполнить самую лодку. Мои спутники, очевидно, спрятались где-нибудь в чаще еловых кустов, и мне не хотелось вызывать их под ливень. Я спустилась к лодке, вынесла багаж, а часть поставила на скамейки и стала вычерпывать воду. Мое непромокаемое брезентовое пальто через несколько минут промокло насквозь под яростным дождем, а когда я кончила уборку, на мне положительно не было сухой нитки. Я решила, что нет уже смысла прятаться под обрыв, и продолжала начатую на берегу работу. Дождь лил без перерыва в течение двух часов. Вода в реке поднималась на глазах, с берега бежали многочисленные, мутные и бурные потоки. Когда небо, наконец, прояснилось, и все мы собрались у лодки, выяснилось, что плыть дальше нельзя, не обсушившись предварительно, так как все мы промокли до костей. Мы переехали на противоположный аллювиальный берег, поросший седым еловым лесом. После некоторых поисков удалось найти огромный старый пенёк, оказавшийся совершенно сухим внутри, и разложить большой, жаркий костер. Искупавшись и переменяв одежду, я с наслаждением стала греться у огня, над которым уже кипели котелки с кашей и вокруг которого быстро сохло наше промокнутое платье. Было довольно поздно, но, к сожалению, мои отсыревшие часы остановились, и мы не знали точно времени. Просушивание, переодевание и обед затянулись. Был уже вечер, а за весь день мы проплыли всего верст 6 [не проплыли, а «прошли» — так принято говорить при подъеме по реке — Я.Ю.]. Я предложила своим спутникам ехать ночью.

<...>

Странное ощущение испытываешь, когда приходится бодрствовать в белую ночь. Спать не хочется, но вместе с тем охватывает какая-то полудремота: и не явь и не сон, а кругом и не день и не ночь. Светло, но нет дневных звуков. Лес спит, в небе играют зори, и легкий туман над рекой дает ощущение сумерек. Хорошо было подниматься по бурной Кузнечихе в эту туманную, белую ночь. По берегам везде шумели ручьи, над влажными лугами скользили испарения, в небе горели розовые облака. Было настолько светло, что я могла осматривать встречавшиеся обнажения, в которых выступали все те же девонские отложения, прикрытые ледниковой толщей, дававшей иногда очень интересные разрезы.

Дождь на Алтае

Он застиг Владимира Обручева с сыном, когда он в 1914 г. поехал «туристом» для изучения тектоники Алтая — т. е. за свой счёт, не спрашивая ничего разрешения. Они поднимались по горной речке Кара-гем, притоку р. Аргут [2, с. 237].

К сожалению, погода, благоприятствовавшая до сих пор нашей работе, испортилась: тяжелые тучи заволокли небо и скрыли гребни гор, начал моросить дождь и не переставал, пока

мы шли по Кара-гему. С намокших ветвей деревьев скатывались на всадника струи воды, когда он задевал за них головой, плечом или коленями. В такую погоду геологу трудно работать: трава мокрая, утесы мокрые, косогоры скользкие, дождь мочит записную книжку, пока наскоро отмечаешь наблюдения, мочит образчики, и, наконец, после нескольких часов работы промокаешь сам до нитки, несмотря на непромокаемый плащ и высокие сапоги.

Ненастье на уральском водоразделе

Молодой сыктывкарский минералог Миша Тарбаев в маршруте с Н. П. Юшкиным оказался в верховьях р. Нянь-ворга-вожа, левого притока Харуты Лемвинской. На водоразделе они были накрыты тучей со снегом и градом. Идти дальше (они собирались перевалить на Восточный склон) было невозможно — и Юшкин принял правильное решение возвращаться обратно. Но при спуске они попали в зону тумана.

Яркие воспоминания Миши Тарбаева... Не только от пережитого страха, но и оттого, что задача маршрута (поиски минерализации) — всё-таки была Юшкиным решена! [51, с. 178–179]. Будущий академик Николай Юшкин в поле никогда не терял времени зря: даже семидневный шторм использовал для дела! [72, с. 97].

Дальнейшее движение по маршруту в таких условиях стало невозможным, Николай Павлович принял решение возвращаться вниз по склону к дороге.

Мы резко сменили направление движения и буквально побежали вниз по склону — быстрее из зоны ледяного ветра и снега!

Как это бывает часто в горах, буквально 100–150 метров ниже по склону (хотя кто их тогда считал, эти метры) — и мы попадаем в зону относительно затишья. Здесь уже не так холодно и нет такого злющего ветра. Но зато здесь мы оказались в полосе тумана. То есть, конечно, это не туман, как таковой, а просто сползшее сюда облако, но суть от этого не меняется. Ориентировку потерял полностью. То есть где низ, а где верх понять можно, а вот все остальные направления без компаса уже не понять. И что самое печальное, даже пальцев вытянутой руки уже не было видно. Все кругом, как вата.

Как я ни старался, но от Николая Павловича отстал и тут же потерялся в тумане. Ощущение такое, будто попал на неведомую планету, все какое-то приглушенное, звуков не слышишь, ни рук, ни ног не ощущаешь и не видишь, куда идти, не знаешь. И тут я испугался. Испугался и закричал. Закричал и не услышал своего голоса.

Эта история могла бы закончиться и по-другому, но тут внезапно порыв ветра сдернул облачную пелену и открыл небольшую площадку склона. На площадке, буквально в тридцати метров от себя, я увидел олениху с олененком, прижавшихся друг к другу, и услышал выстрелы. Николай Павлович стрелял из пистолета, давая мне возможность сориентироваться. Я как можно быстрее двинулся на звук, боясь вновь потеряться в этом плотном тумане.

Мы вышли на какой-то перегиб склона, который, как хребет у древнего ящера, прослеживался в виде цепочки скальных обнажений. Породы были сильно «изменены». Цвет их вместо обычного серо-зеленого, характерного для местных сланцев, был желтовато-бурым, местами даже красным. Кое-где виднелись вкрапленности сульфидов. Николай Павлович, как ни в чем не бывало, как будто не было проливного дождя, снега и заледеневшей одежды, бодро сказал:

— Ну, вот видишь, мы нашли то, что искали. Ты давай, набирай это в мешки, да побольше, чтобы на все виды анализов хватило, и «протолочку» побольше сделаем, а я пока опишу эту точку.

<...>

Шторм бушевал семь дней, и все семь дней мы безнадежно ждали транспорт. Правда, для дела это, может быть, было и неплохо. Я успел обработать все материалы, написать предварительный отчет и даже сумел сходить еще один раз в маршрут.

*Дождливое ураль-
ское лето-1965*

Яркая типовая картина — дождливое лето в горах Северного Урала. Вспоминает Николай Юшкин [74, с. 15].

Ночь выдалась теплая, комариная. А под утро задождило. Вначале робко, потом все сильнее, сильнее. И прорвало: забарабанил по тенту густой дождь. Облака вначале цеплялись за вершины гор, но часам к десяти густой туман опустился до подножий, даже верхушек елей не видно.

На следующий день — то же самое. С той поры, с 18 июля, чуть ли не каждая запись в моем дневнике начинается словами «Опять непрекращающийся дождь, туман...». Такое выдалось то лето.

Пытались пробраться к горам вслепую, но пришлось возвращаться: слишком опасно. Да и работать все равно невозможно.

В конце концов кончились продукты, и мы ни с чем повернули в основной лагерь. В дождь и слякоть пробирались вверх по реке, благо протоптанная лошадьми тропа хорошо заметна даже в сплошном тумане.

*Дождливое лето
в колымских горах*

Магаданский геолог Виктор Володин рассказывает о дождливом лете в горах [6, с. 9—10]. Но работать, тем не менее, всё равно было нужно...

Геологи знают, что полевые работы — это не только умственный, но и физический труд. Особенно на Севере, или, как принято называть, Крайнем Севере, в горных и высокогорных районах, при недостатке транспорта, при полном отсутствии спальных мешков, при недостатке продовольствия, при отсутствии подходящей обуви и одежды. Особенно трудно, когда выпадет дождливое лето. Дождь день за днем шуршит по палатке, и трудно решиться выйти в такую погоду в маршрут. Трудно, но бывает нужно. Трудно решиться нырнуть в кусты и, продираясь сквозь их заросли, собирать всю воду своими плечами и спиной, по которым она течет холодными струями под одеждой. Приходится, добравшись до верхней границы растительности, остановиться, развести костер для просушки, и затем идти по водоразделу в тучах, опять мокнуть и дрожать от холода, с большим трудом укрываясь от дождя, делать записи в полевую книжку и отмечать на карте точки наблюдений.

1.6.11. Горные маршруты

Изгнание студентки из маршрутов в Саянах • Работа ИМГРЭ на пегматитах Памира • Всё познаётся в сравнении... • Геологи и альпинисты

Изгнание студентки из маршрутов в Саянах

Томский геолог Вячеслав Исаков рассказывает, как ему пришлось снять с маршрутов в высокогорных Саянах недисциплинированную бойкую студентку-коллектора [61, с. 370–371].

Следующей была бойкая девица после третьего курса университета, прожужжавшая все уши о своих туристических похождениях. Вначале ей была поручена организация и участие в лагерных работах, в основном кухня.

— Завтра пойдешь со мной в маршрут.

— Ура!

— Учти, никакой самостоятельности и несогласованных отступлений от маршрутного хода.

— Есть.

— Маршрут с трудностями, обход скальных стенок, возможно скалолазание, ход по карлинговой перемычке на Главном хребте.

— Ещё лучше!

На первых же километрах понял, что разговоры о дисциплине прошли мимо ушей этой гражданки. На подъемах ее не было ни рядом, ни сзади. Перед самым обедом я потерял ее окончательно, но вдруг услышал веселый крик. Она стояла на уровне моей высоты на крутой скале побочной гривы и чуть не показывала мне язык. Было непонятно, как она попала туда. На категорический приказ вернуться сразу же не реагировала, лишь через некоторое время скрылась в крутой долине, чтобы подняться ко мне наверх, держа в руках два камня.

— Мне нужен молоток, там такие интересные породы.

— Во-первых, вот эти породы, возле меня, во-вторых, никакого молотка тебе не будет, пока не научишься вести себя как положено. Ты должна быть рядом, это — работа, понимаешь, ра-бо-та. Вместо целенаправленного маршрута я всё время ищу тебя, отвлекаю внимание, теряю время. Пей чай — и вперед, только за мной.

Во второй половине дня был ход по узкой карлинговой перемычке с крутым скальным подъемом на вершину Главного хребта. Все внимание — на маршрут и на движение по скалам. Очередной раз оглянулся назад — студентки нет. Вдруг внизу услышал крик, она висела на скале под пиком Главного хребта. От меня ее отделяла глубокая вертикальная расселина, резко сужающаяся к маршрутной перемычке. Быстро оценил обстановку.

— Спускайся вниз, бери чуть правее — там можно, аккуратно, три точки опоры. Только вниз!

Я имел дело не с тем человеком: она по крутой стене стала спускаться в противоположную сторону в расселину, скрылась в ней, камни гремели уже на дне расселины на склоне маршрутной перемычки.

С трудом спустился туда на небольшой, но надежный уступ. Моя студентка «врасклинку» стояла в трещине — ни взад, ни вперед. Достал капроновый фал.

— Привяжись под мышки!

— Попробую без этого.

— Привяжись, мать твою!

Подействовало. Перехлестнул веревку через камень.

— Давай, нагружай веревку!

Через некоторое время показалась голова.

– Сядь, посиди. Шоколадку из НЗ дать?

– Не нужно.

Забрались на перемышку.

– Как попала туда?

– Мне показалось, что там быстрее вас залезу на вершину.

– Последний раз говорю — еще один финт и уйдешь из съёмочного отряда. Отправим к горнякам помогать на документации канав. Всё!

Оказалось, что это не всё. На следующий день она потерялась и сорвала половину маршрута — мгновенно исчезла во второй половине дня. Крики до срыва голоса, выстрелы из пистолета остались без ответа. Казнил себя, зачем взял её еще раз в маршрут, но в голове было одно — хотя бы найти студентку в физической сохранности.

Спустился назад на полпути — безрезультатно. Пошел наверх от последней точки. Под самым хребтом услышал отдаленный крик. Влево через гриву на зеленой седловине шевелилась какая-то фигурка. Выстрелил, кричать уже не мог. Через некоторое время раздался слабый ответ. Спустился в долину по «эскалатору». Слава богу, моя пропажа «нарисовалась» на соседней гриве. Маршрут был сорван, пора в лагерь. Я понял, что резкие слова бесполезны. Сказал только:

– Для наших маршрутов ты оказалась непригодной. Проведи практику на документации картировочных и поисковых канав. Это крайне нужная работа в более спокойных условиях. С правилами техники безопасности тебя познакомит прораб горных работ. В случае повторения выкрутасов будешь отправлена в город с соответствующей характеристикой. Это — окончательно.

*Работа ИМГРЭ
на пегматитах
Памира*

Александра Лучицкая, выпускница-1957 геолфака МГУ, рассказывает, как они искали редкометалльные гранитные пегматиты [12, с. 293]. Это середина и конец 1960-х — начало 1970-х гг.

После защиты диссертации я продолжила изучение редкометаллоносных гранитоидов на Памире, где в составе большого коллектива сотрудников ИМГРЭ, в контакте с геологами Памирской экспедиции Таджикского ГУ в г. Душанбе проводились комплексные работы по оценке перспектив этой провинции на редкометаллоносность. Работы проводились в основном на территории Восточного и наиболее высокогорного Юго-Западного Памира и пограничных с ним районов Центрального Памира. Гранитоидные массивы, бывшие объектами моего изучения, располагались на «заоблачных» высотах, более 4000 метров над уровнем моря. Чтобы добраться туда, надо было преодолеть высокогорные перевалы Памирского тракта, соединяющего город Ош Ферганской долины со столицей Юго-Западного Памира, городом Хорогом. База экспедиции находилась в г. Мургабе, в центре Восточного Памира, откуда добираться до места работы можно было только с караваном вьючных лошадей. Бывали случаи, когда переправиться через горную реку можно было только с помощью верблюдов. Самым экзотическим видом переправы через горные реки, помимо перетаскивания груза по «висящему чертовому мосту», было сплавление людей и груза на плоту, державшемся на бурдюках из-под вина, которым управлял пловец из местных памирских таджиков.

Работа в условиях высокогорья была нелегкой. Чувствовалась разреженность воздуха, болела голова, скорость передвижения в маршрутах была невелика. Из-за резкой смены температур в течение дня даже в жаркие дни приходилось брать в маршрут с собой телогрейку, а ночи были настолько холодными даже в летнее время, что палатки мы обогревали паяльными лампами.

*Всё познаётся
в сравнении...*

Академик Летников, в период своей работы техником на разведке в горах Киргизии, рассказывает об оптимисте — нормировщике Василии Ивановиче Насонове, — человеке, уже не единожды сидевшим [34, с. 62–63].

Если учесть, что я закончил техникум, а в то время регламентация работ была бюрократизирована до предела, все работы руководствовались справочниками, так называемыми СУСНами, и овладеть ими было невозможно. Поэтому мы всё время работали на грани фола. Однажды я за всех подписывал наряды и разные финансовые документы. Василий Иванович мне их подкладывает, а я говорю: *«Василий Иванович, я в этом ничего не понимаю, однако, нас с тобой посадят»*. Василий Иванович говорит: *«Артемьч, не волнуйся, надо будет, и отсидим, не хуже людей»*. Вот эта оптимистическая нотка, конечно, меня поддержала, и я продолжал лихо подписывать документы, не особенно вчитываясь в их содержание.

Конечно, когда находишься на высоте три тысячи шестьсот метров, в отсутствие растительности и деревьев, вокруг одни скалы, покрытые снегом вершины, ледники, то нужно очень любить свою профессию, чтобы в этих условиях сохранять оптимизм, бодрость и не падать духом. Хотя этого хватало на двадцать шесть дней, четыре дня отгула, нужно было съездить в долину, во Фрунзе, окунуться в нормальную жизнь, и вернуться потом опять в горы. На этом фоне выделялся один человек. Нормировщик, он же первоклассный бухгалтер, его советами пользовались все, но пьяница. И по пьяному делу ему в других местах, где он работал, подсовывали документы — он их подписывал и получал срок. Напрочь лишенный всех зубов, которые выпали по причине цинги; но оптимизм у него был потрясающий.

Вот представляете: утром встаешь, мы находимся в облаке — это туман, сырость. Он говорит: *«Ребята, солнышко за облаками, солнышко есть, оно взойдет, и если подняться на вершинку, то и солнышко видно. Чего горевать? К обеду будет солнышко»*. К вечеру, бывает, люди раздражены, или питание однообразное, никаких положительных эмоций, приемник не работает, батареи сели. Оставалось в преферанс играть. Когда он слышал раздраженные разговоры, он говорил: *«Ребята, да вы что? Вы посмотрите, какая прелесть вокруг: иди куда хочешь. Нет зоны, вы подумайте: нет зоны! Свобода! Иди куда хочешь»*. Ему говорят: *«Вон пик Ильбиретер — пять тысяч метров, иди туда»*. Он говорит: *«Да нет, вот я могу отойти на километр и на полкилометра, и никого, никаких вертухаев, никакой зоны, колючек нет. Это же надо понимать и ценить»*. Мы этого не понимали, потому что через это не прошли. И с тех пор осталось, когда кто-то на что-то жаловался, тому говорили: *«Да ты что, зоны нет, посмотри: нет зоны, какое счастье»*. Все говорили: *«Да, зоны нет, и это хорошо»*.

*Геологи
и альпинисты*

Академик Летников вспоминает свою молодость на Тянь-Шане [34, с. 135].

Моя молодость прошла в Тянь-Шане и на Памире, где поиски и картирование на больших высотах были тяжелой работой: нужно было выполнять план. И тут же мы сталкивались с альпинистами, которые ради своего удовольствия лезли на эти горы, которые мы должны были картировать и опосковывать. Единственное отличие их от нас было в том, что если мы выбирали пути полегче, чтобы закартировать что-то, иногда отбирали образцы в осыпях, чтобы не лезть на скалы, то они наоборот лезли самыми опасными путями, это были для них зачетные маршруты. В Киргизском хребте есть пик Ильбиретер пять тысяч метров с чем-то. С северо-восточной стороны — острый гребень и зачетная вершина для альпинистов, но с южной, со стороны Сусамыра была козлиная тропа, по которой можно было заехать на ло-

шади. Вот мы однажды едем с конюхом Бейшимбеком, и смотрю: по гребню (в горах хорошо видно) карабкаются люди с рюкзаками. Я говорю: «*Бейшимбек, давай три часа потратим, но заедем туда, испортим им настроение*». Он говорит: «*Давай*». Вот мы на лошадях, и уже потом пешком, лошадей на поводу вели. Забрались туда. Вершина. Тур стоит. Мы взяли и в консервную банку положили еще одну записку. Я вырвал из пикетажки страничку и написал с ошибками, корявыми буквами: «Здесь на святой день Троицу из дома престарелых была экскурсия. Дед Антип, 95 лет, Нюся, 102 года». Достали сухой спирт, развели маленький костерок, вода там кипит где-то при 60–70 градусах, вскипятили, сидим. Чай пьем, хотя чай и не хорошо заваривается. Вот появляется первая личность. Увидел тур: Ура-а-а! С вершины открывается изумительная панорама, весь Киргизский хребет виден, как он уходит в сторону Китайской границы и высота вершин увеличивается. На северо-запад горы меньше, и виден Таласский хребет, и вся система хребтов Северного Тянь-Шаня смотрится великолепно. В хорошую погоду изумительная картина. Потом оцепенел. Видит: две лошади, и два каких-то типа сидят.

— *А вы что тут делаете?*

— *А мы тут работаем, сюда приезжаем пообедать, здесь такая красивая панорама открывается. Видна Чуйская долина, а дальше на север начинаются безбрежные казахстанские степи.*

— *Как же так? Для нас это зачетная вершина.*

— *Это цена вашему героизму, а мы тут работаем.*

— *А где ваш лагерь?*

Я им показываю:

— *Видите, вон там палаточки белеются. Это наш лагерь стоит. Там месторождение разведываем.*

Нужно отдать им должное, они просто из любопытства, когда уходили, зашли к нам. Поставили палатки, два дня рядом с нами жили, видели, как мы работаем, как уезжаем на лошадях, потом пешком карабкаемся по этим горам, ходим в маршруты. И они начали понимать всю специфику нашей жизни.

1.6.12. Последние маршруты в сезоне

Последние маршруты Наковника в Казахстане • Конец сезона в Павлодаре •

Последний маршрут на Чукотке

Последние маршруты Наковника в Казахстане

Последние маршруты геологов: студента-географа и геолкомовского инженера-начальника (2–3 сентября) — перед долгим возвращением геологического отряда на север в Успенку и Павлодар — «в Расею»... На Успенку («Успенский рудник») они добрались только 6-го сентября утром, а начальник — к вечеру. В Павлодар притащились 19-го сентября [42, с. 74–78].

3 сентября

Сейчас далеко за полдень, точнее — около трех. Говорю около трех, потому что часы начальника испортились, и время мы определяем компасом по солнцу.

Я пишу, поглядывая на начальника, вернувшегося из вчерашнего маршрута час тому назад. Он лежит на койке, закрыв глубоко запавшие глаза, обведенные темными кругами, Джуматай стряпает лепешки из мучного мусора, выметенного со дна продовольственного ящика, а Баймуханов замачивает в роднике колеса, скорее линзы, так густо они переплетены ве-

ревками. Ждем, когда придет в себя начальник, чтобы, подкрепившись, отправиться на Успенский рудник.

Не верится, что завтра наедемся досыта и отоспимся вволю. Конец горячему солнцу, камням, складыванию и раскладыванию, запряжкам и распряжкам! Стараюсь не думать, что впереди долгая дорога к Павлодару — дорога в холод, слякоть, снег, а может быть, и в мороз.

Последний маршрут останется незабываемым. Еще раз благополучно выбрались из переделки. Можно подумать, что экспедиции сопутствует счастливая звезда.

Мы вышли с лагерной стоянки под белоснежным Алабасом около восьми утра. Начальник потянулся на Ортау, а я через граниты Космуруна к высокой пузатой горе Аба. Обоз направили на север, за Космурун.

Вопреки прогнозам Баймуханова утро было теплым и ясным, и мой оптимистичный начальник вышел, как выходил на юге сектора, без куртки, в нижнем и даже без фуражки.

— *Подбодритесь, инженер-географ!* — бросил он, когда мы расходились. — *Последний — самый интересный участок сектора! Говорят, в Ортау англичане находили аметисты, а перед Космуруном подбирали вулканические бомбы. Разыщите и зарисуйте кратер,* — и помахал мне томиком Ахматовой.

Только в полдень я разделался с дикими окраинами Алабаса, и, когда вышел на северные отроги Космуруна, солнце уже висело над Ортау. На обследование протянувшегося от Аба к долине Сарысу мелкосопочника, сложенного, судя по рельефу, вулканическими породами, оставалось не так уже много времени. Бродить же ночь в поисках лагерной стоянки, памятуя прошлые маршруты, совсем не улыбалось, да и рюкзак тянул назад, а тут еще усталость, нестерпимый голод...

Однако кратер с вулканическими бомбами перетянул, и я, махнув рукой на лагерь, отправился на пузатую гору Абу, которая казалась совсем близкой.

Гора оказалась далекой и такой растянутой, что я еще одолевал середину западного склона, а лога уже тонули в сумерках и куполообразная вершина горела в розовом закате.

Я шёл, то поднимаясь, то опускаясь по розовым порфирам гофрированного склона, выдергивая остья ковыля, набившиеся в швы залатанных галифе, потом бежал, грозя светившейся вершине. Когда высота придвинулась настолько, что обозначалась отдельность лавовых покровов, открылся темный глубокий лог. Я выбирался из него уже ползком, подтягивая за собой рюкзак с камнями, карабин и размазывая по лицу обильный грязный пот.

Я долго отдыхал на куполе, оглядывая склоны, не покажется ли кратер. Увы!.. Сумерки стужались.

Я набросал эскиз Абы, взял образцы и пустился вниз к долине, где перед Ортау начальник наметил стоянку лагеря.

Рельеф ли стал сложнее и сопки выше или мне только так казалось, но по дороге пошли овраги, глубокие ущелья, заваленные глыбами, густые заросли шиповника.

Я шел, оглядываясь на чуть светившуюся голову Абы, и думал: «А что, если не разыщу лагерь? Опять шататься до утра? Где прилечь, раз холод донимает всюду: в логах, на склонах, на вершинах...»

Вероятно, я протопал с десятков верст, потому что совсем стемнело и под сверкающими звездами померещился хребет Ортау.

Судьба, наконец, сжалась; послышалось фырканье коней и донеслись обрывки оживленного разговора. Это были голоса Джуматая и Баймуханова.

— *Джинджер пропал!* — крикнул Баймуханов в ответ на мой сигнал.

— *Как пропал?!*

— *Совсем пропал! Везде искал! Потом тебя искал! Айда скорей палаткам!*

В лагере, оказавшемся, вблизи, Баймуханов рассказал, что когда стемнело, он забеспокоился, не случилось ли чего с начальником, который обещал вернуться к заходу солнца, потому что чувствовал себя разбитым после незадачливой поездки на Ильинский рудник. Баймуханов полез на сопку, кричал, стрелял, жег огни, затем, вернувшись в лагерь, покатил с Джуматаем в сторону моего маршрута.

Мы не сомкнули глаз до самого рассвета, поддерживая на вершине большой огонь, ломая голову над тем, что приключилось с инженером: «Ночует в сопках? В холод? Невероятно! Наткнулся на бандитов? Или сорвался с крутого склона?».

Ну вот загорелись зубцы Ортау, а инженера нет как нет. Тревога нарастала, мы поднимались на вершину, ощупывали подножие хребта, долину, мелкосопочник на юге, — безрезультатно!

Солнце подошло к зениту, протянулся еще тревожный час, и мы склонились, что инженер, сломав ногу, лежит где-нибудь на ортауских кручах или, что вероятнее всего, покоится простреленный бандитами.

Ответственность за казенное имущество, за геологические материалы ложилась на меня, и я решил отправить Джуматая с депешей на Успенку, а Баймуханова — еще раз пошарить в сопках.

— *Смотри!* — шепнул вдруг Баймуханов. — *Зверь не зверь, человек не человек...*

Я посмотрел в бинокль, куда показывал приятель, но ничего не разобрал на желтоватосером фоне пустой долины.

Прошло несколько минут.

— *Человек!* — вскрикнул Баймуханов.

Я впился в стекла бинокля и в самом деле увидел человека. Шевельнулась слабая надежда.

Баймуханов схватил винтовку, сел на Вороного и помчался к едва заметной точке, которая то пропадала, то появлялась, росла и, наконец... Да это же начальник!

Боже! В каком виде подъехал он на Вороном, поддерживаемый Баймухановым, шедшим сбоку! Его одежда была разорвана в клочья. Черты землистого лица заострились, голубоватосерые глаза поблекли. Из-за седла выглядывал рюкзак с камнями.

Далее я записываю так, как кратко и с явной неохотой поведал нам начальник о своих приключениях в маршруте.

— *От Аюлы пошел я к южному концу Ортау, — рассказывал начальник, — потом пересек хребет, и тут меня застигли сумерки. Вместо того, чтобы идти на северо-восток, повернул на юг. Почему? Не знаю. Может быть, устал. Когда наткнулся на речушку, смекнул, что, пожалуй, не туда забрался, но поманил огонь — принял за наш костер. Долго шел, а огонь все впереди, все выше. Наконец подошел к гранитам, вероятно, к гранитам Кызылтау, что за границей нашего района. Смотрю — наверху три костра, перед которыми мелькают люди. Тихонько поднимаюсь, чтобы разглядеть в бинокль, что за народ, думаю, поем, согреюсь, переночую.., как замечаю людей в малахях и кожаных рубахах, перетянутых крест-накрест патронташами. Тогда я покатился вниз, и, разглядев Медведицу, давай бог ноги к северу. Шел, грелся, потому что холод не давал садиться. Перед рассветом очутился в дебрях, заросших колючими кустами. Когда продрался, увидел Аюлы и тут почувствовал — подкашиваются ноги. Как дотянулся, спрашиваете, каким путем напал на лагерь? Думаю, что набрел случайно или чутьем, как пёс, сами видите, чего рассказывать, да и не припомню...*

И вот с изумлением и горечью я смотрю на осунувшегося инженера, который, передохнув не больше двух часов после семидесятиверстного маршрута (я это подсчитал по карте), привстал и, развернув десятиверстку, сказал тихим, но твердым голосом:

— *Прикажете Баймуханову седлать Серого и Вороного...*

— Как седлать?! — изумился я.

— Да так... Поеду с конвоем ликвидировать разведку на Кайракты. Парфенов совсем зажался. А вы с обозом тянитесь на Успенку. По дороге осмотрите мелкосопочник за Джаман Сарысу, что к западу от Тагалы.

И это говорит человек, бродивший в сопках больше суток, проделавший позавчера 70 верст в седле, цепляющийся за койку дрожащими руками!..

Стараюсь подавить в себе горькое сознание того, что Успенка отодвигается, по крайней мере, на 36 часов, и с тяжелым сердцем готовлюсь объявить приказ начальника.

Конец сезона в Павлодаре

20 сентября 1925 года. Прощальный жалкий «пир» в Павлодарском доме крестьянина. Вспоминает Николай Накovníк [42, с. 80]. Как всё это мне (Я.Ю.) знакомо, хотя я моложе тех геологов лет на 40–50, и никогда не бывал в Казахстане...

Сегодня утром начальник объявил, что приглашает меня и Джуматая на обед и выпивку в Дом крестьянина по случаю благополучного окончания экспедиции и отъезда в Ленинград, а что касается моего жалованья за весь сезон, то обещал выплатить его на месте, в Геолкоме.

— Пока возьмите, — добавил он, подавая новенький червонец, — и купите сапоги, рубаху, шаровары, а то так неудобно в общественных местах.

Мы с нетерпением ожидали обеденного часа, рисуя себе пельмени, плов, арбузы, пиво...

И вот желанный час настал. Вымытые, выбритые и приодетые, мы вошли в столовую Дома крестьянина, и здесь начальник погрузился в изучение скудного меню.

— Три порции шей, три порции рагу и бутылку пива! — сказал он так, как будто заказал по паре пива, по курице и по целому арбузу.

Начальник разлил бутылку пива по стаканам — себе целый, а нам по половинке. Мы чокнулись со звонком, отпили по глотку, потом чокались опять и пили.

Последний маршрут на Чукотке

Вадим Сафонов описывает возвращение из последнего 34-километрового маршрута по Чукотке — путем опасного траверза по заливу — ночью в августе! [57, с. 39–40].

Покидав снаряжение в лодку, мы отплыли. Волна была терпимой, а стущавшаяся темень заставляла нас работать веслами и ни о чем не думать. Ко второй половине пути контур полуострова исчез, наступила полнейшая темнота, а волна стала меньше и молча работали, ни минуты не отдыхая. Силы были где-то рядом с нулевой отметкой. Но мы гребли и гребли, не переставая, в изможденном упорстве — нужно было быстрее проходить фарватер залива, там ведь было течение.

Несколько раз останавливались. Зажигая спичку, я смотрел на компас, и, как оказалось, не зря — мы отклонялись от нужного курса, но не сильно.

Полная темень, ритмичные усилия усталых мышц, соленые брызги на лице — окружающий мир исчез, время остановилось.

Виктор вдруг прекратил грести.

— Мы куда-то не туда прем, наверное, промахнулись мимо полуострова. Должны были уже давно подойти к берегу.

Такое ощущение уже возникало и у меня, но я по опыту знал, что при движении в полной темноте пропадает восприятие течения времени. Часы были на руке, и это, мобилизовывало. Человеку, не бывавшему затерянным среди волн, в полной темноте, этом «киселе неопределенности», трудно понять, что значат часы — этот маленький фактор непоколебимой конкретности. Мы снова и снова упирались в весла. Прошло какое-то время.

Мы уже не могли грести стоя на коленях и теперь делали это в полулежачем положении. Усталость сделала свое дело. Останавливаясь, мы вглядывались в темноту, ища, контур полуострова. Так повторялось несколько раз.

Берег появился неожиданно, когда до него осталось менее полсотни метров. Наше молчаливое напряжение моментально сменилось идиотски радостными эмоциями: запел заплетаящимся языком какую-то блатную песню, а Витя стал уверять меня, что видит на берегу бегающего Текки. Передохнув минут пять, мы подплыли к берегу. Берег был незнакомый, но нас это мало волновало. Вытащив лодку, мы, радостные, стали размышлять, старательно вглядываясь в темноту. По высоте обрывов это, скорее всего, был полуостров. Под обрывом берега что-то белело. Подошли — скелет касатки. Мы вспомнили рассказ Крюка. Это была другая сторона полуострова. Взглянул на часы — сплошная мистика, опять ровно одиннадцать часов, минута в минуту. Время обмена сигналами. «Шутки ради» я поднял ствол вверх и выстрелил. Тишина. Оставив все на берегу кроме спальников, ружья и полевой сумки, мы обессиленные, «куриными шагами», натываясь в темноте на глыбы, двинулись к лагерю. Ориентируясь на полосу прибоя и забыв про время, обогнули мыс и увидели свет. Он шел из ложбины, где был расположен лагерь. Уже, не говоря друг другу ни слова, потащились дальше.

Никто и не думал спать. Костер полыхал большим пламенем. Они тесно сидели у огня, прикрывшись кусками полиэтилена, и от шума огня и дождя не слышали наши шагов.

— *Идут!*

Крик, полный изумления, рванул тишину нашей усталости и их напряжения. Полиэтилен полетел в стороны, все вскочили. Веселые, румяные от костра лица, вопросы наперебой. Юра протянул руку:

— *Ну, как, удалось всё. И промыли тоже* — его и так всегда сияющие глаза искрились.

*Авторское-4:
в маршруте*

В этом эссе, написанном на Печорском Урале (в ненастную погоду на р. Щугор, 1967 г.), описан типовой маршрут на Кольском п-ове, в бытность автора студентом (1957–1958 гг.). Однако здесь уже учтены полевые впечатления автора в Якутии (1960–1963 гг.) и в Карелии (1966) [67, с. 69–73]

В МАРШРУТЕ ⁵

Утро, свежее утро!

Лагерь на берегу озера. Солнце бьет прямо в палатку. Комаров еще, как кажется, мало. Выскакиваю из палатки в плавках — комары, ошарашенные такой наглостью, не бросаются, а как-то вяло жужжат около...

Солнце, солнце! Птицы поют в тайге, вода в озере слабо лижет берег.

Кидаюсь в воду, плыву, распластанный, под водою, скольжу гладкой коричневой рыбой. Дно видно, вода как кристалл, и нельзя сказать, что теплая... Боже, как это хорошо. Вылез. Апельсиновая ручка зубной щетки, голубая паста — и краски какие-то все чудные, умытые.

⁵ Опубликовано в книге: «Уезжают друзья с севера: Литературный сборник». Сыктывкар: Геопринт, 2003. С. 20–27.

День начинается жаркий — иду, как есть, к костру: комары кусают, но не сильно (они жару не любят). Зато позагораю, подышу после душного сиротского спальника.

Иду, как сказал Поэт «красивый, двадцати (тридцати-, сорока-, нужное подчеркнуть)-двухлетний». Дежурный встал час назад, завтрак готов. Уха, каша, чай. Всё прекрасно.

Обжираемся. Все шуточки-прибауточки, всё одно и то же на всех широтах. Они передаются в поле, как вирусы: «Чай не пьёшь — какая сила? Чай попил — совсем ослаб» и т. п. Фольклор.

Ах, не все ли мне равно? Я их слушаю в пол-уха. Утро, солнце, здоровье в теле, упругая сила в отдохнувших ногах. Кажется, не пойти сейчас в маршрут — заболешь.

Эх, черт: нажрался как свинья. Сколько раз всё собирался начать Новую Жизнь и перед маршрутом кушать умеренно — куда там! Еда сама собой глотается. Мы как волки, едящие впрок.

Голова ясная. Мыслей никаких нету. Маршрут проложен на карте с вечера. Коллектор укладывает маршрутный рюкзак. Несколько минут мне делать нечего. Молоток мокнет в воде. Солнце уже высоко. Долго ли он будет копошиться?

— *Всё? Пошли.*

Идем медленно, как бы вяло. Это сердце-мотор приспособливается к нагрузке. Сначала — пустой ход; работа редко начинается у самого лагеря. Это славно, когда есть километра два пустого ходу. Каждый день — всю жизнь — надо заново привыкать к маршруту. Идем по берегу речки. Трава по пояс. Цветы, цветы... Почти ни одного не знаю. Желтые вроде лютиков, мелкие. Тоже желтые, вроде купавок, растут у воды, пахнут упоительно. Красные, крупные как розы — это пионы. А разной цветочной мелочи — не счесть. На сыром бечевнике полно незабудок — таких голубых, таких родных. Это её любимые цветы. Но собирать их незачем — она далеко.

Раздвигаем траву. Пронзительно кричат трясогузки, отманывают от гнезд. А мы идем себе, дышим запахом луга, который никто и никогда не косил.

Вышли к излучине. Берем азимут в тайгу. Теперь — внимание! Работа началась.

Глаза — смотрите! Долой мысли о незабудках. Обнажения, слои, породы. Колотим, ковыряемся, рисуем, пишем. Вот мыслишка вылезла — сюда ее, болезную, на левую сторону полевой книжки, чтоб не затерялась. Снова пишем, смотрим, колотим. Сегодня как будто ничего сложного. Почти всё это я уже видел. Но в этом опасность — не расслабляться! Внимание! Так легко сконструировать себе Природу как тебе захочется, а нужно стараться увидеть ее такой, какова она есть. Но для этого работа непременно должна быть напряженной — легкой или трудной, — все равно напряженной.

Идем дальше. Солнце уже высоко. Хорошо идти по солнцу: целый час можно не подправлять азимут по компасу. Голова работает: значит, как говаривал Юра Гагарин, «полет (маршрут) проходит нормально».

А вот — видели бы те, кто понимает! Это — награда мне за напряжение, за усердие, за хорошее поведение. Небольшое обнажение песчаников в береге ручья, а в нем, как на картинке — косая слоистость. Великолепная, четкая — серийные швы и косые слойки отпрепарированы выветриванием. Персонально для меня подарочек. Ведь мог же я пройти в 10 метрах выше или ниже по ручью — и ничего не заметить за кустами.

Планшет — с плеча. Коллектор скидывает рюкзак: знает, что здесь провозимся долго.

Вытащил фотоаппарат — подарок друзей к 25-летию. Дорогая и тонкая штука — зато уж и снимочки, любо-дорого... Щелк-щелк эту слоистость оттуда: для масштаба Сережа в ручье, в героической позе. А теперь поближе — для масштаба молоток. А теперь совсем близко, насколько позволяет фокусное расстояние аппарата — только одну косую серию со слойками, длиной в карандаш.

Теперь надо сделать гарантийную зарисовку из позиции второго снимка — с молотком. Только самое основное. Ну да. Молоток-то выходит лучше всего. Наловчишься тут рисовать молотки...

Правда, некоторые коллеги не рисуют — рассчитывают только на снимки. Ну и дураки: фотоглаз объективен, но он видит совсем не то, что вижу я. А дай нарисовать это же обнажение художнику — тот очень красиво изобразит тени и полутени, а косую слоистость может и не заметить. Для меня же в ней всё важно: и то, как слои выполаживаются книзу, а сверху резко срезаются, и то, что серии разнонаправленные, и многое другое.

Когда у меня будет в руках рисунок, где изображено то, что вижу я, и снимок, где запечатлено то, что видно при данных условиях вообще — я сделаю нечто лучшее и того и другого — рисунок по фотографии. Тушью на толстом ватмане, тщательно, красиво. И в этом произведении искусства будут соблюдены точные размеры природы и вместе с тем не будет ничего лишнего — только косая слоистость.

Так... Есть картинка. Теперь можно описывать. Занятие нудное, но необходимое. А время-то! Скоро уже 14, а ведь раньше чем через час мы отсюда не уйдем. Между тем, брюхо уже подводит...

— *Сергея! Ставь чай.*

Тот уж давно ждет команды. Через минуту трещат в костре сухие лиственничные сучья, и над жарким желтым пламенем повисает маленький чайник, черный как дырка. Он появился у меня с того времени, как появилась язва желудка от еды не вовремя и в сухоматку. Цены ему нет, этому чайничку. Входит в него ровно четыре кружки. Специально засекали время: если наловчиться, то можно заставить его закипеть за 5 минут — это к сведению тех товарищей, кто в маршруте «экономит время», запивая сырой сухарик сырой водицей.

Измеряю, пишу. По особому алгоритму, придуманному для этого дела одной умной тетенькой — доктором наук, которая всю жизнь занимается расшифровкой слоистости. По слоистости можно узнать, что здесь было: донные отложения реки, пойма, старичное озеро, лагуна, песчаный бар, дюна, прибрежная подводная дельта или же настоящие морские отложения. Поэтому такое обнажение — праздник для геолога, и поэтому работаете легко и вдохновенно, даром, что сама работа — нудное описание, как в XIX веке. Но зато в те времена о породах такого обнажения смогли бы сказать разве что так: «осадки отложились в текучей воде». По современной мерке этого очень мало. Куда текла эта вода? Быстро, медленно? Где накапливался осадок? Откуда сносился материал в бассейн? Долго ли и сильно ли перемывался? Если это прибрежные отложения морского бассейна, то нет ли здесь древней россыпи?

Но вот и чай готов и разлит в кружки. Спешу управиться до обеда, чтобы потом сразу уйти отсюда. А живем мы нынче богато, все-то у нас есть: сухари, масло, рыба-малосолка (вчера только пойманная). «Завтрак на траве». Трава в наличии. Правда, нету на ней женщин в белых платьях. Беда небольшая — нам и без них отменно хорошо.

Голод волчий, будто и не ели никогда. Едим молча. Возбуждение от находки постепенно спадает, остается сытое удовлетворение.

Теперь хорошо закурить — просто за компанию. Я могу год не курить и ничего. Мне нравится не столько курить, сколько пускать дым.

Но — надо топтать дальше. На обед не должно уходить больше 40–45 минут.

Поднялись, забросили головешки в ручей. Рюкзак у Сереги не стал меньше — ибо вес съеденного несоизмерим с весом добавленных образцов.

Я — груз в маршруте не таскаю, хотя всегда беру второй рюкзак (для пустого обратного хода, где я забираю у коллектора половину груза). Но в маршруте — нет. И не потому, что я геолог, а он — коллектор, а просто потому, что груз на спине мешает мне думать. Однако

среди нашего брата есть любители многодневных маршрутов: навьючатся, как верблюды (палатка, спальные мешки, посуда) — и ломают, пока сил хватает. А по пути как бы работают, если это можно называть работой. Ведь каждый образец — небольшая драма: брать или не брать, когда впереди еще 20 км маршрута? Черт знает, какими качествами надо обладать, чтобы нормально работать в таких условиях — когда тяжкая туша груза давит, сплющивает, гнет к земле, убивает подвижность и всякую умственную деятельность. У меня, во всяком случае, этих качеств нет. А вот мой первый шеф, к слову сказать, в многодневных маршрутах не только брал десятки образцов, но еще и штуфы (здоровенные куски пород) — «для музея».

... Солнце ниже, жара спадает. Кажется, подвезло — обнаженность пропала. Стыдно, конечно, но мы этому рады. Пусть лучше сегодня больше не будет обнажений, чем встретить нечто сложное, в чем я сейчас, к концу дня, не сумею разобраться.

Ура! Болото. Теперь-то уж точно обнажений не будет. Правда, по середине болота течет пакостный ручей, который так просто не перейти. Ну — что поделаешь. А за ручьем нас ожидают еще полкилометра по болоту, километр по высотке с диабазами — и лагерь. На диабазах всё будет просто, мы по ним без конца ходим в этом сезоне. Возьмем по-быстрому пару образцов, да и точка.

Вот проклятый ручей. К нему, после «нормального советского» болота — метров 30 надо пробираться по огромным, метровой высоты кочкам, между которыми стоят окна черной воды, как раз по пояс. «Как бы не юркнуть», — говаривал один мой коллектор. Термин освоили — фольклор. «Как бы не юркнуть, Серега!».

Хохоча, прыгаем по кочкам. А что нам?

Ручей шириной метров 5 и глубокий — будь здоров. Его не перейти даже в броднях. Снимаю часы, раздеваемся. Комары в восторге. Кусают, падлы. За что?!

Полезли: образцы и сумка над головами. Вода в общем по брюхо, но ужас какая холодная! Еще бы, ведь в болоте подо мхом — лед. Это, братец мой, Север. Ого! Провалился в яму — вода уже по бороду. Серега уже переправился. Белый он, Серега. Загар к нему не пристает, да и боится он загорать — комары.

Одеваюсь в судорогах: замучили, кровопийцы. Проверили азимут и пошли дальше по болоту. Вот и край — заросли полярной березки. За ними начинается покрытая белым ягелем залесенная высотка с диабазами. Пробежим её — и дома.

— *Эге-ге-гей!*

Это он с берега, метрах в 30 правее меня. Что там у него?

Подхожу. Здравствуйте! Мандельштейны. Обнаженьице небольшое, но эффективное. Это те же диабазы: зеленые, плотные, звонкие, мелкокристаллические. Те же, да не те: в них масса крупных, до 2–3 см поперечником, округлых светлых миндалин. Мандельштайн по-немецки и значит «миндальный камень». Миндалины — это бывшие пузырьки газа, заполненные поздними минералами. В миндалинах могут сидеть всякие редкости — цеолиты, например. Загадочные минералы с водой в кристаллической структуре — «молекулярные сита».

Но всё же для нас важнее не минералогия мандельштейнов, а сам факт их наличия: ведь это неопровержимое доказательство эффузии — излияния базальтовой лавы на поверхность. Тогда как на обычном диабазе это «не написано» — он мог и излиться, а мог и на некоторой глубине застыть, и так сразу — определить это трудно.

Смотрю, нет ли переходов мандельштейнов в диабазы без миндалин.

Фотографирую. Благо ночи пока белые и вечером еще совершенно светло. Опять рисую, но уже откровенно наспех.

Колотим, берем кучу образцов и отдельно — штуф килограммов на 5. Красивая штука, для музея. Вот когда пригодился второй рюкзак — приходится и мне нагрузиться.

Прелестный, однако, маршрутец сегодня. Такие всегда запоминаются. А простые, без геологических впечатлений, даже очень тяжелые, но профессионально-скучные — те все забываются, без следа. Вот и славно — надо помнить только хорошее.

Однако же мы устали. И я, и Сережа. Ведь уже 12 часов работаем.

Но нужно еще 15 минут внимания — не упустить, проследить взаимоотношения мандельштейнов с диабазами. Если, конечно, таковые тут имеются.

Плохая обнаженность — наш бич, наше проклятие, наш крест. Вот не будет обнажено в каком-то нужном, ключевом месте — и хоть ты тресни — что тут сделаешь со своим молотком. А как известно из геологического фольклора, все лучшие контакты в мире — не обнажены.

Касаемо геологического молотка, даже странно, что о нем фольклор умалчивает. А вот кайло, которым рубают уголек, как научил меня шахтный геолог из Сангар (на Лене) Иван Ляхов — следует гордо именовать «кайлометром»... Такая вот у геологов замечательная техника.

Между тем, на часах уже 21-20: нам бы давно пора быть дома. Очень возможно, что в глубокой тишине синего вечера удары наших молотков доносятся до лагеря — слышимость в этих местах поразительная. Это бы хорошо: значит, ребята знают, что мы на подходе, и может быть, уже обед греют.

Уф!... Скинули рюкзаки у палаток.

Долой с себя всю маршрутную сбрую. Почти одновременно кидаемся в озеро. Из палатки выполз, наконец, дежурный (скорее всего, он дрых) и стал шуровать в костре. Ясно, что остальные давно дома, поели, залегли в пологаях, а он разогревает еду только для нас.

У каждого в отряде есть свое занятие — вот их и не видно. Один (студент-заочник) долбит немецкий язык, другой пишет бесконечные письма жене. Письма как бы секретные. Но поскольку жена его писем не получает (ибо связи с нами никакой нет), то он их пишет в толстую тетрадку: каждый вечер по письму. О сём все прекрасно осведомлены, но виду не подают. Интересно, как это она прочитает их все сразу? Поймет ли его настроения, его душу?

Женат он всего полгода, так что, надо думать, со временем это у него пройдет. Это сейчас он бросает к её ногам все богатство своей молодой души, и ничего ему не жаль, и всего у него много, и всё — только для неё.

А потом? Потом он заматерееет, станет настоящим полевым волком. Где-нибудь раз в сезон со случайной оказией пошлет ей записочку: «У нас все здоровы. Погода хорошая. Питаемся хорошо, не беспокойся. Не скучай, целую». А хорошей жене геолога ничего больше и не надобно — чтобы муж был здоров и хорошо питался. И про погоду ей тоже всё понятно — сама в поле бывала не раз и знает, что значит работать в ненастье.

...Что-то в таком роде, то есть как бы философическое, быстро проносилось в моей голове, пока я плавал и нырял в озере. Не успел вылезти на берег, как уже забыл об этом. Серега — тот еще плавает и плещется, как ондатра.

Солнце уже зацепилось за верхушки елок над озером — и вот-вот «юркнет» за лес.

Ах, как славно устроена жизнь! Какой, право, чудный маршрутец пробежали мы сегодня! Где-то, пугливой тенью проскочила привычная, всегдашняя мыслишка о милой — тенью тягучей тоски, долгой разлуки — но долой, долой ее! Нельзя позволить себе расслабляться, жизнь прекрасна и удивительна, а мужчине надобно уметь не распускаться, ему должно хватать собственного ресурса для поддержания душевного здоровья.

Мы переодеваемся в сухое, мягкое, «лагерное». Вместо резиновых бродней — тапочки.

Бросаемся на обед.

Вон, Вадик выполз — идет к огню. Вскоре и все трое вокруг нас — смотрят, как мы обжираемся, будто впервые видят. Это просто повод — лишний раз попить чаю.

Снова фольклор, шуточки-прибауточки. Настроение у всех отличное. Это, между прочим, нормальное состояние в поле. Человек, который в тайге хмурится и молчит — такой человек нездоров. На «моральной» почве это бывает редко, но и это, в общем-то, надо в себе подавлять — правило общежития.

... И вот они, степени прекрасного: хорошо было в маршруте, еще лучше — обедать, но и вовсе замечательно — теперь залезть в мешок, и не заснуть, а как бы нырнуть в сон, нырнуть с закрытыми глазами, с идиотской улыбкой счастья на лице.

Авторское-5: Здесь приведены отрывки полевого дневника Я.Ю. *истерика туриста* на Лемве, Сев. Урал за 14–19 августа 1982 г. — с комментарием, добавленным в 2006 г. [69, с. 146–147]. Поломка всех наших ступ для дробления проб грозила полной остановкой геохимического опробования, поэтому я был вынужден предпринять авантурный поход с Лемвы — в Инту.

Конечно, наши приключения во время этого похода, а также нападение на лагерь в наше отсутствие — весьма любопытны, но приведен здесь этот отрывок только для того, чтобы дать дополнительный штрих к теме «Геологи и туристы». Ведь мой коллектор Миша Ерёмкин, работавший со мной каждое лето, начиная с 1977 г., — был заядлым туристом, заинтересованным в выполнении всяческих «зачетных нормативов»! И поэтому мой (внеплановый) обратный вертолетный рейс по маршруту «Инта–Лемва» — вместо вожденного Мишей пешедраля, как минимум, с двумя холодными ночевками, — вызвал у него в Инте настоящую истерику... Так что, академик Летников прав: мышление геолога и туриста — находятся в абсолютной противофазе...

14 августа 1982, суббота.

Лагерь на Лемве напротив устья М. Надоты.

Два дня камералили и дробили пробы. Ступы и песты почти совсем сломаны и давно уже работает только один дробильщик. В этой ситуации составлен новый план на конец сезона.

1) Я, Еремкин, Исаков, Шафранский выходим по вездеходной дороге в Инту (~50 км), где делаем попытку ремонта ступ, кое-что покупаем из продуктов (кончаются сухари, нет жиров, лука и т. д.).

2) Затем Исаков отправляется за ступами, сетками для сит и пр. в Сыктывкар, далее в Печору — и заказывает вертолет на Хойлу на 20-е число.

3) Мы через день возвращаемся обратно, Исаков прилетит за нами.

4) Таким образом, с недодробленными пробами летим на Хойлу. И уже там, с тремя или даже четырьмя ступами — дробим как остатки от Лемвы, так и Хойлинскую коллекцию.

5) Если до 25-го числа вертушка не прилетит — то на Хойлу уже не едем, а 1-го или 2-го сентября летим в Воркуту и оттуда домой.

6) Итак, завтра рано ночью (не позднее 4-х часов) выходим. К сожалению, сейчас (около 18 час.) идет непрерывный дождь. Неужели мокнуть все 50 км пути?

7) Мои камеральные работы полностью закончены. Осталось написать «Выводы». Что касается проб, то не закончена еще дроблением даже коллекция до Мал. Надоты...

Азимуты от лагеря на станцию Инта: СЗ 305°, СЗ 282°.

Комментарий-2006

«...*Шафранский...*» — Михаил Шафранский, студент Ухтинского индустриального института. Очень молчаливый малый, которому я предрекал военную карьеру (и кажется, оказался прав).

«...*летим в Воркуту...*». Дело в том, что начиная уже с 1970-х гг., я все свои громадные коллекции проб (за сезон их набиралось до двух тысяч) отправлял на полуколичественный спектральный анализ в мощную лабораторию ВКГРЭ (Воркутинской комплексной геологоразведочной экспедиции). У нас же в академическом Институте выполнить такой объем анализов было совершенно немыслимо. Мои пробы в Воркуте обрабатывались бесплатно; я расплачивался «натурой», т. е. научными консультациями и главами в отчеты своих друзей — воркутинских геологов. Поэтому нам был прямой резон завезти пробы сезона-1982 прямо в Воркуту за средства полевого отряда, а не посылать их потом почтой из Сыктывкара...

15 августа 1982, около 24 часов, Инта.

Бог помог! Вышли от устья Мал. Надоты в 4-45, прошли около 30 км и около 11 час нас нагнал браконьерский вездеход с Лемвы! От вездеходчика ИнГРЭ мы с ужасом узнали, что на самом деле протяженность дороги «Лемва — ст. Инта» — около 85 км !!! Притом — это мы уже и сами поняли — дорога шла вдоль Б. Инты и бесчисленное количество раз ее пересекала. Между тем, от дождей река вспухла, и внизу, где она уже очень широкая (это всё ещё в 40–45 км от Инты !!) — нам бы ни за что её просто так не перебрести.

Бог помог — одно слово... Правда, по дороге соскочила звездочка, но общими усилиями (а что бы этот бедолага-вездеходчик без нас делал?) за два часа мы ее насадили. Пригодился мой пайхойский опыт.

Теперь задача — с ним же уехать обратно. Иначе нам домой не попасть!

16 августа 1982 — ремонт пестов и ступ в ИнГРЭ.

17 августа 1982

Переговоры с главным геологом ИнГРЭ Г. Г. Богдановичем и начальником ИнГРЭ Г. А. Прижимовым о возможности доставки нас обратно вездеходом. Ничего утешительного.

Комментарий-2006

«... *переговоры ... о возможности доставки нас обратно вездеходом. Ничего утешительного.*».

Мы стали невольными свидетелями грандиозного скандала в ИнГРЭ — оказывается, наш спаситель-вездеходчик самовольно угнал машину с буровых — на лемвинскую рыбалку. Его собирались чуть ли не под суд отдавать — и естественно, что о нашей доставке обратно на Лемву (где уже находились инспекторы рыбнадзора, поскольку в это время по Лемве как раз начинала подниматься сёмга!) — не могло быть и речи.

18 августа 1982

Тщетное ожидание вертолета, заказанного на 14 часов. Рейс не состоялся из-за нехватки у них масла... Исаков отправлен в Сыктывкар для ремонта сит и добывания еще одной ступы. Он должен заказать вертолет на Хойлу на 25-е число.

19 августа, 1982, четверг.

В 9-25 вылетели из Инты, в 10-00 были в лагере. По прибытии узнал от А. Ф. Жихарева об имевшей место в ночь с 15 на 16 августа перестрелке между ним и неизвестными лицами, которые кое-что успели похитить из палатки. Жихарев получил легкое ранение в плечо, повидимому, из самострела.

Мною сделано следующее.

1) Составлен Акт о случившемся, подписанный всем присутствующим персоналом отряда.

2) Еремкин и Шафранский вооружены ракетницами. Каждому выдано по три ракеты.

3) Вынужден был потратить 1 (один) патрон из имеющихся 6 (шести) на пристрелку пистолета. Если в перестрелке я останусь без патронов, то ответственность за это должны нести руководители АХЧ филиала, оставившие меня в поле без патронов.

Комментарий-2006

«... вылетели из Инты...». На этот незапланированный вертолетный рейс я решил не сразу. Первоначально я собирался назад идти пешком, с двумя холодными ночевками. Эта перспектива приводила в полный восторг заядлого туриста Мишу Еремкина — благодаря такому переходу он мог получить какую-то там категорию... Поэтому, когда я все же решил лететь, — с Мишей случилась настоящая истерика.

«... ответственность за это должны нести руководители АХЧ...». Необходимо иметь в виду, что полевой дневник геолога (пикетажка) — это отнюдь не личная собственность, а официальный документ, который по завершении темы оприходуется и сдается в архив на вечное хранение. Поэтому записи в нем всегда делаются в сознании того, что их будут читать официальные лица. Эта запись — не что иное, как официальное заявление о характерной советской «туфте» — нас вооружали пистолетами ТТ, но выдавали смехотворное количество патронов (в данном сезоне — даже меньше, чем нужно на зарядку одной обоймы — 8 шт.). После поля выданные нам патроны подлежали списанию по акту. Обычно в таких актах фигурировала стандартная формулировка: «израсходованы на пристрелку пистолета».

Но после этой истории я, как герой Джека Лондона (который после голодовки стал прятать под матрацем сухари) — стал накапливать выдаваемые нам по скудной норме патроны к пистолету — отнюдь не расходуя единственную обойму на стрельбу по консервным банкам или рябчикам. И хотя в 1990-х пистолеты геологам выдавать перестали, у меня до сих пор хранится увесистый «сувенир» — мешочек для образцов с тремя дюжинами сбереженных таким образом патронов. И, следовательно, меня в любой момент можно упечь за решетку — за незаконное хранение боеприпасов...

1.7. Приемка полевых материалов; отпуск

Как принимали материалы на Чукотке • Авторское-6: как принимали материалы у Я. Ю. • Несостоявшийся грузинский банкет • Отпуск чукотского геолога • Как старомодный Чернов отдыхал в Сочи • Авторское-7: мой отпуск на Черном Море

Как принимали материалы на Чукотке

Вадим Сафонов рассказывает о процедуре приёмки полевых материалов в Чукотском поселке Пинакуль — базе геолого-поисковой партии на берегу замерзшего залива Св. Лаврентия, где они зимовали... [57, с. 45].

По снегу ходят унты, торбаза и валенки, а людские головы озадачены планами на зиму. Кое-где еще не вывезено снаряжение или бочки с образцами, и начальство озадачено этим. Партии же готовятся отчитываться за лето — защищать полевые материалы. Это событие как маленький экзамен. Все старательно приводят в надлежащий вид свои полевые карты и дневники наблюдений, радиометрические журналы и карты шлихового опробования.

Твой дневник наблюдений и полевую карту с нарисованной на ней геологией, местами опробования, линиями маршрутов будет смотреть комиссия геологов из другой партии! Есть о чем волноваться.

Наконец, защита. Начальник партии, волнуясь, отчитывается перед собранием о результатах проделанных работ, а проверяющая комиссия сообщает свое мнение о прочитанной и просмотренной полевой документации. Профессионалы оценивают профессионалов. И не только. Молодые геологи здесь впервые слышат независимое мнение о своей работе. Это важно. А экспедиция видит свои результаты по изучению и опосредованному поиску территории. Никто не показывает своей учености и не «ест» другого. Это не только не принято, но и просто невозможно в среде геологов северных экспедиций.

*Авторское-б:
как принимали
материалы у Я.Ю.*

Попав после геолфака МГУ (1959 г.) в Якутском ГРУ в модную производственно-научную структуру — Центральную тематическую экспедицию (ЯЦТЭ), уже через два года я, после окончания

моды на производственную науку — оказался в ЯЦГСЭ — «обыкновенной» геолого-съёмочной экспедиции. В отличие от научной вольницы, здесь работа геолога была строго регламентирована, и как важный её элемент — существовала обязательная приемка полевых материалов.

В университете я был отличником, поэтому получение на экзамене четверки было уже крайне нежелательно, так как лишало меня повышенной стипендии. Поэтому, избалованный университетскими пятерками, я не мог понять, почему меня так горячо поздравляли коллеги, когда я получил «4» при приёмке полевых материалов. Мне пояснили, что в нашей ЯЦГСЭ, как правило, новичкам больше тройки не ставят, так что я оказался неким исключением. Однако моя радость быстро испарилась, когда для приватной беседы меня пригласил председатель комиссии по приемке полевых материалов — пожилой геолог Август Иванович Кянно, с молодой женой которого я сразу после приезда в Якутск полгода проработал в химической лаборатории Якутского ГРУ, пока не получил собственную геохимическую тему. Взяв у меня обязательство помалкивать, Кянно показал мне несколько листов с десятками своих замечаний к моим полевым дневникам! Ясно, что если бы он огласил все эти замечания на комиссии — мне бы не поздоровилось... Он просто пожалел молодого геохимика из МГУ, о котором, вероятно, хорошо отзывалась его жена...

Впоследствии я уже не удивлялся, когда Событие успешной сдачи полевых материалов всегда отмечалось в геолого-съёмочных партиях грандиозной

пьянкой — ведь только после этого прошедший полевой сезон можно было считать завершённым!

*Несостоявшийся
грузинский банкет*

Это свидетельство чукотского геолога Григория Белика, защищавшего в 1965 г. во ВСЕГЕИ геологическую карту масштаба 1: 200 000. Записан со слов Белика его приятелем Иосифом Тибилловым [60, с. 270–271]. Для молодых читателей надо пояснить, что ленинградский ВСЕГЕИ (наследник дореволюционного Геолкома) был головным институтом в системе Министерства геологии СССР. Научно-редакционный совет ВСЕГЕИ был последней и решающей инстанцией для подготовки геологических карт к изданию.

Первый запавший в Гришину память сосед по номеру был его коллега, геолог из Западной Грузии. И не просто геолог, а какой-то геологический чин. Он привез в Ленинград серию листов Государственной геологической карты. Это были уже детальные полукилометровки (в одном сантиметре карты отображается пятьсот метров местности). Грузинский геолог оказался человеком состоятельным, общительным и широким. Пил он только дорогие марочные коньяки, соответственно этому был и уровень закусок. Привезенные им из Грузии геологические карты Гришу, как профессионала, просто потрясли. В своей жизни он не видел более красивых — по картографическому оформлению — геологических карт. И более неграмотно составленных. Это были не карты, говорил Гриша, а гимн геологической безграмотности. Как объяснил ему самодовольный автор, серия его листов уже прошла на ура в Тбилиси, в Министерстве геологии Грузии. Никаких замечаний не было. А в Ленинграде требуется всего-то их утверждение на научно-редакционном совете. По существу — проформа. Потрясенный Гриша попросил коллегу рассказать, как именно проходила защита в грузинском министерстве. И услышал подробный рассказ о внушающем полнейшее уважение к защищаемым картам двухдневном банкете в чудном загородном ресторане.

В Ленинград сосед приехал дней за пять до защиты. И готовясь к ней, прежде всего навел справки о лучших ресторанах города. Придирчиво выбрал уютный банкетный зал и заказал щедрый банкет на день защиты. Точнее, на вечер. Появляясь в номере, обычно уже поздненько, широкий сосед тут же накрывал стол и неукоснительно склонял своего чукотского коллегу к неумеренному потреблению марочного коньяка под неотразимые тосты и замечательную закуску. Самое большое впечатление на Гришу произвела искренняя любовь соседа к своей Родине. Тост за родную Грузию, развернутый и прочувствованный, он произносил каждый вечер.

Защита состоялась. Чего нельзя сказать о победном банкете. Он, увы, рухнул. Члены научно-редакционного совета подобные банкеты, даже и после самых успешных защит, не посещали. Не было такой практики. А тут тем более. Автор из Западной Грузии на своей защите получил разгромное заключение и уйму замечаний и указаний по переделке своих красивых карт. Большинство замечаний, как уверял нас Гриша, сосед даже не понял. Они были выше уровня его геологических знаний. Банкет в подобной ситуации мог выглядеть только как тризна, на которую сосед, конечно, мог собрать людей, но только не из ВСЕГЕИ. Мрачный и совсем уже не общительный сосед собрал вещи, вызвал к гостинице такси и отбыл на свою дорогую родину. Заезжал ли он по пути в ресторан — вернуть часть проплаченной суммы — или махнул на это дело вконец расстроенной рукой, осталось неизвестным. А живое Гришино воображение несколько дней рисовало картины буйного бесплатного пира в ресторане, на администраторов которого свалилось оплаченное счастье.

*Отпуск чукотского
геолога*

Чукотский геолог Вадим Сафонов проводил отпуск в Пицунде. Но забыть тундру не мог... [57, с. 57].

Камералка закончена и оценена на отлично. Кстати, в том маршруте по берегу Колочинской губы, в шлихах мы намыли хорошие содержания касситерита.

Я лечу на материк в отпуск на полтора месяца и последние его десять дней в начале июня провожу на мысе Пицунда. Хорошо в Абхазии, тепло. На рынке полно черешни и клубники, а на пляже четыре веселые девчонки с Кольского полуострова.

Выйдя из воды, растягиваюсь на теплом песке. Он пахнет водорослями и знакомым воинским блаженством. Так проходит неделя. И вдруг в сладком забытии, сквозь шуршащий прибой, я слышу «хватающий за ребра» знакомый звук вертолета. На малой высоте, вдоль пляжа, в сверкании солнца и грохоте двигателя, проходит «восьмерка» с открытой дверью.

Я сажусь на песок, окружающее уходит в сторону, перед глазами тундра и горы с остатками снега. Пора заканчивать отпуск.

*Как старомодный
Чернов отдыхал
в Сочи...*

Старик Александр Чернов, получивший дореволюционное воспитание, в письме жене из Сочи от 18 августа 1956 г. возмущается тем, что народ ходит «в полуголом виде». Очень забавно... [5, с. 94].

Дорогая Маруся!

Вот уже 10 дней, как я в Сочи. Время идет быстро. Погода замечательная, только раз был небольшой дождь и вдали гремело. Часов в 9–10 езжу в центр города, покупаю газеты, завтракаю в диетическом ресторане, что стоит рублей 10–15 даже с осетриной. Затем дома в 12–1 час, когда усиливается жара. У меня окно выходит на север и прохладно. По вечерам читаю.

Был один раз на пляже, но не купался. Вид непривлекательный. Сплошная широкая лента голых тел разных возрастов и размеров, ступить некуда. Не столько купаются, сколько загорают. А некоторые даже не стесняются выходить кверху, где уже ходит народ, и прогуливаются в том же полуголом виде.

*Авторское-7:
мой отпуск-1962
на Черном Море*

Здесь воспроизведен фрагмент эссе Я.Ю. «Спасение на водах» [67, с. 76–77].

Эпизод 2: не профессиональный, но романтический

Лето-1962 в Приверхоянье у меня не получилось: отработав меньше месяца в геологосъемочной партии, я занозил ладонь, копая шурф. Домашние средства (раскаленная игла и проч.) не помогли, ладонь стала нарывать. Я уже не мог спать, не то что работать.

Начальник дал мне рабочего и отправил в ближайший поселок Сангар на Лене, до которого было два дня ходу. Там фельдшерица сделала мне операцию, страшно возмущаясь тем, что я скрипел зубами. («*Не скрипи! Матери меня как хочешь, но только не скрипи!*»). К сожалению, материть женщин я так и не выучился). Потом велела пошевелить пальцами и с удовлетворением заметила, что, слава Богу, жилу не задела...

В результате инвалидности я оказался в середине сезона в Якутске, когда все хорошие мальчики и девочки были там, где им и положено — в поле. Время тянулось тоскливо; я был чуть ли не один во всей камералке. Наконец, лето прошло, наступил октябрь, народ стал возвращаться с полей. И тут мой шахматный друг, геофизик Юра Шасткевич, упал мне в ноги, умоляя — поехать с ним в Сочи, куда его срочно вызывала внезапно заболевшая там

жена. Он объяснил мне, что в существующем на тот момент состоянии семейной жизни — он очень не хочет оказаться в Сочи один-на-один со своей женою.

Ехать я совсем не хотел, но отказать другу не мог.

В первый же день, на берегу мрачного Черного моря, по которому ходили штормовые валы, я услышал откуда-то из пустынных волнующихся пространств за пирсом крики «Тону!». Как и подобает славному покорителю Северки и Вилюя, я кинулся в море и не без труда обнаружил метрах в 100 от берега дамочку, которая то ли в самом деле тонула, то ли просто испугалась, когда ее накрыло волной.

Завидев меня, дамочка мигом успокоилась, и мне не пришлось даже применять патентованные приемы спасения утопающих — она, как выяснилось, вполне могла плыть самостоятельно. Мне оставалось лишь вытолкнуть её на пирс — это потребовало усилий, потому что штормовые волны не давали выйти на берег.

Но тогда началось нечто ужасное: её-то я вытолкнул, но сам вылезти уже никак не мог, как ни пытался! Как только я вставал на ноги, налетала волна, опрокидывала меня и утаскивала обратно в море. Оказалось, что море — это вам не речка Северка, не Ока, не Поной (на Кольском полуострове), не Вилюй и даже не Лена — тут нужны навыки, которых у меня не было. Я уже было совсем ослабел в напрасной борьбе с волнами, как кто-то из торчащих на берегу зевак догадался кликнуть спасателя. Прибежал парень, бросил мне конец и помог вернуться на пирс.

И тут я увидел на берегу свою дамочку. Она была занята бурным объяснением с мужем (который, как выяснилось, всё то время, пока она как бы тонула, находился на берегу!) — а на меня даже не взглянула...

1.8. Бурение скважин

Буровая разведка чукотских россыпей • Воркутские угольщики стали нефтяниками • Пустозерский керн • Первая скважина на шельфе • Триас порадовал... • Бытие рабочих-бурильщиков

*Буровая разведка
чукотских
россыпей*

Для разведки золотоносных россыпей на Чукотке применялось ударно-канатное бурение. Свидетельство Вадима Сафонова [57, с. 118—119].

Буровой станок своей уродливой массивностью напоминал времена строительства египетских пирамид. Агрегат состоял из железной платформы на широких гусеницах и металлической мачты с блоком, через который был переброшен стальной канат едва ли не в руку толщиной. На этом канате висело восьмисоткилограммовое долото. При вращении кривошипа оно приподнималось на метр и затем срывалось вниз, разбивая вдребезги мерзлую породу. Когда долото углублялось на двадцать сантиметров, его ставили рядом с мачтой, а в скважину опускали уже другой инструмент — желонку, которой и поднимали наверх разбитый грунт. В этом собственно и состоял процесс бурения.

<...>

Мы подошли к буровой, когда доставали очередную двадцатисантиметровую проходку. Бурильщик поднял желонку из скважины, отвел её в сторону и резко бросил в железный ящик, так, что открылся клапан и из трубы выхлестнулась жидкая грязь с кусочками разбитой гальки.

Промывальщик резкими движениями встряхивал лоток в грязной воде корыта, скребком сбрасывал на землю верхний слой крупных обломков, снова встряхивал, подёргивал ло-

ток вперед-назад, пока в нем не оставался тяжелый шлик — мелкие зерна черного магнетита, соломенно-желтого пирита и редкие знаки масляно блестящего золота. Затем шлик был смыт в железный совок и высушен над огнем. После этого техник, ведавший первичной документацией, сдул легкие примеси, в совке остались довольно крупные — весовые знаки металла, и уже их ссыпал в маркированный бумажный пакет.

*Воркутские
угольщики стали
нефтяниками*

Геолог-нефтяник Григорий Фирер рассказывает, как бурила молодая Ненецкая экспедиция, организованная Б. Л. Афанасьевым в Нарьян-Маре. Угольщики переквалифицировались в нефтяников

и перешли с перми — на мезозой. Какие коллизии при этом возникали! При этом он (по старой советской привычке) деликатно умалчивает о том, как оказались в Воркуте Погоревич и Дембская... [25, с. 397–398].

Фронт работы экспедиции расширялся. Полученный геологический материал имел огромное значение, ведь впервые в провинции вскрывался полный разрез мезозоя. Большинство скважин проводилось со сплошным отбором керна. Мы сталкивались с обилием фаунистически охарактеризованного керна. Обработка его, учитывая слабую литификацию пород и непрочность фауны, представляла большую сложность. На буровых не было отапливаемых коллекторских. Зимой на каждой скважине устанавливали шестиместные палатки, в середине которой стояла большая железная печь, на которой разогревали смерзшийся керн. Специально отбирали и упаковывали всю фауну. Она была представлена в основном легко разрушающимися, хрупкими створками раковин пелеципод, аммонитов. Поэтому каждый кусочек керна прокладывался ватой, обматывался бумагой. Сотни килограммов керна отправлялись для изучения палеонтологам в Воркуту. Здесь надо вспомнить с глубокой благодарностью крупных специалистов-палеонтологов, долгие годы работавших на Севере и изучавших пермские разрезы Печорского угольного бассейна, — В. И. Погоревича, и особенно — Г. И. Дембскую. Они достаточно быстро освоили определение новых видов фауны и оказали нам колоссальную услугу в дальнейшем по стратификации разрезов. Специалистов-мезозойщиков в тот период в провинции не было. Можно только представить, сколько сил и времени было потрачено, чтобы систематизировать весь этот огромный бесценный материал.

Воркутинская школа палеонтологов считала своим долгом обеспечивать геологов полевых партий атласами (фотографиями) всех основных руководящих палеонтологических отпечатков для оперативного расчленения разреза. Такие альбомы были изданы для расчленения пермских угленосных отложений. На это ушло более десяти лет. Встретившись впервые с новым разрезом, Г. И. Дембская уже на второй год прислала нам свой рукописный (выполненный карандашом) атлас основных руководящих форм пелеципод и аммонитов, позволявший хотя бы первоначально стратифицировать разрез. Г. И. Дембская и В. И. Погоревич были одними из лучших представителей российской школы палеонтологов, настоящими патриотами своего дела.

Пустозерский керн

Григорий Фирер описывал керн Городецкой площади в Пустозёрске, о котором он сообщает интересные сведения [25, с. 407–408]. (Очевидно, описанное происходило где-то в 1962 г.?).

В 1959–1960 годах по заказу КНГУ [Коми-Ненецкого геологического управления — Я.Ю.] проводились геоморфологические исследования силами научных сотрудников МГУ. Работы возглавлял профессор А. И. Попов и Н. Д. Былинский. Была построена карта геотектонических поднятий Нарьян-Марского района. В качестве одного из перспективных объектов выбрана Городецкая площадь, в 1961–1962 годах там было проведено поисково-структурное бурение для подтверждения наличия Городецкой структуры и подготовки её к поисковому бурению. Было пробурено пять скважин глубинами до 500 метров. Бурение осуществляли мастера В. С. Каракчиев, В. Ф. Гонтаренко и Н. Д. Сверчков. Все скважины проводились с максимальным отбором керна. В связи с невозможностью вывезти керн до установления зимних дорог, мне пришлось выехать на Городецкую площадь для его детального описания. Эта площадь расположена непосредственно в районе бывшего крупного поселения Пустозерска, где находился в ссылке в течение 15 лет неистовый протопоп Аввакум, сожженный там на костре 14 апреля 1682 года.

Пустозерск в период своего расцвета представлял собой достаточно крупное портовое поселение, куда заходили морские пароходы из Архангельска. Сохранились сведения, что не единожды приплывал туда и отец М. В. Ломоносова. Однако в последующий период в результате неотектонических подвижек произошел подъем территории и отторжение ее от реки Печора. Городище постепенно стало терять свое экономическое значение. Ко времени наших работ в Пустозёрске остались лишь два полуразрушенных бревенчатых дома, в одном из которых я занимался описанием керна. Стены были оклеены газетами начала века. Отрывая слой за слоем газеты вечерами (стояло полярное лето), я знакомился с новостями более чем полувековой давности. На чердаке ещё оставалась часть церковной утвари: кадила, ладанки, икона размером более полутора метров в раме под стеклом. Это — последнее, что ещё сохранилось в бывшем некогда крупном городище. Все ценное, представлявшее интерес для науки, ранее с большими трудностями на лодках вывезли ученые Ленинграда, возглавляемые археографом В. И. Малышевым.

Первая скважина на шельфе

Как в 1972 г. была пробурена первая скважина № 140 на арктическом шельфе России — на побережье острова Колгуев. Поразительные детали... [25, с. 439].

В августе 1970 года группа специалистов в составе главного геолога УТГУ Б. Я. Вассермана, ведущих геологов УТГУ Н. И. Литвиненко, А. В. Соломатина, начальника ПГПЭ А. Ф. Индыченко и главного геолога Г. М. Фирера, начальника Ненецкой партии Ф. Ф. Вашуткина вылетела на борту гидроварианта АН-2 на рекогносцировку для выбора места заложения первой скважины на острове Колгуев. Было принято решение скважину заложить непосредственно на берегу в поселке Бугрино для получения первых сведений о геологическом разрезе.

Корабли морского регистра из-за мелководья не могли подойти непосредственно к берегу для разгрузки. Поэтому было решено все материалы для бурения по возможности затаривать небольшими партиями. ГСМ заливалось в бочки, глина, уголь, химреагенты засыпались в мешки.

В течение 1971 года Ненецкая партия готовилась к высадке на остров Колгуев. Была продумана схема перевалки грузов с морского корабля на мелкосидящие плавсредства, которые могли подойти к берегу только в моменты прилива. Доставку грузов в навигацию 1971 года осуществил теплоход «Петр Каховский». Первым же рейсом были доставлены новая буровая установка БА-2000Э, буровые насосы, дизель-электростанции, два трактора, щитовые дома,

солярка, уголь, глина, трубы и другие основные материалы, необходимые на весь период бурения. Всего было завезено на остров около 1000 тонн грузов.

Строительство и монтаж буровой проходил в очень сложных климатических условиях, непривычных даже для специалистов, проработавших многие годы в условиях Заполярья. Площадку, на которой производился монтаж оборудования, сильным ураганным ветром многократно заносило снегом, срывало крыши с построенных буровых домиков. Но вот все трудности первого этапа позади — и 29 февраля 1972 года была забурена скважина № 140, первая рекогносцировочная скважина на нефть и газ на арктическом шельфе России!

Триас порадовал...

Первое нефтяное месторождение на арктическом шельфе (на Колгуеве) было открыто в триасе [25, с. 411].

Последующими сейсморазведочными работами на востоке острова была выявлена Песчаноозерская структура. В течение нескольких полевых сезонов она была подготовлена к постановке глубокого поискового бурения. Архангельским ТГУ на этой структуре было выявлено первое нефтяное месторождение на арктическом шельфе в отложениях триасовой системы. Уже через несколько лет началась опытная эксплуатация месторождения — нефть танкерами доставлялась в Кандалакшу. В этом едином процессе поиск — разведка — добыча нефти немалую роль сыграл и коллектив Печорской ГПЭ.

Бытие рабочих-бурильщиков

Студент Донецкого индустриального института Виктор Зайков, проходивший производственную практику на Соль-Илецком соляном куполе, был впечатлен условиями жизни рабочих-буровиков. Вот что он в августе 1958 г. записал в своем дневнике [29, с. 29].

Геологическая ценность практики несомненна, но для меня более важное значение имеет некоторое представление о жизни, которое я здесь получил. Прежде всего я с чрезвычайной ясностью ощутил, что быть рабочим, особенно на буровых, очень и очень плохо, да, впрочем, даже мастером — тоже. Жизнь у них “собачья”. Хорошо, если начальство — люди, которые понимают рабочих, по-человечески к ним, относятся, а если нет — беда. Вот представьте себе: живут буровики в Нежинке на противоположном берегу Урала, некоторые со своими семьями, работают на буровой, через Урал переходят вброд, что не всегда сладко, особенно ночью. От Нежинки до буровой 12 километров. Машина есть, должна возить рабочих, но ломается она почти каждый день, так что часто ходят они на работу и с работы пешком. На буровой укрыться от дождя можно только в кабине (по 5 человек прятались), а от жары днем спрятаться нигде нельзя: до Урала далеко — 5 километров, не захочешь идти по жаре.

Да, а сама работа! При подъеме бурового снаряда все заливается глинистым раствором, льется и сверху, и снизу, из скважины. Хорошо, если раствор не соляной — просто ссыхается, а если соляной — хоть вой, так кожу щиплет, и это на протяжении часов двух — работаешь грязный и отвинчиваешь (или свинчиваешь) буровые трубы. Потом обмоешься в грязной вонючей воде из отстойника и изнываешь от жары, пока пробуем 5 метров соли.

1.9. Полевая геофизика

Полевая работа ухтинских геофизиков • Гравиразведчики в тундре •
Гравиметристы в тайге • Электроразведчики в лесу • Сейсморазведка —
как медведь на теремке • Две руки сейсморазведчиков • Знаменитый геофизик
Олег Куваев • Триумф электроразведки в Западной Туве...

*Полевая работа
ухтинских
геофизиков*

Как молодой специалист-геофизик Константин Кривцов выбрал своей специальностью — гравиразведку. (С сейсмикой-то он прошляпил: она стала у нефтяников основным методом и даже родила «сейсмостратиграфию») [25, с. 181–182].

Весь последний семестр в институте меня занимал важный вопрос, какой метод геофизики выбрать для работы. Он во многом определял характер всей дальнейшей жизни. Электроразведку я забраковал сразу, познакомившись с ней на практике в Ухте. В гравиразведочном отряде мне пришлось провести месяцы производственной практики в Сибири годом раньше. С сейсморазведкой я был знаком лишь по институтским занятиям. Принцип работы метода был элементарно прост: возбуди в земле сейсмическую волну и прими на сейсмоприемнике ее отражение от какой-либо границы в земной коре; зная время пробега прямой и отраженной волны, скорость ее распространения, определишь глубину точки отражения. Дело техники — обеспечить сейсмические волны (взрывами или ударами по поверхности земли) и принять ее отражение от одной или нескольких границ на высокочувствительные сейсмоприемники. Для инженера-геофизика пространства для творческой работы остается слишком мало, чтобы дело было интересным. В институте нам показывали производственные сейсмограммы, надо полагать, не самого худшего для того времени качества. Они произвели на меня весьма удручающее впечатление: коротенькая лента на фотобумаге с массой темных черточек — отражающих площадок, хаотично заполняющих пространство фотоленты. На некоторых уровнях плотность отражающих площадок была вроде бы повыше. Здесь по ним проводилась цветным карандашом линия, получающая название «отражающий горизонт с таким-то номером». На пересечении профилей эти горизонты далеко не всегда сбивались с удовлетворительной точностью. Требовалась дополнительная обработка материалов.

Короче говоря, сейсморазведка в то время меня также не вдохновила. Я более внимательно посмотрел теорию гравиразведки, глобальные карты гравитационного поля земли, сопоставил с мировыми тектоническими картами, рельефом земной поверхности, распространением горных систем и древних плит и увидел полную взаимосвязь гравитационного поля с тектоникой земли. На гравитационных картах того времени значились громадные белые пятна не исследованных еще территорий. Белым пятном выглядел и Коми край. Выбор был сделан. Я должен заниматься гравиметрией, стирать белое пятно с карты и заполнять его геологическими структурами!

*Гравиразведчики
в тундре*

После того как прогорел поршень на двигателе вертолета, — у них остался только один самолет на громадную территорию. Зимой он садился на лыжи, летом — на воду, на поплавки. В 1957 г., создалась большая гравиметровая партия для выяснения тектоники Больше- и Малоземельной тундры. За 3—

4 года надо было покрыть гравиметрической съемкой (1: 500 000) всю территорию тундры от Тимана до Урала [25, с. 185—186].

Какое-то время мы летали на одном самолете. С приходом весны сменили лыжи на поплавки, и он превратился в гидросамолет. Работать было интереснее, но дольше и не всегда спокойней. На вертолете подбор площадки не составлял проблем, так как в тундре под слоем мха везде мерзлая твердь, и можно не бояться, что какая-либо «нога» вертолета вдруг провалится. При посадке двигатель выключался, и замеры на приборах можно было брать у самых колес. С гидросамолетом дело было сложнее. Прежде чем «приводниться» на очередное озеро, производится его облет и осмотр дна — нет ли топляков или мелей, — затем заход на посадку с учетом направления ветра, подход к берегу, постановка на якорь. После этих процедур наставала очередь операторов. Если до берега довольно далеко, из самолета вытаскивали уже надутую резиновую лодку, садились в нее вместе с приборами и гребли к берегу, там выбирались на твердое место, производили замеры и двигались обратно к самолету. Но случались неприятности. Вдруг налетал сильный порыв ветра — и самолет начинал дрейфовать по озеру. Бывало, что якорь не выдерживал и самолет несло ветром к берегу или наоборот — от него. Приходилось или ждать самолет на берегу, или что было чаще, дрейфовать вместе с ним по озеру, находясь в лодке и судорожно вцепившись в веревку, опоясывающую поплавок по периметру. Бывало и хуже. Ветер срывал самолет с якоря и стремительно гнал к берегу, где неминуемо могли быть поломки. Пилоты включали двигатель и в форсированном режиме уходили от берега, волоча за собой лодку с операторами. Лодку сильно болтало и заливало водой. Затем следовали акробатические упражнения по перетаскиванию приборов, лодки, а иногда и нас в самолет, пляшущий на волнах.

Нам везло, и все обходилось без серьезных последствий. Повезло даже во время сильнейшей грозы, в самый центр которой вынужденно влетел наш самолет. Случилось это во время возвращения в Нарьян-Мар с острова Колгуев, где мы проводили в тот день съемку. На подходе к Нарьян-Мару половина неба впереди нас превратилась в грозную темень, где яростно металась сполохи молний. Командир, отчаянный человек, решил лезть в эту черноту, там было родное озеро с оборудованным причалом. Нам из пилотской кабины крикнули, чтобы мы за что-нибудь крепко ухватились. Мы легли «кучей малой» в надувную лодку, придавив собой приборы, а самолет начал бешеную пляску во всех направлениях. Стоял грохот, треск, гул. Поминутно вспыхивали молнии. Все, что не было закреплено, летало по салону. Мимо моей головы пролетела литровая жестяная банка с компотом, бог весть сколько времени валявшаяся в сетке над сидениями. Длилось это светопреставление не менее получаса, потом пляска самолета резко уменьшилась, а под его днищем мы услышали знакомый шум воды. Слава Богу — приземлились! Скоро самолет был крепко привязан к причалу. Гроза всё еще бушевала в небе, но нам она казалась уже обыденной, не страшной. Удивительно, что ни одна молния не зацепила самолет, ничто не сломалось, не погнулось. Пронесло!

Гравиметристы в тайге

Жизнь геофизиков-гравиметристов в тайге. Свидетельство Ильи Крупенского [25, с. 198—199]. Очень типовая, правдивая картина... Это 1970-е, может быть и 1980-е гг.?

Но при этом производство гравиметрической съемки практически не изменилось. Как и десятилетие назад, способ передвижения топографических и гравиметрических бригад в тайге был пеший, подготовка (прорубка) профиля делалась с помощью топора и мотопилы, жить и летом, и зимой приходилось в тонкой брезентовой палатке. От холода в ней защищала только

постоянно горящая чугунная печка. Такие же условия работы были и в электроразведочных отрядах. Только одна партия с новой цифровой аппаратурой передвигалась по профилю на тракторах, а ее персонал размещался в передвижных вагонах-домиках. Нужно было быть людьми с особой психикой, закаленными душой и телом, чтобы годами и десятилетиями выдерживать тяжелую, порой изнурительную работу без нормального отдыха и бытовых условий. Текучесть среди рабочих была большая. Многие шли к нам, чтобы подзаработать денег в течение одного-двух сезонов. Но технический персонал — операторы, топографы — работали годами. И у многих из них, кроме койки в обшарпанном общежитии да вещмешка, ничего не было. Некоторые пристраивались к одиноким женщинам, имеющим в городе жилье. Помню, как-то ко мне зашел один оператор-ветеран и с гордостью сообщил, что теперь у него есть самая настоящая квартира и постоянная женщина. Ему шел пятый десяток. А вскоре он умер, сидя перед телевизором. Организм изнашивался раньше. И таких было большинство.

По разнарядке из отдела по технике безопасности объединения нужно было ежемесячно посещать несколько партий с проверкой. Это были чисто формальные поездки. Проверять было нечего, так как люди работали в лесу, а приехать ты мог только на базу партии к пустым балкам. Но ездить было нужно для «галочки», а без неё я как-то схлопотал выговор с потерей части квартальной премии. Иногда случались встречи с вышедшими из леса или собирающимися в лес бригадами. Начальство требовало, чтобы с ними проводились беседы. О чём — неважно, хоть об НЛО. Но рабочие на эти беседы шли неохотно, знали, что толку от них никакого. Я обычно рассказывал о целях работы, которую они выполняли. Но в ответ слышал вопросы, на которые положительного для них ответа дать не мог: почему не выдают дополнительную, сверх нормы, спецодежду, не выдерживавшую и половины срока носки, и палатки, которые часто прогорали от искр, летящих из трубы печки и были похожи на решето; почему не дают общежитие (временным рабочим не давали), почему не ставят на очередь на квартиру, почему эта очередь годами не продвигается и так далее. Такие встречи действовали угнетающе. Мне было стыдно за полнейшее бессилие изменить что-либо к лучшему в положении этих людей. И они сами знали, что я ничего сделать для них не могу. Поэтому такие беседы только лишний раз напоминали об общем беспорядке и бессилии. Отчет о беседе я должен был давать письменный и в бодром тоне. В конце своей трудовой деятельности я перестал ездить с такими «проверками», и в отделе ТБ с этим смирились.

*Электроразведчики
в лесу*

Работа полевых геофизических отрядов в лесу — съемка методом ВЭЗ. Зарисовка с натуры (1955 г.) студента IV курса Ленинградского горного института

К. А. Кривцова, проходившего преддипломную практику в Ухтинском регионе — на Ижме, около Порожска [25, с. 176–177].

В то время оба полевых отряда партии были в лесу, выполняли съемку методом ВЭЗ (вертикальное электрическое зондирование). Меня с попутчиком отправили в ближайший отряд, руководителем и оператором измерительной установки был Юрий Петрович Волков, а его помощником в качестве техника-оператора являлся Николай Сергеевич Габлин. Я довольно быстро освоил возложенные на меня весьма нехитрые обязанности, ознакомился со всем процессом производства ВЭЗ. Опуская подробности методики, скажу лишь, что результаты ВЭЗ служили в какой-то период совместно со структурно-колонковым бурением обоснованием при подготовке структур для бурения на нефть и газ.

Оборудование для ВЭЗ было громоздким и тяжелым. Каждый рабочий переносил по две батареи или две бухты провода и рюкзак с личным имуществом. Для переноски всего лагерного снаряжения — палаток, спальников, продуктов питания — требовались 4–6 человек. Всего в отряде было до 20 рабочих. Все заключенные, отбывавшие сроки в одном из ближайших к Ухте лагпунктов. Лагерное начальство «откомандировывало» их в полевые геофизические партии на время полевых работ, по окончании которых они снова возвращались в лагпункты. В нашем отряде свободными гражданами были только три человека — оператор (он же начальник отряда), его помощник техник-оператор и я, числившийся младшим техником. Несмотря на такой необычный состав, дисциплина в отряде была крепкая. Невыполнения любым рабочим распоряжения начальника отряда было чревато для него неприятными последствиями, самым мягким из которых было лишение права выхода из зоны. Использование заключенных в качестве рабочих в полевых отрядах широко практиковалось в то время.

*Сейсморазведка —
как медведь
на теремке*

Замечательная история о том, как сейсморазведка подмяла под себя всю геофизику. К. Кривцов это резко осуждает [25, с. 201–202]. По его мнению, «приоритет» сейсморазведки приводит к истреблению разрывных нарушений! [25, с. 203–208].

Из бессильной, хромоногой, какой сейсморазведка была в пятидесятые годы, сначала медленно, затем быстрее, а потом уже стремительно она превратилась в главный инструмент нефтяной поисково-разведочной геофизики, самостоятельно решавшей все задачи поисков локальных нефтеперспективных структур. Раньше работал основной принцип геофизики — комплексный подход к изучению территории. Ведь геологические породы обладают по меньшей мере четырьмя основополагающими физическими параметрами — плотностью, скоростью распространения упругих колебаний, электропроводностью и магнитной проницаемостью. Геофизика изучала все эти четыре параметра во взаимосвязи, и это давало глубокое знание причин геологических процессов и их следствий. Первые тектонические схемы Тимано-Печорской провинции основывались именно на комплексном изучении результатов всех геофизических методов плюс геологической съемки и бурения.

Но по мере совершенствования сейсморазведки, особенно с появлением метода общей глубинной точки (ОГТ) и цифровых сейсмостанций, у сейсморазведчиков и потребителей их продукции — геологов, росло убеждение во всемогуществе сейсморазведки. Последние тектонические схемы ТПП составлены уже только по данным сейсморазведки, которая стала идентифицироваться со всей геофизикой! Правильно ли это? Весь опыт моей работы говорит — нет! Не может один метод, каким бы он ни был совершенным или выглядел таким, отразить все многообразие физического состояния горных пород и дать верное представление о геологическом строении отдельно взятой структуры или региона. Далеко не случайно геологическая карта не признавалась достоверной без сопровождения ее картами геофизических полей (гравитационного и магнитного) и комплексной увязки с ними результатов геологической съемки. К сейсмическим отчетам также прикладываются гравитационные карты (или их производные), но магнитные — нет. А весь «комплексный» анализ сводится, как правило, к одной-двум фразам со смысловым значением — совпадают или нет приложенные карты со структурными построениями по данным сейсморазведки. Констатируется то, что не совпадают или совпадают частично. И все! Вопросов «почему» не задается, а потому остается неизвестной природа несовпадения.

<...>

Обычным явлением стало несовпадение элементов разрывной тектоники, отражаемой в сейсморазведочном и гравиметрических материалах. В последних количество тектонических нарушений показывается всегда значительно больше. Обычно на структурных картах и тектонических схемах показывают только те тектонические нарушения, которые обнаруживаются на сейсмограммах. А могут ли на сейсмограммах отразиться все тектонические нарушения? Например, тектонические нарушения без значительного вертикального смещения, «залеченные» разломы, зоны трещиноватости и дробления. Весь аппарат сейсморазведки ориентирован на выявление субгоризонтальных неоднородностей.

Поэтому при обработке материалов первичная информация подвергается многочисленным фильтрациям и преобразованиям, основная цель которых выявить и усилить горизонтальные неоднородности, при этом субвертикальные неоднородности ослабляются или уничтожаются вовсе. Окончательно отработанный временной разрез разительно отличается от первичной сумма-ленты и первичных этапов обработки. Вот при этих-то операциях и исчезает значительная часть информации о разрывной тектонике.

*Две руки
сейсморазведчиков*

Как начальник сейсморазведочной партии Е. Д. Холодок боролся с пьянством персонала при работе на Возейской площади — он об этом рассказывал Нинель Матвиевской (она была главным геологом сейсморазведочной экспедиции в составе геофизического треста Ильи Крупенского) [25, с. 265—284]. (Кстати, должность Крупенского — не начальник, а «управляющий»).

Сейсмическими работами на Возейской площади и прилегающей территории Хорейверской впадины длительное время руководил Е. Д. Холодок. Он был блестящим организатором, пользовался огромным уважением в партии, слыл большим вольнолюбом и жизнелюбом. Скоро его партия стала лучшей в экспедиции, прославившись даже в министерстве своей производительностью. Евгений Дмитриевич умело пользовался этой популярностью для защиты производственных интересов и «выбивания» дополнительной техники, ГСМ. Работал он в сложных тундровых условиях, зимы были морозные и метелистые. Большой любитель не только «резать правду-матку» начальству, но и рассказывать полевые байки, Е. Д. Холодок любил хорошо выпить и закусить, но в партии установил сухой закон. С этим его начинанием связана одна забавная история. Как-то он обнаружил, что, несмотря на то, что ближайший населенный пункт находится в 20 километрах, рабочие нет-нет да бывают «подшофе».

— *И вот решил я засесть в засаду на краю лагеря, — рассказывал Евгений Дмитриевич. — Сижусь. Тьма кромешная, мороз до костей пробирает, метёт — ни зги не видно. Вдруг слышу: дзынь-дзынь. Выныривает фигура на лыжах. Я хват за рюкзак, а он полный бутылкой. Представляешь, 20 километров туда, 20 обратно, да как быстро! Ведь замерзнуть мог по пути. Ну, думаю, что с ней, окаянной, делать? Правая рука хочет налить, левая — вылить. Пришлось все-таки бутылку разбить, чтобы другим неповадно было...*

*Знаменитый гео-
физик Олег Куваев*

Чукотский геолог Иосиф Тибиллов дает правдивое показание о «территории» Олега Куваева [60, с. 314].

Как уже упоминалось в этих записках, на нашем Предприятии работал Олег Куваев. В пятидесятые годы он был одним из пионеров успешного внедрения в практику геологических работ на Чукотке геофизических методов изучения недр этого региона. А в шестидеся-

тые годы он уже был писателем, добившимся известности. Всесоюзную славу ему принес роман «Территория», который неоднократно переиздавался, в том числе в «Роман-газете» с ее миллионными тогда тиражами.

Последнее можно рассматривать как высшую форму признания со стороны официальных писательских кругов и, следовательно, государства. Роман этот тут же был признан лучшим романом года. Автор соответственно премирован. Киношники по ставшему популярным роману немедленно стали лепить художественный фильм. Картина, правда, получилась бездарная, хотя на одну из главных ролей в нее был приглашен сам Банионис, находившийся в то время на вершине своей актерской популярности. [Фильм снимали отнюдь не на Чукотке, а около Воркуты, и в нём можно увидеть моего сокурсника, воркутинского геолога Бруно Дембовского. Ко Дню Геолога в 2015 г. появилась новая версия этого фильма, в которой заняты знаменитые артисты... Это тем более забавно и грустно, что советской геологии давно уж нет — она приказала долго жить...Я.Ю.].

Будем объективны. На фоне преобладающей литературной серятины того времени написанный Куваевым роман действительно выделялся. Его очень хорошо приняла не только критика, но и широкий читатель. В романе описывалась некая северная территория нашей страны, на просторах которой талантливые и симпатичные — в основной своей массе — геологи успешно ищут месторождения золота. Преодолевая разного рода трудности.

Геологи Магаданской области, в которую тогда входила и Чукотка, с первых же страниц романа понимали, что под Территорией в романе подразумевается именно Чукотка, главным образом Чаунский район, а под словом «Город» автор описывает сам Магадан.

Триумф электро- разведки в Запад- ной Туве...

В. В. Зайков рассказал поучительную историю о том, как он нашёл бурые железняки и выдвинул напрашивающуюся идею о том, что они суть железная шляпа скрытого колчеданно-полиметаллического месторождения. Но его подвели ... сульфидизированные черные сланцы! [29, с. 126].

По моей рекомендации начались поисковые работы 1966–1967 гг., включая литогеохимию, электроразведку методами естественного электрического поля (ЕП) и вызванной поляризации (ВП). Результат получили прекрасный: две крупные аномалии ЕП, которые совпадали с высыпками бурых железняков. Мы опубликовали об этом статью «О перспективах выявления колчеданно-полиметаллических месторождений в зоне Саяно-Тувинского разлома» в красноярском сборнике <...>. В 1977 г. наконец-то начались буровые работы, пробурено две скважины глубиной 100–150 метров <...>. Вот здесь и выяснилось, что аномалии вызваны углистыми прослоями, правда, с сульфидной вкрапленностью. Обещанных рудных тел не оказалось! На защите полевых материалов экспедиционного отряда, куда меня пригласили, коллегам пришлось довольствоваться формулировкой, что «в результате проведенных работ выяснена природа аномалий естественного электрического поля».

1.10. Шлихование

Чукотское шлихование • Как моют шлих • Сага о металлическом лотке • Плавающее золото • Шлихование на Тянь-Шане • Киноварь... в гранитах?! • Отмывка дробленого кварца • «И осторожная вода песчинки легкие уносит» • Удача геолога

*Чукотское
шлихование*

Вадим Сафонов описывает работу поисковой шлиховой партии на Чукотке — от бочки к бочке. Бочки — это места будущих лагерей партии, расположенные в 6—19 км друг от друга. Бочки с продуктами сбрасывались в тундру с вертолета заранее — перед началом полевых работ [57, с. 23].

Заданная территория за сезон должна быть покрыта съемочными и поисковыми работами с определенной детальностью (частотой точек наблюдения и точек опробования). И вот, отталкиваясь от требований детальности, степени обнаженности, планируются линии маршрутов и места временных лагерей. Расстояние между лагерями-бочками у нас было от шести до девятнадцати километров, и это — с минимумом снаряжения и легкими меховыми мешками — совсем немного.

Но идти по тундре нелегко. Кочки высотой почти до половины голени и такие узкие, что встать на кочку можно только одной ногой, но удержаться — нельзя. При ходьбе ставишь ногу между кочками, ощущая стопой твердую, чуть подтаявшую мерзлоту.

Отработав за три—четыре маршрутных дня прилегающий к лагерю участок и переждав день—два дождливых, используя их для прорисовки карты и упаковки образцов, мы отправились в переход на следующий лагерь. Перед уходом весь собранный каменный материал и оставшиеся продукты, пройдя точную перепись, закрывались в бочке.

День перехода чем-то сродни выходному, и настроение бывает почему-то всегда приподнятое. Ведь одна территория отработана, а другая, неизведанная, еще впереди.

Собираясь утром, мы раскрывали карту и, видя на ней значок следующего лагеря, прикидывали ход маршрута: где-то по водоразделу, чтобы обработать обнажения (там было и легче идти), а где-то в долине — «зацепить» озера и поохотиться.

Как моют шлих

Вадим Сафонов очень четко нарисовал картину отмывки шлиха на Чукотке [57, с. 232—233]. Добавим только, что вместо «вощенной бумаги» пакеты для шлиха обычно изготавливали из прочной бумаги крафт-мешков.

Набрав саперной лопаткой материал в лоток, геолог-поисковик или рабочий-промывальщик приступает к промывке.

Погрузив лоток в воду, он производит первую, грубую фазу промывки — «пробуторивание». Среди обломочного материала присутствует и глина, налипшая на крупную гальку во время паводка. Так называемая «глинистая примазка» — одно из мест, за которое «любит цепляться» золото. Резкими движениями лотка, помогая рукой или скребком, промывальщик заставляет глинистую примазку раствориться. При этом тяжелые минералы оседают на дно, а глинистая муть уходит в сторону.

После сброса отмытой самой крупной гальки начинается основная фаза промывки. В месте с тихим течением, держа лоток двумя руками за торцевую часть почти полностью под водой, промывальщик частыми движениями двигает его взад-вперед. Происходит сортиров-

ка материала по удельному весу. Тяжелые минералы оседают на дно, а отмытая мелкая галька, а затем гравий постепенно выдавливаются, всплывают на поверхность зернистой массы. Пуская движением лотка волну по поверхности этой массы, промывальщик сбрасывает крупный материал за край лотка. Вскоре на дне лотка остается шлик — темная горсть мелкообломочного материала, концентрат тяжелых минералов.

Теперь наступает третий этап промывки — доводка шлика. Очень осторожно, нежными движениями, с очень небольшим количеством воды в лотке, промывальщик постепенно смывает за край лотка остатки легкой фракции, что значительно облегчает работу лаборанта, которому предстоит в дальнейшем анализировать минералогию шлика. После этого шлик ловко смывается в пакетик из вощенной бумаги, из которого потом выливается вода. Дальше шлик будет исследоваться в лабораторных условиях.

В зависимости от тщательности промывки и доводки в шлихе могут оставаться и не очень тяжелые минералы. Например, гранаты, рубины или алмазы.

*Сага о металличе-
ском лотке*

Магаданский геолог Борис Жуланов — о деревянном, дюралевом и алюминиевом лотке [28, с. 154–155].

Лоток для промывальщика — святой предмет, ритуальный отчасти. С лотком деревянным надо обращаться аккуратно, даже нежно — не рассохся бы, не треснул, не раскололся. При транспортировках бдительно следить, как бы чего не вышло. В общем, лоток — вещь, зорко оберегаемая. Обязательно периодически обжигать надо: дерево при пробурке грунта ворсится, золотины между ворсинами застревают. Неровён час, в пустом ручье золотишку из-под ворса выковырнешь, а это уже дезинформация, хотя и произвольная. В полевом быту деревянный лоток бесполезен — ну какой «промывала» позволит вам хлеб, например, в лоток нарезать, рыбу жареную или вареную выложить? Шалишь! Если в таком поступке уличен будешь, можешь и по шее схлопотать... [Однако я частенько резал на деревянном лотке рыбу — но только перевернув лоток вверх дном, то есть не причиняя его рабочей поверхности никакого вреда — Я.Ю.].

Одним словом, деревянный лоток — это очень важное орудие труда, но пригодное только к одному, хотя и самому главному для промывальщика действию — промывке шлика...

С металлическим — дюралевым — лотком я познакомился в 1965 году на полуострове Тайгонос. Лоток достался «в наследство» от ранее работавшей здесь ленинградской «полумиллионки» Льва Ильича Тихомирова. Мы нашли его в кустах в долине Тальнавеема. Забыли они его, что ли? Поработав с ним сезон, я больше уже не признавал деревянных лотков. Впоследствии у меня бывали лотки преимущественно алюминиевые — алюминий намного легче дюрала. С алюминиевым лотком можно выполнить буквально все функции лотка деревянного. А преимущества? О, не перечить! Но попробую...

Перво-наперво: алюминиевый лоток в два, а то и три раза легче! Заботы о том, что лоток рассохнется, треснет и расколется — напрочь отпадают. Отпадает и необходимость постоянно его обжигать. При отборе проб в рыхлых грунтах лотком можно пользоваться как совковой лопатой и как волокушей при подгаскивании грунта к воде. Пробурка — отмывка крупного галечника от глинистых примазок производится намного быстрее и качественнее, так как перелопачивание и встряску можно делать резко и грубо, без страха лоток повредить. Доводка до тяжелой фракции, «черного шлика» — то же самое, что в лотке деревянном.

Правда, некоторые специалисты утверждают, что с металла металл смывается легче. Это так. Но ведь при особом «усердии» даже магнитную фракцию из намагниченного лотка можно соскрести в хвосты.

На стадии получения шлиха заканчивается функция деревянного лотка, а лоток «железный» начинает беспредельно расширять область своего применения.

Кухонная — как емкость, в которой можно разложить хлеб, овощи, помыть мясо, почистить рыбу и разное прочее пищевое. Замесить тесто, при необходимости вскипятить чай или сварить уху...

Хозяйственная — тазик для быстрого помыва, скажем, головы; легкой постирушки; вместо зонтика, ёмкости для выгребания золы из печки...

Сигнальные — ударами скребка по лотку созвать на обед; привлечь внимание проходящего или проплывающего мимо человека — металлический звон в тайге или тундре необычен, пронзителен и далеко слышен...

Защитные — при встрече с медведем не надо ни огня, ни ружья. Барабань в лоток камнем или скребком — все медведи вокруг разбегутся в радиусе не меньше, чем на версту. А если вообще не хочешь с медведем встречаться — на переходе прилаживай лоток к рюкзаку так, что бы он о какую-нибудь пряжку позвякивал. Будь уверен — не встретишься...

Исполняя сагу о железном лотке, нельзя забывать и о совке. Совок для промывальщика предмет обязательный, не важно, с каким лотком ходишь — железным или деревянным. Изготавливается обычно из кровельного железа. Для удобства в работе, размер подгоняется под ладонь хозяина. Совок необходим для окончательной доводки шлиха, просушки и отдувки. В поисковом маршруте позволяет увидеть мельчайшие крупинцы золота и пересчитать. Для того чтобы их было легко обнаружить, совок подвергается копчению. Кладешь его вечером доньшком на трубу и к утру дно совка покрывается бархатистым слоем черной сажи, на котором даже микроскопическая золотинка светится, как звездочка в ночном осеннем небе... С Сашей Егоровым в 1974 г. мы как-то россыпушку зацепили на ручье Ваям (название наше) и сделали расчистку террасы. В одной шлиховой пробе он насчитал 93 золотины, в камералке под бинокляром их насчитали... 94 (россыпушку ту, впоследствии, естественно, отработали, но на сколько килограммов золота она потянула, нам не ведомо).

Плавающее золото

Борис Жуланов — о шлиховой пробе (два лотка = 0.02 м³) и о плавающем золоте [28, с. 155–156; 158–

159]. Кстати, одна из ранних публикаций нашего академика Николая Юшкина была посвящена плавающему золоту, которое испокон веков умели в половодье добывать в реке некоторые хитрые зыряне (коми)...

Шлиховая проба — два разновесных лотка, равняется по объему ендовке — сосуду ёмкостью в две сотых кубометра. Если в твоей пробе обнаружилась одна золотинка, значит, в кубометре «песков» таких не менее пятидесяти. А если один грамм?.. Вот именно: считай, очень богатую россыпушку зацепил! Однако, такой примитивный подсчет для поисковой пробы неприемлем. Поисковая проба всегда дает несколько завышенный результат — потому, что поисковик берет материал для промывки в самых «уловистых» местах: цоколь, плотик, ложный плотик, щетка, головка косы — то есть там, где из взмученного водного потока непременно отсаживается тяжелая минеральная фракция.

Два лотка — один за другим, я пробиторил, срезал крупный галечник и щебенку, начал «доводить». В лотке на поверхности воды обнаружил желтую пенку. В семикратную лупу разглядел, что пенка образовалась из мельчайших пластинчатых золотинок!.. Осадил. Промыл пробу до серого шлиха, слил для окончательной доводки в совок...

Окончательно довёл, просмотрел золотины. Все они были типично рудного облика, недавно высвобожденные из материнской породы.

Пришлось возвращаться на стоянку, разбудить в храп заснувшего Володю, и уже всерьёз, в два лотка, начать опробование «не нашего» ручья.

— *Клондайк не Клондайк, но что-то мы сегодня вымутим*, — уверенно заявил я.

<...>

Действительно, промывальщиками давно замечено, что микроскопические пластинки или чешуйки золота иногда всплывают, образуя в лотке золотую пенку. Как мне известно, такое наблюдается в двух случаях. Первый — наш: дно лотка замазано салом от тушенки. Перед промывкой я кормил из лотка собаку. Второй — когда промываешь пробу, особенно в металлическом лотке, при температурах, близких к нулю или даже минусовых. В первом и во втором случаях есть общее — на дне лотка образуется обволакивающая плёнка. В первом случае жировая, во втором — «окололедяная»: еще не лёд, но уже сгустившаяся к переходу в лёд вода. Не случайно в народе её так и называют — «сало». Плотность золота, даже с примесями, — от пятнадцати до двадцати грамм на сантиметр кубический. Плотность породообразующих минералов не превышает трех. То есть гравитационное поле отдельной золотинки в пять и более раз напряжённее равновеликих по объёму крупиц других минералов. Золотинки, как самые тяжелые, катятся по дну лотка и силой гравитационного притяжения интенсивнее других минералов обволакиваются жиром или ледяным «салом», в результате чего увеличивается объём и резко уменьшается удельный вес возникающего агрегата. К тому же золото минерал ковкий — при механическом переносе легко уплощается до чешуек, приобретая, как всякое плоское тело, способность планировать.

В турбулентных потоках, создаваемых в лотке, такая чешуйка перемещается как взвешенная частица — по всему объёму. В движении набирает инерцию, что позволяет ей пробить плёнку поверхностного натяжения воды на спокойных участках. Однако потеряв инерцию, обратно продавить эту плёнку и утонуть самостоятельно она уже не в состоянии... Всплывшие золотинки можно вычерпать или аккуратно слить.

Вот так, друзья мои! Может быть, в этом моём рассуждении заложена перспективная идея для извлечения тонкого золота из песков и руды. А, возможно, я ломлюсь в открытую дверь, и это — очередной изобретенный мной «велосипед»...

Шлихование на Тянь-Шане

Профессор Юрий Ткачев (тогда студент-дипломник) описывает процесс шлихования в ледяной воде одной из горных речек Центрального Тянь-Шаня... [62, с. 76—78].

Мы с Руфиком шлиховали, двигаясь снизу вверх по основному ущелью и заходя в его ответвления. Выйдя на нужный траверз, надо было перво-наперво выбрать место для закопушки. Это дело непростое. При неудачном выборе шлиха в пробе не оказывалось. Искусство выбрать место не поддается научному описанию. Помогал такой прием: я мысленно превращался в маленькое зерно тяжелого минерала и «катился» с воображаемым потоком большой воды, пока не останавливался где-то в заводи, в каком-нибудь углублении, за какой-нибудь большой глыбой.

Наконец, место выбрано. С него отбрасываем крупные валуны и на расчищенном пятачке в галечнике с песком и прослоями глины кайлом и лопатой делаем закопушку. Со дна её набираем полный рюкзак материала и везем на лошади или на себе к воде.

Здесь начинается самая неприятная, но и самая ответственная часть работы — промывка. Сначала надо избавиться от мути. Взбалтываешь породу в тазу, размешиваешь её палкой, которая после нескольких процедур размочаливается или ломается. Чаще же размешивать приходится рукой. Муть сливаешь. И так повторяется, пока вода при очередном размешива-

нии не станет чистой. Время от времени приходится прерывать работу, чтобы погреть руки подмышками и размять ноги, затёкшие от сидения на корточках. На всю жизнь осталось ощущение окоченелости, одеревяненности рук от ледяной воды, боли под ногтями от вонзающихся туда острых песчинок. Чистую обмытую гальку надо отобрать из таза и разложить кучками по типам пород. Прикинуть на глаз их процентное соотношение и записать. «Почему так коряво записано?» — придирается иной раз начальство, просматривая дневник. А как сделать лучше окоченевшими мокрыми руками, когда весь дрожишь от холода?

И только после этих процедур начинается собственно промывка. Материал переносишь в деревянный лоток и частями промываешь, т.е. качаешь лоток в воде так, чтобы песок и более мелкий материал были во взвешенном состоянии, и малыми порциями осторожными легкими движениями смываешь самую верхнюю часть взвеси. В конце процесса, когда в лотке остается несколько десятков граммов частиц, начинаешь приглядываться к ним и различать отдельные минералы. Обычно шлик получался бедный: что намоешь из известняков хребта Молдо-тоо? Другое дело — шликовать в гранитах. Одного магнетита полную миску за один раз можно намыть. Но магнетит не интересен. Охотишься за розоватыми цирконами, желтыми сфенами, попадаются и «рудные» минералы — свинцовый блеск, цинковая обманка. Обычно шлихи обрабатывают зимой, в «камеральный» период, специалисты-минералогии. Результат становится известным только к следующему полевому сезону, но я, вооружившись лупой, приспособился определять основную массу минералов при доводке шлиха в алюминиевой миске, а иногда они идентифицируются еще в лотке. Это позволяет шликовать с открытыми глазами и продвигаться туда, куда ведут тебя нужные минералы.

Если бы не профессиональный интерес к результату, выдержать эти тяжелейшие условия работы было бы невозможно. В описываемых местах не было так называемых основных и ультраосновных пород, так что большую часть шлиха составляли магнетит и гематит. Минералы эти для шлиховых поисков ничего не давали, и от них желательно было избавиться, но так, чтобы не утратить ценную, информативную часть шлиха. Листочки гематита можно было поднять со дна лотка и смыть особыми подбрасывающими движениями, а крупные обломки кристаллов магнетита удавалось выкатывать «за борт» лотка пальцами. При этом требовалось контролировать, чтобы другие тяжелые минералы не унесло.

Существуют, можно сказать, профессиональные шлиховальщики. Они не знают ни геологии, ни минералогии. Зато хорошо умеют качать лоток. Они, говорят, хвалятся тем, что уверенно улавливают дробинку, брошенную в какой-нибудь из баулов, в которых подсобные рабочие подвозят им породу. Я убедился, что уловить её совсем не трудно: даже при скоростной промывке на спор я ни разу не упустил контрольную дробинку, хотя всю ценную («серую») часть шлиха спускал при этом в воду.

Когда шлиха остается мало, его переносишь в алюминиевую миску для доводки. Техника работы с миской иная, чем с лотком. Еще не доведя шлик до нормы, берешь лупу и разглядываешь его прямо в миске, набрав в неё немного воды. Какое замечательное зрелище! Вот перекатываются с боку на бок золотистые палочки цирконов, вот медово-желтые обломки сфена, бочоночки ругила, а вот спайные кубики галенита или полупрозрачного сфалерита. А уж если попадалась золотишка, её не спутаешь ни с чем! Только золото в этом районе не попадалось.

Записываешь увиденное в дневник. Затем разводишь костерчик из мелких сухих веточек, прихваченных из лагеря, или из былинки бурьяна, иногда встречающегося даже на таких высотах. Сушишь на нем в миске шлик и ссыпаешь в заранее приготовленный пакетик — капсулю. Он должен быть изготовлен из рыхлой, чуть ли не промокательной бумаги. Ни в коем случае нельзя использовать кальку. При разворачивании капсуля из кальки он может «щелкнуть» и часть зерен разлетится. Шлик пропал.

На остатках костра пытаешься отогреть руки. Но костер быстро гаснет, и надо начинать всё сначала. Опять на горбу рюкзак, который давит ляжками на плечи, а камнями на позвоночник. Опять заплетаются под каменной тяжестью ноги, опять копать закопушку, опять отмучивать, опять ледяная вода, опять каменные занозы под ногти! И так каждый день.

*Киноварь...
в гранитах?!*

Вспоминает профессор Владимир Зайков, который в начале своей карьеры мыл шлихи на гранитах [29, с. 38–39].

Геолого-съёмочная экспедиция Красноярского геологического управления проводила геологическую съёмку масштаба 1:200 000 в южных районах Красноярского края, соответствующих центральной части Алтае-Саянской складчатой области. Работало около 15 партий, включающих начальника, старшего геолога, пару-тройку геологов и техников.

Я стал работать коллектором в Верхне-Июсской партии (Кузнецкий Алатау), начальником которой был Арнольд Владимирович Печерский. База партии находилась в поселке Таналык, куда я добрался за один день. Поисковый отряд Владимира Сухова готовился к выезду на реку Большой Казыр в Кузнецком Алатау. Геология района довольно проста — граниты с останками докембрийских метаморфических толщ. Задача же невероятно сложна: найти в этой обстановке месторождение ртути. Шлиховые пробы, проанализированные прошедшей зимой в лаборатории Горной экспедиции, показали серьезные шлиховые потоки киновари. Позднее оказалось, что это ошибка: перепутали пробы с района ртутных месторождений Тувы. Да и какая ртуть в гранитах! Мне предстояло возглавить шлиховой отряд для детализации обнаруженных аномалий.

Отмывка дробленого кварца

Как дробили и промывали на обогатительной фабрике золотоносный жильный кварц — немного не так, как россыпный материал. Рассказывает Владимир Обручев [2, с. 214–216].

Соседство фабрики со станом рудника <...> позволило мне уделить время и для её осмотра; она выдавала себя днем и ночью громким стуком и скрежетом. Руду с рудника подвозили на таратайках по помосту на второй этаж и сваливали на площадку у дробилки. Здесь двое рабочих сортировали руду: мелкие куски, меньше кулака, бросали в трубу, ведущую в нижний этаж, а крупные попадали в пасть дробилки, состоявшую из двух щек со стальными зубцами, попеременно раскрывавшихся и сжимавшихся. Куски кварца, брошенные в пасть, раздавливались на мелкие кусочки, которые проваливались в нижний этаж. Это раздавливание и сопровождалось сильным скрежетом. Казалось, что чудовище, скрытое под полом, жадно раскрывает пасть, хватая куски белого сахара, грызет и глотает их днем и ночью.

В нижнем этаже дробление руды продолжалось под пестами, которые представляли отвесные бревна с чугунными наконечниками. Машина поднимала их вверх, и они, падая, ударяли в чугунные ступки, куда рабочий при пестах постоянно подсыпал мелкие куски кварца. В каждую ступку лилась вода, которая выносила с собой получавшуюся в ступке кварцевую муку и попадала со всех пестов на плоскоть, по которой стекала, как было описано в главах о Ленских приисках. Но там промывали золотоносный песок, освобожденный в бочечной машине или на головке бутары от крупной гальки, а здесь вода приносила только тонкий кварцевый песок с золотом из ступок. Плоскоть и здесь была покрыта медными листами, натертыми ртутью, для улавливания самого мелкого золота. Серый шлик с плоскани доводился периодически на вашгерде. Но промытый кварцевый песок не уносился водой в речку, а

осаждался в ямах, из которых время от времени поступал на иловый завод для извлечения оставшегося золота химическим путем.

*«И осторожная
вода песчинки
легкие уносит»*

В рифмованных строчках Валентина Литвинова вполне профессионально отражен процесс отмытки шлиха [45, с. 279].

ШЛИХ

А ты следил, как моют шлих?
Лоток промывочный наполнен,
И шлиховщик
 небрежно-лих
И на лоток
 пускает волны.

И палкой грубою
 в лотке
перебуторивает пробу.
И муть
уходит по реке,
и грязь
забрызгивает робу.

А он спешит воде помочь,
уже трясет
 лоток натужно,
 И камни прочь,
 и гальку прочь!
Но их отмыть сначала нужно.

А пот
 стекает по щеке,
Уже не видно небреженья.

Все меньше проба на лотке
И все размереннѣй движенья.

Туда-сюда, за кругом круг,
Замысловатые качели.
Болит спина, а пальцы рук
Уже совсем окоченели.

Но ничего, еще чуток,
Еще какая-то минутка!
... И вновь качается лоток
И в струях
плещется, как утка,

Туда-сюда, туда-сюда...
И дело
ласковости просит,
И осторожная вода
Песчинки легкие уносит,
И успокоенно спешит,
К соединению с рекою...

А шлих блестит,
а шлих лежит
Весомой, крепкою строкою.

Удача геолога

Владимир Шрейнис рассказывает об удачном маршруте, в котором обнаружили россыпное золото [45, с. 476].

ПОИСКИ

Запрокинуты лица озер
В полукружье прозрачных небес.
Раскрывает просторный шатер
Мне приветливый северный лес.
И к ногам он мне стелет ковер
Белоснежного, мягкого ягеля.

А вдали задымился костер
Моего поискового лагеря.
Комары мне о чем-то поют:
«Зу-зу-зу, зу-зу-зу, зу-зу-зу».
Я лужайку свою узнаю,
Где роса обронила слезу.

Разговор меня ждет у костра
О прекрасной, желанной минуте.
Я был счастлив сегодня с утра
В нашем дальнем, тяжелом маршруте.
Подарила удачу река.
Мы в излучине шлих промывали,
И в деревянных ладонях лотка
Золотиночки вдрут засверкали.

И потом попадались не раз
Золотые, богатые пробы.
Мы пускались от радости в пляс
И орали, пугая чашобы.
Вечерело. Упала звезда,
Не издав ни единого стога.
А под боком звенела река,
Я не слышал приятнее звона.

1.11. Работа геолога под землей

Владимир Обручев в Ивановской штольне • Обручев о рудничной геологии • Рудничному геологу не за кем спрятаться • Академик Летников о рудничных геологах • Авторское-8: Иван Ляхов в Сангарах

*Владимир Обручев
в Ивановской
штольне*

Работа геолога под землей — далеко не сахар. Даже в таких неглубоких выработках, как в Ивановской штольне Евграфского рудника, где пришлось работать Владимиру Обручеву [2, с. 212].

По Ивановской штольне мы вышли на склон горы, покрытый молодым берёзовым лесом в осеннем ярком наряде. Было очень приятно после нескольких часов работы во мраке и сырости вдохнуть свежий и теплый воздух ясного сентябрьского дня и взглянуть на синее небо.

*Обручев о руднич-
ной геологии*

Академик В. И. Смирнов вспоминает о том, как в военные годы Обручев отозвался о рудничных геологах [58, с. 109–110].

На одном из заседаний в президиуме, рядом с А. И. Микояном и П. Ф. Ломако, появился Обручев, стал внимательно слушать очередных ораторов и что-то записывать в своем блокноте. В те военные годы материальное обеспечение геологических работ было скудным, многого не хватало и наиболее предприимчивые геологи, пользуясь присутствием членов правительства, взывали о помощи. В связи с этим Микоян спросил Владимира Афанасьевича, какая, по его мнению, геологическая служба более трудная — в экспедициях или на рудниках. Владимир Афанасьевич с милой непосредственностью ответил: «Я думаю, рудничная, потому что в рудниках темно, холодно и сыро, а в поле геологам работать одно удовольствие». Так нам, рудничным геологам он помог своим заключением.

*Рудничному геологу
не за кем спря-
таться...*

В. И. Смирнов рассказывает о нелёгкой участи рудничных геологов, о чём он знает не понаслышке, будучи в 1942–1944 гг. главным геологом Хайдарканского ртутного комбината [58, с. 62].

Рудничному геологу работать очень трудно. Когда что-нибудь не ладится у металлургов, они могут свалить свои неполадки на обогатителей, якобы дающих им плохой концентрат. Плохие показатели своей работы обогатители способны объяснить недостатками горняков,

снабжающих их плохой рудой. А горняки, в свою очередь, говорят, что они добывают то, что им открыто геологами. Для геологов же нет спины, за которую они могут спрятаться, и они вынуждены в последней инстанции принимать на себя удары за срывы в длинной производственной цепи. На Хайдаркане дело осложнялось еще серией привходящих обстоятельств, усугублявших и без того тяжелое положение геологов. Во-первых, тем, что комбинат уже в процессе его строительства должен был выдавать значительное количество металла, чтобы компенсировать острый голод в нем, вызванный захватом фашистскими войсками единственного производителя ртути в стране — Никитовского комбината на Украине. Горняки добывали руду буквально из-под геологического молотка, что не всегда способствовало плановой организации добычи. Когда на этой почве между геологами и горняками возникали острые конфликты, в которых геологи обвиняли горняков в том, что они не умеют оперативно работать, директор комбината М. А. Власов назначал меня по совместительству начальником рудников, чтобы я не на словах, а на деле показал, как надо работать. Я всегда этого побаивался, но, надо сказать, мне везло, и я с честью выходил из сложного положения, выправляя работу горного цеха. Следует отметить, что его руководителям тоже было не сладко получать подобного рода предметные уроки. Но время было напряженное, дело было общее и в конце концов мы вместе радовались нашим удачам.

Академик Летников о рудничных геологах

В своих «Байках и беседах у вечернего костра» академик Летников рассказывает о нелёгкой доле рудничных геологов, каковым он и сам некогда побывал [34, с. 22–23].

Кроме съемщиков и поисковиков есть разведчики, которые работают на разведке месторождений, живут на рудниках. Это тоже тяжелая работа, работа ответственная. Я прошел ее, когда работал в «Казцветметразведке», которая имела свои геологические партии на крупных месторождениях, они наращивали запасы, доразведовали месторождения на глубину и на флангах. Это в основном было бурение и работа на горных выработках. Кроме них еще есть рудничные геологи. Вот здесь особую ценность представляли хорошие документаторы, это в основном техники-геологи, которые должны каждый день спускаться в шахту. Где цикл такой: сначала обуривают забой перфораторами — это одна смена, затем закладывают взрывчатку и отпаливают забой, проветривание. Здесь-то геолог должен задокументировать забой, зарисовать геологическую ситуацию, отобрать пробы, если это нужно. Начинается выдача породы, крепление выработки, опять бурение и так далее. Геолог после этого идет за горняками, зарисовывает забой и опробует горные выработки. Пробы потом анализируются. То есть каждый день надевается брезентовая роба, каска, резиновые сапоги, раньше были карбидки, потом электрические фонари — и в шахту. Каждый день. Бывает, что вентиляция неважная, и поэтому эти люди подхватывают силикоз, а на урановых месторождениях дышали радоном, облучались. Поэтому это — тяжелая подземная работа, нарабатывается подземный стаж, который не компенсирует потом ни силикоза, ни ревматизма, потому что всё время в резиновых сапогах и в воде. И это работа достаточно тяжелая — работа рудничного геолога.

<...>

Геология — это многоликая специальность, опять подчеркиваю — это тяжелая работа, и романтический ореол геологии, который свойственен съемщикам и поисковикам, отходит на задний план, когда он превращается в рутинную тяжелую каждодневную работу, особенно на подземных горных выработках, в карьерах на эксплуатации месторождений. Эта работа, требующая и физических нагрузок, и повседневной крепости духа, когда просто неохота влезать в брезентовую робу, наматывать портянки и надевать резиновые сапоги, и идти в

шахтную клеть. Я в свое время передокументировал на урановом месторождении подземные выработки, и испытал это в полной мере. Особенно если не успеваешь к моменту, когда клетки начинают выдавать вагонетки с рудой. И приходится сидеть в шахтном дворе часами, ждать, пока тебя выдадут наверх. Когда поднимаешься наверх и видишь солнце, голубое небо, природу вокруг, возвращаешься на поверхность земли. Совсем другой мир, и чтобы ощутить это — нужно через всё это пройти. И тем более, когда ты шесть или восемь часов находишься под землей, особенно, когда уходишь в выработки, которые уже пройдены — ни души. Занимаешься документацией, зарисовываешь. Здесь спасает единственное — интерес к делу, развивается пространственное воображение. Когда видишь какую-то жилу или дайку, то мысленно представляешь, как она проходит на следующий горизонт, на поверхность, вниз. Если творчески к этому делу подходить, то это профессионально обогащает и дает много материала для понимания того рудного поля, в котором ты работаешь.

*Авторское-6: Иван
Ляхов в Сангарях*

Ниже воспроизведен фрагмент из «Якутских зарисовок» [67, с. 128–129], представляющих собою дневниковые записи 1960 г.

3 августа 1960, Ньюрба

Об Иване Ляхове

Иван — достойнейший человек. В сущности, все хорошие русские люди, как я давно заметил, — по преимуществу Ивановы... Такая вот эмпирическая закономерность, как сказал бы Вернадский. Например, самолюбивый до черта, настойчивый и очень способный Ванька Верниковский пришел в шахматную секцию МГУ без разряда и через два года имел уже первый. Это на худой конец может сойти как олицетворение таланта.

Или Иван Федино. В любой обстановке, самой жуткой и невыносимой, сделает то, что нужно. Вынесет из огня человека и притом постарается скрыться, как Дядя Степа. В 1958 голодный Иван убивает оленя, но не жрёт его в упоении трое суток, и не возвращается на свой лагерь к Андрею, а выкладывает свой спальник, напихивает полный рюкзак оленины и тащится за 15 км по тайге искать нас с Игорем, причем точно не знает, где мы можем быть. Стимул: а вдруг нам есть нечего?

Ну, а Иван Ляхов — это интеллигенция. Он кончает институт, увлекшись в последние годы оловом и пишет интересный диплом. Едет в Якутию (где, как известно, есть месторождение «Депутатское») — и его направляют... в Сангары, на уголек.

Иван возмущён, Иван протестует, но уже через неделю — начинает работать как лошадь.

Прошло только полгода, но уже никто на шахте (включая и друзей) не назовет его Ивановом — а только лишь Иван Яковлевичем, а женщины — те исключительно — Ванечкой...

Выражаясь языком советской журналистики, «секрет Иванова обаяния» — знание дела, исключительное трудолюбие и буквально бьющая в глаза (именно так!) скромность. Ну и молодость, сама собой — хотя Иван быстро привык к тому, как его величают.

Иван росту среднего, физию имеет обыкновенную — с умными серыми глазами, крупным носом, круто переломленным на конце — горизонтально, и выраженными складками от носа ко рту. (Только позже я вспомнил, на кого он похож — на изобретателя и чудака с нашей военной кафедры — майора Петрова.) Вот эти складки делают Иваново лицо очень энергичным и характерным. Да и выставленный подбородок — тоже признак заметный.

Прежде чем ответить, Иван смотрит на тебя своими серыми глазами — думает, причем складки у рта обозначаются очень резко. Потом говорит ломким баритоном, и кадык у него ходит на сильной длинной шее.

Про шахту Иван знает абсолютно всё. О каждом пласте — каков он был, есть и будет. О старых выработках, о том, почему породу в кровле пласта «В» правильнее называть не глинистым алевролитом (как я предлагал), а — «алевропелитом».

Иногда покажется, будто вопрос поставил его в тупик. Не спешите с выводами — просто Ивану не приходилось думать об этом в таком аспекте. Через минуту он даст четкий и исчерпывающий ответ.

Он очень многим интересуется. Ко мне он отнесся вполне прагматически — как к потенциальному источнику полезной информации. Расспрашивает, на лету запоминает, иногда — записывает. Он не скулит по поводу провинции и отсутствия здесь книг: всё, что только можно — он выписывает.

Когда-то в эпоху до Ивана на шахте обходились без геолога — теперь это всем кажется совершенно немыслимым! Вот идут по пласту штреком — и нету пласта — пропал. Был пласт, и нет его.

Сброшен? Взброшен? Сдвинут? Наконец, размыт? Эти вопросы никого здесь не волнуют — волнует отсутствие добычи, заработка и невыполнение плана.

Немедля является Иван и говорит: долбите там-то и там-то. Шахтеры с остервенением принимаются долбить — и находят пласт там, где указал Иван.

Определяющее качество Ивана (которое все, конечно, чувствуют, да не все могут ясно его определить) — это интеллект.

Интересно, что с ним дальше будет. Даст ли он что-нибудь науке? Или просто проживет всю жизнь классным специалистом, и всё?

По-моему, Ивану суждено на роду сочинять диссертацию. Он всё же по своей сути — человек науки. Не легко интересоваться наукой, ползая на брюхе в узких норах углеспускных печей и рискуя быть задавленным, каждый день бродя многие километры по затопленным водою штрекам, в мертвой подземной тиши вечной мерзлоты, без единого человека рядом — с кем можно бы поговорить о геологии...

Иван является кумиром шахтных дам и не прочь приволокнуться за ними — если это не ущемляет интересов приятелей (в этих делах он очень щепетилен). Но, как и положено умному и честному человеку — Иван как дурак влюблен в местную училку. Между тем, эта девка сказала, отбывая в отпуск: «Если ничего лучше не подвернется — выйду замуж за Ивана».

1.12. Трудная работа горняков

Добровольная каторга • Разгрузочные дни • Бороздовое опробование золотоносных жил

Добровольная каторга

Шурфовка на Чукотке: свидетельство И. В. Тибилова [60, с. 43].

Шурфовочная линия — это цепочка шурфов через долину, в которой предполагается россыпное месторождение. Сам же шурф представляет собой узкий и глубокий (до 20 м) колодец, который в мерзлых породах проходили совершенно отчаянные — по моему твердому убеждению (я, видимо, отчасти склонен к клаустрофобии) — люди. Именовались они шурфовщиками. Зарабатывали шурфовщики по тем временам очень приличные деньги. Но это была добровольная каторга при рабочем дне в 12–14 часов без выходных.

Разгрузочные дни

Тауракская геолого-поисковая партия Новосибирского геологоуправления проводила работы по

оценке перспектив одного из районов Горного Алтая на оловорудные месторождения. В составе партии были рабочие-горняки, занятые опробованием скальных пород — работа тяжелая, требующая высокой квалификации и «разгрузочных дней» (по совету прораба горных работ) [22, с. 89].

Прораб посоветовал мне периодически устраивать разгрузочные дни для рабочих, разрешать им выпить. Он говорил, что без таких «разгрузок» рабочие долго работать не могут. У прораба для таких мероприятий был специально припасен бочонок, в котором он готовил бражку — довольно дешевый, но крепкий напиток. Как только бражка, по его мнению, поспевала, он её увозил на участок к месту горных работ, где в палатках жили рабочие. Приходилось и мне участвовать в этих «разгрузках», но пил я очень мало, и бражка мне не нравилась. Рабочие пили бражку до одурения несколько дней, пока не выпивали бочонок полностью. Однажды я наблюдал такую картину: один рабочий налил бражку из бочонка в таз и поставил его около своей палатки. Время от времени он выползал на четвереньках из своей палатки, пил прямо из таза и опять уползал в палатку. Впоследствии я убедился, что такие «разгрузки» действительно рабочим необходимы.

Бороздовое опробование золотоносных жил

Что такое бороздовое опробование... В 1960 г. точно таким же способом (квартованием на брезенте) Я.Ю. опробовал угольные пласты на Мархе Вилюйской... Но здесь (при опробовании на гольце) была своя «специфика»: могли подсыпать золотишко в пробу! Рассказ академика Владимира Обручева [2, с. 213–214].

Во время осмотра действующих забоев я имел случай видеть, как эксперт Лебедев брал из них пробы для анализа. Перед пробой из забоя удалялись занятые в нем рабочие во избежание подсыпки ими золота в отбиваемую пробу по поручению управляющего. Забой осматривался, обмывался водой, если был запылен или загрязнен; затем у подошвы его расстилался брезент, эксперт намечал химическим карандашом полоску в 5–7 см ширины поперек всей жилы, иногда даже две или три такие полоски на разной высоте. Рабочий, сопровождавший эксперта, вооруженный молотком и зубилом, выбивал в этой полоске весь кварц жилы на глубину 2–3 см; кварц сыпался кусочками на брезент. Эту пробу собирали с каждого забоя в отдельный мешок и привязывали к мешку картонку с пометкой горизонта и номера забоя. Эти мешки сам эксперт увозил в лабораторию, где каждую пробу отдельно женщины измельчали в порошок в больших чугунных ступках.

Каждая проба давала кучку в 10–20 фунтов, которую тщательно перемешивали, уменьшали по правилам пробирного искусства в 10–20 раз, и уменьшенная порция порошка сыпалась в нескольких маленьких мешочков, соответственно занумерованных. Один мешочек поступал немедленно в лабораторию рудника для анализа, другой (в составе целой партии) отправлялся в Петербург в лабораторию Российского золотопромышленного общества для контрольного анализа, третий сохранялся на случай необходимости в проверке. Но так как подсыпку золота в пробы при желании можно было сделать и в лаборатории рудника, то толчение кварца велось под надзором химика, приехавшего с экспертами, а на ночь лабораторию запирали на замок, ключ от которого оставался у экспертов. Но и эти предосторожности не всегда гарантировали от подвоха. Контрольные пробы в Петербурге обнаружили, что в некоторые мешочки проб в лаборатории рудника все-таки было подсыпано золото, но немело — слишком много. Очевидно, в лабораторию ночью кто-то пробрался или через окно

(лаборатория была в нижнем этаже) или через дверь с помощью другого ключа, заготовленного заранее. Это, конечно, были проделки управляющего по поручению владельца, желавшего непременно продать дело, вначале дававшее хороший доход, но с углублением выработка и обеднением жилы ставшее невыгодным.

1.13. Работа вулканологов

Сыны вулкана

Вдохновенное поэтическое описание полевой работы камчатских вулканологов сделано Евгением Мархининым, который (возможно, впервые?) обнаружил следовые количества аминокислот в пирокластике камчатских вулканов [19, с. 409].

МЫ — ВУЛКАНА СЫНЫ

Мы — вулкана сыны.
Кратер гремит, маня.
Выведать мы должны
Тайны бога огня.

Шлак под ногами горяч.
Шлаковый конус крут.
Бомба летит, как мяч.
Бомбы дымят вокруг.

В гору шаги тяжелы,
По каскам лапиллей град.
Упрямы, упрямы и злы,
Лезем мы прямо в ад.

Пепел в глаза и в рот.
Взрывы, как свет зарниц.
Черный, как деготь, пот
Капает с наших лиц.

Едок сернистый газ.
Стиснув зубы, держись!
Жизнь нам дается раз.
Ставим на карту жизнь.

Мы — вулкана сыны.
Кратер гремит, маня.
Выведать мы должны
Тайны бога огня.

Глава 2. ПРИРОДНЫЕ ЧУДЕСА

Геологу иногда случается наблюдать в поле удивительные «чудеса». Конечно, ничего трансцендентного в них нет — все они имеют естественно-научное объяснение. Но в то же время, они бывают столь необычными, что выглядят как подлинные чудеса!

2.1. Чудеса географические

Наледи на Севере • Северное сияние • Кочующее озеро • Ниже уровня океана • Великая Амазонка • Ручьи уходят в небо • Целебные солёные озера • Жужжащий молоток на вершинах сопок • Гудящая двустволка • Впадины с рассолами в Красном море • Что такое Гольфстрим?

Наледи на Севере

О наледях на Севере рассказывает чукотский геолог Вадим Сафонов [57, с. 136—139]. То, что медведи любят наледи, это чистая правда. В 1962 г. Я.Ю. был свидетелем, как в Приверхоянье наш начальник геолого-съёмочной партии Прохор Чуркин убил медведя на наледи. Кажется (точно не помню) это у него был по счёту то ли 12-й, то ли 14-й...

Разгадка кроется в том, что русла некоторых ручьев постоянно подпитываются водой, приходящей из глубин земли по разломам в земной коре. Эти разломы в древнейшие времена начала формирования современного рельефа явились и причиной заложения этих долин.

Вода, поднимающаяся под давлением по разломам, летом незаметно уходит, «разгружается» в русловой поток, а длинной сибирской зимой, когда русло ручья промерзает до дна, «пробивается» на поверхность и замерзает. Ведь режим поступления глубинных вод никак не связан с климатом. Таким образом, в местах выхода вод из глубин земли, возникают наледи.

На Северо-Востоке, вдали от побережий, лето, как правило, жаркое. Вне зависимости от широты: на Чукотке ли, в Верхоянье, на Черском или Становике, да и вообще везде в глубине

материка климат одинаковый, резко континентальный. Раз в несколько лет в середине лета из Арктики может заползти циклон и засыпать на несколько дней снегом территорию, равную по площади половине Западной Европы.

Когда долго нет дождей, ягель хрустит под ногами, как сухая вермишель, а комары свирепствуют, и непонятно отчего горит лицо — то ли от пота, то ли от их укусов. В такие дни особенно приятно в маршруте выйти на наледь, где совершенно нет комаров и прохладно, как в комнате с сильно работающим кондиционером. Подтаявшая поверхность льдов светится синевой и от прикосновения звонко рассыпается на горку игольчатых кристаллов, размером с самые крупные гвозди.

Северные олени светлыми северными ночами предпочитают спать на наледях: комары не беспокоят, пространство — открытое, хищнику трудно незаметно и бесшумно к ним подобраться. Но часто встречающиеся следы росомех и медведей около этих наледей свидетельствуют о том, что хищники «в курсе дела». Если человеку с пристрелянной винтовкой нужно мясо, то достаточно подежурить ночь у близко расположенной наледи, и проблема питания будет решена. Но, по понятным причинам, лучше не впадать в дремоту в ожидании оленей.

Механизм образования наледей — наблюдения Владимира Обручева в долине Нугана. Это южный склон Приморского хребта над Байкалом [2, с. 38].

Пока мои спутники копали шурф, я обследовал пешком долину Нугана выше лагеря, где впервые увидел еще нарастающую зимнюю наледь. В этом месте все дно долины представляло голое место, усыпанное галькой и валунами; вдоль русла речки на площади в несколько сот квадратных метров лежала масса голубоватого льда метра в два-три толщиной, по которому речка текла в красивом ледяном русле. Зимой, когда наледь достигала максимального развития, она занимала всю эту голую площадь, но теперь уже успела сократиться от таяния. Приходилось думать, что в этом месте слой современного наноса в виде грубого галечника с валунами был не толстый, коренное дно долины расположено неглубоко, чем и было обусловлено появление в этом месте наледи: при осеннем замерзании воды в речке профиль наносов не мог вместить всю грунтовую воду, циркулировавшую под руслом; она прорывалась через лед, разливалась по дну долины, замерзала и так мало-помалу создавала наледь.

Северное сияние

Молодые геологи Лев Махлаев с женой Наташей впервые в жизни наблюдают в 1957 г. на таймырском берегу Северного Ледовитого Океана (пос. Эклипс) — северное сияние [38, с. 155].

Вечером мы стояли на крыльце жарко натопленного дома и любовались полярным сиянием, которое я видел впервые в жизни. Голубовато-зеленые колышущиеся светящиеся шторы, а над ними корона, украшенная многочисленными переливающимися лучами. Описать это словами — невозможно. Нарисовать или сфотографировать — тоже, поскольку главная красота северного сияния заключается в его непрерывной изменчивости: меняется форма свечения: дуги, короны, занавеси, лучи, просто световые пятна. Меняется насыщенность светом и цветом, меняются оттенки, непрерывно меняется и сам рисунок — это завораживает! Если б не холод, можно было бы смотреть на это часами!

Кочующее озеро

Замечательное открытие Пржевальского и позже — Карла Богдановича. Они обнаружили (Пржеваль-

ский) и доказали (Богданович), что знаменитое озеро Лобнор к югу от северного отрога Куньлуня — кочующее! [56, с. 43—44].

Озеро Лобнор было открыто Пржевальским в 1877 г. во время его второго Центральноазиатского путешествия. Николай Михайлович обнаружил озеро значительно южнее, чем его помещали на древнекитайских картах.

<...>

Проблема Лобнора была решена только спустя 70 лет. Было установлено, что это озеро принадлежит к числу кочующих озер. Прежде оно располагалось намного севернее. Река Тарим не поворачивала на юг и не сливалась с рекой Черчен, а текла прямо на восток в пески. Во времена экспедиций Пржевальского и Певцова эта река повернула на юг и, слившись с рекой Черчен, образовала новое озеро Лобнор, а на месте старого остался лишь солончак. В 1923 г. произошло очередное перемещение Лобнора на его прежнее место. Воды Тарима устремились по руслу Кончедарьи на восток, а в направлении к «Лобнору Пржевальского» тянется теперь лишь сухое русло.

Богданович установил, что прежде площадь Лобнора была намного больше. Обширные пространства, занятые ранее водами озера, во время его посещения представляли собой солончаковые болота и заросли камышей. Исключительно интересными были наблюдения Карла Ивановича о перемещении русла реки Тарим. Он писал: *«В настоящее время по всему течению Тарима от Лобнора до впадения р. Ургень-дарьи начинает ясно обнаруживаться процесс сокращения Тарима; процесс подвигается снизу вверх; если выразиться фигурально, то Лобнор начинает медленно передвигаться вверх по реке»*.

Таким образом, Богдановичем было отмечено начало перемещения Лобнора на север, закончившееся в 1923 г.; он обратил также внимание на кочующий характер этого легендарного озера.

Ниже уровня океана

Карл Богданович сделал важное географическое открытие: за северным отрогом Куньлуня (в Токсунском оазисе) он обнаружил впадину, расположенную ниже уровня моря. Это — в тогдашнем Турфанском округе Синьцзяна [56, с. 45].

Перейдя через невысокий хребет Борто-Ула, караван стал спускаться к Токсунскому оазису, расположенному в западной части межгорной впадины <...>. На другой день Карл Богданович занялся определением высоты местности по термобарометру. Вскипятив воду, он взглянул на термометр и не поверил своим глазам — вода кипела при температуре выше 100 °С. Богданович тут же сообщил этот результат Певцову. Температура кипения воды была проверена другим термобарометром и опять оказалась выше 100 °С. Состояние погоды никоим образом не указывало на то, что экспедиция находилась в области барометрического максимума. Оставался единственный вывод — экспедиция открыла впадину, находящуюся ниже уровня океана. Между тем оазис был расположен не в самом низком месте Турфанской впадины. Пересекавшая селение река с довольно быстрым течением, по сообщению местных жителей, шла дальше на восток еще 50 километров и лишь затем терялась в солончаковой низине. Центральная часть Турфанской впадины должна была иметь еще более низкие отметки. Теперь стали понятны уверения кашгарцев о том, что самая сильная жара во всём Синьцзяне бывает в Турфанском округе.

Я (Я.Ю.) использовал некоторые материалы по Амазонке в своих книгах — но всего того, что своими глазами наблюдал морской геолог, профессор Е. М. Емельянов [27, с. 226—227] — я, конечно, не представлял...

Многие известные реки, иногда называемые великими, в сравнении с Амазонкой кажутся просто жалкими ручейками. Достаточно сказать, что она выносит в океан воды в десять раз больше, чем наш Енисей или в полтора — чем все реки бывшего Советского Союза вместе взятые. Амазонка уверенно занимает первое место по стоку, величина которого около 5700 кубических километров в год. На втором месте, как известно, находится африканская река Конго (около 1260 кубических километров в год), однако по количеству выносимой воды она уступает не только самой Амазонке, но и ее притокам Мадейре и Риу-Негру. А всего у Амазонки более 1000 притоков, из которых 17 протянулись на 1600 с лишним километров, т.е. сами являются крупными реками.

Продвигаясь вверх по Амазонке, исследуя ее притоки, мы имели возможность убедиться, что цвет воды в разных местах неодинаков. Мы встречали красноватые и коричневатые, желтые, белые и черные воды. Такое разнообразие в цвете амазонским водам придают входящие в их состав минеральные и органические вещества, которые река собирает, протекая через разные по возрасту и составу породы.

В соответствии с количеством этих веществ, реки бассейна Амазонки делятся на белые и черные. К белым относится сама Амазонка, Мадейра и другие ее притоки, текущие со склонов Анд и других горных областей. Черные реки — это прежде всего Риу-Негру, а также притоки Амазонки, текущие по древним кристаллическим породам Бразильского и Гвинейского нагорий. Вода в них темная, похожая на крепкий чай или черный кофе, она лишена вредных микроорганизмов и, по утверждениям бразильцев, чрезвычайно полезная для человека.

Пожалуй, одно из самых удивительных явлений мы наблюдали в районе слияния двух рек — собственно Амазонки и ее притока Риу-Негру. Здесь темные воды Риу-Негру, попадая в русло Амазонки, не смешиваются с ее белыми водами, а текут рядом, образуя четкую границу. Приближаешься то к одному, то к другому берегу, граница извилистой линией протягивается вниз по реке на десятки километров. Как непримиримые соперницы, две реки текут в одном русле, пытаясь потеснить, прижать к берегу, оттолкнуть друг друга. И так продолжается не одно столетие. Еще Франсиско де Орельяно во времена своей экспедиции в середине XVI века с удивлением отмечал, что протяженность границы между двумя типами вод составляет почти 110 километров.

Помимо колоссальных размеров, больших глубин, красочных вод имеется еще одна бросающаяся в глаза отличительная особенность Амазонки. Это плывущие по реке деревья, коряги, отдельные пучки и целые островки травы, тростника, цветы. Эти неизменные атрибуты великой реки начали встречаться уже в устье, а с нашим продвижением вверх попадались все чаще, при этом островки травы становились заметно крупнее — уже настоящие зеленые луга с кустарником, небольшими деревьями и птицами плыли по воле ветра и течения. Рано или поздно плавающие луга попадут в океан, долго будут блуждать там, пока шторм не разорвет их в клочья. Там и исчезнут бесследно свидетели и плоды неустанной работы Амазонки, ее мощного течения, а также гремящей волны — поророки, которая подмывает речные берега.

Если с поророкой мы не встречались (во всяком случае с той страшной волной, какой ее обычно представляют), то силу течения Амазонки на себе испытывали не однажды. Якоря ползли по дну, течение то и дело сносило судно на станциях, когда работы нужно было выполнять в одной точке. А сколько пришлось помучиться с забортными измерениями! При-

боры никак не шли на глубину, а сносимые течением то и дело запутывались в плывущих лугах, в любой момент их могли испортить, разбить или оторвать дрейфующие деревья.

Не обошлось без приключений и первое купание. Конечно же, купаться на Амазонке — дело рискованное, но кто же устоит против такого соблазна! Первые смельчаки, во главе с капитаном на одной из остановок решительно прыгнули с борта и ... стали быстро удаляться от судна, отчаянно работая руками. Выгрести против течения даже самому сильному пловцу оказалось не под силу, и шлюпка, заблаговременно спущенная на воду, подобрала не на шутку испугавшихся пловцов.

Все же находясь на судне, нельзя увидеть, понять всю сложную систему, именуемую Амазонией. Только сверху открывается неповторимая панорама раскинувшегося поперек всего южно-американского континента гидрографического дерева Амазонки, корни которого омывает Атлантика, а ветви протягиваются чуть ли не до Тихого океана. Весь этот удивительный бассейн, занимающий почти половину Южной Америки и по площади в 14 раз превышающий территорию Франции, вдоль и поперек рассечен реками и речушками, изрезан бухтами, опутан сложным и затейливым переплетением бесчисленных протоков, усыпан зеркалами озер и пятнышками зеленых островков.

Край неузнаваемо преобразается зимой, когда наступает пора дождей, пора половодья. Это нелегкий период, большое событие в жизни населения, зверей, птиц и рыб Амазонки. Невообразимые по масштабам пространства лесов, полей и лугов оказываются под водой — как-никак перепады воды между сухим и влажным периодом иногда достигают двадцати метров! Одни обитатели сельвы в таких случаях находят приют на деревьях, другие переселяются на участки посуше, покидая на 3—4 месяца обжитые места. Только для рыбы это самое благодатное время. Она разбредается по затопленной сельве, где пищи вдосталь, и попробуй, поймай ее там. Нелегко пришлось нашим биологам — плавали-то мы в сезон дождей!

Ручьи уходят в небо

Поразительная работа ветра, которую академик Николай Юшкин наблюдал на северо-восточном берегу Вайгача во время шторма — поднятые в небо ручьи! [72, с. 44].

Только выскочил из вездехода, сразу же промок. Ветер дует как из гигантского вентилятора сплошным потоком, без обычных порывов, и несет сплошную стену густой водяной пыли, которая легко продавливается через двойной брезент плаща и штормовки. А вдоль берега в небо поднимаются легкие белые столбы, как столбы дыма. Но их не клонит ветер, они стоят вертикально. Все в недоумении — никогда такого не видели. Когда подошли ближе, оказалось, что это ветер поднимает в воздух воду скатывающихся со скал ручейков. И ни одна капля воды не стекает вниз, весь поток заворачивается в небо. С таким явлением я никогда до этого не встречался.

Целебные солёные озера

Николай Наковник писал в полевом дневнике (1924 г.) про два целебных солёных озера в Казахстане [42, с. 15—16].

22 июня

Измученный бессонной ночью, я оживился на восходе солнца, увидев впереди невиданное зрелище: налево от дороги светилось розовое озеро, а направо — голубое. Протер глаза — цвета остались прежними. Что за феномен!

— *Калкаманский пикет! Солёные озера!* — крикнул начальник.

На низких голых берегах белели пирамиды соли, а в стороне, повыше, чернела одинокая саманная постройка, похожая на домик. Это и был пикет Калкаман — первая почтовая станция на тракте, за которой мы привалили передохнуть и подкрепиться в часы дневного зноя.

Как объяснил начальник, различные цвета озер обязаны различной микрофауне воды. Озера славятся целебными свойствами грязей — отсюда и название «Калкаман», т. е. «Народ здоров». Каждый год их навещают десятки больных, но ныне они совсем безлюдны.

*Жужжащий моло-
ток на вершинах
сопок*

Колымский геолог Виктор Володин рассказывает о весьма странных грозовых явлениях, которые он наблюдал в 1940 г. в верховьях Колымы [16, с. 132—134]. (Виктор Тихонович Матвеевко (1913—1976) в 1939—1941 гг. возглавлял геолого-поисковый отряд Тенькинского РайГРУ).

Утро было жаркое, душное, подъем крутой и высокий. Матвеевко посоветовал мне отдать ружье шедшему с нами рабочему, чтобы развязать себе руки. Я так и сделал, согласившись с тем, что без ружья идти легче. Когда мы были уже в верхней части подъема и приближались к вершине, вдаль загремело и засверкало. Небо потемнело, нахмурилось. Приближалась гроза. Она вскоре была уже рядом, когда мы еще не достигли вершины.

Было страшно, что в нашу вершину может ударить молния. Я отбивал образец андезита и заметил, что, когда поднимаю молоток для удара, он начинает громко жужжать. Матвеевко увидел, что рабочий, шедший с моим ружьем за плечами, чему-то весело улыбается на ходу, и спросил его: «Чему ты радуешься?». Тот ответил: «Да вот овод залез в ствол ружья и жуужжит там». «Сними скорее ружье», — крикнул Матвеевко. Тот снял, жужжание прекратилось. Потом мы сидели на вершине, рассматривали сверху мелкогорный район, расстилавшийся южнее, и сравнивали его с мелкомасштабной глазомерной картой, опознавая реки и ручьи.

Когда мы при этом показывали пальцами различные объекты на местности, раздавалось сильное жужжание, особенно усиливавшееся, когда палец поднимали вверх. Матвеевко предложил тогда назвать эту горку «электросопкой».

Позднее мне не раз приходилось бывать в подобной ситуации, и я вспоминал о подобных случаях, когда бывал на сопках, испещренных воронками от ударов молний, напоминающими воронки от ударов небольших авиационных бомб или артиллерийских шрапнельных снарядов, приблизительно 76 мм. Особенно много таких воронок видел я на большой липаритовой сопке на водоразделе Бохапчи и Детрина в истоках ручья Силинцовой. <...>. На этой, против ожидания, совсем не острой, а широкой и довольно длинной столовой вершине с не резкими, а сглаженными массивными контурами я видел в 1943 году несколько десятков таких воронок. И, наоборот, не раз я вспоминал такие избитые молниями вершины, когда приходилось опять попадать на командные (вершины) высоты в грозу, и снова приходилось слышать жужжание поднятых в воздух предметов.

А это случалось нередко, потому что грозы бывают чаще около полудня или немного позже, то есть именно в то время, когда успеваешь добраться до наиболее высоких и наиболее опасных в грозу вершин. И, несмотря на это, мне как-то удалось избежать удара молнии, которого ни я, и никто из моих сотрудников никогда не испытывал. Не удалось ни разу наблюдать и близких ударов молнии или слышать о таких случаях на полевых работах.

Все это позволяет сделать вывод, что удары молнии в вершины сопки не столь уж часты, если не сказать редки или очень редки. Будь это не так, то они были бы одним из факторов интенсивного разрушения наиболее высоких сопки. А ведь этого нет. Даже вершины, на ко-

торых можно насчитать не один десяток воронок от ударов молний, испытывали их, очевидно, редко, так как эти воронки сохраняются, вероятно, многие сотни лет. Правда, я видел и совсем свежие шрамы от ударов, но их было немного.

Я объяснял себе, что это жужжание связано с истечением электрического заряда, вероятно, гораздо более слабым, чем то, при котором на заостренных предметах появляются так называемые «огни святого Эльма». Какова опасность при этом удара молнии и существует ли она, я не знаю. Думаю, что есть, и немалая.

*Гудящая
двустволка*

Академик В. И. Смирнов, в те годы бывший деканом в МГРИ, рассказывает о забавной истории [58, с. 18].

Так, один из наших выпускников, славный человек, прошедший до института хорошую жизненную школу, руководитель крупной геологической организации на Кавказе, страстный охотник, однажды, будучи командированным в Москву по делам службы, зашел ко мне и в числе прочих новостей рассказал, что на одном из перевалов Кавказского хребта его знаменитая зауэровская двустволка начинает как-то своеобразно гудеть. С самым серьезным видом он уверял меня, что это происходит потому, что где-то неподалеку есть неоткрытое месторождение золота. Я не хотел его разочаровывать, тем более что разговор протекал за традиционным бочонком грузинского вина, и в шутку сказал, что двуствольные ружья вибрируют по соседству не с золотом, а с платиной. Я и не подозревал, что моя шутка повлечет за собой организацию специальной геологической партии по поискам залежей платины близ этого злосчастного перевала.

Впадины с рассолами в Красном море

Я.Ю. знал об этих впадинах по научной литературе. Но живое описание проф. Емельянова — несравненно нагляднее! [27, с. 207].

1981 год. Советские океанологи на специальных подводных лодках-аппаратах опускаются на глубину 1900—2000 метров. Но что это? На глубине около 2000 метров они снова увидели... поверхность моря! Настоящую поверхность, с ее волнами, с плавающими на ней многочисленными предметами и пленками. Она также имела волноприбойную зону с хорошо отсортированным песком на пляже. Мираж? Галлюцинация? Акванавтам, сидевшим в батисфере ГОА «Пайсис» (Piscis), это тоже первоначально показалось невероятным. Но, убедившись в реальности увиденного, они тут же, на месте, попытались найти этому объяснение. Сделали попытку погрузиться в «глубинное море», чтобы посмотреть на открывшуюся перед ними поверхность снизу из его толщи. Но это им не удалось: лодка, погрузившись на 1—2 метра, тут же выталкивалась вверх. Тогда исследователи попытались «с разбегу» проникнуть в негостеприимное море. Они поднимали батисферу «Пайсиса» на 20—50 метров, а оттуда, работая всеми гребными винтами, устремлялись вниз. Однако, лишь немножко погрузившись, батисфера как теннисный мячик вылетала из воды, вверх. При этом по поверхности «глубинного моря» от нее, как положено, во все стороны расходились круги, то есть образовывались морские волны.

Толщина слоев рассолов (а это — глубина «глубинного моря») составляла 200, а иногда и более 200 метров. Впоследствии выяснилось, что температура рассолов в разных впадинах неодинакова: в одних она выше 50 градусов, в других колебалась между 30 и 40 градусами. Соленость также неодинакова. В некоторых впадинах рассолы расслоены: внизу находится наиболее соленый и плотный слой, выше — менее соленый и плотный, а еще выше (обычно на глубинах менее 1900 метров) слой с обычной для морей соленостью. В одних впадинах

рассолы заражены сероводородом, в других — нет. Рассолы очень богаты растворенными в них железом, марганцем, медью, никелем, цинком и другими металлами — практически это «жидкие руды». Мало того, на дне, под рассолами распространен мощный (местами более чем в 10 метров) слой донных осадков, в которых также очень много металлов.

Поскольку рассолы более тяжелые, то все предметы, которые тонут в обычной морской воде (те самые газеты, книги, окурки, полиэтиленовые банки, сброшенные с кораблей) в рассолы не опускались, а оставались на их поверхности. Ведь граница между рассолами и морской водой очень резкая и хорошо сохраняется. По законам физики на этом разделе двух жидких сред возникают волны. Они доходят до берега «глубинного моря» и образуют там настоящую волноприбойную зону с «пляжем». Волны, которые образовывались от лодки, пытавшейся проникнуть в рассолы, достигали «берега» и взмучивали песок на «пляже» — всё, как в настоящем море!

*Что такое
Гольфстрим?*

Объясняет профессор Емельянов [27, с. 146—147].

После этого судно направилось в «страшный» Бермудский треугольник, где разогретая в Мексиканском заливе морская вода через Флоридский пролив вырывается в открытый океан и в виде огромной океанской безбрежной реки под названием Гольфстрим устремляется на север, а затем к берегам Европы, согревая и наше Балтийское море.

Нас не интересовало, где берёт начало Гольфстрим (от английского stream — течение и gulf — залив) и почему он возник. Эти вопросы давно решены: пассатные ветры сгоняют морскую воду в Карибское море, в результате чего уровень океана здесь на десятки сантиметров, а то и на целые метры становится выше, чем в океане. Кроме того, жаркий и сухой климат обуславливает интенсивное испарение вод Карибского моря, а это ведет к некоторому их осолонению и увеличению плотности.

Карибское море почти со всех сторон окружено материком и островами, и единственный выход для скапливающихся в нём водных масс — это Юкатанский пролив, отделяющий остров Куба от берегов материка. Вырвавшись из Карибского моря в Мексиканский залив, воды затем устремляются во Флоридский пролив.

Таким образом, Карибское море, подобно огромному резервуару, с одной стороны заполняется водой в результате её нагона пассатами, с другой — освобождается от неё через Флоридский пролив. Ширина и глубина этого пролива меньше, чем Юкатанского, поэтому воды вырываются в океанские просторы с большой силой и скоростью. Вместе с водами Гольфстрим переносит огромное количество тепла, полученного его водой в жаркой зоне тропической Атлантики.

Гольфстрим — это целая система течений. Длина этих течений превышает 10 тысяч километров. Корневая часть системы называется Флоридским течением. Затем до Большой Ньюфаундлендской банки (до Канады) идёт собственно Гольфстрим. Та часть потока, которая отклоняется от этой банки и следует далее на северо-восток, называется Северо-Атлантическим течением.

В пределах шельфа у берегов США воды Гольфстрима прослеживаются до дна, а в пределах материкового склона — до двух, иногда даже до четырёх километров. Ширина Гольфстрима — десятки миль, местами до ста.

Конфигурация Гольфстрима, образование разных ветвей и меандров обусловлены многими причинами, в том числе и рельефом дна океана. Центральная (осевая) полоса течения, которая имеет максимальную скорость более 4 километров в час, называется стержнем. Гольфстрим ограничивает самое чистое и прозрачное в мире Саргассово море с запада и севера, отделяет это море от холодных вод Лабрадорского течения.

2.2. Чудеса геологические

2.2.1. Ископаемые леса

Раватский лес • Плиоценовый Годерзский лес • Миоценовый лес Перса • Авторское 1: Кангаласские леса из пеньков • Авторское-2: зональные пеньки

Об ископаемых лесах на территории Узбекистана (Раватском, Годерзском, Перса) писали в своей книге Новиков и Баратов [8, с. 76—77]. Судьба наблюдавшихся мною (Я.Ю.) Кангаласских «лесов» мне неизвестна, а в Равате судьба их печальна... Важное отличие изучавшихся мною нижнемеловых Кангаласских лесов [68] от Аризонских и Раватских — сохранившиеся в первых пеньки чаще углефицированы, а не минерализованы.

Отметим также опасность прямых аналогий. Сходство Фан-Ягнобских (Раватских) юрских ископаемых лесов с болгарскими Варненскими (палеогеновыми) — приводит к ошибочному выводу: ибо Варненские — вовсе не минерализованные деревья, а карбонатизированные метановые трубы [70]!

Раватский лес

А как же ископаемые деревья, сохранились ли они? Окаменевшая древесина в виде огромных стволов и пней до сих пор хранит память о буйных зарослях субтропического леса в Равате. Надо заметить, что находки ископаемых лесов представляют большую ценность и во многих местах оберегаются как памятники природы. Одними из первых были описаны такие леса в палеогеновых отложениях близ Варны (Болгария) и в триасе Аризоны (США). Аризонский заповедник знаменит уникальными стволами ископаемых деревьев, замещенных аметистом, сердоликом, агатом и халцедоном пестрых расцветок. Красочный рассказ о посещении аризонского каменного леса можно найти у И. Ильфа и Е. Петрова в их «Одноэтажной Америке». В СССР ископаемые деревья известны в третичных отложениях Урала и меловых осадках Каракалпакии, в каменноугольных породах Донецкого бассейна и в неогене Керченского полуострова. Но нигде, пожалуй, нет такого количества горизонтов, сохранивших прижизненное положение деревьев юрского периода, как в Равате.

Т. А. Сикстель выделила на территории месторождения шесть горизонтов «ископаемых лесов». Встречаются они почти во всей толще юры как на правом, так и на левом борту Ягноба. Общее количество стволов, захороненных в вертикальном положении и несущих остатки корневых систем, по самым скромным подсчетам составляет здесь не менее 80. Деревья выполнены железистыми минералами — гематитом и сидеритом. Наиболее крупные стволы имеют высоту до 3—5 метров, а диаметр около одного метра. Здесь же можно найти целые «кладбища» хвощей, вертикально стоящие стволы которых достигают 3—5 сантиметров. Леса и хвощевые заросли погибали на различных стадиях своего роста и развития и, по-видимому, от разных причин. Чаще всего они погребены в песчаных и глинисто-гравийных наносах, связанных, вероятно, с крупными селями и грязевыми потоками, спускавшимися по речным долинам с близлежащих гор. В результате этого целые лесные массивы оказались занесенными обломочным материалом настолько, что рост деревьев не мог уже продолжаться, и они подверглись гниению или высыханию. Законсервированные части стволов со временем были замещены минеральными соединениями, сохранившими не только внешнюю скульптуру древесины, но и часто и годовичные кольца роста. Не все деревья могли выстоять под натиском стихии и очень многие оказались поваленными. Таких лежащих стволов, по-

жалуй, еще больше и размеры их нередко оказываются поистине гигантскими. Один из таких гигантов располагается по соседству с обнажением, где описаны следы динозавров. Полная длина этого исполина достигала 12 метров, а диаметр составляет 40—50 сантиметров.

Сейчас раватское «дерево» стало короче, часть ствола разрушилась и упала на дорогу. Но полюбоваться им еще можно, как это делают многие проезжающие. А вот следам динозавров пришлось гораздо хуже. Было бы не так обидно, если бы они пострадали от естественных причин, хотя и это для подобных памятников просто недопустимо. Местонахождение вновь (в который раз!) подверглось варварскому уничтожению. Других слов не придумаешь, поскольку лучшие из найденных в последние годы отпечатков бесследно исчезли. На их месте остались только вмятины от зубил и дырки от перфораторов. Но браконьеры (просто любителями сувениров их уже не назовешь), увы, остались неизвестны.

Плиоценовый Годерзский лес

Валерий Петров описывает ископаемый кремне-
вый лес в миоценовых отложениях на Годерзском
перевале Кавказа — засыпанный пеплом [49, с. 50].

Самым важным наблюдением на Годерзском перевале является то, что растительные остатки находятся здесь в рыхлых туфах в том виде, в котором они находились в природе — в лесу. Пепел засыпал годерзский лес совершенно так же, как много веков спустя пепел Везувия засыпал г. Помпей. Стволы деревьев стоят вертикально и вокруг них в пепле можно найти листья и ветви того же дерева. Иначе говоря, деревья жили, когда происходило извержение пепла, т. е. возраст деревьев соответствует возрасту извержения, и по характеру растительности мы можем говорить об условиях, господствовавших на дневной поверхности в начале извержений.

Миоценовый лес Перса

Агаты на руднике около кавказского с. Перса —
тоже продукт минерализации древесины! Диато-
миты здесь плиоценовые, а «каменный лес» — ми-
оценовый, возрастом около 20 млн. лет. Наблюдения Валерия Петрова [49,
с. 50—51].

Следует остановиться еще на одной точке — интереснейшем агатовом руднике около с. Перса. Здесь имеется два самостоятельных карьера, расположенных по обе стороны от довольно крупного оврага. Судя по характеру расположения карьеров, надо думать, что по оврагу проходил разлом, в результате подвижек по которому стратиграфически различные горизонты туфовой толщи приведены примерно на одинаковый уровень.

Правый карьер (если смотреть на юг) сложен относительно мелкозернистыми туфами, очень напоминающими низы годерзской свиты. Агат в месторождении образует крупные, почти вертикально стоящие столбы, или полые трубки. В их центре иногда выделяются кристаллы кварца. Крайне интересно, что в верхах таких вертикальных трубок агатовое тело разветвляется на несколько трубок меньшей толщины. Характер разветвления основной трубки, сама ее форма и иногда характер ее поверхности, напоминающий поверхность коры дерева, — говорят о том, что агатовые трубки образовались на месте бывших здесь ранее стволов и крупных веток деревьев. В отличие от Годерзского окаменелого леса древесина здесь не сохранилась, а полностью выгорела, видимо, под воздействием горячего вулканического туфа; поэтому агат заполнял уже готовые пустоты, а не замещал древесину, как это было в годерзском туфе.

*Авторское I:
Кангаласские леса
из пеньков*

Ниже дано извлечение из нашей научно-популярной книжечки «Грамм дороже тонны» [68, с. 94—100], где рассказывается о работах в 1961 г. в Приленском районе на угленосных отложениях верхней юры-нижнего мела. Они изучались нами по р. Кэнкэме (и ее притоку — Чаакыйе) и на левобережье Лены в 6 км ниже пос. Кангалассы — на прекрасно обнаженном Кангаласском мысу.

Работы на Кэнкэмэ подтвердили правильность идеи: практически все угольные включения (рабочие их сразу окрестили головешками) оказались богаты редкими элементами. Концентрации последних не шли ни в какое сравнение с залегающими здесь же угольными пластами. Теперь на повестку дня встал вопрос сугубо практический: а нельзя ли включения рассматривать как своеобразную редкометальную руду? Для этого, конечно, их должно быть не очень мало. Нельзя ли найти в угленосной толще достаточно крупные скопления углефицированных древесин — крупные настолько, чтобы они могли представить и практический интерес? Я ещё не знал тогда, что аналогичный вопрос встал в 1959 г. и перед канадцами, и что они раскошелились даже на солидный объем буровых работ. На самой Кэнкэмэ угольных включений было немного, но представлялось заманчивым как следует покопаться на Кангаласском мысу — выступе левого берега Лены, который на протяжении 6 км представляет собой почти сплошное обнажение.

Поставив лагерь у северного конца мыса на боровой террасе, мы начали методично продвигать свои ежедневные маршруты к югу, вверх по Лене. Через каждые 100—200 м мы проходили на склоне канаву, вскрывая разрез от ленского пляжа до подошвы третичных конгломератов <...>. Тщательно документировались как сами канавы, так и промежутки между ними — фрагменты естественного обнажения.

Нижнемеловая толща здесь представляет собой древний дельтовый комплекс, в основном, по-видимому, подводную часть дельты. Об этом свидетельствует крупная косая перекрестная слоистость. Угольных включений здесь было довольно много. Чаще всего они скоплялись в отдельных косых сериях <...>, реже попадались в рассеянном виде, в кровле угольных пластов. Было очевидно, что древняя река несла много стволов и их обломков. Набухнув и затонув, они опускались на дно и засыпались речным песком <...>. Другие древесины попадали в озера, затопившие обширные углеобразующие торфяные болота; затонув, они оказывались в илистых озерных осадках, и теперь мы видим их в кровле угольных пластов.

В один прекрасный день, как писали в старинных романах (а летом 1963 г. дни и в самом деле стояли прекрасные: жарко, солнечно, свежий ветер с Лены отгоняет комаров), рабочие позвали меня взглянуть на только что начатую канаву — что-то там было необычное. И впрямь — такого мы еще не встречали. Канавка вскрывала слой темного слабоуглистого алевролита, а на нём торчком стоял (а не лежал!) самый настоящий пенек! Только сделан он был не из дерева, а из угля, и, стало быть, этому пеньку было не меньше 150 млн. лет, столько же, сколько и вмещающим его породам.

Метрах в четырех выше, на не расчищенном еще от наноса склоне, выступала тоже необычная, похожая на обломок трубы, светлая конкреция карбонатного песчаника. Вообще карбонатных конкреций на мысу было превеликое множество, они буквально переполняли песчаный дельтовый комплекс. Однако все они имели привычные караваеобразные или пластообразные формы <...>. А эта, как и расположенная ниже «головешка», стояла как бы торчком.

То, что мы встретили именно пенек, я понял сразу, но рабочие держались иного мнения. Я утверждал, что конкреция наверху и головешка внизу являются частями одного и того же ствола, но самый упорный из оппонентов настаивал, что они никакого касательства друг к другу не имеют. Раззадоренные спором и явно болея за товарища, рабочие схватили лопаты и вмиг довели канаву до конкреции... **Виктория!** Геолог оказался прав: это и в самом деле был единый вертикальный ствол дерева. Его верхушка (конечно, в свое время сломанная) была минерализована карбонатом кальция. Так получилась трубообразная конкреция, ниже от ствола сохранились только остатки углефицированной коры, а место сгнившей древесины занимал песок; лишь вблизи основания дерева сохранился весь ствол, превращенный в уголь <...>.

Однако наша находка имела весьма серьезные следствия. Ведь она означала, что слои невзрачного слабоуглистого алевролита под стволом — это не что иное, как ископаемая почва! А ведь мы уже встречали немало таких слоев, и везде я описывал их просто как углистые алевролиты или углистые аргиллиты. Теперь становилось ясным, как нам искать пеньки. Встретив подозрительный углистый прослой, следует проследить его по простиранию. К счастью, падение слоев на Кангаласском мысу было весьма пологим, так что траншея, пока она утыкалась наверху склона в третичный конгломерат, а в нижнем конце в ленский пляж, вскрывала горизонты ископаемой почвы на солидном расстоянии, метров 100—200 вдоль берега.

Занявшись этими захватывающе интересными поисками, мы за короткое время раскопали в нижнемеловом разрезе около десятка ископаемых почв, на которых то тут, то там попадались пеньки <...>. Любопытно, что, как правило, корни пеньков уходили в почву очень незначительно, они стелились в ее верхнем слое либо вовсе не касались почвы, опираясь на глинистую «кочку». Пеньки располагались (так и хочется сказать: росли) на почвах очень неравномерно. На одних горизонтах их было много, на других — очень мало, но и в пределах одного и того же горизонта они то появлялись, то пропадали. Стало очевидно, что участки с пеньками были относительно сухими, а без них — обводненными, заболоченными. И в самом деле, почва в этих «безлесных» участках была насыщена тонкими слойками штриховато-полосчатого угля (такого же, как в угольных пластах), а обломки древесин попадались редко и только в лежащем положении.

Привыкнуть к такой диковинке, как пеньки, я не сумел: находка каждого пенька вызывала жгучее любопытство. И хотя я брал десятки проб (из коры, из средней части, из корней, из самой почвы), всё мне казалось мало, меня захлестывал азарт золотоискателей. Ведь я не сомневался в том, что пеньки должны были быть не простыми, а «золотыми»: германиевыми, галлиевыми, ванадиевыми, хромовыми... Кстати сказать, в те годы один грамм германия стоил не меньше одного грамма золота.

Если эти строки прочитает молодой геолог, то специально для него следует заметить, что азарт в научной работе — вещь скорее вредная, чем полезная. Охваченный «редкометальной лихорадкой», я брал сотни проб, но не замечал множества интересных вещей. Я почти не изучал вмещающие породы, совершенно игнорировал уникальные карбонатные конкреции, которые сами по себе могли бы составить предмет целой диссертации, но что всего печальнее — я крайне поверхностно исследовал ископаемые почвы. Увы, находка попала в руки слабо подготовленного исследователя. Уже спустя 10 лет я горько раскаивался в своих упущениях, но повторить работы на Кангаласском мысу не было уже никакой возможности. Воистину, «если бы молодость знала, если бы старость могла».

*Авторское-2:
зональные пеньки*

Это из той же научно-популярной книжки [68, с. 102—105]. Кстати сказать, рукопись статьи, в ко-

торой были описаны найденные нами на Кангаласском мысу нижнемеловые «леса» из углефицированных (изредка, как описано выше — и минерализованных) пеньков, и самое поразительное — зонально углефицированные пеньки, вероятно, наблюдавшиеся нами впервые в мире, — провалялась в редакции журнала «Литология и полезные ископаемые» — 4 года. А в затеянной по этому поводу переписке с редакцией, я получил письмо от члена редколлегии Л. И. Боголюбовой (известной угольщицы), где она радостно сообщала мне о том, что она показывала мои картинки зонально-углефицированных пеньков — на каком-то международном сборище. Очевидно, этим сообщением она хотела меня порадовать. Но обрадоваться я никак мог: (1) в нарушение элементарной этики, неопубликованные данные автора — кому-то показывались (без его согласия!), да еще за рубежом; (2) а статья во время этих недопустимых действий — не печаталась...

Через год после вышеописанных волнительных событий были готовы анализы и написан отчет. Можно было перевести дух и порыться в литературе. Быстро выяснилось, что ископаемые почвы известны давно и были не раз описаны, хотя здесь их раньше не находили.

В угольных шахтах Европы давно описали и стоящие *in situ* деревья, правда, гораздо чаще минерализованные, чем углефицированные. Словом, многое из того, что открылось взорам неискушенного геолога летом 1963 г. на Кангаласском мысу, так или иначе было уже известно.

Но была всё же одна вещь, которую раньше как будто никто не описывал. Чтобы рассказать о ней, необходимо небольшое отступление.

К этому времени геологи-угольщики уже знали, что в аргиллитах включения древесин почему-то выглядят более темными и плотными, как бы более углефицированными, чем в песчаниках. Такие наблюдения были сделаны Я. М. Черноусовым [1959] в мезозойских угленосных толщах на восточном склоне Урала, И. С. Софиевым, И. А. Горленко, И. Н. Семашевой [1963] в Узбекистане. В дальнейшем похожие наблюдения неоднократно делались нефтяниками, которым угольные включения попадались в ядрах скважин. Для нефтяников эта неодинаковая углефикация была крайне неприятна. Ведь по степени углефикации они определяли степень метаморфизма (катагенеза) вмещающих пород, а это было важнейшим критерием прогноза нефтегазоносности. Считалось аксиомой, что углефикация определялась палеотемпературами в недрах. Чем глубже погружалась осадочная толща с включениями, тем сильнее она прогревалась и тем сильнее углефицировались включения. А тут в пределах одного куска ядра вдруг попадаются включения, различающиеся по углефикации так, словно они залегают в 1 км по разрезу друг от друга. Это портило всю картину.

Так вот, на Кангаласском мысу был обнаружен настоящий феномен. Мало того, что включения были по-разному углефицированы в песках и в глинах (это было явлением просто массовым), углефикация менялась в пределах одного и того же пенька! Части пеньков, окруженные более глинистой породой, выглядели гораздо более темными и плотными, а те, что находились в окружении песков, представляли собой типичные «лигниты» — бурую мягкую, торфоподобную древесину <...>. Признаться, трудно было поверить в то, что степень углефикации может меняться в пределах одного пенька, — ведь температурный фактор углефикации явно был здесь здесь одинаковым. Правда, потом анализы показали, что по химическому составу отдельные зоны различаются не так сильно, как по внешнему виду. Но все же эти различия (примерно на 1 % по углероду, 0.5 % по водороду и 1.5 % по кислороду) были впол-

не реальными. Через несколько лет пришли запоздалые сожаления: стало ясно, что исследование отдельных зон с привлечением набора разнообразных современных методов могло бы дать драгоценные данные о тонких деталях процесса углефикации. Но к тому времени, как водится, от коллекции проб ничего не осталось. Насколько можно судить, наблюдения зонально-углефицированных пней с тех пор как будто не повторялись, а вещество самих зон не изучалось.

Что можно сказать о причине этого феномена? Как и многое в геологии, она достоверно не установлена; каждый геолог, наблюдавший неравномерную углефикацию, имеет на этот счет собственное мнение. Мое мнение таково: мы здесь в макромасштабе видим проявление каталитического фактора углефикации. Углефикация древесины — очень сложный и длительный процесс полимеризации и конденсации углеродных «макромолекул», сопровождающийся термоллизом — отщеплением от ароматических фенилпропановых ядер (унаследованных от лигнина) воды и газов (углекислого, метана и др.). Видимо, в присутствии глинистого вещества — природного катализатора — эти процессы идут быстрее.

Геологи-нефтяники уже давно предполагали каталитическое влияние глин на битуминизацию рассеянного, диспергированного в осадочных породах органического вещества [Фрост, 1948], которое рассматривалось ими как нефтематеринское. Однако влияние катализа на концентрированное органическое вещество, т. е. на уголь, ранее не предполагалось. Да и трудно себе представить такое влияние на угольный пласт, соприкасающийся с вмещающими породами только двумя плоскостями в почве и в кровле. Между тем угольные включения составляют как бы переходное звено от угольных пластов к рассеянной органике. Они гораздо теснее взаимодействуют с окружающей их со всех сторон вмещающей породой и оттого, надо думать, демонстрируют каталитический фактор вполне отчетливо. Здесь есть некоторая аналогия с физикой. Квантовые эффекты всегда считали исключительной принадлежностью микромира — в грубом мире макроявлений им, казалось бы, нет места. Но открытие сверхтекучего гелия позволило каждому желающему полюбоваться квантовыми эффектами на макроуровне.

2.2.2. Разное о многом

Два палеонтологических чуда великого Карпинского • Рай для палеонтологов • Проволочной щеткой — по негативу • Горисские столбы — отложения лахаров • Манзские Болваны на Северном Урале • Красноярские столбы • Материнская жила в Калифорнии • Уникальный Витватерсранд • Сольфатары на Итурупe • Исландский рифт • Эоловая дуга Тирренского моря

Два палеонтологических чуда великого Карпинского

Подлинными чудесами можно считать реконструкции геликоприона и трохилисков. О том и другом можно прочесть в популярной книжечке свердловского профессора Я. М. Черноусова [65, с. 63—66].

В 1898 году инспектор народных училищ Красноуфимского уезда А. Г. Бессонов послал А. П. Карпинскому сначала фотографию, а потом и плитку песчаника с необыкновенным спиралеобразным отпечатком. Такие отпечатки ранее были известны в Соединенных Штатах Америки, и американский ученый И. Лейди в 1850 году сообщил Филадельфийской академии, что описанное им ископаемое представляет часть спинного шипа хрящевой рыбы. Немецкий профессор Г. Траутшольд также считал, что обнаруженные остатки находились у рыбы на спине и служили «для разрезывания брюх других морских рыб».

А. П. Карпинский изучил всю мировую литературу по этим формам, детальнейшим образом описал присланные Бессоновым образцы и назвал рыбу Геликоприон Бессонову (геликоприон в переводе с латинского означает «ископаемая рыба с пилообразным зубным аппаратом»). Александр Петрович установил, что этот спиралеобразный аппарат располагался не на спине рыбы, как думали американские и западноевропейские ученые, а во рту. Дело в том, что в составе образца Карпинский обнаружил зубное вещество — дентин. Рыба могла высовывать изо рта спиральный стержень, снабженный эмалевыми пластинками, выполнявшими роль зубов. Спираль увеличивалась по мере роста рыбы, мелкие зубы заменялись более крупными, которые выдвигались изо рта вместе со стержнем.

Новое поразительное открытие последовало за предыдущим. Александр Петрович не только определил ископаемый остаток и выяснил его назначение и место, но, что особенно удивительно, он восстановил по этому образцу строение и внешний вид рыбы! Он отнес ее к группе примитивных акул.

<...>

Трохилиски (трохос — колесико) — это древние водоросли шаровой формы со спирально завитыми против часовой стрелки покровными клетками. Поводом для проведения исследований, как писал Александр Петрович, послужило обращение к нему *«горного инженера К. В. Маркова с просьбой определить мелкие проблематические остатки, почти сплошь составляющие маленький образчик известняка, найденный при геологических исследованиях в Лысьвенском горном округе на Урале»*.

Трохилиски были известны раньше в Германии, в Соединенных Штатах Америки и в России. Но описание их было или не полным, или неправильным. Так, например, немецкий ученый Квенштедт относил их к яйцам животных, братья Зандерберг и Лагорио считали их фораминиферами (мелкими животными организмами из отряда корненожек). Карпинский заинтересовался трохилисками и приступил к их изучению. Он собрал всю литературу, изготовил тонкие шлифы из присланных ему образцов известняка с трохилисками, отобрал образцы из музея, выяснил условия коренного залегания.

И так как Александра Петровича интересовали не только особенности внутреннего и внешнего строения трохилисков, но и пути их развития, то он приступил к тщательному изучению и современных, подобных им растений. Огромный труд, вложенный в это исследование, привел к необычайно интересным выводам. Оказалось, что те древние трохилиски, которые были встречены в виде отпечатков в девонских известняках, являются предками современных харовых водорослей, отличаясь от них числом спиралей, образующих оболочку. Таким образом, была прослежена история развития харовых водорослей на протяжении около 300 миллионов лет. А. П. Карпинский объяснил, что *«харацеи (шаровые водоросли, к которым принадлежат трохилиски — Я. Ч.) с определенными их современными признаками обособились... в небольшую, но чрезвычайно устойчивую, долговечную и широко распространенную группу, пережившую другие разветвления своей родоначальник формы»*. Работа о трохилисках по методике и результатам исследования является и в настоящее время своеобразным эталоном и определяет пути исследований развития органического мира.

В своей книжке «Отечественные геологи», известный ленинградский университетский геолог С. С. Кузнецов тоже с восхищением написал о трохилисках Карпинского [32, с. 24].

Это мелкие округлые образования, редко достигающие одного миллиметра. Они пронизаны продольным каналом, и поверхность их украшена своеобразной скульптурой. Впервые трохилиски были найдены русским геологом Пандером в слоях девонского возраста по реч-

ке Поповке около Павловска под Ленинградом (разумеется, тогда он не был Ленинградом — Я.Ю.). Название им дано за внешний вид: трохилиск — греческое слово и по-русски значит валик, колесико <...>. Впоследствии их стали обнаруживать в пластах многих местностей, но не могли понять, что они собой представляют. Пандер думал, что это опоры растений; некоторые французские и немецкие ученые принимали их то за простейших животных — корневожек, то за полипы; принимали трохилисков даже за окаменелые икринки панцирных девонских рыб. Оказалось, что трохилиски являются оогониями, или плодиками харовых водорослей. Это — высокоорганизованная группа водорослей, размножающихся при помощи сперматозоидов и яйцеклетки, заключенных в особые образования — антеридии, которые, пропитываясь известью, подвергаются окаменению.

*Рай для палеонто-
логов*

Академик А. Л. Яншин рассказывает о весьма богатой фауне в обнажениях по речке Сухой Песчанке (приток Илека в Казахстане) [14, с. 34—35].

Маршруты в окрестностях станицы Изобильная показали, что здесь нет никаких выходов коренных дочетвертичных пород, и поэтому мы вскоре приняли решение о переезде на 40 км севернее, на речку Сухая Песчанка, о которой много рассказывал мне Д. И. Иловайский. Нам рекомендовали остановиться у заброшенного хутора, где есть колодезь с пресной водой. Мы наняли в станице несколько подвод, погрузились и переехали. Свой палаточный лагерь разбили на левом низком берегу речки, напротив покосившихся построек хутора.

Не знаю, что представляет собою Сухая Песчанка сейчас. Многие ландшафты меняются очень быстро. Но тогда это был рай для палеонтологов. На протяжении почти 20 км тянулась непрерывная полоса обнажений верхней юры и низов мела, переполненных самой разнообразной мелководной морской фауной. Все слои были наклонены на северо-северо-восток под углом 2—3°. Русло Сухой Песчанки было ориентировано по простиранию слоев. Когда оно сворачивало влево, то на правом, высоком, берегу обнажались пески верхов средней юры, а над ними — породы келловея, оксфорда и кимериджа. Когда русло сворачивало вправо, можно было видеть, как эти песчано-глинистые породы погружаются под мергелистые известняки полного разреза нижнего волжского яруса и под лежащие на них с перерывом отложения валанжина и готерива.

Целыми ящиками мы послойно собирали аммонитов, белемнитов и пелеципод, и часть этих коллекций была позднее определена и даже монографически описана Д. И. Иловайским, но большая часть бесследно пропала во время переездов Научного института по удобствам. (Он размещался сначала за Крестьянской заставой, около завода Клейтук, затем — на Садово-Кудринской, в доме стиля Корбюзье, затем — в специальном здании на Ленинском проспекте).

Фауны было много в отложениях от нижнего келловея до валанжина. Выше лежала толща зеленовато-серых глин без фауны. Однако в ней нам удалось найти одного крупного аммонита, которого Д. И. Иловайский определил как *Dichotomites bidachtern* — вид, характерный для готерива, и забрал его себе в коллекцию создававшегося им палеонтологического музея учебного Нефтяного института, но потом весь этот музей куда-то исчез. Не умеем мы хранить ценные коллекции.

*Проволочной
щетки —
по негативу...*

Как, по описанию Льва Махлаева, выглядело Крестяхское жильное поле щелочных базальтоидов в Сибири. Эта замечательная картина — подарок Природы геологу! [38, с. 258].

Одним из маршрутов мы подсекли выявленное Ниной Суриной в начале сезона Крестяское жильное поле — удивительную полосу шириной полтора-два километра, протягивавшуюся, как оказалось, почти через весь лист: от Маймеча-Котуйского водораздела до долины Котуя. В пределах этой полосы прослеживались многочисленные параллельно ориентированные дайки щелочных базальтоидов мощностью от одного до пяти метров. Они были так многочисленны, что расстояние между ними редко достигало двадцати метров. На аэрофотоснимке эта полоса выглядела так, словно кто-то провел по негативу проволоочной щеткой, сформировав густую сеть параллельных царапин на эмульсии, которые преобразовались в черные штрихи на отпечатке.

На местности все это тоже выглядело довольно необычно: водораздельное плато сплошь покрыто мелкоглыбовым или щебенчатым элювием светлых и весьма прочных кындынских доломитов. Дайки сложены куда менее стойкими породами, рассыпавшимися в мелкую дресву либо даже обохренную глинистую массу. Формирование над дайками почвенного материала, изобилующего к тому же унаследованными от выветривающихся магматитов ценными микроэлементами, благоприятствовало развитию растительности. Поэтому вдоль даек густо растет лиственница с обильным ягодным (жимолость, красная смородина) либо ольховым подлеском. Все это удивительно похоже на искусственные лесопосадки.

Собственно, именно обилие растительности (по контрасту с абсолютно голой «кындынкой») делало эти дайки так четко выраженными на аэрофотоснимках.

Горисские столбы — отложения лахаров

Оказывается, знаменитые «Горисские столбы» около армянского старинного города Горис — это, по данным Валерия Петрова, отложения древних вулканогенных грязевых потоков — лахаров! Где еще такое увидишь? [49, с. 80—85].

Из Сисиана стоит заехать еще в старинный армянский г. Горис, который расположен намного ниже поверхности Сисианского плато — на поверхности рыхлых вулканогенных отложений. Они сложены из угловатых обломков очень различных по своим размерам; встречаются здесь огромные глыбы весом во много тонн, глыбы меньших размеров, мелкий и крупный щебень, вулканический песок и мельчайший вулканический пепел. По-видимому, толща у Гориса образовалась в результате отложения из мощных грязевых потоков, сопровождающих извержение, — так называемых лахаров. Эти потоки состоят из рыхлых продуктов извержения — пеплов, вулканических бомб и других обломочных материалов, превращенных в густую грязь дождями, идущими во время извержения. Иногда источником воды для лахара могут служить кратерные озера, вода в которых накапливается в период затишья вулканической деятельности. Иногда, разогреваемая выходами подземных вулканических газов, вода такого озера, переливаясь через края переполнившейся пеплом котловины кратера или прорвавшись через возникшую в процессе деятельности вулкана трещину, может дать начало движения лахарового потока. Густая грязь лахара свободно несет как крупные лавовые глыбы, так и мелкий вулканический пепел. Как и в лавовом потоке, впереди лахара движется вал из перекатывающихся одна через другую лавовых глыб, а вода и грязь только смачивают их и давят на них сзади (глыбы при этом практически не окатываются, а остаются угловатыми). Во время движения лахар также захватывает гальки мелких речек и другие речные наносы. После оседания лахара, поверх свежей грязи двигаются водные потоки и вследствие этого отличить отложения лахара от других отложений временных водных потоков крайне трудно, лахаровые отложения часто переходят в делювий и речные накопления. Лахары в современ-

ных вулканических областях (Индонезия, Япония и другие густонаселенные районы) представляют страшное бедствие.

Состав горных пород, образовавшихся из отложений лахаров, очень похож на состав горисской обломочной толщи; те же крупные угловатые глыбы, погруженные в мелкую обломочную массу, то же почти полное отсутствие слоистости и беспорядочное расположение камней. Но не это обычно привлекает внимание туриста, попавшего в Горис.

К востоку от центра города, в пойме реки, можно наблюдать знаменитые горисские столбы.

Образование этих столбов объясняется тем, что порода горисской толщи очень мягкая, легко размывается и сносится. Если в толще отложений встречается крупная лавовая глыба, то размывающие толщу водяные потоки ее обходят; глыба «защищает» рыхлые накопления, размывающиеся вокруг, и под нею «вырастает» очень характерный столб, сложенный породой горисской толщи; на вершине некоторых столбов еще сохраняется лавовая глыба, «сздавшая» его, на других глыбы отсутствуют и они постепенно размываются.

В пойме реки у Гориса имеется около сотни больших и малых столбов; мягкая порода столба, сухость его и удачное расположение — все это привлекло первобытного человека, и во многих крупных столбах были выкопаны многочисленные жилые пещеры. Некоторые из них оказались настолько удобными и привычными, что и сейчас служат временным летним жильем для горисских пастухов.

Манзские Болваны на Северном Урале

Как Юшкин описывает знаменитые Манзские Болваны — Мань-Пупунёр, которые они с Е. Калининым посетили в 1965 году [74, с. 30—31].

Знали, что сейчас увидим знаменитых идолов, однако их появление все равно поразило нас.

Они возникли на фоне голубого неба и ярко-красной осенней тундры сразу. Сразу семь великанов, выстроившихся в ряд. Впереди — «Шаман» с поднятой рукой, а за ним, на некотором удалении — рядовые члены шайки разбойников. Один из них — женщина в кокошнике, в длинном платье. Другой — старичок со сморщенным лицом. Третий — ненец в малице... Но стоило пройти немного вперед, взглянуть под другим углом, как впечатление пропало. «Шаман», например, превратился в бутылку, поставленную на горлышко, другие болваны — в обычные каменные столбы или в шахматные фигуры.

Когда подошли близко к болванам, на западном склоне горы открылась еще одна группа скульптур, и среди них самая замечательная — одnogорбый верблюд.

До самого заката мы ходили от одного идола к другому, любовались ими, щелкая фотоаппаратом. У нас были рулетка и угломер. Имея некоторый запас тригонометрических знаний, мы сняли мерки со всех идолов. Оказалось, что «Шаман» достаточно высок, чтобы главенствовать над этой шайкой — 36 метров. Остальные болваны возвышались над землей от 29 до 50 метров. Одnogорбый верблюд был меньше — 22,5 метра.

Красноярские столбы

Об этом чуде природы писали многие, в том числе и Владимир Обручев, устраивавший там студенческую геологическую практику. Лев Махлаев (долго преподававший в Красноярске) дает их поэтичное описание [38, с. 311—312].

И все же наиболее примечательным и интересным лесным массивом был знаменитый заповедник «Красноярские столбы» — скопление причудливых сиенитовых скал-останцов в лиственничной тайге, примыкающей к Красноярску с юго-востока. Странное впечатление оставлял этот дивный уголок — совсем рядом раскинулся громадный город, гудят идущие по Транссибу поезда, в вечерних сумерках видны отсветы искр, срывающихся с трамвайных дуг, но здесь все дышит покоем. Избалованные заповедным режимом подходят к туристским привалам и берут еду прямо из рук не только белки (эти повсеместные веселые побирушки), но даже красавцы-олени, которые запросто могут выйти, как в сказке, из лесных зарослей на рассвете, чтобы доверчиво полакомиться хлебными корками.

Грибы, ягоды, а летом цветы... Но все же особенно красивы столбы именно в сентябрь-октябре, когда тайга изукрашена красками осени. Золотая листва берез, зрелая буроватая желтизна лиственниц, багряно-страстные трепетные осины, лиловая листва рябин, сочетающаяся с ярко-оранжевыми и алыми гроздьями ягод, трогательные нежно-зеленые пихты, гордые малахитовые красавцы-кедры и почти черные (густо-зеленые) ели — все это образует причудливый многоцветный ковер, над которым висит прохладное зеленовато-голубое, почти бирюзовое осеннее небо... И в это многоцветье вкраплены красно-бурые природные (нерукотворные) каменные скульптуры: Дед, Перья, Воробушки, Слоник... Каждая скала имеет свое имя, отражающее главные особенности ее формы.

*Материнская жила
в Калифорнии*

Об этом феномене свидетельствует М. Максимов [36, с. 96—97].

Самая известная — Материнская жила Калифорнии — относится к кварц-золоторудной формации. Она представляет собой систему взаимно параллельных и прерывистых жил, прослеженных по простиранию на 209 км, суммарная мощность ее 1600 м, мощность отдельных жил 1—8—18.3 м. На глубину она разработана на 2000 м, причем некоторые рудные столбы прослежены на 1500 м. Сейчас добывается руда с содержанием золота 5—7 г/т.

*Уникальный
Витватерсранд*

Добыча золота в «рифках» Витватерсранда — т. е. в древних конгломератах. Обобщение М. Максимова [36, с. 100—102].

Протерозойские золотоносные конгломераты Витватерсранда — «Хребта белой воды» находятся на высоте 1.8 км к югу-западу от г. Иоганнесбурга. По простиранию слои конгломератов прослежены на 350 км при ширине полосы от 25 до 100 км. Слои падают под углами от 25 до 80°. Имеется семь самостоятельных рудных горизонтов. Средняя глубина отработки 1700 м, ряд рудников имеет глубину 3000 м, а в отдельных шахтах работы ведутся на глубине 3800 м. К 1972 г. месторождение дало около 30 тыс. т золота. Запасы оцениваются в 60 тыс. т.

В Южной Африке не было той классической золотой лихорадки, когда успех мог сопутствовать золотоискателю с киркой и лопатой. Современные золотые рудники Витватерсранда совсем не похожи на первые рудники и прииски. Л. В. Аникин <...> цитирует рассказ о посещении одного из рудников Витватерсранда: «*Вы входите в стальную клетку, которая за две минуты пронесется вниз сквозь скалу толщиной в милю. Там внизу шумный, жаркий, сырой мир, освещенный танцующими огоньками ламп на шлемах шахтеров. Достаточно десятиминутной прогулки вдоль галереи, пробитой в скале, естественная температура которой выше 100 градусов по Фаренгейту... Затем сквозь постоянное гудение кондиционера воздуха и грохот вагонеток по стальным рельсам слышится звук пневматических буров, вгрызающихся в*

сплошную скалу. С одной стороны тоннеля открывается узкое отверстие, ведущее вниз к внутренностям земли под наклоном почти 25 градусов. Оно имеет не более 40 дюймов в высоту и искусно поддерживается опорами. Это рабочая выработка. Кажется, что внутри выработки скала давит со всех сторон; крошечные хлопья падают с потолка в лужи теплой воды, в которой человек стоит на коленях или лежит. За завесой воды, которая должна поглощать пыль, иглоподобное острие бура вырезает дыру в скале, на которой нанесен кружок красной краской. По всей длине выработки непрерывная линия красной краски обозначает четырехдюймовую жилу, которая даже на глаз неопытного наблюдателя выглядит заметно иначе, чем скала сверху и снизу. Это плотно сбитый пучок белых камешков, среди которых здесь и там в луче шахтерской лампы слегка поблескивает крупинка золота. Жила, или риф, подобна мясу между ломтями хлеба в сандвиче. Этот рудник Фри Стэйт Гедуолд в Оранжевом свободном государстве — один из немногих, где золото среди гравия можно видеть невооруженным глазом, так как здесь разрабатывается один из богатейших рифов, когда-либо открытых в Южной Африке».

Этот рудник в 1971 г. переработал около 2 млн. т руды, из которой при содержании золота 26.5 г/т было добыто 53 т металла. Его себестоимость составила 15.3 дол. за унцию золота при тогдашней средней рыночной цене коло 40 дол. за унцию. Несмотря на высокие прибыли, уровень механизации на этом руднике все же много ниже, чем на рудниках США и Канады: рабочих рук в ЮАР избыток, и они дешевы. А условия труда — каторжные и мало чем отличаются от условий работы рабов в рудниках Древнего Египта, описанных Диодором Сицилийским.

*Сольфатары
на Итуруп*

Миасский (ранее — тувинский) геолог Владимир Зайков рассказывает о том, что он увидел на о-ве Итуруп — на склоне вулкана Баранского [20, с. 215].

Незабываемое впечатление на меня произвел вулкан Баранского, особенно его горячие источники. Вдвоем с Тумали мы с большими трудами добрались до верховьев речки Кипящей, берущей начало в обширном дымящем, парящем, булькающем, шипящем гидросольфатарном поле. Помимо воды, здесь видны застывшие потоки расплавленной серы с характерным волнистым рельефом поверхности, спускающиеся вниз по расселинам на десятки метров. Плавление серы происходит в периоды активизации вулкана с повышением температуры парогазовых струй выше 120 °С.

Немного ниже по долине горячий поток сливается с небольшим холодным пресным ручейком, и температура понижается до 40—50 °С. Однако спустившись еще на 30—40 м ниже, в левом борту мы вдруг увидели довольно необычное парящее небесно-голубое озеро, гладкая поверхность которого была покрыта точками мелких пузырьков поднимающегося со дна газа. Озеро было окаймлено ярко-желтой полосой тончайшей самородной серы, которую из-за тонины зерен почти глинистого размера называют сульфуритом. Из озера изливался мощный поток воды, впадающий через 10 м в другое почти такое же озеро. Потом уже эти озера стали называть Голубыми. Зрелище это завораживает и, впервые увидев эту красоту среди зеленых бамбуковых склонов с лиственницами великанами, увитыми разнообразными лианами, человек замирает от удивления и счастья созерцать чудо природы.

Исландский рифт

В Исландии геологу представляется уникальная возможность — наблюдать на суше (а не на глубине 5—6 км!) рифт Срединно-Атлантического хребта. Вот как его описывает профессор Емельянов [27, с. 155—156].

Находясь в Исландии, мы не могли не осмотреть её ландшафт, холмы и разломы <...>. После посещения самого большого гейзера <...>, мы поехали осматривать чудо природы — рифтовую долину — разлом, расколовший Исландию на две части.

Разлом этот рассекает, как известно, все срединно-океанические хребты Мирового океана и находится глубоко под водой. В Исландии же, являющейся наземным продолжением Срединно-Атлантического хребта, рифтовая долина выходит на дневную поверхность.

Впечатление, конечно, потрясающее! Долина тянется через весь остров с юга на север. Её ширина 0.3—0.5 км, в некоторых местах до 0.5—1 км, высота совершенно вертикальных бортов до 100—200 м. Днище довольно плоское. Оно состоит из «вулканического мусора» — базальтовых глыб, щебня, пепла. Кое-где покрыто слабым растительным покровом: мхом, травой, кустарниками.

Долина постоянно расширяется со скоростью около 10—20 сантиметров в год. Скорость раздвижения позволили рассчитать лазерные датчики, установленные на Луне и на Земле. Почему Исландия раскололась? Исландия — молодой вулканический остров. Он образовался, а точнее «вылез» из океана, всего несколько десятков миллионов лет назад. Вначале это был, очевидно, один вулкан или небольшая группа вулканов, расположенных на северном продолжении Срединно-Атлантического хребта. Этот хребет постоянно растрескивался, а в образовавшуюся трещину (рифтовую долину) интенсивно поступала из недр Земли раскаленная магма. В результате образовалась огромная по площади вулканическая площадка, вершина которой оказалась выше уровня океана.

Эоловая дуга Тирренского моря

Вот как её описывает очевидец — калининградский профессор Е. М. Емельянов [27, с. 213—214].

<...> Мы изучали и другие объекты вулканической природы, в том числе и Тирренское море, образование которого практически целиком обусловлено вулканической деятельностью. Это показал в своих моделях доктор наук, профессор Л. И. Лобковский. Согласно этим моделям, «носок итальянского сапога» внутренними силами Земли оттягивался в сторону Ионического моря, то есть на юго-восток. При растяжении земная кора растрескивалась и в образующиеся трещины из недр поступало полужидкое раскаленное вещество — магма, которое мы часто наблюдаем при извержении вулкана Этна по телевизору. Таким образом, сформировались и многочисленные вулканы в юго-восточной части Тирренского моря, образующие современную вулканическую дугу, носящую название Эоловой (или Липарской), которая расположена севернее острова Сицилия. Грандиозное зрелище представляют собой остроконечные конусы, вздымающиеся из морской пучины. Большинство вулканов являются активными, извержения происходили в историческое время, а Стромболи фонтанирует и сегодня.

Здесь же расположен остров Вулькано, давший название всем вулканическим горам Земли. Этот остров известен со времен греческой цивилизации как место обитания бога огня Гефеста (а у римлян — Вулкана). На некоторых геологических схемах этот разлом ограничивает с запада островодужную систему Средиземного моря, что подтверждается исключительно щелочным характером магм так называемой шошонитовой серии. К данной структуре примыкает цепочка островов северо-восточного простирания, включающая острова Аликуди, Филикуди, Панареа, Стромболи. Такая позиция типична для вулканов над зоной погружения океанической плиты под континентальную.

2.3. Чудеса минеральные

Третий Фан-Ягнобский феномен • Кобальтовый блеск • Бутугычагское месторождение олова • Корейское монацитовое чудо • Куликолонский флюорит • Алебастровые острова • Сульфидные холмы на дне девонского океана • Асфальтовое озеро на о-ве Тринидад

Третий Фан-Ягнобский феномен

Два первых — это следы динозавров и каменный лес. А это — горящие угольные пласты, рождающие добывавшиеся здесь с давних времен серу, нашатырь, селитру, квасцы и купоросы («зок» или «доги»). Описание В. П. Новикова [8, с. 116—120].

Настало время разобраться, что же такое угольный пожар как природное явление. Подземные пожары возникают благодаря способности углей к самовозгоранию или же в силу каких-то искусственных причин (костров, лесных пожаров, замыкания электрических проводов). Причиной самовозгорания часто могут быть некоторые минералы, содержащиеся в угленосных породах, например, железный колчедан — пирит. Реакция окисления этого материала в сочетании с органическим веществом вмещающих пород может привести к значительному разогреву угольной толщи, а затем — и самовозгоранию. Угли, склонные к самовозгоранию, воспламеняются не только в естественных залежах, но часто в отвалах шахт или же прямо в стенках угольных карьеров. И это явление столь обычно, что трудно найти более или менее крупное месторождение, пейзаж которого не был бы украшен безобидными дымками от медленно тлеющих у поверхности углей. Хуже, когда горение захватывает глубоко залегающие угольные пласты. Тогда масштабы данного процесса возрастают на несколько порядков, и он переходит в категорию настоящих природных катастроф.

Длительность подземного горения может быть различной в зависимости от мощности и глубины залегания угольных пластов, а также их нарушенности и водонасыщенности. Всего двадцать лет понадобилось для полного выгорания каменноугольного пласта протяженностью 30 километров и мощностью 2.5 метра на месторождении Хамарин-Хурал-Хид в Монголии. Более полувека не стихает «пожар» под индийским городом Джхария в штате Бихар; с 1884 года горит угольный пласт в штате Огайо в США. Многие сотни лет происходит подземное горение углей в Австралии (штат Новый Южный Уэльс); по меньшей мере с начала XVIII века существует «огненная гора» в Саарской области ФРГ (город Дудвайлер). Под стать ей «пожары» на месторождениях Дудкаш («курающиеся») в Афганистане и Демавенд в Иране. Как видите, география крупных угольных пожаров довольно широка, есть они и на территории Советского Союза. Более двухсот лет жители Амурской области наблюдают «пожары» в районе села Кузнецово; с некоторыми перерывами продолжается горение угля в безлюдных районах Сибири — на реках Вилюй и Нижняя Тунгуска. Однако, ни по масштабам, ни по длительности горения нет в мире равных угольным «пожарам» Фан-Ягнобского месторождения в Таджикистане, продолжающимся, если верить Плинию, уже около двух тысяч лет.

Фан-Ягнобское каменноугольное месторождение занимает почти всю левобережную часть долины реки Ягноб между ее притоками Джижикрут и Пасруд. Один из участков угольной залежи, против устья реки Габеруд, переходит на правый берег Ягноба, где угленосные пласты поднимаются до самых верховий урочища Кухи Малик. Хорошо изученное и разведываемое уже в течение 40 лет Фан-Ягнобское месторождение стоит сейчас в ряду самых крупных в Средней Азии. Подсчитанные запасы «черного топлива» составляют здесь около 2 миллиардов тонн. Особенностью месторождения является значительное количество высококаче-

ственного коксующегося угля — ценнейшего сырья для металлургической и коксохимической промышленности — более 500 миллионов тонн. Как и в других районах Средней Азии, угли Фан-Ягноба залегают в отложениях раннесреднеюрского возраста, состоящих из пере-слаивания прибрежно-морских и континентальных песчаников, алевритов и аргиллитов <...>. Отдельные угольные пласты месторождения (а всего их 29) прослежены на глубину до двух километров; мощность угля непостоянна, но местами достигает 11—14 метров.

Современные «пожары» в долине реки Ягноб наблюдаются в трех местах. Одно из них наверняка отмечает каждый на 130-м километре автодороги Душанбе—Ленинабад. На левом берегу Ягноба, против домиков бывшего поселка Рават постоянно курится сизый дым. Здесь на высоте около 300 метров над рекой склон горы завален угольными шлаками, а из глубокого провала на месте выгоревшего пласта, как из паровозной топки, идет нестерпимый жар и поднимается удушливая гарь. Угольная пыль и сухие ветки растений, попадающие в струю газа, моментально воспламеняются. Но этот «пожар» еще очень молод, ему не более 50 лет. Очаг находится неглубоко от поверхности, но протяженность зоны, охваченной горением, составляет уже около 150 метров. Еще один участок «пожара» располагается на левом берегу реки Джижикрут, почти у самого водораздела. Здесь признаки горения угля обнаружили лишь в самое последнее время, и издали этот «пожар» чаще всего не виден. Наконец, самый мощный выход угольных газов находится на правом борту Ягноба, на высоте около одного километра над рекой. Именно с этим местом, расположенным в верховьях урочища Кухи Малик и получившим в литературе название «горящих копей», связано большинство известных нам исторических описаний. Не одну сотню лет люди пользовались минеральными продуктами «пожара», образующимися на поверхности при охлаждении угольных газов. Здесь с незапамятных времен вплоть до середины 40-х годов нашего столетия добывали нашатырь, серу, селитру, квасцы и купоросы, которые использовали для обработки кож, опыления виноградников, изготовления пороха и в медицине. До сих пор еще жители Ягноба употребляют в качестве лекарства «зок» или «доги» — вываренные в коровьем молоке квасцы и нашатырь. Продукты угольного «пожара», в разработке которых принимало участие почти все взрослое население окрестных кишлаков, в средние века вывозились далеко за пределы Таджикистана и даже в Европу, где продавались под названием «татарской соли».

«Еще издали эти «горящие копи» бросаются в глаза благодаря нависающему над ними в тихую погоду облаку серно-нашатырных газов. От раскаленности земли почти все время над ними наблюдается марево»... «Вид его [рудника] чрезвычайно эффектен: высокая известковая скала имеет несколько отверстий и вся изъедена сернистыми парами, отделяющимися здесь во множестве. Много отверстий сделано и при подошве скалы. Все они заложены камнями, на которых в изобилии осаждаются кристаллы серы...» Несмотря на то, что эти описания сделаны уже давно (первое принадлежит геологу Н. П. Ермакову и относится к началу 30-х годов нашего века, а второе составлено более 100 лет назад А. П. Федченко), сегодняшнее впечатление от посещения «горящих копей» полностью им соответствует. Когда попадаешь на территорию «копей», невольно прислушиваешься к шипению, с которым газ вырывается из трещин в камнях или мощными струями выбивает прямо из рыхлой осыпи. Сама осыпь влажная, хотя поблизости нет никаких признаков воды. Стоит опустить в нее руку, как сразу ощущается легкое покалывание — почва пропитана серной кислотой, концентрация которой порой достигает 15—20 %. Необычный, прямо-таки фантастический эффект зрелища усиливается от обилия ярко-желтых, зелено-голубых и белоснежных выцветов, которые своеобразными лишайниками покрывают всю поверхность склона. Пожар есть пожар, и «горящие копи» буквально пышат жаром, нагревающим землю до такой степени, что через некоторое время стоять на месте становится невозможным. Температура газа в отдельных

точках поднимается до 500—550 °С, и ночью раскаленные камни источают слабое синеватое свечение. Жара особенно чувствуется в древних выработках, где дыхание и без того затруднено из-за обилия газов.

Кобальтовый блеск Как хитрый немец купил у армянина Дашкесанское месторождение кобальта. Валерий Петров нашел в коллекции своего дяди, погибшего на войне в 1915 г. — редкий, можно сказать, уникальный, образец кобальтового блеска весом около 10 кг! Этот минерал там добывали в самом начале XX века [48, с. 13—14].

Об истории этого кобальтового месторождения мне несколько позже рассказывал проф. Г. М. Смирнов, бывший в те годы геологом Кавказского геологического управления. Она довольно интересна. Дашкесанское месторождение железной руды принадлежало в прошлом веку местному армянскому жителю, но организовать здесь добычу руды он не сумел и решил продать это месторождение. Для оценки месторождения владелец рудника пригласил геолога из Германии (кажется из промышленной группы Сименсов), который «добросовестно» оценил месторождение железа, умолчав об обнаруженном им здесь же, в пределах выходов магнетита, гнезде кобальтового блеска. Хозяин рудника считал его дешевым арсенопиритом. Через некоторое время владелец получил предложение продать месторождение. После того как месторождение было продано, оказалось, что покупателем был тот самый геолог, который его оценивал.

Из гнезда кобальтовых руд было добыто такое количество кобальта, что его стоимость в несколько раз превысила ту сумму, которая была уплачена за месторождение.

Дядя мой в период разработки кобальтовой линзы побывал в Дашкесане и получил этот образец. Сейчас этот образец находится в музее университета Грузии.

Бутугычагское месторождение олова Колымский геолог Виктор Володин рассказывает о том, как Б. Л. Флеров именовал объекты на открытом им в 1936 г., уникальном месторождении касситерита в верховьях Колымы [16, с. 196—198].

Немногим геологам выпадает в их жизни такое счастье, какое выпало в 1936 году Борису Леонидовичу Флерову, когда он во главе руководимой им геолого-разведочной партии открыл уникальное, единственное и неповторимое Бутугычагское месторождение оловянного камня, или касситерита. Спешу оговориться, что превосходными эпитетами я наградил это месторождение не из-за его величины или запасов. Оно, к сожалению, не было огромным или очень крупным, и запасы его тоже не были неисчерпаемыми. Они относятся к исключительно, подчеркнуто выраженной структуре рудного поля и закономерностям пространственного размещения рудных жил и промышленных зон, к его компактности, сосредоточенности параллельных между собой почти прямых, богатых оловянным камнем жил на относительно ограниченной площади и тоже исключительной сосредоточенности в вертикальном направлении. Внизу богатые оловом и мощные жилы вдруг иссякают и исчезают, достигнув при движении сверху вниз определенной наклонной и неплоской поверхности. Казалось, что они обрезаны, но на самом деле никаких признаков разрывной тектоники здесь нет.

Всё на этом месторождении было как на учебном плакате или макете, как будто оно нарочно создано или сделано для обучения студентов.

В особенной, удесятеренной степени мои эпитеты относятся к несравненной красоте рудных жил. Мощные оловянно-каменные жилы состояли из крупнокристаллического касситерита, такого же кальцита или исландского шпата, адуляра, горного хрусталя, свинцового блеска или галенита, вольфрамита, флюорита или плавикового шпата. Особенно неповторимым, несравненным и очень красивым уникальным и чрезвычайно редким, единственным если не в мире, то в Советском Союзе, был оловянный камень, или касситерит. Огромные, до 20—25 мм в поперечнике квадратные, дипирамидальные кристаллы длиной тоже до 20 мм, темно-коричневые или черно-коричневые, слабо просвечивающие в тонких участках у трещинок имели прекрасно развитые грани с характерной рельефной штриховкой и образовывали сплошные друзы или щетки вместе с кристаллами кварца, кальцита и адуляра на стенках зияющих полостей трещин.

Должно быть, очарованный неповторимой красотой оловянно-каменных жил Б. Л. Флеров дал им несколько поэтические названия. Наиболее крупные, мощные и наиболее красивые он назвал Кармен, Микаэла, Хозе, Аида. Остальным присвоил порядковые номера. В тон ему прораб его партии Иванов при опробовании гидросети речку с красивой, зеленой лесистой долиной назвал Вакханкой, а мрачные, угрюмые, лишенные растительности ручьи, прорезающие гранитный массив, он назвал соответствующими именами Шайтан, Вельзевул.

Открытие Бутугычагского месторождения было крупным событием середины тридцатых годов, которое стало известным и в Москве, и в Ленинграде, в Академии наук и в других геологических организациях. Им интересовался, в частности, академик С.С. Смирнов, известный своими работами по олову.

Разумеется, что оно не миновало внимания и магаданского начальства. При этом майор Павлов возмущался: *«Это что за оперетка? Кармен! Микаэла! Хозе! Аида! Вакханка! Ишь распоясались! Подумать только, какое вольнодумство! Главное, кто позволил? С кем согласовано?! А еще: Колымский ишак, Бим, Бом, Турист, Мечты, Лесные братья, Первач, опять Кармен и другие неприличные слова! Никуда не годится! Это не пойдет! Приказываю переименовать! Жилы именовать порядковыми номерами, речку Вакханка — популярным звучным словом Ант, ручей Колымский ишак будет Поисковином».*

Так распорядился майор. Кармен стала номером пятнадцатым, Аида — двадцатым, или Восточной жилой.

Но напрасно пускало пелену гнева начальство. Названия, продиктованные приказом, всем не привились. Как бы вопреки приказу, наперекор ему названия, данные Флеровым и Ивановым, «пустили корни», привились и остались жить по-прежнему. Оставаясь популярными на всем протяжении жизни рудника, то есть почти два десятка лет. И Вакханку все называют так и до сих пор, а об Анте забыли сразу же после приказа. И еще, как бы в насмешку над майором, самого Анта (*имеется в виду авиаконструктор А.Н. Туполев, «Ант» — название серии его самолетов — ред.*) посадили в годы великих репрессалий, и название, данное приказом майора, отпало само по себе.

Начальник Юго-Западного управления Ткачев рассказывал кому-то при мне, кажется, на прииске Лазо в первые дни моего пребывания там, пожимая плечами и всем своим видом выражая неудовольствие, удивление и неодобрение поведения Флерова, который защищал названия жил, говоря кому-то: *«Понимаете это настоящая Кармен! Представляете себе черную полосу на белом фоне! Как вы не понимаете, что это Кармен?»*

Должно быть, Флеров имел в виду черные глаза, брови и волосы Кармен на фоне белой шаши, платья и лица. Провести аналогию и уловить сходство было можно, и я с ним согласился. А Ткачев не одобрял, потому что ему по чину было так положено. Ведь подумать только: сам майор запретил Вакханку и Кармен! И еще говорил он, что Флеров возмущался: *«По-*

чему же оперетта? Опера, а не оперетта!». Его почему-то особенно возмущала эта самая майорская «оперетка».

Корейское монацитовое чудо

В 1953 г. наш известный геолог В. М. Григорьев вместе с корейским аспирантом обследовал монацитовые граниты на берегу Желтого моря и получившиеся при их размыве прибрежные россыпи [23, с. 207].

Отобрав пробы песков на побережье, оконтурив монацитосодержащие граниты, мы выполнили свою задачу. В одном обнажении наблюдали в гранитах скопление крупных кристаллов турмалина из центра по радиусам окружности диаметром 40—50 см. Выделить подобный шедевр из массива нам не удалось. Для этого нужен был инструмент, которым мы не располагали. Такие блоки с «солнцеобразными» кристаллам турмалина могли быть украшением любого минералогического музея.

Месторождение монацитосодержащих россыпей обрабатывались с помощью гидромонитора. Монацит упаковывался в ящики и отправлялся в Советский Союз. Мне показали крупный кристалл монацита, длиной 8 см, шириной 4 см, толщиной 2 см, весил он около 0.5 кг. Подобных кристаллов больше никогда не видел, ни в одном из многочисленных осмотренных мною минералогических и краеведческих музеев. После моего отъезда из КНДР Се Ге Мон защитил кандидатскую диссертацию по материалам изучения монацитовых россыпей Чолсанского месторождения.

Куликолонский флюорит

Куликолонский оптический флюорит — минерал уникальный и капризный! Очень интересные данные приводит Николай Юшкин в своей книжке про оптический флюорит [75, с. 48—49].

Кристаллы оптического флюорита обычно образуют друзы на стенках гнезд, и при добыче они извлекались, как правило, в виде друз — крупных и очень эффектных <...>. Наиболее крупные кристаллы находятся на кровле полостей. Некоторые извлеченные из флюоритовых погребов друзы имели размер 1×0.5 м при толщине около 20 см. На таких друзах насчитывалось до 100 крупных 10-сантиметровых кристаллов.

Все наиболее крупные минералогические музеи страны приобрели в 30-х годах великолепные друзы оптического флюорита из Куль-и-Колона.

На Куликолонском месторождении разборка гнезд велась, как правило, вручную, без зубил, молотков и кувалды, от ударов которых кристаллы могут раскрошиться. В качестве рычага использовали только лом, с помощью которого раскачивали глыбы. Потом глыбы осторожно снимали одну за другой, причем так, чтобы исключить скользящие движения. Спиливать кристаллы на месте тогда не могли, и всю глыбу с ценными кристаллами брали целиком.

Позднее при добыче кристаллов оптического флюорита стали применять для разрыхления породы взрывные работы. Оказалось, что если брать не очень бризантные взрывчатые вещества, то взрыв не сильно портит кристаллы. Разработку взорванной массы начинали только через несколько дней после взрыва, когда выровняется влажность и температура разрыхленной породы и установится равновесие с атмосферой, иначе извлеченные кристаллы сразу же начинают растрескиваться. По этой же причине приходилось иногда и приостанавли-

вать начатую разборку. Мыть кристаллы можно только в воде, температура которой почти не отличается от температуры кристалла. Резкий же перепад даже в 5 °С разрушает природные кристаллы. Но в целом кристаллы флюорита выдерживали изменения температуры от –20 до +70 °С и даже более значительные, если колебания происходили медленно.

Куски пустой породы от крупных глыб с флюоритовыми щетками и жеодами отбивались только в том случае, если видны были трещинки, которые можно расширить, не рискуя разбить друзу. Друзы очень тщательно упаковывались на месте и со всеми предосторожностями спускались в долину. Некоторые друзы достигали 200 кг, и спуск их с флюоритовой скалы был делом нелегким. Для этого были сделаны специальные носилки, в которые впрягали двух лошадей.

Алебастровые острова

Вблизи Южного острова Новой Земли академик Юшкин наблюдал настоящее геологическое чудо: алебастровые острова с гипсовыми буграми пучения — гидратации [72, с. 72—73].

Средний островок, бросающийся в глаза снежно-белым цветом своих скал, примечателен тем, что сложен он ангидритом. Из-за него-то мы и стремились сюда. Больше нигде на Крайнем Севере Европы выходы ангидрита не известны, и мы не упустили возможности осмотреть их. Привлекало нас еще и то, что ангидритовый горизонт был почти не изучен, даже пласт этот считали гипсовым, поскольку единственная проба, химический анализ которой был выполнен, была взята из измененной зоны.

Однако прежде чем приступить к внимательному осмотру гипсовой толщи, мы долго копались в подстилающих ее и перекрывающих породах. Ими являются темные слоистые известняки. В подошве удалось найти фауну — раковины брахиопод, кораллы, а в кровле — мелкие раковины фораминифер и определить по ним возраст пород. Ангидриты были взяты, таким образом, в «вилку». Возраст их оказался серпуховским, более молодым, чем считалось раньше.

Разрез поставленной «на голову» ангидритовой толщи хорошо виден в обрывах на восточном берегу островка. Сверху ангидритовый пласт как бы покрыт горизонтально-слоистой гипсовой «шляпой» трехметровой мощности, образующейся в результате выветривания и гидратации ангидрита. «Шляпа» хорошо отличается от ангидрита вот этой горизонтальной слоистостью и некоторой рыхлостью.

Очень своеобразной является поверхность сульфатного острова. Она лишена какой-либо растительности и имеет совершенно плоскую, даже вогнутую форму. На ней развивается настоящий карстовый ландшафт. То там, то здесь встречаются небольшие карстовые воронки и карстовые ванночки.

Но самой интересной формой рельефа являются бугры выпучивания. Возвышаясь на метр-полтора над поверхностью острова, они резко выделяются на фоне грязноватой гипсовой корки своим снежно-белым цветом. Бугры внутри полые. Во многих частях кровли обрушилась, и образовалось небольшое отверстие, через которое можно проникнуть внутрь бугра. Попадаешь как бы в каменную палатку, в которой, я думаю, можно неплохо укрыться от непогоды.

Образование полых бугров связано с приповерхностной гидратацией ангидрита. Ангидрит — это безводный сульфат кальция, а гипс — водосодержащий. При переходе ангидрита в гипс в результате присоединения двух молекул воды объем породы увеличивается почти на семьдесят процентов. Гипсовые слои удлиняются, скользят поэтому друг по другу, выгибаются, выпучиваются. Этим выпучиванием и компенсируется приращение объема.

*Сульфидные холмы
на дне девонского
океана*

Профессор В. В. Зайков рассказывает об организованной им в 1998 г. Международной экспедиции на сульфидные скалы Тувы — бывшие сульфидные образования на дне девонского палеоокеана [29, с. 150].

В то время в районе Кызыл-Таштыга геолого-разведочные работы не проводились, и месторождение было «необитаемым». Почти все дома были вывезены в Кызыл или разрушены. Дорога была размыта дождями и требовала ремонта. Общее впечатление от рудного поля было как о «богом забытом», запущенном месте.

Но главное — сульфидные скалы, остались. Они имеют высоту 5—10 метров и протяженность десятки метров. В солнечную погоду скалы покрыты пестрыми соединениями эфемерных сезонных минералов: ярко-зелеными, желтыми, коричневыми и снежно-белыми. Состав их обусловлен теми рудами, на которых они растут. Цинковые, медные, железные руды сопровождаются соединениями этих металлов с кислородом, водой и серой. Пройдет дождь — и этой красоты как не бывало!

Что нам удалось сделать на сульфидных скалах? Мы составили детальную карту с выделением всех минеральных типов руд и выяснили их соотношение. Конечно, учтены данные наших предшественников Б. И. Бермана, В. А. Подругина, А. Д. Топоркова. Каждый участник экспедиции применительно к своей линии исследований отобрал необходимые образцы для анализов. Ричард Херрингтон и Валерий Масленников — для изучения состава и свойств минералов цинка, меди, свинца и железа из различных типов руд. Барух Спиро и Владимир Симонов собрали минералы бария и кальция. Эти соединения дали сведения о составе минералообразующих растворов, их температуре и давлении, изотопии элементов. Моя коллекция включала главным образом редкие минералы, ассоциирующие с золотом и серебром. Впоследствии был определен состав этих минералов и среди них был установлен редкий минерал серебра — пирсеит. По возвращении в Лондон была подготовлена краткая публикация о результатах экспедиции <...>.

*Асфальтовое озеро
на о-ве Тринидад*

О нем в своей автобиографической книжке рассказывает профессор Емельянов [27, с. 139—140].

Высадка на остров Тринидад для геологов была не менее интересной, чем на о. Монтсеррат: на этом острове имеется весьма экзотическое озеро — Асфальтовое, по-английски Питч-Лейк. Названо оно так потому, что в нем вместо воды — асфальт (pitch). Вот на это озеро (единственное на земном шаре) мы и организовали экскурсию.

Озеро имеет глубину 72 м. И на всю глубину оно заполнено черным асфальтом. По асфальту можно ходить, но нельзя долго стоять: ботинки быстро к асфальту прилипают и под тяжестью тела начинают в него погружаться.

Асфальт в озеро поступает из недр земли под тяжестью пород. В нескольких местах асфальт из озера «стекает» к берегу океана. Под действием морских волн он разрушается, и мелкие округлые кусочки асфальта встречаются даже в Саргассовом море, где мы их вылавливали вместе с саргассовыми водорослями.

Собранные нами во время экскурсии материалы позволили уточнить природу и самого озера, и процессы его образования. Природный асфальт озера Питч-Лейк — одно из главных богатств Тринидада. Его экспортируют во многие страны и используют в смесях для дорожных покрытий, в строительстве, а также в электропромышленности для изготовления изолирующих материалов.

2.4. Чудеса биогенные и рукотворные

Мумиё в горах • Каменная баба в Рудном Алтае • Спасение стаи перелетных гусей

Мумиё в горах

Исходный материал для мумиё — экскременты грызунов. Это и есть наиболее популярная *зоогенная гипотеза*. Об этом вполне убедительно пишет В. П. Новиков [8, с. 153—155]. Нефтегазоносность тут не при чём....

Описанные выше условия нахождения мумиё несомненно выдвигают в качестве основного источника этого вещества продукты жизнедеятельности грызунов (ибо никаких признаков нефтеносности или современной вулканической деятельности на Памире нет). Эти юркие животные, кстати, отличаются необыкновенным постоянством в посещении одних и тех же мест, облюбованных ими еще с момента поселения первых колоний. По этой причине слои фекальных остатков, накопленных в глубине пещер и трещин, могут достигать толщины в несколько десятков сантиметров. В условиях ограниченного доступа воздуха (а в высокогорье он и так достаточно разрежен), при относительном постоянстве температур и влажности, с течением времени, надо полагать, начинается брожение помета грызунов. Процесс этот широко распространен в природе, сталкиваемся мы с ним и в повседневной жизни, например, при скисании молока и приготовлении кефира. В результате брожения могут разлагаться (или как говорят — расщепляться) даже весьма прочные углеводородные вещества. И происходит это благодаря влиянию непременных участников брожения микроорганизмов или их ферментов (белков — катализаторов). Удивительное совпадение — в препаратах мумиё действительно были открыты быстро размножающиеся, микроскопические грибковые культуры! И сделали это ученые-биохимики из Душанбе. Они же впервые открыли в составе мумиё и гиппуровую кислоту, вырабатываемую в печени большинства животных.

Экстракт мумиё, возникающий в процессе брожения, скапливается в нижней части фекального слоя и частично перетекает на свободное пространство, образуя слоистые пленочки и наросты на поверхности скальных пород. Способностью мумиё быстро разжижаться при повышении влажности и так же быстро отдавать влагу при высыхании объясняется, по видимому, и появление его на сводах пещер. Собственно говоря, это эффект того же испарения, но только очень медленного и скорее всего — периодического. Выделявшаяся из массы фекальных остатков часть экстракта является наиболее чистой от механических примесей и по существу представляет собой то самое «мумиё-асиль» в прямом значении этого слова (т. е. превосходное, качественное).

Итак, брожение приводит к биосинтезу основных углеводородных компонентов мумиё. Теперь о микроэлементах. Они, скорее всего, заимствуются у растений, коими питаются грызуны, и в процессе экстрагирования мумиё лишь пассивно накапливаются в нем, незначительно увеличивая первоначальные концентрации. По подсчетам киргизских ученых, в питании пищух насчитывается не менее 50 видов растений, причем многие из них лекарственные. Любопытно также, что при отмирании или повреждении некоторых растений, как выяснили специалисты из Харькова, образуются вещества, спектр биологических свойств которых сходен с мумиё. А при исследовании, например, некоторых видов лишайников Северного Таджикистана, из них были извлечены органические вещества, по составу близкие к мумиё, и получен примерно тот же набор микроэлементов. Вот и выходит, что роль собственно геологических факторов в образовании мумиё в общем незначительна. Она сводится, пожалуй, лишь к трем моментам. Во-первых, растения поглощают микроэлементы из почв, на которых они произрастают (а почва — образование геологическое). Во-вторых, какая-то часть микроэлементов переходит в мумиё из вмещающих пород. Ну, и

наконец, эти же породы являются единственным и надежнымместилищем скоплений драгоценного экстракта. Но, учитывая всё это, а также значительную продолжительность образования мумиё, описываемый природный продукт вполне можно отнести к разряду полезных ископаемых. Ведь известны же целые месторождения таких органо-минеральных соединений, как, например, гуано (азотно-фосфорные удобрения из помета морских птиц). К слову сказать, грызуны, которым мы отвели достаточно много места в нашем разговоре, вероятно, не являются единственными виновниками образования среднеазиатского мумиё. Об этом косвенно свидетельствуют данные, полученные недавними наблюдениями на Памире, а также названия отдельных разновидностей мумиё в Киргизии — «архар-таш», «кийик-таш», «улар-таш»⁷.

Складывается ощущение, что целебная смола, при соблюдении всех необходимых условий, может возникать из помета и некоторых других травоядных животных, обитающих в Средней Азии.

Конечно же, зоогенная гипотеза еще далека от совершенства и страдает рядом слабых мест. Но именно поэтому в изучении мумиё в последние годы намечается прочный союз не только медиков и геологов, но также химиков, зоологов, биохимиков, ботаников. И недалеко то время, когда и все оставшиеся загадки древнего бальзама будут раскрыты, а препараты на его основе будут вполне доступным и надежным лекарственным средством.

Каменная баба в Рудном Алтае

По свидетельству томского геофизика Ф. Б. Бакшта, они случайно нашли на древнем рудном поле в Рудном Алтае — уникальную скульптуру — «каменную бабу» [7].

Но тут мы увидели необычный камень, видневшийся внутри одной из оградок. Он торчал из земли всего на десять сантиметров. И выделялся среди всех окружающих скал своей необычной окраской. Издалека он выглядел ярко белым, и этим очень напоминал каолиновые породы, обычно распространенные в коре выветривания рудных тел.

Естественно, что мы не могли пройти мимо такого необычного объекта.

Подшли к нему, присмотрелись... Одного удара геологическим молотком оказалось достаточным, чтобы определить — камень «звонкий», не здешний. Но, к сожалению, каолином и, следовательно, рудой здесь не пахло... Белый налет оказался засохшим птичьим пометом.

Но зато здесь оказалось нечто совсем другое, и такое необычное, о котором мы и подумать не могли!

Одной минуты хватило, чтобы убедиться, что эта глыба является артефактом, то есть что он оказался здесь не иначе, как с помощью человека. По виду это был диорит — светло-серый гранитоид из тех пород, которые в окружающих долину горах не встречаются.

Мало того, обломок имел явно прямоугольную в сечении форму, то есть был кем-то аккуратно обтесан. Это сразу вызвало уважение к находке и побудило желание покопаться здесь подольше.

Когда с помощью лопаты и лома глыба была полностью вывернута из-под земли, мы все ахнули: перед нами возвышалось изумительное изваяние — каменная баба! Небольшая скульптура высотой всего в 110 сантиметров, аккуратно обтесанная со всех сторон. Лишь почти плоская ее спина была едва обработана рукой древнего каменотеса.

⁷ Архар и кийик — парнокопытные животные, представители диких баранов и горных козлов; улар — горная индейка, относящаяся к семейству фазановых.

Казалось, что всё здесь было традиционным и давно известным: овал лица с закрученными наверх усами, наборный пояс, положение согнутой в локте правой руки, держащей кубок-сосуд...

Но что-то было необычным. Мы быстро сообразили, в чем тут дело: поверхность изваяния не была тронута выветриванием, и не было повреждений, нанесенных людьми. Всё было свежим, будто работу над скульптурой закончили совсем недавно, несколько лет тому назад. Только белые пятна от птичьего помета, тонким слоем покрывавшие часть лица и нижнюю часть изваяния, указывали на то, что оно попросту служило удобным насестом для горных орлов. Сначала этот истукан стоял как надо, то есть вверх головой. А потом долгое время едва возвышался над землей «кверху ногами». До тех пор, пока мы не наткнулись на него именно мы, любопытные рудоискатели. Скульптура (именно скульптура, а не простая баба, каких в степях Евразии тысячи!) пролежала невесть сколько веков вниз лицом в земле, пока мы ее не откопали.

Спасение стаи перелетных гусей

Стихотворное описание настоящего чуда свидетелем Василием Терещенковым: спасение стаи перелётных гусей, застигнутых бураном. Удивительный случай [19, с. 642—643]!

В минувшем далеко
Есть озеро Токо
Для птичьих стай аэродром запасный,
Когда за шаг до вьюг
На север и на юг
Маршруты одинаково опасны.

Под вьюжный плач и смех
Всю ночь месили снег,
Вели про нас неведомые речи
На птичьем языке.
Добро, что в рюкзаке
Сыскались дефицитнейшие свечи.

Как эхо, в той дали
Гусиный кружит клин,
Гонимый в ночь метельной круговертью,
Завидев свет свечи,
Что, как маяк в ночи,
Сулит им избавление от смерти.

К утру затих буран
И хмари кожура
Сползла с небес, цепляясь за вершины.
Над нами, сделав круг,
Махнул крылом, как друг,
Вожак и крикнул: «Счастья вам, мужчины!»

А кто не хочет жить!
Бессмысленно кружить
В угоду страху, ибо жизнь дороже.
Взирали молча мы,
Как падали из тьмы
В круг света гуси прямо на порожек.

А если вдруг и мне
В метельной, зябкой тьме
На что-нибудь достанется решиться,
Я верю и хочу,
Чтоб кто-то жёг свечу,
Чтоб кто-то ждал, не смея отлучиться.

Глава 3. ПОЛЕВЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ

Общеизвестно, что полевая работа российских геологов, часто проходившая в диких, труднодоступных местах, в тундре, тайге, горах и пустынях, на необъятных просторах нашей Родины, обычно была сопряжена с разными «приключениями». По прошествии времени они вспоминаются геологу как увлекательные или даже забавные. Этим «приключениям» и посвящена данная глава.

3.1. Геолог в Саянах

Одиночный маршрут • Работа в высокогорье

Одиночный маршрут

Как томский геолог Вячеслав Исаков в незабываемом одиночном маршруте (уже к ночи) забирался на трехтысячник Орлиный камень [61, с. 373].

В кулисах скал северного склона хребта ждали новые приключения. Солнце садится, а я путаюсь среди серых вертикальных громад на подступах к Орлиному камню. Сейчас уже не до геологии, да и породы толком не разглядеть. Небольшой спуск, подъем вдоль крутой осыпи. Медленно, медленно, шаг за шагом вверх. Осыпь не пускает, все валится вниз, два шага вперед — шаг назад, цепляюсь за выступы скал. В конце осыпи подтягиваюсь двумя руками, сбиваю пальцы. Очередной уступ. В серых сумерках, задрав голову, гляжу на металлическую треногу, фиксирующую вершину трехтысячника. Опять застрял на скале. *«Спокойно, вдоль небольшой трещины, налево на уступ. Еще немного. Стоп»*. Снова пришлось спускаться вниз почти на уровень верхней части выручившей меня осыпи. С грохотом летят в карровую пропасть камни. *«Вот по той осыпи, вперед!»* Прилип к скале. Крутая осыпь едет вниз. Большим усилием, часто перебирая ногами, помогая руками, пытаюсь пройти по осыпи. Продвинулся на десяток метров и вдруг поехал вниз. Распластался на сыплющихся камнях, протасило метра три. Руками ухватился за скалу, поднялся на коленях. Внизу — грохот обвала. Глубокие ссадины на груди и животе, кровь. *«Это ерунда, перетопчемся»*. Рывком поднялся, держась за

выступы, медленно пошел, опять сорвались ноги. *«Проклятая осыпь, ползком — вперед! Стоп. Кажется, можно пройти по скальному гребню. Ура, получилось!»* Прошел несколько невысоких скал, и, наконец, обнял геодезический знак вершины. Стянул рюкзак и лег на площадку. Выше идти некуда, впереди только спуск. Сразу же заболели ссадины и ушибы. Лежа доел шоколадку, закурил предпоследнюю сигарету. Нужно идти, поможет луна.

Спускался с вершины до площадки на перегибе рельефа крупной гривы долго, с остановками. На этой полянке меня захватила осязаемая гармония горного мира великолепного ночного Саяна, залитого лунным светом.

И теперь ему предстоял долгий спуск в лагерь ночью, «вписавшись» в Саяны... На эту тему он написал вдохновенное эссе «Наедине с Саяном» [61, с. 366—368].

В полнолуние Саян жемчужный. Кажется, что таинственный свет делает видимыми скрытые днем детали горных пейзажей и далекие хребты. Тусклым серебром мерцают языки снежников и ягельные поляны. Темно-коричневый сумрак ущелий и тени от скал усиливают фантастическую картину: нетрудно убедить себя, что там прячутся какие-то необыкновенные существа, а на крутом обрыве стоит, сложив руки на груди, лермонтовский Демон — по крайней мере, ему самое место среди диких нагромождений скал в феерии лунного света. «И дик и чуден был вокруг весь Божий мир».

Разлившаяся тишина представлялась настолько материальной, что, казалось, можно было пробовать на вкус и запах. Осыпь противоположного склона зашуршала, гулко полетели камни — прошел кто-то из обитателей гор. Это совсем не нарушило гармонии вселенской тишины. И вдруг я явственно ощутил, что являюсь неременной частью этого необыкновенного мира, поэтому со мной ничего плохого не случится. Я просто вписался в гармонию бесконечного жемчужного света, горных громад и тишины. Кажется, такое единство угодно Создателю. Это ощущение стало настолько реальным и естественным, что почти стерло тягучую усталость тяжелейшего дня и грядущие заботы.

Было начало лета, первый час ночи. Я сидел на крошечной покрытой мелкой травой полянке — единственном пологом уступе на крутом каменистом склоне. Впереди был спуск по мелкому курумнику и ход вдоль ущелья в долину Малой Хуранты до ее устья. По долине шла мало посещаемая конская тропа, которая часто терялась, переходила с одного борта на другой, но была уже, по крайней мере, знакома. От устья Хуранты до лагеря — рукой подать, километра три, хотя нужно было вброд перейти широкий и бурный рукав одной из главных рек района. Я четко представлял, что любой приток Малой Хуранты, текущий от Главного хребта, кончался водопадным, чаще всего непроходимым ущельем. Как правило, чтобы спуститься в долину, нужно было забраться почти на водораздел притока, затем по крутому склону — вниз, на что уже «под занавес» маршрута уходило изрядное количество сил и времени.

Обычно днем во время маршрутной работы крутые спуски вдоль мелких осыпей не доставляли хлопот, а наоборот, приносили даже физическое удовлетворение. Скольжение по шуршащей осыпи происходит с захватывающей дух быстротой, а если попадает снежник, то садишься на корточки, а рукоятку молотка используешь как тормоз — на спуске обычный альпинистский прием. Все это с веселыми репликами, громкими возгласами, смехом. Быстро, так, что закладывает уши, преодолеваешь спуск метров в триста-четырееста и оказываешься в карровом цирке среди цветочных полей, часто на берегу круглого озера с зеленой, яркосиней или голубой водой. Такие спуски мы называли «эскалаторами». Единственная опасность — нарваться во время стремительного движения вниз на мелкие скальные выходы,

иногда коварно скрываемые осыпями. Нужна быстрая реакция для остановки или поворота, иначе не миновать беды.

Я встал и прыгнул на осыпь, которая понесла меня вниз. Ночной спуск по «эскалатору» прошел без приключений, но значительно медленнее, чем днем. Коварные скальные выходы маскировались в мерцающем лунном свете, что требовало напряженного внимания. Шум и грохот камней, конечно, нарушил первозданную тишину ночи. Из цирка вниз вела звериная тропинка. Я знал, что она, скорее всего, потеряется либо уйдет вверх на склоны высокого водораздела. Нарастал шум водопадов в сужающемся ущелье. Ура! Тропа видна на крутых уступах ущелья. На склонах появились первые деревья таежной зоны. Внизу всё грохочет и ревет, туда не попадает лунный свет, ощущаются влажные струи прохладного воздуха. Вниз лучше не смотреть.

Крутая осыпь загрохотала и посыпалась под ногами. Проскочил ее в несколько прыжков. Торжественно освещена луной стена вертикальных скал. Удачно обогнул ее вдоль подножья. Дальше, чуть выше, — большие камни и скалы. По их плитчатому облику узнал красноцветные песчаники силура, которые фиксируют устье стремнины. Цепляюсь за них руками, ничего особенно опасного, хотя весь в напряжении. Грохот воды в ущелье уходит в сторону. И вдруг я очутился на затаеженном травянистом склоне долины Малой Хуранты. Теперь вниз между деревьями, к знакомой тропе. Я знаю, что она где-то здесь недалеко должна прижиматься к моему склону. В лунном свете узнал тропу и даже старую зарубку на лиственнице. Кажется, все неожиданности и опасные приключения кончаются. Теперь остается только нудная работа ногами.

Человек, проводящий долгие часы работы на горных кручах среди нагромождений скал, курумов, снежников либо на целине таежных дебрей, отлично понимает, что тропа — замечательная, если не великая вещь, даже когда она мало хоженная, иногда теряющаяся в таежных завалах. Некоторые сравнивают выход на тропу с выездом автомобиля на асфальтовую автостраду после кочковатой, грязной с пробуксовочными остановками и объездами дороги. Даже эти сравнения кажутся неправомерными — выход на тропу после горовосхождений гораздо значительнее и весомее всяких автоказусов. Даже ночью, если потерял тропу, то остановись, прикинь, куда она ушла (чаще всего на другую сторону реки), — и обязательно найдешь.

Впереди залитая лунным светом поляна, на ее другом конце кто-то чавкает и хрустит. По-прежнему не покидает ощущение, что ты — часть окружающего естества, все опасности позади, ты — свой среди своих.

Реку выше устья Малой Хуранты переходил аккуратно, медленно, с шестом в руках. Шесты мы заранее оставляем на бродах, более того, на лагерном берегу в кустах привязана надувная резиновая лодка-трехсотка, необходимая при большой воде. Вылил воду из своих полуболотников, отжал портянки. Только отошел от реки, услышал колокольчик — это пасутся наши кони. Подошел ближе — устались, фыркают. Потом один узнал меня и приветствовал низким тихим ржаньем. Наконец-то я дома! Тяжелая усталость сразу же навалилась, ноги стали свинцовыми, рюкзак потянул вниз. Пахнуло дымом. Недалеко взвилась красная ракета, в серебрищемся воздухе ее свет показался тусклым и невыразительным. Естественно, что меня ждут, и, слава Богу, без солидарности и готовности помочь не представляю нашу работу.

*Работа
в высокогорье*

Томский геолог Вячеслав Исаков рассказывает, как его наставник, опытный геолог Анатолий, учил молодежь работать в высокогорных Саянах... [61, с. 366—368].

Многие из вас часто будут забираться на вершины Главного хребта. Вы немедленно поймете, что все маршруты здесь требуют физической подготовки. Отметки большинства высот хребта более трех тысяч метров. Прошу учесть, что в сибирских горах три тысячи равны по затратам энергии четырем тысячам где-нибудь на Кавказе. Так устроен здесь рельеф и таков климат. Михайлович, — жест в мою сторону, — недавно проходил альпинистскую подготовку в Приэльбрусье и участвовал в восхождении на Эльбрус, который... Правильно — самая высокая гора Европы. На досуге он не откажется рассказать об этом. К тому же точно доказано, что взять километр относительного превышения в горах по затратам физической энергии равно сорокадвухкилометровому ходу по равнине.

Однако существует железное правило: геолог не альпинист и тем более не вольный турист. Поэтому в маршрутах не занимайтесь самодеятельностью, без согласия ведущего не отклоняйтесь в сторону, в опасных местах все делается по команде. Голова нормального геолога в маршруте всегда загружена до предела непрерывным анализом получаемой информации. Новые наблюдения мысленно укладываются в цельную структурную и вещественную картину. Труд геолога в маршруте — это комбинация физических и интеллектуальных нагрузок. Поэтому нужно помогать ведущему маршрут, освобождая его от лишних затрат времени, например, на разведение обеденных костров, сооружение временного убежища от дождя и тому подобного, что познается уже по ходу дела.

3.2. Хождение по кругу и по прямой

На Подкаменной Тунгуске • На Алтае • В предгорьях Урала •
Лев Зоненшайн заблудился!

*На Подкаменной
Тунгуске*

Как томский геолог Юрий Лоскутов в 1972 г. заблудился на Подкаменной Тунгуске [61, с. 382]. Точно таким же образом, блуждал и я (Я.Ю). в 1957 г., когда начальник отряда отпустил меня одного возвращаться в лагерь по краю высоты у болота, где, как казалось, заблудиться было невозможно!

Четвертый случай произошел 26 августа 1972 года. Мой отряд из трех человек перебрался из Байкита на Подкаменную Тунгуску, но по пути надо было обследовать один 600-метровый останец — поискать на нем гальки бокситов. Поэтому я и студент-практикант из Саратова Гена Картавенко высадились на этом останце, а рабочий с грузом полетел на вертолете дальше. Чтобы побыстрее обследовать останец, мы решили разделить и сделать одиночные маршруты, что являлось, конечно, нарушением техники безопасности. Отдав Картавенко компас и карту, я отправил его в маршрут, а сам наметил сходить вверх по течению по левому берегу ручья до истоков и тут же вернуться, поскольку у меня не было ни компаса, ни карты. Оставив рюкзаки на полянке у ручья, мы разошлись в разные стороны.

Долина ручья была практически не выражена в рельефе и поросла кустарником и деревьями. Водоток скоро кончился и гальку приходилось высматривать в многочисленных прерывающихся сухих руслах. Вскоре едва заметная долина выклинилась, растительность кончилась, и начались развалы глыб траппов. Однако я решил возвращаться по правому берегу, чтобы полностью обследовать всю долину, так как ее ширина достигала 10—20 м. Я шел маршрутом по правому берегу, автоматически считая шаги и просматривая аллювий. Солнце скрылось за тучами, и пошел мелкий осенний дождь. По расстоянию я вот-вот должен был вернуться в исходную точку, но полянки с рюкзаками все не было. Я начал беспокоиться, но, увидев впереди просвет, обрадовался, однако, увы, рано. Слабо выраженная долина, по ко-

торой я шел, вдруг кончилась, а в верховьях ее было большое вытянутое болото, поросшее травой. Тут-то я и призадумался! Откуда взялось это болото?! Его не должно быть на правом берегу этого ручья, я хорошо помнил по карте. Но поскольку долину ручья я не пересекал, значит, я «свалился» почему-то вправо, поэтому от болота я пошел влево, практически перпендикулярно к нему, тщательно считая шаги. Ровно через 300 м лес опять стал редеть и я вышел на открытое заболоченное пространство. Тут я слегка ошалел — ну никак не может быть здесь второго похожего болота! Немного посоображав, я двинулся вдоль кромки болота и через 50 м натолкнулся на свои собственные следы! Оказывается, я сделал круг вправо и вышел на то же самое болото. Что делать? Солнца нет, дождь продолжается, уклон местности практически «не ловился на глаз».

На Алтае

Геолог-фронтвик Георгий Горелов рассказывает, как его работяги в горах Алтая собирались идти по прямой... [22, с. 108—109].

В дождливую погоду мы собирались около костра, организованного под высоким тен-том. Смолистые кедровые дрова горели медленно, но жарко, издавали приятный запах, напоминающий запах ладана. Не обошлось и без курьезов. Жизнь рабочих была очень однообразной: палатка — канава, канава — палатка. И так каждый день. Выходных практически не было, их устраивали только тогда, когда шел проливной дождь, и проводить горные работы не представлялось возможным. Однажды группа рабочих попросила у меня разрешения сходить на озеро порыбачить. Они это озеро заприметили с высокого участка горных работ. Им казалось, что до озера рукой подать. А в горах такая кажущаяся близость всегда обманчива. Я им разрешил, но строго наметил маршрут следования по долинам рек и ручьев. Но они меня не послушали. Поднялись в расположение горных выработок, увидели озеро, сориентировались по прямой так, как летают сороки и вороны. Им предстояло спуститься в долину и преодолеть водораздел. Как только они спустились в долину, сразу потеряли ориентиры, долина была сплошь заросшая смешанным лесом и труднопроходимая. Блуждали весь день, к ночи поднялись на неизвестный им водораздел и заночевали. Августовская ночь была холодная. Они, прижавшись друг к другу, дрожали всю ночь. Но один из них, легко одетый, забрался на каменную плиту и, как мне потом поведали рабочие, всю ночь на каменной плите отбивал четку, чтобы не замерзнуть. А на рассвете они с удивлением увидели свой лагерь у подножия горы, на которой провели всю ночь. Меня удивило, что рабочие, уходя на озеро, не взяли спичек. Если бы они разожгли костер, мы бы их обнаружили и привели в лагерь. В горной местности воздух отличается своей особенной чистотой, и запах дыма чувствуется на большом расстоянии.

В предгорьях Урала

В 1923 г. Александра Чернова и Веру Варсанофьеву, решивших с Тимаиза идти на Илыч напрямик по азимуту — спасла избушка, построенная «скрытником» — старообрядцем. И при этом внимательный Чернов нашел на вершине Тимаиза магнитную аномалию! [5, с. 63—64].

В 1923 году Северная научно-промысловая экспедиция организовала на Печоре три отряда: мой, В. А. Варсанофьевой и Т. А. Добролюбовой. Последняя должна была исследовать р. Подчерем, В. А. Варсанофьева — р. Илыч с её верховьями и некоторые вершины на Урале. Я решил сделать своего рода «кругосветное» путешествие: спуститься в лодке из Троицка-

Печорска к Подчерему, подняться по этой реке до волока на Илыч, перевести лодку в бассейн Илыча и спуститься по нему в Троицко-Печорск. Мы договорились с В. А. Варсанофьевой встретиться в определенный день на вершине Тимаица, который поднимался на левом берегу Подчерема на 500 м. Это удачно осуществилось. На вершине Тимаица, сложенного из кварцевых песчаников, я обнаружил небольшие выходы диабазы. Когда я положил на один из выходов компас, то заметил, что северная стрелка показывает на юг. Так, совершенно случайно, была обнаружена небольшая магнитная аномалия, для исследования которой в 1926 году мне удалось подговорить профессора Бончковского.

С вершины Тимаица мы с Верой Александровной решили пройти напрямик к нашим лодкам в верхове Илыча. Карты не было, но был проводник, хорошо знавший места, где он охотничал. Считали, придется идти не меньше 30 км. Спустились с безлесного Тимаица и вошли в густой лес. Шли очень прямо, как я убедился по компасу. Почва стала болотистой, идти стало тяжелее, да уже и усталость давала себя чувствовать — за спиной ведь рюкзаки с образцами пород. Убили по дороге тетерева. Наконец, начало темнеть. Спрашиваю проводника: «*Как, Иван, далеко еще?*» Угрюмо и медленно отвечает: «*Да...недалеко*». Опять идём, воды под ногами как будто больше. «*Как, Иван, далеко еще? — Да...недалеко. — Версты три будет? — Да..., пожалуй, будет*». Идём, идём цепочной, а стемнело так, что едва виден впереди идущий. По-моему, уже прошли больше 3 верст. Наконец, наш проводник сказал: «*Постойте тут, посмотрю дорогу*». Ждем, — наконец, вернулся. Пошли уже по звуку шагов в воде. Тьма кромешная, под ногами сплошное болото. Вдруг вышли на твердую тропу и по ней с большою осторожностью дошли... до избушки. Мы уже боялись, что придется ночевать среди болота.

Как стало тепло и уютно, когда затрещал огонь и зашумел чайник. Никогда в городе чай не бывает таким вкусным, как после трудового дня. Усталость как рукой сняло. «*Далеко, Иван, до лодок? — А не больше, как версты две. — Чья же эта избушка? — Да старичок один построил, скрывался от миру, вот и поселился среди болот, чтоб его никто не нашел. Тут кругом непроходимое болото*». Местами над болотом возвышались сухие валы, проводник и вывел нас на тропу такого бугра. Мы уже знали о том, что в верховьях Илыча живут «скрытники». Старики селятся порознь, принимают новые имена и замаливают старые грехи.

На другой день, хорошо выспавшись на полу тесной избушки, мы пошли к лодкам. Тропа привела нас к «непроходимому» болоту, но через него были набросаны жерди, и непроходимым оно было только ночью.

*Лев Зоненшайн
заблудился!*

Ирина Филиппова рассказывает эпизод своего первого полевого сезона 1954 г. в тайге на северном склоне Восточного Саяна [31, с. 96—97].

Первая, как мы заблудились. Да, да, два ведущих геолога — Юра и я (Ирина) во главе с Левочкой.

Лев отправил с караваном Лешу, Тэда и Аничку перебазировать лагерь на юго-запад территории, куда вела еще тропа от летника. Сам он решил, чтобы не терять время, сделать маршрут примерно вдоль тропы. Мы с Юрой плелись за Левочкой в хвосте. Смотрели редкие обнажения, чаще изучали вывороты под корнями упавших деревьев, еще чаще паслись у кустов смородины. Левочка здесь от нас тоже не отставал. Мы не заметили, как в очередной раз пересекли тропу, по которой ушел караван на юго-запад. «*Где находится тропа?*» — внезапно спросил нас Лева. Мы с Юрой пожали плечами. Лев стремительно ринулся между деревьями. Мы за ним, весело хохоча — вот так история, заблудилась вся головка партии. Лев внезапно остановился, рывкнул на нас за наш дурацкий смех, огляделся, увидел рядом стоящий

высокий кедр. Он сбросил рюкзак, сунул в карман компас и полез на дерево, быстро и ловко поднимаясь все выше по кедру. Смех наш пропал, мы посерьезнели. Лев же, добравшись почти под самую вершину и уютившись на толстой ветке, опять же рывкнул: «Ирина! Ориентируй карту!». Я расстелила на траве карту, сориентировала. На сплошном зеленом фоне были три светло-коричневых пятнышка — голые вершины, торчавшие выше границы леса. «Азимут такой-то», — командует Лев. Потом передает азимуты еще на две вершины. На пересечении трех карандашных линий на карте определяем свое местонахождение, примерно в 2.5 км на юг от тропы. Лев спускается с дерева, он очень доволен, ведь перед остановкой он шел именно в сторону тропы.

Что же это было, интуиция, умение сконцентрироваться в экстремальной ситуации? И то и другое. Таков Лев! Также он вел себя и в последующие годы, во всех трудных моментах своей непростой судьбы. Таким же Львом он оставался и в свой последний тяжелый год.

3.3. Спуск на лодках и плотах

Лемва • Малтан • Неримью • Непотопляемый плот

Лемва

Как великий Войновский-Кригер спускался по Лемве — в тех самых (хорошо мне знакомых!) местах «зеленого коридора»! [37, с. 87].

Возвращались мы осенью. Было холодно, я сидел на руле в телогрейке и плаще. Два гребца отдыхали, третий рабочий спускался по берегу с лошастью. Вдруг я увидел впереди себя подмятую водой и висящую горизонтально над рекой толстую березу. С огромной скоростью нас несло прямо на ствол дерева. Свернуть лодку было невозможно, гребцы давно не гребли, а навесной руль не давал возможности хоть как-либо изменить направление лодки. Я видел, что дерево налетает на гребцов, и едва успел крикнуть им: «Берегитесь!» Они нагнулись, дерево пронеслось над ними... А о себе-то я забыл! Ствол налетел на меня со страшной силой ударил в грудь, прижав к длинной ручке руля. Я ощутил острую боль, в глазах запрыгали светлые искры. Береза согнулась, лодка проскользнула вдоль нее, поплыла дальше вниз. Я на некоторое время лишился дыхания, у меня оказалось сломано ребро. Но благо, что так обошлось.

Малтан

Приключение с прорабом Гордеичем при спуске по Малтану в августе 1931 г. (за 51 год до моего утопления в Лемве). В августе 1931 г. Борис Вронский с товарищами спускались по Малтану и производили свою обычную работу — глазомерную съёмку и шлиховое опробование [17, с. 46]. (Малтан — правый приток Бахапчи, а Бахапча — крупный правый приток Колымы).

Пробы не радовали нас. Все они, как правило, были пустыми. Изредка попадались мельчайшие пылевидные золотишки — невесомые знаки.

Погода стала резко меняться к худшему. Начались дожди. Малтан взбух и помутнел. По его вспененной поверхности неслись кусты, трава, деревья и разный мусор.

Несколько неприятных минут пережил наш прораб. В одном месте кунгас понесло к обрывистому берегу, с которого свисали подмытые деревья. Гордеич замешкался выполнить истошную команду дяди Вани: «Ложись все на дно кунгаса!». Его зацепило низко наклоненной вершиной дерева и вышвырнуло из кунгаса. На лету он успел обеими руками уцепиться

за ствол дерева и повис в воздухе. Ноги его отнесло вниз по течению, и он в нелепой позе замер, ожидая, что его вот-вот оторвет от дерева и унесет. С большим трудом удалось пристать к берегу в полукилометре от места происшествия и выручить Гордеича, который был уже на пределе своих сил.

Неримью

1965 г., спуск Виктора Пучкова по Неримью — притоку Илыча. Завал [54, с. 37—38]!

Плывём дальше. Новое приключение: на быстром перекате перед нами возникает горизонтально висящий ствол берёзы. Я упираюсь в него ногами, выжимаю вверх, переворачиваюсь на лодке через голову и... остаюсь висеть на дереве. Лодка с Володей спокойно проплывает и скрывается за поворотом. Выбираюсь, злой и мокрый по пояс, иду по берегу. Лодка причалила. Володя ждёт, глядя ваясь во что-то.

— *А это что там впереди?* — спрашивает.

А впереди какое-то нагромождение. И река кончилась. Нет её. Огромные брёвна, поленья, хворост — всё перемешано, река сочится под них и исчезает как сквозь землю.

Потребовалось минут двадцать, чтобы определить размер бедствия и решить, что делать. Завал метров в триста длиной, обходной тропы нет, похоже, что люди здесь вообще никогда не ходили и не плавали. Разгружаемся, переносим, балансируя на брёвнах, ящики, тюки и лодку, загружаемся снова, плывём дальше. Речка становится шире, появляются ямы. На одной, в том месте, где перекат сменяется медленным течением, достаю удочку и быстро, одного за другим, вытаскиваю с десятков хариусов. Усилием воли заставляю себя прекратить увлекательное занятие: улова нам должно хватить.

Непотопляемый плот

Магаданский геолог Виктор Володин описывает плот, который соорудил его техник Вася (бывший конокрад) для сплава по порожиистой р. Теньке (протоку Колымы в ее верховьях) [16, с. 72].

Особенностью плота, повышающей его проходимость через галечные перепады и позволяющей ему переползать через мели, было то, что только крайние с обеих сторон плота бревна были цельные, длиной 12 метров. Ширина плота была около 3 м. Каждая часть состояла из бревен длиной 6 м, то есть была как бы разрезана на две равные части по длине. Каждое из коротких бревен было привязано только к одной поперечной жерди — к передней, или задней, к которым были прикреплены и длинные, крайние бревна, «усы», как называл их В. Рукас. Короткие бревна, и передние и задние, были привязаны другими концами в средней части плота к двум другим поперечным жердям, к которым «усы» не прикреплялись. Поэтому задний край передней части плота и передний край задней были между собой не скреплены и могли свободно «играть», то есть подниматься и опускаться независимо один от другого: когда передняя часть плота надвигается на мель и садится на нее, задняя его часть, оставаясь на плаву, начинает толкать ее вперед при помощи «усов», а потом, когда садится на мель задняя половина плота, передняя, уже освободившаяся от мели, оказывается на плаву и начинает тянуть заднюю часть.

3.4. Жажда

Жажда иракская • Жажда архангельская • Карельские доярки без чувства юмора • Авторское-1: жажда илычская

Жажда иракская

Томский геолог Сергей Гудымович рассказывает, как они со своим коллектором-курдом чуть не померли от жажды — в Ираке [61, с. 352].

Чтобы справиться с работой до наступления жары, я с одним из курдов-рабочих вышел в маршрут часов в пять утра, но по дороге несколько раз застревал на интересных обнажениях, которых не было на карте, составленной англичанами, так что к злополучному хребтику мы подошли около полудня.

Я ещё сомневался: стоит ли начинать маршрут. Мой оруженосец давно уже ныл, что устал и хочет пить, хотя именно он успел выдуть всю нашу воду, поскольку фляжка была у него в рюкзаке. Жара в тот день стояла какая-то особенно нестерпимая, но на карте за хребтиком была обозначена река. «Три километра, — подумал я, — и подъём метров на четыреста, ничего, одолеем» — и пошёл к первому обнажению...

Часа через полтора я был вынужден забрать у своего Санчо Пансы и рюкзак, и лопатку, ибо он еле плёлся сзади и непрерывно бормотал: «...*Ай эм тайред (я устал), ай уонт дринк (я хочу пить), Мистер, гив ми уотер (мистер, дай мне воды)*». На англо-русском воляпюке с употреблением выразительных жестов я объяснял ему, что, вот, перевалим через хребтик, а там река, вода, «*дринк*» и «*свим*» (*купанье*). Откровенно говоря, я и сам еле держался, но деваться уже некуда.

Начался спуск, но всё равно пришлось несколько раз остановиться — мой спутник просто отказывался идти. Я брал его за руку и тащил за собой.

Наконец, в полном изнеможении мы подошли к реке и... увидели сухое русло! И тут мой абориген вдруг закачался и хлопнулся на каменистую, с редкой высохшей травкой землю. Я бросился к нему и с ужасом увидел, что он в настоящем обмороке — глаза закатились, полуоткрытый рот не дышит...

Тут и у меня потемнело в глазах и помутилось в голове. Ситуация представилась совершенно безвыходной. До лагеря — десять километров! Тащить его? Ну, километр, ну, два, а дальше я сам упаду... Оставить его и идти одному? А если он тут концы отдаст? Дело ведь не в России, тут международным скандалом пахнет! А ещё в душе у меня поднялось какое-то возмущение: я, сибиряк, плохо переносящий жару, держусь, а ты — местный житель и хватаешь солнечный удар! Свинья ты после этого!

Я стал так, чтобы его голова была между моих ног — это был единственный способ бросить на него тень, снял с себя рубашку и стал обмахивать его. Сколько я так простоял — не помню...

На горизонте появилась какая-то точка. Она росла и, наконец, превратилась в наш ГАЗ-69 — ребята почуяли, что со мной что-то неладно, и выехали навстречу...

Когда приехали в лагерь, я, как был, не раздеваясь, заполз в реку, сел так, чтобы из воды торчала только моя голова, и медленно, растягивая удовольствие, выпил подряд несколько кружек воды... А мой пострадавший на следующий день удрал из партии.

Жажда архангельская

Рассказывает карельский геолог Сергей Сабанов [46, с. 14—15].

Дело было в солнечной Архангельской области. Отряд наш был невелик, человек 10—12. Отработали мы вторую точку, и вот перебазировка, нас ждёт лагерь № 3. Наши вещи были заранее упакованы и лежали в ожидании прилёта вертолёт: палатки, печки, рюкзаки, выюч-

ники... нехитрый полевой скарб. Наш начальник отряда Вова Третьяченко прилетел на «восьмерке». Погрузка прошла без происшествий. Недолгий перелёт, вертолёт садится на какое-то болото. Мы выгружаемся, ничего не понимая. Болото сырое, вещи начинают подмокать. Вова, перекрикивая шум винтов, говорит, что всё в порядке, и это то место, и улетает. Постепенно мы понимаем, что гнусно обмануты, что Вова ошибся и что нам таскать тяжеленные вещи километра за полтора, к реке, где и должен быть заложен наш лагерь № 3. Жарища, хочется пить, а воды, как водится, никто с собой не взял. Кто-то из нас начинает добывать воду из болота, выискивая местечко почище, кто-то начинает таскать вещи метров за двести, где сухо... Что делать, жизнь есть жизнь. Надо лагерь разбивать.

*Карельские доярки
без чувства юмора*

Рассказывает геофизик Павел Странский [46, с. 23].

Однажды в зимний полевой сезон я с Андреем делал площадную магниторазведку на Заонежском полуострове в районе деревни Космозеро. В этом году было много снега, стояла холодная погода, градусов 20—25 мороза. Мы практически заканчивали дневной плановый маршрут, пройдя на лыжах с магнитометром километров двадцать. Прямо на нашем профиле оказалась действующая молочная ферма. Андрей предложил сделать перекур и зайти попить парного молочка, как он выразился, «для сугрева». У него не было сомнений, что с доярками он, пользуясь своим красноречием, легко договорится. Разумеется, я сразу, не раздумывая, поддержал его предложение. У входа в ферму мы с ним сняли лыжи и зашли вовнутрь. Там в одной из комнат находилось несколько доярок, которые пили чай. Андрей громко со всеми поздоровался, сказал, что мы сегодня много прошли, устали, наши организмы обезвожены и нам очень хочется пить. Не найдется ли у хозяев водички? Произнося эти слова, Андрей, надеялся, что вместо воды нам предложат парного молочка или на худой конец горячего чая. Но доярки оказались недогадливыми и без чувства юмора. Они вынесли нам большой кувшин ледяной воды. Пришлось нам изображать страдающих от жажды, хотя пить холодную воду, в такой морозный день совсем не хотелось. Когда мы вышли на улицу, я спросил Андрея, почему он сразу не попросил у доярок попить молочка? Андрей сказал, что так было слишком прямолинейно, скучно и неинтересно, что он сам, не ожидал такой реакции на свои слова. Недаром говорят, что если у людей отсутствует чувство юмора, то им надо присваивать инвалидность.

*Авторское 1:
жажда ильчская*

В 1972 г., мы с лаборанткой Люсей Морохиной, как ни удивительно, мучились от жажды — не в знойном Ираке, а в тайге на реке Ильч (Северный Урал)! Об этом рассказано в «Записках геохимика» [69, с. 133—134].

Однако <...> сказался дефицит мужского персонала. Единственным «мужчиной» была у меня трехжильная Люся, и она выручала меня в далеких маршрутах. Впрочем, один раз мы попали с ней в переделку, о которой рассказывают приведенные ниже дневниковые записи.

Ко времени описываемого эпизода мы стояли на Ильче ниже устья его крупного притока Шежим-ю, недалеко от избы (кордона) сторожей Печоро-Ильчского заповедника Шежим-ды-кост. Мне нужно было сделать маршрут по Шежим-ю. Для этого следовало подняться по Ильчу до точки, откуда было по прямой кратчайшее расстояние через водораздел до Шежим-ю, и заброситься туда с резиновой лодкой, а потом уже с комфортом сплывать с работой. В нормальном случае для такой заброски требуется четверо или хотя бы

трое мужиков: маршрутная пара, в которой может быть и женщина (маршрутчики несут только палатку и свои личные вещи), плюс два «шерпа», которые несут груз — резиновую лодку, продукты и пр. Но в данном случае груз, предназначенный для четверых — пришлось тащить нам с Люсей... И всё бы ничего, если бы не несчастливое начало маршрута (мы не смогли выйти рано утром по холодку и в итоге угодили в самое пекло), и совершенно непредвиденное мною «геологическое» обстоятельство.

Дело в том, что как бы мы ни были с Люсей перегружены, расстояние, которое нам надо было пройти по водоразделу, было небольшим — помнится, не больше 6 км. На карте как раз посередине нашего пути был показан ручеек. Поэтому я бодро планировал: худо-бедно, а до ручейка мы как-нибудь добредем. А там пообедаем, устроим основательную сиесту и с новыми силами совершим финальный рывок до Шежим-ю.

Каков же был наш ужас, когда, подыхая от жажды под своими чудовищными рюкзаками, мы доползли до ручейка — а воды в нем не оказалось! Здесь мы, так сказать, на практике, прочувствовали смысл геологического понятия «карст». Водораздел был сложен карбонатными известняками — и вода ушла под землю. Этот феномен мог бы представить интерес для спелеологов, но отнюдь не для нас с Люсей.

Не найдя вожделенной воды, мы побрели дальше, но сил уже не оставалось. И вскоре мы, уже как бы с помутившимся сознанием, просто упали на землю, и тупо лежали, как скотина... Потом я кое-как поднялся и стал вяло бродить вокруг, в надежде найти воду. И вдруг — случайно скатился в карстовую воронку глубиной несколько метров. На дне воронки открытой воды не было — но зато был влажный сфагновый мох! Я закричал:

— Люська! Спускай кружку!

Люся спустила мне на веревочке кружку, и я стал отжимать из мха эту бурюю фенольную жидкость, которая нам тогда была слаще всех напитков на свете. Мы напились от пуза, обтерли свои потные лица мокрым мхом, отдохнули — и приобрели способность двигаться дальше.

Приводимые ниже записи в пикетажке сохраняют также живую примету времени — скандальное начало шахматного матча на первенство мира Спасский—Фишер, за которым мы трепетно следили. Впрочем, надо иметь в виду, что записи в пикетажке имеют официальный характер (это отчетный документ, отнюдь не составляющий собственность геолога). Поэтому все вышеприведенные живописные детали в пикетажке деликатно опущены.

2 июня 1972. Лагерь в устье Кос-ю на пр. берегу Илыча.

Как вчера сообщили, Фишер все еще не явился в Рейкьявик. Он потребовал: 1) изменить температуру в турнирном зале на 3 °С; 2) сменить главного арбитра; 3) выделить ему эскорт полиции.

13 июня, выкидной маршрут с Л. Морохиной на Шежим-ю.

Вчера в 4 часа утра вышли на моторе из лагеря (о-в Еремей-шляпа-ды) вверх по Илычу с целью подняться до меридиональной просеки, ведущей на Шежим-ю с левого берега Илыча примерно в 3 км выше устья Кос-ю. Однако вследствие неполадок мотора мы добрались к просеке... только около 13 часов!! То есть угодили в самую жару.

В пути испытали большие трудности, связанные с перегрузкой и отсутствием воды. Вследствие этого около 17 часов я и Морохина были близки к обморочному состоянию. Шли крайне медленно. В точке с отметкой 227.0 м потеряли просеку и далее шли по азимуту. Вновь нашли просеку уже только в 1.5 км от Шежим-ю. Дойдя до болота в 1 км от речки, заночевали, ибо сил пересечь болото у нас уже не было.

Сегодня за 50 мин одолели этот последний километр и в 10-20 были на Шежим-ю. Весь день 12-го и утро 13-го июня были без пищи.

Здесь на Шежим-ю наконец-то позавтракали, надули лодку и в 12-30 начали маршрут.

3.5. Приключения с вездеходами и тракторами

Как Юшкин рискнул... • «Разувание» вездехода при переправе • Случай на Хойле • Реальное чудо с трактором • Чукотский трактор едет в море

Как Юшкин рискнул ... [72, с. 110—111].

Маршрут продолжался, и к середине дня мы пересмотрели последовательно напластования всех древних пород и добрались до молодых, каменноугольных. Здесь они смяты, как меха гармошки, во множество мелких складок и рассечены жилами и прожилками белого кварца и кальцита. Когда я начал колотиться в этих известняках и в черных сланцах, что лежат под ними, то забыл о времени. Минерализация очень разнообразная. Тут и флюорит, и барит, и разные сульфиды, и целый ряд минералов, которых я до этого на Новой Земле не видел. Нашупал и ту зону с мышьяковыми минералами, на которую рассчитывал. Набрал множество проб и образцов, благо заботиться о весе не надо — вездеход рядом, и исписал половину полевого дневника.

Но насколько протяженны эти зоны, куда они уходят? Может, это отдельные островки? Для выяснения надо бы проехать до следующего ручья, секущего эту же толщу. Но бензина в баках лишь на обратный путь до лагеря, рассчитано точно. Горючее на исходе и в лагере, только на последнюю переброску. Запас специально не брали, чтоб не увлечься. Но тут такое дело... Эх, авось не пропадем. Махнули до следующего ручья — зона есть! А там и еще до следующего. Словом, километров пятнадцать сделали лишних. Пора возвращаться.

Подошли к реке. Уже сумерки, к тому же идет дождь. Впереди переправа. Медленно сползли в воду, когда подняло машину на плав, прибавили скорость. Но течение сейчас сильнее. Пока мы работали, все время моросил дождик, а вода с тундры скатывается в реки почти сразу же. Машину стало сносить. Если унесет ниже распадка, в ущелье, не выбраться совсем. Наконец, гусеницы зацепились за камни и вездеход со скрежетом выбрался на берег. Все-таки ударились, зуб у вездехода согнулся, гусеница слетела. Ударами кувалды выправили зуб, поставили гусеницы.

Но мучения только начались. Едва проедем с полкилометра — гусеница слетает. Бьем кувалдами по согнутому зубу, уже руки кувалду не держат, выправляем, но все повторяется снова и снова.

Измучились, еле на ногах держимся. Вездеход продвигается рывками. Чуть поворот, опять деформация. Стало совсем темно, даже зубьев не видно. Решили прерваться до рассвета, подремать. А в кабине холодно, горючее на обогрев трогать боимся. В кузове вездехода, к счастью, оказался уже упакованный к отправке тюк со снаряжением. В нем две шубы. Теперь живем.

Утром сняли звездочку, внимательно осмотрели. Я вспомнил опыт одного из моих прежних водителей, который исправлял любую поломку тремя инструментами — примусом, домкратом и кувалдами. Примус в вездеходе нашелся, правда, работает как коптилка. Пристроил над ним звездочку, разогрел деформированный зуб и быстро, несколькими ударами кувалды, распрямил его, теперь, кажется, окончательно. Вездеход пошел без остановки.

Но горючее на нуле. Считаем оставшиеся до лагеря километры — на котором остановится двигатель? Все осталось пять, три, один... Теперь не страшно.

«Разувание» вездехода при переправе

Это случается очень часто, и свидетельство Вадима Сафонова — вполне правильное [57, с. 225—226].

Действительно, наиболее сложные ситуации возникают при переправах через реки. Вездеход — плавающая машина. И если кузов не пробит, а пробки днища на местах, то успех перепра-

вы вполне реален. Опасность представляют провисающие на плаву гусеницы, готовые моментально соскочить с катков, чуть зацепившись за неровное дно при подходе к другому берегу.

Но самые напряженные переправы — через достаточно крупные реки с сильным течением. Здесь они возможны только по броду. В этих случаях опасно заглохнуть, залив водой поднятый над гусеницами глушитель, или «разуться» на середине реки. При таких переправах «хорошие хозяева» всегда держат на крыше вездехода надутую лодку. Остановившийся вездеход в редких случаях может начать проседать в рыхлый галечник, разворачиваться течением и сноситься с переката. Подобное произошло с чукотским вездеходом. Из двенадцати человек не спасся никто.

Случай на Хойле

Об этом кошмарном случае рассказал Николай Юшкин [74, с. 90].

Возвращаясь в лагерь, глянул вниз с высокого противоположного берега Хойлы и обомлел: нет одной палатки. Бежим сломя голову. Палатка лежит на земле, на ней следы вездеходных гусениц. Оказывается Толик, поставив вездеход выше палаток, не зафиксировал тормоз. При взрыве на канавах вездеход трянуло, и он пополз на палатку. Хорошо, что в ней никого не было. Горка камней на бровке берегового обрыва спасла вездеход, иначе он рухнул бы в ущелье... Потом на всех остановках не только Толик, но и все мы проверяли тормоз. Обжегшись на молоке...

Реальное чудо с трактором

Чудеса бывают. Владимир Савельев описал реальное чудо с трактором, имевшее место около зернохранилища в с. Усть-Цильма... [53, с. 164—166]. Он работал в Ухтинской ГРЭ, в партии В. Г. Черного.

Зернохранилище расположено на некотором удалении от базы, потому вокруг тишина, да и народа в поле сколько там. За целый день прошел мимо один рабочий, который с удочкой отправился вверх по речке, и снова тишина, но относительная, поскольку с вершины Косьюской горки слышится тихое, но отчетливое трак-трак-трак — это на холостых оборотах молотит движок трактора, оставленного на вершине этой самой горки. Мне его отсюда не видно.

Я занят делом — документирую керн заверочных скважин.

Бурили тогда на аномалиях с полным отбором керна, и мы разложили одну из самых глубоких скважин (146 ящиков) в несколько рядов перед зернохранилищем.

А устроено оно было в виде навеса (с бревенчатой крышей, опирающейся на столбы, вкопанные через несколько метров), открытого вдоль дороги, по которой подвозили керн, и сзади упиравшегося в густой лес с толстыми листовками; к этим деревьям и крепились крыша с той стороны.

Под однообразное тархтенье трактора, сидя на низеньком стульчике спиной к горке, терпеливо документирую разрез, сложенный толщей переслаивания кварцитов и сланцев, отбираю образцы на шлифы, всё как положено.

Время летит незаметно, перемещаюсь вдоль ближайшего к дороге и самого длинного ряда ящиков, посматриваю, сколько осталось, и вижу, что в последнем ящике шесть ячеек (диаметр бурения 93 мм), но заполнены только две первые, а четыре пустые. И то хорошо, всё меньше утомительной работы.

Неожиданно улавливаю, что меняется тон тархтенья и звук становится вроде громче, как бы приближается. Поворачиваюсь назад — всё так же, но продолжаю смотреть и через

некоторое время вижу, как над краем горки появляется кабина трактора. Думаю, куда тракторист поехал, и почему задним ходом, здесь же круто, да и дорога на горку с противоположной стороны, пьяный, что ли? И сижу, а что делать. Трактор приближается к бровке, начинает заваливаться назад, и в какой-то миг на фоне неба я с холодком в душе успеваю увидеть, что в кабине никого нет, а трактор уже сползает на склон и, подминая редкий мелкий лесок на склоне, набирая скорость, несется вниз, на меня!

Сравнение неудачное, но вспомнил книжку про Маресьева, то место, где написано, как он тянул на аэродром с замолкнувшим двигателем истребителя и слышал то, что обычно заглушает рев работающего мотора.

Вот и здесь совершенно необычный бег трактора с движком, работающим на холостых оборотах, сопровождался какими-то железными звяками и шелестом — но это надо самому слышать, словами просто не передать.

Опешив, не успеваю приподняться и отскочить в сторону (в голове стучит — сколько же ящиков с керном он разнесет, а кому отвечать и восстанавливать), как на середине склона правой гусеницей трактор налетает на комель вывернутой березы. Его разворачивает влево, он пролетает остаток склона, выскакивает на плоское подножие, где я с ящиками, стремительно минует меня, ломает, как спичку, один из поддерживающих крышу столбов, проскакивает под навесом и упирается «спиной» в толстенный ствол лиственницы. И снова тишина и снова: трак-трак-трак, и в этом звуке явно чувствовалось очень даже большое удовлетворение!

Крыша пошла чуть вправо, но вижу — устояла и то хорошо, думаю.

Поднимаюсь и на подгибающихся ногах подхожу в конец ряда ящиков, чтобы посмотреть, сколько же он дров наломал, и представьте мое глупое счастливое лицо, когда я увидел, что трактор разнес в щепки единственный, 146-й по счету ящик, да и его не полностью, а только последние 4 пустые ячейки!

Чукотский трактор едет в море

Что наблюдал геолог Вадим Сафонов в июне в Чукотском поселке Пинакуль. Как трактор, на котором с помощью волокуши возили уголь с моря (с Берингова пролива) — сам поехал в море... [57, с. 12—13].

Помочь разгрузке «угольщика» вышло почти всё, ещё не улетевшее в тундру, население поселка. В этом году моряки очень спешили, и работа велась в хорошем темпе, с участием трактора и вездехода. Техника была, мягко говоря, не новая. Остановились перекурить. Здоровущий парень Ваня Афанасьев соскочил с трактора (он немного был знаком с незамысловатым управлением этого агрегата) и подошел к костру из «плавника», над которым висел котелок с чаем. Трактор с отцепленной волокушей стоял «мордой» к морю, работая на холостых оборотах. Аккуратно прихватив горячий котелок, Иван принялся разливать содержимое себе и вездеходчику Кузьмичу. В этот момент в тракторе что-то противно заскрежетало и, на виду у всех, агрегат двинул в море. Погрузившись в воду чуть выше своей крыши, он остановился. Румяный во всю щеку Иван стал вообще красного цвета и потерял дар речи. В момент даже незначительных волнений он обычно сильно заикался. Перегрузка угля на берег могла резко осложниться.

Притащили надувную лодку. Раздевшийся до трусов, Иван с тросом и крюком прицельно нырнул и долго не появлялся; оказалось, что он еще заплывал в кабину. Выскочив на поверхность, он мощными саженками, как десантная амфибия, выкатился на берег. В темпе

переодевшись, Иван моментально нейтрализовал отрицательные эмоции, связанные с купанием в воде, в которой плавают льды, приняв «на грудь» полстакана прозрачной жидкости. Так и не сказав не единого слова, он с веселыми глазами отошел к костру. В это время Кузьмич, привязав цепями, поперек траков вездехода, бревно, в несколько приемов выволок трактор на берег.

Раньше Кузьмич постоянно работал на дрейфующих станциях «Северный полюс» и на вопрос: «*Что вы там делали?*» отвечал: «*Чистил бульдозером взлетную полосу для бомбардировщиков стратегической авиации*». На последнем месте работы льдина, под станцией треснула, и людей срочно забрал самолет Ил-14. Оставшуюся станцию, как положено, разбомбили. На подлете к матерiku оказалось, что все ближайшие аэропорты закрыты из-за сильной пурги. Пока искали посадочную полосу, кончилось топливо, и пилоты стали сажать самолет на сопку. После посадки в живых остались четыре человека, среди них был Кузьмич. Его спасли на берег, но без работы такой северный кадр, конечно, не остался.

3.6. Летающие геологи и буровики

Ожидание вертолета на Чукотке • Приключения с вертолетом гравиразведчиков • Летающий автобус • Как буровик Ваня выпал из вертолѐта • Как покойник ломился в дверь кабины самолета • Буква «Т»

Ожидание вертолета на Чукотке

Правдивые воспоминания Вадима Сафонова [57, с. 210—211].

Ему прощается всё, даже длительные его ожидания. «Нет погоды», «ушел на форму», «выполняет санрейс», «полетел по стадам» — это те фразы, которые мы чаще всего слышим по радию, обращаясь с вопросом о вертолете.

Но наиболее томительны ожидания вертолета осенью, когда сезон окончен, последний лагерь засыпало снегом, а дети в Москве уже пошли в школу. Тогда его ждут как ангела с небес. После пары недель ожидания с базы сообщают, что «при первой возможности», и тогда все знают, что вертолет может прийти в любое время и вообще не с той стороны. Продолжая заниматься своими делами, люди начинают слушать небо, ведь с приходом вертолѐта нужно успеть свернуть спальные мешки и снять палатки. При спокойной погоде вертолѐт слышно за тридцать километров. За обедом в большой палатке вдруг кто-то останавливает ложку на полпути ко рту и произносит: «*Гудит!*». Все на мгновенье замирают и прислушиваются. Оказывается, это гудит ветер в трубе печки. С чьих-то уст срывается шутка, и ожидания продолжаются.

Но бывает и другое окончание этого микросюжета.

«*Гудит, гудит!*» — раздаются голоса садящихся за стол. «*Идѐм!*» — взволнованно заключает начальник, и все бросаются снимать палатки. Дежурный по кухне тут же отправляет в ручей содержимое казана — свежее приготовленный борщ, ему ведь не только снимать собственную палатку, но ещё и кухню. Но вывалить содержимое огромной сковородки с жареной кетой он не решается и перекладывает все в кастрюлю. И только это реабилитирует его в глазах присутствующих после того, как звук вертолета вдруг пропадает.

Через сутки вертолет прилетает, и всё происходит очень быстро. И вот звуки щелчков тумблеров из пилотской кабины, набор оборотов двигателя, вихрь снега, и любой северный поселок «дышит в тон» с работой малой авиации. Рабочий день его обитателей частенько начинается с вопроса: летная или нелетная сегодня погода?

А работа геологов, как никакая другая, связана с работой пилотов. Порой ощущается, невидимая на первый взгляд, даже какая-то общность в профессиях. Наверное, что чистота

среды — у них небо, у нас — просторы тайги или тундры, нередкий рабочий риск и невозможность лжи в работе.

Геологи любят этих рыцарей неба за их посадки в местах, где ни одно их начальство не разрешило бы им это сделать, за их прилеты в совершенно нелетную погоду, когда необходима их помощь.

*Приключения
с вертолетом
гравиразведчиков*

Автор этих воспоминаний Константин Кривцов [25, с. 187—189] не указывает, что это был за вертолет, наверное МИ-8? Обычные поломки: а) прогар цилиндра в двигателе; б) поломка винта.

Но вот у вертолета снова случилось ЧП — очередной прогар цилиндра. Это произошло в рейсе. Вертолет на очередную точку сел не как обычно — осторожно выбирая ровную площадку, — а плюхнулся на землю с высоты полутора-двух метров и закачался на своих ногах-ходулях. Пилот резко сбросил обороты винтов, чтобы они не раскачивали машину еще сильнее. Когда двигатель заглох и мы произвели измерения, командир на наши недоуменные вопросы по поводу способа посадки сказал, что двигатель потерял мощность и ему ничего другого не оставалось делать, как быстрее посадить машину. Пилот несколько раз пытался поднять машину в воздух, но она снова плюхалась на землю. Оставался последний шанс — слить на землю часть горючего; оставив его только на обратную дорогу. Облегченная машина поднялась, и мы благополучно долетели до аэропорта. Снова последовала двухнедельная остановка в ожидании смены двигателя. И с новым двигателем мы поработали недолго. В очередном рейсе на одной из точек бортмеханик крикнул с верха вертолета, куда он иногда забирался для проверки исправности лопастей, чтобы операторы побыстрее уходили подальше с нашими приборами, так как нависшая над нами лопасть может вот-вот упасть нам на головы. Мы восприняли это как очередную шутку бортмеханика Ивана Удоратина. Однако командир Василий Юренков сам полез к винту, а потом пригласил туда и меня. Отчетливо видимая трещина на две трети пересекла основание лопасти, нависшей как раз над левым бортом, где обычно производились замеры. Шестом с петлей на конце несущий винт был развернут на 180°, чтобы устранить эту опасность. Просто чудом лопасть не оторвалась минутой раньше, когда машина была в воздухе, или во время приземления, когда нагрузка на несущий винт максимальна. Тогда была бы беда. Снова пронесло!

Нашли нас на третьи сутки, когда над нами проходил какой-то борт на Архангельск. Он услышал сигналы нашей рации и передал сообщение в Ухту. Наземные рации нас не слышали. А мы, было, уже приуныли: продукты из бортпайка были на исходе, а перспективы быть обнаруженными быстро таяли. Через день нас вывез в Нарьян-Мар архангельский вертолет, но и с ним в свою очередь случилось ЧП по возвращении домой. Диспетчер приказал пилоту сменить место стоянки, на которую тот уже посадил вертолет. Во время перегона у вертолета внезапно отказала гидросистема рулевого управления, и ручка управления, которая находится между ног пилота, тут же перебила ему ноги. Пилот умер от болевого шока прямо в кабине. Бывает и так. И чтобы закончить эту тему, забегу вперед. Еще дважды в дальнейшем испытывала нас судьба. Один раз это произошло на следующий год, когда очередной прогар цилиндра случился над озером. Мы почувствовали, как резко изменился звук мотора, началась сильная вибрация и вертолет стал резко терять высоту. В иллюминаторы нам видна была только вода. Казалось, что мы вот-вот врежемся в нее. Но пилоты довели всё же машину на последнем издыхании до берега. И она хлопнулась на землю в трех-четыре метрах от него. Хвост машины зависал над водой. Мы отделались небольшим испугом. Через два-три года аналогичный случай был с другим вертолетом, который вез на рыбалку воркутинское город-

ское начальство. Вертолет недотянул до берега несколько метров и упал в воду, погрузившись в нее всем салоном. Неудачливых рыбаков вытаскивали через двери кабины. К счастью, серьезно никто не пострадал.

Еще был случай в 1959 году, когда мы вели съемку Урала. Очередной рейс запланировали с выходом по сквозному ущелью на восточный его склон. Но в полете пилот перепутал ущелья и влетел в другое, которое внезапно заканчивалось отвесной скалой. Как пилот смог «затормозить» вертолет и развернуть его назад, я не представляю. Двигатель ревел на пределе, вибрация была бешеной, но все же опять пронесло! Пилот сумел, разворачиваясь вперед-назад, выбраться из этого мешка и посадить вертолет на плоский край ущелья. Вылез он из кабины сине-зеленым и трясущимся не менее, чем недавно сам вертолет. В обоих случаях пилотом был Валерий Здобнов. Благодаря его выдержке и мастерству оба раза мы отделались только испугом.

Летающий автобус

Реальное чудо (летающий автобус!), рассказанное лётчиком Ан-2 Владимиром Митяковым [50, с. 255]. Очевидно, это конец 1960-х гг.

Шестидесятые годы, начало освоения Вуктыла. Интенсивные постоянные полеты. В небе трудятся, как пчелки, вертолеты и самолеты.

И вот Ан-2 возвращается в Ухту. Низкая облачность, а так как на самолете нет противообледенительной системы и серьезных навигационных приборов, то пилоты летят, «прижимаясь к земле», то есть между нижней кромкой облаков и тайгой. Такие полеты особой радости не доставляют, поэтому летчики предельно собраны. И тут вдали появляется предмет, быстро направляющийся на самолет. И вот уже ясно видно, что это автобус марки «ПАЗ».

«*Черт возьми, да автобусы же не летают!*!» — мелькнула мысль в головах пилотов. Но раздумывать некогда, и летчики мгновенно выполнили то, что называется «резкий разворот вправо с максимальным креном». Это предотвратило столкновение самолета и автобуса в ухтинском небе.

Пилоты же, виртуозно объехав неожиданное препятствие и утерев пот со лба, посмотрели друг на друга. Не привиделось? Нет. Крыша не съехала? Нет. Да и как может съехать крыша у двух здоровых мужиков, которые каждый год проходят медкомиссию, которая не каждому по плечу? Поэтому полет заканчивается нормально, но такой неординарный случай, конечно, становится известным, и выясняется вот что...

Летит вертолет Ми-6, летит в облаках, так как у него есть противообледенительная система и серьезные навигационно-пилотажные приборы, а на внешней подвеске тащит этот самый «ПАЗик». То есть автобус болтается на крепком тросе гораздо ниже вертолета. Ан-2 же летит навстречу, но ниже облаков, поэтому ему не виден вертолет и трос внешней подвески. Об остальном вы прочитали перед этим.

Как буровик Ваня выпал из вертолётa

Это случай, рассказанный лётчиком Владимиром Митяковым [62, с. 237—238].

60-е годы. Между Ухтой и Печорой на высоте 150 метров летит вертолет МИ-4, везет смену нефтяников-работяг на буровую. Буровики меняются через 15 дней, и это летит смена свежая, а значит, после хорошей русской гульбы. В вертолете впереди вверху сидят два летчика, между ними на лесенке, спускающейся в грузовую кабину, стоит бортмеханик (у него кресла нет). В кабине по бортам на откидных сиденьях расположились работяги, люди жизнью битые и крученые, кто в окошко смотрит, кто дремлет с похмелья. И тут бортмеханик

чувствует запах табачного дыма. Видит — один из буровиков вовсю смолит «беломорину». А в грузовой кабине, как раз в самой ее середине, установлена ярко-желтая бочка — так называемый дополнительный топливный бак с авиационным бензином. Чем грозит курение здесь, спустившийся в грузовую кабину бортмеханик в крепких выражениях объясняет провинившемуся.

Тот хоть и тертый, и битый, но быстро понимает, что оказался не прав, гасит окурочек, извиняется и говорит, что больше не будет никогда в жизни и так далее. В общем, инцидент исчерпан, бортмеханик возвращается на свое место, а работяга ищет, куда бы засунуть окурочек. Находит какую-то дырочку (отверстие по-авиационному) и только собирается затолкать туда свой бычок, как механик оборачивается, грозит кулаком — мол, нельзя. И ничего лучше мужик не придумывает, как только выбросить окаянный окурочек наружу. Подходит к двери, крутит ручку, открывает и бросает! А дверь-то открывается наружу и вытягивает курильщика за собой... И вот летит бедолага с высоты 150 метров вслед за своим окурочком, проклиная судьбу, занесшую его в этот северный край...

Представьте себе летящий со скоростью около ста пятидесяти километров в час вертолет, под ним лесотундра с начинающими оттаивать холмами и еще занесенными снегом оврагами (дело происходит весной), солнце вовсю светит, небо синее. Красиво! Но вся красота враз померкла, так как из вертолета выпал человек. Кто виноват? Ну, конечно, экипаж, ведь за пассажиров отвечает он! Без всяких раздумий летчики разворачиваются и начинают подбирать место для посадки. Наконец, находят площадку, сажают вертолет и бегут к месту предполагаемого падения, надеясь хоть тело выпавшего найти. Глядь, о Господи! Навстречу им идет этот самый заядлый курильщик! Без шапки, без фуфайки, но своими ногами! Об эмоциях, которые испытали участники этого события, «история» умалчивает, ну, а работяга, утерев сопли и слезы, начинает рассказывать.

Зовут его Иван, он бывший десантник и поэтому, выпав из вертолета, не теряет самообладания, а расстегивает фуфайку, раскидывает руки и начинает планировать, выбирая место для приземления. И выбирает он склон большого оврага, засыпанного снегом, туда и приземляется, а, приземлившись, пробивает этот снег почти до дна. Невероятно, но остается жив и даже не калечится!

Стоящие вокруг, конечно же, внимательно слушают, поддакивают, кивают головами — словом, верят, будто бы во всё сказанное бывшим десантником, а у самих-то мысль одна: съехала крыша у мужика от этих планирований с расстегнутой фуфайкой. А тут еще бортмеханик, главный виновник, вякает невпопад: «*Что же не сказал, что десантник, я б тебе парашют дал*».

В общем — смех и грех. Ну, ладно, обнимают этого Ваню, ведут к вертолету, сажают подалее от двери, запускаются, взлетают и уже без приключений долетают до буровой.

*Как покойник
ломился в дверь
кабины самолета*

Это был самолет Ли-2; рассказ пилота Владимира Митякова [62, с. 238—239].

Конец 60-х годов. Аэропорт Печора. Зима, мороз градусов 35.

На перроне стоит самолет Ли-2 (был такой хороший грузопассажирский аналог американского Си-45, он же Ди Си-3). Его экипаж собирается лететь в Минводы, перегнать Ли-2 в ремонт. Ему находят попутный груз, как сейчас говорят «груз 200» — это покойник в деревянном, оцинкованном ящике.

Надо сказать, в то время работники Аэрофлота летали в основном «зайцами», за «стеклянный пол-литровый билет» договариваясь с экипажем. И вот один печорский авиатехник

захотел слетать в Минводы. Подходит к командиру, а тот его не берёт. Ну, что ж, командир — хозяин-барин. Но техник не успокаивается и незаметно от экипажа (но не от наземного персонала) залезает в хвост самолета (есть в конце салона люк подхода к тросам управления) и прячется там. Экипаж, не зная об этом, запускает моторы, вырубивает, взлетает, набирает 1200 метров — и вперед.

Кто не знает — зимой на 1200 метров мороз еще пуше, чем на земле. Экипаж запускает бензиновую печку, обогревающую пилотскую кабину, а вторую, греющую салон, не запускает. Зачем? Покойник не замерзнет. А между тем авиатехник, после взлета перебравшийся в салон, начинает замерзать. Бегает, прыгает, приседает, ничего не помогает (летят-то уже 2.5 часа). Делать нечего, идет к закрытой пилотской кабине и стучится.

В это время экипаж, давно включивший автопилот, расслабился, а тут... стук в дверь. Ближе всех к ней радист. Естественно, его первая мысль — послышалось, ведь он в наушниках и слышит в основном радиосвязь. Да и кому стучать оттуда-то? Ну, а наш «замерзай» продолжает греметь все сильнее и сильнее — жить-то хочется. Теперь и штурман (он сидит через проход от радиста) голову поднял, снял наушники — точно стучат! Оба — радист и штурман — «шары» выпучили, смотрят друг на друга и думают об одном.

Ну, а в самом носу кабины — два пилота, между ними — механик. И до них шум дошел (видать, очень парень замерз). Уже все пять летчиков начинают понимать, что стучать к ним никто не может, кроме... Долго ли, коротко, но, посоветовавшись, посылают они радиста (самого молодого, неженатого) открыть. Тот идет (а сердце в пятках), в одной руке аварийный топор, другой тихонько приоткрывает дверь. Дальше, сами понимаете, мат-перемат, «колодушки» полетели в «замерзая»!

Слава Богу, не убили его, даже не покалечили, но согрели сразу. А, согрев, опять немного остудили, ну, а потом сжалились, взяли к себе в пилотскую кабину.

Буква «Т»

Миша Соколов⁸, создавший в Институте геологии
Коми ФАН СССР изотопно-геохронологическую

лабораторию, умер в 30 лет — хотя непонятно, как он, с сердцем, истерзанным инфарктами, вообще мог не только жить, но и ездить в тяжелейшие поля. Академик Николай Юшкин (а тогда еще просто Коля) бывал с Мишей в экспедициях, и одну из них (1961) подробно описал в своей книжке-воспоминании «Поднятие Чернова». Как только он, ставши директором Института в 1985 г., организовал издание нашего ежемесячного журнала «Вестник», он разыскал Мишину рукопись (сборник рассказиков для детей) и издал её в 1987 г. в виде книжечки «Тяжелый шлик», написав к нему сердечное предисловие [59, с. 4].

Мы не раз были с Мишей в экспедициях, и многие из его рассказов напомнили мне реальные эпизоды нашей полевой жизни и работы.

«Большеземельская тундра...», «Великий чум...». Это из той знаменитой нашей четырехмесячной экспедиции 1961-го года. Да и «Буква Т» оттуда. Мы разметили посадочную полосу для АН-2 на берегу Печорского моря и неделями ждали, когда нас заберут домой. И одной из обязанностей Миши было регулярно отмечать от снега веничком из карликовой березки известняковые камни, которыми был выложен посадочный знак «Т» в одном из углов импровизированного аэродрома.

⁸ Благодаря которому и я (Я.Ю.) в 1967 г. оказался в Сыктывкарском Ин-те геологии, где и проработал 50 лет...

Из Мишиной книжечки мы воспроизводим здесь этот рассказик [59, с. 13—15].

Буква «Т»

Разные буквы бывают на свете. Буква «Ж», как жук, лапки раскинула, рога вперед выставила. Колесом по странице буква «О» раскатилась... А есть еще буква «Т».

Далеко у холодного океана, у скал известняковых голубых работали два брата-геолога. Все лето по скальным кручам карабкались, молотком породу крошили, в рюкзаки образцы укладывали. Старший брат еще рисунки делал в дневнике полевом геологическом: где какие породы и как лежат. А младший — еще и песни пел.

Прошло лето. Пора братьям домой в город возвращаться. Вот прилетит за ними самолет, соберут они палатку, погрузят в самолет, рюкзаки с образцами с собой захватят и улетят. Да не тут-то было...

Грозный ветер Норд с океана подул. С каждым днем все крепчает да крепчает... Нет, не хватит сил у самолета сквозь ветер-ураган прорваться, не сможет вертолет-стрекоза даже с земли подняться.

И сидят братья в палатке брезентовой и день, и второй, и неделю. И работу всю сделали, а выбраться не могут. Сидят и слушают: а может сквозь метель-пургу и прорвется самолет, вертолет-смельчак какой-нибудь.

Проснулись утром: слушают. Говорит старший брат младшему: *«Пойди посмотри... Слышится мне, будто режут моторы самолетные, стрекочут по-стрекозиному винты вертолетные»*. Вышел младший брат и вернулся: *«Нет, брат.. Слышал, как океан ревет, о скалы волны крушит. Слышал, как палатка брезентовая под ветром трещит-стрекочет. А самолетов-вертолетов — не слышно, не видно»*.

«Ну, что ж. Нет так нет. Сегодня нет — завтра прилетят, не завтра — так послезавтра. Словом, нечего унывать. Ты песню пой, я думать буду. А потом я спую, а ты подумаешь...».

И сидят они в палатке под ветра вой, под шторма грохот. То песни поют, то думы думают.

Только раз проснулся старший брат утром: не рвет ветер палатку, не грохочут волны на море. Вышел старший брат из палатки, огляделся. Белая кругом тундра, в снегу лежит. Солнышко у самого края неба — большое белое — светит. И слышит: ревет мотор в небе самолетный, надрывается, очень торопится.

«Эе-гей! Вставай, брат! Просыпайся! Летит самолет за нами, чтобы домой нас унести. Ведут его летчики полярной авиации, смелые и мужественные... Вещи собирай, палатку скатывай».

Собирают они вещи и палатку скатывают. А самолет все ближе. Низко над землей летит. И... мимо пронесся. Братьев не заметил. А они и руками махали, и шапками. И давно уже площадку посадочную приготовили, знак посадочный букву — «Т» — из камня выложили. И так обидно братьям стало, что не увидел их знака летчик, что мимо промчался, — прямо мочи нет...

А самолет мимо промчался, да вернулся. Рядом кружится, ищет их, да не видит.

Тут как хлопнет старший брат себя по лбу: *«Растяпы мы с тобой, братец, вот что. Из какого камня мы посадочный знак выложили?»*

— *Из известняка белого.*

— *А снег какой? И снег белый! Да как же можно на белом снегу белую букву, да еще на такой скорости разглядеть. Вот и кружит самолет около нас. И нас-то, наверное, видит. А посадочную площадку, знака посадочного нигде поблизости не найдет»*.

Побежали братья на посадочную площадку. Руками машут. Летчику что-то показывают. Да разве разберешь... Самолет кругами ходит, то ниже спустится, то ввысь поднимется...

И лёг тогда старший брат на снег и руки раскинул в стороны. Ноги — как ножка у буквы «Т», руки — как переключатель. Садись товарищ, площадка здесь. Вот тебе и посадочный знак...

Увидал летчик. Самолет крыльями помахал — понял, значит. Пошёл на посадку. Мчится ревушая машина прямо на человека, в снегу лежащего, едва лица колесами не коснулся. Человек в сторону отскочил. Отряхнулся...

«Ну вот и всё», — говорит...

Вышли из самолета летчики. Погрузили в самолет вещи.

Посадили братьев. Прощальный круг над посадочной площадкой сделали. Лежит под крылом белое поле, никаких следов, никаких знаков на снегу. А «посадочный знак» в самолете сидит и с младшим братом то песни поёт, то думу думает.

3.7. Кое-что о птицах, клещах, змеях и фалангах

Не надо верить кукушкам • Сибирский ворон • Аккуратные вороны • Ильменские клещи • Интеллигентный начальник из Геолкома • Мираж после бессонной ночи

Не надо верить кукушкам

В июле 1958 г. геолог Вронский с охотником Янковским бродили в дремучей лиственничной тайге в районе устья Укагиткона (притока р. Хушма), чтобы взять почвенные пробы в восточной части площади Тунгусской катастрофы. Ночная гроза в тайге. Кукушка наврала Вронскому [18, с. 75]. Борису Ивановичу тогда было 60; умер он 31 августа 1980 г., т.е. через 22, а не через 42 года... Константин Дмитриевич Янковский пережил Вронского на 3 года (будучи на 6 лет его моложе) — он умер в 1983 году, используя из обещанных кукушкой 25 лет...

На устье Укагиткона мы решили сделать дневку и поэтому свою палатку поставили в густом лесу, чтобы утром солнце не помешало нам вдосталь выспаться после трудного маршрута. Ночью нас разбудила начавшаяся гроза. Тайга гудела, выла, стонала. Потоками лил дождь. Бесперывно сверкали молнии, ракетными вспышками освещая грохочущее небо. Внезапно раздался оглушительный удар, и где-то неподалеку, треща ветвями, с надрывным скрипом гулко рухнуло на землю большое дерево.

Утро наступило солнечное, ясное, без единого облачка. После грозы в воздухе была разлита влажная прохлада. Вокруг всё дышало миром и тишиной. За стенками палатки весело пересвистывались какие-то птахи. Изредка доносилось звонкое «ку-ку». Каждому из нас, если верить кукушке, оставалось прожить еще по сорок два года — срок вполне достаточный.

Сибирский ворон

Хитрость воронов! Рассказывает Вадим Сафонов [57, с. 170]

Основная пища ворона — мясо. И поэтому он выращивает птенцов в период изобилия корма, когда из-под снега вытаивают туши замерзших за зиму животных. Часто это провалившиеся под лед в период ледостава лоси, погибшие из-за крепкого снежного наста олени. Во второй половине весны это мелкие животные, погибшие в половодье, проснувшиеся после зимней спячки грызуны, яйца птиц. Впрочем, последний объект скорее исключение, чем правило. Ворон может украсть и унести яйцо с утиног гнезда. Когда недостает корма, вороны разоряют гнезда в парной охоте: один ворон неспешно летит над кустарником вдоль ручья, второй — метрах в двадцати сзади. Срабатывает инстинкт преследования. Маленькие птички срываются с гнезда, чтобы коллективно погонять неуклюжего, неопасного для них в

полете хищника. Это свойственно многим птицам. И этого достаточно для второго ворона, заметившего гнездо: следует сигнальный крик для первой птицы, и... гнездо обречено. На морских побережьях вороны иногда пугают птенцов бакланов и кайр, налетая на них и провоцируя их падение со скальных обрывов. Поздней осенью можно увидеть воронов, терпеливо ждущих у последних речных полыней, когда они замерзнут, а с ними и погибнут молодые утки, не успевшие подрасти для перелета.

Аккуратные вороны [57, с. 171].

Ранняя осень — самое благодатное время в тайге для тех, кто провел в ней все жаркое лето. Комаров прибило ночными холодами, орехи кедрового стланика созрели, красная рыба поднялась в верховья. Но никакие гастрономические удовольствия для неизбалованных желудков не перекроют ощущение праздника души, зажженного яркими красками осени. В прекрасном настроении, огибая озеро на перевале, мы приближались к знакомому месту. Еще издали заметили воронов, да мы их и ждали. Часовой как всегда, сидел на верхушке лиственницы. За сто метров (ведь у нас был один ствол за спиной) он подал сигнал, стая снялась и отлетела в сторону. Подойдя, мы увидели, что легкие, селезенка и глаза оленя съедены, а кишки не тронуты. Птиц больше всего интересовал толстый слой вкусного жира на задней части спины, и они его добывали. Тяжелая, мокрая, с толстым мехом шкура, свисавшая с задка оленя, была свернута в аккуратный рулон, а жир склеван. Толстый рулон правильной формы лежал поперек спины. Наше благодушное настроение мгновенно изменилось под напором мысли: как это смогли сделать птицы, ведь шкура довольно низко свисала с задка? Мнения участников, отнюдь не новичков в тайге, разделились: одни утверждали, что так аккуратно трудно свернуть шкуру и двум людям; другие говорили, что это можно было сделать только с посторонней помощью. Чьей? Но все согласились с тем, что работа была хорошо организована и выполнялась по команде. Ведь было их около семи птиц. К тому же ворон — птица не слабая. Он может нести на лету в клюве голову зайца и раздолбить клювом при 40 градусах ниже нуля замерзшее как стекло, мясо моржа.

Ильменские клещи

В Ильменах водятся не только минералы... Рассказывает Николай Юшкин, прошедший «трансуральский» сезон в 1981 г. [74, с. 125].

Переходить от одной копи к другой приходится по кустам и густой траве. Того и глядишь нахватаешься энцефалитных клещей. После похода по копиям я снял со своей одежды более десятка клещей. Три уже успели впиться в меня. Будь из них хоть один, зараженный энцефалитом, и неизвестно, писал бы я эти строки?

*Интеллигентный
начальник
из Геолкома*

В разведочный шурф на Кайракты (Казахстан) наползли змеи (гадюки) и поднялась вода. Рабочие (забойщики) отказались работать. Характерная зарисовка: как повел себя интеллигентный начальник — ни имени, ни фамилии которого Николай Наквник в своём дневнике так ни разу и не упомянул. Таковы были геологи дореволюционной школы петербургского Геолкома [42, с. 42—44]. (Парфёнов — это десятник забойщиков, т. е. горный мастер).

12 августа

Только на заходе солнца добрались до Кайракты и с облегчением узнали, что сегодня утром привезли муку с Успенки. На разведке ликование.

Парфенов сообщил, что руда появилась на четвертом метре, а на пятом стала подтекать грунтовая вода. Он подтвердил, что из-за змей забойщики действительно отказываются спускаться в шурф.

— *На первых метрах не примечали,* — рассказывал десятник, — *на третьем, слышим, зашипели, на четвертом, глядим, кидаются из щелей, а на пятом пошло такое, что прямо, как кипяток в котле!.. Сами увидите! И откуда лезут! Не иначе, как снутри. И динамит не действует!.. Проклятые!*

13 августа

Утром отправились знакомиться с результатами разведки. Около шурфа, над которым возвышался старый вороток, нас уже поджидали десятник и забойщики.

Начальник приказал отцепить бадью и спустить кирку. Парфенов развернул барабан и когда подтянул веревку, у рукоятки кирки показалась пестрая гадюка, которая скользнула в темноту. Раздался плеск...

Вода поднялась уже на целый метр. Дальнейшая проходка представлялась затруднительной даже помимо змей. Оставалось только осмотреть стенки выработки, да зарисовать, где руда.

Начальник нахлобучил на уши фуражку и, подняв воротник куртки, показал Парфенову на тяжелую бадью.

— *Плюньте, товарищ инженер! Не лазьте! Я и без рисованья покажу, как идет руда. А то неровен час...*

— *Бадью! Фонарик!..* — приказал начальник.

Я подал электрический фонарик, и мы, столпившись у шурфа, глядели, как он шагнул в бадью и как, сжавши рукоятку молотка, стал опускаться в сырую темную квадратную дыру.

Вот белый верх фуражки уже над третьим метром...

— *Стоп! Держи!..* — услышали мы глуховатый голос и вслед — брань и стук по дереву, по камню.

Я нагнулся над отверстием и увидел яркий сноп фонарика, скользивший по деревянной редкой крепи, мелькание омерзительных жгутов между пластин, молниеносные взмахи молотка, стремительные повороты головы сражавшегося... Кто ожидал от начальника такой прыткости и смелости!

— *Ай, шшай-тан!* — изумлялись старые забойщики, прищелкивая языками и перескакивая с одной стороны шурфа на другую.

— *Ну и вертлявый!.. Язви его!.. Гляди, гляди, как щелкает!* — восхищался старый горный волк Парфёнов.

Однако на четвертом метре, еще не закрепленном деревом, начальник запросил прощения, крикнув: «*Подай!*» Когда его извлекли на свет божий, мы увидели бледное лицо, оживленное блестящими глазами, а потом — молоток и куртку в кровавых брызгах.

— *Ну что? Как?! Не укусили?* — набросились мы на храбреца.

— *Да ничего! Как видите... Не съели... И, кажется, не укусили.*

Он опустился на копок и попросил папиросу. Я удивился, потому что помню, начальник говорил, что бросил курить при поступлении на службу в Геолком, т.е. три года тому назад.

В глазах казахов, столпившихся около инженера, я видел такое любопытство и такую пугливую почтительность, будто перед ними сидел не он, а Магомед, пришедший из Медины.

Начальник зарисовал шурф по образцам пород в отвалах и по указанию десятника, а потом приказал закрыть дыру и проходить канавы, пока мы будем обследовать южную пустынную часть района.

*Мираж после
бессонной ночи ...*

Николай Наковник в 1925 г. проявлял фотопластинки уже в поле. 21 августа он подвергся нашествию ядовитых фаланг [42, с. 54—56].

За шесть дней набралось так много камней, что пришлось трудиться над приведением их в порядок до потемок. После ужина начальник приказал проявить накопившиеся негативы. Вот так отдых! Я испытывал крайнюю усталость, когда разводил химикалии, разложив походную фотолабораторию на вьючном ящике, прикрытом топографическим планшетом. Напротив, на походной койке похрапывал начальник, а во второй палатке, рядом, лилась беседа Джуматая с Баймухановым.

Я укрепил свечу в фонарь, задвинул красное стекло и только приготовился окунуть негатив в кювету с проявителем, как за палаткой чиркнули спичкой и послышался сердитый голос Баймуханова. Мне показалось, что на стенке входа, освещенной тусклым красным светом, шевельнулась уродливая тень, а по коробке негативов поползло живое существо. Я потянул коробку к фонарю и в этот миг в кювету шлепнулся длинноногий волосатый паучище.

Знобящий холодок испуга и отвращения откинул меня назад, и все полетело к чёрту: фонарь, растворы, стекла... Вероятно, я толкнул коленями планшет.

— *Кто там?* — встревожился проснувшийся начальник.

— *Фаланги!* — крикнул я.

Яркий сноп фонарика, вспыхнувший в руке начальника, осветил палатку, и мы увидели фаланг, которые передвигались по потолку, прыгали по стенкам, бросались вниз...

За палаткой вопил Джуматай, ругался Баймуханов — видимо, и там были непрошенные гости.

Нашествие фаланг обошлось нам дорого. Во-первых, пропали негативы с ценными сюжетами, а во-вторых, пришлось вытряхивать все вещи из палаток и переставляться на другое место, ближе к речке.

Уже светало, когда я, широко откинув полог, улегся на кошму у ног начальника.

Я глядел на бледно-зеленоватый треугольник входа, в котором чернели могилы Аманбая, прислушивался к журчанию речки на мелком перекате, дремал и вздрагивал, приходя в себя.

Кто-то тяжело вздохнул перед палаткой. Я открыл глаза. В золотисто-розоватом треугольнике стоял отец в старой форменной фуражке, опершись на желтовато-белое сосновое весло...

— *Отец!* — крикнул я, не веря своим глазам. — *Откуда ты?*

Не знаю, спал ли я, а может, бодрствовал, но мираж покинутой далекой родины был так отчетлив, так реален, что позади отца увидел лодку, на которой мы рыбачили по Западной Двине, сети на скамейке и на корме — отцовскую жестяную коробку из-под «Ландрина» с самосадом.

3.8. Геологи на охоте

Тиманская охота на диких оленей • Авторское-2: олень на Кольском полуострове • Как геолог Махлаев стал бароном Мюнхгаузеном • Свинозайцы • Мясо мамонта на обед • Охота на куропаток • Глухарина рапсодия • Плывущий кабанчик в Балтике • Поимка горносталя • Добыча сайгаков... самолетом

*Тиманская охота
на диких оленей*

Вера Варсановьева в 1917 г. наблюдала охоту тиманского самоеда Андрея Выучейского (её проводника-рабочего) на диких оленей («дикарей»)

в одной из расхох речки Номбур (притока Цильмы) в области водораздела [13, с. 57—58].

Когда мы проходили один из этих ключей, мне послышался легкий треск вверх по склону, и, оглянувшись, я увидела на небольшой полянке, шагах в 60-ти от нас, группу диких оленей. Большая белая «важенка» (самка) с широкими мохнатыми рогами пощипывала траву, а около неё резвился маленький, темношерстный телёнок и бродил красивый дымчато-серый «хор» (молодой самец). Я невольно крикнула: «*дикари*» и обратила на них внимание своих спутников. При виде оленей лицо нашего самоеда преобразилось. Указав нам знаками, чтобы мы опустились в траву, он сжал в руках свою неразлучную «дробовку» и с горящими глазами стал красться вверх по ручью. Надо сказать, что олени очень чутки, и редко к ним можно подойти на такое близкое расстояние. В данном случае нам благоприятствовало то, что они стояли возле самого ручья, журчание которого помешало им расслышать шум нашего приближения. Мне жаль было, что не пришлось спокойно полюбоваться красивыми животными и понаблюдать их игры на зеленой лужайке. Но остановить охотника, всю дорогу мечтавшего о встрече с «дикарем», было бы невозможно. Раздался выстрел. Важенка с теленком стрелою умчались в густую чащу. Серый хор был убит. Андрей отправился снимать шкуру со своей добычи и резать мясо, а мы тем временем разложили костер на берегу ключа и повесили свой походный чайник. Охотник скоро вернулся, неся ребровину и задние ноги оленя, и стал жарить их на ярком огне. Мы с удовольствием подкрепились вкусным и нежным мясом. Особым лакомством считается у самоедов горячий костный мозг из обжаренных костей, и я вполне оценила это прекрасное кушанье. Головной мозг они предпочитают есть сырым, а также, как известно, любят пить кровь из неостывшего сердца.

Наш первобытный пир в глухом лесу у ярко пылавшего костра имел особенную прелесть. Сознание безграничной свободы, одиночества и простора, полное слияние с девственной и дикой природой поднимали в душе порыв бодрости и радостное ощущение жизни и силы.

*Авторское-2: олень
на Кольском п-ове*

Здесь воспроизводится (в форме беллетристики) реальная история 1958 года, когда я проходил преддипломную практику в отряде Андрея Симона, а одним из коллекторов у нас был Иван Федино, уже отслуживший во флоте [67, с. 50—55].

ИВАН⁹

1.

Тот сезон был тяжелым. В самый разгар работ шестой член отряда, студент Московского горного, вывихнул ногу. И его пришлось отправить на базу. Как только мы остались впятером, все вдруг осознали, что отряд держится на Иване. Наверное, один Иван этого не признавал. Впрочем, ему некогда было заниматься размышлениями о своей роли в отряде: работы было по горло, да и не такой он был человек, чтобы рефлексировать о самом себе.

Теперь нам приходилось делать свою работу, и работу того, шестого. О нем почему-то говорили с усмешкой, словно он был виноват в своем несчастье.

⁹ Рассказ сочинен по мотивам двух первых (студенческих) полевых сезонов автора в отряде Андрея Константиновича Симона на Кольском полуострове (1957 и 1958 гг.). Опубликовано в трех номерах республиканской газеты «Молодежь Якутии» (№№ 81, 82, 83) за июль 1963 г. (вероятно, 7—9 июля?). Перепечатано в сборнике «Уезжают друзья с севера: Литературный сборник». Сыктывкар: Геопринт, 2003. С. 4—14. Перепечатано в журнале Геологического института Кольского НЦ УрО РАН «Тигетта», 2009, № 10, с. 105—110.

К концу лета решено было разделиться. Начальник со своей группой должен был кончать основные работы, а нам с Игорем предстояла детальная съемка в 40 км восточнее их района.

В середине августа мы с Игорем ушли, а начальник, Иван и Лева — большой, пухлый и на удивление тупой — остались. В маршруты у нас ходили парой: геолог и коллектор. Значит, нужно было каждый день оставлять кого-нибудь в лагере. Сначала они оставляли Леву. От него требовались только две вещи: не уходить из лагеря и сварить обед к вечеру. Но вскоре обнаружилось, что вечерами за обедом у Левы пропадал аппетит. Это было настолько противостоестественно, что Иван и начальник однажды, не сговариваясь, направились к тенту, растянутому под елью. Это был продовольственный склад. Иван вытащил брезентовый мешочек с сахарным песком и передал его начальнику. Тот потрогал его и, убедившись, что он наполовину пуст, вернул его Ивану. Они молчали, ибо говорить было не о чем. Таскать сахар у своих товарищей мог только кретин или негодяй. Начальник сказал: «Иван, завтра Вы останетесь в лагере».

2.

Было только 12 часов дня, а Ивану уже стало скучно. Он сделал новое топорище, укрепил палатку, накидал внутрь нее свежего лапника, вычистил ружье, постирал портянки — и теперь сидел над ручьем и скучал. Ему неловко было сидеть без дела. Он подумал, что сейчас начальник с Левой, поди, бредут где-нибудь по болоту километрах в 10 отсюда. На краю болота начальник в бинокль замечает обнажение и ломит к нему напрямик, а это чучело, вместо того, чтобы поискать хорошей дороги, тяжело чавкает сапогами сзади, и, наверное, ни о чем ином и не думает, как о жратве. А между тем лезут они в самую топь, а пока будут вылезать и сушиться, потеряют час светлого времени. Кончив маршрут, будут тащиться в лагерь ночью, и начальник будет освещать компас спичками... Лева будет пыхтеть у него за спиной, согнувшись под огромным рюкзаком с образцами.

Подумав про образцы, Иван и вовсе заскучал. Порядочная груда их уже лежала под тентом; сегодня они принесут еще, а завтра, вполне вероятно, придется менять лагерь и нужно будет относить образцы на промежуточную базу. В одиночку ходить не разрешалось, а если они потащат образцы с Левой, то начальник без толку просидит в лагере один, и пропадут целых два маршрутных дня.

Чем больше Иван об этом думал, тем меньше нравилась ему ситуация. «Предложу-ка я ему отнести образцы. Работы завал, согласится», — подумал он.

— *Согласится!* — повторил Иван вслух. И как только он принял решение, то тотчас забыл, от кого оно исходит и стал привычно думать в том духе, что начальник, этот кровосос трудящегося персонала — заставляет его тащить образцы. Думать, что это вовсе не сам он *хочет* отнести образцы, а его *заставляют* делать эту тяжелую и неприятную работу — было гораздо привычнее. Иван не любил высовываться с инициативой. Когда спрашивали его мнение, он нагло ухмылялся и отвечал: «Да нам-то што? Нам все равно. Это вы у начальников спросите. Они и газеты читают, и по телефону разговаривают...».

Иван неприязненно оглядел груду образцов. «*Килограмм на 40 потянет, да еще спальник, ружье...*». Он выругался и полез в палатку читать Есенина.

Начальник и Лева пришли в 22 часа, когда было уже совершенно темно, и притом, вопреки ожиданиям Ивана — совсем с другой стороны. Лева, злой и опухший больше прежнего, сбросил рюкзак и растянулся у костра, потерянно уставившись на огонь. Начальник Илья Яковлевич, напротив, был бодренький и отправился умываться к ручью. Иногда видно было выхваченное светом костра полотенце на сучке, да слышен был плеск и криканье 30-летнего мужика, явно довольного жизнью. Потом он появился у костра в майке (ночью можно было уже не бояться комаров), щурясь на свет и напевая: «У любви, как у пташки

крылья, ее нельзя никак пойма-ать». Все угнездились на лежащей возле костра сушине и принялись за кашу.

— *Вы знаете, Иван,* — сказал с набитым ртом Илья Яковлевич, — *Вы знаете, на обратном пути мы совершенно случайно встретили полосчатые сланцы, которые мы тогда с Вами нашли. Помните?*

Иван лицемерно удивился.

— *Вот именно те самые!* — с воодушевлением подхватил начальник. — *С изумительной, знаете ли, ритмичной слоистостью!*

— *И какие вы, наверное, замечательно громадные штуфы приволокли,* — заключил Иван, осклабившись и пихнув ногою Левин рюкзак.

— *По-моему, геолог должен работать днём, а не ночью,* — сорвался вдруг Лева, вытаращив глаза на Ивана, демонстративно встал и ушел к палатке.

— *Лёвчик, а как же чай? Или сахару мало?* — крикнул Иван вдогонку и ухмыляясь, стал разливать чай в две кружки.

Затем Иван развернулся на бревне лицом к начальнику и стал излагать свой план.

— *Да, Иван, ваше предложение заманчиво, но... ведь я не имею права отпускать Вас одного!*

Хотя это было чистым лицемерием (одиночные маршруты, несмотря на грозные запреты ТБ — техники безопасности, практиковались всеми и всегда), Иван должен был соблюсти правила игры. Он стал пресерьезно объяснять, что против медведя у него есть жаканы, что он вырос в тайге и тому подобное. Он мог бы добавить, что ориентируется без карты и компаса, но это его качество было отлично известно начальству. Да и вообще — ему решительно всё было известно, и видел он этого Ивана насквозь.

— *Так я прошу Вас, будьте крайне осторожны! Имейте в виду, что я иду на преступление, отпуская Вас.*

— *Передачи носить будем, в случае чего,* — сказал Иван.

— *Вам всё шуточки, а я серьезно говорю.*

Иван еще некоторое время сидел у тлеющего костра, усмехаясь в бороду и качая головою. Потом он зашвырнул головешку в болото и полез в палатку, из глубины которой доносился обиженный храп Левы.

3.

Иван совершал сложные вращательные движения туловищем, подбрасывая задом огромный рюкзак. Наконец, рюкзак принял нужное положение и словно прирос к спине. Иван стоял, нагнувшись, расставив ноги в подвернутых броднях. В правой руке у него была винтовка, левую он заложил под ляжку рюкзака. Начальник и Лева кончали завтракать, сидя на бревне возле костра.

— *Ну, так я пошел, Илья Яковлевич,* — сказал Иван.

— *Значит, Вы не забудете — в пятницу вечером я жду Вас на новом лагере.*

Иван кивнул, оглянулся по привычке на солнце и пошел словно танк, треща сучьями и глубоко вминая нежный, еще не просохший от росы ягель. Боком перешел по бревну ручей и в том месте, где на кустах висело полотенце начальника, выбрался из зарослей полярной березки и скрылся в тайге.

... Иван шел около часу, нигде не останавливаясь для ориентирования, потому что не сходил с тропы. Тропа была проложена по нижней кромке каменистой гряды, по самой ее границе с болотом. Идти здесь было очень трудно, да и начала сказываться тяжесть груза.

Груз на этот раз был таким, который обычно носили два человека. Когда груз так тяжел, то подмывает просто сбросить его ко всем чертям, растянуться на ягеле и ничего, совершенно ничего не делать — только смотреть в небо и дышать полной грудью, — тогда нужно

применить испытанный методический прием: идти себе потихоньку и думать о совершенно посторонних вещах. Илья Яковлевич советовал коллекторам, занятым переноской груза, размышлять о происхождении щелочных гранитов, которые обнажались развалами на вершине гряды. Иван не обладал способностью к абстрактному мышлению, и проблема происхождения щелочных гранитов его почему-то не волновала. Поэтому, когда стало уж очень тяжело идти, он принялся читать вслух стихи — те, что заучил в школе и «на флотах».

Он шел, сильно наклонившись вперед и бормотал одно стихотворение за другим, восполняя забытые места ритмическим мычанием.

Только подойдя к сухому болотцу, глубоко врезавшемуся в гряду, Иван взглянул на часы и увидел, что идет уже полтора часа без отдыха, вместо намеченного часа. «Отлично, мой мальчик!», — сказал себе Иван (где-то он это читал?), перешел болотце и опустился с рюкзаком на лежащее дерево. Потом высвободился из лямок и выполз из-под своей ноши на коленях.

... Солнце уже скрылось за лесом, когда Иван подошел к перешейку гряды, где находился базовый лагерь. Каменная гряда была здесь растащена на полкилометра чьей-то мощной рукой, и болото было видно уже не только справа, но и слева. За левым болотом темнела другая гряда, а справа по-прежнему открывался простор до горизонта.

Выйдя на перешеек, заросший полярной березкой и вереском, Иван увидел светлое полотно тента метрах в двухстах от себя. И сразу же тяжесть рюкзака стала невыносимой; проявилось, как всегда, сильнейшее желание скинуть груз прямо здесь, а потом уж дотащить его до места... как-нибудь... по частям.

Внезапно на фоне тента четко обрисовалась голова оленя. Он, оказывается, щипал ягель рядом с тентом и был закрыт от Ивана кустарником. Теперь он прислушивался, гордо и сторожко поднимая голову и слегка повернув ее к Ивану, неподвижно-стремительный, как натянутая тетива.

Иван превратился в изваяние. Тяжесть груза куда-то исчезла. Он застыл в той позе, в какой увидел оленя: правая нога в шагу, большие пальцы рук — под лямками рюкзака, на шее — камнем — заряженная винтовка.

До оленя было метров 150; в сиреновом воздухе на светлом фоне тента голова его была словно вырезана. Наконец, голова опустилась; Иван перевел дыхание. Он видел теперь незаметный раньше верх спины оленя и светлый хвостик, который слабо шевелился.

Не двигаясь с места, Иван опустился на колени, прогнулся с рюкзаком до земли и высвободил руки из лямок, снял с шеи винтовку, осторожно оттянул затвор на боевой взвод и пополз, забирая влево, на открытое место, где почти не было кустов. Он полз, прижимаясь к земле, и подбирался весь как гусеница, наталкиваясь на сучки. От волнения, от боязни того, что олень, пока он ползет вслепую, может уйти, — сердце колотилось где-то в ушах, наполняя голову громким гулом. Он дополз до края зарослей вереса и здесь снова увидел светло-серое пятно тента. Но олень (Иван мысленно выругался) успел переместиться, и теперь закрывал задом только самый край тента. Иван стал целиться примерно в середину туловища, которое было едва различимо в сумерках.

Однако стрелять оказалось невозможно: сердце колотилось, и мушка беспорядочно колебалась где-то около тента. Тогда Иван убрал палец со спуска, сделал два резких выдоха и затем полный глубокий вдох, затаил дыхание и снова прильнул к ложу, тщательно выцеливая в точку, находящуюся левее видимого зада оленя, на одном с ним уровне.

Хлестнул выстрел, зад оленя на фоне тента дернулся и пропал. Бежать смотреть было бесполезно. Если промазал — олень ушел, а если попал — то он там.

Иван перезарядил винтовку, снова поставив затвор на боевой взвод, вернулся к рюкзаку, залез в лямки и побрел к тенту, держа палец на спуске.

Олень лежал в трех метрах от тента, повалившись на передние ноги, и вздрагивал всем телом, пытаясь поднять голову. Пуля попала ему в шею. Иван сбросил рюкзак, обошел оленя с головы и, стараясь не смотреть, чтобы нечаянно не встретиться с его взглядом — вложил ствол в дергающееся тонкое ухо и выстрелил. Голова вздрогнула в последний раз и стала недвижимой.

Только теперь Иван почувствовал, как он вымотался за этот день. Ноги уже не держали его. Он плюхнулся на рюкзак, достал из бокового кармана пачку «Севера» и блаженно закурил.

Стало уже совсем темно. Над болотами стелился белый холодный туман, постепенно растворяясь в темно-сиреновом небе. На все пространство призрачным покрывалом была наброшена необъятная, бездонная, беспредельная Тишина. Это был океан тишины, и на дне его застыли уснувшие леса и болота, и где-то там, на грани леса и болот, рядом с мертвым оленем сидел человек и курил дешевую папиросу...

Все вокруг спало, но день человека еще не кончился. Он тяжело поднялся с рюкзака и нарушил тишину усталым ругательством. Потом разыскал под тентом топор и стал рубить сухой верес для костра.

4.

Утро следующего дня застало Ивана спящим в мешке под тентом, среди ящиков с образцами. В десяти шагах от тента, в ручье лежали части разрубленной туши оленя. За ночь непрерывным перекатом ледяной воды с них смыло всю кровь. Голова и ноги оленя лежали на сушине возле черного пепелища костра.

В одиннадцатом часу, когда солнце стало просвечивать через тент, и лучи его попали Ивану на лицо, он проснулся. Первое, что он увидел, был рюкзак, грузно лежащий на боку прямо перед носом. Мысли Ивана, спутанные после сна, прояснились, и он вспомнил вчерашний день, оленя, ночь, когда он разделял тушу, борясь со сном, и то, что сегодня он решил идти к ребятам, а сначала нужно их найти, а потому надо спешить, потому что — Иван вытащил из мешка руку с командирскими часами (подарок командования Северного флота за образцовую службу!) — потому что времени уже было очень много!

Он вылез из мешка, натянул штаны, рубаху, сунул ноги в сапоги и помчался к ручью с полотенцем на плече. Пробегая мимо костра, Иван спохватился, выругался, бросил полотенце и понесся к тенту за чайником, потом с чайником к ручью, зачерпнул воды, надрал берег, запалил костер, подвесил чайник — и только тогда, не спеша, пошел умываться.

Напившись чаю, Иван переложил образцы из рюкзака в один из ящиков, сложил спальный мешок вчетверо и уже стал было засовывать его в освободившийся рюкзак, но оставленный новой идеей, вытащил спальник обратно и некоторое время сидел, пощипывая бороду.

Затем Иван поднялся, нарвал травы и выложил ею дно рюкзака. Выбрал в ручье три больших куска оленины, аккуратно разместил их в рюкзаке, закрыл верхний клапан, затянул все ремешки, посмотрел на солнце, стоявшее уже над болотом справа, взвалил рюкзак, немногим легче вчерашнего, — и стал подниматься на гряде.

Лес на вершине был реже, и росла неизвестно откуда взявшаяся сосна — дерево в этих местах редкое. Нужно было пройти еще с километр по плоской вершине гряды, затем спуститься к первому небольшому болоту, перейти его, потом пересечь еще одну грядку и еще одно болото — и выйти на край третьей гряды, окруженный болотом с трех сторон. Где-то там должен был находиться лагерь Андрея с Игорем, если — но об этом даже думать не хотелось, — если они, неровен час, не подались уже на следующий участок.

День сегодня был такой же ясный и теплый, как и вчера: на чистом синем небе сияло солнце, с берез неслышно опускались на мох желтые листья, на ветвях колебались, отдуваемые ветром, блестящие нити паутины.

Идти сегодня было гораздо легче, и причина этому была чисто психологического свойства: одно дело нести мертвый груз камней (увы, образцы оставались для Ивана только *каменьями*), другое дело — нести свежее мясо для ребят.

Иван шел и рисовал себе всевозможные картины встречи...

Вот он приходит к ручью, видит палатку, полотенце на кустах, палку над костром (обязательно на двух рогатках — Игорь никогда не делает на одной), прячет мясо, забирается в палатку, там почитает книжек, застегнется изнутри и нахально уснет. Эти придут, рраз — что такое? — палатка застегнута изнутри! Андрей, вероятно, скажет, что впервые видит, как палатка сама изнутри застегивается, а Игорь, тот, пожалуй, и ружье на взвод поставит...

Или вот лучше так: придти, нарисовать на бумажке череп и кости, приколоть финкой к дереву возле костра и спрятаться. Они приходят, хотят сварить ужин, видят — череп; они в палатку — никого! Придется поломать голову — ведь здесь на 100 км вокруг нет ни единого человека...

А то можно еще положить мясо у костра и воткнуть в него финку: мол, ешьте, черти, подарок от саамского бога!

5.

Мы с Игорем были в маршруте. Строго говоря, нужно это слово взять в кавычки, потому что называть маршрутом работу в 1.5 км от лагеря как-то неудобно. И такие вот маршруты были у нас каждый день. Дело в том, что мы занимались детальной съемкой. А это такая работа, когда по местности не ходишь, а как бы ползаешь на брюхе. То, что на мелкомасштабной карте начальника было закрашено одним цветом, на нашей детальной карте теперь расцветивалось павлиньим хвостом десятка разновидностей горных пород, в самых хитрых и прихотливых сочетаниях. Поначалу мы никак не могли привыкнуть к новому масштабу работы; участок гряды, который в обычном маршруте пересекался, бывало, за полчаса, нам теперь предстояло изучать целый месяц!

Через неделю мы обжили площадь съемки до такой степени, что я мог по любому отбитому краю глыбы безошибочно назвать номера всех взятых образцов, не обращаясь к своей пикетажке.

Так вот, мы были в маршруте, и как раз подходило время обедать. Благодаря необычной легкости работы («*груз не таскаем, далеко не ходим, живем как буржуи*», — говорил Игорь) мы смогли наладить железный режим дня: 6 часов — подъем, 7.30 — в маршрут, 13-14 — обед в маршруте, 20 — домой. При этом мы успевали еще сыграть в шахматы, после чего до наступления темноты Игорь варил ужин и переводил страничку немецкого текста, а я оформлял записи в пикетажке.

Итак, мы были в маршруте и собирались обедать. Игорь уже запалил костер и кипятил чай, а я кончал описывать обнажение в 10 м от костра.

Всё было тихо и мирно, как вдруг раздался истошный вопль: «*Руки вверх!!*» — из кустов на нас наставилось дуло тозовки, а затем вылезла и поперла на нас рыжебородая морда, осклабившаяся до самых ушей. Мы отупело уставились на морду, а она приближалась к нам, размахивая руками, хохоча, и притом изрыгая множество замысловатых флотских ругательств.

Сомнений оставаться не могло — это был Иван — и мы прямо-таки ошалели от радости! Ивана трясали, теребили, хлопали по плечам, по спине, пытались повалить на землю, издевались над его бородой и старались отобрать у него винтовку.

Затем попытались напоить Ивана чаем, но из этого ничего не вышло, потому что все суетились, хохотали и мешали друг другу.

Потом Иван заявил, что он сыт и с учтивостью виконта добавил: «*Ну что ж, не буду вам мешать!*».

Оказалось, что он нашел наш лагерь и собрался было ждать нас до вечера, но услышал мой свист и разыскал нас здесь, в маршруте. А перед этим он пережил пренеприятные минуты: шел вдоль края гряды, где должен был находиться наш лагерь и наткнулся на палку от костра, возле которой валялась пустая банка от сгущенки. А палаток не было и в помине. У Ивана сердце упало — он решил, что мы уже ушли на новый участок. Но на всякий случай прошел еще метров 200 за поворот гряды — и увидел наши две палатки. (А та палка от костра была случайной: когда мы шли с грузом, выбирая место для лагеря — то пили там чай).

— *Я уж собрался обратно повернуть, и зло взяло меня страшное — зачем волок мясо, спрашивается?*

— *Какое мясо?* — спросили мы хором.

— *Хе, какое... Обыкновенное, в магазине по руль сорок купил... Оленя я завалил, ясно? Тощие вы тут как шкелеты, может, думаю, жирок нагуляют ребятки?*

Скоро он ушёл в лагерь, а мы остались кончать маршрут. Но, по совести сказать, никакого маршрута уже не было; мы просто шли и радостно болтали, хотя, правда, я и пытался что-то там писать в пикетажке. Помню лишь, что через каждые два слова кто-нибудь говорил: «*Иван — это человек!*».

— *Иван-то? О, Иван — это человек!*

К 18 часам даже такая работа сделалась нам непосильной и мы помчались в лагерь.

Я помню, как мы быстро шли по знакомой тропе, и в лицо нам поддувал холодный ветерок первых дней сентября, и как мы не замечали ничего вокруг, потому что всё, непосредственно не связанное с Иваном, казалось тогда нам, охваченным радостным возбуждением — неинтересным и незначительным.

С тех пор минуло три года, и я имел немало случаев убедиться, что именно это состояние душевного подъема, мощного всеобъемлющего чувства радости, делающее жизнь необыкновенно прекрасной — это и есть счастье.

... Мы с Игорем плескались в двадцати шагах от костра в болотном ручье и хохотали. Хохотали до слез, до колик, как только и могут хохотать здоровые парни, пришедшие из маршрута и давно лишенные развлечений. Возле костра на пригорке стоял Иван и продолжал, размахивая руками, философствовать, обращаясь к нам, хотя ветер уносил его слова, и мы ничего не слышали. К тому же он нас не видел, а мы его видели в деталях: в ободранном комбинезоне Робинзона Крузо, с рыжей бородой, которая, казалось, росла отовсюду, с улыбкой до ушей, освещенного сбоку и снизу неверным пляшущим светом костра.

А потом мы ели мясо оленя — первый раз в сезоне свежее мясо, проглатывали огромные куски, обсасывали кости, выколачивали из них мозг камнями, как пещерные люди. Ели упоенно и самозабвенно.

То ли оттого, что сытое брюхо располагает к лирике, то ли еще по какой причине, но именно после того, как мы отвалились от кастрюли с мясом, решили мы подарить Ивану рога. Эти рога были лагерной драгоценностью, которой мы с Игорем поклонялись. И хотя мы почти ежедневно находили в маршрутах лосиные рога — большие и маленькие, ветвистые или совсем простой формы, — эти рога были особенными. Они обладали изящным, стремительным изгибом, что в сочетании с исключительно благородной золотистой окраской производило сильное впечатление.

Ивану не надо было пояснять, что это за рога; когда Игорь из темноты за палаткой вынес эти рога и вручил их Ивану — тот как будто даже растрогался. Он их поворачивал, гладил, пробовал пальцем остроту отростков, любовался, отставляя от себя на вытянутую руку, и всё приговаривал:

— *Как же вам, ребятки, рогов-то таких не жалко?...*

— *Ничего, брат, владей, — великодушно отвечали мы.*

Только глубокой ночью, когда всех нас стал одолевать сон, обнаружилось, что Иван (чтобы унести побольше мяса) явился без спальника. Напрасно мы пытались навязать ему один из своих — уговоры не помогали, и вдобавок Иван крыл нас в хвост и в гриву изошренным флотским матом.

Тогда мы натянули на него два свитера, игореву телогрейку и сняли со своих спальников чехлы. Я вытащил из рюкзака толстые шерстяные носки, хранившиеся на крайний случай. Иван натянул их поверх портянок, залег в два чехла и застегнулся с головой, а сверху мы еще обернули его брезентовой попоной, на которой обыкновенно сокращали пробы.

Игорь остался в палатке с Иваном, я пошел в свою; уже начинало светать, было очень холодно, на траве белел иней.

Я очень хотел спать — и заснул, как только залез в мешок.

Р. Кэнкэмэ (левый приток Лены), июль-1961.

*Как геолог Махлаев
стал бароном
Мюнхгаузеном*

Молодая симпатичная девушка Вера Ланко (коллектор) в маршруте на побережье Таймыра превратила геолога Льва Махлаева в барона Мюнхгаузена [38, с. 360]!

Вера охотно слушала мои рассказы о тундре, о Таймыре, о гранитах и гнейсах и отлично умела «заводить» меня своими вопросами, если я замолкал. А мне, конечно же, было очень приятно ходить с ней. Я думаю, любого мужчину обрадовало бы и «вдохновило» подчеркнутое внимание молодой и симпатичной девушки. Тем более она умела показать, что не просто слушает, а прямо-таки восхищается моими знаниями и моим красноречием. Ну а я рад был стараться — распускал перья, как тетерев на току! И ведь умела же она порой вдохновлять ну прямо-таки на невозможное. Помню, однажды шли мы, как обычно в то лето, берегом вдоль моря, а на воде метрах в 70 от берега покачивались на волнах две утки. У меня за плечами был армейский карабин, и Вера вдруг пристала ко мне с нелепым вопросом:

— *Лев Васильевич, а из карабина можно в утку попасть?*

— *Конечно, можно, но не на воде. Тут волны, утка все время качается. Да и упереться не на что: вокруг почти болото.*

— *Лев Васильевич, все говорят, что вы очень хорошо стреляете. Ну, пожалуйста, а? Я Вас очень прошу!*

Словом, дал я себя уговорить. Стал на колено, плотно охватил левый локоть ремнем карабина, прицелился, как никогда тщательно. Выстрел — обе утки перевернулись кверху лапами! Пока мы отработывали очередное обнажение, их прибило ветром к берегу. И тут все стало ясно. Я стрелял, когда они были точно на одной линии. Пуля ударила ближнюю утку по спине, полетела дальше и перебила шею второй утке, оторвав ей голову. Вера была в восторге. Конечно, выстрел был во многом случайным. Просто я в тот раз оказался удачливым. Но мне очень уж не хотелось ударить в грязь лицом перед этой девушкой, так что в какой-то мере эта удача была закономерной.

Вообще-то я не раз имел возможность убедиться в правдивости самых невероятных охотничьих баек. Слишком уж велик на охоте элемент случайности. Чего только там не происходит.

Свинозайцы

В 1966 (?) Лев Махлаев с коллектором Ингой Забиякой в маршруте обнаруживает каторжный лагерь Рыбак на Восточном Таймыре, в нём остатки продовольственного склада — а

в нём непосредственно — «свинозайцев» [38, с. 427—429]. Торжество дарвинизма!

Лагерь был создан в 1947 году для детальной разведки и попутной разработки только что открытого уранового месторождения, которому было дано такое же название. Месторождение находилось в зоне контакта черных ордовикских сланцев с крупным массивом субщелочных гранитов Плато Лодочникова, названным так по имени нашего выдающегося петрографа. Условия для строительства рудника и поселка были крайне тяжелыми, а точнее говоря — никакими. Голая тундра, где не растет даже карликовая ива. Всё до последней щепки надо завозить. Нет топлива. Нельзя же считать топливом найденный километр в 70 к западу лигнит: нечто среднее между торфом и бурым углем, с зольностью около 50 %. Лигнит может гореть только в специальных топках с усиленной тягой. В обычных печах он тлеет без пламени. Но другого топлива не было, и заключенные добывали этот лигнит и возили его в Рыбак санно-тракторными поездами. В небольшом количестве (в качестве топливной добавки) завозился морем и обычный каменный уголь. Морем завозилось всё, но путь от моря до лагеря был не таким уж близким. Роль главных «морских ворот» Рыбака играла бухта Зимовочная, до которой было километров 80. Там были оборудованы склады и оттуда по пробитой в тундре тракторной дороге возили грузы, а туда вывозили в железных бочках из-под горючки урановый концентрат. Другая дорога (менее накапанная) вела прямо на север, к мысу Челюскина, где находился аэродром Полярной авиации и радиометеорологическая обсерватория. Я был в этом брошенном поселке (вернее, в том, что от него осталось) уже после ликвидации лагеря. Был несколько раз, но самым сильным осталось первое впечатление.

<...>

Мешки с мукой и крупой частично истлели. Снаружи их содержимое неоднократно мокло, раскисало, превращалось в тесто, и снова сохло, сформировав плотную корку, оберегавшую середину, а потому внутри каждого мешка можно было нагрести ведра 2—3 исходного содержимого, а то и больше. Нижние мешки в каждом штабеле давно стали достоянием мышей и леммингов, которых там обитало немыслимое количество. Однако были там и более странные звери. Когда я увидел первую такую животиюгу, я попросту испугался, потому что это был какой-то монстр. Представьте себе толстое создание ростом с крупную собаку или умеренных размеров свинью, сплошь покрытую лоснящейся серой шерстью. Щеки надутые, толстые, морда круглая, по краям головы висят узкие длинные уши, брюхо круглое, хвоста нет. Зверь этот еле ковылял на коротких и толстых кривых лапах и явно страдал одышкой. Когда он уставился на меня тяжелым и грустным взглядом, усиленно шмыгая носом и шевеля раздвоенной верхней губой, я наконец-то понял, что это заяц. Только немыслимо отъевшийся и непомерно разжиревший.

«Свино-зайцы», как мы с Ингой их окрестили, жили прямо среди мешков с крупами и мукой, поедая их содержимое. Эти же лабиринты штабелей мешков и ящиков укрывали их от хищников — прежде всего от волков. Видимо, они тут же встречались с себе подобными, тут же рождались детёныши, сразу начинавшие беззаботную жизнь на всём готовом! Так они и вырастали без малейшей потребности не только в беге, но и вообще в сколько-нибудь существенном перемещении. Мышцы атрофировались от безделья и ожирения. Потому-то и уши у них висели, а не стояли...

*Мясо мамонта
на обед*

Рассказывает Борис Вронский [18, с. 112].

В 1930 г. Кулик, в качестве эксперимента, решил закопать в вечномёрзлой почве бочонок со сливочным маслом и часть сохатиной туши, чтобы через десяток лет извлечь продукты и определить степень их пригодности; при этом он ссылаясь на тушу мамонта, найденную в 1901 году в обрывистом берегу реки Берёзовки в бассейне Колымы. Хотя туша много тысяч лет пролежала в вечномёрзлой почве, мясо ее охотно пожирала собаки экспедиции, проводившей раскопки.

В 30-годах я познакомился с одним из участников этой экспедиции, Н. Н. Березкиным. Он рассказал, что мясо мамонта ели не только собаки. Руководитель экспедиции Герц, сам Березкин и еще один из сотрудников, видя, что собаки после мяса мамонта пребывают в добром здравии, решили сами попробовать этот деликатес, которым лакомились наши далекие предки.

У туши был какой-то специфический, довольно неприятный запах, поэтому наши гурманы, отрезав кусок мяса, в течение трех суток вымачивали его в уксусе, а затем зажарили с луком и разными специями. Хватив по доброй порции шутовского коньяка, они приступили к трапезе, быть может, обычной во времена палеолита, но совершенно необыкновенной в наше время. Мясо оказалось жесткое, какое-то деревянистое, а главное, пахучее. Уксус и специи не в состоянии были отбить этот специфический запах. Единственное, что утешало их, приятно щекоча самолюбие, это то, что за истекшие тысячелетия они были единственными людьми на всем земном шаре, которым удалось отведать мясо мамонта.

Глухариная расходия

Как коми охотники в деревне Абезь охотились зимой на куропаток — и как они их разделявали. Рассказывает Владимир Хлыбов [51, с. 17].

Однажды хозяин согласился взять меня с собой на охоту за куропатками. Удивляло меня только одно — собирался он идти без ружья. Я надел его вторые охотничьи лыжи — ляпмы. Хозяин тащил за собой легкие нарты. Мы прошли с километр по запыленной старой лыжне до густого кустарника (березок и ивняка), опутанного рыбацкой сетью. Не успел я понять, в чем дело, как Пантелей начал вынимать из снега белоснежные комки — куропаток! Оказывается, смысл такой охоты состоит в том, что стаи куропаток снуют по кустарникам в поисках пищи — березовых почек — и попадают в расставленную сеть. Покидав на нарты неплохой «улов», Пантелей пошел дальше, а я вернулся в избу. Вечером он вернулся с большой грудой куропаток на нартах, но самое интересное я увидел на следующий день: оказывается, коми охотник куропаток не разделяет, как русский курицу, не ощипывает, а надрезает куропатку по брюшку поперек, затем снимает с нее кожу вместе перьями, отделяет брюшко от спинки и откладывает на пищу; остальная часть куропатки — ножки, потроха и снятая кожа с перьями идет на корм собакам. Причем эту процедуру он проделывал настолько профессионально и быстро, что огромное в моем представлении количество куропаток, наверное, около полусотни, он разделал буквально за полчаса.

Колымский геолог Виктор Володин передает слышанный им (но непроверенный!) рассказ о ловле куропаток. Этот способ сразу напомнил ему барона Мюнхгаузена [16, с. 262].

Кто-то рассказал мне о таком способе ловли куропаток русловок: бутылкой в плотном надутым снегу делаются глубокие воронки, для чего бутылка втыкается горлышком вниз и затем вынимается, потом на снег возле воронок бросают бруснику так, чтобы и в воронки попало несколько ягод. Куропатки, бегая по снегу, поедают бруснику находящуюся сверху,

затем, заглядывая в воронки, видят её и в них. Они вытягивают шеи, пытаются достать её отсюда, но это им не удается. В конце концов, они, будто бы, пытаются достать ягоду, теряют равновесие, застревают головой вниз, не могут оттуда выбраться и замерзают.

Охота на куропаток

Об этом рассказал геохимик из Института геологии Коми НЦ Уральского отделения РАН — Евгений Калинин [62, с. 213].

А геолог, как и рыбак или охотник, может порассказать такое, что и во сне не приснится. Так, Толя Романчук как-то рассказал о случае, который произошел, когда он был базистом у воркутинских геологов. Каким-то чудом на базу попал старый довоенный патефон с пачкой пластинок (вальсы, фокстроты). Толя, проводив утром всех в маршрут, помыв посуду после завтрака и сделав все приготовления к обеду, прилег в палатке и от нечего делать завел патефон. Сменил одну пластинку, вторую... И вдруг что-то черное и огромное взлетело на ближайшую ель. Глухарь! Толя притаился. Глухарь сидел и внимательно слушал музыку. Вот тебе и глухарь! Наш слушатель поплатился своей жизнью за любовь к искусству. Толя хорошо стрелял, а дробовик был рядом. А геологи, вернувшись с маршрута, с изумлением вдыхали аромат незнакомого блюда, ведь обычно их встречал гороховый суп с консервами. Так в меню появилось блюдо под названием «глухарина рапсодия». Эта «рапсодия» длилась подряд пять дней и прекратилась так же резко, как и началась. Видно, перевелись среди глухарей музыканты, или жизнь для них была дороже искусства.

Плывущий кабан- чик в Балтике

Грустная история о том, как в Рижском заливе моряки «спасли» плывущего к берегу кабанчика. Рассказывает очевидец — морской геолог профессор Емельянов [27, с. 116].

Параллельно с Балтийским морем мы изучали также заливы Финский, Рижский и Вислинский. Об одной такой экспедиции в Рижском заливе стоит рассказать более подробно. Рассказ пойдет о том, как участники экспедиции «спасали» животное, оказавшееся в открытом море. Экспедицией руководил А. И. Блажчишин. В заливе собирали, в основном, железомарганцевые конкреции. Когда работали западнее острова Рухну, который находится в центре залива, заметили в море кабана. То ли ему надоело обитать на небольшом пространстве этого острова, то ли он не поладил со своими матерью или отцом, но он решил перебраться на большую землю, краешек которой он видел за далеким горизонтом. И та, большая земля его манила своей таинственностью и приносимым ветрами запахом. Он бросился в море и поплыл. Вначале это ему удавалось легко, но, одолев половину пространства, стал уставать. И чем дальше, тем больше. Отсутствие опыта и жизненных навыков не позволили ему рассчитать свои силы. И вдруг он увидел приближающееся небольшое судно и повернул прямо к нему в надежде найти там спасение.

Разглядывая горизонт, штурман заметил в море какую-то темную точку. Взяв бинокль, он увидел, что эта точка шевелится и движется и повернул корабль в её сторону. Вскоре находящиеся на палубе люди её заметили. Штурман первым опознал точку и крикнул: «*В море какой-то зверек!*» Все стали пристально вглядываться. Штурман уточнил: «*Это кабан!*» Кабан и судно медленно приближались друг к другу. Наконец кабан оказался у борта судна.

Уйти он не пытался: силы его покидали. На судне люди засуетились. Спустили веревочный трап, завели за борт стрелу, подцепили к ней нейлоновую сетку и с помощью стрелы и боцмана подвели сетку под барахтающегося кабана. Подняли на палубу, выпустили «пловца»

из сетки. Пловцом оказался не матерый, а молодой кабанчик. Он от людей не убегал. На дрожащих ногах он стоял на месте и глядел на людей. Люди смеялись, что-то кричали, спорили. Вскоре появился на палубе один из механиков с острым ножом. Вместе с боцманом они положили дрожащего от усталости кабанчика на палубу и... жизнь и страдания кабанчика оборвались. Через час с небольшим салон команды гудел от разговоров и смеха: «спасатели» пили разбавленный спирт и закусывали жареным кабанчиком.

Прошло почти сорок лет. Но когда я смотрю на карту Рижского залива или на фотографию исчезнувшего во времени судна «Профессор Добрынин», я неизменно вижу маленького, выбивающегося из последних сил кабанчика, ищущего спасения у людей, и группу прыгающих и кричащих «спасателей» с кривыми острыми ножами в поднятых вверх руках. Звери практически всегда ведут себя натурально, а вот люди часто — неестественно и жестоко.

Поимка горностая

Как молодой техник-геолог по прозвищу Вася Бандура, зимой 1938 г. на оловянном руднике Лазо (в долине левого притока Сеймчана — крупного притока Колымы) ловил горностая с помощью ледовой ловушки. Вспоминает магаданский геолог Виктор Володин [16, с. 47]

Бандура как-то заметил возле нашего барака на снегу следы горностая и решил его поймать в ледянку. Ледянка — это остроумная ловушка, которую нетрудно сделать зимой. Он наполнил водой ведро и поставил его на морозе. Часа через полтора, когда вода покрылась толстой коркой льда, достигающей 4—5 см толщины и образующей сплошную оболочку как сверху, так и с боков и со дна ведра, он ножом проделал сверху во льду небольшое круглое отверстие и вылил через него оставшуюся воду. Затем он внес ведро в помещение и поставил на печку. Через несколько минут, когда ведро согрелось, ледяная банка легко от него отделилась. Потом он бросил внутрь нее приманку — кусочки мяса или рыбы и поставил её в стороне от барака, утопив в снег до верхнего края. Следы горностая у самого отверстия ледянки я видел на другой же день, но он поймался не сразу. Я не помню, как это было, потому что прошло уже почти 33 года, но это было, потому что по поручению Бандуры я сдал на фабрику при проезде через Нижний Сеймчан шкурку этого зверька. Помню даже, что получил за неё охотничьи боеприпасы на 9 рублей.

Виктор Володин вспоминает, как осенью 1940 г. на западном краю Оттаят-тахского гранитного массива в верховьях Колымы они добывали и ели зайцев (успевших уже побелеть, хотя снег ещё не выпал), а потом решили поймать горностая [16, с. 139].

Кажется, в последний день перед отъездом кто-то из нас заметил горностая возле палатки. Он занимался перетаскиванием заячьих лап и голов, валявшихся вокруг палатки, к себе в нору. Вернее, это была не нора, а промоина в борту терраски. Она начиналась сверху и опускалась метра на 1.5 вертикально, а потом горизонтально выходила в борт. Вероятно, там горностаи не жил, а решил просто использовать ее в качестве склада продуктов.

Мы очень легко поймали этого горностая, подставив открытый пустой мешок к нижнему отверстию описанной промоины, пошуровав жердью в верхнем. Он моментально выскочил и оказался в мешке. Но потом я решил не возиться с горностаем и выпустить его на свободу. Для этого мы открытый мешок расстелили плашмя по земле. Сидевший в нем горностаи сначала не двигался в мешке. Потом он осторожно сделал пару шажков к краю мешка.

Достигнув горловины, он высунул на свободу свою изящную белую головку с черными бусинками глаз и таким же носом. Осмотрелся, повернув головку назад на все 180 градусов, и лишь потом побежал дальше, впрочем, не особенно торопясь скрыться.

*Добыча сайгаков...
самолетом*

Биографы академика Яншина описывают удивительный эпизод работы возглавляемой им Каспийско-Аральской экспедиции — осенью 1946 г. [14, с. 67].

Все камералили, а А. Л. Яншин вылетел на небольшом самолете ПО-2 на рекогносцировку. Примерно в два часа дня, услышав шум подлетавшего самолета, мы вышли из помещения и смотрим, как сел самолет, а Яншин — навстречу нам, что-то кричит. Подошел и говорит: «Идите все, возьмите образцы». Мы удивились, так как обычно Александр Леонидович всегда всё делал сам. Пошли, открыли дверцу самолета и смотрим — туши сайгаков. Все страшно удивились, так как знали, что ружья с собой у Александра Леонидовича не было. Стали расспрашивать, откуда сайгаки. Оказалось: летчик Николай Головкин, бывший летчик-испытатель, увидел стадо сайгаков и они решили добыть несколько штук, так как с продуктами в экспедиции было туговато. Они снизились и на бреющем полете стали сбивать сайгу шасси. Если учесть, что рост ее 70—80 см, то можно представить себе, как это было смертельно опасно: малейший бугорок — и все. Правда, насладившись нашим изумлением, Александр Леонидович велел, чтобы никто из нас не смел это повторять.

3.9. Геологи и медведи

Медведи на Севере • Голодный медведь очень опасен • Молоток спас от медведя • Молоток против медведицы • Случай в Южном Верхоянье •

Медведица и банки • Берлога в сибирской тайге • Неудачная охота на байкальского медведя • Встреча в горах Алатау • Застенчивый медведь • Медведь под черёмухой • Как защитить продукты от медведей • Как медведь ловил утку • Медведь в испуге • Медведь в карельском озере • Медведь раздумал есть девושек? • Медведи на Итурупе

Медведи на Севере

Вадим Сафонов рассказывает о медведях. Оказывается, медведи — каннибалы! [57, с. 150—167].

МЕДВЕДИЦА С МЕДВЕЖАТАМИ. Рожденные в середине зимы в берлоге, медвежата держат плотный контакт с матерью около двух лет. И лишь на третьем, проведя весну вместе, они «получают путевку в жизнь». Медведь — ярко выраженный хищник-одиночка, и необходимость столь длительной жизни с матерью объясняется двумя причинами. Первая заключается в том, что в течение этого времени медведица обеспечивает безопасность медвежат, спасая их тем самым от нападений крупных самцов. Ведь крупные самцы задавливают и съедают не только медвежат, но и молодых медведей. Вторая причина — необходимость передачи медвежатам навыков многотрудной таежной жизни. Медведица два лета плотно занимается их воспитанием. Слишком многому нужно научить малышей, а затем — подростков: как собирать и искать ягоды, ловить рыбу и искать гнезда, раскапывать норы и при этом не упускать грызунов. Нужно понять и усвоить, как выбирать место для засады на горного барана и выжидать оленей, притаившись у перевальной тропы. Наверное, нелегко разобраться в отводящих маневрах зверей и птиц, спасающих свое потомство. И уж совсем сложно понять,

как путать собственные следы на пути в берлогу и «сотрудничать» с вороном в поисках пищи. Кроме того, хочется с подрастающими братьями полазить по деревьям и покататься на снежниках.

Медведица строга и внимательна. При этом она не скупится на тумачи, отчего медвежата забиваются в кусты и всхлипывают. Не зря в цирке основным инструментом дрессировки медведей служит деревянная дубинка. Только в раннем возрасте медвежата постоянно находятся возле матери, а в момент опасности буквально путаются у неё под ногами. В дальнейшем медвежата могут удаляться от матери на десятки метров. Так, геолог, Б. Филимонов, неспешно продвигаясь по руслу таежной речушки со спиннингом в руках, услышал в кустах поймы звуки, напоминающие всхлипывание и скуление. Немедленно с другой стороны заросшей косы, в нескольких десятках метров по отношению к нему, послышался сильный треск в кустарнике, и мимо в направлении призывных звуков пронеслась медведица, которая издавала ревушие звуки, сообщающие медвежонку, что рядом она, а не хищный самец. Интересно, что проскочив в двух метрах от неподвижного человека, медведица только взглянула на него.

*Голодный медведь
очень опасен*

Свидетельство Вадима Сафонова [57, с. 156].

Вертолет высадил пять человек в устье небольшой реки на Охотском побережье. Поставив лагерь и пообедав, геологи решили осмотреть скальное обнажение, расположенное на другом берегу в ста метрах выше по течению. Найдя брод около лагеря, перешли на другую сторону речки и подошли к обнажению. Единственное ружье осталось в палатке. За стуком молотков и обсуждением прошло какое-то время. Вдруг на другом берегу появился медведь, направляющийся прямо к людям. Стуки молотков и крики не произвели на него никакого впечатления. Подойдя к реке напротив людей, медведь сунулся в воду, но там было глубоко и холодно, а купаться в холодной воде начала лета, ему, отощавшему, не захотелось. Тогда он решил согласно имеющемуся меню заменить мясную пищу на вегетарианскую и направился в лагерь. Геологи оказались бы в редкой по тяжести ситуации, если бы не мужество одного из них. В то время, когда медведь направился к лагерю, геолог Николай Чамов побежал в том же направлении, но по этому берегу. В спешке, перейдя сложный брод, он добрался до ружья и в упор застрелил зверя. За короткое время медведь разорвал две из трех палаток и уже добрался до продуктов. Безусловно, это был оголодавший и вследствие этого агрессивный зверь. Маленькая деталь: медведь мог и не направиться в лагерь, если бы в качестве альтернативы его не привлек запах остатков пищи.

Во время больших таежных пожаров медведи мигрируют за пределы родных территорий и, не зная новых мест кормежки, оголодавшие и потерявшие осторожность, сначала появляются на помойках таежных поселков, а затем начинают нападать на людей.

*Молоток спас
от медведя*

Рассказывает Вадим Сафонов [57, с. 161].

Геолог А. Рейтлингер в одиночку пересекал крупный перевал. Прямая битая тропа, совпадающая с зимней нартовой дорогой, шла среди высоких кустов кедрового стланика. Карабин висел только на правом плече, а в широкое горло полупустого рюкзака за спиной был вставлен геологический молоток, длинная ручка которого заканчивалась где-то около шеи. Люди, не новички в тайге, часто чувствуют присутствие медведя. И на это раз чувство опасности не покидало геолога.

Вдруг боковым зрением он увидел вздрогнувший стланик и прыгающего на него сзади. Медведь ударил его лапой в спину. Удар был настолько сильный, что карабин слетел с плеча и улетел вперед. *«Сам я тоже пролетел по воздуху несколько метров и, падая, помню, схватился за нож и обернулся. А увидел я только зад медведя, исчезающего в кустах на другой стороне тропы. Мой позвоночник спасла крепкая ручка молотка. Она была переломлена, как спичка».*

*Молоток против
медведицы*

Фронтовик, академик Ю. М. Пушаровский вспоминает эпизод своей работы в Приверхоянье [55, с. 196].

В середине двадцатого столетия река Лена в нижнем течении была малообжитым районом. С востока она обрамлена Верхоянским хребтом, а с запада лежит равнинная область Восточной Сибири. Здесь лишь изредка встретишь якутское поселение. Бескрайняя, нетронутая тайга.

Мой геологический отряд работал на правом берегу Лены, в предгорьях Верхоянья. При маршрутных работах в таких местах главным методом является пересечение местности по рекам. Мы выбрали реку Лямпеску (другое название Манурушка), начинающуюся в Верхоянском хребте и впадающую в Лену примерно напротив устья Вилюя. По Лямпеске, описывая геологические объекты в склонах реки и на дне (воды было мало), мы поднялись довольно высоко и, закончив работу, расположились на залитой солнцем речной террасе, метрах в 15 над руслом. Передохнуть захотелось. Вдруг видим, что у русла, где мы только что были, появилась огромная медведица с двумя годовалыми медвежатами. Это опасный зверь. Не раз приходилось слышать о нападении медведей на человека. При этом они становятся на задние лапы и сдирают скальп. Особенно агрессивны медведицы с медвежатами. Что же нам делать, о Боже! Нас двое, оружия никакого. В руках только геологические молотки. И мы стали стучать молотками один о другой. Слышал я когда-то, что металлический звук их отпугивает. Услышав этот звук, медведи взяли паузу и, посмотрев на нас, буквально помчались вверх по довольно крутому противоположному склону. Не чуя под собой ног, по другому склону, мы устремились в лагерь.

Назовем весь этот эпизод происшествием с хорошим концом.

Случай в Южном Верхоянье [57, с. 166].

В августе отряд геологов работал в Южном Верхоянье по реке Делинья, правому притоку реки Томпо. В то лето в этом районе Якутии неурожай орехов кедрового стланика привел медведей в агрессивное состояние, и на окраинах поселков были случаи нападения хищников на людей.

Два геолога, идя по косе реки Делинья, увидели впереди себя переплывающего через реку медведя. Оружие было одно — короткоствольный кавалерийский карабин. До зверя было примерно двести метров, когда при выходе его из воды геолог Роман Галабала выстрелил по нему и попал. Медведь плюхнулся на косу и застыл обездвиженный. Оставив товарища, геолог стал приближаться к зверю.

«И здесь моя ошибка — не посмотрел на уши медведя», — говорит он.

С близкого расстояния медведь неожиданно двинулся на обидчика. Второй выстрел был неудачный. Но тридцатидвухлетний высокий и сильный мужчина не думал сдаваться.

«Сделав несколько прыжков, зверь передо мной приподнялся на дыбы. Не знаю, откуда взялись силы. Стволом я пытался попасть ему в пасть и, всей силой надавив на медведя, повалил его. Тогда зверь стал работать всеми четырьмя лапами. Когтями он порвал мне кожу на голо-

ве, сзади на шее, на груди и ремень. Шомпол, торчащий под стволом карабина, зацепился за щеку зверя. Я только дотянулся до затвора, когда медведь мгновенно вскочил и прыжками дернул по косе в сторону кустов».

Столь резкую перемену в поведении медведя геолог объясняет отпугивающим, резким запахом пороха, попавшего медведю в ноздри прямо из ствола.

После следующего выстрела медведь резко изменил направление и скрылся.

Действительно, как свидетельствуют охотники-промысловики, запах пороха оказывает сильное действие: «*Волки истопчут весь снег перед убитым оленем, оставленным, но мяса не тронут, если оставить одну только что стреляную гильзу*».

В память о схватке у геолога Р. Галабалы остались шрамы и порванный ремень.

Медведица и банки

Профессор геолфака МГУ Ю. К. Бурлин рассказывает эпизод работы на Чукотке [10, с. 197]. (В. В. Донцов — начальник отряда).

Отправились мы с В. В. Донцовым вдвоём в маршрут на пару—тройку дней. Была у нас с собой маленькая палаточка (памирка), да ящик для продуктов, в основном, в консервных банках. Ящик, покрытый клеёнкой, стоял у палатки. Сверху мы положили пару камней и ружьё. Оружие всегда было с нами, мало ли чего. В данном случае это был револьвер у Донцова (начальник!) и ружьё. Очень оно мешает в маршруте, когда за спиной рюкзак, надо ещё нагибаться, колотить камни, брать образцы, описывать, зарисовывать и т.д. Поэтому-то мы его и оставили. Вечером возвращаемся, смотрим — у нашей палатки медведица с медвежонком. Откинула она наше ружьё, содрала клеёнку и хозяйничает. Мы и стучали и кричали — никакого внимания. А подходить боимся, револьвер слишком слабое оружие. Интересно медведица обращалась с консервными банками. Возьмёт в лапы, покидает как фокусник, потом как бы хлопнет в ладоши, и банка трескается. Полижет, полижет её и отдаёт медвежонку. Когда медведица достаточно поразвлекалась и наела, она повернулась в нашу сторону, как следует рывкнула и неспешно удалилась. Мы подбежали и увидели, что всё порвано, перемято, крупа рассыпана. Самое интересное — банки. Они были со сгущёнкой и с каким-то другим содержанием. Последние были частично помяты, а частично нетронуты. Банки же со сгущёнкой были все раздавлены и вылизаны. Каким образом медведица разбиралась в них и сортировала, осталось для нас загадкой. В данной ситуации мы совершенно не чувствовали себя царями природы. Вот такой был нам преподан урок. В похожие ситуации попадали и наши товарищи.

Берлога в сибирской тайге

Рассказывает колымский геолог Борис Вронский [18, с. 73—74].

Продираясь сквозь заросли, мы случайно наткнулись на медвежью берлогу. Слово «берлога» ассоциируется обычно с представлением о какой-то яме-пещере под корягой или под вывороченным с корнем деревом, из-под которого с ревом может выскочить ее разъяренный хозяин. Здесь же среди густейших зарослей молодого лиственничника в земле вырыта небольшая яма-нора с навесом из скрепленного корнями почвенного слоя. Дно ямы выложено мхом. Большая куча его лежит рядом.

Янковский¹⁰, прекрасно знающий повадки зверей, рассказал, что медведь тщательно готовит себе зимнюю квартиру. Он заранее собирает мох, делает большой запас его около ямы,

¹⁰ В 1958 г. (когда геолог-пенсионер Б. И. Вронский принял участие в академической экспедиции К. П. Флоренского) охотовед К. Д. Янковский был единственным человеком, который работал еще с Л. А. Куликом в его Второй экспедиции 1929 г.

задом, пятясь, влезает в нее, ложится головой к выходу, загребаёт лапами лежащий около входа мох, тщательно затыкает им отверстие-вход и, замурававши таким образом свою зимнюю квартиру, впадает в спячку.

Встреченная нами берлога, видимо, служила прибежищем небольшому медведю. На окружающих деревьях были видны следы когтей. Это одна из ритуальных процедур, которые медведь обязательно продельвает около своего жилища: становясь на задние лапы, он сдирает когтями кору, делая своего рода затес, указывающий, что место занято. Обычно берлога служит медведю только одну зиму. На следующий год он устраивает себе новое логово.

Неудачная охота на байкальского медведя

Владимир Обручев рассказал о своем лагере в 1898 г. у южного конца Байкала (почтовая станция Култук). Медведь отложил пожирание своей добычи на следующий день [2, с. 33—34].

Под вечер на почтовую станцию в Култук, откуда я собирался ехать дальше, пришел охотник, который был моим проводником во время поездки на копи слюды и ляпис-лазури, и предложил мне принять участие в ночной охоте на медведя. Вблизи села Култук прошлой ночью медведь задавил лошадь и не смог утащить её подальше в тайгу. Можно было думать, что к ночи он опять придет, чтобы доесть свою добычу. Я согласился, зарядил левый ствол двустволки круглой пулей, и мы отправились вдвоем к месту, где лежала лошадь; это было недалеко от села, вблизи кругобайкальского тракта на маленькой лужайке. В окружающих её кустах, мы, как только стемнело, расположились в засаде шагах в двадцати от падали. Просидели часа три, но медведь не явился. Вероятно, накануне он нажрался так плотно, что не захотел прогуляться опять к своей жертве и отложил это на следующий день. В этот раз комары не досаждали нам так, как на берегу Сармы, когда я с другим охотником караулил изюбря у солонца. Теперь был конец сентября, и комаров и даже мошки уже не было.

Встреча в горах Алатау

Встреча отряда Горелова, направлявшемуся к горе Каным на ЮЗ Кузнецкого Алатау, в начале июня 1950 г. с медведем — на водоразделе хребта, где они заночевали с 8-ю вьючными лошадьми, которых вели в поводу. Их было 13 человек, шли они от Сталинска (Новокузнецка) в район р. Верхняя Терсь. Горелов был перед этим назначен на должность главного инженера Терсингской ГРЭ. Они собирались искать магнетитовые руды [22, с. 104—105].

Спали мы в ватных спальных мешках, но всё равно очень замерзли, так как ночью ударил настоящий мороз. Утром проснулись рано. Рабочий, который вылез из палатки первым, истошно закричал: «*Медведь!*». Мы все вскочили и выбежали из палаток. Примерно в тридцати-сорока метрах от лагеря торчала невысокая скала, а на ней сидел медведь, с любопытством разглядывая пришельцев. Место на вершине было покрыто редким карликовым кустарником, и медведь был здесь полным хозяином. Лошади, естественно, заметили медведя раньше нас, они сбились в кучу и похрапывали. По обстановке было видно, что медведь пришел недавно. Чувствуя опасность, лошади обычно прибывают к людям. Такие случаи у меня были и раньше в горах Алтая. Первым делом надо было обезопасить лошадей. Рядом с лошадьми было большое поле курумника (каменная россыпь), в испуге лошади могли кинуться в сторону курумника и там поломать ноги. Я взял ребят-таежников, собаку, таз, и мы пошли наперерез, чтобы отогнать медведя от лошадей в противоположную от курумника сто-

рону. Для того, чтобы напугать медведя, я бил палкой по алюминиевому тазу. К моему удивлению, медведь хладнокровно отнесся к нашим действиям и подпустил нас совсем близко. Меня даже пробрал страх, это была первая моя столь близкая встреча с грозным зверем, самым крупным из медвежьей породы бурый медведь. Он стоял перед нами, и трудно было представить, что он предпримет в следующий момент. С нами была маленькая собака-дворняжка, она, увидев медведя, оторвалась от нас и быстро побежала с громким лаем в сторону медведя. Он с ней связываться не стал, спустился со скалы и быстро побежал вниз по склону.

Застенчивый медведь

Томский геолог Сергей Гудымович рассказывает о встрече с застенчивым медведем [61, с. 351].

Я возвращался из маршрута, за мною еле плелась сильно уставшая за день студентка-практикантка. Шли мы по просеке, недавно прорубленной лесозаготовителями. Было у меня и ружьё, но патроны кончились — попадались рябчики. До лагеря на реке оставалось несколько километров.

В какой-то момент до меня донеслись из долины реки выстрелы и крики. «...*Наши охотятся...*» — подумал я. А немного спустя с той же стороны донёлся характерный шум: кто-то продирался сквозь частый сухостой мелкого пихтача. В полной уверенности, что это кто-то из наших, я несколько раз окликнул его — нет ответа. А шум ближе и скоро этот кто-то должен выйти на просеку. «*Уж не медведь ли?*» — подумал я и, ещё не веря в это, но с тайным беспокойством, стал громко лаять по-собачьи. А шум ещё ближе, этот кто-то заворачивает и идет мне наперерез... Я замедлил шаги, преодолел небольшой подъём и остановился как вкопанный: на просеку вывалился медведь! Если бы я не притормозил, мы сошлись бы нос к носу! А так между нами было несколько метров...

Впервые я почувствовал, что значит «ватные ноги», особенно когда он поднялся на задние лапы и повернул морду в мою сторону. Всё, что я смог сделать, так это с трудом выдавить отставшей студентке: «*Тамарка, медведь!*». И тут произошло неожиданное: с радостным воплем «*Где?*» она бросилась ко мне! Медведь опустил на все четыре и исчез в зарослях. Так она его и не видела.

Медведь под черемухой

Как (по рассказу томского геолога Владимира Мурзина) его товарищ, бывший фронтовик-артиллерист, в обжитом месте недалеко от Чуйского тракта в Горном Алтае (который в лагере в 1933—36 гг. строил мой отец — Эли Гершевич Шноль) — на тропинке под черемухой чуть не наступил на медведя, и какой ужас при этом испытал — из-за своей офицерской полевой сумки! [61, с. 410—411].

Случилась эта оказия вскоре после войны с моим товарищем, геологом. Работали они тогда в северной части Горного Алтая недалеко от Чуйского тракта, в местах, в общем, довольно обжитых.

Дело было летом.

В одной из деревушек товарищ нанял на работу однорукого молодого парня из бывших солдат. Тот исполнял у него обязанности маршрутного рабочего, т.е. носил за ним рюкзак с образцами камней, готовил пищу и оказывал другую посильную помощь.

Возвращаются они однажды из маршрута. До деревни, где квартировали, оставалось с километр-полтора. Склоны долины здесь пологие, безлесные, с редкими раскидистыми ку-

стами черемух. Вдоль склонов коровами протоптаны многочисленные тропинки. По одной из них и шествовали наши друзья.

Впереди шел товарищ, в нескольких метрах за ним двигался его однорукий помощник. За спиной парня висел тяжеленный сидор, полный камней. На боку у геолога красовалась шикарная офицерская полевая сумка, оставшаяся с войны, предмет зависти невоевавшей братии, в руках геологический молоток, за спиной заряженная двухстволка — тоже трофеей, привезенный с войны.

Вдали уже показались крыши домов. Товарищ расслабился, поглядывает по сторонам, посвистывает. Ноги сами несут по тропинке к дому. Впереди тропинка ныряет под свесившийся край крупной черемухи. Здесь, как бы преграждая путь под черемуху, лежит обшарпанное коровьими копытами суковатое бревно — валежина.

Разогнавшийся товарищ сходу перешагнул через бревно, нагнулся под ветки и ... дыхание у него остановилось, фуражка вздыбилась на вставших колом волосах. В тени под черемухой, прямо на тропинке, он увидел лохматый бок мирно дремлющего на ветерке бурого медведя. Бок зверя, в такт дыханию, ритмично поднимался и опускался. Если бы товарищ шагнул дальше, он бы прямо наступил на косолапого. Однако в последний момент он успел резко рвануться назад и, зацепившись за бревно ногами, рухнул на спину. Но падая, он успел сорвать с плеча ружье, выстрелить перед собой сразу из обоих стволов и еще громким воплем оповестить спутника о грозящей им опасности.

Упав, товарищ попытался вскочить на ноги, но тут же каким-то сильным жестким рывком был брошен на землю. Рванулся еще раз, но, не успев приподняться, снова был повержен вниз. Вконец перепуганный, уже почти ничего не соображая, он дернулся с такой силой, что что-то с треском оборвал и, словно сорвавшись с привязи, облегченный, отлетел далеко в сторону, в траву. Как выяснилось впоследствии, это оборвался ремень у полевой сумки, которая при падении товарища зацепилась за сучок валежины и затем так предательски швыряла его на землю, не давая подняться на ноги. Именно эти рывки и лишили его окончательно рассудка, потому что напугавшего их зверя давным-давно след простыл и все дальнейшее, кроме как паникой, ничем другим не назовешь.

Как защитить продукты от медведей

Об этом остроумном способе рассказывает ленинградский геолог-докембрист Дмитрий Михайлов [40, с. 61].

Позже я узнал, как в тайге можно сохранить от медведя съестные припасы. Непортящиеся продукты для длительного хранения подвешиваются в баулах на вершину сосны, а чуть ниже на веревке прикрепляют деревянную чурку. Медведь, унюхав продукты, лезет на эту сосну, чурка мешает ему подниматься выше. Он бьет лапой, но она возвращается на прежнее место. Медведь снова ее бьет, но уже с остервенением, и постепенно не только звереет, но и устает. Выбившись из сил, он покидает сосну.

Как медведь ловил утку

Свидетельство Дмитрия Михайлова [40, с. 62].

Пройдя Грековский порог, что ниже устья Б. Немныра, мы решили остановиться на ночлег. Поставили палатки на пологом каменистом берегу, который оканчивался над урезом воды обрывом высотой чуть больше метра. Рано утром, ещё только рассвело, мне понадобилось выйти из палатки. Зайдя за кустарник, я вдруг увидел, как по краю обрыва крадется медведь. Я замер. Но он не обращал на меня никакого внимания, поскольку ветер был со

стороны реки в мою сторону. Я стал наблюдать. И вдруг медведь припал грудью к краю скалы и лапой хлопнул по воде. Раздался всплеск и крики уток, вылетевших из-под берега. Охотник-медведь остался ни с чем и уныло побрел дальше. Было впечатление, что, увлекшись охотой, он не заметил ни меня, ни палаток.

Медведь в испуге

Как в якутской тайге медведь испугался «русского человека». Рассказывает карельский геолог Сергей Сабанов [46, с. 11].

Эту историю рассказал мне мой отец, Сабанов Ю. Г. Было это в начале 60-х годов. В то время мой отец работал главным инженером в партии Х064 Приленского ПГО, которая базировалась на р. Эльконка. Приехал к ним на практику Гукасян, бывший тогда студентом. Молодой, шустрый, весёлый, 100-процентный армянин. Пошли они с рабочим в маршрут. Внезапно из тайги выскочил здоровенный медведь и стал к ним приближаться. Рабочий мгновенно залез на дерево, а Гукасян или не успел залезть, или не смог, об этом история умалчивает. Но только он пошёл медведю навстречу, рванул ворот рубашки и страшным голосом закричал: «А-а-а! Ешь меня, русского человеком». Почему армянин назвал себя в минуту смертельной опасности русским человеком, неизвестно, но только медведь испугался и убежал. А Гукасян прослыл смельчаком, способным в одиночку прогнать медведя.

Медведица в кепке

Молодой Лев Красный на Сахалине, 1933 г. [21, с. 583].

Первый полевой сезон на западе острова в бассейне р. Лангери. Разыскивая лагерь геологической партии, я нос к носу встретился с медведицей и медвежонком. Ударяя от них, я потерял кепку, и вскоре в стенгазете появилась карикатура: длинными прыжками удирающий студент и улыбающаяся медведица, надевающая кепку на сыночка.

Медведь в карельском озере

Рассказывает карельский геолог Виталий Морозов [46, с. 47—49]. (Виктор Сергеевич — начальник геологосъемочной партии 1:200000).

Ребята стали спускаться вниз, а их руководитель, прихватив только молоток, пошёл вдоль скалы. Не успел он пройти и полсотни метров, как снизу донесся громкий крик, перешедший в вопль. Решив, что там случилась беда, Виктор Сергеевич опрометью бросился на помощь.

— *Смотрите, смотрите, кто-то плывёт сюда, какой-то большой зверь*, — орал Сашка, а Витёк в это время медленно пятился к вертикальной стенке обнажения, чтобы в случае чего быстро подняться вверх. Виктор Сергеевич привычным движением поднёс к глазам висевший на шее бинокль и громко выругался непечатными словами.

— *Да это же медведь. Матёрый. Он на середине озера. Бежать уже поздно. И никто не знает, какие у зверя чёрные замыслы. А я-то, дурак, пистолет не взял. Не послушал начальника. Теперь бы как раз пригодился «парабеллум». Всё-таки калибр 9 миллиметров. И прицельная дальность стрельбы сотня метров.*

— *Может, я с мелкашки попробую*, — предложил Сашка.

— *Попробуй. Убить с твоей пикиалки трудно, но хоть отпугнёшь.*

Сашка не обиделся на такие слова. Он спешно скинул фуфайку, расстелил у бревна, передёрнул затвор и лёжа с упора прицелился, затаив дыхание.

Щёлкнул выстрел. В тот же миг медведь резко провёл по своему широкому лбу передней лапой, как будто отмахиваясь от комаров. Сашка выстрелил ещё раз. Всё повторилось. А до медведя оставалось каких-то три десятка метров.

— *Ты повнимательнее целясь промеж глаз. Там слабое место. Сочленение лобных костей. Чем чёрт не шутит, вдруг попадёшь*, — советовал Сашке не только старший товарищ, но и опытный охотник.

Сашка лихорадочно передёрнул затвор, перевёл дух, прицелился, как советовал Виктор Сергеевич, и выстрелил. Медведь завертелся, большая его голова на мгновение скрылась под воду, но, вскоре вынырнув, зверь стал шумно брызгаться лапами, как будто давал знать, что тонет. Он даже ненадолго показал свой мокрый мохнатый бок, и подумалось, что свернул в сторону. Но потом, не глядя на продолжающиеся выстрелы, хоть заметно медленнее, всё-таки продолжал плыть туда, где люди. И после каждого выстрела вроде бы останавливался, устраивая вокруг себя целые водовороты.

Виктор Сергеевич взял увесистый топорик, а тяжёлый геологический молоток на длинной рукоятке передал Витьку.

— *На! Будем готовиться к обороне. Пришибленный множеством пуль, зверь явно не в себе. А у Сашки, по-моему, остался в магазине последний патрон.*

Когда Сашка в очередной раз нажал на спусковой крючок, до берега медведю оставалось меньше десятка метров. Уже без всякой оптики была видна его громадная голова и мощные лапы, которыми зверь орудовал, как хороший пловец.

Грохнул выстрел. Именно грохнул... Этот последний выстрел показался самым гулким из десяти. Он прозвучал, видно, в то самое время, когда медведь подцепил задними лапами илистое дно. Оставался один бросок — и зверь на берегу. Но вместо броска он завертелся волчком, застонал-завыл почти по-человечески. Так, что громкое эхо огласило округу. Поднял такой фонтан воды, смешанной с придонным илом, что брызги долетели на берег.

Сашка тем временем заряжал магазин винтовки очередными десятью патронами.

— *Знать, хорошо ты его зацепил, Сашок*, — ласково похвалил Виктор Сергеевич.

А водные буруны вокруг медведя не утихали. Вертясь и кувыряясь, он то приближался к берегу, то отплывал обратно в озеро. Скоро, однако, стало видно, что силы покидали зверя. Всё чаще его громадная голова погружалась в воду и подолгу не всплывала на поверхность.

— *Мне стрельнуть ещё или не надо?* — спросил Сашка.

— *Не надо. На суше он и раненый, даже в предсмертных конвульсиях, растерзал бы нас. А тут, видишь, успокоился. Думаю, нахлебался воды и просто утонул, очумелый от ран. Но ты, Сашка, молодец. Не сдрейфил. И, как выяснилось, стрелять хорошо умеешь. Будь моя воля, присвоил бы сейчас же тебе звание мастера спорта по пулевой стрельбе и представил к награждению медалью «За храбрость». В старину была такая, вручалась вместе с Георгиевским крестом воинам, отличившимся на поле брани. Считаю, что ты сегодня выиграл свой первый и очень важный бой*, — многозначительно закончил бывалый человек похвалу юному студенту.

То ли течением, то ли ветерком прибило медведя к узкой полоске пляжа. Затащить его на берег оказалось непростой задачей. Хорошо, что берег тут был пологим. С трудом мужики доволокли тушу до ближайшей ели и укрыли толстым слоем лапника. Начинало смеркаться.

— *Ну, ребята, давайте сообразим чайку, поужинаем и спать. Сегодня мы отличились. Хоть не на геологическом поприще, но удача сопутствовала нам. Завтра в быстром темпе придётся возвращаться на базу, брать с десятков рабочих, чтобы освежевать тушу медведя и вынести мясо. Тут его будет не меньше двух центнеров. Как со здорового быка. Теперь свежатины хватит надолго. А потом повторим маршрут*, — вынес свой вердикт Виктор Сергеевич.

Но маршрут завершить не удалось. Погода испортилась. Пошёл снег. А медвежатины хватило до самых ноябрьских праздников. Жировали всей партией.

*Медведь раздумал
есть девушек?*

Тогда тувинский, а потом уральский геолог В. В. Зайков описывает эпизод в Туве [29, с. 82—83].

Но какая же тайга без медведей? Встречи с этим зверем бывали неоднократно, но заканчивались благополучно. Запомнилась одна сцена, когда маршрутную пару, двух студенток, скрытно сопровождал медведь. Мой маршрут проходил по соседнему хребту на границе леса, и в бинокль я отлично видел происходящее, но сделать ничего не мог. Одно из самых жутких впечатлений в моей жизни! Медведь крался позади и немного ниже девушек метрах в ста, затем, к счастью, отстал и вернулся к своим заботам. А студентки даже ничего не заметили и потом долго «охали»: *«Вот посмотреть бы на мишку!»*

*Медведи
на Итурупе*

В 1965 г. геолог Владимир Знаменский занимался ревизионными работами на самородную серу на Курилах — на о-ве Итуруп. Там обитало множество медведей. Сначала геологам это даже нравилось, так как при полном бездорожье они использовали медвежьи тропы. Но потом отношение к медведям у них изменилось... [20, с. 213—214].

В конце сезона отношение к медведям у нас довольно сильно изменилось. Во-первых, был печальный случай, когда один из рабочих почти целый день провисел на ветке березы, спасаясь от разъяренной и строго охраняющей своих двух медвежат медведицы. Во-вторых, медведи разорили наши базовые палатки. На р. Куйбышевке, где медведей было великое множество, была порвана палатка, скрытая в кустах под деревьями. На большой территории вокруг был рассеян мешок муки, были прокушены, раздавлены около ста банок консервов — тушонки и сгущенки. Встречи с медведями, особенно близко, не вызывают никакого удовольствия. Создается вакуум в области желудка и холодеют руки. Здесь главное не бежать, а отвинтить крышку фальшфейера или быстро зарядить ружье. Если оно не в сложенном виде в рюкзаке. Лишь один раз, уже в конце сезона, с удовольствием наблюдали медвежью рыбалку. Он лапой ловко молниеносным ударом выкидывал на берег горбушу из быстрины, по одной уносил на высокую песчаную пойму среди увядших лопухов и закапывал в песок. Потом мы наблюдали, как медведь выкапывает полупротухшую горбушу, голова и хвост которой свисают из пасти, забирается на удобное возвышенное место, садится как собака и начинает ее жевать. Заметив нас, он вскочил во весь свой гигантский рост и, развернувшись, одним прыжком скрылся в бамбуке. Бегаёт медведь галопом очень быстро, даже по непролазной растительности. По беслесным осыпям в камнях он обычно бежит в гору. На вулкане я обратил внимание на громкий скулеж и осыпание камней. Оказывается, медведица галопом летела в гору, а камни из-под ее лап попадали на несущихся за ней двух медвежат, она так уводила их от опасности встречи с нами. Бамбук и стланик расступаются в обе стороны при каждом прыжке, ведь весят взрослые бурые медведи до полтонны и больше.

3.10. Геологи на рыбалке

3.10.1. Таймень — сибирская акула!

Как ловили тайменей на Котуе • Почему таймени — мерные • Ловля тайменей на Вилюе • Ловля тайменей на «мышь»

Как ловили тайменей на Котуе

Лев Махлаев описывает, как их ловили в яме под порогом Улахан-Уоран [38, с. 258—260].

К концу сентября мы вышли туда, где проходила наша весновка. Могучий и стремительный Котуй прорезал в этом месте мощный долеритовый силл, формировавший почти отвесные трехсотметровые обрывы в левом борту долины и грозный порог Улахан-Уоран, преграждавший эту могучую реку. «Улахан Уоран», собственно, и означает по-якутски «Большой порог». До Улахан-Уорана по Котую могли подниматься плоскодонные «колесники», а в большую воду туда доходили даже килевые мореходные суда с осадкой более пяти метров, — например, гидрографическое судно «Лаг», приписанное к Хатинской гидробазе. Выше порога не могли подниматься даже катера, поэтому на многих картах эта точка отмечалась значком, символизовавшим точку «начала судоходства» на Котуе. Порог был впечатляющим. Река ревела, покрытая сплошными бурунами, цепочка скал преграждала русло, а ниже порога, прямо под этими скалами, в тихих глубочайших заводях водились громадные таймени, пожиравшие все, что выносили из порога струи воды: ошалевшую рыбу, калеченых гусей, уток и даже зазевавшихся оленей. Мы ловили этих тайменей весьма примитивной, но вполне надежной снастью. В алюминиевой ложке пробивали гвоздем две дыры — одну в ручке, а другую в конце ложки. Отверстие в ручке делали побольше, и в него продевали плетеный капроновый трехмиллиметровый шнур, длиной метров 20—25. В меньшее отверстие продевалась толстая капроновая жилка (1—2 мм), к которой крепился мощный рыболовный крючок-тройник. На крючок насаживалась рыба или птичья голова, либо кусок мяса, либо, наконец, просто красная тряпка. Такая снасть именовалась закидушкой.

Один конец шнура обматывался вокруг ладони, затем собирался петлями, подобно лассо или аркану. Ложку раскручивали над головой и забрасывали метров на 15—20 (как удастся) в воду. Потом шнур быстро выбирали руками, чтобы ложка с крючком и наживкой плыла, а не тонула. Несколько забросов — и крючок обязательно хватал полуторапудовый громада-таймень. Вытянуть его на берег было невозможно, поэтому на рыбалку всегда ходили вдвоем: один ловил рыбу на закидушку и подтягивал ее к берегу, а другой (обычно это был я) стоял наготове с мелкашкой и стрелял речному чудищу между глаз, как только его голова показывалась из воды.

Кстати, из тайменьей головы мы обычно варили уху, но голова была так велика, что засунуть ее в ведро можно было, лишь разрубив на части. Зато, если готовая уха оставалась в ведре на ночь, она превращалась к утру в заливное. Что же до тайменьего мяса, то мы его жарили крупными ломтями. Одной рыбы хватало группе из 10—12 человек на очень сытный ужин и не менее сытный завтрак, а то и вообще на пару дней.

Почему таймени — мерные

Это объясняет Лев Махлаев [38, с. 260—261].

Вообще таймени в определенных местах бывают, как говорят, «мерными», то есть примерно одинаковыми. Объясняется это просто. Таймени не только прожорливые хищники, но к тому же и каннибалы. Собрат для него — это прежде всего конкурент, а потому собрата надо съесть в первую очередь! Вот таймени и пожирают всех, кто меньше ростом. Небольшие

таймени могут выжить лишь в том случае, если они удерут в пустую реку, где еще не обосновались гиганты, и дадут начало новой популяции. Там они будут постепенно набирать рост и вес, поедая тамошнюю мелочь. Поэтому в зоне «взаимной досягаемости» живут примерно равновеликие особи, которые сожрать друг друга не в состоянии. Вот на Улахан-Уоране «стояли» таймени весом 20—25 кг, изредка даже чуть больше.

Ловля тайменей на Вилюе

Это опасное занятие для новичков! Свидетельство Юровского [62, с. 160—161].

Вода спала, и громадные валуны порога вылезли на поверхность погреть свои бока под нежарким северным солнышком. Между ними в пене злобно ревела река. Ниже порога образовалась приличная заводь, где я и собирался попробовать новые блесны. По всем приметам здесь должны были водиться таймени. Для тех, кто не ловил тайменя, могу сообщить — рыба эта не чета щуке. По рыбьей субординации, если и не король, то, по крайней мере, герцог здешних вод. Хищный, злобный, сильный. Скажем, щуку, даже очень крупную, тащишь, как бревно. Таймень же выделяет такие фортели, описать невозможно. Сила у него поистине богатырская, миллиметровую леску может порвать запросто. Ловят тайменя и на «мышья». Этот способ даже интереснее. Обшиваешь деревяшку какой-нибудь меховой шкуркой, цепляешь тройник, и «мышья» готова. Тащишь это сооружение по поверхности воды за крепкую капроновую бечеву и молишься, чтоб она выдержала при страшном рывке поклевки.

<...>

Первого тайменя я вытащил довольно быстро, хотя и повозился. Подтащил к валуну, на котором стоял, и выстрелил в голову. Старый прием, но действенный. Научили меня ему еще в первый год. Отнес я его на берег. Так себе таймень, скорее таймешонок. Килограмм на пять-шесть. Но красавец! Спина черная, пасть красная. Морда попорчена дробью, но все равно — красив. А дальше все пошло наперекосяк. Удилище согнулось в дугу и заходило ходуном. «Ого, — подумал я, — попался клиент в два-три раза крупнее». Сколько я бился с ним, не знаю, но видать, допустил промашку. Рыбина ухитрилась развернуться мордой в сторону реки и рванула по-настоящему. Ноги не удержались на скользком от брызг валуне, и я во всей амуниции рухнул в воду. Амуниции же было порядочно: бродни, ватные штаны, меховая куртка, патронташ, ружье. Только и успел подумать: «Вот чертов бугай!» В родной его стихии бороться с ним было бессмысленно. Надо было выбираться на берег, что я и сделал. Можно сказать, ударился в позорную ретираду. Спиннинг, естественно, бросил. Попробуй, не брось: скотина отбуксировала бы меня на середину реки, где я, отягощенный амуницией, благополучно бы утонул. Проклинаю себя за неосмотрительность, выбрался на берег. Ну, чтоб тебе отсюда не бросать, дураку. И купания бы не было, и, на худой конец, леску можно было забросить на плечо и тащить этого паразита без помех. Да что теперь сделаешь, все мы крепки задним умом. Безумно жаль было спиннинга с новой безинерционной катушкой.

А что же дальше? Дальше надо было разводиться костер и сушиться. Попробуйте высушить у костра меховую куртку и ватные брюки. Сразу расхочется пробовать. Вот пока они сушились, попрыгал я по валунам в надежде найти спиннинг. Хоть тут повезло. Вот он, родимый, между камнями застрял. Блесна цела, но у тройника все три крючка обломаны. Видно, когда спиннинг застрял между камнями, таймень рванул еще раз и обломал их. Вот это силища! Сколько же этот бугай весил? Поди теперь поверь, когда его и след простыл. М-да, говорили же мне мужики: не пользуйся ты этими покупными крючками, перекаленными и хрупкими. Закажи лучше у кузнеца нормальные — кованые и раза в три побольше. Не внял совету. Не поверил рыбацким байкам. Оттого и упустил, может быть, самую большую свою рыбацкую удачу. И поделом. Байка — ложь, да в ней намек. Дураков же надо учить.

Тайменя по праву называют акулой сибирских рек. Его вес чаще до двадцати пяти килограммов, а в реках Западного Саяна эта цифра возрастает до семидесяти. Таймень любит глубокие места после водопадов и порогов, так называемые улова или ямы.

Особенно это проявляется поздней осенью, когда хариус и другая мелкая рыба перед замерзанием рек, спускаются в низовья. Тогда таймени стоят с открытой пастью сразу под водопадом или порогом. В остальное время он хватает всё, что плавает в водной толще и на её поверхности, лишь бы пролезало в глотку. Утки не гнездятся на тех участках русел больших рек, где водятся таймени. Удобнее всего его ловить на «мышь». Наживка при изготовлении задумывается как белка, но получается более всего похожая на крысу. Обструганный брусок размером пятнадцать сантиметров расщепляется вдоль для того, чтобы пропустить внутри него леску толщиной один миллиметр с крупным крючком — тройником, укрепляющимся на конце бруска. Затем брусок обшивается мехом и закидушка готова. Конец лески привязывается к ремню на поясе. Вначале леску лучше делать подлиннее, позднее её длина будет определена дальностью заброса. Мех намокает, закидушка утяжеляется и поэтому летит далеко. Некоторые умельцы, стараясь придать ей максимальное сходство с живым зверем, приделывают хвост и глаза. И, как показывает случай, делают это довольно успешно.

3.10.2. Разное о рыбалке

Что такое тройная уха • Лучение рыбы на Унгре • Ловля рыбы лицом • Ловля рыбы руками • Кораблик • Хариус алтайский • Горячее копчение рыбы • Не повезло... • Рыбалка на Амазонке • Авторское-3: «не видел ни до, ни после»

*Что такое
тройная уха*

Виктор Ампилов рассказывает, как они рыбачили в протоках Печоры в Нарьян-Маре [6, с. 65].

Зато рыбалка была на славу. На моторном ботике мы уходили в многочисленные малые протоки, на которые разбивалась Печора в своем устье, и там, в тихих заводях, ловили рыбу в огромных количествах на простую удочку. Тут же на берегу в котелке варили тройную уху. Тройная означает то, что в одном и том же бульоне варится три партии рыбы. Сначала отбирается самая мелкая, тщательно отваривается и выбрасывается, если нет поблизости кошки или собаки, которым можно её скормить. Затем в том же бульоне варится еще одна партия рыбы чуть покрупнее, которую ждет та же участь быть выброшенной. И, наконец, в последнюю очередь отбираются для варки крупные куски наиболее ценных пойманных рыб, уже оставляемые в ухе, которую мы затем с удовольствием уплетаем.

*Лучение рыбы
на Унгре*

Как Борис Худяков, рабочий в отряде Н. Г. Судовикова, лучил рыбу на алданской Унгре летом 1953 года — свидетельство Льва Махлаева [38, с. 38—39].

Борис лучил рыбу так, как это делали наши далекие предки сотни и тысячи лет назад. На носу лодки, на выносном кронштейне была закреплена кованая решетка, так называемая «коза». Борис терпеливо дождался темной ночи: она должна быть безлунной, пасмурной и к тому же безветренной, чтобы вода не рябила, а была гладкой, как зеркало. Такие совпадения не бывают частыми. За все лето 1953 года таких ночей выпало лишь две!

Борис дождался темноты. В почти полном мраке он разжег на «козе» костер из заранее заготовленных и высушенных старых смолистых сосновых кореньев и оттолкнул лодку от берега. Картина была феерическая. По черной воде скользит круг трепещущего пламени. У края круга — лодка. Борис стоит на корме — подтянутый, собранный, но почти невидимый во мраке, и уверенно гонит лодку против течения, отталкиваясь шестом. В отблесках пламени и клубях дыма он, похожий не то на языческого бога, не то на дьявола, напряженно вглядывается в освещенную воду, высматривая спящую рыбу. Когда ему попалась на глаза достаточно крупная рыбина (от аршина и более), он проталкивал лодку на несколько метров выше по течению и осторожно (без малейшего всплеска) вытаскивал из воды шест, на верхнем конце которого и была закреплена острога — острые тройные зазубренные вилы. Рабочий инструмент (движитель лодки) превращался в грозное оружие. Трезубец бесшумно вводился в воду на 10–20 см, лодка тихонько сплывала, медленно проходя над спящей рыбой. Дальнейшее укладывалось в доли секунды: фигура Бориса замирала, как сжатая пружина. Удар острогой — и рыба отчаянно бьется на зубьях. Резким движением Борис выдергивает ее из воды и сбрасывает в лодку. А затем опять переворачивает шест трезубцем вверх, идет против течения и выискивает новую жертву. Лучение длилось часа два, до той поры, когда небо начало светлеть. Итог — больше центнера рыбы и ни одной сорвавшейся. Три крупных тайменя, метра по полтора каждый, такой же осетр, пара больших налимов и дюжина ленков. Такой промысел я бы не стал запрещать, ибо он требует от человека ловкости, незаурядной силы и отточенного мастерства.

Ловля рыбы лицом

Колымский геолог Виктор Володин рассказывает забавную историю о том, как ловили рыбу в речке Кулу (одна из составляющих Колымы; слияние её с Аян-Юряхом и образует Колыму) [16, с. 319].

Когда я приехал на Кулу, Авраменко рассказывал, что дня за два до нашего приезда проезжала к месту работ начальница партии Татьяна Афиногеновна Боровских. Остановливалась она на часок, и он угощал ее жареной рыбой — хариусами, пойманными в Кулу. Она спросила: «А чем же вы ловите рыбу?». Он, подумав, ответил: «Да вот этим, как его — лицом». «Каким лицом?» — спросила она в недоумении. Оказалось, что он «для смеха» притворился, что хотел заменить неприличное слово «морда» другим, более литературным.

А рыбу ловили действительно так называемой «мордой», то есть снастью, подобной обыкновенному вентеру, только сделанной из лозы или из ивовых прутьев. Эти сооружения, подобные корзинкам квадратного сечения, имели коническое окончание и входной, тоже конический ход и два полутора-двухметровых крыла, направляющие рыбу к коническому входу. Ставятся они на отмелой части речного берега входным отверстием книзу в начале лета, когда рыба идет к истокам реки, и наоборот — входом вверх, когда рыба ближе к осени спускается вниз по течению.

Поднимаясь в начале лета против течения и спускаясь осенью вниз, рыба иногда заходит внутрь морды, причем почему-то найти выход она не всегда умеет и попадает на сковороду.

Ловля рыбы руками

Как Дмитрий Михайлов в 1949 г. на Кавказе ловил форель [40, с. 97].

В горах Кавказа мелкие речки летом почти пересыхают, и на каменистом русле остаются так называемые «котлы», заполненные чистой водой. Они образуются при весенних паводках, когда вода с камнями и песком вымывает в отдельных местах глубокие ямы. Летом «кот-

лы» пополняются тонкими струйками воды. В таких «котлах» обычно много форели. Эту форель я ловил просто руками. Нужно было палкой взмутить воду, форель в мутной воде поднимается к поверхности и хорошо видна. Одно движение рукой — и рыбина выбрасывается на берег.

Способ Виктора Пучкова [54, с. 43—44].

В общем, затея с сетью не оправдалась. Зато вскоре мне пришел в голову совершенно нетривиальный способ рыбалки. Разгуливая после маршрута по камням на берегу озера, на границе воды и снежника, я меланхолично размышлял, по какой это причине камни так хорошо отполированы, плоски и выложены ровно, как паркет, причём часто промежутками-проливами шириной сантиметров по 10 между ними. Я это отнёс за счёт ледовой абразии. Такие «мостовые» встречаются и по берегам северных рек, где движущийся ранней весной лёд полирует и укладывает камни, так что они становятся ровными и гладкими. А здесь, даже в это позднейшее время, по глади озера ещё бродили крупные нарастающие льдины...

И тут я сделал стойку. Рыба! Между двух камней, в проливчике, я увидел хариуса. Тот в свою очередь завидел меня и быстренько слинял.

Однако идея уже возникла, и по мере тренировки начала приносить улов. Надо было только стоять неподвижно и ждать, когда очередной хариус войдёт в проливчик между двумя камнями, затем резким движением перекрыть руками пути отступления с обеих сторон и выкинуть рыбу на снежник, где она быстро затихала.

Кораблик

Как Виктор Пучков в 1963 г. познакомился с корабликом. Я (Я.Ю.), в свою очередь, узнал о кораблике от него — в 1967 г., на Щугоре [54, с. 25].

Наши туристы довольно быстро отплыли. Славные ребята! Я успел перенять у Володи навыки ловли хариуса, что в дальнейшей жизни сильно пригодилось. Работы оказалось много, и пришлось экономить взятые продукты, так что без рыбы нам бы не протянуть. У меня был спиннинг, но более уловистой оказалась местная снасть — кораблик, который я нашел в лопушняке у берега. Для тех, кто не знает: кораблик — это подобие воздушного змея, только водяной. Это доска с продольным грузом (свинец или толстый железный прут), благодаря которому она стоит в воде вертикально. К доске с помощью уздечки, как у змея, привязывается длинная леска, а на леску — поводки с крючками, замаскированными под мух. Это сооружение выгоняется на течение, вода тянет кораблик на стремнину, и мухи начинают плясать по воде, как настоящие, привлекая хищного и голодного хариуса. На широкой реке — такой как Большая Сыня — эта снасть уловистее, чем спиннинг или удочка. А впрочем, когда как.

Хариус алтайский

Как студент Вильнюсского университета Емельянов впервые наблюдал ловлю хариуса в алтайской речушке [27, с. 74—75].

Помню, начальник отряда на одной из стоянок говорил: «Клим и ты, Витя — за хариусом, Олег, Настя — за дровами, все остальные — быстро ставить палатки». Все разошлись. Я, как молодой практикант, конкретного задания не получил. Решил присоединиться к Климу и Виктору и пойти к быстрому ручью — речушке, где, по мнению Клим, и находился хариус. Удочек у нас не было.

Клим по пути вырезал более или менее прямую ветку какого-то деревца, быстро обрезал небольшие веточки, получилось что-то вроде удилища. Вынув из кармана мешочек, достал из него леску с уже прикрепленным к нему крючком, привязал леску к тонкому концу ветки, получилась походная удочка.

У речушки мы остановились. Она была узкой, шириной в несколько метров. И неглубокой. Русло состояло из перекаатов и плёсов. Глубина на перекатах была 10—50 сантиметров. Вода по ним бежала быстро-быстро, с журчанием перекаатываемых быстрым течением камушков и самого течения. На плёсах глубиной до метра течение ослабевало. Но оно было всё ещё заметным: брошенная в воду веточка там не задерживалась.

За ловлей хариуса я, как новичок, наблюдал впервые. Удивился, когда Клим размотал свою короткую и кривую удочку и забросил леску на перекат. Никакой рыбы, конечно, там не было: вода была прозрачной-прозрачной. И в ней видны были только камушки. На плёсах тоже виднелось дно, хотя вода казалось менее прозрачной. Но хариуса и там не было. Я подумал: «*И что же Клим будет ловить?*» Но не успел я закончить свою думку, как Клим резко дернул, и в воздухе мелькнуло что-то серебристое и извивающееся. Рыбак снял с крючка рыбку и бросил её мне, заметив: «*Собирай!*» Это была рыбка величиной со столовую ложку, с узким телом, с зеркально-серебристыми боками и синей спинкой. Не успел я толком разглядеть первого хариуса, как Клим уже выбрасывал второго.

Я стал смотреть на леску и думать: «*Откуда же братья хариусу, ведь в речушке никакой рыбы нет*». Но тут опять леска взлетела вверх, и серебристая рыбка снова засверкала в темно-сером небе.

Хариус — рыбка, обитающая в чистой, холодной и быстрой воде. Её вытянутое тело приспособлено к стремительным потокам, каковые и наблюдаются на перекатах небольших горных рек и речушек. Любимым лакомством хариуса являются мухи. У Климa мух не было, так как наступили холода, и ночью температура опускалась ниже 0°. Вместо мушки Клим к крючку заранее прицепил перышко. Леска была без поплавка и грузил, и практически не погружалась в воду. Перышко с крючком находилось на поверхности воды и быстро уносилось вниз по течению. И тут откуда-то выскакивал хариус, с ходу бросался на воображаемую мушку и ... оказывался у меня в котелке.

Клим поймал то ли пятнадцать, то ли двадцать рыбок. Больше хариус «не брал».

Горячее копчение рыбы

Геофизик Ю. М. Ампилов (ставший впоследствии на некоторое время даже начальником ГКЗ!) рассказывает о том, как студентом-дипломником геолфака МГУ он в 1978 г. научился в Нарьян-Маре коптить рыбу, которую они в огромных количествах ловили в протоках Печоры [6, с. 65—66].

Поскольку съесть такое количество рыбы быстро невозможно, то после рыбалки следовало значительную часть улова переработать и заготовить впрок, поскольку никаких холодильников при отсутствии электричества не имелось. У нас, конечно, был маленький дизельный «движок», обеспечивающий один киловатт мощности, но запускали мы его только в случае крайней необходимости, когда это требовалось для работы. В тех условиях полярной тундры, в которой мы находились, у нас осталось два способа <...>: вяление и копчение. В первом случае после предварительной непродолжительной засолки надо было вывесить рыбу в хорошо проветриваемое сухое место, чтобы она быстро высохла до состояния привычной нам воблы. Главная трудность тут была в том, чтобы не позволить назойливым мухам отложить яйца, что привело бы к появлению в рыбе личинок мух и быстрой ее порче. Вторым

доступным способом было копчение, которое, как и в первом случае, начиналось с предварительной непродолжительной засолки. В земле вырывали неглубокую канаву длиной метра два и перекрывали ее сверху досками или кусками фанеры, присыпая затем землей. С одной стороны образовавшегося горизонтального дымохода разводили костер, а с другой ставили бочку без дна. Нанизанную на веревках рыбу на горизонтальных деревянных жердочках опускали в бочку и накрывали все это обычным мешком. Через пару часов рыба горячего копчения была готова. Особенно вкусным и сочным получался обычный речной окунь, который в здешних местах был чаще всего весьма крупным. Ничего более вкусного в магазине не купишь даже и сейчас. Щуки и сороги явно уступали ему по вкусовым качествам. Для того, чтобы получать рыбу холодного копчения, надо было удлинить дымоход, понизить температуру и поддерживать костер в тлеющем состоянии более суток. Соблюсти такую технологию в тундровых условиях было невозможно.

Не повезло...

Рассказывает карельский геолог Сергей Сабанов [46, с. 16, 18—19].

Мой новый друг в Карелии — Андрияша Головки. Он работает начальником каротажного отряда, а посему он весел и общителен (грустных и скучных начальников каротажных отрядов не бывает: по должности не положено). Ещё один новый товарищ — Женька Смирнов (в миру — Джохан), мастер Самоделкин. В его умелых руках любая техника горит. То есть сначала она горит, а потом ломается. Но Женька не унывает, складывает её по углам, а углов у него много.

— *Когда-нибудь и до этой железки руки дойдут,* — говорит он.

Я ему верю, конечно, дойдут, раз он говорит. Вот только когда? Так вот, эти весельчаки купили у какой-то бабушки по дешевке старый дом в деревне Тамбицы. Решили мы с Андрияшей туда поехать. По Андрияшиным рассказам там должна была быть знатная рыбалка. Тамошние рыбы знали его лично и сызмальства мечтали быть им пойманными. Понятно, что после таких рассказов я сгорал от нетерпения оказаться в деревушке со сказочным названием Тамбицы. Повторял его про себя на все лады и мечтал поскорее закинуть в озеро свой спиннинг...

<...>

Всё получилось как нельзя лучше... С первого же заброса последовал зацеп. Как я ни пытался освободить блесну, ничего не получалось. Видимо, бревно, подумал я. И вдруг бревно «пошло». Да так быстро, что я сбил себе пальцы о катушку, пытаюсь притормозить его ход. «Бревно» хлопнуло зубастой пастью и уплыло восвояси, унося мою лучшую блесну. Андрияша только рот раскрыл. Больше блесен не было, остальные я счастливо забыл, собираясь в спешке. Удручённые, мы побрели обратно.

Пришли в избу. Делать было нечего. С горя протопили баньку, попарились. Сразу полегчало. Попили чайку с вареньем, и наступила ночь. Утречком без приключений добрались до Великой Губы. А щуку мы договорились подкараулить в следующий раз. Будет знать, как наши блесны откусывать!

*Рыбалка
на Амазонке*

Как следует из описания морского геолога, профессора Е. М. Емельянова, в 1983 г. наши моряки и геологи, поднимавшиеся по Амазонке на судне «Профессор Штокман», ловили похожих на наших карасей «небольших симпатичных рыбёшек», на самом деле — ужасных пираний, которые

способны моментально обглодать до костей хоть быка, хоть крокодила! [27, с. 227—229].

Как-то на корме удобно устроились любители рыбной ловли, и вся компания с интересом наблюдала, как они забрасывали свои донки и удочки в мутные воды реки в надежде вытащить оттуда что-нибудь уж совсем необыкновенное.

И, надо сказать, это им удавалось — иногда, ко всеобщей радости, на палубе появлялись действительно необычные и редкие обитатели амазонских пучин, которые не были известны ни нашим, ни бразильским специалистам.

Мы обратили внимание на какое-то оживление в стане рыбаков. Еще недавно находившиеся в застывших позах, они пришли в движение, слышались их громкие, возбужденные голоса, восторженные восклицания. Нам, конечно, захотелось узнать, что же там случилось, что могло нарушить покой рыбаков-любителей. Всё стало ясно, как только мы возвратились на корму. Оказывается, они всего-навсего ловили рыбу. Но как ловили! Зрелище было впечатляющим.

В воздухе мелькали руки рыбаков, удилища, лески, одна за другой пролетали пойманные рыбки. Несколько человек тут же сбегали за снастями, и рыбалка разгорелась с новой силой. Рыбы по несколько штук с какой-то яростью налетали на наживку, брали ее сразу, без разбора, пытались вырвать изо рта у своих соперников, нападали друг на дружку. Наиболее отчаянные, а может быть, самые голодные из них, выпрыгивали из воды, стремясь поймать крючок с мясом даже в воздухе.

Вода возле борта буквально кипела от огромной стаи обезумевших хищников, в которых на наших глазах превратились небольшие симпатичные рыбешки. В ней уже нельзя было разглядеть отдельных рыб, кишаций косяк походил на некое дикое и страшное чудовище, извивающееся и сиюминутно изменяющее цвет и форму гигантского тела, со всех сторон покрытого шевелящимися хвостами, плавниками и зубастыми пастями. Мурашки бежали по коже от одной только мысли очутиться в это время за бортом.

Правда, нашествие это продолжалось недолго. Вся стая скоро ушла, а на палубе осталась целая куча подцепленных на крючок их сородичей. Они были совершенно одинаковы, с серебристой чешуей и розоватым животиком, размером чуть больше мужской ладони и напоминали наших карасей. У некоторых остались следы недавнего неистовства в виде свежих ранок на теле, обглоданных плавников и хвостов.

Тем временем подошли бразильцы, и один из них, едва взглянув, воскликнул: *Капудо!* Так в Бразилии иногда называют пираний, снискавших дурную славу своей кровожадностью и стоящих в числе самых опасных рыб Амазонки. Сейчас они лежали на палубе, ничем не примечательные и как будто безобидные рыбешки. Но в те моменты, когда, судорожно работая челюстями, они приоткрывали рот, обнажая ряды острых крепких зубов, вид их преобразался, становился грозным и хищным. Именно такими, с открытой зубастой пастью, мощной удлинненной нижней челюстью и изображают пираний на рисунках в приключенческих книгах да описывают в своих рассказах путешественники.

Осторожно, чтобы не пораниться, собрали рыбу в ведро. Несколько штук оставили для биологов, которые находились на берегу, остальные сообща почистили и отдали на камбуз. Спустя час мы с удовольствием уплетали замечательную уху из пираний, приготовленную поваром Юрием Худяковым.

В списке опасных обитателей Амазонки пираньи занимают одно из первых мест. Истории и легенды о них выглядят одна ужаснее другой. В них пираньи то предстают безжалостными чудовищами, в считанные минуты расправляющимися с быком, зашедшим в реку утолить жажду, и оставляющими от него лишь скелет, то лихо охотятся на кайманов и крокоди-

лов, заставляя последних трусливо бежать, то обглаживают до костей случайно упавшего в воду человека. Впрочем, судя по рассказам, любому живому существу, попавшему в Амазонку, нет спасения от пираний, его ожидает неминуемая гибель. Когда-то, по преданиям, у некоторых индейских племен существовал специальный способ мучительной казни пленных врагов. Их привязывали к столбу, установленному в реке, и пирания приводили в исполнение смертный приговор.

Авторское-3:
«Не видел ни до,
ни после»

Это из «Записок геохимика» — о сезоне-1966 в Карелии, куда Я.Ю. нанялся в отряд СЗГУ в ожидании защиты диссертации во ВСЕГЕИ. Были мы в многодневном маршруте с коллектором Костей [69, с. 128].

Мы нагрузились как лошади и ушли. И здесь сразу обнаружилось, что лихой оперативник Костя совершенно не приспособлен к полевой жизни, так как не умеет абсолютно ничего. Пришлось учить его всему с азов — в буквальном смысле на ходу. И здесь мы с ним с лихвой поквитались. Если я не знал, где на Невском тусуются проститутки, то «зато» Костя не умел чистить картошку (!), не мог один поставить палатку, не умел развести костер, не мог наловить рыбы, которая сама бросалась на крючок.

Кстати о рыбе. Такой рыбалки, как в Сев. Карелии, я не видел никогда в жизни — ни до, ни после. Например, добредаем вечером, измученные, «на полусогнутых» к какому-нибудь озерку — гранитной ванне с водой. Скидываем свои верблюжьи рюкзаки, и я велю Косте ставить палатку. Сам выползаю на берег, вытаскиваю из кармана блесну (таскать спиннинг — это лишний вес!), кидаю, немедленно вытаскиваю килограммовую щуку, кидаю еще раз — вытаскиваю полукилограммового окуня, сматываю блесну (ведь нам все равно больше не съест) и иду разводить костер, пока Костя продолжает свою трудную борьбу с палаткой...

Такая жизнь сближает. И на третий день многодневного маршрута Костя «раскололся». Оказывается, его работа в угрозыске была легендой — он там в самом деле работал, но уже год как служит в ином ведомстве. И сюда в поле устроился в отпуск — по своей слезной просьбе, *морально отдохнуть* после пройденной им «практики» — выслеживания, ареста и допросов одного астронома, который имел неосторожность получать посылки из-за границы (это бы ещё ничего), но в одном из писем «туда» пренаивно упомянул об очередях за хлебом. Это уже была прямая антисоветская деятельность (клевета), предусмотренная определенной статьей УК РСФСР.

3.11. Разное о многом в поле

Приключение с профессором Ковалевским • Полевые ЧП как результат халатности • Формула Пучкова • Пьяные взрывники • Сумасшедший буровик • Помутнение рассудка • Авторское-4: студентка одна • Как русские зашли в германскую реку... • Секреты Милановского ... на кавказском снежнике • Пропавшая студентка • Буран на перевале • Убийственные горные дороги • Проклятый Куньлунь • Потаенный торфяной горельник • Шаровая молния • Реальность телепатии • Рассуждения Ткачева о снежном человеке • Чукотский инопланетянин • Мадонна на Алтае • Новоземельские приключения Асхаба • Откуда взялся ухтинский доманик • Рокуэл Кент ничего не придумал • Норильская школа Юрия Гатинского • Переправа ... без валенок • Осенняя

переправа в Туве • Варан в Кара-Кумах • «Пастух волчьей стаи» • Муж встретил жену... в Карибском море! • Негры с желтыми волосами • Как японцы добывали серу на Курилах • По следам капитана Леонида Рабиновича • Живой пахан • Практичные кладбища ненцев • Гостеприимство казахского бая • Как Накovníк поджег степь • Как у красавицы сгорело белье • Бразильский кофе на Алдане • Американские аэродромы в Якутии • Взлетная полоса в Охотске

*Приключение
с профессором
Ковалевским*

Этот профессор читал в бакинском Нефтяном институте курс Общей геологии [64, с. 20]. Вспоминает Виктор Хаин.

И вот как-то во время прогулки Сергей Александрович, человек очень любознательный и любопытный, обратил внимание на то, что в каком-то искусственном отвале торчат какие-то кости, кости какого-то млекопитающего. Он бережно собрал эти кости, завернул их и, возвратившись в Баку, вручил Владимиру Владимировичу Богачеву для определения. Через некоторое время он получил от него официальную бумагу. В ней было написано: «*Профессору С. А. Ковалевскому. Глубокоуважаемый Сергей Александрович, доставленные вами кости млекопитающего принадлежат корове домашней обыкновенной. Эта корова, несомненно, скончалась натуральной смертью от старости. С уважением, В. В. Богачев*».

*Полевые ЧП
как результат
халатности*

Горелов абсолютно прав: ЧП в поле — это, как правило, результат халатности! [22, с. 172—173].

Но всё же, всё же... Всё же в поле случаются ситуации, когда даже строжайшее соблюдение правил ТБ оказывается бесполезным. Например, когда летом разразится пурга, или вам вдруг встретился голодный медведь...

В условиях Севера полевые работы проводились только в летнее время. На своем опыте я убедился, как трудно и небезопасно выполнять в этих местах геологические маршруты даже в самое теплое время. Запомнился такой случай. В середине августа ясным безоблачным утром мы отправились в маршрут, который, к счастью, был недолгим. К трем часам дня мы уже вернулись в свой палаточный городок. Где-то часа через полтора небо стало быстро затягиваться облаками, и в считанные минуты поднялась настоящая пурга: повалил крупными хлопьями снег, а порывы ветра были настолько сильными, что нам пришлось срочно укреплять шестиместную палатку, чтобы ее не снесло. Поверх палатки мы накинули дополнительный тент на утепление, заготовили побольше дров. Видимость была нулевая. Я был самым опытным «полевиком» в отряде и понимал, что надеяться на «как-нибудь обойдется» нельзя, поэтому предложил всем собраться в одной палатке. Там мы затопили печь, сразу стало тепло, уютно, и не такой страшной казалась неожиданно разбушевавшаяся стихия. Один наш сотрудник все-таки предпочел остаться в своей палатке на ночь. Когда я зашел к нему утром, он лежал весь продрогший, а борода его пристыла к спальнику. Одной ночи было достаточно, чтобы сломить упряма, и он перебрался в общую палатку. Пурга длилась три дня, снега навалило до тридцати сантиметров. На четвертый день пурга прошла, выглянуло солнце, снег растаял, и опять установилась умеренно-теплая погода. Если такая стихия застанет в открытом поле или даже в лесу, то вряд ли можно спастись. Вообще говоря, мой почти тридцатилетний полевой опыт позволяет мне утверждать, что частые в геологических экспедициях несчастные случаи, как правило, бывают результатом халатности и неопытности руководи-

телей. За все время моей полевой практики я не попадал в безвыходные ситуации прежде всего потому, что умел предвидеть их заранее и заранее планировал «выход».

Формула Пучкова

Эта формула выведена им по результатам сезона-1963 на Вангыре и Сыне, где он постоянно рисковал жизнью и топил груз в бурных водах уральских рек [54, с. 27—28].

Оглядываясь назад, должен признать, что этот сезон был самым насыщенным по части приключений и проходил на грани фола. В дальнейшем я установил формулу:

$$КП = \frac{К}{Ж \cdot Т \cdot ЖО \cdot ППП},$$

где количество приключений (*КП*) на одну ...(*Ж*) в единицу времени (*Т*) обратно пропорционально жизненному опыту (*ЖО*), помноженному на предполевую подготовку (*ППП*). *К* — местный коэффициент сложности (предельное *КП*).

Пьяные взрывники

Академик Летников вспоминает случай, который произошел в тот период, когда он работал начальником отряда в высокогорном Северном Тянь-Шане — в Карабалтинской поисково-разведочной партии [34, с. 67—68].

Раз я заговорил о взрывчатке, об аммоните, то вспоминается один случай; вот, как говорится, судьба. Иду я по серпантину со штолен, а там в отдалении в отдельной палатке был склад ВВ. Но вот почему-то ноги несут меня не в камералку, а к этому складу. Это десятиместная палатка, огороженная колючей проволокой, чисто символически. Воровать, конечно, некому; там стоят ящики с аммонитом. Подхожу я как-то к этой палатке и слышу разговор. Взрывник Шадюк, отпетая личность, и второй голос. И вот слышу, голоса-то пьяные, я сразу понял, один говорит: «А нас на курсах учили, что не рванет, не хватит мощности в капсуле». А второй говорит: «Нет, рванет, ещё как рванет» И на ватных ногах я захожу в эту десятиместную палатку, смотрю: на раскладных стульчиках сидят Шадюк и какой-то незнакомый горняк, между ними стоит мешок насыпного аммонита. И Шадюк держит в руках капсуль-детонатор, уже обжимает его деревянными щипцами, в капсуль-детонатор вставлен бикфордов шнур, и делает в мешке ямочку, чтобы вставить капсуль-детонатор в эту ямочку. Я говорю: «Ребята, это что?» «А вот мы, — говорит, — поспорили на шесть бутылок коньяка, что если капсуль-детонатор сунуть в крафт-мешок с аммонитом, то масса мешка большая, а детонатор маленький, и ему не хватит мощности, чтобы весь мешок сдетонировал. Мы решили проверить». Представляете, вокруг несколько тонн аммонита, в патронах и насыпного, а эти два пьяных друга спорят, у одного в руках капсуль-детонатор. Могут просто уронить капсуль-детонатор, внизу камни. Я медленно подхожу и говорю: «Интересно». Беру у Шадюка капсуль-детонатор и говорю: «Пошли на улицу, вставляйте и пошли, я вам чего-то покажу».

Когда я отошел метров тридцать от палатки, я положил этот капсуль-детонатор на камень и пару оплеух закатил и тому и другому. Это возымело свое действие. Я показал им на склад, который находился не так далеко от нашего лагеря, местность была открытая, и сказал, что от этого лагеря бы ничего не осталось. Они со мной начали спорить: один подтверждает, что я прав, а второй, что неправ. Короче говоря, когда эти друзья протрезвели, и тому, и другому был объявлен выговор, и они лишены прогрессивки. Склад был взят под настоящую

охрану. Конечно, и взрывник Шадюк, и его приятель не могли быть отнесены к категории оригиналов и шkodников. Пьяная глупость и более ничего.

*Сумасшедший
буровик*

Академик Летников, в бытность свою геологом в Казахстане, однажды слышал от главного геолога Кокчетавской геологоразведочной экспедиции Ивана Николаевича Подопригорина замечательную историю [34, с. 87].

Когда я еду из Володаровки в Кокчетав, то после отворота на Еленовку вспоминаю одну историю, которую мне на этом месте рассказал И. Н. Подопригорин. Осень, холодно, мелкий дождь со снегом. Он возвращается в Кокчетав в экспедицию на грузовой машине ГАЗ-53. С ними ехал буровик, окончательно ооченевший в кузове, и они взяли его в кабину, чего по правилам делать нельзя. Проезжают отворот на Еленовку и видят впереди милиционера, который наверняка остановит машину. Буровик достает из кармана телогрейки веревку и говорит Ивану Николаевичу: «Быстро свяжи мне руки, чтобы их видел милиционер. Я сумасшедший, вы везете меня в психбольницу». Гаишник останавливает машину, подходит к кабине, открывает дверку и выговаривает шоферу: «Что же вы из машины не выходите, когда вас останавливает милиция?» — «Видите ли, дело в том, что мы через Кокчетав везем в психбольницу в Алексеевку рабочего, который сошел с ума. Сидим и с двух сторон охраняем его, одному не справиться» Гаишник, открыв дверцу, рассматривает эту тройцу. И вдруг этот рабочий плюет в лицо гаишнику и кричит: «Ты, что, сволочь, не видишь, что везут сумасшедшего и злить меня нельзя, а то возьму и откушу шоферу нос». Гаишник захлопнул дверку, махнул жезлом, езжайте. Через пару километров машина остановилась. Покатываясь от смеха, шофер её дальше вести не мог.

*Помутнение
рассудка*

Свидетельство Виктора Пучкова [54, с. 22]. Видимо, с Тamarой Пономаревой (в моем отряде) на Унье в 1973 г. случилось нечто похожее — когда она поздно вечером побрела вверх по речке (см. ниже — Авторское-4).

В одном из маршрутов, в сторону горы Манараги, со мной в качестве коллектора была Аля. Ближе к концу дня я решил осмотреть обнажение: (последнее в тот день) на противоположном берегу бурного ручья. Я велел Але оставаться на месте, а сам, раскатав голенища сапог, с трудом перебрался на другой берег и стал работать. Закончил работу, возвращаюсь обратно и — о ужас: нет моей помощницы на месте, где я её оставил! Место заметное, ошибки быть не должно! Кричу — ответа нет. Заметался. Пошёл выше, ниже по берегу — ни следа. Не знаю, сколько времени прошло; показалось — вечность. Вдруг на снежнике заметил следы, обращённые в сторону лагеря. Бегу, ору, и вот вдалеке вижу одинокую фигуру, идёт нога за ногу, низко опустив голову. — Аля? Куда ты? Что с тобой? — Посмотрела на меня мутными глазами, как сомнамбула, и понемногу начала приходить в себя. Рассказывает, что оставшись одна, она вдруг начала слышать голоса — стоны и далёкие крики: «Аля, помоги!» Сунулась в воду — глубоко, перейти не может. Туда, сюда — увидела, что снежник образует мост. Перешла на другую сторону, дошла до обнажения — там никого нет. А крики опять слышны, но уже с противоположного берега. Дошла до снежного моста — показалось, что он хлипковат. Еле насмелилась перейти обратно. Опять никого. Вот и бредёт в сторону лагеря в полном шоке. Что это было???

— *Что, что!* — отвечаю, соображая на ходу, в чём дело. — ...*Белый шум, вот что!*

*Авторское-4:
студентка одна*

Это отрывок из «Записок геохимика»; сезон 1973 г., река Унья (приток Верхней Печоры) [69, с. 34].

После долгого изнурительного сидения в Троицко-Печорском аэропорту (стояла жара, и все вертолеты были задействованы на тушении лесных пожаров) мы, наконец, забросились (вслед за нами улетели и Люся с мотористом).

На следующий день я, нагруженный как верблюд, отправился в верховье Уньи на ордовик, бросив бедную студентку в лагере. Но попытка штурма разреза «Синие слуды» с первого раза не удалась, и я одолел его лишь с третьего захода — об этом свидетельствуют записи в пикетажке.

Из этого периода запомнилась одна трогательная сцена. Когда, наконец, на четвертый день я завершил этот маршрут и уже двигался домой, то где-то километрах в полутора выше лагеря в сумерках вдруг увидел какую-то фигуру, шлепавшую прямо по воде мне навстречу. Это оказалась студентка! Оказалось, что она, не вынеся одиночества, безрассудно отправилась навстречу (не имея никакого понятия о том, где я в тот момент мог находиться). Лишь тогда до меня дошло, какого страха натерпелась за эти дни городская девушка, впервые в жизни оставшаяся одна в тайге на пустынной реке, в сотне километров от ближайшего жилья.

*Как русские зашли
в германскую реку...*

Об этом рассказывает инициатор этого приключения — калининградский профессор Е. М. Емельянов [27, с. 118].

Работая в Балтийском море на небольшом судне «Профессор Добрынин», мы как-то решили зайти на отдых в порт Грейфсвальд. Он расположен на небольшой речке на расстоянии около 20 км от моря. Капитан Наумов сомневался, можно ли туда зайти. Прочитав лоцию, он по моему настоянию (я был начальником экспедиции) решился.

Шли мы по небольшой речке, кругом луга, пасутся коровы. Местные жители с удивлением смотрели на проплывающие мачты с развевающимися флагами СССР и ГДР и удивлялись: ведь самого корабля из-за берегов и кустарников видно не было. Зашли, отшвартовались. Местные горожане с удивлением за нами наблюдали. Самые любопытные спрашивали, как нам удалось зайти, ведь река и порт мелкие. Такие крупные суда никогда в их порт не заходили. Постояли мы двое суток. Пора домой. Стали разворачиваться. Оказалось, что бассейн самого порта всего лишь на 1 м шире, чем длина нашего корабля. Упершись форштевнем в бетонную стенку причала, судно стало работать винтами. Поднялся в воду ил, затронутый килем и работающим винтом (у стенок порта его бассейн был сильно заилен, глубина была меньше, чем указано в лоции). Поглядеть на процесс разворота и выхода из порта, казалось, сбегался весь народ городка в ожидании чего-нибудь необычного. Но все, к счастью, обошлось. Мы благополучно вышли в море и продолжали исследования. Когда я сейчас говорю немецким коллегам, что мы заходили в Грейфсвальд, они не могут в это поверить. Да я и сам до сих пор удивляюсь своей настойчивости и смелости капитана.

*Секреты Миланов-
ского ... на кавказ-
ском снежнике*

Случай с Е. Е. Милановским (будущим академиком и учителем Пучкова) где-то в 1955 г. (?) — на кавказском снежнике... Свидетельство Александры Лучицкой — выпускницы-1957 геолфака МГУ.

Она была на практике в партии Милановского после третьего курса — в качестве коллектора [12, с. 290—291].

База партии Е. Е. Милановского в Кабардино-Балкарии, в городе Тырнаузе, расположенном на берегу реки Баксан, вблизи крупного вольфрамово-молибденового месторождения. Оттуда выкидными отрядами с караваном лошадей мы уходили в горы, и уже из палаточных лагерей совершали свои маршруты в предгорьях северо-восточных склонов Эльбруса, во многих местах покрытых снежниками и ледниками. В маршрутах приходилось сталкиваться с глубокими трещинками снежников, спускавшихся с высоких вершин под углом порядка 40 градусов. Иногда приходилось пересекать снежники, вырубая в оледенелом снегу ступени, чтобы можно было опереться на них при передвижении по снежнику. Бывали при этом неожиданные моменты, когда из рук выпадали необходимые для маршрута предметы, и их после этого не всегда можно было найти внизу снежного покрова. Однажды в маршруте, где надо было преодолевать снежник, у Евгения Евгеньевича Милановского, руководителя нашего маршрута, оборвалась верёвка, связывавшая стенки фанерной планшетки, где находились топокарты, и планшетка с секретными топокартами полетела вниз по снежнику. К счастью, она зацепилась в нижней части снежника за остроконечный выступ вулканических пород. Поскольку в маршруте было несколько студентов, в том числе мужского пола, удалось спуститься в нижнюю часть снежника и найти карты. В противном случае Е. Е. Милановский мог поплатиться за потерю карт очень жестоко.

Пропавшая студентка

Томский геофизик Федор Бакшт описывает случай, произошедший в его партии, работавшей в Горном Алтае [7, с. 2—3].

В том, что кто-то из геологов может заблудиться в маршруте, ничего невероятного нет. Это случается иногда и в дремучей тайге, и в бескрайней степи, и, наконец, в тундре. Как правило, в плохую погоду.

Но здесь, в высоких горах, напичканных ориентирами, в светлое время дня, да еще в хорошую погоду при видимости, как говорят летчики, «миллион на миллион», заблудиться было просто невозможно.

Но факт оставался фактом. Студентка пропала, исчезла.

Дело было так: наш геолог Галя, торопясь закончить дальний маршрут, оставила свою помощницу Машу упаковывать образцы у приметной скалы. Она отошла от нее всего на полтора—два километра. Пообещав вернуться через час, Галя строго наказала Маше: никуда не отходить и ждать ее возвращения. Описав нужные обнажения пород, Галя вернулась к исходной точке. Но Маши на месте уже не оказалось...

Прокричав два часа, обежав окрестную гору, Галя по каменной осыпи, как на лыжах, быстро скатилась вниз по крутому склону, почти в долину. Там, у ручья, маршрутную пару уже поджидал автомобиль. Через час в базовом лагере партии была поднята тревога.

Ситуацию оценили быстро: заблудиться там негде, всё кругом видно, до хорошо заметной автомобильной колеи меньше получаса хода. А студентка исчезла! Но почему она не оставила никакой записки? И зачем унесла с собой рюкзак, полный образцов? Значит, с ней произошло что-то невероятное.

А местность была сложной: скалистые хребты, опасные осыпи <...>, заполненные глыбами морен долины и прочие прелести нормального альпийского рельефа.

Приняли во внимание еще одно важное обстоятельство: до государственной границы с Монголией всего три километра. И дойти туда намного проще, чем до лагеря. А там и до Китая недалеко...

Решение было только одно: срочно, не откладывая до утра, начать ее поиски. Три маршрутные пары, вооружившись фонариками и ракетницами, разделившись, искали Машу по-

чти до рассвета. И нашли таки ее... мирно спящей в лагере соседей-геологов! Они приехали сюда накануне вечером.

Всё оказалось очень просто: молодой начальник геологического отряда, обнаружив под скалой уныло сидящую студентку, убедил её не мерзнуть, а уйти с ним в их лагерь. Всё равно, мол, когда твоя Галя придет, то мимо нас не пройдет. И спасибо ещё скажет, что помог унести тяжелый рюкзак. Но геолог не подумал, что машина может подойти к этой горе совсем с другой стороны. Так же, как не подумал о необходимости оставить записку...

Итак, всё закончилось хорошо.

Буран на перевале

В 1889 г. Карл Богданович пробирался на Тибет через тяньшаньский перевал Торугарт с завьюченными лошадьми в сопровождении казака Шестакова и двух проводников-киргизов. На водоразделе они попали в буран [56, с. 29—30].

На невысоком водоразделе между рекой [Чу — Я.Ю.] и озером Чатыркель Богдановича и его спутников настиг буран. Много часов они блуждали. Наконец, отчаявшись найти тёплый ночлег, в полной темноте вырыли под скалой небольшое углубление в снегу и там заночевали. На другой день они благополучно добрались до Кашгара. Здесь К. И. Богданович был радушно принят русским консулом Н. Ф. Петровским.

Убийственные горные дороги

Богданович с казаком Шестаковым пробирались на Тянь-Шане в Яркенд — где он должен был встретиться с экспедицией М. В. Певцева (продолжателя дела Пржевальского), намеревавшегося попасть в СЗ Тибет со стороны пустыни Такла-Макан [56, с. 31].

Часть пути от Чичиклика до перевала Кара-Даван была особенно трудной. Громадные камни и высокая вода в горных реках настолько затрудняли передвижение, что приходилось предоставлять лошадям выбирать самим. Богданович и Шестаков пробирались по глубокой воде или по крутому берегу. При подъеме на перевал Кара-Даван вьки пришлось переносить на руках, а лошадей выводить отдельно по крутому скалистому откосу.

Богданович и Шестаков достигли Яркенда 7 июня, пройдя за 14 дней путь в 460 километров по «самым убийственным горным дорогам», как писал впоследствии Карл Иванович.

Проклятый Куньлунь

Как Карл Богданович со спутниками пересекал хребет западного Куньлуна [56, с. 33].

На десятый день путники выехали к истокам реки Пахну. Впереди был крутой подъем на перевал Тахта-корум. 13 августа, наняв яков, Богданович и Шестаков в сопровождении пяти местных жителей начали подниматься на перевал, чтобы пересечь хребет западного Куньлуна. Мягкая лессовая почва сменилась на высоте 4000 метров каменными россыпями. Горы сходились к перевалу, образуя полукруглый амфитеатр, подъем на который имел вид гигантской лестницы с широкими пологими ступенями, усеянными громадными глыбами гранита.

Восемь часов шаг за шагом поднимались на перевал Богданович и его спутники, выбирая дорогу между острыми глыбами. Уже на середине подъема они почувствовали головную боль, у проводников начались приступы тошноты, а у одного из них на вершине перевала пошла горлом кровь.

Потаенный торфяной горельник

Томский геофизик Фёдор Бакшт, двигаясь маршрутом по берегу реки Яя (не очень далеко от Томска), внезапно провалился в старый торфяной горельник. Сохранив присутствие духа (и обладая отменно хорошим знанием речной геоморфологии!) — он выбрался из него живым и здоровым [61, с. 331—332].

Я безмятежно продвигался вдоль берега. Всё было на редкость спокойно. Тогда, по молодости, я ещё не знал, что за каждым затишьем обязательно следует какая-то неприятность в жизни.

Поднялся на небольшой обрывчик и пошел по густой пахучей траве.

И вдруг правая нога не находит опоры, проваливается в пустоту. Всем знакомо это острое чувство, когда, спускаясь по темной лестнице, делаешь шаг, а очередная ступенька отсутствует. На короткое мгновение, как на качелях, захватывает дух, а потом — или шаг назад, или падение.

Но залитый солнцем зеленый берег Яи — это ведь не темная лестница, и поэтому такая ловушка оказывается для меня полнейшей неожиданностью.

Тем не менее я успеваю, совершенно произвольно, с силой оттолкнуться левой ногой. Падаю плашмя, пытаюсь руками схватиться за режущую осоку. Но это мало помогает, и я плавно, как со снежного сугроба, съезжаю на животе куда-то вниз. Меня сопровождает шорох рвущейся травы и треск раздираемого тяжестью моего тела дерна.

Вокруг — желто-серая, сверкнувшая на солнце пыль...

Через пару секунд — тишина...

И ощущение чего-то теплого, мягкого, пушистого. Как будто кругом мех, пахнущий чем-то приятным и непонятно-пугающим. Этот мех всюду — на поднятых руках, на обнаженной груди, даже на спине под рюкзаком. Щекочет в носу и что-то гладит по лицу. Заложило уши, не слышно ни птичек, ни жучков...

Чуть-чуть продул нос. Дышать можно, хотя и противно...

На губах чувствую нечто очень тонкое, мучнистое, похожее на крахмал или муку. Безо всякого вкуса.

Боюсь пошевелиться и даже открыть глаза. Сквозь веки проходит свет, но очень слабый, сумеречный. Под ногами тоже что-то ватно-мягкое.

Непонятно — то ли плыву, то ли лежу на чем-то зыбучем и легком.

Я уже начинал тревожиться:

— Что это? Вода? Нет, совсем не похоже, сухо... — Мука? Песок? Тоже нет, песок не такой мягкий и душистый. Глина? Но такой глины в природе не бывает! Так что же это?

Страха еще нет, но я по опыту знаю, что он тут, совсем рядом и скоро придет, не заставит себя ждать. Я вспомнил вычитанную некогда «формулу страха»: «страх — это тревожное состояние души при отсутствии необходимой информации». Это почти по Владимиру Далю. Значит, надо собраться с мыслями и срочно начать добывать эту самую информацию. А то будет совсем как у Даля: «Под страхом ноги хрупки».

Осторожно открываю глаза. Кругом висит белесая серо-желтая муть. Сверху через отверстие над головой пробивается слабый свет. Впечатление такое, будто бы я упал в бункер с мукой, подняв кверху тучу пыли. Дышать можно, но только через нос, и очень осторожно, прикрывая лицо рукой. Иначе перед носом поднимаются желтые завихрения.

— Что ж, продолжаем жить, — подумал я. — Понятно, что это такое: старый горельник, выгоревший при подземном пожаре торф. Могло быть хуже. Можно считать, что мне ещё раз очень повезло в жизни.

Я знал, что такие гиблые места встречаются и у нас в Сибири, и в Подмосковье, и во многих других районах всего мира. Торфяники, загоревшись от молнии, могут потихоньку тлеть и гореть годами. Было торфяное болото, осталась подземная пустота, заполненная золой и пеплом. От большого жара, как в угольной топке, зола становится желтоватой и очень легкой. Выгорают таким способом довольно большие пространства, иногда прикрытые сверху слоем тонкого почему-то сохранившегося от огня дерна.

— Но как теперь выбраться из этой преисподней? — размышлял я. — Вылезть обратно наверх не получается. До дневной поверхности всего-то меньше метра, но как же дотянуться до нее? Помощи ждать неоткуда: здесь же никто не ходит. И кричать, звать бесполезно.

— Самое простое — ждать, когда меня начнут искать ребята из лагеря. Но хватятся меня поздно вечером, пойдут искать только утром, сюда доберутся лишь завтра к обеду... И запросто могут пройти мимо, в такой густой траве эту чертову дырку-ловушку не видно уже за два-три метра. А голос из-под земли могут и не услышать, особенно если будет ветер.

— Но не пропадать же здесь совсем! Конечно, безвыходных положений нет, но где же выход?

И тут я отчетливо вспомнил давно услышанный рассказ Семена Семеновича, старого геолога, который за свою богатую приключениями полевую жизнь прошел, как он частенько говорил, огонь, воду и ледяные трубы. Он провалился под лед Енисея, но выбрался, благодаря своей находчивости и силе духа.

Живо, с обостренным чувством сопереживания и понимания, я почти в деталях вспомнил рассказ Семена Семеновича. И сообразил, что ему было намного хуже — все-таки Север, зима, травма и прочее.

Страх у меня почему-то по-прежнему не было. Появилась злость, как на спортивной лыжне или последней в турнире шахматной партии.

— Мне лучше, чем ему. Здесь тепло и сухо. Впрочем, сухо будет недолго: не зря парило с утра. А сейчас гроыхать начало по-настоящему. Скоро и дождь пойдет!

Действительно, вскоре появились первые крупные капли. В моем подземелье потемнело и стало не так душно. Где-то совсем близко засверкали молнии, пошел настоящий ливень. В отверстие, проделанное мною при падении, полились струйки воды. Воздух отсырел, пепловая пыль на глазах оседала, освобождая от густого тумана верхнюю часть окружающего меня мрачного пространства.

Через пять-десять минут, продолжая стоять по грудь в намокающей под дождем золе, я уже смог оглядеться. Я понимал, что прежде всего надо попытаться сориентироваться. А потом принимать какое-то решение и составить хоть какой-то план действий.

Хотя видимость не превышала двух-трех метров, можно было разглядеть, что «потолок» моей пещеры полого опускался в одну сторону.

— Как лёд на Енисее, — снова вспомнил я рассказ Семена Семеновича. — Надо куда-то двигаться, а потом прорываться вверх. Но в какой стороне мое спасение? А пока надо переждать. Гроза пройдет быстро, а тогда уж я соображу, где что.

Пока я стоял и обдумывал ситуацию, наверху, на воле, дождь перестал. Вновь показалось солнце, тени от которого четко обрисовали дыру в дерновой крыше. И сразу стало ясно, что я стою лицом к северу.

Я соображал:

— Река течет на север. Берег старого высохшего болота протягивался вдоль реки. Это я отчетливо представляю себе, ведь только что шёл вдоль него. Значит, если начать двигаться налево, к Яе, то очень скоро я должен наткнуться на погребенный под торфом старый остров. Он когда-то отделял нынешнее русло от заросшей впоследствии старицы. Торфа там, на берегу древнего озера, не было, ничего не горело и, значит, зольная яма там закончится. А

дёрна надо мной всего-ничего, меньше полуметра. Молоток и нож есть — что же мне еще надо?

Уже через несколько маленьких и очень плавных шагов я почувствовал ногами, что дно заполненной пеплом ямы стало подниматься. Еще немного, и волосы зацепились за корни травы. А вскоре мой молоток уперся во что-то твердое, невидимое в темноте.

— А вот и спасительный древний берег! — сообразил я. — Теперь надо копать наверху, но не торопясь, потихоньку. Как бы не обвалилось на меня снова! Но сначала следует проковырять хотя бы малюсенькую продушину, пока тут не задохнулся в золе.

Без особых усилий длинный черенок молотка проткнул надо мной дерн. Злость на себя и на это чертово болото пропала. И сразу же прошло какое-то нехорошее чувство — то самое, которое сейчас, через десятки лет, стали звать ощущением дискомфорта.

Сделал еще пару движений молотком и убедился: наверху продолжает светить солнце...

Выбравшись на траву, я отдышался и осмотрелся. Мое подземное путешествие длилось почти час. Оказалось, что я, как крот, прополз под землей всего-то пять метров.

Затем я снял с себя всё и с нетерпением окунулся в теплую воду. Тщательно помылся, выхлопал, насколько смог, всю одежду. Полоскать не стал — вдруг не успеет высохнуть?

Шаровая молния

Летом 1928 г. на одном из пикетов по дороге в Экибастуз Николай Накovníк был застигнут грозой, и в него попала шаровая молния, а другие молнии — в пикетчика и его сына [42, с. 145—147]. Степаныч — старый сибирский казак, возчик ходка. Ходок был запряжен парой сибирских мерин, имел лозовой короб. Возчик сидел на передке, пассажир в коробе.

Когда мы подъехали к пикету — длинной приземистой саманной хате с навесом на саманных стенках — туча висела уже над рельсами, мигали молнии и гулкие раскаты грома перекатывались совсем над головами, почти без перерыва. С ближайшего холма бежали врассыпную коровы, овцы, козы, подгоняемые двумя черноголовыми босыми казачатами, торопившимися, по всем признакам, не столько из-за грозы, сколько из-за «урусов», подъехавших к пикету.

Нас встретил старый казак-пикетчик в рыжем малахае, который помог Степанычу завести подводу под навес, а потом провел меня на «чистую половину».

То, что произошло в дальнейшем, рисуется передо мной отчетливо во всех подробностях, несмотря на прошедшие с тех пор три десятка лет.

В комнате было еще светло. У окошка, смотревшего на телеграфный столб и рельсы, висел на стенке рыжий телефонный ящик. Над ящиком висела никелированная трубка, засиженная мухами, устремившая на меня свой черный овальный рупор, а чуть повыше болтался свободный провод. За окошком мелькали головенки любопытных ребятишек, заглядывавших в комнату.

Прислонив к стене вещевой мешок и карабин, я стал расстегивать шинель, раздумывая: «К чему отключили провод?», как между окном и трубкой вспыхнул нестерпимо яркий голубовато-белый шар величиной с арбуз, раздался взрыв, словно над ухом пальнули из тяжелого орудия, зазвенели стекла, левая нога подвернулась от жгучей боли, и я рухнул на пол. Последними видениями были отец и мать, покинутые на далекой родине, и черный жаворонок, метавшийся над конями.

Очнулся я от криков и рыданий, которые доносились из соседней комнаты и со двора. «Неужели живой?» — подумал я. В ушах звенело, и во рту ощущался противный вкус металла.

По окнам хлестал ливень, и в комнате был полумрак. Пахло острым запахом озона. Глухие перекаты грома катились где-то за пикетом, и молнии уже не вспыхивали.

Хотя нога болела и левый край ступни горел, как от ожога, я приподнялся и, вытащив фонарик из шинели, осветил вокруг. Возле ступни на грязном замызганном полу зиял ощер только что раздробленной доски. Телефонный ящик висел на прежнем месте, трубка, провод и прочие предметы были на своих местах, и только щель, осколки разбитого стекла, да плач за стенкой и крики под навесом говорили о произошедшем. «*Что случилось?*» — думал я. — «*Разряд между землей и свободным проводом? Или шаровая молния?*»

Я посмотрел на карманные часы — было одиннадцать по местному. Попытался встать, опершись на карабин, потом шагнул, с трудом дошел до двери и вышел под навес.

Ливень стихал. Сквозь щели редкого навеса проглядывало небо, и на земле отсвечивали лужи. Мокрые кони, понунив головы, стояли у ходка, покрытого брезентом. В глубине навеса галдела толпа казахов и покрикивал Степаныч. Когда я подошел ближе, то по выкрикам и фигурам склонившихся людей, понял, что «отходят» человека, пораженного грозным разрядом. Жертвой оказался сам пикетчик, которого полузакопали в землю. Спасением руководил Степаныч. На другой половине рядом с «чистой» отхаживали мальчика. У него был поражен глаз. Это был один из тех мальчишек, которые, как потом выяснилось, заглядывали в окошко. Я не решился вернуться в комнату и то присаживался на ходок, то слонялся по двору, вслушиваясь в звон в ушах, и размышлял над игрой судьбы, которая, нацелившись в одних, ударила совсем в других.

Светало, когда я проснулся на ходке от толчков и пронизывающего холода. Степаныч насыпал овес торбы, а голодные кони дергали поводьями короб. В ушах все еще звенело, во рту чувствовался тот же вкус металла, но ноге стало заметно легче. Степаныч рассказал, что пикетчика отходили и родные отправили его в аул полечить кумысом, а мальчишку повезли на Ермак к доктору.

Реальность телепатии

Несомненный факт телепатии — мать видела сына во сне в то самое время, когда в сына попала шаровая молния [42, с. 148]!

В сентябре я вернулся в Ленинград и увидел на своем столе письмо с далекой родины, помеченное июнем. Адрес, как обычно, написан был рукой отца, а само письмо, против обыкновения, написано было большей частью матерью. Письмо начиналось выражением тоски по единственному сыну и крайнего беспокойства о его здоровье. «*Мы беспокоимся*, — писал отец, — *потому что мать видела под Троицу страшный сон, который хочет рассказать сама*». Дальше следовали строчки матери, состоящие из кривуль и белорусских диалектов. Я передаю их по-русски в наибольшем приближении к оригиналу.

Вот что писала мать: «*Дорогой сын! Накануне Троицы мы с батькой долго прибирали хату, двор, вспоминая, как в этот день ты сам сажал березки, ездил за песком, аиром. Мы устали, пошел дождь и потому в церковь на вечерню не пошли. Улеглись рано. И вот снится мне большой казенный дом и в том доме вижу через окно большой огонь, а в том огне — тебя. Я плачу, бьюсь, зову на помощь, но никто меня не слышит — кругом пустыня. Батька пробудился от моего крика, и мы стали молиться богу, чтобы тебя обошло несчастье*». Письмо заканчивалось просьбой скорее сообщить, что со мной случилось.

Миф о снежном человеке

Почему невозможен снежный человек на Тянь-Шане: объяснение геолога Юрия Ткачева [11, с. 116].

Я объяснил, что гипотетическим гоминидам было бы совершенно недостаточно пищевых ресурсов в зоне снеговой линии и выше. Не считая птиц, в этой зоне обитают дикие бараны (архары) и козлы (теке) — существа весьма быстрые, пасущиеся в зоне альпийских лугов и молниеносно передвигающиеся среди скал. Анатомия гоминидов не позволяет им передвигаться столь быстро, и охота на высокогорную живность была бы бесперспективна. Кроме того, гоминиды не могли бы конкурировать с обитающими там снежными барсами. И еще — доказано надежно, что все гоминиды всегда жили стадами, стаями, большими сообществами. В этом случае они должны были бы легко обнаруживаться населением низко- и среднегорья. Все «свидетельства» существования снежного человека были научно опровергнуты. Все предьявляемые останки принадлежали либо обезьяне, либо современному человеку.

Чукотский инопланетянин

Как старатели на Чукотке обнаружили марсианина возле Майского золоторудного месторождения. Рассказ геолога Тибилова [60, с. 375—376].

Полевой сезон 1997 года. Наш небольшой отряд работает на большой территории. Мы не имеем базового полевого лагеря и перебираемся с места на место на приданной отряду вахтовке. Где-то во второй половине лета комфортабельно размещаемся в бывшей «генеральской» гостинице законсервированного, а по существу брошенного и разграбленного поселка Майской геолого-разведочной экспедиции. Поселок находится в трех километрах от крупнейшего на Чукотке золоторудного месторождения. Тоже именуемого Майским.

В первый же сравнительно свободный — пасмурно-морозящий — денек я решаю сходить на месторождение и полазить там по канавам. Полдня периодическая морось позволяет это делать более или менее успешно.

Потом морось переходит в устойчивый дождичек и приходится возвращаться в поселок. Иду в своем стареньком уже плаще-серебрянке с накинутым большим капюшоном. Дорога между месторождением и поселком отсыпана отвалами из пройденных на месторождении штолен. По незаезженным краям этой дороги попадают разные интересные обломки пород с месторождения. Иду я поэтому по краю дороги, вглядываюсь в камешки под ногами. Мимо проезжает старательский грузовик, на который я не успеваю обратить внимания. Ездят старатели здесь на один свой дальний участок, не так часто, но довольно регулярно.

Через два дня подъезжает к нашей гостинице вечером машина. Выскакивает из нее возбужденный водитель-старатель и, не успев толком поздороваться, спрашивает, не наблюдали ли мы тут несколько дней назад инопланетян. Увидев наши недоумевающие физиономии, с горящими глазами начинает рассказывать, как два дня назад на дороге около Майского месторождения три мужика, ехавшие на бортовом «Урале», видели инопланетянина. Инопланетянин был в скафандре серебристого цвета. Шел неторопливо. Головы не поднимал и по сторонам не смотрел. Роста нормального человеческого, но вроде как горбатый. И рук у него не было видно. Наверно, руки выдвигаемые. Телескопические. Одним словом, марсианин.

— *И не случайно около Майского месторождения. Нет, не случайно.*

Марсиане не дураки. Знают, что здесь здоровенное золотое месторождение. И уже начали приглядываться к нему.

Мадонна на Алтае

Калининградский профессор Е. М. Емельянов рассказывает, как он, 20-летний студент Вильнюсского

университета, во время металлометрической съемки в Горной Шории встретил в тайге Мадонну [27, с. 74].

В одном из походов мы набрали на одинокую усадьбу. Во дворе усадьбы находилась женщина средних лет. Она кормила цыплят. Звала их: «Цып, цып!» и разбрасывала им корм: вареную крупу вперемежку с нарезанными мелкими кусочками яйца. Белый платок, небрежно завязанный узлом на затылке, несколько съехал, покосился на голове. Из-под платка выбивались завязанные слабым узлом светлые волосы, одета она была в белую кофту, светлую ситцевую юбку.

Лицо её было белым, еле тронутым загаром. Оно светилось каким-то тревожно-нежным светом и излучало такое добро, что я вздрогнул, остановился и стал смотреть только на её божественно-красивое лицо с типично русскими чертами. Она говорила мягко, даже нежно, и очень доброжелательно. Я всё смотрел и смотрел на её лицо и не мог от него оторваться. В моем сознании уже вырисовывался нимб вокруг её головы, и я представлял голову в воображаемом нимбе на светло-голубом фоне неба, хотя позади был лес, и голова её была на фоне зелени.

Мы, геолог и я — практикант, забрели на этот единственный помеченный на наших картах хутор с тем, чтобы утолить холодной водой жажду. Поднимались мы на эту гору через буреломы Алтайской тайги. Рюкзаки, набитые образцами твердых горных пород, врезались в наши молодые плечи, бесчисленные слепни и комары искушали наши неприкрытые лица и руки. Тело было покрыто потом: стояла июльская жара. И вот — очаг жизни в этой царапающей разными колючками наше тело тайге Горной Шории, с Божьей матерью — мадонной, её хозяйкой.

Утолив жажду и отдохнув, мы с геологом отправились дальше по маршруту. Я, пробираясь через кустарники, переплетенные стеблями колючей ежевики, видел перед собой не нужное нам обнажение, а лицо этой удивительной женщины с воображаемым нимбом.

*Новоземельские
приключения
Асхаба*

Кристаллограф Асхаб Асхабов — нынешний академик, директор Института геологии и Председатель Президиума Коми НЦ. Рассказ его тогдашнего начальника — Николая Юшкина [72, с. 78].

Воспользовавшись тихой погодой, поставили на место и укрепили ступицу руля, которую где-то сорвало. Асхаб в очередной раз свалился в воду, споткнувшись о лежащий на палубе якорь. Якорь его догнал, ударил по голове. Занятые рулем, мы услышали громкий всплеск, но не могли понять, что упало, пока не вынырнул Асхаб, в черном кожаном шлеме, с обвисшими мокрыми усами, очень похожий на моржа. Хорошо, что упал на него самый маленький якорь, после большого можно было и не вынырнуть. Костер уже горел. Подбросили в него несколько бревен плавника, и мокрая одежда мигом высохла. Ещё не было ни одной стоянки, где бы Асхаб тем или иным способом не свалился в море.

*Откуда взялся
ухтинский доманик*

Остроумная байка о происхождении названия «доманик». Свидетельство ухтинского геолога Плякина — первооткрывателя тиманских латеритных бокситов [62, с. 172].

Произошел «доманик» от «до Мани»,
А от «до Фени» мог бы быть «дофеник»...
Хотя могло быть всё совсем иначе,
Но здесь не обойтись без прений и полемик...

Как-то в середине 19-го века А. А. Кайзерлинг и П. И. Крузенштерн спускались на лодке по реке Ухте и заметили впадающий справа безымянный ручеек с глубоко врезанной долиной. Они решили осмотреть этот ручей и направились вверх по его течению. Александр Андреевич пошел по верху склона правого берега, а Павел Иванович — по низу, прямо у уреза воды.

Вскоре они подошли к крутому обрыву, в котором обнажались коренные породы. Спуститься в этом месте оказалось очень трудно, и А. А. Кайзерлинг попросил П. И. Крузенштерна описать разрез и взять хорошие образцы. Погода стояла теплая, солнечная. Овода, слепни, комары и мошкара кусали нещадно. Начал Павел Иванович описывать горные породы, отмахиваясь от кусающих насекомых, а потом не выдержал и говорит: *«Не могу больше. Кровососы заели. Да и вообще мне эти породы до Мани!»* Дело в том, что в те времена на Руси самым распространенным женским именем было Маня. Поэтому в ходу было выражение «до Мани». Позже, во времена российской моды на имя Феня, это выражение заменили на знакомое нам «до Фени».

Пришлось А. А. Кайзерлингу спуститься вниз и самому описать тонко переслаивающиеся известняки, сланцы и силициты. На карте по понравившемуся ему выражению «до Мани» он назвал ручей Домани, а уже потом кто-то добавил в конце слова букву «к», и получился «Доманик». Отсюда и породы стали называться домаником или доманиковыми.

Может быть, было и не совсем так...

Рокуэл Кент ничего не придумал

Оказавшись впервые в Арктике, Лев Махлаев в пути на Таймыр гуляет с женой (коллектором в его отряде) по Амдерме и убеждается, что Рокуэл Кент ничего не придумал... [38, с. 135].

После запоздалого ужина мы с Наташей и другими «арктическими новичками» гуляли по Амдерме. Слегка подмораживало, ручейки как бы уснули, но под тонкой корочкой льда струйки еще переливались. Над притихшим поселком сияло красноватое солнце, медленно клонившееся к горизонту. Небо было глубоко синим. Снег в лучах заходящего солнца был не белым и даже не розовым, а почти малиновым, но зато в тенях он давал гамму синих оттенков — от голубого до фиолетового. Всё выглядело точно так, как на гренландских картинах Рокуэла Кента, которые до того воспринимались мной не как реалистичные полотна, а как нечто утрированное, некий шарж на природу. Ан нет, оказывается, великий американец был абсолютным реалистом, передававшим цвета северных пейзажей с почти фотографической точностью.

Норильская школа Юрия Гатинского

Недоучившийся студент геолфака МГУ Юрий Гатинский рассказывает, как он в 1954 г. летел в Норильск из Красноярска в грузовом Ли-2. И какую школу он там прошёл... [12, с. 180].

В Красноярске проболтался месяц в поисках работы, но оказалось, что недоучившийся студент никому не нужен в местных геологических организациях. В итоге я завербовался на Норильский горно-металлургический комбинат, только что переданный из МВД в Министерство цветной металлургии.

До Норильского аэродрома «Надежда» вместе с другими вербованными летел в грузовом Ли-2. Большинство из них были бывшие заключенные по уголовным статьям. Самолет не

отапливался. Чтобы согреть ноги, мы разувались и подтягивались на руках к теплой трубе, идущей по потолку из кабины пилотов. А за бортом было ниже —50 градусов.

В Норильске я прошел хорошую школу. Работал «верховым рабочим» на полатах буровых скважин при разведке угольного месторождения Кайеркан, потом (летом) в поисково-съёмочной партии на р. Колюмбе к югу от Хантайского озера. На разведке жили мы в балках — дощатых домиках, между двумя стенками которых засыпан угольный шлак. Увидел северное сияние и полярную ночь, поболел цингой, научился пить неразведенный спирт, закусывая снегом. Узнал, что такое черная пурга, когда ветер буквально срывает тебя с полатей, а чтобы пройти от буровой до балка, надо руками нащупывать старый тракторный след. Летал на американском гидросамолете «Каталина» и шел с оленьим аргишом до места весновки в тундре. Кормил комаров и мошку (тогда ещё не было репудины и мазались черным берестовым дегтем). Впервые ловил и ел хариусов и тайменей, охотился на оленей и сохатых. Нашел несколько новых точек с сульфидным медно-никелевым оруденением. Начальником нашей полевой партии был бывший граф и заключенный по 58-й статье Федор Аркадьевич Старшинов. Он возил с собой по тундре маленький патефон и часто заводил пластинки с песнями Лидии Руслановой.

*Переправа ...
без валенок*

Колымский геолог Виктор Володин рассказывает, как он в конце октября 1943 г., возвращаясь в Усть-Омчуг с охоты на куропаток, форсировал ледяную воду протоки р. Детрин [16, с. 212—213].

Мороз был обыкновенный для этого времени года. Было приблизительно 30 градусов мороза. И вот, возвращаясь по санному пути по пойме Детрина, я набрел вдруг на незамерзшую протоку шириной метров 15—20. Судя по тому, что санная дорога пересекала её, я решил, что она мелкая — не глубже чем по колено. Время было уже позднее, и я решил не терять его на поиски обхода, а форсировать водную преграду здесь вброд. Подойдя к берегу, я быстро снял и положил на снег валенки, потом, стоя на них, быстро снял портянки и попроворнее засучил до колен брюки. Затем, держа в руках валенки и портянки, шагнул в ледяную воду. Перейдя на другую сторону, я, не вытирая ног, сунул их босыми и мокрыми в валенки и, когда они немного согрелись, надел портянки, лишь слегка вытерев ими же ноги. После этого на ходу ноги очень быстро согрелись, и я шел дальше как ни в чем не бывало. Оказалось, что можно и на морозе переходить вброд речные протоки.

*Осенняя переправа
в Туве*

Сотрудник партии Л. П. Зоненшайна (и член их студенческой «коммуны») А. Ф. Адамович рассказывает о конце сезона в 1955 г., когда уже выпал снег, и они возвращались на базу [31, с. 74].

Однако случайное потепление привело к таянию снегов и к поднятию уровня рек. Подойдя к одному из мелких правых притоков р. Чаваш, который и названия-то на карте не имел, увидели, что он разлился метров на 30, хотя выход тропы на другой берег был виден ясно. Надо было поразмышлять, поскольку всем нам было известно, что большинство геологов гибнут именно на переправах. Посоветовавшись, мы решили, что ребяташки переедут речку на вьюках, а мы со Львом пойдем вброд. Подсадив ребят на вьюк, т.е. уже на навьюченную лошадь, и загнав лошадей в речку, Лев и я внимательно наблюдали. Лошади нехотя (температура-то воды была почти нулевая) вошли в воду, но подстегиваемые нашими криками и

ударами ребят счастливо форсировали водную преграду. Видно было по вьюкам, что глубина реки не превышала 100 см. Сняв портянки и надев сапоги на босу ногу (как полагалось по инструкции) и не перекрестившись (так как были атеистами), Лева и я бодро вошли в воду — и не такое, мол, видели. Я дошел примерно до того уровня, когда вода стала мне по пояс, как вдруг услышал крик. Посмотрел налево (где шел Лев) и увидел, как его уносит вода. Рванувшись к берегу, я еле выполз на него. Скинув ватник, как-то механически побежал вниз по течению, а в голове крутилось: «*Всё, всё, больше Льва не увижу*». Но вот метров через сто я увидел на берегу стоящего на четвереньках Льва, очень бледного, трясущегося от холода, но живого!! Мы обнялись, потом почему-то я ругал его, а он меня успокаивал. Оказалось, что он оступился, вода сбила его с ног, и лишь за поворотом течение вынесло его на пологий берег. Тут прибежали счастливые ребята, мы развели громадный костер, у которого обсушились, на радости доели последнюю банку мясных консервов, а потом сладко заснули в сухих спальных мешках.

*Варан в Кара-
Кумах*

Пустыня Кара-Кум в апреле. Владимир Обручев впервые видел варана [3, с. 83—84].

С удалением от окраины песков, опустошенной поставщиками топлива в город, растительность становилась все лучше, кусты разных пород были выше и гуще, саксаул принимал часто размеры деревьев. Солнце еще не успело выжечь траву и засушить листья, пески были одеты весенней зеленью и имели более веселый вид, чем в конце лета, когда я видел их впервые. Весна оживила не только растительный, но и животный мир. В кустах порхали и распевали какие-то мелкие птички, по песку в разных направлениях шныряли ящерицы, бегали и ползали жуки, иногда выскакивали зайцы, дремавшие в тени куста и пугавшие своим появлением верблюдов, которые шарахались, словно видели страшного хищника. Попалась нам и огромная ящерица варан, которую я видел впервые. Она достигает почти метра в длину, имеет острые зубы и когти, напоминая маленького крокодила. Проводник заколол ее саблей, и вечером я снял с туловища шкуру и отпрепарировал одну лапку с когтями, набив ее ватой. На шкуре были поперечные темные полосы на светлом фоне, как у тигра, а лапка имела величину ручки новорожденного младенца. Эти трофеи долго хранились у меня на письменном столе, вызывая интерес посетителей.

*«Пастух волчьей
стаи»*

Вадим Сафонов рассказывает о росомахе [57, с. 179, 180].

По размеру росомаха близка собаке, нередко горбится, имеет задние лапы длиннее передних. По форме и размеру головы похожа на куницу, имеет округлые уши. Для отпугивания настойчивых врагов использует, как и многие куницы, выделение сильно пахнущих, зловонных жидкостей. У росомахи они извергаются из подушечек у анального отверстия. Атакующие её собаки, а иногда и надоедающий соболь после выброса этой жидкости моментально отскакивают и на время заметно теряют зрение. Волки, знающие эту способность росомахи, не трогают хищницу, и поэтому она часто увязывается за волчьей стаей, порой даже захватывая часть волчьей добычи. Пастухи нередко называют её «пастух волчьей стаи».

<...>

На весновке рабочий, отправившийся на шурфовочную линию в паре километров от лагеря, присел на валежину и задремал. Это стоило ему жизни. И только следы на снегу позволили «распечатать» трагедию. Человека росомаха схватила за горло и задушила. Голову отгрызла и унесла.

<...>

Этот коварный зверь при собственном весе не более 20 килограммов хватается ослабшего оленя весом 100 килограммов за шею или морду и начинает мотать и таскать по скользкому снегу, пока тот окончательно не ослабеет.

*Муж встретил
жену ... в Кариб-
ском море!*

Этим счастливым оказался профессор Емельянов ... [27, с. 140—141].

Во время стоянки в порту Порт-оф-Спейн произошла неожиданная и маловероятная для советских моряков встреча мужа и жены, работающих в океане на двух больших белых судах. Задолго до встречи научные составы этих судов, да еще друзья из экипажей смаковали будущие детали, шутили, да и по хорошему завидовали тем, кому предстояло встретиться.

Научные экспедиции тогда длились по 3.5 месяца. Все сильно уставали от однообразия морских пейзажей, судовой жизни, монотонной работы, от камбузной пищи, а главное... друг от друга. Все надеялись отдохнуть. Ну, а когда речь зашла о встрече не только судов, но мужа и жены, это было очень необычным. Тогда в СССР было негласное правило: мужа с женой одновременно за кордон не выпускать. А тут такая оплошность: в чужом порту, далеко от страны должны встретиться муж и жена. А вдруг сбегут?

Муж оказался в порту на два дня раньше жены. Судно жены пришло в порт вечером. На судне мужа иллюминация, народ на верхних палубах кричит от радости. Второй корабль медленно развернулся, чтобы встать бортом с первым. Концы еще только поданы, швартовые не закреплены, а народ лезет на планширы бортов и прыгает на другое судно. Возгласы радости, объятия, поцелуи! На обоих судах музыка!

И вмиг на палубах никого. Все разошлись по каютам и лабораториям. Везде накрыты столы. На них куски жареной корифены, акуля печень и, как обычно, графины и бутылки «разведенки».

Муж, то есть я, угощался на судне жены, Лидии Петровны. Тосты! Разговоры! Все спрашивают, все хотят что-то рассказать. Шум, гам. А мы с женой все ближе и ближе друг к другу. Наконец, мы оказываемся в моей каюте, где я, как начальник отряда, проживал один. Радости и наслаждению нет конца!

Просыпаемся. Солнце на экваторе жарит всюду: температура около 45 градусов, находиться на палубе невозможно. Опять общие завтраки, стаканчики для опохмеления, крепчайший чай и свежайший американский кофе, которым мы уже запаслись.

Вышли по невыносимой жаре в город, выпили по бутылке воды и — обратно на судно. На прохладный ресторан денег у нас тогда не бывало: наш дневной заработок в то время равнялся одному американскому доллару. А уже вечером отход. Наше судно, простояв три дня, исчерпало свой лимит, мы и спешили на полигон работ. А жена на своем судне ещё остается. Опять шум! Гам! Объятия, поцелуи, шутки и «тому прочее», как говорит мой одноклассник.

Двое ученых — «Дмитрий Менделеев» и «Академик Курчатов», а на них муж и жена, разошлись «как в море корабли», каждый по своим морским дорогам. Разошлись, чтобы встретиться дома.

*Негры с желтыми
волосами*

Эту поразительную картину наблюдал морской геолог Е. М. Емельянов, посетивший обитаемый кратер не вполне потухшего вулкана Фогу на о-ве Сантьяго [27, с. 165—166].

Вулкан Фогу — один из крупнейших в системе вулканических островов Зеленого Мыса, что в середине Северной Атлантики. Высота вулкана около семи с половиной километров. Пять километров находится под водой океана, два с половиной — над водой. В кратере вулкана Фогу, на высоте около 2.5 км мы и встретили чернокожих ребят с желтыми волосами. Они, как и чернокожие ребята с черными курчавыми волосами, вместе с родителями проживали в жерле вулкана.

Вулкан давно потух. Его жерло диаметром около 7 км некогда, сотни лет назад, было горизонтально заполнено черной базальтовой лавой. Борт жерла, возвышающийся примерно на двести метров над центральной, горизонтальной его частью, с одной стороны когда-то при очередном извержении вулкана был взорван и обрушился вниз. По проделанной по склону вулкана со стороны обрушившегося борта дороге мы, участники экспедиции и поднялись для сбора образцов лав в само «пекло» — в жерло, которое изредка «оживало» в отдельных его местах, как это было несколько лет тому назад.

Жерло вулкана Фогу служило когда-то пристанищем беглых рабов-негров, которым удавалось сбежать от работорговцев и избежать казни. Ведь острова Зеленого Мыса служили перевалочной базой между Черной Африкой и Америкой. Здесь работорговцы сортировали рабов и перевозили дальше в Новый свет. До сих пор на площадях поселков сохранились металлические столбы с крючьями, к которым привязывали или подвешивали рабов.

Белые люди — французы и португальцы — это люди, причастные к французской революции. Они появились в жерле вулкана Фогу примерно двести лет тому назад. После подавления Французской революции, во избежание гильотины, они бежали в Португалию, а оттуда на острова Зеленого Мыса.

Спрятавшиеся в жерле вулкана белые люди за двести лет, минувших после Французской революции, ассимилировались с чернокожими, и, как результат, появились новые люди с менее черной кожей, но с бело-желтыми волосами.

Так причудливо иногда переплетаются наука и история, революции и извержения вулканов.

Как японцы добывали серу на Курилах

Ленинградский, московский и в конце-концов якутский гидрогеолог О. Н. Толстихин, оказавшись на курильском о-ве Итуруп, рассказал, как японцы добывали там самородную серу [20, с. 449—450].

Теперь о добыче серы. По оставленным деталям нам удалось восстановить весь процесс. Японцы добывали серу из естественных вулканических газопроявлений, так называемых фумарол — высокотемпературных газовых струй, в составе которых преобладают сернистые газы. Технология была гениально проста и безотказна. Выход газа перекрывался огромной и очень тяжелой чугунной крышкой, имеющей форму воронки, и струя газа направлялась через специальный штуцер, приваренный к этой крышке. На штуцер снаружи прикручивался матерчатый рукав, который направлял газ в длинную трубу диаметром примерно 0.5 м, сделанную из бамбука и скрепленную разъемными обручами. На внутренней поверхности этой трубы начинался процесс конденсации кристаллической серы и продолжался до тех пор, пока весь просвет трубы ею не заполнялся. Тогда рукав переносился на другую, заранее смонтированную аналогичную трубу, а заполненную серой освобождали от бамбуковой опалубки. На поверхности обнажалось длинное цилиндрической формы тело, состоящее из кристаллической серы. Его распиливали, укладывали на двухколесную тележку и скатывали с высоты примерно 1500 м вручную к океанскому побережью. Там серу переплавляли уже на небольшом серном заводике, затаривали и отвозили на продажу,

а пустые тележки поднимали опять на склон вулкана для загрузки новыми порциями серы. Транспортировку серы и тележек вверх-вниз, во всяком случае, в последние годы, выполняли пленные американцы и китайцы.

*По следам капитана
Леонида Рабиновича*

Гидрогеолог Борис Самсонов, окончивший МГРИ в 1955 г., в своём литературном (но явно автобиографическом) сочинении «*Вокруг Королевского камня*» красочно описывает, как в местах, где он работал в Саксонии, были разысканы спрятанные немцами картины Дрезденской галереи. Себя он в этом сочинении вывел под фамилией Крапов [20, с. 327—329].

Наши вошли в Дрезден 8 мая, и в этот день капитан Леонид Наумович Рабинович из трофейной бригады 5-й армии, армии Жадова, искусствовед, владеющий немецким, приступил к поискам картин Дрезденской галереи. Много лет спустя узнают капитана Рабиновича в писателе Леониде Волынском по его книге «Семь дней» об обстоятельствах захватывающего поиска. Действия поисковой группы обеспечивал 164-й саперный батальон капитана В. П. Перевозчикова. Здание картинной галереи было разрушено 13 февраля, но никаких следов картин в развалинах не оказалось. В тот же день в потайном и заминированном тоннеле, прорытом в сторону Эльбы из подвала Дрезденской академии художеств, был обнаружен Альбертинум — крупнейшее в Европе собрание скульптур. Здесь же была обнаружена картотека Дрезденской картинной галереи и немая карта-бланковка с подозрительными обозначениями. В расположении батальона при сравнении найденной бланковки с топографической картой было установлено, что это карта Саксонии. Пустая бланковка была под грифом «гехайм» — секретно. Поиск начали с пункта, обозначенного буквой Т.

8 мая полк Штыкова только вошел в Пирну, а на следующий день поисковая группа обследовала окрестности Гросс-Котты. И снова удача — обнаружена замурованная штольня в боковом каньоне, напротив Ротверндорфа.

Устье штольни пришлось взрывать. Взрывали предусмотрительно, на выброс. Разобрали завал и недалеко от устья увидели картины. Они лежали на сыром полу штольни или стояли прислоненные к каменным стенкам. На рельсах в штольне стоял вагон, а в нем — большой, плоский, некрашенный ящик.

Л. Волынский пишет:

«Возбужденно колотится сердце. Подношу ближе фонарь. Ничего не видно: на холсте лежит толстый слой серой пыли. Присев на корточки, наугад — в первом попавшемся месте — протираю поверхность холста рукавом гимнастерки. И тут, будто в медленно оттаивающем окошке, появляется лицо. Оно возникает, рождается из серой тьмы — некрасивое, мудрое, с широким утиным носом и добрыми, веселыми, так много умевшими видеть глазами. Знакомое, близкое, радостно улыбающееся, озаренное своим особенным, неповторимым светом лицо. Рембрандт! — кричу я что есть силы и, сорвав с головы пилотку, протираю весь холст».

Это был знаменитый «Автопортрет с Саскией». В этой штольне было обнаружено около двухсот картин. Весть о находке в окрестностях Пирны облетела службы штаба фронта. В тот же день здесь побывал командующий Иван Степанович Конев с офицерами штаба и фронтовыми корреспондентами. Среди них был и Борис Полевой, который потом напишет:

«...Хотя в штольне было немало людей, её как бы наполняла густая тишина. Походило на фильм, в котором вдруг отключили звук. Фигуры солдат-трофейщиков, как бесплотные тени, бесшумно двигались впереди, и только капитан Рабинович бегал, стуча сапогами, и всё не мог оправиться от своего счастья».

Многие из найденных картин были подпорчены влагой и требовали срочной реставрации. Из Союза была вызвана группа искусствоведов и реставраторов.

Только одна самая большая картина была тщательно упакована, она стояла в вагоне в относительной безопасности. По размерам ящика капитан Рабинович уже догадывался о его содержимом. В тот же день с величайшими предосторожностями — в кузове полуторки ящик в вертикальном положении всю дорогу держали руками — его переправили в расположение батальона в Дрездене. По бокам ящика встали двое часовых, к вскрытию приступили утром следующего дня. В книге Л. Волынского читаем:

«Никто не нарушил тишины, пока мы, опустив ящик плашмя на мозаичные плиты пола, снимали крышку. Картина, зажатая по периметру войлочными амортизаторами, лежала, вернее висела в пространстве ящика лицевой стороной вниз. Видна была изнанка — сшитый из трех продольных полотнищ холст.

Понадобилось еще некоторое время, чтобы снять амортизаторы, ослабив скрепляющие зажимы.

И вот наконец можно было поднять картину.

...Все стояли по-прежнему молча, сосредоточенно глядя на босоногую женщину, легко идущую по клубящимся облакам.

...Перед нами была «Сикстинская Мадонна» Рафаэля».

Это происходило в расположении саперного батальона Виктора Петровича Перевозчикова в гостинице Дрезденской бойни 10 мая 1945 г.

Живой пахан

Как Володя Хлыбов на полярноуральском разъезде «106-й км» впервые увидел живого пахана... [51, с. 5—6]. Заметим только (об этом уже мало кто помнит), что словечко «олигарх» было введено в общий лексикон недавно застреленным на мосту возле Кремля Борисом Немцовым, тогда замом премьера Черномырдина...

День или два я ждал этого транспорта, болтался без дела по базе и стал свидетелем любопытного события. Сейчас известно, что железнодорожную ветку длиной 250 км Чум — Лабитнанги, называемую тогда 501-й стройкой, возводили заключенные Воркутского режимного лагеря (Полярно-Уральское управление Воркутлага), и её в перспективе должны были продолжить до Норильска (508-я стройка). Впоследствии дорогу так и не достроили, и окрестили «мёртвой». На протяжении всей ж/д ветки было множество лагпунктов, колонн и прочих лагерных поселений — зон. Был такой и на разъезде «106-й км». Обычно к прибытию поезда возле путей торчала разношерстная толпа, кого-то встречающая или провожающая. Так было и в этот раз, но в конце разъезда сидели на корточках заключенные, естественно, с охраной, возле которых и остановился вагон-зак. Заключенные под окрики вохровцев залезали в вагон, но один никак не хотел (или не мог) — руки сзади у него были или связаны, или в наручниках. В толпе слышались разговоры — это пахан, он держит под контролем все ближайшие лагпункты, увозят, видимо, в другой лагерь. Пахан — это главарь воровской шайки (банды), вор в законе. Таких теперь называют авторитетами, а грамотных паханов, как правило, с образованием и очень большими деньгами — олигархами.

Практичные кладбища ненцев

Академик Юшкин описывает удивительную картину — наземное кладбище ненцев... с капканами на песцов! [74, с. 109]. (Петя — сыктывкарский минералог Петр Юхтанов).

В старые времена, а иногда и в наши дни, живущие к западу от Урала ненцы не закапывают покойников, а оставляют гробы на поверхности. Восточные ненцы хоронят в землю. На севере Урала можно встретить и те, и другие захоронения. Перед нами было наземное кладбище. Гробы сколочены в форме прямоугольника. Боковые доски широкие, крепкие, связаны пазами, а крышка набрана из очень узких досок с широкими щелями и прихвачена всего парой слабых гвоздей. Сделано так специально, чтобы до покойника без особых сложностей могли добраться песцы. Это они растащили по всем развалам человеческие кости.

Петя шелкал своей «Сменой», которую постоянно таскал в кармане полушубка, и удивлялся практичности хоронивших: ко многим гробам на цепочках были привязаны песцовые капканы. Покойник и после смерти помогал живым. Судя по изъеденным временем гробам, кладбище было старым. Перестали хоронить тут лет тридцать назад.

Гостеприимство казахского бая

Асанбек — первый богач Аклюменской области, в своем кочевье пригласил русских геологов и их конвоира казаха Баймуханова в гости. Дело было в 1925 г. [42, с. 38].

Как только мы поднялись на перевал, по борту лога покатился вниз лихой джигит на рыжем степнячке, видимо, дозорный, и полетел в аул.

Перед большой юртой из новых кошм, украшенной под конусом красно-черной вязью восточного узора, нас встретил Асанбек с чадами и домочадцами и вчерашней свитой. На этот раз он был эффектен в своем костюме. На голове красовалась тубетейка из золотой парчи, а из-под черного широкого халата выглядывала розоватая пестрая рубаха, спускавшаяся на широченные, как у Тараса Бульбы, шаровары из голубого ситца, разукрашенного красными пионами. Шаровары нависали над ичигами канареечного цвета, а ичиги кончались новыми галошами, сиявшими на солнце.

Вокруг толпились и шумели ребятишки, бабы, мужики, глазевшие на нас и, как мне тогда показалось, главным образом на меня и Баймуханова, ехавших позади начальника. Конвоир привлекал народ блестящей шашкой, а я — биноклем и фотокамерой, которые болтались на груди.

Однако студент Наконник не выдержал испытания кумысом... [42, с. 40—41].

Вернувшись в юрту Асанбека, я увидел аксакалов и джигитов свиты, сидящих вокруг низенького азиатского стола с объемистыми расписанными фарфоровыми чашками, а перед входом — большой казан с бараньим варевом, распространявшим аппетитный дух.

Асанбек засучил рукава рубахи и пробормотал хвалу Аллаху, поглаживая лицо и реденькую бороденку, затем стал вытаскивать руками куски баранины и подавать присутствовавшим: сначала начальнику, потом мне и Баймуханову, а потом и остальным, в порядке старшинства и знатности. Это был Лукуллов пир, если не по числу, то по объему блюд и по той жадности, с которой гости накинулись на мясо.

Но вот раздалось бульканье у стенки юрты — это лихой джигит перемешивал кумыс в огромном, повыше метра, турсуке, выдергивая и вталкивая длинную деревянную болтушку. Он наливал, а старшая супруга Асанбека подавала гостям литровые кисе, которые опорожнялись без задержки, и только я один оказался позорным исключением, так как второе кисе вытянул с полным равнодушием, а третье — с передышками и отвращением. Когда я оставил кисе недопитое наполовину, Баймуханов шепнул мне на ухо, что так не годится — хозяин сочтет за оскорбление. Пересилив отвращение, я дотянул до дна и пожалел...

Меня вдруг потянуло вон из юрты. Пошатываясь, я добрал до вершины лога, в котором бродили аульные коровы, и опустился в чашу чия.

— *Какой ты баба есть!..* — услышал я над ухом знакомый голос и, повернув голову, увидел вдалеке юрты, которые уже отбрасывали тени, а над собой — Баймуханова.

— *Давай вставай! Начальник приказал — пора домой, палаткам!*

*Как Наковник
поджег степь*

Николай Наковник по неопытности 26 июня 1925 г. поджег казахстанскую степь [42, с. 17]. «Злополучная ось» — деревянная ось телеги, которая быстро сломалась; они её, конечно, прихватили с собой — на топливо.

Только что пережили неприятную историю.

Джуматай возился с конями, а я пошел сооружать костер. Порубил черные, пропитанные дегтем концы злополучной оси, подбросил кизяку, зажег и только повернулся за водой, как позади вдруг затрещало, зашумело, загудело...

— *Горим! Воды! Скорее!* — кричал начальник.

Я оглянулся. От костра бежал по ветерку, заливая пышный лог, поток огня — бежал от обоза вниз и краями уже облизывал оглобли.

На помощь бросились казахи. Одни помогали оттаскивать возы, другие, похватав кошмы и брезенты и помочив их в колодце, шлепали ими по языкам огня. Поток огня двигался по руслу лога, потом, поднявшись по слону сопки, разлился ручейками и замер у вершины. Чуть в стороне стояли два стога сена, и, если бы не помощь казахов, огонь добрался бы до сена — и тогда нам не миновать серьезных осложнений с хозяином пикета.

Пожар произошел по моей неосторожности, по неопытности. Надо было сначала подготовить место для костра — обвести его канавой и убрать поблизости траву, потому что сухие степные травы вспыхивают даже от окурка, спички, и пожары гуляют потом по степи неделями. Но откуда было знать об этом мне, выходцу из районов влажного умеренного климата Европейской части СССР!

Казенное имущество не пострадало. Пострадал лишь я один, когда босой сунулся в огонь спасать свои ботинки.

*Как у красавицы
сгорело бельё*

У молодой красавицы Веры Варсановичевой — слушательницы Московских высших женских курсов — в 1911 г. сгорело бельё в Усть-Бердыше! Вспоминает её спутник Александр Чернов [5, с. 60—61]. Нам уже трудно поверить (мы ведь там были в 1972 г.), что на берегу ныне почти необитаемой Уньи — когда-то стояла домна!

В 1911 г. я организовал экскурсию на верхнюю Печору. В ней приняли участие две слушательницы курсов и одна археологичка. Мы приехали пароходом в г. Чердынь и оттуда по тракту в д. Петрецовку на р. Колве. Отсюда прошли 30-километровый волок в д. Усть-Бердыш на Унье, багаж провезли на волокуше. Здесь наняли лодку и двух рабочих. Они подняли нас на лодке до пещеры, которая была описана еще Гофманом. Полазав по пещере, вымазавшись в глине и вымокнув, мы развели в её начале костер, обсушились и улеглись около костра на ночь. Утром оказалось, что всё бельё, положенное около костра для просушки одной из спутниц сгорело. Но её неожиданно выручил владелец одной небольшой домны — Лукья-

нов. Его домна еще стояла на левом берегу Уньи, против Усть-Бердыша. Самого владельца не было — он разорился и уехал, а в домике жил сторож, который и поделился его бельём с потерпевшей.

Мы спустились по Унье в Печору до Якши и отсюда вернулись по дороге на Колву и дальше в Чердынь. Главнейшим результатом этой поездки я считаю то, что одна из моих спутниц, она же и погоревшая, «заразилась» любовью к печорским просторам и стала крупным геологом. Это — профессор Вера Александровна Варсанюфьева, которая много лет положила на исследование бассейна верхней Печоры и Северного Урала и теперь еще продолжает свои исследования, воспитала много молодежи и тоже привлекла их к исследованию Печоры.

Бразильский кофе на Алдане

Свидетельство Д. Михайлова 1950-х гг. [40, с. 58—59].

Здесь на Алдане во всех магазинах таежных поселков мы обнаружили настоящий бразильский кофе в американской расфасовке, в больших запаянных жестяных цветных банках. Для любителей кофе это был большой подарок, так как в Ленинграде в те годы купить хороший кофе было трудно. А попал бразильский кофе в Якутию так. Во время войны через аэродромы Аляски, Чукотки и Якутии из Америки в СССР перегонялись военные самолеты. Были заброшены сюда и некоторые американские товары. Кроме кофе, в магазинах Алдана с военных лет была в продаже американская мясная тушенка и добротные солдатские ботинки из лосины. Бразильский кофе в этих таежных краях продавался в каждом захолустном магазине на протяжении многих лет. Дело в том, что якуты признавали из напитков только спирт, чай и оленьё молоко, а к кофе относились с презрением. Поэтому только к началу 60-х годов сотрудники многочисленных экспедиций раскупили на Алдане всю эту кофейную экзотику.

Американские аэродромы в Якутии

Какие временные аэродромы строили американцы на вечной мерзлоте в Якутии — для перегона самолетов с Аляски. Ценное свидетельство геолога Юровского [62, с. 154]

— Проблема первая — аэродромы. Грунтовые в межсезонье раскисают: ни сесть, ни взлететь. Взлетно-посадочные полосы с твердым покрытием в Якутии можно пересчитать по пальцам одной руки, да и то останутся свободные. Видел я, правда, один занятный аэродром в поселке Усть-Мая. Построили его хитромудрые американцы во время войны как промежуточный, для дозаправки. Для «Дугласов» своих, кои гнали через Аляску, Чукотку, Колыму и Якутию по лендлизу. Башковитые ребята эти янки. Каким-то образом доставили сюда рулоны перфорированных металлических полос и раскатали их по всей взлетной полосе. До сих пор аэродром работает круглый год. И железкам этим ни черта не делается, и мерзлота не вспучивается под перфорированным покрытием. Ну, что б не построить по образу и подобию еще десяток таких аэродромов? Нет, гордые мы очень. Не желаем пользоваться их буржуйским опытом. Своих ученых-мерзлотоведов девать некуда. Пусть они не то что полосу, дорогу построить не могут, не важно. Зато свои. Раз им деньги платят — пусть думают.

Что меня еще поразило в этом Усть-Майском аэропорту, так это здание аэровокзала. Тоже американцы построили. Деревянное, двухэтажное, на совесть сработанное. С военных времен внутри сохранилась только печка-камин, вся покрытая роскошными изразцами. Представьте, разгар войны, а янки черт те откуда тащат в Якутию изразцы и украшают ими печку. Тащат бронзовые дверцы и обрешетку камина. И ставят эту печку прямо-таки на века, будто

всю жизнь собираются сажать здесь свои «Дугласы». Определенно, эти янки со странностями. Нам их не понять.

*Взлетная полоса
в Охотске*

Неожиданное свидетельство Вадима Сафонова [57,
с. 66].

В середине июня мы прилетели в Охотск.

На взлетной полосе — Ан-2 и вертолеты. Крохотное здание аэровокзала среди солнца и сильного ветра с обрывками тумана. Взлетная полоса собрана из рифленых металлических пластин, лежащих прямо на гальке.

ГЛАВА 4. «СМЕРТЬ МЕНЯ ПОДОЖДЕТ»

В эту главу мы также включили полевые приключения, но такие, которые можно считать смертельно опасными. Конечно, эта грань очень условна. Например, описанный в предыдущей главе случай с незафиксированным тормозом вездехода, который поехал сам и раздавил палатку — был, конечно, смертельно опасным для людей, если бы они оказались в этой палатке.

В книжке своих воспоминаний академик Смирнов рассказывает об опасностях, связанных с профессией геолога [58, с. 60].

<...> я хотел бы сказать несколько слов об опасности геологической профессии. Действительно, геологическая работа, по сравнению со многими видами труда, связана с повышенным риском. Геологи нередко оказываются один на один с темными силами общества и с беспощадной суровой природой. Геологи гибли в стычках с басмачами и бандитскими шайками. Мне рассказывал один геолог, работавший на Колыме, как на их отряд ночью напали преступники, сбежавшие из заключения, и всех перестреляли в палатках прямо в спальных мешках. Лишь ему удалось, прорезав ножом заднее полотнище палатки, в нижнем белье, босиком уйти в тайгу, где его подобрала полуживого с разбитыми в кровь ногами.

Если даже геологи избавлялись от подобного рода встреч, никто не мог их спасти от ударов слепых сил природы. Достижения советской геологии не обошлись без жертв, и сколько их было — сорвавшихся со скал, пропавших в тайге, пустыне и тундре, растерзанных зверьем, утонувших в реках и болотах, подгребенных завалами. Нередко эти трагедии случались из-за неосторожности, но чаще их трудно было предотвратить.

Я дважды тонул вместе с верховой лошастью; висел на концах окровавленных пальцев над обрывом пропасти, когда из-под тяжелых горных ботинок сорвался камень, не раз голодал до полного истощения, питаясь только дикими плодами и травами, мог быть разорван медведицей, был укушен скорпионом и змеей, дважды попадал в автомобильные и один раз в авиационную катастрофу. Поэтому когда геолога спрашивают, опасна ли его профессия, то обычно получают утвердительный ответ.

4.1. Белые медведи

На Вайгаче • На Новой Земле • Правильная оценка

На Вайгаче

Как Николай Юшкин увидел белых медведей. Он бродил по скалам карбона на островах у мыса Карпово Становье (ЮЗ побережье Вайгача) [72, с. 54—55].

Он испугался не напрасно — в 2011 году белый медведь задрал моего многолетнего коллектора Мишу Ерёмкина. Это произошло 20 сентября 2011 г. на острове Хейса (архипелаг острова Земли Франца-Иосифа). Медведь напал на него прямо на тропинке, когда он в 21.40 пошел заправлять метеозонд в нескольких десятках метров от базы. Мише было 54 года.

Воспользовавшись непредвиденной стоянкой, я взял у водителя вездехода слесарный молоток, так как геологический не успел прихватить с базы, и пошел побродить по островам, посмотреть обнаженный здесь карбон юго-западного крыла антиклинория. Часа три лазал в тумане по скалам, переходил по косам с одного острова на другой. Потом вернулся на баржу. В это время ветром немного сдуло туман, и метрах в трехстах от баржи открылся кусочек ближайшего острова.

Я только успел снять штормовку, как в каюту ворвался Романцов. Он схватил бинокль и, прокричав «медведи!», вылетел обратно. Мы за ним. У меня даже как-то упало сердце. На том мыску, где я только что бродил в тумане, лениво прохаживались два белых медведя. Я видел первый раз белого медведя на воле, и меня поразила его величина. Метра два с половиной в длину, значительно больше метра в высоту. Медведь казался гигантом. Это я определил размеры потом, прикинув величину камней, около которых они бродили. А в тумане медведи казались по крайней мере в два раза крупнее. Романцов охал и ахал и строил проекты, как бы связать медведя, а я всё никак не мог отделаться от мысли, что только-только проходил совсем рядом от этих огромных зверей.

Это потом, побывав на Новой Земле, я перестал бояться белых медведей, а тогда мне было по-настоящему страшно. И толчком к этому страху было поразившее меня несоответствие величины этих зверей по сравнению с моими прежними представлениями.

На Новой Земле

Как Юшкин собирался пнуть ногой в живот белого медведя — и что из этого вышло.... [72, с. 90]

В этом маршруте нам необычайно «везло» на белых медведей, а одна встреча особенно запомнилась. Еще от волока я заметил в самом конце бухты Внутренней какое-то белое пятно. Посмотрел в бинокль, что-то неясное. Решил присмотреться, когда подойду поближе, а потом забыл. Шли мы с Асхабом по берегу у самого уреза воды. Здесь более свежие стенки скал, все хорошо видно. На одном задержались особенно долго. Здесь выход диабазов с прекрасно вскрытыми контактами; я долго колотился, делал зарисовки. А когда осмотрелся вокруг, всего в 25 метрах увидел огромного медведя. Это было как раз то белое пятно, что мы видели с волока.

Медведь лежал на боку, не шевелился, не дышал. «Мертвый!» — решили мы с Асхабом. Мы охали и ахали, что нет с собой фотоаппарата, строили планы, как мы подьемем сюда на «доре» со всей кино- и фототехникой, как будем хвастаться потом «трофеем». Я уже направился к медведю, чтобы пнуть его ногой под живот. Никак не пойму, почему появилось та-

кое желание. Приблизился на десяток метров. Медведь в это время зашевелился и повернулся на другой бок, даже не взглянув на нас. А мы, не помня себя, уже неслись в сторону, размахивая пистолетом и ракетницей.

Правильная оценка

Юшкин реалистично оценивал опасность белых медведей [72, с. 105—106].

В последнее время в популярной литературе стало почему-то модным представлять белых медведей такими безобидными, забитыми животными, чуть ли не лезущими лизаться к первому встречному человеку. Такая литература создает у тех, кто впервые попадает в Арктику, мнение о белых медведях, как о ручных животных, отличающихся от домашних собачек разве только размерами (признаться, близкое к такому представлению было и у меня до первой встречи с этими животными). И вот дезинформированные новички всё чаще становятся жертвами медведей.

Но белый медведь — не собачка, а зверь серьезный. Это самый крупный и самый сильный хищник мира. Длина взрослого зверя два-три метра, высота около полутора метров, вес около полутонны. Медведь одним ударом убивает нерпу, морского зайца или даже моржа и легко тащит пятисоткилограммовую тушу по берегу. Белый медведь, конечно, не свиреп, но если человек встретится с ним не под настроение, неожиданно или если медведь сильно голоден, исход такой встречи может кончиться бедой для человека. На памяти полярников немало таких трагедий. Белый медведь — хозяин Арктики, и нужно с этим считаться.

В одном из поселков ранней весной я как-то услышал по местному радио, что из нижней части поселка в верхнюю переходит группа белых медведей, чтобы жители были осторожны и не покидали домов. Такого я ещё не видел, поэтому набросил полушубок и побежал туда. На улице уже собралась толпа людей и глазела на тройку грязных медведей, копавшихся в помойках. С карабинами наперевес медведей сопровождала специальная охрана, ограждающая зверей от людей, а зевак вроде меня — от неожиданного нападения медведей. Медведи ушли за поселок. А через несколько дней какой-то особо нахальный зверь, может, из тех же, зашел в столовую, работавшую вечером как ресторан, расколошматил стеклянную дверь, сгреб с буфетной стойки всё, что там было, и пока не поел все шоколадные конфеты, не выпустил сбившихся в противоположном углу ресторанных гуляк.

4.2. Михаил Ермолаев на Новой Земле

Долина Святой Анны • Мощный немец сдал

Долина Святой Анны

М. М. Ермолаев, работавший в Институте по изучению Севера (будущем ленинградском НИИГА), и два его спутника, пересекавшие ледовый щит Северного острова Новой Земли, неся с собой радиолампы на метеостанцию Мыс Желанья, — оказались в страшной Ледяной долине Святой Анны. Свидетельствует сам Ермолаев, испытывавший тогда ужас [24, с. 24]. Заметим, что Ермолаев не только жил и маршрутил один, но и перетаскивал на себе 40 кг снаряжения.

Это была ледяная долина шириной километров десять, перерезавшая поперек весь ново-земельский щит, от моря до моря. Высота ее крутых ледяных бортов не меньше двухсот-трех-

сот метров. Если бы на этих гладких покатых склонах не было заструг, мы бы ни за что не слезли вниз. Когда же мы спустились, нас охватил ужас. Вы знаете, нам приходилось видеть жестокие ураганы, только несколько дней назад мы пережили очередную бору и проклинали оставленные ею волны твердого, как металл, снега. Но здесь перед нашими глазами были другие волны, выпиленные не из снега, а из синего глетчерного льда! Представляете, какова должна быть сила ветра в этой жуткой долине, с какой энергией резали лед мириады несшихся с бешеной скоростью снежинок и песчинок?! Обрушья на нас такой ураган, и нас смело бы в Баренцево море. Мы поняли, что нужно выбираться отсюда, не теряя ни секунды...

Мощный немец сдал Но тут, едва они выбрались, сдал гигант-немец Курт Вёлькен. Как они спасали товарища, отдав ему единственный пистолет... [24, с. 24—25]. Читаешь книгу архангельского геофизика и журналиста Миши Данилова — и не веришь, что всё это можно было вынести...

Совсем сдал Вёлькен, он опустил на лёд и сказал, что нет никакого смысла ни ему, ни всем троим идти дальше. Ермолаев и Петерсен с большим трудом вытащили Вёлькена наверх. И поняли, что таким образом до мыса Желания им не дойти — всем троим грозила неминуемая смерть на ледниковом щите от усталости, голода и мороза.

Тогда они, из последних сил таща с собой Вёлькена, резко свернули на запад, к Баренцевому морю, удлинив свой путь еще на тридцать километров. Там, на приметном мысу залива Красивого, открытого еще Виллемом Баренцем, они соорудили из снега и леса-плавника хижину и вход в нее завесили единственным одеялом. На дощатые нары в хижине они уложили вконец ослабевшего Курта Вёлькена и укутали его малицами.

«Я долго колебался, оставлять ли ему револьвер, наше единственное оружие. Потом подумал, что нас все-таки двое, а он совершенно беспомощен, и если зайвится медведь... Словом, я отдал ему револьвер и сказал примерно так: «Не вздумай дурить. Тебя спасут. Мы отдаем тебе всё, что имеем. Все до крошечки. Сами остаемся без оружия. Поэтому помни о нас и не делай глупостей».

Ермолаев и Петерсен пошли дальше к мысу Желания, думая теперь уже только об одном — послать помощь Вёлькену. Они знали, что на берегу спасатели без труда отыщут хижину с Куртом, в то время как на ледниковом щите на это не было бы никаких надежд.

Они шли на север вдоль берега Баренцева моря, местами по тонкому прибрежному льду в обход ледника, сползающего с гор в море. Наконец впереди замаячили далекие черные острова...

«Они показались нам бесконечно далекими, а мыс Желания лежал еще дальше. Нами владели лишь три мысли: дойти, выслать людей за Куртом, напиться чаю... Глубокой ночью я увидел огонек. Это меня не обрадовало — я решил, что начинается что-то вроде Вёлькеновского «нарзана» (обессилевший на ледниковом щите Вёлькен, видимо, временами лишился рассудка, так как принимал кусочки льда, подносимые товарищами, за нарзан). Спросил Володю, а тот кричит: «Вижу! Там огонь!» Ну, думаю, беда — оба рехнулись! Луна уже зашла, мы двигались в полной темноте. Внезапно прямо перед нами засиял окнами дом. За стеклами мелькали тени, до людей было не более пятидесяти шагов, а мы стояли и не могли сдвинуться с места. Из дома вышел на наблюдения метеоролог. Он, вероятно, принял нас за медведей и вскрикнул. Я до того растерялся, что не нашел ничего лучшего, как спросить: «Простите, это мыс Желания?..». В ответ я услышал: «Вы Ермолаев? Но ведь вы же все погибли две недели назад!»

Их долго отпаивали чаем, но есть пока не давали: они голодали уже много дней. За Вёлькеном ушли сразу, как только Ермолаев смог набросать план места, где была построена хижина.

4.3. Мысли... на дне реки

О чём думал Виктор Юдин на Щугоре •
Авторское-1: О чем думал я на дне Лемвы

*О чём думал
Виктор Юдин
на Щугоре*

Как сыктывкарский геолог (ныне — симферополец) Виктор Юдин охотился на оленя в конце сезона на Щугоре... [11, с. 190—193]. Щугор — это правый приток Средней Печоры (я (Я.Ю.) там работал с Пучковым в 1967 г. — в свой первый сезон на Севере Урала).

Работа шла полным ходом с последовательным изучением тектоники по притокам и обнажениям красивой североуральской реки Щугор. Подошла очередь притока со странным названием Дзёля-Катя Ёль-1. Речушка оказалась своенравной. Снизу проехать на лодке невозможно, да и обнажений там нет. До верховьев по сложным меандрам к нужным объектам тоже не дойти. Оставалось искать таежную просеку и забрасывать пешком в верховья выкидной лагерь на неделю.

Геолог Игорь, тогда молодой специалист после МГУ, не страдал здоровьем. Загрузив спальники, палатку и мелочевку в абалаковские рюкзаки, мы поплыли на печорской лодке вверх по Щугору к месту предполагаемой просеки. Поиск затянулся, и Афанасьич уехал вверх по реке наловить рыбы на уху.

Проклиная топкое болото и неуловимую просеку, мы старательно прочесывали редколесье с надеждой найти засечки на деревьях. Но вместо них вдалеке показался здоровенный сибирский олень. Он шел наискосок, почти на нас. Свалив на сухую кочку рюкзаки, а главное бесценные секретные карты и бесполезные деньги, мы залегли. Перспектива свежего мяса становилась почти реальностью.

Поэтому, не мудрствуя лукаво, я улегся в болото и пополз наперерез заманчивой перспективе. После длительного ношения вериг в виде рюкзака и сумки с документами двигаться ползком было даже легко, но мокро.

Расстояние достигло разумного предела. Выстрел, и олень лег.

Радости нет предела! Подбегаю, но он встает, и перспектива начинает быстро удаляться. Расклад по болоту простой — олений шаг один, а моих два; он в копытах и налегке, а я в броднях полных воды с многочисленными одежками и железками, включая ружье. Мелкая дробь, взятая в многодневный маршрут на рябчиков, для оленя с приличного расстояния и сзади — что слону дробинка.

Да разве ж геолог подранка бросит?! Болотная гонка с падениями и полуотдыхом продолжалась неизвестно сколько. Через несколько километров олень вышел на берег и... решил переходить Щугор. Ширина реки по карте — более двухсот метров. По перекаату в сапогах-броднях с поднятыми голенищами можно пройти почти половину. Ниже переката — глубокий плес, который на моторной лодке мы проезжали не раз.

Сгоряча, засунув на манер сигарет пару патронов в рот и не обращая внимания на ледяную осеннюю воду, несусь вниз по перекаату. Вода становится все глубже. Течение реки быстрое, и начинаю понимать, что назад уже не вернуться. Олень очень разумно поплыл обратно. На этот раз расклад стал еще хуже: он налегке, а на мне ружье, на поясе неизменные нож, компас и мелочи, не говоря об одежде и броднях с поднятыми голенищами.

Вы когда-нибудь пытались плавать в броднях? Если нет, то лучше не надо. Ноги становятся совершенно бесполезным грузом, тянущим ко дну. Руками в свитере и штормовке тоже не погрёбешь.

Оценив сложность ситуации, пришлось, заметив приметные мелькающие на берегу ели, отправить на дно казённое ружье (но уж не нож и компас!). Дно окончательно ушло из-под ног. Несло на глубокую яму плеса. Широкая таежная река была совершенно безлюдной, холодной и пустынной, с низко нависшими морозящими тучами. Голос сорван, очки утонули вместе с ружьем, мясная перспектива уплыла восвояси... Шансов на спасение не оставалось. Нырять, пытаюсь снять бродни. Но войлочная стелька, шерсть носка и портянка из мешковины, накрученная добротной для долгого маршрута! Оба сапога застряли на полпути и превратились в длинные надутые водой сардельки, окончательно не дающие двигаться к берегу.

Злополучная мясная перспектива тем временем приплыла на исходный берег. Без очков она виднелась вдали светлым размытым пятном без всяких радужных оттенков. Оставался единственный путь — донырять по диагональному перекату до другого берега или быть снеженным в яму плёса без всякой перспективы из нее выбраться. Предел выносливости подниматься для очередного вдоха подошел к последней грани.

Эх, не видать мне будущей молодой жены, неродившихся сыновей, монографий и докторской степени... Хотя честно говоря, никаких традиционных в литературе воспоминаний о прошлой жизни и планах на религиозные темы не было. Бульки воздуха перед глазами давали только один стимул — правый берег. Дно из-за быстрого течения стало постепенно приближаться. Еще немного, и от него уже можно отталкиваться для очередного вдоха. Последние усилия — и можно встать на долгожданную твердь! Выйти из реки в полуснятых броднях, полных воды, также невозможно, как и плавать.

Ползком, как наши далекие палеонтологические предки, с трудом выползаю на берег. Школа выживания не закончилась. В кармане штормовки есть непромокаемые спички в латунной гильзе с резиновой пробкой. Разжечь костер даже в дождливый день — уже элементарно. Через пять минут прыгаю нагишом, как папуас, вокруг костра и занимаюсь суперсушкой одежды. Метод давно отлаженный и надежный — мокрое в огне не горит, зато быстро сохнет.

Вверху на реке загудел мотор. Это Афанасьич, решив, что мы уже ушли в недельный маршрут, возвращается в базовый лагерь. Кричать и даже хрипеть ему сил нет — голос давно сорван. На мои воинствующие телодвижения он почему-то упрямо не реагировал. Только позже я понял мысли подслеповатого базиста. На совершенно пустынной реке, за сотню километров до жилья, в дикую осеннюю холодину с моросью полудождя-полуснега на берегу носится у костра неизвестный раздетый бородатый мужик. Хорошо еще, что он далеко от лагеря и на противоположном берегу. Наверняка — беглый зэк, а про них жутких историй здесь было немало.

Сообразительный Игорь через час после выстрела понял, что начальником что-то не ладно. Он навьючил на себя на манер парашютиста оба тридцатикилограммовых рюкзака, сумку с документами и напрямую вышел к реке далеко ниже по течению. К моей радости, мимо Игоря Афанасьич не проплыл. После томительных минутных переговоров, они рискнули подплыть посмотреть на шугорского чудо-моржа. Видимо, картина была достойной фотоконкурса. Быстро влезая в сухой спальник прямо в лодке, я понял, что борьба была не напрасной. Олень дождался нас на том берегу, откуда бежал. Через полчаса в лагере на медицинские цели безвозвратно ушли последние, чудом сохранившиеся, двести граммов гидролизного спирта.

Наутро, без признаков насморка и простуд, плотно пообедав забытым по вкусу мясом, мы вновь отправились искать просеку. И удивительно легко её нашли, доработав после-

дний многодневный маршрут сезона. Утонувшее ружье было отловлено за ремень длинным шестом с лодки. Какое течение и глубина там были при его поисках — лучше не вспоминать.

Прошли годы, и я заметил, что для достижения заманчивых перспектив в жизни приходится проходить закономерные стадии. Желание достичь, увлекательная деятельность, экстаз торжества удачи, разочарование, нечеловеческие усилия (причем, обычно направленные не по прямому назначению), а потом цель достигается как бы сама собой.

*Авторское-1:
о чём думал я
на дне Лемвы*

Ниже приведен отрывок из сочинения «Спасение на водах» [67, с. 77—78].

Эпизод 3: на дне Лемвы

Лето-1982 началось как нельзя лучше! Я еще в городе мудро разделил полевое барахло на две кучки: большую и малую. Все места из малой кучки были помечены очень заметными красными лоскутками, ибо я знал, что размышлять при посадке будет некогда. Малая кучка предназначалась для выкидного маршрута в верховья Лемвы, а большая — для базы в 20 км ниже, в устье Б. Надоты. Таким образом я одним вертолетным рейсом делал сразу две заброски: сперва выкидывал на базу свой отряд и основную кучу барахла, а потом (оставив в кабине только 5 тючков с красными лоскутками!) летел дальше под Тисва-из, и там с коллектором Мишей Ерёмкиным десантировался сам, с запасом продуктов на неделю и двумя резиновыми лодками.

Всё прошло как по-писаному. Вдобавок у нас был «Карат», и мы связались со своими уже в первый же вечер.

И начался чудный лодочный маршрут. Мы ставили лагерь так, чтобы ходить было поближе, работали, потом сплавлялись, снова ставили лагерь и т.д.

Каждый вечер с базы приходили оптимистичные радиogramмы: «*Проходка отличная!*». Я знал, что эфир прослушивается и поэтому строго-настрого запретил персоналу передавать бытовую информацию открытым текстом. Для этой цели мной был разработан специальный код; данная радиogramма означала, что рыбалка у них там идет как нельзя лучше...

Однако по мере того, как мы приближались к базе, всё больше росло мое недоумение! Дело в том, что Витя Пучков давно предупредил меня о том, что Верхняя Лемва — река опасная. Кто-то из геологов там некогда утонул, а потом и сам Витя (с другим, молодым Витей — Юдиным) — тоже почти утонул... А Юдину запомнилась такая деталь кораблекрушения: Пучков плавает около перевернутой лодки и тщетно ищет свои очки...

Настороженный этими рассказами, я представлял себе что-нибудь вроде грозных «Яшмовых скал» на Каре — какого-нибудь там каньона с отвесными стенками, с ревушим длинным перекатом, а ниже переката мощная струя косо бьет в берег, и лодка, подпрыгивая на волнах, несется с бешеной скоростью на скалы...

Между тем, мы потихоньку сплывали себе уже пятый день, а ничего похожего на «опасную реку» не было и в помине.

Чудесная погода начала июля. Мирная, уютная речка с ивами по берегам, с невысокими, легко доступными обнажениями, тихие плесы, безобидные песчаные перекаты. Правда, полно островов и протоков, но ведь струя сама вынесет на фарватер, беспокоиться не о чем.

Так что маршрут наш катится к концу как по маслу, и на базе, поди, в ожидании нас уже оладушки пекут.

...Это случилось, когда до базы оставалось плыть, наверное, меньше часа.

Я загорал на первой лодке, Миша держался метрах в 100 позади.

Внезапно на стремительном перекаате узкую протоку перегородила толстая ветка — прямо перед моими глазами. Глупо-инстинктивно (вместо того, чтобы нагнуться!) — я схватился за неё.

Меня, как из пушки, выбросило из лодки, и я мгновенно оказался под водой.

Еще ничего не поняв, я отчаянно барахтался, пытаюсь выбраться на поверхность. Однако выбраться не могу — меня что-то держит! Я делаю рывок, второй, третий — тщетно.

Прошла, вероятно, минута; я продолжал безуспешно трепыхаться и, наконец, понял, что я сейчас захлебнусь — воздуха уже не хватит.

Мне стало очевидно, что пришла моя смерть.

Я торжественно свидетельствую, что в этот ответственный момент (вопреки тому, что пишут в книжках) *«вся жизнь перед моими глазами»* огнюдь не пролетала. В голове сидела одна-единственная мысль, и я её прекрасно помню: *«Боже ты мой, погибнуть так глупо!!»*.

И тогда ко мне вернулся разум: я сообразил, что мои ноги в броднях попали в ловушку между коряг. Я нырнул вниз (а не вверх!) и безо всякого труда освободившись, всплыл на поверхность.

Дальнейшее происходило как во сне — в полном молчании. Словно сомнамбула, я побрёл обратно по берегу острова — за своим веслом, которое выбросило на берег. Подобрал и потащился вниз — там метрах в 100 на песчаной косе я обнаружил Мишу Ерёмкина с двумя лодками. Лицо у него было совершенно белым, а взгляд — безумным.

Дар речи вернулся к нам обоим не сразу.

И тогда Миша рассказал, что он пережил за эти несколько минут.

Он всё время видит мою спину впереди. — Вдруг я внезапно исчезаю! — Моя лодка несётся без пассажира! — Он наплывает, успевает обогнуть ветку. — На плёсе ловит мою лодку и оглядывается: меня нет!! — Он причаливает к косе. — Меня нет...

Да, Мише не позавидуешь: ведь ему предстояли бесконечные объяснения о том, как и при каких обстоятельствах он утопил начальника.

Из жизненного опыта надлежит извлекать какую-нибудь полезную мораль.

Мораль рассказанных эпизодов, по всей видимости, такова: кому суждено быть повешенным, тот не утонет.

4.4. Грозные Саяны

Сентябрьский снегопад • Опасный маршрут

Сентябрьский снегопад

Томский геолог Сергей Гудымович рассказывает о настигшем его смертельно опасном сентябрьском снегопаде в Кузнецком Алатау [61, с. 350—351].

Это было в Кузнецком Алатау в начале сентября. С утра было непривычно тепло, тихо и давяще пасмурно. Мы разошлись по маршрутам, и я, как обычно, хотя и в нарушение всех правил техники безопасности, пошёл один.

Часов с одиннадцати повалил снег. Это было потрясающее зрелище: при полном отсутствии ветра огромные — со старый советский пятак — снежинки плавно и бесшумно опускались, зависали на ветвях и траве, пуховым одеялом ложились на землю. Я подставлял под них ладони и зачарованно следил, как исчезает ажурный и причудливый рисунок снежинок, превращавшихся в крупные капли воды. Было тихо и торжественно, как в храме.

Вскоре снег повалил так густо, что уже в нескольких метрах было ничего не видно. И в это же время я почувствовал, что промок и замерзаю. Я попал в редкую и скверную ситуа-

цию. Было бы теплее — не было бы снега, холоднее — он бы не таял. Какое-то время я по инерции ещё продолжал маршрут, но когда заметил, что руки уже не держат карандаш, понял, что дело серьёзное — до лагеря ещё километров восемь и не по дороге, а по буреломной тайге, а у меня и спичек нет...

Плохо помню, как шёл. В сапогах — ледяная каша, тело, непрерывно омываемое свежими порциями талой воды, бьёт крупная дрожь. Помню только, что обычно очень чуткие и осторожные глухари, придавленные непогодой, взлетали прямо из-под ног и тут же садились на нижние голые ветки пихт в нескольких метрах от меня. Когда взлетел первый глухарь, я ещё попытался снять ружьё, но скрюченные руки мои совершенно не слушались, и на остальных глухарей я уже не обращал внимания. Помню ещё, что перед самым лагерем нужно было спуститься по крутому склону, сплошь заросшему непроходимым колючим кустарником в человеческий рост. Обычно такие кустарники просто обходят. Сейчас передо мною был ровный снежный склон, по которому я, как чурка, скатился вниз...

В лагере горел громадный костёр, и все сушили одежду.

Мне говорили: у тебя же было ружьё, можно было выстрелить в сухой мох, развести костёр... Может быть. Но, во-первых, я пропустил момент, когда был в состоянии ещё сделать что-то, а во-вторых, безотчётный страх гнал меня скорее выбраться из снежного плена!

Позже я узнал, что в этот снегопад в тайге от переохлаждения погибло несколько человек...

Опасный маршрут

Имевший альпинистскую подготовку томский геолог рассказывает о своем одиночном маршруте в высокогорных Саянах [61, с. 371—373].

Этот маршрут был нужен для окончательного подтверждения идеи, и я пошел один после предупреждения коллеги: «*Ты, пожалуйста, не зарывайся, без альпинизма*». Часть маршрутного хода я издали просмотрел в предыдущий день. Как будто бы ход без опасных осложнений, шагай и занимайся себе геологией. Всё оказалось не так.

Но началось очень мило. На подходе — иди и надейся только на свои ноги и дыхание, а это у меня в норме. Краткий отдых, крутой подъем, горка «отскочила» от гривы, крутой спуск, классный разлом со всеми признаками. Опять ровный подъем без осложнений, всё внимание — геологии. Обед, сухие дрова — на себе в рюкзаке. Чай с золотым корнем, на небе ни облачка, хороший настрой. Сразу после обеда началось.

Уперся в вертикальные скалы. Я их видел раньше, думал, поднимусь с обходом, как обычно. По моей гриве они возвышались почти вертикальными уступами. Взял в правую сторону. Пошел по горизонтали. Посмотрел на свою гриву: обычная вещь — она резко ушла вверх. Полез по скале в её сторону. Нормально, хотя с напряжением преодолел часть подъема. Дальше — хуже. По горизонтали ход недоступен, только вверх. Крутой скальный уступ, поднялся до карниза. Слева вроде бы можно двигаться вверх. Шаг — рука вперед, еще шаг — нога цепляется за камень, тот с грохотом летит вниз. Туда лучше не смотреть. Глади только на скалу, на ее карнизы и неровности. Шаг — рука цепляется за уступ, молоток мешает. Медленно вскарабкиваюсь на следующий карниз. Дальше вверх по скале хода нет, назад тоже.

Слева крутая щель, забитая снегом. Сползаю в нее, стараюсь не потерять высоты. Снег тяжелый, мокрый, комки полетели вниз. Всё внутри напряглось: я знал, что возможен срыв лавины вместе со мной. Аккуратно протыкаю ногами снег; выше — легче, его толщина явно уменьшается. Вдруг понял, что под тонким снегом ноги стоят на твердом льду, а снеговой покров медленно начинает ползти. Его движение жуткое, для меня — смертельное.

Быстро прыжком с максимальным напряжением кидаюсь на уступ скалы влево. Карабкаюсь с опорой на колени еще выше. Трещит прочная материя штанов, ушиб руку до крови, но всё это — ерунда: из моей расщелины с торжествующим гулом пошла лавина. На уровне плеч — полянка с хилой травой уже почти на маршрутной гриве и маленький кустик. Выкинул туда молоток, схватился за куст, подтянулся, выполз на полянку и подумал: «Один-ноль в мою пользу».

Съел половину шоколадки из НЗ, два глотка чая из фляжки, закурил. Нужно сосредоточиться на геологии. Солнце далеко на западе. Геологическое содержание маршрута вновь захватило своей четкой логичностью, но всё время беспокоила мысль: я знал, что на подступах к Главному хребту Его Величество Саян готовит новую преграду. Впереди просматривается серия вертикальных скал, сложенных, вероятно, базальтами мощного силла толщиной не менее пятидесяти метров. Минут через сорок поднялся к уступам, убедился, что это действительно чёртов силл. Опять дальнейший ход по моей гриве невозможен, нужно уходить вправо. Базальты образованы бесконечным количеством призм, на верхушках которых часто обнаруживаются уступы и ровные площадки. По крутой осыпи осторожно подкрался к нижней серии призм. Засунул молоток в рюкзак — началось скалолазание. Выбирал устойчивые карнизки, горизонтальные трещины. Напряжение возрастало. Вниз улетели две крупные глыбы, одна задела меня скользом. Грохот, пыль. В альпинистской школе учили: вниз лучше не смотреть, твоё спасение — неровности скального подъема. На небольшом карнизе остановился, решил отдохнуть и, нарушая правила, взглянул назад. Стало жутко. Сотни метров обрыва со скальными зубьями, отбрасывающими на закате мрачные тени, заставили произнести: *«Пронеси, Господи!»* Для облегчения — разговор с самим собой. *«Сейчас в эту трещину, выше, уступ, еще выше. Стоп, влево, хорошо, коленкой на уступчик. Есть, давай по той щели врасклин»*. Тресь — дыра на штанах обнажила колено. Больно засаднило ушибленную правую кисть. *«Давай врасклинку, уверенней, обойди камень. Пронеси, Господи!»*. Камень оборвался, и долго грохотало с удалением каскадом других камней. Небольшой отдых на карнизе, вниз смотреть нельзя. *«Нельзя вниз смотреть, нельзя!»*. Вправо опять щель. Врасклинку. *«Хорошо, скоро конец силла! Ура!»*. Выполз на простой склон. Солнце совсем низко. Медленно поднялся на ось Главного хребта. *«Здравствуйте, Ваше величество!»*.

4.5. Не утонуть в море?

Губа Раковая • Плавание с дырой в борту • Сочинитель диссертации — кандидат в морской осадок? • 11-балльный шторм в открытом море

Губа Раковая

Это Южный о-в Новой Земли; рассказывает Николай Юшкин [72, с. 76]. Конечно, правильнее было бы назвать губу «Крабовой», а не Раковой.

Вышли к губе Раковой. Вероятно, она названа так не зря — скалы по ее берегам усеяны белой известковой крошкой. Это обломки панцирей мелких крабов, которых затаскивают на скалы и разбивают чайки. Кроме крабов, губа отличается огромным количеством медуз, красно-бурыми хлопьями буквально насыщающих мелкие бухточки и расщелины.

В одной из расщелин под двадцатиметровой скалой на узкой полоске галечника мое внимание привлекло голубое пятно. Когда подошел ближе, удалось рассмотреть, что это полузасыпанная галечником «казанка» с помятой кормой. Около нее валяются весла и разорванная резиновая лодка. Вероятно, это и есть следы разыгравшейся здесь в начале года трагедии, о которой нам рассказывали моряки.

Два любителя рыбной ловли в одной из экспедиций в штилевую погоду решили на резиновой лодке поставить сети. Не успели они отойти и сотню метров от берега, как неожиданно, а здесь такое бывает часто, поднялся ветер и потащил их в море. Это увидел один из рабочих. Он стащил «казанку», лежавшую на берегу, прихватил весла и стал догонять резинку. Догнал он её быстро, рыбаки перелезли в «казанку», затащили туда и резиновую лодку. Но шторм уже стал таким сильным, что даже на «казанке» не удалось выгresti к берегу. В море теперь уносило троих, и никто им помочь не мог: на берегу не осталось больше лодок.

Рыбаков нашли через несколько дней вот здесь, в Раковой, больше чем за полсотни километров от того места, от которого их унесло. Все они погибли, как считают от переохлаждения. Дольше пятнадцати минут ледяной воды человеческий организм не выдерживает. И вот лежат здесь эти лодки как грозное предупреждение против легкомысленного отношения к морю.

Плавание с дырой в борту

Об этой неприглядной и удивительной истории рассказывает начальник экспедиции в Южную Атлантику профессор Е. М. Емельянов [27, с. 160—161].

Мы вышли на судне «Профессор Штокман» из Калининграда. Идем по Калининградскому каналу в море. Утром, еще до завтрака, стармех Саша зашел ко мне и попросил спуститься в трюм. Там было много всякого научного груза и слабо плескалась вода. Стармех подвел меня к борту, в котором обозначилось длинное узкое окно. Подхожу ближе: «Мать честная!» В борту зияла рваная рана длиной до десяти метров и высотой до одного метра. Мы остановились у этого «окна».

Морская вода за бортом плескалась в метре от него. Края у «окна» рваные, загнутые то вовнутрь, то наружу. Я спрашиваю у стармеха: «*И что, мы шли по каналу, а затем 12 часов в открытом море с этой дырой?*».

«*Да, — говорит стармех, — и капитан отказывался остановиться и повернуть назад, пока я не приказал судно полностью обесточить.*».

Идем к капитану. Он — в каюте. Сидит, обхватив голову руками. Небритый, лицо «помятое». На мой вопрос об аварии отвечает путано: «*Вот воду из трюма выкачаем, мотор на спасательном боте горячей водой отогреем, спасательные шлюпки испытаем и пойдем дальше.*».

«*Куда?!*» — спрашиваю. «*Дойдем до Танжера. Там за свой счет поставлю заплатку на рваную дырку и пойдем дальше на юг выполнять программу в Южной Атлантике.*».

Я спрашиваю: «*А как же мы пройдем Балтику? Ведь здесь полно плавающих льдов. А вечно бурлящий Бискай? А если дунет ветер, и волна будет хотя бы два балла? Ведь мы сразу пойдем ко дну!!*».

Капитан молчит. Иногда лишь повторяет: «*Дойдем до Танжера.*». Связываюсь по радиации с Москвой, с начальством. Все говорят: «*Только обратно, только в порт.*».

Приказываю прервать экспедицию и возвращаться домой. Идем обратно. На наше счастье штиль полнейший. Входим в пролив, идем в порт по забитому льдами каналу. Матросы на палубе ручным насосом, как в кинофильме «Волга-Волга», откачивают воду из трюма.

Благополучно швартуемся у причала. Сбежался народ. Смотрят, удивляются. Расспрашивают нас, потенциальных утопленников, как с такой дырой в борту смогли пройти по морю около 12 часов и вернуться обратно. И еще дивились, где и как мы разорвали борт. И почему лоцман, покидая судно и осмотрев дыру длиной в десять метров на уровне метра от ватерлинии, отпустил нас в «свободное плавание»?

Оказалось, что ночью в забитом льдами канале Калининград—Балтийск, пока капитан уощал лоцмана, вахтенный штурман перепутал огни, судно на ходу навалилось на бетонное

ограждение канала, которое и разорвало борт. А затем мы, как ни в чем не бывало, продолжили путь в открытое море.

После двухнедельного ремонта экспедиция в прежнем составе, но с новым капитаном Р. А. Казаком, вышла по направлению штормовых сороковых широт Южной Атлантики.

Сочинитель диссертации — кандидат в морской осадок?

Рассказывает Емельян Емельянов [27, с. 100].

Когда в такую безмолвную ночь идет судно, то слышен лишь слабый всплеск невысокой волны, ударяющейся о борт судна и расплывающейся ровной, чуть-чуть пенистой гладью. Ночную тишину нарушает лишь равномерное «пуканье» главного двигателя, толкающего судно вперед, к неизведанному.

В одну из таких ночей я, молодой научный сотрудник, стоял ночную вахту, ведя наблюдения за медленно и равномерно передвигающейся лентой на эхолоте. На ленте — пока ничего интересного. Линия на ленте вырисовывала ровный и гладкий рельеф дна Центральной котловины моря. В такие безмятежные часы вахты у эхолота я обычно отрывался от прибора и шел выполнять другую, интересную для меня работу. Вот и в ту ночь, взяв ведро с привязанным к нему длинным концом, я вышел на палубу, подошел к правому борту, намотал конец на ладонку правой руки, бросил перевернутое вверх дном ведро в воду, пытаюсь набрать морской воды. Морская вода, даже если она совершенно прозрачная, содержит множество мельчайших, не всегда невооруженным глазом видимых живых существ, а также твердых частиц, занесенных сюда с за сотни—тысячи морских миль расположенных материков. В любой морской воде содержится множество обрывков фитопланктона. Отмершие остатки этих организмов служат основным материалом, из которого и состоит дно, вернее его осадочная часть.

Процессы накопления типов донных осадков, а иногда и полезных ископаемых на дне и являлись темой моей будущей диссертации. Так как диссертация — дело добровольное, но очень нужное для роста научного исследователя, то я, будучи весьма заинтересованным в таком росте, не упускал возможности собрать новый интересный материал для подкрепления тех или иных тезисов будущей диссертационной работы. Обычно я бросал за борт ведро, оно зачерпывало литров 5—8 воды, и я быстро его поднимал и шел в лабораторию фильтровать содержащиеся в воде частицы, чтобы в последующем изучить их под микроскопом. На этот раз брошенное мною ведро зачерпнуло много воды, и я двумя руками стал выбирать ведро. Но судно вдруг накренилось и погрузилось в ложбину между волнами, и я, чтобы не упасть за борт, отпустил конец и левой рукой ухватился за фальшборт. Но пока я держался, ведро осталось в воде, в том месте, откуда я стал его выбирать, в то время как судно за эти несколько секунд ушло на несколько метров вперед. Конец натянулся на всю длину, и намотанная петля веревки затянута на ладонке моей правой руки. При подъеме правого борта судна я перестал держаться за фальшборт и ухватился за конец и левой рукой. За секунду—две я двумя руками выбрал примерно один метр веревки, подтянув наполненное водой ведро. Но в тот момент судно опять стало падать в ложбину, и я снова, отпустив конец, ухватился левой рукой за фальшборт. Ведро с водой опять оказалось примерно за три метра от меня. Ведро «прыгало» по воде, но оно было с водой, и я одной, правой рукой подтянуть его к себе не мог. И так борьба за ведро продолжалась несколько минут. Это была уже борьба не только за ведро, но и за жизнь. Мы работали на судне «Академик С. Вавилов». Борты на этом судне невысокие, около 70 см. Так что при росте 177 сантиметров мое туловище полностью возвышалось над фальшбортом и при малейшем толчке

или рывке готово было опрокинуться за борт и вместе с ведром составить часть моего объекта исследований, то есть донного осадка.

Как я уже говорил, была прекрасная, тихая ночь. И ничто, казалось бы, не предвещало никаких неприятных событий. Но безграмотно, петлёй намотанная на ладонь веревка тянула меня в бездну моря. От борьбы за ведро, то есть за свою жизнь, я взмок. В испуге и отчаянии я стал кричать: «*Помогите, помогите!*» Естественно, никто на мой «смертельный» призыв не откликнулся: все люди после дневных работ спали. Штурман же и рулевой матрос были в ходовой рубке, наблюдали за приборами и за надвигающейся на судно теменью. Моих призывов о помощи они не слышали и не могли слышать в шорохе разрезаемой форштевнем судна волны. Тем более, что основной двигатель продолжал равномерно пыхтеть «пук-пук-пук» и толкать судно вперед.

Я безуспешно продолжал попытку освободить веревку. Но она прочно, «мертвой петлей» затянулась на моей руке. И всё это произошло из-за того, что я неправильно, внахлест ее намотал. Я понял, что от веревки мне не освободиться и что никто мне на помощь не придет. Моя жизнь была в ладошке моей правой руки. В этот короткий момент я вспомнил всю ту борьбу, которую я выдержал перед тем как попасть в море, подумал, что как глупо, достигнув того, чего я уже достиг, из-за, казалось бы, такой глупой ситуации тут же, в любимом мною море, погибнуть. Сжав зубы, обливаясь потом, я утроил энергию и упорство и снова, и снова продолжал ловить момент, когда качка судна прекратится, я перестану держаться за фальш-борт и двумя руками вытащу ведро.

Не помню уже сколько десятков минут я боролся. Но в итоге, как уже догадался читатель, мне удалось вырвать свою ладошку из цепко держащей меня «её костлявой руки». Взмокший и уставший, но всё еще шепчущий про себя: «*Господи помози*», я с ведром, полным воды, спустился в лабораторию и, посмотрев на равномерную гладкую линию на эхолоте, рухнул на стул.

Команда экипажа и научный состав продолжали мирно спать. Была красивая и тихая ночь. Двигатель продолжал свои равномерные «пук-пук». И мое сердце в такт этому «пуку» громко стучало «тук-туук», «тук-туук». И никому не было дела до этого моего «тук-туука».

11-балльный шторм в открытом море

Е. М. Емельянов рассказывает о шторме в Средиземном море [27, с. 97].

В сильный шторм наша экспедиция попала во время 3-го рейса НИС «Академик С. Вавилов» (1961), начальником которого был морской офицер в отставке сейсмик-акустик по гражданской специальности Валерий Ковылин (впоследствии доктор наук). Мы находились в Центральном бассейне Средиземного моря (это бассейн между Сицилией, Критом и Африкой), в самом удаленном от берегов районе. Шторм усиливался с каждым часом, и к берегу мы пристать никак не могли. Пять, семь, десять баллов! А это уже ураган. Наше судно могло держаться только носом на волну. Бросало ужасно. Трое суток мы боролись за жизнь. Члены экипажа, свободные от вахт, лежали на койках. Причем все они привязывались, чтобы очередной удар волны не сбросил их на пол.

Шторм 11 баллов. Судно держалось только носом на волну. Наше единственное спасение было в работе двигателя. Остановись двигатель, и все мы через пару минут окажемся за бортом. Машина «Академика С. Вавилова» работала как часы, без всякой «мерцающей аритмии».

Лишь химик В. Д. Чумаков да я, самые молодые из научного состава, могли передвигаться по лаборатории и кубрикам, подавать лежащим воду, хлеб и консервы. Волны, разрезан-

ные носом судна на две части, пролетали над палубой до рулевой рубки, что находилась близко к корме, ударялись в неё и прокатывали по судну десятки тонн воды. Пройти по палубе было невозможно.

И члены экипажа, и научный состав лежали молча все трое суток, зарекаясь больше никогда не ступать на палубу судна. Лишь начальник экспедиции, бывший флотский офицер, называемый нами за высокий рост «Стропила», лежал и уговаривал главный двигатель: «*Хоть бы не заглох, хоть бы не заглох*».

Ураган утих через трое суток, но семибальный шторм продолжался еще четыре дня. Наш «Академик С. Вавилов», как истинный боец, выдержал бой с Нептуном. Но вскоре он погиб от норда у стенки Новороссийского порта. Холодный ветер, названный за свирепость бора, был так силен, что «Академик» не устоял, обледенел, осел, набрал воды, лёг на бок и пошел ко дну, без экипажа.

4.6. Разное о многом

Спасение над рекой • Шестеро в землянке на двоих • Яншин упал в шурф • Однообразные сопки Пай-Хоя • Пурга на Воркуте • Надежда на авось • Узкие стремени • Падающие лиственницы • Возвращение в Эклипс по берегу моря • Опасное легкомыслие • Опасность на Оби • Неправильное понимание слов • Есть ли опечатка? • Перелёт из Москвы в Нюрбу в 1955 г. • Упавший вертолёт • В горячей степи — без воды • Катастрофический сель над Медео

Спасение над рекой

Как Карлу Богдановичу удалось изучение гор Кашгарии — на стыке Куньлуня и Памира. На реке Яркенд он был на волоске от гибели [56, с. 34].

15 августа, после утомительного 11-часового перехода пешком по каменистому ущелью, путешественники вышли, наконец, на реку Яркенд. Река предстала перед ними в виде бешено мчавшегося мутного потока шириной в 30—40 метров. Перейти ее вброд было нельзя. День клонился к вечеру. В это время уровень воды в горных реках повышается в связи с дневным таянием ледников. Богданович рассчитывал, что к утру воды будет меньше, что даст возможность осмотреть дно реки и выбрать место для переправы. Но к утру воды прибыло еще больше. Тогда Богданович решил идти с одним из своих спутников пешком к перевалу Янгидаван, чтобы обойти реку по косоугору. Но на первом же крутом склоне, покрытом мягкой осыпью, он вдруг стал сползать вниз к бушующей реке. Быстро пришедший на помощь спутник Богдановича спас его от неминуемой гибели — он бросил ему ременный аркан и оттащил на твердый каменный склон.

Шестеро в землянке на двоих

Как Богданович (с Роборовским и Козловым) едва не погибли в северном Куньлуэне, заночевав в землянке у пастухов [14, с. 35—36].

Дорога шла вверх по долине Бостанграк, иногда прижимаясь к горам или забираясь на выступы. Путники прошли 25 километров вверх по долине и остановились у пастухов, ютившихся в двух небольших землянках. Одну из землянок уступили гостям. Но для шести человек она была слишком мала. Диаметр ее круглого пола был два с половиной метра, а высота свода немногим более полутора метров.

Предвидя ночью сильный мороз и желая получше от него укрыться, выходное отверстие

завесили войлоком. Проснувшись во втором часу, Богданович почти в бессознательном состоянии долго не мог понять, где он находится. Голова сильно болела, в висках стучало. Вскоре проснулись Козлов и Роборовский. Стали искать спички. Казак, лежавший у входа в землянку, сорвал войлок, который закрывал вход. Свежий морозный воздух привел их в себя. Оказалось, что их маленькая земляная келья не вмещала достаточно воздуха для шести человек. Сон исчез. Особенно плохо чувствовали себя Козлов, Роборовский и солдат Благос; их лихорадило, сильно болела голова, начался насморк, не прекращалась боль в горле. Богданович и переводчик вскоре почувствовали себя лучше.

Яншин упал в шурф

Об этом ужасном происшествии рассказали его сотрудники и биографы — В. И. Самодуров и А. Е. Шлезингер [14, с. 65—66].

Другой, гораздо более серьезный случай, наложивший отпечаток на всю дальнейшую жизнь А. Л. Яншина, произошел в конце лета 1949 г. Александр Леонидович описывал разрезы железорудных слоев олигоцена на берегу залива Перовского на Северном Арале, где в это время вела разведку железных руд Перовская партия Западно-Казахстанского управления. Александр Леонидович опустился в бадью в дудку глубиной 24 м и, постепенно поднимаясь, вел послонное описание железорудной толщи. И вот, когда он уже почти поднялся и примерно по пояс выглядывал из дудки, диктуя характеристику разреза, бадья оборвалась, и он рухнул в дудку. Общий вскрик ужаса — и мертвая тишина. Все замерли, не зная, что делать. Кто-то робко крикнул: «Александр Леонидович, вы живы?» Последовал еле слышимый ответ: «Жив». А дальше проблема, как его достать. Поехали примерно за километр, на другой шурф, взяли бадью, а что дальше? Ведь спуститься туда невозможно: дудка очень узкая, и два человека не разойдутся. Тогда опустили другую веревку, Александру Леонидовичу как-то самому удалось ее привязать, и потащили. А когда вытащили, то ужаснулись и поразились, как он смог сам забраться в бадью: у него оказался перелом ключицы, перелом левой ноги и открытый перелом правой. Кость торчала прямо наружу. Кое-как перевязали на уложенных спальных пуховых мешках и повезли за 70 км на станцию Саксаульская. Как довели туда — неясно, ведь часть пути — бездорожье и сплошные кочки. На станции была только молоденькая фельдшерница, которая сама чуть не упала в обморок от вида пациента. А. Л. Яншину пришлось самому всех успокаивать. Только через сутки он был транспортирован в Актюбинск на санитарном самолете: раньше не было погоды, потом в Москву, где почти год провел на больничной кровати. Там он написал свою главную монографию — «Геология Северного Приаралья».

Безруков под фургонном

В биографической книжке о нашем знаменитом морском геологе П. Л. Безрукове описан эпизод его работы (в качестве начальника экспедиции) на

Южном Урале. Искали они тогда ванадиеносные угли [47, с. 17]. Заметим, что «научным руководителем» экспедиции (была тогда такая должность) был геохимик, ученик Вернадского В. А. Зильберминц, расстрелянный сталинскими палачами в 1938 г. [71, с. 22].

Полевые работы часто бывают чреватые неожиданностями, опасностями. Об одном из таких случаев, который мог кончиться трагично, рассказывал в своем дневнике П. Л. Безруков, вспоминая путь отряда при пересечении передового хребта Западного Урала южнее

Мракова. *«Дорога, которую нам указали, имела колею и круто поднималась вдоль склона горы. В. А. Зильберминц ушел вперед, за ним вели под уздцы двух лошадей, тянувших фургон. Я шел за фургоном, а сзади двое участников отряда вели третью, запряженную в легкую повозку лошадь. Когда мы достигли середины подъема, я увидел, что лошади устали, и стал подумывать, где бы остановиться для отдыха. И вдруг неожиданно увидел, что фургон пошел по дороге вниз навстречу мне по наклонной плоскости. Всё случилось в считанные секунды. Инстинктивно я попытался задержать фургон, который не набрал еще большой скорости, но из-за веса его не мог оказать ему ни малейшего сопротивления. Тогда я решил отскочить в сторону, но было уже поздно: фургон наехал на меня, и я оказался под ним. Удар в бок, по голове... Мелькнула мысль — это конец! Но, к счастью, я упал вдоль оси фургона, и он прошел надо мною, только слегка задев меня осевыми гайками. А сзади идущие сотрудники видят, что я лежу под фургоном, он продолжает катиться вниз и должен наехать на подводу и вместе с ней свалиться в пропасть! Но помогла колдобина, в которую попало колесо фургона, и он развернулся поперек дороги и остановился на краю обрыва. Я медленно поднялся. Голова кружится, но чувствую, что жив!»* Нельзя было брать тяжелую подводу для работы в горах. Позже выяснилось, что дышло, к которому были пристегнуты лошади, от толчка по неровной дороге отошло (выскочил болт от фургона), что и привело к аварии.

Однообразные сопки Пай-Хоя

Что произошло в организованной Александром Черновым Пай-Хойской экспедиции 1933 г. в составе трёх съёмочных и двух разведочных партий. Вспоминает Георгий Чернов [5, с. 196].

И все-таки поделюсь некоторыми впечатлениями, которыми мы обменялись при встрече всех членов экспедиции в деревне Янгарей, где мы собрались в первых числах октября. Несмотря на бездорожье и безлюдье, вести на Пай-Хое, как и вообще в Печорском крае, от пункта к пункту разносились довольно быстро.

Отец знал, что мне не повезло с оленями в Карской губе, и что я отважился пуститься в погоню за ними на юг. Дальнейшее он хорошо представлял и потому, выслушав мой рассказ, сурово изрек: *«Да, Север не жалует слабых»*. И добавил: *«А ведь не только Николай (мой помощник) блуждал в это время. А ну-ка, Иван, покажи свою голову»*. Иван, высокий статный мужчина лет 37 с черной шевелюрой, обнажил свою голову, и я обомлел: она была седой. А произошло самое непредвиденное. Он отошел от чума с ружьем поохотиться и заблудился среди однообразных пай-хойских сопок. На четвертые сутки в изнеможении он решил застрелиться, но, оглянувшись кругом, увидел еще одну сопку, ползком взобрался на нее и увидел километрах в двух чум. Видимо, судьба предназначала ему долгую жизнь, но с седой головой.

Пурга на Воркуте

О ней писали многие, в том числе и биографы великого Константина Войновского [37, с. 73].

Хотя путь с левого берега, где строился город Воркута, на правый берег (на Рудник) был недалек, во время пурги он становился крайне опасным. Здесь нередко замерзали люди. Вот отрывок из воспоминаний В. П. Соколова: *«...одному работнику железнодорожного отделения понадобилось пойти на Рудник. Он пошел в пургу по «телефонным столбам», но сбился с пути. Мы нашли его замерзшим на шестой день после пурги в двенадцати километрах от жилья. Прежде чем замерзнуть, он, видимо, сошел с ума, потому что мы нашли пальто, пиджак, валенки, брюки, белье примерно в 200 метрах от того места, где лежал он сам, раздетый донага»* <...>.

Сколько раз Войновскому-Кригеру приходилось преодолевать этот путь «правый берег — левый берег»! На правом находилась геологоразведочная контора, на левом — комбинат «Вор-

кутстрой». Ходить приходилось в любую погоду, в пургу — тоже. Ходили «по столбам», «по канатам». На Воркуте пурга бушевала по 100 дней в году. Время военное, каждый рабочий день был дорог. Начальник Воркутлага (он же начальник Воркутстроя) инженер-полковник (впоследствии генерал) Михаил Митрофанович Мальцев в своем рабочем кабинете вывесил плакат: «На Воркуте пурги не бывает!» Это означало, что во время пурги не делалось никаких поблажек. Работать, только работать! С каждым днем выдавать больше и больше угля на-гора!

Надежда на авось

К чему приводят нетерпение, лихой азарт и надежда «авось, пронесёт». Вайгачская экспедиция Юшкина едва не погибла в самом начале сезона — при заброске на самоходной барже из Амдермы на Вайгач [72, с. 22—23].

Экипаж баржи состоял из трех человек — капитан, матрос и моторист. Все они были существенно навеселе, и никому из них не хотелось стоять у штурвала. А вел баржу Леня Романцов, который, как обычно, оказался сведущим и в этом деле. По здравому смыслу, увидев эту полоску, следовало здесь и остановиться, тем более, что в проливе уже прятались два гидрографических судна, спасавшиеся от надвигающихся льдов. Но наши водители решили, что это небольшой заторчик льда, собравшийся на мелях у мыса Тонкого, и его можно обойти. Их подталкивал вперед еще и азарт Лени Романцова, постоянно рвущегося к приключениям. Пошли через лед, выбирая разводья пошире. Вначале, немного лавируя, можно было передвигаться в нашем направлении, и так мы даже обогнули мыс Тонкий. А потом все чаще разводья стали выклиниваться, и нам приходилось возвращаться, искать новые, вновь возвращаться и так топтаться на месте, все дальше и дальше отклоняясь в море. И возвратиться совсем нельзя, опоздали. Лды сомкнулись с берегом позади нас насколько хватало глаз.

Где-то в стороне прошел ледокол с караваном судов, но суда шли так быстро, что если бы мы и успели попасть им в фарватер, они сразу же оставили бы нас далеко позади. И мы искали разводья. Теперь льды сжимали за нами проходы, в которые мы входили, пришлось пытаться ломать лед, где он потоньше. Это почти не удалось. Наша легонькая плоскодонная посудина легко взбиралась на льдины, да так и оставалась на них сидеть. На соседние льдины вылезали любопытные нерпы и невозмутимо наблюдали за нашими бесполезными стараниями.

Протискиваясь между льдинами, нам удалось приблизиться к гидрографическому судну «Дмитрий Овцын», дрейфовавшему вместе со льдами. Рядом с его огромным корпусом наша самоходка казалась игрушкой. Мы попросили капитана помочь нам протиснуться к чернеющему вдаль Югорскому берегу. Гидрограф запустил машины и стал пробивать нам коридор, по которому мы могли идти довольно бойко. Но не долго. Эхолот на гидрографе стал выписывать опасные глубины, и «Дмитрий Овцын» снова лег в дрейф. Мы продолжали самостоятельно искать щели в ледяных полях.

Вдали показался остров Соколий, отмечающий вход в пролив Югорский Шар. Какие отчаянные меры мы ни принимали, как ни крушили лед, но обойти остров не смогли. Здесь, в горле Югорского Шара, спаковался самый плотный лед. Стали пробиваться к берегу. Около берега, на мелях, льда меньше, но баржа то и дело садится на дно. Хотя осадка у нее не больше метра. Проводили ее на резиновой шлюпке, промеряя глубины. Наконец, утром через сутки после выхода из Амдермы, приткнулись к берегу около метеостанции Юшар.

Все выскочили на берег, разминая затекшие ноги, ежась от холода и развивая энергичную деятельность от голода. Быстро собрали плавник, развели костер, повесили кастрюли, чайники, сгрудились у костра. Леня Романцов побежал к морю, на минуту задумался, потом

бросился в воду, подплыл к ближайшей льдине и несколько раз нырнул. Унылое настроение у всех как-то сразу рассеялось, мы расхохотались и осмотрелись.

А вокруг необычная красота... Льдины в лучах утреннего солнца фантастически отсвечивают желтым, розовым и зеленым, голубая вода в развоях между ними, как зеркало, не шелохнется. На берегу, среди поросших мхом скал, уходит далеко в небо ажурная радиомачта метеостанции. Чуть дальше — шахматная колонна маяка.

Положение же, из которого мы выпутались, если говорить серьезно, было, в общем-то, довольно опасным. Наша баржонка не приспособлена для дальних переходов, и если бы льды унесли нас подальше, даже выбравшись из них, мы оказались бы во власти волн. Горючего самая малость, ни связи, ни навигационных приборов, ни укрытий от холода. Но разве заметишь с воздуха среди волн эту скорлупину. Что стало бы дальше — угадать трудно: именно на такой барже носило по Тихому океану отважную тройку зиганшинцев.

Узкие стремени

Колымский геолог Виктор Володин вспоминает о том, как он чудом избежал гибели, едучи верхом летом 1943 г. Его спасли... кирзовые сапоги с низким подъемом, вдобавок, бывшие ему велики [16, с. 234—236]!

В самом начале пути из Усть-Омчуга обратно на Бохапчу мне «крупно повезло». Благодаря слепому случаю я остался жив. Дело в том, что ехал я не на обыкновенном вьючном седле, как ездят обычно все полевики, когда изредка выпадает возможность проехать немного верхом вместо пешего хождения. Одно из седел у нас было кавалерийское, старое, у которого было лишь одно стремя, а второе недостающее мой возчик заменил где-то найденным якутским деревянным. Якуты вообще довольно малорослые люди, и ноги у них небольшие. Поэтому мне это стремя было узко. Я надевал его на ногу, обычно помогая руками, и не подозревал о том, какой страшной опасности подвергнулся в связи с этим.

На правом слегка заболоченном тогда берегу Детрина шедшая подо мною якутская кобыла Старуха вдруг упала на брюхо, провалившись одной ногой в болото. Не подозревая о смертельной опасности и забыв о том, что левая нога у меня прочно «приделана» к стремени, я моментально автоматически соскочил с седла, чтобы помочь лошади подняться, и не забывая о том, чтобы удержать хотя бы уздечку в руке.

Освободившаяся от груза лошадь вскочила, как встрёпанная, и рывком бросилась к сухому месту, сбросив меня на землю среди болотных кочек. Стремя не оторвало мне ногу только лишь потому, что сапог как-то легко сдернулся с меня.

Ни в то время, ни много времени спустя я не знал, какой большой опасности я в тот момент совершенно случайно избежал. Я совсем не подозревал, что лошадь вовсе не остановилась бы через два-три прыжка, как я думал. Если бы я не оторвался от неё и не остался бы на земле, то тащился бы за нею, а она продолжала бы таскать меня за собой, пока не превратила бы меня в бездыханное тело. О том, что я избежал случайно смертельной опасности, что я был всего на волосок от смерти, я узнал только 14 лет спустя, когда в нашем управлении в течение одного лета произошли два подобных случая, закончившиеся смертельным исходом.

<...>

Я же остался тогда случайно жив только благодаря тому, что кирзовые сапоги шились тогда только с низким подъемом и для того, чтобы их надеть, нужно было брать более крупные номера, потому что сапоги своего размера я не мог надеть на ноги из-за высокого подъема.

*Падающие
лиственницы*

Виктор Володин рассказывает, как случайно избежал смерти, спасаясь от падающих лиственниц — не в глухой тайге, а в базовом поселке Усть-Омчуг, где между домами строители оставили красивые островки природы — вековые лиственницы. Вследствие горизонтального распространения корней (выше слоя мерзлоты) лиственницы не выдерживают шквального ветра [16, с. 255—256]!

Летом 1942 года я был однажды свидетелем опустошительного шквала, вызвавшего массовое падение деревьев. Шли мы вдвоем с А. М. Ковалевым из бани перед вечером и когда пересекали большой пустырь перед двором ВОХР, где стояло еще много лиственниц, налетел шквал грозового фронта. Порыв ветра был очень сильный, и деревья вокруг нас стали группами падать. Трещали выворачиваемые из земли и ломающиеся при этом корни, и глухо ударялись о землю длинные стволы.

<...>.

Я твёрдо знал, что падает не одно дерево, потому что когда мы еще проходили мимо этих деревьев, я видел что у трех-четырех из них или у большего количества корни были выворочены из-под земли с той стороны, откуда дул ветер. Поэтому я хорошо понимал, что оглянувшись, только потеряю время, необходимое для спасения, потому что они падали каким-то веером, возможно, полностью накрывающим узкий проход между домом и забором, по которому мы до этого шли, а теперь мчались как ветер.

Я считал, что дело нашего спасения в наших ногах (а не руках), и когда шедший впереди Андрей Михайлович рванул по-спринтерски вперед, я не заставил его долго ждать себя и так же резво последовал за ним. Мы неслись с ним «ноздря в ноздю», как братья Знаменские, покрывая дистанцию и слыша над головой быстро приближающийся жуткий свист деревьев <...>. Я оглянулся только когда услышал жуткий удар ствола о землю и увидел, что вершина одного из деревьев была не больше чем в метре от моей спины.

Вечером после грозы можно было наблюдать следы опустошений. Множество поваленных деревьев устилало землю, загромождая улицы и пустыри. Одна лиственница упала поперек крыши дома шоферов, разрубив её как гигантским топором до верхнего венца стены.

*Возвращение
в Эклипс
по берегу моря*

Лев Махлаев с молодой женой Наташей возвращались на Таймыре по берегу океана в пос. Эклипс из маршрута 9 сентября 1957 г. и попали в пургу. Наташа пригрозила пристрелить мужа, если он не встанет... [36, с. 156—157].

Полюбовавшись последний раз полярным сиянием и основательно выспавшись, мы пошли обратно в Эклипс. На сей раз у нас был солидный груз: собранные в маршруте образцы. Небо начало хмуриться с самого утра, облака опускались все ниже и просветы между ними постепенно исчезали, по земле струились снежные змеи. К обеду мы одолели больше половины пути, перешли по молодому льду реку Каменную, которую по пути туда переплыли в фанерной лодчонке, заботливо оставленной у переправы кем-то из предшественников. В этот раз лодка нам не понадобилась: реку сковал лед. Впечатления от ледового перехода были потрясающими, поскольку лед был абсолютно чист, и прозрачен, как стекло. Под ним (прямо под нашими ногами) проплывали рыбины, как в аквариуме. Лед прогибался, страшно потрескивая, но — держал! И в тот самый момент, когда мы вышли на берег, на нас обру-

шила пурга: снег, падавший с неба, соединился со снегом поднимавшейся всё выше по-земки, и всё вокруг утонуло в беснующейся белой круговерти. На море неистовствовал шторм. Громадные и грозные черные волны обрушивались на берег, пена тут же превращалась в снегopodobное месиво, которое ветер подхватывал и гнал вместе с обычным снегом. Стоило отойти от берега на пару десятков шагов, и всё исчезало в сплошной пелене снега. А отходить приходилось: надо было огибать заливы и заливчики, полузамерзшие в своей мелководной части и полностью сливавшиеся с заснеженной тундрой. Сил давно уже не осталось, идти было все тяжелее. Честно говоря, был момент, когда я, в очередной раз споткнувшись, решил, что больше не встану и не пойду: повернусь спиной к ветру, подожму колени и иззябшие руки и буду спать, спать, спать... Конечно, я бы не проснулся. Спасибо Наташе. Она не стала меня уговаривать, а сказала, что просто пристрелит меня, если я не поднимусь немедленно. У нас была пол-литровая стеклянная банка, в которой мы прихватили сгущенный апельсиновый сок, чтобы угостить им наших ребят. Теперь было не до того. Мы съели этот сок. Кислятина жуткая, но это всё же витамины и глюкоза, нужные обессиленному сердцу. На время исчезла дрожь в коленях, и я смог не только встать, но и поднять рюкзак, а потом сделать первый шаг, второй... Как шли дальше, я уж и не помню.

Глаза ничего не видели. Единственным ориентиром был рёв прибора справа. И тут нам опять повезло: в сгущавшихся сумерках я уткнулся в какой-то деревянный столб. Рядом еще два: тренога! Это триангуляционный знак, установленный километрах в семи от Эклипса. Решение пришло мгновенно: мы оставили под знаком свои рюкзаки и карабин, продолжив путь налегке. За плечами словно выросли крылья! И тут сгущавшиеся сумерки прорезал яркий свет: это наши новые аэропортовские друзья включили приводные огни, указывающие курс садящимся самолетам. Конечно, самолета в такую пургу никто не ждал, но это значит, что приводные огни включили для нас: о нас помнят, нас ждут, хотят нам помочь! Дальше мы шли от фонаря к фонарю. Вот и укатанная аэродромная полоса. По ней мы почти бежали. Вот главный дом с прожектором на крыше! Мы отчаянно стучим в двери, нам открывают, ведут в теплую комнату, почти насильно раздевают и заталкивают в постель. Галка сквозь слезы говорит, что очень боялась, что мы не дойдем, заблудимся и замерзнем!

*Опасное
легкомыслие*

Как Юшкин форсировал Усу на вездеходе... [74, с. 83—84].

Направление нашего движения — юго-восток, к Полярному Уралу. Он ярко и мощно возвышается зубчатой заснеженной стеной над чуть всхолмленной зеленеющей тундрой. Путь к горам пересекает река Уса. Она довольно многоводная, а сейчас, в половодье, вовсе вздулась, несется бешеной крутовертью. На Усе нам нужно поработать несколько дней, на левом берегу тоже.

Здесь есть брод. В летнее время его легко одолеть. Сейчас же песчано-галечниковые косы глубоко под водой. Соваться в воду на вездеходе не следовало бы, но на берегу много рыболовов, они подбадривают Толю Черных:

— Не бойся, на вездеходе это раз плюнуть! Глянь, как наезжено!..

Уговорили, черти!

— Ладно, Толик, давай на третьей...

Наша машина врывается в воду и довольно уверенно рвётся к противоположному берегу. Оставалось совсем немного, как вдруг гусеницы теряют дно, и мощная струя выносит вездеход на стрежень. Ребята отчаянно помогают веслами, но тщетно: превратившийся в неповоротливое судно, вездеход с большой скоростью несется вниз по реке. Его вновь прижимает к правому берегу. Впереди я замечаю узкое скальное корыто. Занесет туда — пропали!...

— *Давай левой!* — кричу Голику. — *Левой работай! Ребята, гребем с левого борта!.. Стоп! Зацепились!.. Теперь подворачивайся к берегу! Так, так, потихоньку...*

Ну, обошлось. Попали в устье сбегающего к реке ложка, где берег не очень крутой, и вездеход выбрался. Вперед, куда минуту назад нас несло, взглянуть страшно. Кажется, нас караулила верная гибель. Во всяком случае — вездехода.

Рисковать больше не стоило.

Опасность на Оби

Как московские студенты-геологи, квартировавшие на левом берегу Оби в бараке бывшего лагеря, чуть не утонули в Оби, и как не растерялся Владимир Баулин — впоследствии директор Института ПНИИС Госстроя России... [12, с. 337].

Итак, в первый же наш рабочий день мы поплыли на правый берег р. Оби. В дальнейшем нам предстояло совершать подобный вояж постоянно. Разместившись по бортам нашей «пи-роги», мы, в предвкушении приятной прогулки, затянули песню о Стеньке Разине. Дорога была неблизкая — порядка 5 км, и вскоре слабый ветерок, сдувавший с нас комариные полчища, превратился в сердитый ветер, а затем набрал ураганную силу. На реке поднялся шторм, лодка шла, разрезая боком волну и окатывая нас холодными брызгами. Мы уже не пели, а сидели присмирившие, сжавшись в комочки, вцепившись в борта лодки и дрожа от холода и страха. Вдруг ровно на середине реки наш мотор заглох. Лодку тотчас же стало захлестывать боковой волной, то подбрасывая вверх, то бросая вниз с амплитудой в несколько метров. Побелевший от страха моторист — молодой парнишка — тщетно пытался завести мотор, а мы бросились вычерпывать воду имевшимися подручными средствами. Однако эффект от наших усилий был практически нулевой, поскольку вода очень быстро прибывала. По-моему, мы уже все всерьез прощались с жизнью. И вот, когда казалось, что все уже кончено, Володя Баулин вскочил, оттолкнув моториста, сел на его место и резко развернул лодку поперек волны. Качка (теперь уже продольная) продолжалась, однако вода в лодку почти перестала поступать, и мы стали энергично вычерпывать накопившуюся ранее. В течение нескольких минут Володе удалось завести мотор, и мы благополучно доплыли до берега. С трудом выбравшись из лодки на негнувшихся ногах, мы без сил свалились на оказавшуюся у причала скамейку, а Володя пошел докладываться начальству экспедиции. Можно себе представить, что он там рассказал, но нам тут же выделили барак в Корчагах и в «свой» лагерь мы уже не вернулись. Вот так наш курс чуть не лишился целой группы мерзлотоведов, а кафедра — будущих ученых (докторов и кандидатов наук).

Неправильное понимание слов

Как Виктор Пучков в 1963 г. едва не расстался с жизнью на пороге «Труба» на Сыне... [54, с. 26—27].

Довольно успешное продвижение по реке несколько убаюкало мою бдительность. Тем не менее, я знал, что впереди — довольно сложное место, называемое Трубой. По рассказам, значительная часть воды там бьёт в огромный камень, от которого надо держаться подальше. Невдалеке от этого места мы повстречали рыбаков, поднимающихся бечевой с лодкой, и спросили: какого берега держаться. Ответ был чётким: левого. И вот мы вылетаем по стремнине за поворот и... — видим, что камень — действительно громадный — находится как раз у левого берега, а не у правого, как мы думали. На размышления нет и секунды. Кричу: «*Слева гребите!!!*» Сам делаю то же самое. Плот накреняется вправо, колеблется на крупных боковых волнах стремнины... и как бы нехотя выравнивается. Быстрое, но ровное течение, постепенно замедляющееся, по мере того как пережат сменяется ямой. Уфф!

Ревёт поток, слепит закат,
Действительность груба:
Наш плот проходит перекат
С названием “Труба”.
Труба, Труба —
Кому
труба?

Вода пылится на пути,
У скального горба.
Спеши решение найти.
Не то — всему труба.
Кому Труба? —
А нам
труба!...

Но, хоть поломано весло,
Погибнуть не судьба.
Ура! Победа! Пронесло!
В башке трубит труба.
Суди, судьба!
Труби,
труба!

Рюкзак — под куст, плот — на прикол,
Холодный пот — со лба...
А там, в ночи рычит дракон
По прозвищу “Труба”.
Труби,
труба!

Вся жизнь — борьба.

Так что же произошло? Я со своим яйцеголовым университетским образованием решил, что рыбаки говорят о левом берегу по *течению* — так нас всегда учили, доведя нашу реакцию до автоматизма. Они же попросту говорили о берегу, который был у них *слева по ходу*. Пустячок, а, неприятно. Урок на всю жизнь

Есть ли опечатка?

Вспоминает бывший работник Дальстроя Илья Крупенский, переведенный в 1951 г. в Ухту и там проработавший на начальственных должностях 20 лет [25, с. 218—219]. Последняя строка, вероятно, содержит опечатку — явно пропущено «не» — «я не думаю, что это были обычные случайности».

Я отдавал все свои знания, всю энергию созданию работоспособного коллектива, заботясь о создании нормальных условий жизни, семейном благополучии, улучшении условий производства, строительстве жилья и служебных зданий, даже укреплении семьи, строительству детсадов, учебе и воспитание молодежи, выдвижению способных кадров. Я много летал и ездил в партии, порою забывая о своей семье, за что теперь корю себя... Однажды я летел в маленьком одномоторном самолетике из Инты в Печору. Кроме меня, там был только летчик. И вдруг двигатель заглох, наступила тишина. Был яркий солнечный день, под нами растилалась сплошная зеленая тайга. Спланировать и совершить посадку было негде. И странное дело — я не испугался, только спросил пилота: «*Что будем делать?*» Ответить он не успел — двигатель вновь заработал! Это было какое-то чудо! Я вспомнил тогда другой случай: 1 июня 1950 года в Таджикистане мне, управляющему «Таджикзолоторазведкой», после получения в Сталинабаде 250 условно освобожденных заключенных довелось в колонне машин везти их в Дарвазскую геологоразведочную экспедицию. Я ехал в головной машине, и недалеко от поселка Донгара встречный грузовик врезался в наш автомобиль. Я получил травму. В больнице сделали противостолбнячный укол, но началось заражение. На следующий день мы доехали до райцентра Ховалинга, где я отпустил охрану с пулеметами и собаками и передал заключенных начальнику экспедиции Эдуарду Петровичу Бертину, известному первооткрывателю Алданского золотоносного района. Меня поместили в больницу и спасли пенициллином, только-только появившимся там! Через три дня самолетом санавиации я прибыл

в Сталинабад и на другой день вышел на работу. Об этой аварии знали все, кроме моей семьи. Кто-то берег мою жизнь. Я думаю, что это были обычные случайности.

*Перелёт из Москвы
в Нюрбу в 1955 г.*

Это свидетельство выпускника-1957 геолфака МГУ
Гелия Мирзоева [12, с. 124—125].

Впервые я летел на самолете в 1955 году из Москвы в Иркутск. Полет длился более 20 часов, дольше, чем сейчас из Хьюстона в Москву. От Иркутска надо было еще лететь на север в г. Нюрбу, где находилась 3-я, Вилюйская, экспедиция Аэрогеологического треста, с которой я договорился после третьего курса о сезонной работе геолога-практиканта. Годом раньше в тех местах впервые в Союзе были обнаружены алмазы, ставшие вскоре «якутскими». Нам предстояло продолжить их поиски. В столь отдаленных местах тогда платили в 2—3 раза больше, чем, как говорили, на «материке» или «в России», и многие ехали туда за длинным рублем.

Полет нашего ИЛа проходил с многочисленными посадками и даже аварией. Правда, на земле. В самолете тогда не кормили, и запасливые пассажиры, как в поездах, под прихваченную водку разворачивали домашнюю курицу с солеными огурчиками. У меня ни того, ни другого не было и приходилось бегать в буфеты тех аэропортов, где мы приземлялись. И аэропорты, а тем более их буфеты были маленькие и бедные. Но кое-какую еду там всё-таки можно было купить. Деньги таяли, а молодое желание поесть не убывало.

В Омске при заправке бензовоз основательно стукнул наш самолет в носовую часть и пробил в фюзеляже 2-х метровую дыру. Началось спешное наложение с помощью заклепок алюминевой заплаты, так как другого самолета на замену поврежденного не было. Через пару часов мы с опаской полетели дальше. Но надежда на авось оправдалась и мы, наконец, оказались в Иркутске.

Узнав о времени следующего вылета, я отправился осматривать город. День стоял жаркий, кажется, было больше 40 градусов. На набережной Ангары меня удивило, что в реке никто не купается. Я основательно забыл уроки географии и, полагая, что смогу поплавать здесь, как в Неве в Ленинграде, разделся и нырнул в стремительную реку. Из воды я выскочил, как пробка, всем телом почувствовав свою ошибку. Вода была ледяная. На набережной стояли любопытные и насмешливо посматривали в мою сторону. К оставленной одежде пришлось сделать стометровую пробежку — так далеко за несколько секунд отнесла меня эта могучая река.

Побродив еще немного по городу — плотные, приземистые дома его пришли из прошлого века — я вернулся в аэропорт. В карманах было пусто. Не осталось ни одного рубля и очень хотелось есть, а до Нюрбы, где я надеялся разжиться деньгами, еще были долгие часы полета. Ситуация не из лучших. И вдруг я слышу позади возглас: «Гелий, это ты?» Оборачиваюсь — передо мной Саша, работавший со мной два года тому назад шофером в Хибинах. Мы тут же пошли в столовую, где основательно выпили за встречу и закусили. Потом Саша снабдил меня еще 10 рублями, и мы расстались с ним до Москвы, так как подошло время моего вылета.

Дальнейший полет на полугрузовом двухмоторном самолете ЛИ-2 военного образца запомнился прекрасным, почти безоблачным небом и замечательной красотой зеленых, скалистых гор, покрытых без конца и края таежными лесами.

Видимость с 3-х километровой высоты была отличная. Горизонт отступил на огромное расстояние. И всюду была бескрайняя тайга.

Вдруг я заметил, что из левого мотора по крылу бежит коричневая струя, похожая, как мне показалось, на моторное масло. Я пошел в кабину к пилотам и позвал одного из них

взглянуть на крыло. Вышел молоденький младший лейтенант-стажер, глянул, да как вскинется и опрометью бросился обратно в кабину. Через несколько секунд вышел первый пилот, посмотрел на мотор, на нас, следящих за ним во все глаза, и спрашивает: «*Как самочувствие, покойнички? Фирма не гарантирует*». С этими словами он ушел к себе и буквально через минуту мотор зачихал и остановился. Самолет стал снижаться на одном моторе. Внизу одни крутые горы и сплошные леса, никаких прогалин и плоскотин не видно. Пассажиры, а это был народ рабочий, тёртый, прилипли носами к иллюминаторам, выписывая внизу свою судьбу. Но никакой паники. Оставшийся мотор гудел ровно и бесперебойно, вселяя надежду на благополучный исход. И действительно, вскоре самолет лёг на крыло, развернулся и пошел на вынужденную посадку в затерянном городке Киренск на берегу реки Лена. Здесь нам машину пришлось сменить. Дальнейший полет до Нюрбы прошел спокойно.

Упавший вертолёт

Академик В. И. Смирнов рассказывает о падении вертолёта, в котором они в 1962 г. летели из Норильска в Талнах [58, с. 56]. Заметим, что падение вертолётов — отнюдь не редкое явление. Как известно, столкнувшись с проводом ЛЭП в 50 км от пос. Ардан в Красноярском крае, 28 апреля 2002 г. упал вертолёт МИ-8. В результате погибли губернатор Красноярского края генерал Александр Лебедь и еще 7 сотрудников его администрации.

В тот год усиленно разведывалось недавно открытое, находившееся в 25 километрах к северу от Норильска крупное, с богатыми рудами месторождение Талнах. Дороги к нему ещё не было, и мы вылетели для осмотра нового месторождения на вертолёте, заодно решив познакомиться с выдающимися по живописности северными окрестностями Норильска в районе озера Лама. Места эти оказались феерическими. Плато из застывших лав, прорезанное глубокими каньонами с вертикальными обрывами, зеркальные озера и поразительная тишина глубокого севера создавали особое настроение величественной приподнятости над обыденностью земного существования. Но мы всё же упали на землю в буквальном и трагическом смысле этого слова. При подъеме нашего вертолета после остановки в Имангде он зацепился за легкий мост, переброшенный через речку, и рухнул вниз. Кузов вертолета легок и тонок, как спичечная коробка, а располагающийся над ним редуктор, вращающий лопасти, весит около тонны. Когда вертолет падает, то редуктор разносит в щепки кузов и раздавливает пассажиров. Я пострадал менее других, так как примостился в хвостовой части вертолета, чтобы через круглое оконце в двери смотреть на землю. Это и спасло меня. От удара я потерял сознание и пришел в себя, окровавленный и в разорванном костюме, когда разбитую кабину залила речная вода, в которую мы грохнулись. После этого я хромал года два, но потом всё наладилось, хотя с тех пор я как-то рефлекторно вздрагиваю, когда вижу вертолет, эту хрупкую стрекозу, над своей головой, хранящей памятный шрам от катастрофы в Норильске.

В горящей степи — без воды

Николай Наковник вспоминает страшный день 17 августа 1925 г. в своей первой экспедиции в Казахстан. Степь горела, воды не было, люди и кони выбились из сил. Конвоир Баймуханов отправился на поиски воды ... и нашел!! Невообразимая радость спасения. Вода... которую даже кони отказались пить! [42, с. 50—52]. (Баранкул — предводитель шайки бандитов, наводивших ужас на обитателей степи).

К пяти часам мгла поредела. Обрисовывался горизонт на юге, но сколько ни разглядывали в бинокль окрестности, никаких признаков воды не обнаружили. Баймуханов вызвался отправиться один на поиски колодца и поскакал на Вороном, лязгая шашкой и винтовкой. Перед отъездом условились, что если наткнется на бандитов, то стреляет раз за разом, без интервалов; оставшиеся будут поступать аналогичным образом.

И вот потянулись минуты томительного ожидания.

Горячий язык шевелит липкую слюну. Когда облизываешь губы, он кажется холодным. Вода мерещится в колодцах, речушках, стаканах, ведрах... Зачем ведро! Хватит и стакана!

Мы топчемся по перевалу, вскидывая бинокли, — не покажется ли фигурка верхового, прислушиваемся, не прозвучит ли далекий выстрел. Но кроме желтовато-серых сопков, откидывающих тени, да синих гор на горизонте — ничего не видно. Ни живой души! Даже не заметно птицы в воздухе. И тишина кругом. Разве только прощуршит щебенкой ящерица да звякнет кольцо уздечки.

Джуматай, переминаясь, в который раз прикладывается к горячему пустому чайнику, поглядывает на меня, начальника, видимо, хочет заявить, что у него «совсем курсак пропал», но не решается, молчит. И так всё ясно...

«А ну, как вернется Баймуханов и объявит: — Нет воды, — думал я, разглядывая карту. — Что тогда? Плестись на юг, где синеют горы? Или возвращаться на Сарысу? Дотянем ли? А может, бросить телеги с грузом и всем искать воду на Шоуль-Адыре? Или тащиться к вчерашнему колодцу?»

Мне стало ясно, что в южные маршруты при такой скверной карте надо было отправляться с проводником, знающим, где вода, и притом — на верблюдах, а не на конях.

— *А вдруг наткнулся на Баранкула!...* — тревожится начальник.

Проходит еще напряженный час, и с запада доносится протяженный гортанный крик... другой, третий. Из мелкосопочника выныривает всадник на вороном коне. Черная рубаха, сиреневая шапка... Баймуханов!

Конвоир несется во весь дух, будто за ним погоня.

— *Вода!..* — орет он, размахивая над головой нагайкой. Баймуханов нашел колодец, но не на юге, а к юго-западу от нас.

Солнце заходило за волнистый горизонт Голодных сопков. Приободрившиеся кони подтянули везы к большому логу, где в солонцеватом пухлом суглинке торчали кусты реденького чия, зеленоватые клочки травы и чернело отверстие колодца.

Я кинулся к воде и с маху зацепнул полную фуражку зеленовато-мутной жижи.

— *Не пей! Сначала чисти!* — крикнул Баймуханов, но я глотал и ничего не соображал и только на пятом или шестом глотке почувствовал противный запах тухлого яйца.

— *За ведра, за лопаты!* — скомандовал начальник, выдернув у меня фуражку.

Джуматай и Баймуханов принялись за чистку. Первое ведро принесло внутренности какого-то животного, второе —дохлых полевых мышей, третье — обрывки кошм, четвертое... Каждое ведро приносило какую-либо дрянь, от которой морщились даже привычные Джуматай и Баймуханов. Я равнодушно глядел на эту дрянь и думал, когда мне разрешат напиться вволю.

После чистки ждали, пока наберется свежая вода, и всё же пришлось опять вычерпывать, потому что кони отворачивались и от этой воды.

Мы долго пили, потом сварили двухдневный рацион вяленой баранины и, когда наелись, снова пили.

Утомленные и опившиеся так, что булькало в желудках, улеглись, плюнув на караулы, спали крепко и проснулись от ярких солнечных лучей, бивших прямо в голову.

Зеленая лужайка в амфитеатре серых сопков, безоблачное небо, плеск воды, которую чер-

пал Джуматай, и вот уже забыты переживания последних дней, усталость, сковывающая ноги, а тут еще призыв из-под телеги с коробом: «А ну, товарищ инженер-географ, давайте определим, где стоим и что за камни на вершине»!

Катастрофический сель над Медео

Выпускница-1957 геолфака МГУ Валентина Шибаква рассказывает о катастрофическом селе в июле 1973 г. над катком Медео и над Алма-Атой [12, с. 304—306]. Видимо, по причине селевой опасности Назарбаев перенес столицу Казахстана в Астану — т. е. в бывший Акмолинск (потом Акмола — Целиноград — и снова Акмола).

Каток Медео действовал еще много лет и стал известен во всем мире как «кузница мировых рекордов». А потом его закрыли, т.к. чуть выше катка Медео началось сооружение противоселевой плотины для защиты города Алма-Аты, где хорошо помнят катастрофический Верненский сель 1921 года.

Плотину строили больше семи лет. В основании сооружения оказались породы со склонов урочища Медео и горы Мохнатки, уложенные в тело плотины методом направленного взрыва. Два мощных рассчитанных взрыва разом сбросили 2.2 миллиона кубических метров грунта на дно ущелья, а затем день за днем семь лет самосвалами подвозили грунт и укладывали в плотину. Плотина поднималась до проектной отметки 110 метров, толщина плотины в основании 620 метров, длина плотины по гребню 530 метров. Объем тела плотины 5 млн. м³, емкость селехранилища — 6.2 млн. м³. Плотина рассчитывалась на длительный срок эксплуатации. Одновременно со строительством плотины шла реконструкция катка, его строительство в современном виде: с морозильными установками для подготовки льда, высокими трибунами, большими раздевалками и рекреациями, мощным освещением и световым табло. Работы на плотине закончились в 1972 году, но продолжалось обустройство прилегающих территорий и рекультивация склона горы Мохнатки, нарушенного взрывом.

И вдруг жарким солнечным днем в воскресенье 15 июля 1973 г. в 17 часов 54 минуты на высоте 3500 м над уровнем моря произошел прорыв естественной перемычки моренного озера на леднике Туук-Су. Прорыв озера сопровождался сильным обрушением моренных толщ и образованием крупных провалов и трещин, по которым водный поток низвергался вниз на морену. Насыщенный наносами и обломками льда водный поток превратился в водокаменный сель. Двигаясь со скоростью 4 м/сек, через 9 минут сель достиг противоселевой плотины Мынжилки, расположенной в долине р. Малая Алмаатинка на высоте 3000 м. В несколько минут плотина была разрушена.

Сель устремился вниз по долине, наращивая свою мощность за счет размыва русла, склонов и вовлечения в поток наносов, а также русловых и подрусловых вод на всем 10-километровом участке до плотины Медео. Максимальные селевые расходы достигли катастрофических размеров: если у гидропоста Мынжилки он составлял 320 м³/сек, то при входе в селехранилище Медео — 5200 м³/сек! Селевой поток от плотины Мынжилки до плотины Медео шел со скоростью 10—12 м/сек, превращая долину реки Малая Алмаатинка в глубокий каньон. При движении поток перемещал огромные валуны размером 5—6 метров и весом до 300 тонн. Обладая большой динамической силой (более 1000 т/м²), сель мгновенно разрушил на своём пути все мелкие противоселевые сооружения и здания, приведя к большому человеческим жертвам.

В селехранилище плотины Медео сель ворвался в 18 часов 17 минут и продолжался около трех часов. За время прохождения селя было отмечено три селевых вала. Самым круп-

ным был первый вал высотой с пятиэтажный дом, 12—15 метров и шириной 40—50 метров. Плотина приняла мощный удар селя и остановила его. Селехранилище за три часа было заполнено почти полностью. Водопроемники забило селевыми наносами. Вода в селехранилище продолжала прибывать, селехранилище превратилось в озеро желтого цвета. Уровень воды в озере непрерывно возрастал, почти достигая гребня плотины. Под напором вод плотина начала фильтровать во многих местах. Возникла катастрофическая ситуация, плотина могла не выдержать напора прибывающей воды и разрушиться, создав сель еще больших размеров, который ринется на незащищенный город Алма-Ату, на его центральную, густонаселенную часть.

Началась схватка людей со стихией. Воду из озера надо было откачивать, чтобы не допустить прорыва плотины. 16 июля рано утром начали монтировать три нити трубопроводов диаметром 140 см и длиной километр каждая, это продолжалось до 18 июля. В это время мощные земснаряды для откачки воды были доставлены грузовыми самолетами из Москвы, Оренбурга, Челябинска. Началась установка насосов в экстремальных условиях, когда фильтрация плотины увеличивалась с каждым часом. На плотине работали воинские подразделения, рабочие, специалисты из Алма-Аты и разных городов. Работа не прекращалась ни на минуту, ночью люди сменялись для короткого отдыха. Штаб работ находился на катке Медео внизу у подножия плотины, откуда открывался обзор на всю плотину и прилегающие территории. Одновременно с прокладкой трубопроводов шли работы на плотине по распылению водных струй и цементации плотины. Плотина держалась.

20 июля заработали три насоса мощностью 2 м³/сек каждый, началась откачка воды. Уровень воды в озере стабилизировался, а затем медленно начал снижаться. Люди вздохнули с облегчением. Вся эта героическая борьба со стихией была заснята телевидением в виде хроникально-документального фильма «Медео: дни и ночи, уроки мужества». Стихия отступила. После откачки воды в селехранилище осталось около 30 % свободного объема, что было явно недостаточно в случае возникновения нового селя. Надо было срочно решать проблему. В августе 1973 года, после прохождения катастрофического селя, в Алма-Ате была создана «Казглавселезащита», управление, перед которым была поставлена задача проектирования и строительства противоселевых конструкций для защиты от селя города Алма-Аты и других населенных пунктов.

Глава 5. ГЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЛИРИКА

Среди геологов всегда было много литературно-одаренных людей, писавших и прозу, и стихи. Значительную долю этих сочинений занимает лирика. Действительно, специфика работы геолога (по многу месяцев в поле, часто совершенно диком и безлюдном) располагает к лирике. Эту лирику с долей условности можно разделить на такие части: (а) Созерцание Природы, когда геолог как бы пребывает наедине с Богом (независимо от того, существует ли Бог или нет); (б) общие философские раздумья о себе, своей жизни и работе; (в) «сезонная лирика», отражающая смену времен года и соответственно — настроения геолога; (г) не совсем обычная любовная лирика, обусловленная длительной разлукой и/или пьянящей радостью встреч.

Кстати о Созерцании... Оно мешает профессиональной работе геолога и наоборот — на полевой работе о созерцании не может быть и речи! Например, мой приятель профессор Юрий Ткачев, крупный специалист по четвертичной геологии, жаловался мне, что катаясь на своей моторной лодке по Вычегде или по Сысоле — он очень устаёт (!), так как не может просто бездумно любоваться видами берегов — а постоянно их «читает» — расшифровывая береговую геологию. Но великие геологи, такие как Вера Варсанофьева или Владимир Обручев, умели разделять Созерцание и Работу...

Геолог, доживший до старости, очень остро ощущает свою физическую немощность — невозможность, как прежде, ходить в тяжелые маршруты или вообще ездить в поле. Такая «старческая» лирика тесно переплетается с лирикой осенней и философской.

Отдельно следует сказать о стихах геологов. Их, вообще говоря, можно разделить на две группы. Первая группа, количественно резко преобладающая —

это рифмованные строчки, более или менее занимательные и нередко остроумные. Вторая, гораздо более малочисленная — это Поэзия. Поэтому в мире геологов — рифмоплётов целая туча, тогда как подлинных Поэтов — единицы. Грань между этими группами — сугубо субъективная. Конечно, специалист-словесник (профессиональный литератор или литературный критик) без труда отличит Поэзию от не-Поэзии. Нам же (не специалистам в словесности, а «простым советским» — геохимику и петрографу!) сделать это было гораздо труднее. Поэтому отнюдь не исключено, что кое-что из отобранных нами стихов ни к какой поэзии не относятся, за что мы заранее извиняемся перед читателем. Что же касается рифмованных строчек (которые сочинял Я.Ю. и сам, и очень многие из наших знакомых геологов), то кое-что из них мы тоже включили в эту главу. Либо за их познавательную ценность (очень точное профессиональное описание), либо — за остроумие, что вполне искупает отсутствие в них Поэзии.

5.1. Наедине с Природой (или с Богом)

5.1.1. Вера Варсанофьева

Вынужденная дневка на Песчанке • «Глубокая и полная гармония» •
Порфириты на Малой Сенке • Кварцевые песчаники на Малой Сенке •
Большая Сенка • Коренная • Плоские водоразделы • Падун на р. Мутной •
«Осталась часть вашей души» • Ночью на Лиственничном Валсе

*Вынужденная
дневка на Песчанке*

Молодая Варсанофьева на Тимане. Р. Песчанка, приток Космы. Июль (или начало августа?) 1917 г. Медвежья тропа. Она (по молодой глупости) мечтает о встрече с медведем! Дождь и гроза [13, с. 22—23].

Внизу, за рекою раскинулся зеленый луг с высокой густой травой, в которой была проложена свежая медвежья тропа. Медведей очень много по Песчанке. Нам постоянно встречались промятые ими в трапе тропы и объеденные дудки, и я очень мечтала о возможной встрече с ними [!! — Я.Ю.]. Однако мне не пришлось долго гулять. Начал накрапывать дождь, и пришлось забираться под свой полог. Я потеплее укрылась и скоро крепко заснула. Всю ночь лил непрерывный дождь, и во все стороны текли ручьи с туго натянутого над пологом брезента. Но песчаная почва быстро впитывала воду, и мне удалось выспаться тепло и сухо. На утро нас встретил тот же дождь и то же безнадежно серое небо. Я хотела было ехать дальше, но мои проводники стали просить меня переждать «погоды». Я согласилась, так как могла употребить время на приведение в порядок записей, уборку образцов, вычерчивание карты. Всё утро лил непрерывный дождь. Но меня это не удручало. Я уютно расположилась под своим брезентом на сухом, белом ягеле, вела свои записи, пила какао, ела шоколад, взятый нами в большом количестве [Александр Чернов снарядил экспедицию на средства Рябушинского с размахом... — Я.Ю.] и служивший нам ценным подспорьем в питании. Было холодно, дико

и глухо, глухо кругом. В этой глуши, в самом ненастье, которое приходилось проводить под утлым катагаром [общее название для любых палаток и шалашей... — Я.Ю.], была особая, своеобразная прелесть, которой я вполне наслаждалась. К полудню дождь немного прекратился, и мы могли сварить гусиный суп и пообедать у яркого огня. Я погуляла немного в маленьком лесу, но скоро дождь полил снова и не прекращался до вечера. Ночью я была разбужена могучими ударами грома. Проходила сильная гроза. Дождь неистово стучал по брезенту, вспыхивали яркие, голубые молнии, земля дрожала от громовых раскатов. Я крепко закуталась в теплую одежду. Сквозь сон гроза казалась еще волшебнее и страшнее. И жутко, и приятно было чувствовать себя далеко-далеко в непроходимой глуши Тиманской тайболы, под ударами ночной грозы. Окружающие принимало какую-то фантастическую окраску, и сердце замирало от жуткого наслаждения» [однако какое надобно было иметь сердце! ... — Я.Ю.],

«Глубокая и полная гармония»

Эти чувства испытала Варсанюфьева на Песчанке [13, с. 24].

Мы обедали на ветряном аллювиальном мысочке, а с дымокуром я прекрасно могла выкупаться в быстром пороге. Пороги, после дождя, были особенно стремительны и бурны, и их подчас с большим трудом приходилось преодолевать [они поднимались вверх по Песчанке — Я.Ю.]. Но несмотря на эти задержки, мы быстро подвигались вперед и часам к четырем доплыли до первой расхои Песчанки, выше которой она становится совсем узенькою, глухою и заросшей лесом речкой. Бесконечно вьется она в топких, моховых берегах. Над самой водою повисли седые, покрытые лишайниками ели и белоствольные березы; ярко опрокинулось в воде их отражение. Какая-то особенная, таинственная красота в изгибах глухой, лесной речушки и тихих её омурах... Мы встали на ночевку у несколько более высокого и сухого берега на площадке, поросшей мягким мхом и ягелем. У подножия мшистого склона журчит на пороге речка, по стоянке проходит медвежья тропа. Кругом глухо, дико: сырой еловый лес, а за ним бесконечные торфяные болота с кочками, поросшими багульником, морошкой и *Vetula papa*. Как-то особенно захватывает эта нетронутая глушь. Несмотря на тучи комаров, жужжавших вокруг меня, я долго бродила по мшистому, седому лесу над речкой. У берега пышные заросли аконита; незабудки и лютики свесились над самой водой. Местами трудно пробраться через валежник. Выходила я на большое, унылое болото, над которым широко раскинулось небо с освещенным ночной зарею облаками. Тоскливая, за душу хватающая красота есть бесспорно и в этих печальных, северных топях. Её трудно передать словами. Чтобы понять её, надо побродить одной в тишине белой ночи по их зыбкому, душистому ковру, надо вдыхать пьянящий аромат багульника, усыпанного белыми хлопьями цветов, надо проникнуться сознанием девственной неприкосновенности этих первобытных нетронутых дебрей. Когда вечером я лежала под своим пологом и сквозь прозрачную кисею смотрела на розовые облака, раскинувшиеся по небу; когда я слышала тихий звон реки на пороге и ощущала таинственную тишину заснувшего среди светлой ночи леса, — мне казалось, что трудно вообразить себе более глубокую и полную гармонию.

Порфириты на Малой Сенке

Эти эффузивы для Варсанюфьевой в тот момент суть предмет созерцания, а не изучения [13, с. 43].

Такое качество: способность не профессионально, а сугубо эстетического созерцания — нами было почти совершенно утрачено! Например, Я.Ю., работая лет 15 на скальных обнажениях Печорского

Урала, никогда не испытывал желания карабкаться с реки по зарослям и осыпям на вершину скалы и, как будто, ни разу этого не делал...

За первыми порфиристыми воротами, после небольшого изгиба в аллювие, река подходит к правому коренному берегу и бурно бежит здесь вдоль высоких, отвесно обрывающихся в воду стен. Это обнажение представляет собой один из самых красивых уголков Сенки. Крупные, мрачные, точно стены древнего, неприступного замка, поднимаются над прозрачной и быстрой рекою черные скалы, увенчанные выветрелыми карнизами и башнями, украшенные темной зеленью склонившихся над обрывами елей. Близко подходит и другой коренной берег, поросший лесом, из тени которого выступают по склону поседевшие камни. Река быстро бежит, пенясь и разбиваясь о крупные глыбы, обвалившиеся со стен в ее русло. Живописная, дикая картина. Не хочется уходить с берегов реки, а забравшись на вершины скал, не хочется оторваться от созерцания.

*Кварцевые
песчаники*

на Малой Сенке

Варсанофьева описывает знаменитые коллектора (но она, конечно, этого тогда не знала) — французские кварцевые песчаники на Тимане (очевидно, это пашийский горизонт), лежащие над порфири-

тами. А долина Малой Сенки, проложенная среди этих песчаников, вновь настроила её на лирический лад [13, с. 44—45].

На самых вершинах коренных склонов обнаруживаются песчаники, покрывающие порфириты. Они имеют совершенно иной характер, нежели глинисто-песчаные отложения в нижней части долины [т.е. нежели терригенные отложения среднего девона — Я.Ю.]. Это массивный, чистый кварцевый песчаник, залегающий очень мощными слоями и почти лишенный органических остатков. В одном только месте удалось мне встретить в нем неясные растительные отпечатки. Его также следует относить к верхнему девону [т.е. также, как и порфириты — Я.Ю.], но он представляет собою иную, очевидно, более прибрежную фацию.

Как видим, в те годы даже у талантливых геологов еще не было ясного понимания того, что сегодня знает каждый студент (после работ великого литолога Страхова): а именно, что чистые монокварцевые песчаники являются переотложенными продуктами мощных гумидных кор выветривания; в чисто фациальных терминах объяснить происхождение таких горных пород нельзя.

Когда кончаются выходы порфирита, река вступает в область сплошного распространения этих кварцевых песчаников, и здесь долина ее принимает новый, совершенно оригинальный характер.

<...>

Я пережила минуты совершенно особенного настроения, когда бродила одна по залитым солнцем пустынным каменным развалинам. В ярком освещении особенно резко проступали контуры отдельных глыб и стен, особенно темными казались извилины глубоких узких ходов. Застывшее и мрачное раскинулось во все стороны море серых камней, и внизу между ними бурно пенилась и шумела река. Шум воды один нарушал немую тишину фантастического, мертвого города, будто заснувшего под лучами полуденного солнца.

Большая Сенка

Одинокое созерцание на скале рифейских сланцев в устье Большой (Верхней) Сенки — притоке Цильмы [13, с. 45].

Долина Верхней Сенки имеет совершенно своеобразный характер. Это настоящее ущелье, очень глубокое, узкое и прохладное. По обеим сторонам до высоты 80—100 метров поднимаются крутые, заросшие седыми елями склоны с выходами блестящего, черного сланца. В русле реки эти породы образуют живописные пороги в виде широких подводных ступеней, сплошь поросших густым ковром зеленых водорослей. По этим мягким ступеням очень легко переходить вброд с одного берега на другой. Прохлада и тень на дне лощины, оригинальный вид черных филлитовых скал с поставленными на голову слоями, глухой шум воды на порогах создают какое-то особенное, несколько таинственное настроение. И приятно и жутко было чувствовать себя одной в вечернюю пору в этом глухом, сером ущелье. Возвращаться к жилью не хотелось [здесь в устье Большой = Верхней Сенки была промысловая избушка — Я.Ю.], и на обратном пути я поднялась на вершину поросшей мхом сланцевой скалы недалеко от устья и долго сидела там над темным ущельем Сенки и лесистой долиной Цильмы [тогда (1922) Цильму писали через Ы — Я.Ю.]. Заходило солнце, окаймляя золотом дальние холмы. Цильма еще розовела вечерними красками, но в долине Сенки уже стоял ночной сумрак. Я лежала у самого края обрыва. Ощущение высоты и тишины, нарушаемое только шумом воды в глубине, гармония красок и линий, сознание одиночества, затерянности и свободы сливалось в одно глубокое и сильное чувство, приковавшее меня к вершине поседевшей черной скалы.

Коренная

Экскурсия (очевидно, уже вместе с А. Черновым) по р. Коренной, притоку Цильмы. Варсанюфьева красочно описывает формы эолового выветривания [13, с. 52].

От экскурсии по Коренной у меня осталось удивительно приятное и светлое впечатление. Стоял теплый солнечный день, и в ярком освещении особенно красиво выделялись контуры башен и скал. В листве берез и заросших карликовой березкой болот появились первые пестрые краски сухой и ясной осени. По реке часто встречались утиные выводки, доставившие нам обильный и вкусный ужин. На возвышенностях коренного берега пахло душистой, разогретой на солнце, сосновой хвоей. В некоторых местах в результате выветривания песчаника получался белоснежный кварцевый песок, длинными дорожками лежавший среди светлого ягеля. Эти песчаные дорожки походили на аллеи старинного парка, разбитого среди причудливых каменных развалин. Все это вместе создавало особенное и удивительно красивое впечатление.

Плоские водоразделы

Описания опасной заболоченной тайги на плоских водоразделах правых притоков Цильмы. Взгляд художника-созерцателя то и дело сменяется профессиональным взглядом геолога и геоморфолога [13, с. 56—57].

Эта местность крайне однообразна в своем ландшафте, и ориентироваться в ней очень трудно. Водоразделы между системами отдельных рек сильно понижены, а самые истоки рек и их расхох очень близко сходятся между собою. Благодаря густому покрову леса, только ме-

стами прерывающемуся более значительными болотистыми пространствами, нигде почти не имеешь широкого кругозора, который позволил бы наметить основные черты рельефа и выбрать должное направление. Потому-то никто и не заходит сюда, кроме оленеводов и охотников-самоедов, обладающим необыкновенным чутьем и способностью ориентироваться. Те из русских жителей, которые случайно попадали в эту предательскую местность, жестоко платились за свою смелость. Нам пришлось услышать рассказ об одной девушке, проплутавшей здесь в течение двенадцати дней, питаясь одними ягодами. В поисках за нею снаряжены были экспедиции из крестьян деревни Ванючковой и служащих на почтовых станциях, но их старания не увенчались успехом: они сами теряли направление и бесплодно плутали в делях. Только охотник самоед сумел напасть на след несчастной женщины и спасти её от близкой уже голодной смерти. Другой подобный же случай был с писарем почтовой станции Валс, который один ушел на охоту. Он девять дней плутал по лесам и болотам, и также был выслежен самоедом.

<...>

Только побывавши на вершинах Тиманских хребтов и на его болотистых водоразделах, можно дать себе отчет в громадной работе денудации, так сильно сгладившей и срезавшей рельеф этой древней горной страны и превратившей ее в слабо холмистое плато размыва. Проходя по ровным, покрытым болотистыми тундрами вершинам отдельных возвышенностей, трудно себе представить, что под их зыбким моховым ковром скрыты подчас так сильно дислоцированные породы, свидетельствующие о происходивших здесь когда-то сложных горообразовательных процессах.

*Падун
на р. Мутной*

После долгого и трудного подъёма на водораздел, затем хода по азимуту на далекий шум водопада и потом спуска по ручью-рассохе к ущелью речки

Мутной ниже водопада, они, наконец, достигли цели — падуна (водопада) на р. Мутной — в порфиридах. Следует восторженное описание водопада [13, с. 62].

Бурно и быстро бежала Мутная среди каменных развалин, а впереди, вверх по ущелью, слышен был рев падуна. Мы спустились к реке и стали пробираться вверх по долине. Россыпи сменились крутыми темными стенами, увенчанными седыми елями. Всё ближе и ближе слышался могучий гул водопада и, наконец, за выступом скалы он предстал перед нами. Таинственным, глухим полукругом поднимались над водою отвесные черные стены, замкнувшие даль. В центре полукруга с четырехсаженной высоты низвергалась река, падая прямою хрустальной стеной в облаке пены и радужных брызг. Двумя могучими, бурными струями обрушивался падун в странно спокойную, будто заснувшую воду глубокого, круглого водоема, образовавшегося у подножия скал. Контраст этих суровых черных скал, чуть расцветенных белыми и золотистыми узорами лишайников, с ослепительной бурной водою, сверкавшей алмазными брызгами и радужными облаками водяной пыли, был полон своеобразной, непередаваемой красоты. Стон и гул, отдававшийся от скал, игра света в струях водопада, седые ели и тонкие, белые березы, венчавшие угрюмые, черные стены — всё вместе составляло чарующую, дикую картину, от которой трудно было отвести глаза... В серой пелене облаков, одевавшей небо, стали появляться голубые прорывы. Луч солнца, падавший порою сквозь эти прорывы на струи падуна, зажигал в них золотые огни, бросал радуги в облака водяной пыли. По зеленому, обросшему мхом стволу упавшего дерева я пробралась почти под самую хрустальную завесу крайней струи и долго сидела в темной нише влажной скалы, любясь

изменчивой игрою цветов в туче брызг. Надо мною из расселины камня свешивалась гирлянда узорчатых листьев папоротника, у ног кипела и дрожала вода глубокого водоема, а зыбкая завеса падуна отделяла, казалось, от всего мира.

*«Осталась часть
вашей души»*

Они вышли с водораздела к почтовому тракту, в долину р. Валс, с тем, чтобы потом спуститься на лодке по Лиственничному Валсу в Мылу. Впечатлительная душа — Варсанюфьева никак не может забыть картину падуна в верховьях р. Мутной! Поистине, *«оставляем мы сердца частицу»*... [13, с. 65].

Хорошо было и отдохнуть после долгого пути. На «катаганах» на лугу живо были повешены котелки с оленьим супом и кашей, зашипело жарящееся в масле мясо, вскипел чай. Но голова, полная образами только что пережитого, плохо воспринимала действительность. Перед глазами все еще стоял сверкающий падуна среди черных скал, мшистый ковер зыбких потягелей и мерещился лунный свет в темном лесу. Не хотелось еще уходить от этих переживаний и казалось, что там, у шумящих порогов, в девственной глуши лесов и болот осталась какая-то часть вашей души.

*Ночью на Листвен-
ничном Валсе*

Кому из современных нам геологов придёт в голову после маршрута ночью — вылезти из палатки и бродить по зарослям и бечевнику речной долины? А молодая Варсанюфьева в ночёвке на Лиственничном Валсе этим развлекалась... [13, с. 73].

Когда мы под вечер плыли по излучинам Валса, то не замедлили увидеть крупного «чухаря», сидевшего высоко на ветвях огромной лиственницы. Он был убит метким выстрелом Андрея и оказался основательной птицей более 15 фунтов весом. Последнюю ночь на Лиственничном Валсе мы провели на песчаной террасе, поросшей сосновым лесом с белым ковром ягеля. Вечером на северо-западе снова прошла туча с яркими молниями и дождем, покропившем и нас, так что мы скорее раскинули свои палатки и забрались спать. Среди ночи я проснулась. Яркий лунный свет заглядывал в палатку и манил выйти в лес. Там было душисто и влажно. На мху и на иглах сосен блестели капли вечернего дождя, лунный свет серебряными полосами ложился на белый ягель. Я подошла к песчаному обрыву берега. Над рекою причудливо курился туман, весь пронизанный светом, а за крутым поворотом мрачным, черным силуэтом вырисовывался склон высокого обнажения. Тихонько пошла я вдоль реки. Так приятно было ступать на влажный, мягкий мох, так приятно было чувствовать себя одной среди тишины и покоя серебряной ночи. Я спустилась с террасы на болотистый современный аллювий и бродила в топких зарослях ивняка, переходя крутые «меги» прихотливо извивающейся реки; поднималась на сухие боровые террасы, где в лесной тени ярче играл лунный свет, входила в плену тумана, скользившую над водою, и смотрела, как в небе разгорались краски утренней зари....

После утомительного сплава по Лиственничному Валсу, геолог Варсанюфьева лунной августовской ночью вновь превращается в поэтическую, мечтательную девушку из высококультурной дворянской семьи... [13, с. 67].

Солнце уже зашло за лесистые склоны долины, и она стала наполняться тенями и прохладой вечера. Разгорелись закатные краски на легких облаках, скользящих в померкнувшей синеве неба, побежал туман над водою. Надо было становиться на ночлег. Мы выбрали огромную, раскидистую лиственницу на аллювиальном берегу и разбили под нею свои палатки. Пока на костре варился ужин, я пошла бродить по лугу. По сторонам поднимались высокие, крутые склоны. На противоположном берегу поверх леса стояли отвесные стены темных скал, из-за которых медленно выплывала луна. Здесь, в темном ущелье, она казалась еще серебристей и ярче. Ночь была теплее предыдущей, лёгкий ветер приносил запах накошенного кое-где ямщиками сена. Этот теплый душистый воздух, эта яркая луна навевали на меня воспоминание о юге. Станным, чарующим обаянием была полна эта теплая, почти южная ночь на далеком севере...

5.1.2. Владимир Обручев

Летний Байкал • Зимний Байкал • Свой район работ • Созерцание на Тельбесе

Летний Байкал

Холодная ночевка Владимира Обручева на Приморском хребте в Прибайкалье — в районе острова Ольхон и долины Сармы [2, с. 24].

Небо очистилось, показалась луна и осветила местность. Глубоко под нами засеребрилась гладь южной части Малого моря (так называется часть Байкала между западным берегом и островом Ольхон). Налево уходили крутые склоны Приморского хребта, изрезанные глубокими падами, по которым чернел лес. Направо видны были «ворота» — пролив, соединяющий Малое море с главной частью Байкала у южного конца острова Ольхон, — и с обоих берегов его выдвигались в воду длинные темные мысы. От ворот вдаль на север до горизонта тянулся Ольхон, похожий на огромное чудовище с косматой спиной, уснувшее на воде. Я долго любовался этим видом с высоты.

Зимний Байкал

Байкал зимой: незабываемое зрелище! [2, с. 135].

В одну из зим А. В. Вознесенский с женой и я со своей женой совершили поездку на Байкал к этой временной станции, и я имел возможность видеть ледяной покров озера, широкие трещины в нем, торосы вдоль них и у берегов. Зимние ветры сдували выпадавший снег большей частью к берегам с поверхности льда, которая на больших площадях средней части озера была совершенно чистой и гладкая и отражала солнечные лучи, как огромное зеркало.

В одной из трещин, уже затянутой молодым льдом, мы видели голову лошади, провалившейся в воду и замерзшей в ней ввиду того, что ямщик не смог сам вытащить её на гладкий лед. Простор ледяного покрова и горная рама озера с её вершинами, ущельями, ковром тайги, усыпанная снегом, произвели незабываемое впечатление.

Свой район работ

Ни с чем не сравнимые чувства геолога, который смотрит на район своих полевых работ — «из цивилизации» [2, с. 137].

В конце сентября, закончив работы в Селенгинской Даурии, я также кончил отправку наших коллекций и ликвидировал квартиру партии в Иркутске. Рельсовый путь был уже уложен до станции на левом берегу Ангары, ниже устья Иркуты, где я сел в вагон временного состава, доставивший меня в Красноярск, откуда начиналось регулярное движение. На

этом пути интересно было спокойно наблюдать из окна вагона местность, знакомую по двум поездкам в тарантасе 1888 и 1895 гг., видеть характерные формы столовых гор к западу от р. Оки, обусловленные пластовыми интрузиями магматических пород — сибирских траппов, внедрившихся в осадочные породы; далее мост через Енисей, еще более крупный через Обь, степи и колки Барабы и всей Западной Сибири, которая была еще незнакома мне, так как при плавании на пароходе по Оби с него видны только откосы берегов и редколесье на них.

Созерцание на Тельбесе

Когда геолог может насладиться беззаботным отдыхом на природе — не работая: в 1914 г. Владимир Обручев с сыном спускаются в бате по речке Тельбес в Кузнецком Алатау [2, с. 227].

С Тельбесского стана мы уехали по воде в небольшом бате, т. е. длинной и узкой лодке, выдолбленной из древесного ствола. В ней каждый человек должен был сидеть порознь — двое рядом не помещались. Кроме меня и сына с небольшим багажом (главный был отправлен из Томска на пароходе в Бийск), в бат сел опытный гребец на корме, он же рулевой, и мы поплыли вниз по течению Тельбеса, небольшой, но быстрой реки. Крутые берега часто представляли скалы среди сбегавших по склонам кустов и деревьев. Плаванье напомнило мне такой же маршрут в бате вниз по Хилку в 1896 г.; но только тогда нужно было напряженно работать, набрасывать извилины реки, держа в руках компас, следить за выходами горных пород и условиями их залегания, чтобы своевременно пристать к берегу для осмотра обнажения. А теперь я плыл беззаботно, любуясь видами берегов, скалами разного вида и цвета, зеленью кустов и деревьев. Погода была ясная и теплая. Опасных перекатов и шивер на Тельбесе не было, может быть потому, что весеннее половодье еще не кончилось, и бат скользил спокойно и быстро по водной глади извилистого русла.

5.1.3. Валентин Литвинов

Прощание с тайгой • Живая скала • Ночёвка под останцом •
Соседство с паучком

Прощание с тайгой

Чудесная лирика Валентина Литвинова: тонкое чувство Природы [19, с. 359].

Прощаюсь я с тобой,
Шагаю, праздный,
По мари голубой,
По мари красной,
Средь розовых осин,
По чаще строгой.
Пришёл к тебе, как сын,
Перед дорогой.
А рябчики свистят
И смотрят в спину.
Пускай себе сидят —
Ружье не вскину.

А ягода сладка
И солнца блики...
Прощай, моя тайга,
Простор великий.
Прощай, моя тайга,
Моя отрада.
Касанья ветерка
Касанья взгляда.
Опять мне даришь ты
В дорогу строки.
И листья, как цветы,
Летят под ноги.

1970

Живая скала

Живая скала Валентина Литвинова — парафраз моих (Я.Ю.) размышлений на Кольском полуострове. У меня (1958) было описано как бы живое дерево на болоте, а у Валентина Литвинова — живая скала! [19, с. 361].

СКАЛА

Её из недр освободила
И возвеличила река,
И струи дальше покатила,
Отодвигая берега.
И позабыла возвратиться.
А может, просто не смогла...
И тихо в старицу глядится,
И тихо старится скала.
И вся в мечтах о возвращении
Отмежевавшейся реки.
А фиолетовые тени
В её морщинах глубоки.

Плывут рассветы и закаты,
ложатся новые снега.
С годами менее покаты
и всё замшелее бока.
И лишь весною...
Но весною,
когда долина залита,
кончая с зимней белизною,
бурлит и буйствует вода!
А над весёлою водою —
началом жизни и тепла
Стоит и видит молодую
Себя, — и счастлива скала!

Ночевка под останцом

«Тебе стоять. А мне идти!» Просто точный парафраз моих (Я. Ю.) размышлений на кольском болоте (см. ниже — Авторское-1)! Валентин Литвинов переночевал под останцом... [19, с. 361].

ОСТАНЕЦ¹¹

Свисают голых веток плети,
Кругом развалы глыбняка...
Ветра каких тысячелетий
Твои буравили бока?
Что перевидел ты с вершины
И здесь, вблизи, и там, вдали?
Какие тайные пружины
Тебя над миром вознесли?
Забота чьих охранных грамот?
Корабль средь каменной реки?
А может ты — горбатый мамонт,
Восставший тлену вопреки?

Голец пустынен.
Только двое
Встречают первую звезду...
Костёр подвину
и на хвою
Под бок твой тёплый упаду,
Прижмусь доверчиво
по-птичьи,
А утром — вниз,
«прощай — прости!».
Я только миг в твоём величии.
Тебе стоять. А мне идти!

¹¹ Одинокая скала.

*Соседство
с паучком*

Валентин Литвинов в 1979 г., вымокший и дрожащий в палатке, под непрекращающимся дождем [19, с. 353].

СОСЕД

В маршруте вымок и продрог.
Сейчас принять бы
граммов двести.
А ну кончай, Илья Пророк,
кончай-ка, друг, по небу ездить!
Лежу, слежу за пауком —
всё те же «милые» повадки.
Он мне давно уже знаком,
жилец угла моей палатки.
Проворен он, хотя и мал,
и вряд ли терпит те же муки:
сегодня муху он поймал,
а я с утра не съел и мухи.

Палатка ропщет под дождём,
уже пробрызгивают стены.
Единодушно оба ждём
на небе должной перемены.
Живём в согласье, тишь да гладь,
не злясь по поводу лишений...
И вам позвольте пожелать
добрососедских отношений!..

1979

5.1.4. Разное о многом

Горячая любовь к Амуру и Приохотью • Соблазн на береговом обрыве • Николай Юшкин на вершине Коче-Мылька • Поэт Леша Иевлев о высоте в горах • Вершина духа • Дмитрий Наливкин о горах Средней Азии • «*И как рюкзак, усталость скину*» • «*Гуляет ветер в камыше*» • Станислав Белобяжский на перевале • Юрий Альбов на Мае алданской • Вид вилюйской тайги с вертолёта • Вид на Луну из Енисейской тайги • Облака в Саянах • Володя Хлыбов увидел Рай-Из • Юрий Усенко созерцает природу • Угленосная толща Тянь-Шаня • Георгий Горелов о природе Кузнецкого Алатау • Гранитный хребет • Грёзы у экватора • Цельный человек • Авторское-1: оставляем мы сердца частицу... • Авторское-2: утро дальнего маршрута

*Горячая любовь
к Амуру
и Приохотью*

Дожив до 90 лет, Лев Красный с волнением вспоминает природу Дальнего Востока, геологию которого он изучал более 70 лет! [21, с. 602].

Полевые работы освещались глубоким единением с заповедными, не тронутыми цивилизацией районами Дальнего Востока и слабообжитыми берегами рек. Я начинал геологическую съемку в низовьях Амура. Эта великая река, навсегда вошедшая в мою жизнь, то разливается на необъятную ширину, то сжимается в горных теснинах Малого Хингана и Чаятына. В отличие от крупнейших рек — Волги, Лены, Нила и др. — устье Амура не заканчивается разветвленной дельтой со многими островами и протоками. С севера и юга к нему подходят крутые лесистые сопки, а в огромную горловину реки могут заходить корабли любого тоннажа. Трудно передать то наслаждение, которое я испытывал, когда на длинной гиляцкой дощатой лодке, сидя на веслах или управляя примитивным парусом, по течению или против течения реки, в тихую или ненастную, иногда штормовую погоду, плыл по Амуру, приставая

время от времени к скалистым берегам. Плавание по горным рекам на резиновой шлюпке по стремительному в целом потоку, когда перекаты сменялись спокойными плесами, заставляло любоваться непрерывно сменяющимися ландшафтами.

Другая горячая любовь принадлежит побережью Охотского моря. Обрывы, скалы и утесы его изрезанных берегов поражают своей живописностью и величественной красотой. Особо привлекательны отдельно стоящие скалы — кекуры. Крепко я привязался к Шантарскому архипелагу.

Одновременно в душе прочно поселился восторг перед великолепными и разнообразными ландшафтами Приамурья, Сихотэ-Алиня, Западного Приохотья. Много раз, не отрываясь от окна самолета, я всматривался в очертания долин Амура, Зеи, Буреи, Амгуни с островами, песчаными косами, тальниковыми зарослями. Поворачивая от устья Амура на северо-запад, взгляд наблюдателя был прикован к скалистым островам Шантарского архипелага и к отдельно стоящим останкам — кекурам. Последние, как это уже детально просматривалось при лодочных маршрутах, выступали то острыми иглами, то мрачными столбами, то фантастическими животными. Я не могу забыть и картины, возникающие при достижении вершин горных хребтов, — гигантского нагорья Становика, альпийски рассеченных гор Джагды, а также моря тайги, расстилающегося у подножия сопек Сихотэ-Алиня.

Соблазн на береговом обрыве

Лев Фирсов правдиво описывает присущий всякому человеку соблазн — кинуться вниз с обрыва! [45, с. 497—498]. Ведь именно об этом писал Пушкин: *«Есть упоение в бою / И бездны мрачной на краю»*.

БЕРЕГ С ГОР

Заныло сердце, дрогнула нога,
Напряжена, дай Бог не оступиться!
До края бездны — только полшага,
А сделав шаг — уже не возвратиться.
Мгновеньем схватишь ниточки дорог,
Людей пылинки, кубики строений,
На россыпь глыб, твой упреждая срок,
Падет пятно к земле летящей тени.
Мелькнешь комком над войлоком лесов,
Промчишься мимо скал нагромождения,
Увидишь зубья вздыбленных мысов
В последний миг последнего паденья...
И бес познания, хитрый злобный враг,
Толкает к краю: «Сделай только шаг».

*Николай Юшкин
на вершине
Коче-Мылька*

Юшкин описывает августовскую тундру на вершине Коче-Мыльк в остановке (очередная поломка вездехода) на пути с Хойлы на Собь (на Полярном Урале) [74, с. 102].

Погода чудесная — солнечно, но не жарко. Во все стороны расстилается яркая, многоцветная гористая тундра. Осень щедро раскрасила карликовые березки, покрывающие сплошным покровом пологие, похожие на застывшие волны холмы. На востоке, совсем рядом — сплошная стена голубых, уходящих в небо гор с нетающими снежниками. Над ними господствует величавая, почти полуторакилометровая вершина Пайер. Под вечерним закатом горы розовеют, становятся теплыми, манящими. А по ночам полыхает полярное сияние. Далеко мигают в темноте прожекторы буровых вышек на Хойле.

*Поэт Лёша Иевлев
о высоте в горах*

Минералог, профессиональный поэт Алексей Иевлев — о высоте в горах. Первая фраза стиха вынесена в заголовок Сыктывкарского сборника «Прервана точкой строка» [52, с. 44].

Прервана точкой строка,
И продолженье не следует,
И высока
Высота,
Взятая этой победою.

Здесь золотые снега!
И облака под ногами!
Некуда дальше шагать —
Небо
Над головами...

Вершина духа

Вадим Туманов размышляет о том, как прекрасно — но и как неудобно, как опасно — находиться на некой Вершине Духа. Очевидно, что этот образ навеян геологу вполне реальным высокогорьем [45, с. 482].

Вершина духа

Не так уже просто всё с вершиной духа...
Там ветер валит с ног, там холодно и глухо,
Там трудно устоять, дышать там тяжело.
Там рядом Бог. Там ослепительно светло.
Оттуда видно далеко, простор там беспредельный,
Но и паденье с высоты — смертельно.
Так что насчет вершины вы — поосторожней.
Там можно побывать, но быть там невозможно.

*Дмитрий Наливкин
о горах Средней Азии*

Прежде чем поведать читателю (в мемориальном сборнике) о своих встречах с геохимиком и металлогенистом Д. И. Щербаковым, академик Д. В. Наливкин вспоминает о том, что судьбу этих встреч определила общая любовь обоих академиков к величественным горам Средней Азии [44, с. 65].

Как хороши гигантские горные пики, уходящие ввысь — в необыкновенное темное синее небо, манящие своей недоступностью и красотой. Как хороши величественные ледяные реки-глетчеры, медленно спускающиеся с этих пиков, рассеченные бездонными зеленовато-голубыми трещинами. Как хороши горные реки, то бурные, покрытые гроздьями пены,

то превращающиеся в зеркальные прозрачные озера, в глубине которых отражается синь неба. Но еще прекраснее бесконечные, безбрежные дали пустынь, полные тишины и покоя, с их невообразимо яркими закатами, медленно гаснущими. А эти песчаные моря с бегущими и исчезающими в бесконечной синеватой дали причудливыми волнами. Так ничтожен и так мал здесь человек и в то же время так полон стремления победить, пройти через всё это, разведать, казалось бы, непроходимое и непознаваемое.

«*И как рюкзак,
усталость скину*»

Забравшись на вершину горы, Вадим Байков любит пейзажем [45, с. 32—33].

РАССВЕТ В ГОРАХ

Вдохну, поднявшись на вершину,
Живободрящую прохладу.
Устало на уступ присяду,
И в изумлении застыну:
Передо мной сверкнет армада
Седоголовых исполинов.
Как фантастические птицы,
Вспорхнут безмолвно облака.
И в бездну мрачно устремится
Развал бездумный ледника,
И будет золотом струиться
В степи далекая река!
И тени длинные погонит
Со склонов радужный рассвет,
И в дымке розовой утонет
Полей весенних пестрый плед.

И ветер с посвистом и стоном
Навеет были древних лет,
И снова сладко и тревожно
Забьется сердце у меня,
И снова будет невозможно
Не верить в радость бытия.
Но будет поздно, слишком поздно
Вернуть всё на круги своя!
Я животворную прохладу
Вдохну, поднявшись на вершину,
И как рюкзак, усталость скину
Любуюсь грозною армадой
Белоголовых исполинов,
Застывших в сказочном параде.

«*Гуляет ветер
в камыше*»

Станислав Куняев научился ценить каждый час наедине с Природой [45, с. 262].

Гуляет ветер в камыше,
Пылит разбитая дорога,
Шумит река и на душе
Так хорошо и одиноко.
Прощай, веселая пора,
Случайно выпавшая милость,
Как дым угасшего костра,
Ты в синем небе растворилась.
Что говорить. Конечно, жаль
Живую грусть осенней воли

И остывающую даль,
И отцветающее поле.
Но чтоб не очень тосковать,
Чтобы перенести разлуку,
Я научился понимать
Одну жестокую науку:
Я научился каждый час,
Который родиной дается,
Любить как бы в последний раз,
Как будто больше не придется.

Станислав Белобяжский на перевале [30, с. 3].

Шелест ветра в стланике упругом,
Плеск волны и птичий пересвист.
Вечности серебряные трубы
С музыкой земной переплелись.

Всё покоем и свободой дышит.
Здесь от Бога так заведено.
Меж людей и крикнешь — не услышат,
Тут — и камню отвечать дано.

Бесконечность горного пространства
Мне пройти, увы, не суждено.
Нет конца в великой Книге странствий,
У колодца жизни видно дно.

Белые ночи. Снова не спится,
Душу бередит закат.
В небе раскиданы перья жар-птицы,
Строится облачный град.

Тих и загадочен лес полуночный,
В думы свои погружён.
Струи речные плетут неумолчно
Вечную сказку времён.

Призрачный свет меж деревьев струится,
Таёт в ночной тишине.
Плачет по ком-то ночная птица,
Может быть, обо мне?

*Юрий Альбов
на Мае алданской*

Настоящее «хокку» Юрия Альбова, написанное
в 1958 г. на Мае алданской! [19, с. 13].

Дремлют сопки вдали.
 в тишине предвечерней и хрупкой.
Ткнулись в отмель носами
 две лодки у нашей стоянки.
Молчаливый якут
 с самодельной прокуренной трубкой
И взъерошенный пес
 безучастно сидят в берестянке.
Где-то здесь я стоял,
 торопливо их «Зорким» снимая.
С тихим западным ветром
 спаладала дневная жара,
Торопилась к Алдану
 прозрачная быстрая Мая,
Неприятным дождем
 сухо била в лицо мошकारа.

*Вид вилюйской
тайги с вертолета*

Владимир Чайков, через 30 лет позже меня
(Я.Ю.) — описывает вид осенней вилюйской тай-
ги — с вертолета... [61, с. 293—294]. Но мне тогда
на вертолетах летать не приходилось — только топать по тайге ногами, а в
Сангары (на Лене) я из Якутска в 1960 г. приехал на теплоходе.

ПРОЩАНИЕ С ЯКУТИЕЙ

С устья Тюнга вдоль Вилюя
Мы летим на вертолете.
Желтой краской лес маюя,
Бродит осень в позолоте.

В небесах она с весною
Перед зеркалом резвилась,
Глаз, смеясь голубизною,
И часть зеркала отбилась,

И, рассыпавшись, в щажину
Вековой тайги упала,
И озерами равнина
Вдоль Вилюя засверкала.

Плоскими, как чечевица,
Или круглыми, как блюдца.
Когда солнце в них глядится, —
Они золотом нальются.

Отвернулось солнце — снова
Серебром затрепетали,
В облака ушло — сурово
Засверкали цветом стали,

А когда подует ветер,
Рябь, подняв на водных блюдцах,
Или дождь пойдет под вечер
— Все они свинцом нальются.

На Сангары вдоль Вилюя
Мы летим на вертолете.
Желтой краской лес маюя,
Ходит осень в позолоте.

Вид на Луну из Енисейской тайги

Какие мысли посетили геологов отряда Льва Махлаева в Енисейской тайге, когда в июле 1969 г. они смотрели на луну... [38, с. 471—472].

Днем светило (и основательно грело) яркое солнце, небо было практически безоблачным. Вечером небесная синь переходила в золото, сменявшееся сиреневым багрянцем. После заката небо быстро темнело, но вскоре над лесом поднималась яркая полная Луна. 21 июля 1969 года наш приёмничек принес сообщение о том, что на эту самую Луну сел американский космический корабль, и Нейл Армстронг первым из землян ступил на поверхность другого небесного тела... Конечно, было досадно, что этот землянин не оказался русским. Мы привыкли уже к своим космическим успехам, мы даже пели, что *«наш Вася первым будет даже на Луне!»*. Оказалось — не наш и не Вася. Но всё же была гордость за человечество в целом. Мы смотрели на этот сияющий диск и пытались представить себе, как там выходит из реального, а не фантастического «звездолета» некто в скафандре и произносит навсегда вошедшую в историю фразу: *«Это маленький шагок отдельного человека, но громадный шаг в истории человечества!»*. Конечно, мы очень тревожились за первых «лунопроходцев» и облегченно вздохнули, когда они благополучно вернулись с поверхности Луны на свой корабль, а корабль этот вернул их на Землю!

Облака в Саянах

Томский геолог Олег Пятов в 1950 г. усмотрел борьбу «мускулистых» облаков над саянским ручьем Таян [61, с. 250].

В тальнике фиолетовом берег.
Небо с прочным подножием скал.
А не здесь ли натурщиков Рерих
Для «Небесного боя» искал?

Облака над хребтом каменистым
Сшиблись намертво.
Бьют наповал.
Над Таяном таких мускулистых
Облаков я еще не видал.

Сплетены, перевиты друг с другом.
Кто кого? Ну, поди разбери!
Помощь к сизым торопится с юга,
Север гонит подмогу седым.

И такое с небес грозное
Напряженье, биенье идет!
Даже слышатся отзвуки боя...
Или всё же гудит вертолет?

*Володя Хлыбов
увидел Рай-Из*

Володя Хлыбов, 16-летний рабочий ГРУ комбината Воркутуголь, в 1948 году, едучи на работу в партию И. М. Парханова на восточном склоне Полярного Урала, по ж/д «Чум — Лабытнанги» — впервые увидел из вагона массив Рай-Из [51, с. 5]. В наши дни гипербазиты высоченного Рай-Иза в процессах институтской топоминералогической съемки, в производственных поисках хромитов, корунда и рубинов были многократно пересечены вездеходами, исхожены и облазаны геологами вдоль и поперёк. Я.Ю. на самом массиве не был, но в 1984 г. опробовал разрез райизской свиты Войновского-Кригера по ручью Хребет-шор, сбегаящего с Рай-Иза и впадающего в Елец. Великий Войновский возраста этой граувакковой толщи не знал и допускал два варианта: либо ордовик (к которому он склонялся), либо карбон; и только в наши дни (1993) Виктор Салдин доказал, что это всё-таки нижний карбон.

Как-то утром состав неожиданно, как всегда на этой ветке, со скрипом и толчками остановился. Открыв дверь вагона, мы увидели потрясающую картину: с правой стороны (по движению поезда) вместо унылой тундры стояли горы. Они подступали к самым путям, а их вершины были покрыты белоснежными шапками! Еще учась в техникуме, мы, новички-воркутяне, в ясную погоду любовались горами Урала — массивом Енгане-Пэ, но то было далеко, где-то за 60 км от города, а здесь рядом, вот они, как говорится, рукой подать. Конечно, это был обман зрения за счет исключительной прозрачности (чистоты) горного воздуха, на самом же деле горы (это был хребет Рай-Из) стояли далеко от нас, наверное, где-то километров за десять.

*Юрий Усенко
созерцает природу*

Вот некоторые стихи выпускника-1957 геолфака МГУ Юрия Усенко, изданные в Хабаровске в 1986 г. [12, с. 149—155].

ПОЛДЕНЬ

Вдоль межи звенят зеленые
Колокольчики овса,
Чуть заметна проторенная
Теневая полоса.

И летят на звон заманчивый
С этой солнечной земли
И пушинки одуванчиков,
И тяжелые шмели.

Обрывается в безбрежности
Их медлительный полет,
А над ними легкой снежностью
Чудо-облако плывет.

Глубина качает синяя,
Дальний путь его лежит
К той березе, что раскинулась
На другом конце межи.

<...>

Июль. Полуденный покой.
Благоухает медуница.
Клонясь над медленной рекой,
На солнце ива серебрится.

В горячих соснах тень легла,
И тишина стоит такая,
Что даже слышно, как смола
По кружевной коре стекает.

Приди сюда и упави
На берегу, раскинув руки,
За тонким облачком следи,
Вбирай все запахи и звуки.

И пусть иной закружит ритм,
Пусть этой тишины не будет,
Пусть лист последний догорит
В косом дожде осенних будней, —

Здесь, за невидимой чертой,
Все преходящее нетленно,
А этот берег золотой
И есть порог твоей вселенной!

С ДОБРЫМ УТРОМ, ТАЙГА!

Палатка тонет в тишине
Под кронами глухого края,
Комар последний на огне
Неслышно падает, сгорая.

Свеча погасла. Далёко
Неосторожный шорох слышен,

Пушинки инея легко
Легли на тоненькую крышу,

Пригрели пихты на руках
Друзей, измученных тайгою;
И только ходит перекат
Бессонным сторожем покоя.

1961 г.

НА КРУТЫХ ПЕРЕВАЛАХ (п е с н я)

Не надо грустить на крутых перевалах,
Маршрутное время еще не ушло,
Сними свой рюкзак, чертыхнись, как бывало,
Скрути самокрутку — и станет тепло.

За нашей спиной неоглядные дали,
Глухие распадки, седые гольцы,
Мы столько, дружище, с тобой прошагали,
И что там ни думай — а мы молодцы.

Костер наш горит, и надёжна палатка,
И добрых людей мы встречаем в пути,
И все-таки часто приходит украдкой:
Сезон завершим — и зима впереди.

Маячит тайга привидением белым,
Холодные сопки и кедры, как дым,
Там наша обитель — любимое дело,
Весна позовет нас — и мы улетим.

Не надо грустить на крутых перевалах,
Нам жизни спокойной уже не найти,
Давай же, дружище, споем, как бывало,
И сдвинем бокалы — *«За тех, кто в пути»*.

Угленосная толща Тянь-Шаня

Юрий Ткачев художественно описывает выходы юрской угленосной толщи в одном из ущелий Тянь-Шаня. Это бурогольное месторождение германиеносных углей Кок-Мойнок, в Кавакском угольном бассейне Северного Тянь-Шаня (подробнее см. об этом в Третьей книге, в «урановой» главе 4) [62, с. 72].

Наутро мы с Кузьминым пошли к штольне на разведку.

Несколько десятков метров подъема — и перед нами развернулась панорама ущелья. В русском языке не подберешь понятия для обозначения так называемого ущелья. Ущелье — это узкая щель, теснина. А перед нами простиралась горная долина с плоским широким, в один—полтора километра дном. По нему извивалась речка.

Не из тех бурных, которые ворочают огромные камни. Эта несет свои воды по широким галечникам хотя и резво, но без опасности для путника. Везде её можно перейти, не замочив и колен. Причудливо разветвляясь на рукава и снова соединяясь, она блестит серебряной чешуей мелкой ряби. Разнообразных цветов и рисунков галька, преломляясь в волнах, трепещет на дне, как живая рыба. Берега в кустарниковых зарослях, уже без листьев, но зато украшенных красными ягодами барбариса и шиповника, усыпанных оранжевыми бусинками облепихи. Но еще прекрасней над всем этим небо, солнце и горы. Освещенные розовыми утренними лучами, они вертикально вздымаются почти на километр, как стены поистине циклопического замка. На половине высоты эти стены украшены полосатым черно-белым орнаментом угленосной толщи — переслаивания черных пластов угля и белых кварцевых с каолиновым цементом песчаников.

Неужели я там был, висел на выступах стены, описывал разрезы, прослеживал пласты, тяжелыми рюкзаками таскал оттуда пробы?

Георгий Горелов о природе Кузнецкого Алатау [22, с. 106].

Девственная природа этого края меня очень привлекла: чистая вода, зеркальные бирюзовые озера с рыбой, водопады, экзотические кары со снежниками, которые оставались лежать всё лето, голубизна неба и усыпанное звездами ночное небо. Я восхищался нетронутой человеком природой, прозрачной чистой водой. К концу июня в этих краях сошел снег, и наступило лето. Быстро начала подниматься трава. Появилась калба или по-другому черемша —

растение, одновременно напоминающее дикий чеснок и лук с очень крупным, толстым и сочным стеблем и очень богатое витаминами, особенно витамином С. В маршрутах мой обед часто состоял из хлеба, черемши и ключевой воды.

Гранитный хребт

Формы выветривания гранитов в верховьях Джаксы Сарысу («хорошей Сарысу»), Казахстан. Замечательное описание пейзажа Николаем Наковником! [42, с. 34].

Бледно-зеленая лента низкорослых кустиков бежит к зубчатому гранитному хребту, путаясь в мелкосопочнике. Поблескивают зеркала тихих плесов, окруженные пышными метёлками камыша.

Пейзаж похож на акварель — так нежны краски неба, камня, травы, кустов и так мягки переходы одной в другую.

Вот и подножие хребта. Какой резко подчеркнутый рельеф, какое причудливое нагромождение обточенных гранитных плит, и какая тщательность в отделке камня! Можно подумать, что его вырезал искусный скульптор, а не резец природы — выветривание. Перед нами ощерившиеся зубцами гребни, сложенные из матрацевидных плит, из-за которых выглядят колонны, башни, и кажется, что это средневековый замок, обнесенный рядами стен с бойницами. За гребнями крутая лестница уступов, зажата между балюстрад и перил из даек гранит-пурфира — лестница, покрытая темно-зеленым ковром арчи. Над лестницей ребристые усеченные и островерхние конуса и пирамиды, перемежаемые 5—10 метровыми столбами из караваеобразных глыб, неизвестно как удерживающихся друг на друге. И всё это пестрит прихотливой пещеристо-ячеистой резьбой, в которой мерещатся очертания неведомых зверей, чудовищ и непонятных знаков.

Грёзы у экватора

В ноябре 1987 г. ленинградский геолог Анатолий Лайба на теплоходе «Профессор Зубов» уже в третий раз оказался у экватора по пути в Антарктиду [20, с. 12]. Характерный штрих — корабль в океане не плывёт, а *идёт*.

На экваторе — штиль, нет причины штормить.
С парохода б сойти и остаться пожить.
Разыскать островок позабытый, ничей;
Развести костерок из ненужных вещей.
Сбросить платье времён от знамен до штиблет.
Новых истин ведь нет за две тысячи лет.
Незатейливый быт и закат полосой.
В равновесии быть между двух полюсов.

Чтоб для певчих и сов, как на чаше весов:
День — двенадцать часов, ночь — двенадцать часов.
Босиком по скале, море возле ступней.
У Калипсо семь лет так провел Одиссей.

На экваторе дождь, пелена облаков.
Гулкой палубы дрожь, и идти далеко.

Цельный человек

Томский геолог Александр Мормышев аттестует себя как Цельного Человека в хороших стихах «До конца» [61, с. 220].

Я жизни своей перешел перевал,
И молодость вдруг пронеслась, как лавина.
Всему я себя целиком отдавал,
Всегда до конца, а не наполовину.

Коль сядем с друзьями мы выпить вина,
Какой бы там ни был объем у графина,
Его обязательно выпьем до дна,
Всегда до конца, а не наполовину.

И если любил я, мечтал лишь о ней
Одной, как Пьеро, видел только Мальвину,

Любовь я свою отдавал только ей,
Всегда до конца, а не наполовину.

А дело задумал, его доведу,
Себя не жалея, с энергией львиной.
Раз взялся за дело, то к цели иду
Всегда до конца, а не наполовину.

И я не сдаюсь, жизни радость я пью
Большими глотками, как добрые вина,
Пусть что-то не так, но дорогу свою
Пройду до конца, а не наполовину.

*Авторское-1:
оставляем мы
сердца частицу...*

Это главным образом, мои (Я. Ю.) ранние кольские (1957—1958 гг.), карельские (1966 г.) и якутские (1961—1963 гг.) впечатления [67, с. 62—65].

...ОСТАВЛЯЕМ МЫ СЕРДЦА ЧАСТИЦУ¹²

О, как бы мне выразить то, что — никак не получается выразить словами. Лишь в зрелые годы, когда я познакомился с творчеством Бунина, Набокова и нашего геолога Олега Куваева — я понял, что выразить это на русском языке всё-таки можно. Им это удавалось, а мне, увы — не дано таланта.

А так хочется рассказать о тех местах, где я оставил нечто из *того, сам не знаю чего*. А впрочем, зачем мудрить? Давно написана хорошая песня, где об этом сказано ясно и точно: «*В разных краях оставляем мы сердца частицу*».

Может быть, это самое тонкое и глубокое чувство из всех, что мне довелось пережить.

... Это бывало в одиночестве. Чаще всего — в одиночных маршрутах, которые формально строжайше запрещены геологу (но все мы этот запрет нарушаем). И притом не всегда, отнюдь не всегда — а лишь тогда, когда был подавлен профессиональный интерес к местности (ибо обычно геолог видит не обрывистую скалу, а труднодоступное *обнажение*), когда Природа представляла не как объект изучения, а как нечто иное — невероятно волнующее.

И наступали таинственные мгновения, когда я, один среди шума леса, среди свиста ветра на болоте, — один, погруженный в себя, спокойный и свободный от всего лишнего, я — такой, какой я и есть на самом деле, с душой, открытой всему Миру, трепещущей от его красок, звуков и запахов, — когда я вдруг останавливался, скидывал рюкзак — и смотрел «крест себя».

¹² Опубликовано в книге: «Уезжают друзья с севера: Литературный сборник». Сыктывкар: Геопринт, 2003. С. 34—39. Перепечатано в книге «Сыктывкар: Литературный альманах». Сыктывкар: Коми книжное изд-во, 2003. С. 69—72. Перепечатано в журнале: «Горный журнал: Литературный альманах. Специальный выпуск «Моим Северам». М.: Изд. дом «Руда и Металлы», 2008, с. 4—6.

И всегда чувства мои были одни и те же, поразительно устойчивые, одинаковые, на протяжении десятилетий. Это значит, что проступала генетика — душа. А чувства были примерно такими.

... Я становился как бы деревом. Я недвижимо стоял на этом неизменном месте — долгие дни, месяцы, годы, десятилетия. Я видел синие клубящиеся тучи, я созерцал болото во все часы дня; и летом, и в жуткой тоске осени, и в белой стуже зимы. Я раскачивался от ветра и скрипел; я мок под дождями; нагревался от солнца; покрывался ледяной коркой; меня секли метели, сухие и жесткие, как песок. И всё это я платил только за то, чтобы без конца созерцать эти ели, это синее болото, и это небо... За то, чтобы ощущать себя частью Космоса.

Жуткий восторг охватывал мою душу!

Я действительно замирал и не ощущал присутствия жизни в теле — ведь я перевоплотился, я стою недвижно, я только смотрю, смотрю, смотрю без конца... И облака идут и идут, и проходят мимо и сквозь меня. Видимо, это нечто вроде буддизма и придумано было за много веков до меня.¹³

Но всегда кончалось всё так быстро! Я был слишком живым, слишком теплым, слишком слабым, чтобы надолго погружаться в нирвану. Стоило мне, в моем кажущемся перевоплощении, представить себя действительно одиноким — без тех, кого я люблю, по ком я тоскую — как я приходил в ужас.

— Прочь, прочь, мертвый мир! Я жив! Я не хочу, не хочу быть частью безжалостного Космоса!

И я влезал в потные лямки своего рюкзака, снова навешивал на шею ружье и с трудом подымался с места. Прощай, мой Космос. Расти и умирай сам по себе, как и раньше, а я — сам по себе. У меня другая жизнь. Я ухожу. Мы виделись с тобой впервые. Мы не увидимся больше никогда. Никогда. Я ухожу насовсем, навеки.

... И я уходил насовсем. Но незаметно для себя уносил в памяти как бы негативы тех мест, где душа моя была ничем не стеснена, и где я пытался раствориться в Космосе.¹⁴ Я могу вспомнить — проявить в памяти эти места, эти мгновения, но надо сильно сосредоточиться, и нужно, опять-таки, полное одиночество. С годами это удается всё реже.

Их много, таких мест, я могу перебирать их последовательно по годам, или попеременно. Они все мои, как дети для матери, но это странное обладание — оно наполняет душу пронзительной грустью.

— В чем смысл и значение того, что человек привязывается к мертвым пейзажам, которые были до него и будут — после него?¹⁵

— Отчего мы так устроены? Отчего образы того края высоты на грани синего болота, где я целый месяц стоял лагерем на преддипломной практике (а высоту и болото, и елки, и сову, которая там жила, я вижу ясно и резко) — отчего эти образы сдавливают мне грудь тоскою, а этой высоте и болоту наплевать на меня — они жили и живут своей жизнью?

— Конечно же, потому, что мы, жалкие живые твари, привязываемся, и любим, и тоскуем — тоже к живому и по живому. Это ведь только кажется, будто на том болоте никого нет. Там — я! Мне 21 год, и каждый вечер, придя из маршрута, изнурительно-интересного, само-

¹³ А позже оказалось, что практически то же самое чувствовал Даниил Андреев — и он смог с мощной силой описать это в своей «Розе Мира». Впрочем, он не впадал в анабиоз, как автор, — наоборот, он анимировал природу. И даже дал родовое имя созданным его воображением существам — Стихалии. В сущности, и у него были предшественники — древние греки с их вполне живыми нимфами ручьев, долин и рощ. — Примечание-2002.

¹⁴ Видно, как молодо-туп был автор... Нет, чтобы сказать и проще, и точнее — «И где моя душа была непосредственно обращена к Богу». — Примечание-2002.

¹⁵ Из предыдущего примечания этот смысл очевиден. — Примечание-2002.

стоятельного, трудового, я моюсь в ручье, смотрю, как садится солнце за высотку на том краю болота, вижу, как поднимается снизу белый шлейф тумана, как сиреневеет и углубляется бездна неба, слышу крик совы, вышедшей на охоту... Я сижу у костра до наступления полного августовского мрака, доделываю рисунки в полевой книжке, пишу свой дневник, в котором меня сейчас так волнует каждая строчка, хотя я прекрасно знаю, что было тогда во мне много лицемерия и мало толку — да что мне сейчас до этого?

... А то могу представить себе мыс на Лене. Я два месяца жил за этим мысом — в трех километрах ниже по Лене. И каждый день мы ходили маршрутом вверх — копались в расчудесном угленосном разрезе. О, это самый лучший Мыс в мире, и об этом стоило бы написать отдельно.¹⁶

Солнце уже с утра освещало Мыс, и держалось на нем часов до 17, так что весь рабочий день можно было загорать. А вечером, когда мы с рабочими возвращались в лагерь по знакомому-презнакомому бечевнику, мимо своих канав, выкопанных в обрыве коренного берега, канав — уже нами описанных и опробованных, шли с чувством спокойного удовлетворения в душе (подобно тому, как крестьянин идет мимо скошенного луга, на котором стоят аккуратные копны), и здорового голода в брюхе — дорогу нам уже пересекали тени от деревьев на верхушке обрыва, и некоторые из них доходили до воды.

Иногда, в полукилометре от лагеря, если день бывал особенно жарким, я раздевался, отдавал сапоги и одежду мужикам (они почему-то никогда не купались), кидался в Лену, и быстринка мчала меня к лагерю — только сумей вовремя выгрести к берегу, чтобы не просвистеть мимо. Я успевал переодеться и обсудить новости с дежурным, и лишь тогда к палатке подходили наши работяги с моими сапогами, полевой сумкой и спецодеждой.

— Есть ли человек на свете, столь часто, как я, карабкавшийся по обрывам Мыса?

— Есть ли человек, который как я — так часто ходил по Мысу?

Ведь это происходило ежедневно по два раза, а иногда по четыре: это когда я не выдерживал, и после маршрута бежал в шахтерский поселок в 12 км от лагеря за письмом от любимой.

... И на Мысу, и на пойменной террасе, где мы стояли два месяца, там, где ветер, дождь и полые воды давно стерли даже следы моего лагеря — я и сейчас там, ибо песня права — там оставлен клочок моего сердца.

Я боюсь сказать, что *это* обогатило меня. Сейчас я вижу в себе только грусть, только необратимость... Решился бы я через много лет — проехать на теплоходике мимо моего Мыса? Ведь я, наверное, мог бы заплакать — мужчине же плакать не пристало...

... А то я вижу ничем не примечательное место в якутской тайге, всего в 400 м выше моста через Кэнкэмэ, а через этот мост шла дорога от Якутска до колонии; заключенные валили и пилили лес, складывали его в кубы, а шофера-вольняшки отвозили дрова в город.

От этого зачатого места должен был начаться мой маршрут вверх по Кэнкэмэ. Речонка была неглубокой и узкой, но имела обширную, прекрасно разработанную долину с двумя террасами. Когда-то здесь даже старались — мыли золотишко (впрочем, где его только не мыли).

Я приехал сюда с тонной полевого барахла прямо из города, попросил шофера заехать прямо в лес, чтобы ни с дороги, ни с моста не было видно лагеря, разгрузил с рабочим Терентием машину, поставил палатку и стал ждать...

Между тем — было уже начало июля! Никогда ещё я не выезжал так поздно. И как это всегда бывает в безделье — погода, как на зло, стояла изумительная. По практически обитаемой долине Кэнкэмэ стояли упоительные — некошенные благоуханные луга; смола вытапливалась из нагретых духовитых листовенниц; бурундучок, который жил рядом с моей палаткой, каждый день носился как угорелый, собирая припасы.

¹⁶ Что и было потом сделано в научно-популярной книжке «Грамм дорожке тонны. Редкие элементы в углях». Глава называется «Эти замечательные головешки».

А я — молодой специалист, всего второй раз в жизни поехавший в поле начальником отряда — сидел в палатке рядом с горой барахла, укрытого брезентом, и ничегошеньки не делал — ждал лошадей. Ещё в городе двое моих (коллектор и рабочий) были посланы в колхоз за 70 км отсюда — за лошадьми. И вот мы разгрузились на этом (заранее условленном) месте — и стали их ждать.

В день нашего приезда они отсутствовали уже 5 дней, и я никак не понимал, что можно столько времени делать в колхозе. Конечно, я догадывался, что они там пьянствуют, и без конца высчитывал, на сколько же дней хватит им еще моего аванса.

Прождав еще три дня — я отправил в колхоз и рабочего Терентия, передав с ним самые жуткие проклятия на головы персонала.

И тогда я остался один.

Лагерь стоял на второй террасе Кэнкэмэ, и здесь проходила звериная тропа. Каждое утро я садился перед палаткой так, чтобы видеть поворот тропы, которая уходила от меня вниз — к речке. И я так долго смотрел на этот поворот, что иногда стал видеть галлюцинации: лошадиные морды, возникающие снизу, как бы из-под земли, и с ними — всю свою команду из трех человек. Я действительно видел их — ибо так страстно этого желал.

... Но день уходил за днем: жаркие июльские дни! Уходило, уплывало между пальцами золотое времечко для работы. Со злобной завистью думал я о тех счастливицах, которые забросились в поле еще в мае, по снегу, и стало быть, отработали уже полтора месяца — в то время как моя работа ещё и не начиналась!

Через неделю ожидания нервы мои сдали, и я совершил должностное преступление: оставив пустой лагерь на целый день, сделал два маршрута по Кэнкэмэ: вверх и вниз от лагеря. Неразумно, безответственно и незаконно было оставлять лагерь — но я не мог больше этого выдержать — не получилось из меня сильной личности...

Потом, испугавшись содеянного (жутко было подумать в маршруте, что я застану разграбленный лагерь — это грозило тюрьмой) — я стал снова сидеть в лагере.

... И каждый день тягучие, бесконечные часы я смотрел на лиственницы, которые изучил уже лучше, чем березы возле родного дома в Подмосковье; наблюдал за своим шустрым полосатым соседом-бурундучком; пытался изо всех сил долбить «Высшую математику для начинающих»; писал пьесу; бесконечными часами заполнял всякой чепухой страницы дневника.

Тропа была пуста.

Только тени перемещались по ней вместе с солнцем — жарким трудовым июльским солнцем. Я слышал иногда гул редких самосвалов, едущих в колонию или обратно, но для меня не было иной жизни, кроме бессмысленных и мучительных часов ожидания. Всякий звук, напоминавший фыркание лошадей, заставлял меня вскакивать и нестись к повороту тропы: не идут ли?

Я провел в этом лагере 16 суток.

И лишь тогда они явились — конечно же, в дождь, как символ расплаты за безделье в лучшее летнее время.

Они вдруг выплыли из тумана — сперва уши, потом головы лошадей, потом и все они, измученные, до нитки мокрые (шли три дня под дождем!) — вошли в лагерь и заняли его весь сразу, заполнили запахом лошадиного пота, фырканием, храпом, скрипом и шорохом коры — это лошади терлись искусанными комарьем боками о стволы лиственниц.

... Что там, на месте моего первого лагеря в том сезоне? Есть ли хоть один не сгнивший колышек от палатки? Может быть, висит еще на сучке ржавая консервная банка?

Но и это место я не решился бы посетить вторично, если бы и дали мне такую возможность. Ведь и там остался навсегда я — человек 24-х лет, всего второй раз начальник отряда и в первый раз — с лошадьми, Хитрыми Животными...

*Авторское-2: утро
дальнего маршрута*

Как это ни странно, но нижеследующий бодрый стих написан отнюдь не молодым человеком — в 1981 г. на Харуте Лемвинской (Приполярный Урал) Я. Ю. было уже 44 годика...[67, с. 73—74].

Утро дальнего маршрута¹⁷

*Мише Ерёмкину, верному коллектору,
впоследствии меня предавшему*

Палатки полу отшвырну,
Пьянящих запахов вдохну,
В бурлящий перекат нырну —
Плашмя скользну, почти по дну.

Привычна тяжесть рюкзака,
Удобна ручка молотка.
Ах, как жемчужны облака!
Как неба бездна глубока!

Сверкает солнце на росе,
Свежо на галечной косе:
Длинна еще обрыва тень...
Уходим мы! На полный день.

Пошли... Задвигался маршрут.
Портянки чистые — не трут,
Ремень ружья плечо не жмёт,
Душа живет и счастья ждёт.

В воде лежат два молотка¹⁸.
Циклон ушел, река мелка.
— Старик! Размяк у костерка? —
Дорога нынче далека!

*Река Харута (Лемвинская),
август 1981 г.*

.....

5.2. Философские раздумья

5.2.1. Размышления Бориса Жуланова

В городе • О Магадане

В городе

Колымский геолог Борис Жуланов в городе чувствует себя неуютно [30, с. 33].

НОСТАЛЬГИЯ

Трамваи, троллейбусы, автомобили —
Город в движении и суетном транссе.
Кругом пешеходы и пассажиры,
Туристы, прохожие, иностранцы...

— Гражданин! Вы нарушили!
— Покупатель, вернитесь!
— Клиент, вам какую сделать причёску?

¹⁷ Опубликовано в книге «Прервана точкой строка: Литературно-художественный сборник. Сыктывкар: Народный дом, 1997. С. 26—27. Перепечатано в книге: *Юдович Я. Э.* Записки геохимика. Сыктывкар: Гео-принт, 2007, с. 76.

¹⁸ Геологи обычно на ночь опускают в воду головку деревянной ручки молотка.

Ошарашивает провинциала столица,
И к вечеру он дуреет в доску.
А ночью в душном гостиничном номере
Сквозь кошмары и шумы города
Снится ему холодное море,
Снятся ему снежные горы.

Снятся просторы промокшей тундры,
Наледи и разливы рек.
И снится, будто он возвратился
На землю, где он всегда — ЧЕЛОВЕК.

О Магадане

Здесь Борис Жуланов прожил 40 лет [30, с. 38]. Иному это может показаться странным: как можно тосковать по Магадану?! — Но это чистая правда! Мои (Я. Ю.) знакомые воркутяне всегда тосковали по родной Воркуте. А однажды в поезде из Москвы я познакомился с возвращающейся из отпуска семейкой — нет, не в Воркуту, а в Богом забытый ГУЛАГовский посёлок на севере Печорского бассейна — Хальмер-ю! Ребятишки соскучились на теплом Черном море и рвались домой, хотя дом их был, скорей всего, бараком среди студеной Полярно-Уральской тундры....

А МАГАДАНУ ТОЛЬКО ШЕСТЬДЕСЯТ...

1

Память бродит по прошлым годам:
Пересылки, лагпункты, бараки.
По кострам, по крестам, по костям...
И встаёт через чёрный туман
Украшением Колымского края
Слово страшное — Магадан.

Но тускнеет ГУЛАГа дурман:
По Транссибу и через Ванино
Мой ровесник на Магадан
За мечтой, в романтическом дыму,
По Дальстрою конвойным следам
Отправляется на Колыму.

Здесь для каждого свой сюжет.
На обломках колымской «зоны»
Бывший зэк, вертухай или спец —
Все как будто равны по закону —

На покатых плечах не оставили след
Портупей с погонами.
А романтики и мечтатели —
Заблуждений своих невольники,
Слыли первоискателями
И лихими первопроходцами.

И приветствовал Магадан
Добровольных своих «каторжан».

2

Через Нагаево и Каменный венец
В моё окошко дышит океан.
На Севере я временный жилец,
Но сорок лет мой адрес — Магадан.

Сквозь корабли на рейде и причалы
Ползет на берег утренний туман,
Окутывая мокрым одеялом
Мой двор, мой дом, мой город Магадан.

За сорок лет на серой Колыме
Я сорок раз жалел, что я живу,
Но сорок сороков счастливых дней
Я прожил не во сне, а наяву.

За сорок сороков счастливых дней,
За сорок лет по сбывшимся мечтам,
За сорок сороков моих друзей
Благодарю мой город Магадан.

Гляжу в окно на Каменный венец
С восторгом жду хмельной огонь заката,
Как ждал еще любимую когда-то,
И всё-таки всему и вся, ребята,
Приходит неминуемый конец...
В закате тлеет Каменный венец,
А дождь в окно дробит свое стаккато.

...Сквозь корабли на рейде и причалы
 Ползёт на берег утренний туман,
 Окутывая мокрым одеялом
 Уже не мой мой город Магадан...

1999 г.

5.2.2 Размышления Льва Фирсова

Об открытии огня • О космическом одиночестве

Об открытии огня

Колымский геолог фронтовик Лев Фирсов размышляет о том, что принес человеку первый костёр в пещере [30, с. 89].

Двуногий зверь, пришла твоя пора!
 Урча невнятно в гулкости пещеры,
 Огнём и дымом первого костра
 Отметил ты начало новой эры.

Как через сотни тысяч долгих лет
 Твои жилища станут городами,
 Наполнит их добро творящий свет,
 И ... слижет вдруг напалмовое пламя?

Животный страх и робость поборов,
 Урвав лоскут стихийного пожара,
 Горящий сук воткнул в охапку дров
 И изменил судьбу земного шара.

Как будут жечь живьём еретиков,
 Внушая им от истин отрешиться?
 Как в просвещенном, дальнем из веков
 Загонят толпы в печи Аушвица?...

Разумным стал, уверенней, смелей.
 Ждала тебя и дождалась планета.
 Что видел ты в мерцании углей,
 Храня бесценный дар тепла и света?

Как вспыхнет ярче тысячи светил
 Клубок палящий в атомной атаке?...
 Нет, ты не знал, что миру возвестил,
 Раздув костер в сыром пещерном мраке,

О чём мечтал, косматый властелин —
 Не жалкий червь, а гордость мирозданья?
 Туман каких непознанных картин
 Вливался в мозг и радовал сознание?

Как обратят добро огня во вред.
 Вот почему, Двуногий, у начала
 Тропы ума, скользнувшей в пропасть лет,
 Твоя нога огонь не затоптала.

О космическом одиночестве [30, с. 90].

ЗЕЛЁНЫЙ ЛУЧ АЙ-ТОДОРА

Полночный берег россыпью огней
 Вступает в спор со звёздами Вселенной,
 Морская гладь черна, и след на ней
 Соткала нитью серебра Селена.

Одни ли мы в тисках земных оков?
 В какой дали мерцает мысль иная?
 Быть может, искры наших маяков
 Летят и гаснут, в цель не попадая?

В коротких вспышках виден силуэт
 Когтистой лапы мыса у Мисхора —
 Зелёный луч, надежд и жизни свет,
 Как клич, бросает башня Ай-Тодора.

Что, если их ничей не ловит глаз,
 И нет нигде зовущих, кроме нас?

5.2.3. Размышления Владимира Чайкова

Бессмертие мысли • Конечность мира планеты Земля

Бессмертие мысли

Он размышляет о неизбежной смерти геолога — и о бессмертии мысли [45, с. 514].

Когда небесный океан
Бушует северным сияньем,
Иль огнедышащий вулкан
Клокочет лавоизлияньем,

Иль зыблется земная твердь,
Иль в берег моря бьет цунами,
Мы зримо сознаем, что смерть
Повсюду следует за нами.

И с жизнью их не разлучить —
Так мать-природа повелела,
И только мысль способна жить,
Не разделяя брэнность тела.

В делах и слове сквозь века
Приходят к нам творец и гений,
И мысли чистая река
Питает души поколений.

Не светлых ль мыслей ореол
Чело святых всех окаймляет,
И что рассудок наш обрел,
То души наши составляет.

*Конечность мира
планеты Земля*

Владимир Чайков не может примириться с конечностью мира нашей планеты [61, с. 295]

*Красота спасет мир.
Федор Достоевский*

Пространство наше рухнет и безвольно
Сползет в немую бездну черных дыр, —
При этой мысли мое сердце болью
Сжимается — неужто этот мир,

Создание космической природы,
Рожден, чтобы уйти в небытие,
И все проблемы нашей жизни сроду
Ни разу не встревожили её?

Неужто нам из замкнутого круга
Не вырваться сквозь времени кольцо,
И Баха в небо рвущаяся fuga,
И Моны Лизы светлое лицо

Нам в мир иной не приоткроют двери,
Где светит солнце, озаряя жизнь,
И волны моря обнимают берег,
И чайка над волной взмывает ввысь?

1998 г.

5.2.4. Размышления Людмилы Похиленко

«Но все непременно окажемся там» • «Что за страна за черною рекою?»

*«Но все непременно
окажемся там»*

Новосибирская минералогиня Лю бодро размышляет о неизбежности смерти [35, с. 20].

Идем ежечасно к одним воротам:
Кто — чинно, кто — пляшет и лупит в тамтам,
Кто — грустно влачится, кто — весело мчится, —
Но все непременно окажемся там.

«Что за страна
за черною рекою?»

Лю задает себе старинный вопрос о смерти — и бес-
страшно на него отвечает [35, с. 103].

Что там, за гранью вечного покоя,
К которому стремимся мы с рожденья?
Что за страна за черною рекою?
Забвенья сна иль муки пробужденья?

Где тот тоннель и свет в конце манящий?
Где добрый Бог, который нас прощает,
Подводит к пониманью жизни вящей,
Но наше тленья не предотвращает?

Что чувствует бесчувственное тело,
Лежащее в своих последних тряпках,
Оно еще и пикнуть не успело,
Как оказалось тут — в гробу и тапках.

И вот она, заветная черта:
Ни рая там, ни ада — пустота.

5.2.5. Геологи о своей поэзии

Василий Терещенков • Вадим Байков

*Василий
Терещенков*

Он очень точно (хотя у него был предшественник —
сам Маяковский) описал, как трудно находить по-
эзию в «отвалах строф» [19, с. 635]. Он совершенно
прав: стихов печатают тонны, а поэзии в них — ма-
лые крупичицы.

К стихам приходят, словно к роднику, —
Идут испить, а не идут купаться,
Приходят в душах собственных копать,
Как золотоискатель к руднику.

Сумевшие к поверхности пробиться,
Как искорки из тьмы черновика.

В отвалах строф, копившихся века,
Выискивают золота крупичицы,

Пусть Бог воздаст старателям ума,
Пусть всяк отыщет строчек самородки
В лапше, что на ушах, на подбородке
Висит, переплетенная в тома.

Вадим Байков

В этом стихе геолог не без гордости признается в том, что он «не у муз на иждивении». Это признание можно расшифровать как замаскированный совет читателю: мол, не суди строго мои вирши... [45, с. 28—29].

Стихи ютятся на задворках:
В журналах, в книжках полевых,
Как будто в старой поговорке
— Им не до жиру: живу б быть!

Сверкнет в рабочем бдении
Минута озарения
И явится строка.
С ней нянчиться и пестовать,
Любиться, как с невестой,
Мне некогда пока!

Живет она забытая
С рудою да гранитами
Пока дойдет рука.

Дождется без претензии
До отпуска иль пенсии,
До времени до лучшего,
Иль до другого случая,
А может никогда.

Я не у муз на иждивении,
Их платонически любя,
Дарю минуты увлеченно,
Не очень мучая себя.

5.2.5. Разные размышления о многом

Простая Философия Бытия • Давид Гарбар размышляет о своей профессии • «Лежит альбомный груз...» • Раздумья у костра • Мироощущение геологини • Саяны Олега Пятова • Простой секрет ностальгии по Северу • Почему он не уедет из России • Отчего сердце профессора сжималось • Завещание Игоря Белькова • Космическое чувство Федора Селянина • Чистая лирика Олега Тарутина • Религиозные мысли Кости Коковина • Грустный стих Музы Раменской • Пронзительный стих Георгия Зарайского • «Святость горьких слёз» • Ода заду • Авторское-3: прорыв на Лену

Простая Философия Бытия

Это, так сказать, экзистенциальная философия Олега Чернецова... [19, с. 741].

Пока горит твоя звезда,
Пока еще без промедления
Ты покидаешь города
По воле давнего влеченья,

Пока в тумане бытия
Мерцает свет
Мечты далекой

И грудь вздымается твоя
От древней горечи дороги,

Пока дымят твои костры
По берегам таежных речек,
Не сокрушайся до поры,
Пойми: ты счастлив, человече!

1995

*Давид Гарбар
размышляет
о своей профессии*

И размышляя, он приходит к тому, что главное в ней — общение с Богом (или с Природой — кому как нравится) [45, с. 86].

ПРОФЕССИЯ

“Романтика костров, поэзия палаток”...
У этой “лирики” недолог век. И краток
Тот миг, что “подем” мы зовем.
Романтика профессии не в том.

Поэзия не в быте, а в работе.
Когда ты обращаешься к Природе,
Сам Бог общается с тобой...
Ну, а за этим можно и в забой,

Листая дни-молекулы слюды,
Ты видишь прошлого следы
И ощущаешь в Космосе себя.
Так что тут мелкие издержки бытия.

И в степь, и в горы, и куда угодно...
Ведь основное — быть свободным
И с Богом говорить...
Мне это ощущение не забыть...
До дней последних.

*«Лежит альбомный
груз...»*

Нина Аркадьевна Островская, ленинградская геологиня еще с довоенным стажем, вспоминает по альбому старых фотографий — свой 21 полевой сезон... [20, с. 499—500].

В шкафу на нижней полке,
Тая мечту и грусть,
Событий давних полный
Лежит альбомный груз.

Всё было в жизни нашей
Ненатье, голод, гнус.
И счастье — полной чашей.
И тягот полный груз.

В нем трепетно хранится,
Теплом души согрет,
Мир дальних экспедиций
За двадцать с лишним лет.

Горели солнцем руды,
Бросали горы тень,
И ожиданьем чуда
Светился каждый день.

Якутские нагорья, Саянская тайга,
Урал, Алтай, Приморье,
Полярные снега...
В клубках белесых пара,
В морозной дымке дня
Бушует в скалах Чара,
Наш утлый плот гоня...

Но — кончена работа:
Счастливо, как во сне,
Стоим у самолета
В прощальной тишине.

Костры, палатки, лица,
Привалов сонный зной
Страница за страницей
Встают передо мной.

И залпом троекратным
Взрываем сумрак дня...
Без карт, по белым пятнам
Шла молодость моя.

Мы сидим у костра, искры звездной струёй
Поднимаются вверх, исчезая в ночи.
И белеет палатка, освещенная робко
Слабым пламенем чьей-то оплывшей свечи.

Мы сидим у костра. Мы одни в этом мире.
За костром — даль безбрежной, безлюдной тайги.
Нас немного, и нет рядом с нами любимых.
Как они далеки, как они нам близки.

Мы сидим у костра, тихо смотрим на пламя,
На манящие игры огня и ветвей
И молчим о своём, свой очаг вспоминая,
И семейный уют, и улыбки детей.

Мы сидим у костра в молчаливом единстве,
Опьяненные воздухом сонной тиши.
Мы едины настроем лирических мыслей,
Мы едины щемящим напевом души.

ГЕОЛОГИНЕ

Тебя частенько люди обвиняют:
Мол, ты и мать плохая, и жена,
Ты по полгода дома не бываешь,
Тебе семья, выходит, не нужна!

Кормить мошку, всё время пахнуть потом
И слушать маты с самого утра —
Короче, лошадиная работа!
Шла б лучше в продавцы иль в повара!

А ты молчишь.
Как скажешь людям этим,
Что смотрят, как на диво, на тебя,
Какой холодный на вершинах ветер,
И как сохатые по осени трубят,

И как сладка на марях голубика,
И как тяжел нагруженный рюкзак,

И что друзей, к которым ты привыкла,
В несчастье бросить — ну никак нельзя!

Что ждешь ты писем от детей и мужа,
Пожалуй, больше, чем другие ждут,
И что не ради развлечения нужен
Тяжелый, изнурительный маршрут!

Когда снежок осенний запорхает,
Ты словом нехорошим помянешь
И вертолет, который не летает,
И хмурый быт, которым ты живешь...

Ну, а весной опять тайга поманит:
Достанешь запылившийся рюкзак —
И все цветы опять стеною встанут
У ног твоих в болотных сапогах.

*Саяны
Олега Пятова*

Душа геолога Олега Пятова навеки прикипела к Саянам, где он бродил маршрутами больше 40 долгих лет... [19, с. 528].

Года мелькают, и шагать труднее,
Сбивается дыхание порой.
И тем прекрасней, чище и нежнее
Весь мир Саян сияет предо мной.

Тебя люблю, заветный горный край,
Создателя бесценное творенье.
Душе здесь вечный благодатный май
И навсегда любовь и вдохновенье.

Здесь юности мечты, любви зарницы,
Здесь всё, что душу греет до сих пор.
И жизни лучшие прочитаны страницы,
И главный состоялся разговор.

Здесь ближе к Богу и душа чиста,
Небесный свод ночами в звездах ярких.
И жизнь сначала, с чистого листа,
И день за днем, как Господа подарки.

На свете лучше, может, есть края,
Да только здесь всё с юности родное.
И это счастье и беда моя,
Что не могу любить другое.

Казыр, 20 июля 1997

*Простой секрет
ностальгии
по Северу*

Размышляет геолог Юровский [62, с. 156].

В заключение, о самой удивительной особенности Севера. Все, кто там побывал, вспоминают о нем с ностальгией. Кто с легкой, а кто прямо-таки со щемлящей. Почти никогда не говорят о мытарствах, ужасах быта, кошмарном климате. Зато наперебой рассказывают об охоте, рыбалке, удивительных приключениях. А уж если встретишь собеседника, который побывал в тех же местах, что и ты, считаешь его чуть ли не за родственника. Отчего бы это? Наверное, оттого, что Север, помимо всего прочего, мы все обживали в молодости. А в молодости трудности воспринимаются совсем не так, как в зрелом возрасте и, тем более, в старости.

То, что вы прочитали — просто брюзжание. На самом деле мне вспоминается другое: невообразимый простор, синее стекло северных рек, отражающее золото осенней тайги, белые скалы на берегах Лены и Алдана, прихотливые извивы Вилюя, дикие дебри вдоль Майи и Юдомы, спокойное течение Чоны и Тунгуски, бешеные пороги Учюра и многое другое. Чем-чем, а красотой Бог эту землю не обидел, и забыть ее просто невозможно.

*Почему он не уедет
из России*

Объясняет томский геолог Владимир Шабашев [61, с. 308].

Я не уеду из России
В страну другую навсегда.
Без глаз ее озерной сини
Жить не смогу я никогда.

С тоски умру без аромата
Травы подсохшей в сенокос
И без малиновых закатов,
Вплетенных в серебро берез.

Без гор, сиреневых в ту пору
Когда багульник зацветет.
Без соловья того, который
Мне спать весною не дает...

Я из России не уеду
К сулящим счастье берегам.
С ней будем радости и беды
Всегда делить мы пополам.

*Отчего сердце
профессора
сжималось*

Об этом профессор Емельян Емельянов рассказал в своей автобиографической книге [27, с. 133].

В селе Монтилуото, находящемся в центре Дании, мы неделю работали на полевой научной станции университета, совместно с датскими учеными завершали монографию «Геология Борнхольмского бассейна». После работы как-то мы пошли на экскурсию к фермеру, жена которого присматривала за научной станцией и готовила для нас еду. Семья фермера состояла из двух человек: его самого и жены в возрасте около 50 лет. Дети проживали в городе. У фермера — 20 га земли. Он специализировался на выращивании свиней (тогда у него было около 20 голов) и дойных коров (кажется, 10 или 11 голов). Жена помогала мужу полдня (вторую половину дня работала на научной станции). На полях фермер выращивал корм для животных. Сам пахал, сеял и сажал, убирал, готовил корм, кормил, доил, сдавал свиней на бойню, молоко — на молочный завод. Для такой работы у него в сарае или под крышей находилась вся необходимая техника, которой он сам управлял. Хлевы были устроены так, что жижа навоза стекала по канавкам наружу в специальные емкости, навоз он набрасывал на резиновый конвейер, а тот через окошко транспортировал его наружу в поставленный рядом кузов машины. И «жижу», и навоз он сам вывозил на поля, где разливал и разбрасывал. Работали они с женой с раннего утра до поздней ночи.

И двор, и хлев, и сарай, и дом — всё выглядело прибранным, всё находилось в порядке. Я часто сравниваю фермы на наших полях с той, датской фермой. И мое сердце сжимается от наблюдаемой разницы.

*Завещание
Игоря Белькова*

Замечательный минералог и петрограф, фронтовик Игорь Владимирович Бельков, долгие годы возглавлявший Геологический институт Кольского филиала АН СССР, отдавший более 50 лет изучению Кольского п-ова, оставил в своих бумагах завещание жене — которое она нашла после его смерти [9, с. 4].

Жена моя, товарищ мой,
Души моей отрада,
Пришла пора мне на покой,
А это значит нам с тобой
Навек расстаться надо.
И в мир иной,
Как прежде в бой,
И ты шагаешь рядом,

А подо мной весь шар земной,
А надо мной земля горой,
И неба купол голубой,
И скромная отрада.
Дружок, собираясь в дальний путь,
Прошу — меня не позабудь.

Космическое чувство Федора Селянина [19, с. 588].

Открылось мне незримых звезд свечение
И всплески волн Галактики иной,
И времени особое течение,
И дождь метеоритный, неземной.

Я на Земле, как в сказочном ковчеге,
Один, кругом лишь небо и вода.

Планеты мимо в яростном разбеге
Пронесаются в неведомую даль.

Ковчег сквозь рой созвездий пролетает,
Ковчег плывет по огненной реке...
Рассказы Грина дочка вслух читает
И засыпает с томиком в руке.

Чистая лирика
Олега Тарутина

Судя по «излюбленным крикам» — это Уссурийская тайга [19, с. 630].

Я тебя еще вспомню, тайга,
вспомню рек твоих чистые плесы,
этих дней драгоценную россыпь —
дней, в которых не встретил врага.

Я еще поклонюсь вам, ключи,
не забуду струи вашей щедрой.
Буду помнить вас, гордые кедры,
излюбленные крики в ночи.

Вы, рассветы, на шлемах вершин,
что судьбою дарованы были...
Да пребудут со мной эти были —
драгоценная ноша души.

Ну, а вы, мои братья, братва,
дорогие мои человеки —
вы и так в моем сердце навеки,
и об этом излишни слова.

1971

Религиозные мысли
Кости Коковина

Это мысли молодого сыктывкарского литолога, вовремя слинявшего из Геологии [53, с. 99].

О Боге (формально-логические умозаключения, не стоит принимать всерьёз)

Бог есть Любовь.
Любовь есть Чувство, сопряжённое с желанием.
Чувство, сопряжённое с желанием, есть межполовые отношения.
Межполовые отношения есть секс (промежуточный результат — Бог есть секс).
Секс есть удовлетворение инстинкта.
Удовлетворение инстинкта есть похоть.
Похоть есть зло (промежуточный результат — Бог есть Зло, секс есть зло).
Зло есть то, что вызывает неприятие зла.
Неприятие зла есть Благо (промежуточный результат — Зло есть источник Блага, Бог есть источник Блага).
Благо есть цель жизни...
Вывод: Бог (он же секс, он же Зло) является источником Блага и целью жизни...
Можно продолжить далее.

Грустный стих
Музы Раменской

Это именно она, кристаллограф Муза Раменская — составила книгу о своем Курсе-1957 «*Были мы вчера еще студентами...*» [12, с. 3].

Но вот осталось нас чуть-чуть
И нам чуть-чуть совсем осталось.
Пока не знаю я, когда
Последний луч в мозгу угаснет,
Мне каждый день — как божий дар,
Мне каждый миг — кусочек счастья.

*Пронзительный
стих Георгия
Зарайского*

Это написано выпускником-1957 геолфака МГУ —
в 2006 г. [12, с. 201].

Метёт пурга по сетке жизни тонкой,
Мелькают лица в перекрестьях лет,
И новый ветер золотой поземкой
Былых любимых замечает след...

*«Святость
горьких слёз»*

Бывший узник Воркуты (?) Андрей Бобров не мо-
жет позабыть прошлое [41, с. 151].

Ветер треплет провода,
Навеяв грусть.
В кружке талая вода,
Горькая на вкус.

Память — вечная вода.
Святость горьких слез
Не иссякнет никогда,
Не уйдет с волос.

За спиною лагеря...
Прошлогодний снег...
Копоть старого костра
Смотрит из-под век...

Не исчезнет без следа,
Не сотрется в пыль...
Ветер треплет провода,
Превращаясь в быль.

Ода заду

Это сочинение колымского геолога Юрия Трави-
на — возможно, единственная в мировой литера-
туре *Ода* — на такую тему... [30, с. 81—82].

ОДА ЗАДУ

Трое суток ныла задница
И четвёртый день болит...
Отчего? Какая разница —
Геморрой, радикулит,

Вижу в этом упущение:
Зад ведь, как ни говори,
Всюду в наших ощущениях —
От зари и до зари.

Ишиас иль нерв седалищный...
Дело, видимо, не в них:
Я ни разу не слагал ещё
Посвященный заду стих.

Да частенько между зорьками
Отдыху ночному рад,
Пропустив стаканчик горького
Нежно гладишь чей-то зад.

Но про эту вещь банальную
Вслух почти не говорят...
А какую социальную
Роль играет в жизни зад?

Произносят с отвращением,
Но частенько говорят,
Что не ищет приключения
Умный парень на свой зад.

Этим самым уважение
Задум высказал народ,
Видя в нем не унижение,
А совсем наоборот.

И зачем к нему презрение?
Как-никак, а всё же свой,
Да порой и точка зрения
Выработана не головой.

И лишь только им, седалищем,
И, конечно, нам не врут
Про усидчивых товарищей,
Тех, что задницей берут.

Так что заменяет голову
Зад частенько кой-кому...
И живут неплохо, здорово
(Мне завидно самому).

Ну а лучше всех устроились
Из пронырливых ребят
Те, что истину усвоили:
У начальства лижут зад.

Значит — в сторону условности
(Из упрямых дуги гнут),
Пребывать всегда в готовности
У начальства зад лизнуть.

Слава вам, популизаторы!
Хочешь — верь, хочешь — не верь,
Вы быстрее, чем новаторы,
Вылизаете наверх.

Отмечаю в заключение,
Что, пока писал я стих,
Зад без всякого лечения
С облегчением утих.

Видно, ода так понравилась,
Так свежа и хороша,
Что и задница поправилась,
И оттаяла душа.

Опыт свой дарю товарищам,
Чтоб простили за грехи —
Если засвербит седалище,
То садись писать стихи.

*Авторское-3:
прорыв на Лену*

Это сочинение [67, с. 67—69] удостоилось неслыханной чести: с подачи сыктывкарской поэтессы Надежды Мирошниченко оно было опубликовано даже в одиозном (во многих аспектах...) журнале «Наш Современник».

Прорыв на Лену¹⁹

Лена... У меня была Лена — целых пять лет, из них три — настоящих полевых сезона и два — командировки, белый речной трамвайчик, мимолетные «летние» знакомства, которые к осени забываются без следа.

А что выделить, о чём написать? И запахи, и ветер, и плеск воды, и облака. Лучше всего — ветер. Больше всего в жизни я любил теплый мощный ветер на великой Лене. Он отго-

¹⁹ Опубликовано в книге: Уезжают друзья с севера: Литературный сборник. Сыктывкар: Геопринт, 2003 С. 27—31. Перепечатано в журнале «Наш современник», 2005, № 11, с. 154—157, с получением авторского гонорара в размере 261 руб. 00 коп. Перепечатано в журнале: Горный журнал: Литературный альманах. Специальный выпуск «Моим Северам». М.: Изд. дом «Руда и Металлы», 2008, с. 6—7.

нял комаров, обдувал мою гладкую коричневую кожу, раздувал береговой костер, почти не видный на слепящем солнце, бросал на берег звонкие мелкие волны, крутил на них белые гребешки (это уже приличный ветерок, балла 4!), а то и громоздил черные горы яростной воды — страшно и весело смотреть на них с берега. И не дай бог, если такой ветер застигнет на середине реки — ведь в иных местах на Лене и берегов-то не видно.

Но всё-таки самые чудные, самые дорогие моменты — выход из тайги на Лену. Раз двадцать приходилось мне выползать маршрутом на Лену — и никак невозможно было к этому привыкнуть.

...Тащишься, продираешься сквозь строй проклятых молодых лиственниц, растущих до отвращения, до идиотизма плотно, чертыхаешься, соскользнув сапогом на обомшелых гнилых стволах, идешь-бредешь не первый час, залитый потом, облепленный оводами, в зудящем облаке комарья, идешь — и страстно ждешь *этого момента* — но тайге нет конца, нет в ней просвета.

Нервничаешь, начинаешь прибавлять ходу, то и дело смотришь на часы (по времени уже давно пора!), а тайга вокруг — все та же, без просвета, молчаливая, равнодушная.

Иногда в сердцах остановишься, вытащишь карту, со злобою проверишь азимут — да нет же, всё верно, правильно мы идем, а Лены почему-то нету.

Топаем дальше, чуть ли не бежим, откуда только силы берутся — а тайга вокруг молчит — без края, без проблеска.

... Тогда надобно взять себя в руки и успокоиться.

— Подумаешь, время! Время ни о чем ещё не говорит. Я брал нашу скорость — 3 км/час, но мы шли по заболоченной тайге и, стало быть, едва ли давали больше двух километров... Затем два раза ориентировались — ещё накинём минут двадцать.

В общем, настраиваю себя идти, не дергаясь, еще полчаса — с запасом и принуждаю себя думать о чём угодно — только не о Лене. Сразу становится легче — перестаю чуть ли не бежать с рюкзаком и вдруг...

...И вдруг (всегда вдруг!) — Мир распахивается мне навстречу, и весь я — распахиваюсь навстречу Миру!

У моих ног расстилается грандиозная долина Лены.

О, простор! О, свобода! О, безграничные, синие дали... Видно всё на десятки километров. Сияющие зеркала озер на первой террасе. Свежий, влажный, пьянящий, теплый, тугой, пахнущий водорослями ветер раскачивает сосны на краю громадного стометрового обрыва коренного берега под нашими ногами.

А посреди всего этого великолепия царственно распростерлась сама Лена, наработавшая себе просторную, бескрайнюю долину и теперь неторопливо текущая в ней. Она в ней разлилась, расстелилась, раскинулась привольно и спокойно.

Вон виден маленький теплоходик, с трудом ползущий вверх. А мы тут — крошечные два человечка на кромке коренного берега — замерли в дурацком, блаженном восторге, заполненные зрелищем до краев, и ощущающие, что — «жизнь прекрасна и удивительна».

Пусть это ощущение держится недолго (мощные чувства вообще скоротечны), пусть впереди еще предстоит час утомительного спуска (до реки-то еще будь здоров, сколько — километра три будет...) — но все остальное уже не запоминается, куда-то пропадает.

... Так выходил я на Лену с Запада — со стороны Ленского плато. Другими, но может быть, еще более волнующими были выходы с Востока — из Приверхоянья. Там низкий коренной берег не образует обрыва, и поэтому из дремучей тайги, без всякой переходной грани — сваливаешься прямо в Лену! Ибо увидеть ее можно только с горки, не ближе, чем километров за 10 — а потом, спустившись, ничего уж не видно, кроме непролазной чащобы.

Вдруг (опять вдруг) вырываешься из таежного мрака — в слепящую синеву воды и неба — к белому, сыпучему раскаленному песку пляжа, в струю мощного ветра, где вмиг, словно растаяв, исчезают комары.

Долой, долой намозоливший спину потный, грязный, тяжело гнетущий рюкзак! На песок, на горячий сухой песочек — взмокшие портянки! А сам, прямо в соленой рубахе — кидайся в Лену, только не зевай, а то вмиг унесёт вниз за километр, не успеешь оглянуться.

Ныряю, под водой стаскиваю рубаху и вышвыриваю ее на берег — выстирал! А сам, косо к течению, чешу кролем к песчаному острову, метрах в 300 от берега..

— Ого-го-го! — Я хохочу от счастья. — Я молод, здоров, я шел к Лене, я свалился в Лену, я режу сейчас ее мощное течение, оно тащит меня, но остров-то все ближе, эге-ге-гей! Я доплыву до него!

С некоторых пор (на моей памяти) по Лене стали ходить шикарные комфортабельные теплоходы, сделанные в ГДР. И вот бывало, в командировке, сидя в мягком кресле, глядя на берега через зеркальные стекла ультрасовременного салона — я ловил себя на совершенно идиотской воображаемой картинке. Наверное, она никому кроме меня, в голову не приходила, а впрочем — кто знает?

— А что, — думалось мне, — если из тайги сейчас вылезет человек. На 100 км вверх и на 200 км вниз по Лене нет населенных пунктов. Одна лишь тайга, такая же безграничная, беспощадная, молчаливая, вечная, неодушевленная, как и в 20, 100, 200 км в сторону от Лены. Она просто случайно оказалась здесь разрезана Леной — но от этого не стала ни добрее, ни знакомее; она хмуро и дико смотрится в свое отражение на плесах; она обрывается у Лены точно такой же, какова она повсюду — мрачными листьями, буреломами, болотами, мшистыми черными ручьями; и она отнюдь не собирается стать похожей на веселые домашние леса по берегам европейских рек. Я гляжу на неё через зеркальные стекла — она все так же дика, неуступчива и грозна...

И вдруг выползает человек. Нет, не геолог, не охотник — просто шахтер, случайно заблудившийся в тайге. Такие случаи бывали, я слышал.

Он уже неделю блуждал по тайге, в отчаянье и ужасе. Уже неделю он питался только ягодами. Его лицо, шея и руки побагровели и вспухли от комариных укусов, и он был близок к сумасшествию — комары терзали его больше, чем голод и страх от возможной встречи с медведем. Только на третьи сутки он понял, что окончательно заблудился, определил по солнцу, где юг, и догадался, что единственный шанс на спасение — выйти к Лене — она должна быть там, на юге. Тогда же он натолкнулся на речку, текущую как будто к югу, и решил не отходить от русла ни на шаг, хоть это и значило удлинить свой путь на десятки километров...

И вот — он победил! Он вырвался из роковых лап тайги — вот она, Лена! Шумы тайга, стучи в бессильной злобе костяными сучьями сухих лиственниц, цепляйся за ноги железными узловатыми петлями скрюченных корней — вот она, Лена! Простор, мощный свежий ветер, никаких комаров, свободный косой полет чаек, веселый плеск волн — спасение и жизнь!

И вот этот человек видит наш «Аржаков», гордо несущийся вниз по фарватеру, видит беззаботных людей на палубе — и люди видят его, ибо расстояние до берега не больше 200 м. Он размахивает руками, кричит — бессвязно, отчаянно, хрипло. Он умоляет остановиться и подобрать его — но *никто не понимает его*. Все видят — какой-то мужик на берегу, видимо, охотник или геолог, а скорей всего турист, бестолково машет руками — рад, бедолага, что увидел теплоход. И ему тоже приветливо машут с палубы — салют, салют, дружище! А один в белых штанах даже нацелился на него кинокамерой, но его отговаривают: брось, далеко — не получится.

А рулевой смотрит вперед, ему некогда и незачем разглядывать берега, ибо здесь сложный фарватер, кругом полно песчаных мелей — смотри в оба. А хоть бы и увидел он этого, на

берегу — удивился бы, конечно, — какой-то мудака там, турист небось, они нынче везде лазают. К тому же и расписание — не шуточки, и так идем с громадным опозданием, слезали с мели в устье Вилюя — полдня потеряли...

И вот — прошли одна-две минуты, и спасение, горячая еда, кофе, сухость, чистота, ленивый комфорт, телевизор в салоне — пропыли мимо и уходят, уходят все дальше...

А человек бежит по берегу, спотыкается, падает, он кричит, он всё еще не верит! Наконец, теплоход превращается в точку и скрывается из глаз — и остаются только чайки, только ветер, только вода. И теперь, через мгновение после того, как рядом были люди — вся эта Лена с ее простором, мощью, островами, протоками, чайками и плеском волн — становится такой же грозной и беспощадной, как и стерегущая сзади тайга. Но в тайге хоть ягоды есть, а здесь? А у него нет ничего — ни нитки, ни проволочки, из чего можно было бы соорудить удочку.

— Что делать, что ему делать?

Ещё двое суток он оставался на этом месте, пытаясь остановить проходящие теплоходы и баржи. Один раз он и вплавь бросился — но и тогда никто его не понял — думали, ну, купается мужик, туристы ведь любят купаться... А плавал он плохо, боялся попасть в быстрину, да и сил не было; едва выбрался на берег и потом уж не пытался.

Лишь на третьи сутки после выхода на Лену, страдая мучительным поносом от ягод (больше ведь он ничего не ел), страшно ослабевший, измученный постоянным ожиданием теплоходов, надеждами и крахом надежд — решил он идти вверх по Лене. Ему казалось, что шахтерский поселок, где он жил — расположен выше. Я-то знаю, что идти ему надобно было около 100 км — но он этого не знал. А сколько на пути будет рек, впадающих в Лену — которые можно только переплыть? А сколько он еще продержится на ягодах? А начнутся дожди? Ему уже не обсушиться на солнце, и спичек нет...

Где-то в этом месте я встряхивался и отрывался от своих мыслей — и ах, как славно, право, что я-то сижу в салоне, мягко гудит мощный дизель, из репродуктора льется соната Гайдна, чуть покачиваются, позвякивают стаканы на столике.

— Мне, пожалуйста, два черных кофе с лимоном.

Миловидная деваха, стрельнув по мне взглядом, берет мой заказ и уходит, ловко обходя столики.

5.3. Весна. Начало сезона

5.3.1. Весеннее заболевание

Борис Пенягин • Евгений Петров

Борис Пенягин

Правдиво описанное в стихах весеннее сезонное заболевание геолога [19, с. 455; 457].

Снова в воздухе пахнет весной,
Потемнели, набухли снега.
И лишился я снова покоя,
Поманила в дорогу тайга.

Не поймешь ты мое состояние,
Пыл бродячей души не уймешь.
И причину тоски и молчанья
Ты опять не по адресу шлешь.

Ты поверь — не случилось беды
И не надо разыгрывать драму.
Не напился я жгучей воды
И не встретил другую я даму.

Впрочем, встретил давно до тебя,
И она меня вмиг покорила.
Ту любовь не погасят года,
Тянет к ней непонятная сила.

От неё не укрыться нигде,
Тут уж, видно, такая судьба.
Я могу лишь открыться тебе,
Что зовут эту даму — Тайга.

Евгений Петров

РАССТАВАЛЬНАЯ

Я знаю, отчего
Душа моя болит.
Я знаю, отчего
Тоска в твоих глазах.

Я знаю, отчего
Так ласков я с тобой.
Я знаю отчего
Не хочется смеяться.

Но полевой сезон
Отсрочки не дает.
Но полевой сезон
Знать не желает слез.

Но полевой сезон —
Часть жизни и судьбы.
Но полевой сезон
Сегодня нас разводит.

5.3.2. О весне по-разному

Точное свидетельство Валерия Лихачева • Мусса Галлиев о наступлении весны • Весна на каблучках

Точное

Как геолог по весне собирается в поле [19, с. 382].

свидетельство

Валерия Лихачева

Майское солнышко плавится,
Льется меж тучек, как ртуть.
Снова в далёкое плаванье,
Снова в неизвестный путь!

Долгие проводы, — надо ли!
Поднят за поле стакан.
Плещется в иллюминаторе
Темных гольцов океан.

Прочь настроение мрачное,
Будь молодцом и держись!
Скоро наступит бивачная
Очень хорошая жизнь.

Ждет поисковая братия:
Опыт и юный задор.
Будут восторг и проклятия
В мудром молчании гор.

Будет сезон для выносливых:
Мари, мошка и шлихи,
Теплой небесной просинью
Помниться будут стихи.

Коротко, долго ль продлиться им,
Много ль износишь одежду?
Вся наша жизнь — экспедиция
К берегу светлых надежд.

Мусса Галлиев
о наступлении
весны

Колымский геолог радуется [30, с. 12—13].

Снова — так или иначе
Впереди весна маячит,
И, конечно, это значит —
Приближается сезон!

И короче стали ночи,
И совсем не стало мочи
Слышать в полдень, между прочим,
С крыш капли перезвон.

Это значит — очень скоро
Приколымские просторы,
И Ткаченки разговоры
За ордовик и рифей.

И в маршруты до упора
В рижском головном уборе
Уползет по косогору
Докембрийский корифей!

Точек тыщи он опишет
И под рыжим корневищем
Вдруг (по запаху?) отыщет
В копуше — кембрийский клык,

И на чахломе пепелище
Старых схем (отныне лишних)
Нарисует всамделишно
Океан и материк!

Снова будет знойным лето,
Комары, мошка и «Дэта».
И дежурный на рассвете
Копошится у огня.

И знакомые планшеты
Шульгина раскинет где-то
И надеяться при этом
Будет только... на меня!

И опять мерзавец Женька
Станет мне по нервам тренькать!
Он (с сердечком на коленке)
Ковыляет через марь,

Напоследок напророчив,
Что сожжём, а что промочим,
Что дорога есть короче...
(Тихо всхлипнет Вольдемар!).

Ах, до встречи на Зырянке
За бутылкою «Тамянки»!
И Мильто с походкой валкой,
И задание на полёт.

И к вершинам одиноким,
И к излучинам далёким
Где в росе сохатый мокнет,
Унесет нас вертолёт!

Весна на каблучках

Необыкновенно нежно написано новосибирской минералогиней-алмазницей Лю (Людмилой Похиленко) о ранней весне в Сибири... [35, с. 76].

Март

Душа пока нема.
Она вбирает слепо
Что чуждо для ума,
Что глупо и нелепо.

Душа пока молчит.
И очень осторожно
Весна в нее стучит.
Иначе — невозможно.

Таинственно пока
Порывы ветра треплют
Шальные облака,
Смеющуюся землю.

И в этих облачках,
Привыкших к зимним стужам,
Весна на каблучках
Спешит к апрельским лужам.

5.4. Любовь к профессии. Описания быта

5.4.1. Томские геологи о своей работе

О своей работе • Времена года • Каменная летопись • О геологической съёмке • Человек — разлучник • Поэзия ... бурения

О своей работе

Валерий Лихачев — о радости и предвкушении полевой жизни и работы [61, с. 205].

Надоел мирок этот затхлый!
По отрогам таежных горбин
Я готов отправиться завтра
Ощущать — за плечом карабин.

Рюкзака весомую тяжесть,
Камня теплую грань у спины,

Торопливых заметок важность
Для большой и счастливой страны.

Пусть задуманное состоится,
Пусть откроется мир красоты,
И в него возвратятся сторицей
Наши выси, шаги и мечты!

Времена года

Очень емкое восприятие Валерием Лихачевым полного полевого сезона в тайге — от весны до осени [61, с. 206].

Ранью в небо гляну,
Уколюсь о синь.
Выйдет на поляну
Детский хор осин.

Лог еще заснежен,
В почках дремлет лист,
Но расцвел подснежник,
Крепок и пушист.

Выглянул из почки
Робко, как малыш,
Сморщенный листочек —
Любопытный чиж.

Расправляет складки
Темный изумруд.
Где-то шьют палатки,
Чтобы взять в маршрут.

Кайлы-работяги.
Камень да куга.
Поднимает стяги
Пышных крон тайга.

Красочны, нежданны
Поплывут цветы
Морем разливанным
Страсти и мечты.

Невзначай свил аист
Хрупкое гнездо.
Дозревает август.
Первый холодок.

Налились коренья
Соками земли.
На костре поленья
Дождичек залил.

Вот и ночи длинны.
Выси голубы.
Отошла малина —
Вырастут грибы.

Я устал, заторкан,
Всё иду вперед.
Вон за тем пригорком
Меня мама ждет.

Каменная летопись

Томский геолог Олег Пятов очень необычно и поэтично описывает страницы каменной летописи Земли [61, с. 252].

Не надо камней сторониться —
Пусть даже нависнет карниз,
Ведь то не карниз,
А страница,
А сколько под нею страниц,

Лежащих недвижно и прочно
Под брэнностью льдов и морен!..
На них скрупулезно и точно
Описаны стоны морей.

И мрак затяжных пеплопадов...
И вдруг отпечаток цветка
Нежданно откроется взгляду,
Как будто в иные века

Страницы планеты летящей,
До нас кто-то жадно листал
И стеблем листка шелестящим
Закладывал эти места.

О геологической съёмке

Томский геолог Виктор Сазонов в 1983 г. очень точно описал в стихах — что такое геологическая съёмка [61, с. 255].

ГЕОЛОГИЧЕСКАЯ СЪЕМКА

В. Н. Ряховскому, аэрофотографу геологических душ

Геологическая съёмка...
От вешних вод и до поземки,
От майских дней до октября
В маршруте. Пламенем горят

За день натерты подошвы
И остаются в нашем прошлом:
Судьбы исхоженные тропы,
Просоленные потом робы,
Палаток выцветший брезент,
Нагруженный, как мул, студент,

Речушки маленькой песок,
Высокогорья ветерок,
Затертый полевой дневник,
Стихов к любимой черновик,
Рулоны разноцветных карт
И общих поисков азарт,
С друзьями вечер у костра... —
Всё остается во вчера.

Мир изумительно прекрасен
И омерзительно жесток,
Когда ещё совсем не ясен,
Когда не знаешь, чем опасен
Последний азимут дорог.

Геологическая съёмка...
Пройдет по жизни стрункой тонкой
Души и чистой, и открытой,
Сквозь броды истины избитой,
Сквозь память злобную людей,
Сквозь боль утеранных друзей,

Сквозь бурелом мирских забот
За годом год, за годом год...
Года, года ... Они, как километры
Тобою пройденных дорог,
Ведут на запад ли, восток... —
Туда, где ждет тебя порог,
Где странствий затихают ветры.

Март, 1983 г.

*Человек —
разлучник*

Томский геолог Анатолий Черных поэтически описывает рождение алтайских девонских вулканитов (гора Караульная) — и сопутствующее им серебряно-рудное месторождение (гора Змеиная). Но пришедший сюда человек разлучил родственников — вулканиты и серебряную руду... [61, с. 300—301].

СКАЗ О СОПКАХ КАРАУЛЬНОЙ И ЗМЕИНОЙ

Прикрыв собой Змеиногорск с востока
В отрогах Колыванского хребта,
Поднявшись над грядой Мохнатых сопок,
Стоит былинным стражем высота

С названием Караульная. Веками
Она нелегкой вахты груз несёт —
Горы Змеиной тайну охраняет
И, кажется, что всё чего-то ждёт.

Порой, когда округа замирает,
Вся в полудремоту погружена,
Неспешно сопка-сторож вспоминает
Страстей отбушевавших времена.

Когда-то в недрах палеовулкана
Она бурлила магмою крутой.
Теперь громада сопки-великана
Лишь монумент кипучей жизни той.

Седых веков перебирая бремя
За триста миллионов лет назад,
Она душой в девоне — в это время
Был на Алтае первозданный ад:

<...>

В конце палеозоя сил глубинных
Хватило, чтоб победу одержать
Над океаном — из его пучины
На белый свет морское дно поднять.

Но никогда в природе нет покоя!
И в эстафету вечного труда
Включаются с воинственным настроем
Мороз и солнце, ветер и вода.

И как завзятых скульпторов бригада,
Неутомимо, день за днем подряд,
Они долины рек и сопки гряды
Из ложа океанского творят.

Они, как археолог неустанный,
Раскапывая верхних толщ покров,
И клады руд, и древние вулканы
Выводят к солнцу из руин веков.

И отряхнув наносов покрывало,
Руда богатая и брат её порфир
Однажды в день прекрасный увидали
Вокруг себя цветущий новый мир.

Под сенью мощного утеса боязливо
Сестренка меньшая на новый мир глядит.
На ней венец серебряный игриво
Шипящих змей гирляндами обвит.

И закружил под синим небосклоном
Веселых сопок дружный хоровод
Вокруг горы с серебряной короной.
Но ужас! Человек сюда идет!

Его влечет богатая корона.
Увы! Судьба её предрешена.
И вот уже дрожит от взрывов-стонов
Нетронутая прежде тишина.

Два по вулкану родственника близких:
Горушка рудная и камень-исполин,
Не знали вы, что на пути тернистом
Из вас двоих останется один.

Судьба вас разлучила в новом мире —
Уж нет горы с серебряной рудой,
Хотя утёс из древнего порфира
Её хранил, как верный часовой.

В бессменном карауле и поныне
Стоит утёс, вознагражден вполне —
Ведь слава о руде горы Змеиной
Давным-давно прошла по всей стране!

7—21 февраля 1987 г.

Томский геолог Валерий Спирин ухитрился отыскать поэзию даже в работающем буровом станке... [61, с. 277].

ПРОСТО РАБОТА

В январскую стужу, в июльский ли зной
Что может быть слаще для слуха,
Чем ровный, натруженный гул буровой,
Вступающий в спор с горным духом!

Эй! Кто там на вахте, внимательней будь!
Подходим к отметке проектной!
Снаряд буровой целит точненько в грудь
Вон той рудной зоне заветной!

Добавь оборотов, дави на забой,
Но так, чтобы не прихватило!..
Сегодня рекорд свой побьем мы с тобой,
Коронка бы только крутила.

Сверхплановый рейс, хоть метровый даешь!
Рекорд вновь в мучительных родах...
Лишь керн по-старинке в волнении ждешь
С приветом от мамы-природы.

Как только закончишь, тащи агрегат
Опять по болотам, по кочкам,
В игре с рудной зоной поставим ей мат
Вон в той юго-западной точке!

Станок, посинев от натуги, ревет,
Под каской чуб слипся от пота...
Пусть подвигом кто-то наш труд назовет,
Для нас это просто работа!

5.4.2. Олег Тарутин

Прекрасный юмор • Прекрасная лирика • «... *Хорошего нам сезона!*»

Прекрасный юмор

Стих про неандертальца, добывшего впервые огонь... [19, с. 629].

ПЕРВООТКРЫВАТЕЛЬ

— Ну, какой ты неандерталец!
Всю пещеру собой срамишь:
шерстью жидок ты, шея с палец,
лоб огромный, а челюсть — шиш!

Посмотри на Медвежью Печень —
вот мужчина!
Самец! Кабан!
А клыки у него! А плечи!
И притом никакого лба.

Хоть пойдя полови рыбешку,
принеси хоть какую дичь!
Ну, чего ты палками трешь-то,
что ты этим хочешь достичь?

Э, да что говорить с тобой, тюря!
Хоть бы зверь тебя сгрыз,
хоть бы сдох! —

И старейшина, глазки щуря,
отошел выкусывать блох.

...Лоб охаянный изморщина,
стиснув крепко горе-клыки,
тёр и тёр деревяшки мужчина,
раздирая в кровь кулаки.

А когда вдруг дымком пахнуло
и огонь показал язык,
разорвал ликованьем скулы:
— Люди! Вам!
...О, пещерный крик!

И стояли люди в безмолвье,
опираясь на тяжесть палиц,
И старейшина тихо молвил:
— О, великий неандерталец...

Прекрасная лирика

Это на вечную тему: мы уходим, а равнодушная природа остается [19, с. 634]. (Как у Пушкина: «...и равнодушная природа красою вечною сиять»).

Палатки горб, струна антенны,
флажки на взлетной полосе...
И вот уж быт наш тонкостенный
на этом льду привычен всем.

Но до чего мы тут мгновенны —
мгновенье каменного сна...
Падет палатка и антенна,
на миг оглохнет тишина.

И вот уж сами мы привычны,
отражены в сознание птичьим
как нечто бывшее всегда,
как это снежное безличье
и эта дальняя гряда.

Вдоль полосы промчатся лыжи,
крыло качнётся на лету,
потом метель следы залижет,
и все о нас забудут тут.

1972

«... *Хорошего
нам сезона!*»

Олег Тарутин пожелал всем полевым геологам самого лучшего — хорошего сезона! [45, с. 461—462].

ХОРОШЕГО НАМ

По жесткой необходимости
Оборванным и обросшим,
Хорошей нам проходимости,
Погоды нам всем хорошей!

Пускай комары-уродины
Не жрут нас когда попало.
Да будут счастливо пройдены
Пороги и перевалы.

Да будут ночевки теплыми,
Сухими спички и порох,
Да будем дарованы тропами,
Да будет нам писем ворох!

Да будем дивиться искренне
Скитаньям — извечному чуду.
Да будут песни отысканы.
Да будут найдены руды!

Пускай нам родник ко времени
Скрипящие глотки смажет,
Пусть плечи нашему племени
Не трет ремнями поклажа.

Да будут любимые в городе
Нас ожидать бессонно.
Всего нам хорошего, бороды!
Хорошего нам сезона!

5.4.3. Дина Черепанова

Прощание с вьючной лошастью • «Я помню все свои стоянки...» •
Предпочитала спать в своей палатке...

*Прощание с вьюч-
ной лошастью*

С болью в сердце геологиня прощается с брошенной вьючной лошастью, отходившей своё... [19, с. 722].

Не гоните коня, не гоните.
Ах, какой еще долгий путь.
Боль усталости в каждом копыте,
Сил нет, кажется, даже шагнуть.
Так не бейте его, не ругайте,
Соберите разбитый вьюк,
Повод скользкий из мокрых рук
Удержите, не выпускайте.
И стоит над тропой вперемешку
С комариным гудением мат,
Под ножом в отчаянной спешке
На траву подпруги летят.
Конь дрожит, а в глазах —бессилье,
В фиолетовых грустных зрачках.
Как умеют глаза такие,
Раздирая сердце, кричать.
И стоит он, а мы уходим
По тропе усталые, злые.
Забываемся в первом же броде,

Бесконечные броды, завалы,
Вьюк под сто на сбитой спине.
То ль дождинки, то ль слезы упали
С морды грустной в ладони мне.
Проклиная свое бессилье...
Он стоит и стряхнуть не может
Обнаглевший звон комаров,
Слабый, тощий — кости да кожа —
Весь дрожит от ресниц до подков.
Пять нетвердых шагов за нами
Пропадают в изгибе тропы...
Безысходный вслед каравану
Взгляд тот долго за нами плыл.
Что в глазах тех?
Мольба?
Отчаянье?
Иль надежда тоненько-робкая?...
...А наутро уже кричали
Над холодным трупом кедровки.

«Я помню все свои стоянки...»

Я помню все свои стоянки,
Все лагеря за много лет,
Кедрины, елки и лиственники,
По берегам тропинок след.

И каждый раз опять, снимаясь,
Их оставляя за спиной
Как будто сердцем отрываюсь
И улетаю в мир иной...

Предпочитала спать в своей палатке... [19, с. 725].

Не люблю ночевать я в чужих лагерях
И костры разводить на чужом берегу.
Из любого далека в палатку свою
Я по лесу ночному бреду и бегу.

Пусть безлунье, безтропье,
Пусть броды и дождь.
Странно — вроде причины спешить никакой.
Но палатка моя, но мой спальник и ложе,
Мой уют, мой приют, мой душевный покой.

Где бы я ни была, я срываюсь, бегу,
А в чужих лагерях не хочу, не могу.

5.4.4. Бесхитростные рифмы

Людмилы Похиленко • Евгении Халезовой • Николая Яньшина •
Натальи Федоренко • Марии Кирюшиной • Татьяны Полежаевой •
Валерия Спирина • Виталия Морозова • Наталии Савва • Нели Величко •
Татьяны Гутниковой • Ирины Запорожцевой

*Людмилы
Похиленко*

Новосибирская минералогиня Лю, в совершенстве владеющая стихом, словно нарочно — о своей полевой жизни пишет совсем просто и незатейливо [35, с. 109—110].

*Посвящается моей маршрутной паре,
другу и мужу Н. П. Похиленко*

(«Что такое осень» Ю. Шевчук)

Что такое поле? Это люди,
Те друзья, что рядом с нами были.
Поле — это речка наших снов и наших судеб,
На которой мы алмазы мыли.

Поле — это сонм комаров,
Поле — это сон — будь здоров! —
Рыба в речке, видимо, есть,
Только где-то не здесь...

Что такое поле? Это лодки,
Кони, нас везущие в тумане.
На душе слились в одно, и не разделишь четко
Дым костра и дым воспоминаний.

Поле — это съеденный лось,
В поле летом славно жилось,
Дождь и солнце, радуги хвост,
Поле — в лучшее мост.

Что такое поле? Это волки,
Семь волков и бедная овечка.
Поле — это пламя, что горело так недолго,
Маленькая праздничная свечка...

Поле — это крепкий лоток,
Поле — это жизни глоток,
Поле — смена дюжины мест,
Поле — вечный наш крест...

Евгении Халезовой

Очевидно, это Фаянские горы Ср. Азии, р. Кончоч [19, с. 700].

Туда, где озера нефритовое чудо,
Где бирюзовость речек и ручьёв,
Меня влечет и будет влечь, покуда
Я не услышу трелей соловьев,

Что на кустах прибрежных у Кончоча
Расселись к вечеру поближе и поют,
И заливаются до самой поздней ночи,
Мне спать в моей палатке не дают.

Да и до сна ли в этом чудном крае,
Где воздуха прозрачность так чиста,
Где стая мыслей грустных отлетает
И остается только красота.

Она во всем — в горах, снегах, долине
И в пестроте цветущих в ней лугов,
В арчовой роше, в Арке и Соминге,
И в разноцветье гор и ледников.

Она во всем, во всем. Не потому ли
Так отдыхают сердце и душа?
Вот день прошел. Давно уж все уснули.
А ночь царит так дивно хороша,

Что хочется, чтоб царствование это
Как можно дольше длилось, а пока
Еще далёк холодный час рассвета,
Еще бежит из-под пера строка.

ВРЕМЕНА ГОДА, ИЛИ ГОД ПОЛЕВИКА

Весна

Весна для других — это Божий дар,
Когда всё так ясно и просто.
Весна для геологов — это кошмар
Короткого слова «заброска»
Фактуры, заявки, машины, запчасти,
Бегом и бегом поневоле.
И, как результат сумасшедшего счастья,
Короткое слово «Поле!»

Лето

Палатки, приборы,
Ручьев разговоры,
Задумчивый гул комарья,
Дороги, тревоги,
Разбитые ноги.
И нет ни жратвы, ни зверья.
Скальё и болота,
Работа до пота,
До отупенья дожди.
Пустые маршруты,
Породы и руды
И всё это вдруг позади!

Осень

Поет Пугачева на сто децибел
«Лето жаркое будь со мной...»
А верх у палатки обледенел,
И ветер со снегом дурной.
И кто-то бормочет сквозь забытьё
Из спальника (кого-то задело),
“Вот выставить бы из палатки её
Поди б и не так запела!”

Зима

Приём, передачи, лишки, недостачи
И с куревом треп до угара.
Планшеты, отчеты, сплошные расчеты
И вновь ожиданье кошмара.

Тайга, палатка, комары.
И спорит карандаш с блокнотом.
В другие хочется миры
И сделать стоящее что-то.
Ведь слишком прост таежный мир:
Штормовка, мокрая от пота...
И не хватает «дамских» сил
Тащить рюкзак через болото.
Густые сумерки, отряд...
Заварен чай по-полевому.
На связи бодро говорят,
Чтоб ожидали борт к восьмому.

Лежит под спальником тетрадь,
Свеча в консервной банке тлеет,
А за ручьем, припомнив мать,
К «Спидоле» ищут батарею.
Рассвет, маршрут, крутые сопки...
И неотъемлемый рюкзак,
Оленьи выбитые тропки...
И день за днем проходит так.
Но лишь осядет снег весной,
Лишь закричат тревожно птицы,
Уйдут сомненья стороною,
И я открою новую страницу.

Она описала, как раздраженный, невыспавшийся Бог, спровоцированный Чёртом, в свой законный выходной день (воскресенье) — создал Геолога [45, с. 485—486].

Бог за неделю мир создал,
Естественно, слегка устал...
Хоть и не брал сообразительства,
Не просты были обстоятельства;

Чтоб завершить все раньше срока
(На хозрасчете был жестоком).
Кости ныли, голова болела,
И ломило, всё, буквально, тело.

В воскресенье, лежа на полатях,
Бог дремал, забыв о меньших братьях.
Чёрт, как водится, зашел без приглашения:
К этикету не питал он уваженья.

Черт нахально докучать стал деду,
Время уже близилось к обеду.
Был Господь ужасно раздражен,
Что пропал бесследно сладкий сон.

Чёрт хихикал над его работой,
Уверял, что нужно, чтобы кто-то
Смог понять творение земное,
Надо, чудо, мол, создать такое.

Бог взял от ишака терпение,
От верблюда горб и взял его умение,
Чтоб без воды и пищи обходиться,
Чтоб существо со всем могло мириться...

Собрав от всех оставшиеся крошки
Бог замесил все это в своей площадке.
Еще немного интеллекта
Туда вдохнул он для эффекта...

Собрав все эти компоненты,
Вышел Бог в апартаменты,
Но чёрт, своим привычкам верный,
Еще добавил всякой скверны

И, став соавтором творца,
Он стал создателем лица.
Нарекли лицо «Геолог»
(Якобы от всех осколок).

Он вечно будет чем-то обделенный,
Но своей работой увлечённый,
Ему родительский наказ
Прочитали, как приказ:

Чтобы шёл всегда вперед,
Имел зубов железных полон рот,
Чтоб украшал его гастрит,
Сопровождал радикулит.

Чтоб чёрта с Богом поминал.
И суть творения искал!

Марии Кирюшиной

Счастье я повсюду искала.
Далеко мне пришлось зайти!
Только чудом не потеряла
Я себя в бесконечном пути.

Купол неба, дыхание моря,
Гор нетронутая белизна,
Гул пурги, негасимые зори,
Рек неизвестных глубина —

Вы меня как свою встречали...
Стлался под ноги мягкий мох,
Ветры песни свои певали
На распутьях безвестных дорог...

Сколько горных озер встречалось,
Чистых, ясных, как детский взгляд!
Глубоко и легко дышалось
На просторах твоих, Земля!

*Татьяны
Полежаевой*

«Утро в полевом лагере» — реальная зарисовка [19, с. 472].

Едва умылось солнце в речке,
вода еще алым-ала.
Стряпуха топчется у печки,
начальник с рацией. Пошла
обычным курсом полевая
геологическая жизнь.
Студент, отчаянно зевая,
бредет к воде. Ему: «Держись»,
кричит ехидная Петровна,
«Не утони в расцвете лет...» —
«Да ну тебя!» — и он на бревна
валится в дреме — он поэт!
Всю ночь бродил он по тетради,
в лотке мыл не шлихи — слова,
а сон бессовестно в засаде
его дождался. Голова

чугунная. Вот бы сегодня
вдруг объявили выходной...
Геологиня — ножки в бродни
и строгим голосом: «Одной
идти в маршрут? Ну, нет,
не светит,
давай, вставай и торопись.
И вечером — не на рассвете,
скажу тебе я, спать ложись».
Последние распоряженья,
затяжка папироски впрок,
и начинается движенье
на юг, на запад, на восток.

Валерия Спирина

Он сочинил веселый стих о том, как ему приснилась руда... [19, с. 609].

ЧУДЕСНЫЙ СОН (Песня)

Чудесный сон приснился мне,
Я испытал волшебное мгновенье.
Приснилось мне, как в дальней стороне
Я отыскал свое месторождение.

Оно в краю, где пахнет черемшой,
Где обнажения росами умыты.
Ручьи звенят там громко, хорошо,
И кедрачи, как девушки, завиты.

Руду я видел, словно наяву,
Её ласкал, как женщину, руками,
С восторгом падал в буйную траву,
Документировал её стихами.

Руда приятно руку тяжелит
И стрелку гнет надежного прибора.
Успех пьянит и душу веселит
Да так, что сердце может лопнуть скоро.

Я образцы с волнением хранил
И говорил, собой вполне довольный:
— Вот всё, что мог, уже я совершил
И, значит, можно помирать спокойно.

Когда под утро сон мой отлетел,
Все стало сразу серым, маловатым
И небольшая мощность рудных тел,
И содержание слишком небогатым.

КТО ОН?

Он живёт не очень сладко,
Вместо дома — лишь палатка,
Вкладыш вместо простыней,
Ну, и дождик на семь дней.

Ездит в мягком он вагоне,
А в маршруте только кони
И еда без поваров
Да сто тысяч комаров.

Веселится он не в меру,
Лечит насморк, как холеру.
Пьёт коньяк «Наполеон»
Может и одеколон.

Дикими лесами бродит.
Иногда кой-что находит.
Раз принёс руды осколок.
Кто же он такой?... — геолог!

ПОЛЕВЫЕ РАЗДУМЬЯ В ДОЖДЛИВЫЙ ДЕНЬ

Ах, эта ЛОРА — порфировый тип!
База на сопке открытой стоит,
На абсолютной отметке шестьсот.
Ветер свирепый туманы несёт.

В бухту, что Бабушкиною называют,
Кудри седых облаков заплывают,
И, выползая за бухты пределы,
Быстро скрывают водоразделы...

Солнечным днём здесь тепло и уютно.
Мы на канавы бежим рано утром.
Медь с молибденом в рудах лежит —
Надо скорее найти диорит.

Вот диориты фазы второй,
Вкрапленность в них называют рудой —
Медную зелень, халькопирит,
Тонкопластинчатый молибденит.

Есть минералогу в чём покопаться,
В ассоциациях поразобратся.
Если срослись турмалин-мусковит,
Грейзены здесь рассекают гранит.

Бурый по трещинкам там лимонит —
Это окисленный бывший пирит,
А эпидот, понимаем мы сразу,
Развит вторично, по плагиоклазу.

Моем шлихи и берём образцы.
Быстро, как лайнер, время летит.
Склон у реки заалел иван-чаем,
Значит, мы скоро работу кончаем.

В этих краях есть такая примета,
Что он цветёт к окончанию лета.
Птицы отправятся в дальний полёт...
В баки горючку зальёт вертолёт...

Ну, а пока проливные дожди,
Печку затопишь и солнышка жди.
Ветер по стланику мокрому бьётся,
Ни комара и ни мошки не вьётся.

Нели Величко

Бесхитростная грустная лирика геологини в связи с дождями в Горной Шории [61, с. 92].

Грустно на сердце и тревожно,
Дождь идет третий день подряд.
При настрое моем дорожном,
На палатки глаза не глядят.

Я люблю тебя очень, природа!
И тебя, горношорская даль!
Только вот сырая погода
Вдруг повергла меня в печаль.

То ли дело прошедший месяц!..
Каждый день — словно в бой маршрут.
Лишь подход километров десять,
Зной, мошка, образцы «не идут»...

Словно я ощутила, что где-то,
Кто-то ждет или ищет меня.
И, тоскуя, следит до рассвета
Бег звезды у ночного огня.

Зато вечером поздно в лагерь,
Возвратясь после трудного дня,
Остро чувствовать — лучше не надо
И не может быть для меня.

*Татьяны
Гутниковой*

Постаревшая геологиня вспоминает о своей полевой молодости на Тимане [1, с. 149].

Мы на Тиман, друзья, пришли
Умней намного и моложе,
И то, что мы тогда нашли,
Теперь уже едва ли сможем...

Прошло немало лет и зим...
Пошли по рельсам рудовозы...
Как хорошо мы здесь сидим
И улыбаемся сквозь слезы...

Пусть шли дожди, мели снега —
Наверно, счастливы мы были,
И стены нашего балка
Тепло и верность нам хранили...

Не зря мы верили тогда,
Что из метели и тумана
К Ухте отправят поезда
С бокситом Среднего Тимана.

О чем мы спорили порой,
Как у огня мы песни пели...
С тех пор гитарною струной
В тайге весной звенят капли...

И кем ты был, и кем ты стал,
Конечно, тоже много значит,
Но если б нас Тиман позвал,
Нам снова выпала б удача...

И помнит нас с тех пор река,
И мы едва ль поверим сами,
Но нашими зовет тайга
Нас молодыми голосами...

Пусть вспоминает нас тайга,
Зеленым шумом здесь встречая.
Пусть мы теперь грустим слегка,
Мы — ни о чем не забываем.

*Ирины
Запорожцевой*

Геофизик Ирина Запорожцева с нежностью вспоминает о лошадях — в наступившую эпоху вездеходов... [41, с. 190].

Кони, кони, лошади,
Воронье, сивые,
Были у геологов
Вы незаменимые.

Пена, как от пива,
На крутых боках,
На промокших гривах
Пламенел закат.

Не с ногами тонкими
И точёной мордой —
Просто лошаденки
Никакой породы.

Те, что уйму клади
На себе носили.
Те, что в тундре падали,
Сразу обессилев.

Не поднять и плетью,
Никакой силою.
Тихо, как последнее:
«Выручайте, милые».

Кони выручали,
Шли, шатаясь, к броду,
По уши влезали
В ледяную воду...

А теперь гоняем
В тундре вездеходы.
Только вспоминаем
Ласковые морды.

5.4.5. Разное о многом

Радость новой работы • «Я жизнь люблю...» • «Мой Север! Не покинь меня!» • «Спит палатка, как утка дикая...» • «Мужские надеваю сапоги...» • «И птицы кричат не к добру» • Быт буровиков • Валерий Дмитриевский о профессии • Четвертая женщина Петра Драверта • Евгений Мархинин — подражание Гайавате • Костёр • Маршрут через горелый лес • Чувство юмора Валерия Спирина • «К молоднице на перину...» • Сон Василия Терещенкова • Два хороших стихотворения Музы Раменской • Хорошие геологические песни • Саянская лирическая • Лев Фирсов о Желтом Дьяволе • Портрет геолога • Фатализм геолога

*Радость новой
работы*

Николай Юшкин о радости новых открытий [72, с. 108—109].

Вообще, Новая Земля — это один из немногих районов, где постоянно встречаешь что-то неизвестное, постоянно испытываешь радостное чувство первооткрывателя. Взять хотя бы тот же флюорит. Как интересно и захватывающе проследить по высыпкам, по обломкам, по небольшим обнажениям никому ранее не известную зону, с каждым новым шагом убеждаясь, что зона большая, тянется далеко, флюорит хороший! Или кругами бегать по горушкам вокруг галенит-сфалеритовой россыпи, высматривая, куда же делась рудная залежь, и вновь «защепиться» за неё за соседним болотцем!

«Я жизнь люблю...»

Геолог Виктор Охрименко рассказывает, за что он любит жизнь. Стихи нам показались хорошими, но резанула фальшью последняя строфа — явно лишняя [45, с. 343].

Я ЖИЗНЬ ЛЮБЛЮ

Я жизнь люблю за дальнюю дорогу,
Зовущую сквозь грозы и сквозь тьму,
Ведущую от отчего порога,
Но снова приводящую к нему.
Я жизнь люблю за ритм и гул вокзалов,
За рев турбин и перестук колес,
За реки полноводные и скалы,
За нежность и приветливость берез.
Я жизнь люблю за вечность и мгновенья,
За шепот трав, за синеватый снег,
За таинства ее и откровения,
За грусть осеннюю и за весенний смех.

Я жизнь люблю за промахи и мудрость,
За поиск истины порой в кромешной мгле,
За седину веков и нашу юность,
За все прекрасное на Матушке-Земле.
Но жизнь отдам лишь за одно мгновенье,
За то, чтоб не снимая рюкзака,
Перед Россией преклонив колени,
Ее воды испить из родника.

*«Мой Север!
Не покинь меня!»*

Новосибирская минералогиня-алмазница Лю
(Людмила Похиленко) скучает не в поле [35, с. 6].

СЕВЕРУ

Ах, мой далекий, мой желанный,
Суровый, нежный, добрый друг!
Как это странно, это странно —
Расстаться вдруг. Расстаться вдруг.
Но всходит солнце над палаткой,
Гремя, садится вертолет,
Я улетаю в мир свой шаткий
На целый год. На целый год.
Там будут дни, там будут ночи
Полны любви, полны проказ,
Но этот мир — такой порочный! —
Он не для нас. Нет, не для нас.

Скучны, однообразны речи
Моих друзей, моих орлов,
Приходит вечер бессердечный,
И нет ни песен, ни костров.
Но ближе теплая погодка
И ближе ты день ото дня!
Где мой рюкзак?!
Где моя лодка?!
Мой Север! Не покинь меня!

*«Спит палатка,
как утка дикая...»*

Елена Петрова, вероятно, впервые в русской поэзии
сравнила палатку с дикой уткой и рассказала о вет-
ре, огорченном своим поражением в борьбе с па-
латкой... [45, с. 360].

ПАЛАТКА И ВЕТЕР

Стынет ночь на тропинке белой.
Бродит в осыпях шепоток.
Ветер выдохся, ошалелый,
У палатки в снежок прилег.

Посчитал он её за перышко,
Днем и ночью старался зря.
Но держали палатку колышки,
Как пудовые якоря.

Он трубил и юлил, и плакался,
Ураганами угрожал.
У себя он спросил на траверсе —
Кто же верх над ним одержал!
Дали жару ему ребята!
Ветру души их неясны.

Спят, должно быть, в мешках мохнатых,
Выбирают по вкусу сны.
На рассвете на снежник выбегут,
Вся земля им — и двор, и дом!
Спит палатка, как утка дикая.
Спят птенцы под ее крылом.

*«Мужские надеваю
сапоги...»*

Открывательница первой алмазной трубки «Зарница», знаменитая Лариса Попугаева — оказывается, мечтала стать слабой женщиной... [45, с. 336].

Я живу в палатке,
 как мужчина,
Мужские надеваю сапоги.
На них комками налипают
 глина,
От них в воде
 расходятся круги.
Я тихий камень трогаю руками,
Когда тайга под ливнями гудит,
И говорят геологи,
 что камень,
Такой же камень
 у меня в груди.

Как на ветру сосна,
 я в напряжении,
Мне нелегко мужчинам
 быть под стать,
Как хочется,
 хотя бы на мгновенье,
К тебе припасть
И снова слабой стать.

*«И птицы кричат
не к добру»*

Елена Похвистнева на Памире: одна, под вечер [19, с. 515].

И конь утомлен.
И темнеют вершины.
Нас не встречают опять.
Оборваны тропы.
И горы пустынно.
И дров для костра не собрать.

А острые камни и скользящие, и шатки.
И птицы кричат не к добру.
И мечутся тучи.
И нашу палатку
Я ставлю одна на ветру.

Быт буровиков

Хорошая и точная зарисовка Аркадия Александрова [19, с. 8].

Отсыревала рубаха от пота,
Сапоги — от болотной грязи,
Жрать охота и спать охота,
Да и бабу увидеть вблизи.

Тарахтит буровая привычно,
Комаров седоватый туман...
Позабыли о жизни мы личной,
Больше метров — и выполнить план!

В редкий вечер заветный бочонок
Разрешу мужикам распочать,
И за наших далеких девчонок
Мы планету решим раскатать.

Мужики мы простые — не боги,
Трудно душу свою вынимать...
Геология... геология...
Геология, эх, твою мать!

Мы работой душили тоску,
Водкой душу свою глушили,
Сердце жеваный драный лоскут
Белой ниткой терпенья зашили.

*Валерий Дмитриев-
ский о профессии*

О профессии геолога, влюбленного в «свои севера»
[19, с. 167].

ПОСОШОК

Вот настала и мне
возвращения пора
к запоздалой весне
на свои севера.

Не забыть синих гор,
где брусника сладка,
а в ладонях озёр
тихо спят облака,

Там гуляют сиги
под невидимым льдом,
Там у края тайги
я построил свой дом.

где маршрутом прошёл
не один перевал
и навеки душой
к ним себя приковал.

Я забыть не смогу,
чем меня ни влеки,
как горят на снегу
золотые жарки,

Эти цепи не рву
и свободы не жду,
потому что живу
сам с собою в ладу.

как звонят вечера
в голубой окоём
и плывёт дым костра
над хрустальным ручьём.

Лишь напомнит вино,
ударяя в виски,
что когда-то давно
был и я городским...

2000—2001

*Четвертая
женщина Петра
Драверта*

Забавный стишок, показывающий, кого на самом
деле любит геолог-полевик [45, с. 152].

ЧЕТЫРЕ

Одна мне сказала так ясно и чётко,
Прощаясь надолго со мной:
«Я вас не забуду — и жду самородка
С верховьев Реки Золотой».
Другая, желая в дороге успехов,
Держа мою руку в своей,

Напомнила, чтобы кедровых орехов
Привез я на праздники ей.
А третья, волнуясь неотданной силой,
В глазах обещанье тая,
Шепнула: «Скорей возвращайся, мой милый,
И буду я только твоя»...

Я встретил четвертую... Россыпь хрустела,
Брусника меж кедров цвела...
Она ничего от меня не хотела.
Но самой желанной была.

*Евгений Мархинин — подражание
Гайавате*

Вулканолог Евгений Мархинин, обнаруживший аминокислоты в пепле камчатских вулканов, создал чудесное подражание Гайавате, с очень точным описанием вулканических процессов [19, с. 405—406].

КАМЧАТСКИЕ МОТИВЫ

Подождав, когда утихнет грохот,
Я спросил у Лавы Раскаленной:
«Расскажи мне, Лавовая Речка,
О великих таинствах Планеты».

Отвечала Лавовая Речка,
Тяжело дыша кузнечным жаром:
«Я тебе свои открою тайны.
Обещай, что будешь ты правдивым».

Я спросил у Бледной Фумаролы,
Пеленавшей тело едким паром:
«Почему паришь ты постоянно,
Осаждая белые возгоны?»

Отвечала томно Фумарола,
Воспаряясь белыми клубами:
«Я тебе свои открою тайны.
Обещай, что будешь ты правдивым».

Я спросил у Быстрой Гидротермы,
Чья струя кислей, чем сок лимона:
«Как базальт ты в глину превращаешь,
По ущелью прыгая проворно?»

Рассмеялась звонко ртом горячим
И игриво брызгами плеснула:
«Я тебе свои открою тайны.
Обещай, что будешь ты правдивым».

«Расскажи мне, Горная Порода, —
Попросил я, подойдя к откосу, —
Кто твои родители, откуда?
Как возникла ты на этом месте?»

И сказала Горная Порода,
Покраснев, должно быть, от смущенья:
«Я тебе свои открою тайны.
Обещай, что будешь ты правдивым».

Обещал я Раскаленной Лаве,
Обещал я Бледной Фумароле,
Обещал я Быстрой Гидротерме,
Обещал я Каменной Породе
Написать по их рассказам книги,
Рассказать о тайнах их правдиво.

Из реально-сказочного мира
Я черпал идеи, мысли, факты.
Старый друг-валун базальта — Ваба,
Андезитовая галька — Анга
И веселые песчинки — Пепчи
Доверяли мне свои секреты.

В той стране — Стране Больших Вулканов,
Точных Фактов и Воображенья,
В жерлах огнедышащих вулканов,
В яростном огне их извержений
Обнаружил я истоки жизни.

Парадокс, но факт. Я это знаю:
Ниточка, ведущая к началу
Очень сложных жизненных явлений,
А в конечном счете к нашим мыслям,
Возникает в туче пепла, газов,
Мощных электрических разрядов.
Ведь вулкан — химический реактор.

Костёр

Сколько вдохновенных строк было посвящено костру! Стих Романа Матвеевко — пожалуй, из числа самых лучших [19, с. 414].

КОСТЕР

Горит костер, и дым голубоватый
Уходит в лес и словно тает в нём.
А мы сидим на хвое сыроватой,
Любуемся пылающим огнем.

И вспоминаешь дней минувших встречи,
Своих друзей, знакомых и родных,
Последних дней события и речи,
По-новому осмысливая их.

Горит костер. Трещат дрова сухие.
Объят огнем чумазый котелок.
Взлетают с дымом искры золотые
И, угасая, падают на мох.

А ты глядишь на них в забвенье сладком,
Таежным чистым воздухом дыша,
И очищается от горького осадка
Житейских дряг и суеты душа.

Горит костёр, и тихо над тайгою
Плывет луна в небесной глубине,
Дым тянется к ней лентой голубою,
Вершины елей дремлют в тишине.

А ты лежишь на жесткой колыбели,
О чём-то шепчет речка за спиной,
И чистым сном без всяких сновидений
Ночь опускает крылья над тобой.

Горит костёр, и огненные блики
Играют в прятки на речной волне.
И кажется, заснул весь мир великий
В каком-то чудном и прекрасном сне.

Маршрут через горелый лес

Превосходная зарисовка Эрнста Портнягина.
Всё — чистая правда! [19, с. 507].

ГОРЕЛЬНИК

Считаю шаги, считаю...
Лес прогорел давно,
я заново с ним сгораю —
от сажи в глазах темно.

Маршрутная нить совпала
с редкою сухотой,
с мертвою зоной пала,
спичечную тайгой.

Над головою хаос,
навал скрипучих лесин,
я под ним задыхаюсь,
сражаюсь полсуток с ним.

Вишу на сучках распятый,
с треском срываюсь вниз.
Вновь надо мной проклятый
обуглившийся карниз.

Считаю шаги, иначе
лагеря не найти,
черной слезою плачу...
Боже, меня прости

за все слова... Многоточьем
редактор заменит их.
Энцефалитка — в ключья,
пшик — от сапог моих.

До жизни шаги считаю...
Шелест... Прохлада... Ручей...
Я падаю, оживаю
в объятьях живых ветвей.

«К молодежи
на перину...»

Как геолог Валентин Литвинов в отсутствие вертолётчика мечтал, чтобы над ним пролетали не гуси, но аисты! [45, с. 280—281].

На далеком Нерчугане,
как рыбешки на кукане,
мы сидели
 в черном теле:
нас не вывез
 вертолет.
Хуже нету для артели,
если люди
 не при деле:
ожиданье и безделье
хоть кого
 по нервам бьет.
На пустынном Нерчугане
мы сидели, как в капкане,
нет ни сахара, ни хлеба,
в общем — кислые дела.
Всё выслушивали небо
и надеялись нелепо.
Мы бы не были
 так слепы,
если б рация была.
Как-то раз
 на той неделе
гуси-лебеди летели.
Я молил их:
*«Опуститесь,
Нас преследует Яга!»* —

А они:
*«Признали волка!
У тебя в руках двустволка,
Да и в суп
Попасть не долго!»*
И смеялись: *Га-га-га...*
Было б проще, в самом деле,
если б
 аисты летели.
Я бы «выкинул коленце»
(что заросший — не беда):
обвернулся полотенцем
и прикинулся
 младенцем.
А известно, что младенцев
носят аисты
 всегда.
И меня бы
 эти птицы
притащили к молодежи
на родную Украину,
без вещичек, налегке.
К молодежи на перину
вместо дитятки —
 детину!...
Жаль, несбыточна картина:
нету аистов в тайге.

Сон Василия
Терещенкова

Как геологу приснился горный маршрут на Становом хребте [19, с. 646].

Гольцы, упершиеся в тучи,
Мне стали сниться по ночам.
Я лезу вновь на эти кручи,
Ругая хилого бича,

Что приотстал и тяжело дышит,
Как полузагнанный лошак.
А склон все круче, горы выше,
Восторгом полнится душа.

И горизонт, как милой очи,
Ласкает чистой синевой,
А ветер плачет и хохочет,
В хребет врезаюсь Становой.

Гуляют солнечные блики
В острияязыких ледниках.
Наш путь — к свершениям великим,
К вершинам, скрытым в облаках.

Предвосхищением полета
Уже наполнен каждый нерв,
И вдруг — обрыв, железный клетот...
Я просыпаюсь в Бичуре,
Бью по будильнику с размаху,
Злясь на железного орла,
И отправляюсь, как на плаху,
Творить привычные дела.

Два хороших стихотворения Музы Раменской [12, с. 315—316].

ВОЗВРАЩЕНИЕ В ЭВЕНКИЮ

Снова в эти края холодные возвращаюсь... В который раз!
Чахлый лес, да кусты болотные — нет простора для сердца и глаз.
Увидать бы опушку кудрявую, клена лист поддержать в руках,
По лугам с высокими травами пробежать, утопая в цветах,
Или к волнам прохладным, ласковым, обжигаясь, сойти по песку...
Только в эту минуту сладкую я почувствую вдруг тоску.
И опять мне туда захочется — в край ступенчатых синих гор,
Где цветные белые ночи, где порою встречает взор
Лишь покрытые гарью склоны да болота со всех сторон,
Где преследует неуклонно комариный тоненький звон...
Теплоход «Байкал», май 1966.

ВОСПОМИНАНИЕ О ТУВЕ

Не забыть этот миг усталый,	Но — живое, залитое солнцем,
Когда, кончив путь среди скал,	В синих пятнах от облаков
Ты увидишь вдруг с перевала,	И с волнами на горизонте
Что на карте прежде видал,	Из долин и острых хребтов.

1991

Хорошие геологические песни [19, с. 383—390].

КОСТЕР

Я смотрю на костер догорающий.	Иль под солнцем безжалостным маешься
Гаснет розовый отблеск огня.	Где-нибудь в казахстанской степи?
После трудного дня спят товарищи...	Запорошена пылью дорожную
Почему среди них нет тебя?	В сотнях верст от жилья в стороне,
Где теперь ты по свету скитаешься	Может, ночь коротаешь тревожную
С молотком, с рюкзаком за спиной	И не думаешь ты обо мне.
И в какую сторонку заброшена	И не знаешь, как часто ночами я
Ты бродячею нашей судьбой?	Пододвинувшись ближе к огню,
Может быть, по тайге пробираешься,	Как, с тоскою тебя вспоминая,
По колено уязнув в топи	Эту грустную песню пою...

ЗАКУРИ

Закури, дорогой, закури.
Завтра утром с восходом зари
Ты уйдешь по тайге опять
Молибдена руду искать.
Вдалеке от людей будешь жить,
По тайге месяцами бродить
Через льды, через топи болот
Путь-дорожка твоя пройдет.
Сквозь палящее солнце и зной
Может, ляжет твой путь трудовой

Или будет пурга, может быть,
Над тобою без усталости выть.
У берез пожелтела листва.
По утрам замерзает вода.
Значит, время пришло опять
Нам обратно в Москву улетать.
Жизнь геолога, словно вода:
Пролетят незаметно года.
Только жить начинаешь сполна,
На висках уж блестит седина.

ИДУТ ДОЖДИ

Музыка А. Дулова. Слова И. Жданова

Сырая тяжесть сапога,
Роса на карабине,
Кругом тайга, одна тайга
И мы посередине.
Письма не жди, письма не жди,
Дороги опустели,
Идут дожди, одни дожди
Четвертую неделю.

И десять лет, и тридцать лет
Им нет конца и края...
Олений след, медвежий след
Вдоль берега петляет.

КОНЧИМ ВУЗ

Кончим вуз — по городам, селеньям
Разлетится вся наша семья.
Ты уедешь к северным оленям,
В жаркий Туркестан уеду я.

Вспомню лес и голубую речку,
Но, поддавшись требованью лет,
Полюблю красавицу-узбечку,
А тебя полюбит самоед.

Не придешь с веселою улыбкой
К хороводу солнечных берез,
И шумливый ветер у калитки
Не развеет пепельных волос.

Тяжело, любимая, но что же?
Вскинь свою нахмуренную бровь:
Наше дело общее дороже,
Чем любая пылкая любовь.

Я тебе в предутреннюю свежесть
Поцелуй прощальный передам,
А потом любовь и эту нежность
Уложу в дорожный чемодан.

(вместо второго раза:)
Наше дело общее дороже,
Чем любая частная любовь.

Уложивши, чувства взбудоражу.
Мне тебя захочется обнять.
Только я с лирической поклажей
Чемодан не стану открывать.

АСПИРАНТУРА

Жил один студент на факультете.
О карьере личной он мечтал.
О карьере личной, о жене столичной,
Но в аспирантуру не попал.

Если не попал в аспирантуру,
Собери свой тощий чемодан,
Поцелуй мамашу, обними папашу
И бери билет на Магадан.

Путь до Магадана недалекий —
За полгода поезд довезет.
Сколоти хибару, заведи гитару
И начни подсчитывать доход.

Хороши цветочки в Магадане,
Еще лучше девушки в Москве.
Потому женою запасись заранее,
А не то повесишься в тоске.

Годы жизни быстро пронесутся.
Молодость останется в снегах.
Инженером старым с чемоданом толстым
Ты домой вернешься при деньгах.

Но никто не встретит на перроне,
И жена не выйдет на вокзал.
С лейтенантом юным по пути сбежала.
Он теперь, наверно, генерал.

Ты такси возьмешь до Метрополя,
Будешь пить коньяк и шпроты жрать.
А когда с полночи пьяным будешь очень,
То начнешь студентов угощать.

Будешь плакать пьяными слезами
И стихи Есенина читать,
Вспоминать студентку с синими глазами,
Что могла твоей женою стать.

Жизнь прошла, как в голубом тумане.
Не вернется молодость назад.
Не согреешь душу дорогим регланом,
Седины не скроешь на висках.

МЕЗОЗОЙСКАЯ КУЛЬТУРА

Помнишь мезозойскую культуру?
У костра сидели мы с тобой.
Ты мою изодранную шкуру
Зашивала каменной иглой.
Я сидел невымытый и небритый,
Нечленораздельно бормотал.
В этот день топор из неолита
Я на хобот мамонта сменял.

Припев: Жрать захочешь — приди
И в пещеру войди,
Хобот мамонта вместе сжуем.
Наши зубы остры
Не погаснут костры.
До утра посидим мы вдвоем.

Ты иглой орудовала рьяно,
Не сводя с меня мохнатых век.
Ты была уже не обезьяна,
Но, увы, еще не человек.

Припев:

И с тех пор я часто вспоминаю
Холодок базальтовой скалы
И слегка покрытые загаром
Ноги волосатые твои.

Припев:

ПО ТУНДРЕ

*Песня использована Э. Рязановым
в кинофильме «Небеса обетованные»*

Это было весною, торжествующим маем,
Когда тундра надела свой зеленый наряд.
Мы бежали с тобою, опасаясь погони,
Чтобы нас не достигнул автомата заряд.

По тундре,

По широкой дороге,
Где мчится скорый
Воркута-Ленинград.

Дождик капал на рыло и на дуло нагана.
Вохра нас окружила. «Руки вверх!» — говорят.
Но они просчитались: окружение пробито.
Нас уже не достигнет автомата заряд.
Мы теперь на свободе, о которой мечтали,
О которой так много в лагерях говорят.
По тундре, по широкой дороге,
Где мчится скорый Воркута-Ленинград.

КАК ТУРЕЦКАЯ САБЛЯ, ТВОЙ СТАН

Как турецкая сабля, твой стан,
Рот — рубин раскаленный.
Если б был я турецкий султан,
Я бы взял тебя в жены.

В косы жемчуг тебе бы я вплел —
Пусть завидуют люди.
Я бы сердце тебе преподнес
На эмалевом блюде...

Что ж задумалась ты и молчишь,
Носом трешь штукатурку,
А сама потихоньку, как мышь,
Ночью бегаешь к турку?

Он, проклятый турецкий шайтан,
Жулик, трус и невежа.
Девять дней я точу ятаган,
На десятый зарезу!

*Саянская
лирическая*

Известен первоисточник этой песни — её сочинили геологи-уранщики из «Ферганской экспедиции» ВИМСа в 1950 г. [19, с. 339].

Ю. Б. Лавренёв, Я. Н. Лубянский, А. С. Павленко

САЯНСКАЯ ЛИРИЧЕСКАЯ

Раз в московском кабаке сидели,
Юрий Лавренёв туда попал.
И когда порядком окосели,
Он нас в Фергану²⁰ завербовал.

В края далёкие, гольцы высокие,
Где лишь Макар с хайныками бродит.
Без вин, без курева, житья культурного,
Искать стране альбит и анорит²¹.

²⁰ Фергана — Ферганская экспедиция Всесоюзного научно-исследовательского института минерального сырья (ВИМС), проводившая поиски урана в 1950 году в Восточных Саянах.

²¹ «Альбит» — уран, «анорит» — торит.

В тех гольцах высоких долго жили,
Ели мы почти что каждый день.
Прохаря и шкары мы сносили,
А ходить в маршруты было лень.

И хоть с «шестёрками»²² хиляли долго мы
По тропам тем, где гибнут рысаки,
Хиляли пьяные через дабаны мы
И ничего, конечно, не нашли.

*Лев Фирсов
о Желтом Дьяволе*

Кончился сезон, конец работы,
Мы ещё не выполнили план.
А заместо всяческих отчётов
Мы сложили песню про Саян.

Про край далёкий тот с его красотами,
Про тропы те, где гибнут рысаки.
К вину и куреву, житью культурному,
Зачем забрал, начальник, отпусти.

Колымский геолог о россыпном золоте [30, с. 86].

ЗА ЖЁЛТЫМ ДЬЯВОЛОМ (из колымского цикла)

Мачты лиственниц — вдоль по увалу.
В поймах рек — тополёвые свечи.
День за днём, от привала к привалу
Лямки давят гудящие плечи.

Непрерывь комариного зуда,
В кровь расчёсана шея от яда,
Но шагаешь, как робот, покуда
Не иссякнут амперы заряда.

Эй, романтики дальних скитаний!
Как вам нравится эта работа?
Допоздна от предутренней рани —
По тайге, по горам, по болотам.

Молотком сокрушая породу,
Тишь кромсая брусом аммонала,
Проклинаешь себя и природу,
И ничтожные блёстки металла.

На коленях у речки, в поклоне
Смоешь груды песка через силу —
Вот тогда засияет в ладони
Жёлтый дьявол, подобно светилу.

У костра, под развезданным небом,
В самом центре безлюдного края
Пробавляешься каменным хлебом,
Котелком голубичного чая.

А наутро... опять вдоль увала,
Где кедровый кудрявится стланик,
Начинаешь тропить всё сначала,
Будто ты — очарованный странник.

Фатализм геолога

Евгений Аксаментов утверждает, что карьера каждого из нас уже была predetermined (кем?) — а нам на жизненном пути надобно не дергаться, а всего лишь «вести себя достойно» [4, с. 313].

²² «Шестёрка» — полевой радиометр ПР-6.

О вечном

Вступая в жизнь и становясь на ноги,
Мы выбираем, вроде бы дороги.
Но это всё иллюзия, обман,
Нам каждому заране жребий дан.

Известно всем, река шутить не любит,
Другого рядом с берегом погубит,
А тот, хоть исцарапанный вполне
Пока еще болтается в волне.

Давным-давно составлены скрижали,
И нас давно уж в этом мире ждали.
Вся наша жизнь проточный водоем,
А мы лишь по течению плывем.

Мой милый друг, веди себя достойно
И не гордись, что ты плывешь спокойно,
Река вдруг совершает поворот
И попадаешь ты в водоворот.

Река то разольется в мирном плесе,
То в пенных брызгах бьется об утесы,
Иной пловец то в омут попадет,
То пузом дно царапает, где брод.

Бывает нелегко определиться
Когда к какому берегу прибьешься,
Но вовсе непростой императив
Упрямо плыть теченью супротив.

5.5. Лирика в ненастную пору

5.5.1. Ненастная лирика Валерия Лихачева

Концерт по заявкам • Дождь

*Концерт
по заявкам*

Чайковский в сырой тайге — чудесная зарисовка
[19, с. 372—373].

Седой глухоманью дороги легли
По рекам взъяренным, трясиною шаткой.
И если есть где-нибудь край у земли,
То прямо за нашу ветхую палаткой.

У низкого входа запнулся и сел,
Прилипла рубашка намокшая к коже.
Из синей лощины полез по росе
Туман бородатый, зевая и ежась.

За лето замаялась прорва дождя
Точить надоедливо длинные лясы.
Лопаты от холода стали дрожать,
Тихонько зубами железными лязгать.

Закашлял костер, словно тоже простыл,
И дым по низине распрыгался зайцем.
Зажмурясь, придвинулись ближе кусты
К огню протянуть заскорузлые пальцы.

С приёмником возится друг, вечера
Занятием этим в тайге коротая.
А хлопья тумана висят у костра,
Висят неподвижно, упрямо, не тая.

Нацелился мозглый таежный оскал.
Молчанье. Но вдруг до сознания доходит:
«По вашим заявкам... Чайковский... Москва...» —
И звуки до боли знакомых мелодий.

Озябшие сосны собрались гурьбой,
Поближе придвинулись, чтобы расслышать,
И, робко склоняясь над моей головой,
Тихонечко тренькают серьгами шишек.

И скрипкой блеснул в темноте молоток,
Удобными креслами стали коряги,
Туман невесомым парным молоком
Наполнить потек опустелые фляги.

Мелодия льётся над древней тайгой,
Угрюмую ночь разрывает, смелея.
В краю замерзающем, в пойме сырой
От звуков тех стало немного теплее.

1959

Дождь

Валерий Лихачев даже дождю в тайге рад! [19, с. 374]. Но это, наверное, потому, что — не в маршруте...

ДОЖДЬ

Шел тайгой да кочками,
Зябким ветром дул,
Ниточки-шнурочки
За собой тянул.

В телогрейке, слатанной
Из медвежьих шкур,
Он перед палатками
Сделал перекур,

Привязал он облако,
Как эвенк коня,
За сосну, что около
Кряжистого пня.

Подошел он, крадучись —
Наяву ль, во сне? —
К горю или к радости
Подошел ко мне.

Долгий, неторопкий
Надо мной стоял,
Мне к таежным тропкам
Сердце привязал.

К непролазным, путаным,
Как клубок тревог,
К далям перламутровым,
К холоду дорог.

И ушёл. И радугой
Где-то проплясал,
К горю или к радости —
Я не знаю сам...

1961

5.5.2. Разное о непогоде

Преферанс в непогоду • Авторское-4: покер в непогоду • Юмор
Олега Тарутина • Сто шестой комар • Всемирный потоп • Снег в июне •
Тайга после грозы

*Преферанс
в непогоду*

Преферанс в непогоду — стих Игоря Грамберга (будущего академика...). Это как бы парафраз к моему «Норду». Только у нас был покер, а у них — преферанс...[19, с. 139].

НЕПОГОДА

Трое суток снег и ветер
Напевают свой романс,
Мы втроем на этом свете:
Вьюга, мы и преферанс.

С каждым часом ветер круче,
У палатки словно тик,
Мы плюем на эти штучки
И играем «восемь пик»!

Вот, встряхнув палатки тело,
На минутку стал слабей,
Ну, а нам какое дело —
На повестке «семь бубей»!

Пусть бушует ветер шквальный,
Снег стучит со всех сторон,
Мы в мешок залезем спальный,
В наш собачий бастион.

Мы — кремнёвая порода,
Хоть совсем немного нас,
Просидим в мешках полгода,
Но погода скажет: пас!

Авторское-4: покер в непогоду

НОРД

(Пай-Хой, август-1977)

Опять взревел свирепый Норд,
С палаток тенты злобно рвёт,
В напоре яростном он лют,
Норов его суров и крут.

Но не боимся мы Норда!
Ползем в маршрутец, как всегда,
Вкруг печки вечером сидим
И в покер весело *балдим*.

Мы карты *ложим* (не кладём!),
Брать взятки можем (и берём!)
И хорошо нам среди друзей
Под посвист всяческих нордей.

*Юмор
Олега
Тарутина*

Чудесная попытка отнестись с юмором к изнуряющему дождю... [19, с. 632]. Как будто, никто ещё в русской поэзии не догадался сравнить дождливое небо... с половой тряпкой!

1

Что разлука?
За нею встреча.
Что тоска?
Она преходяща...
Только дождь этот сизый вечен
над землю этой пропащей.

Над болотами, над отрогом,
серым деревом, серым камнем...
Уползаю в свою берлогу,
в отсыревшем мешке, как в яме,
замираю.

Солнце не выйдет,
не заглянет лучиком в душу.
Ничего мне уже не видеть,
кроме тряпки этой разбухшей.
Ничего мне не слышать,
кроме мертвых капель, тупого стука...

Это сказки, что мир огромен,
что он полон света и звуков.
Мир — вот этот брезент заплечный,
над которым закисла вечность.

2

Небо — тряпка половая.
Жмут её четыре дня.
Хоть бы молния какая
угораздила в меня!

Хоть бы высушила сразу
желтой вольтовой дугой...
Стать бы рыбой круглоглазой
с красной жаброй за щекой.

Воду гнать сквозь жабу эту,
плавниками поводя...
Затонувшую планету
обживать под стук дождя.

1962

Сто шестой комар

Как Николай Яншин в дождь писал письмо любимой и ... считал садящихся на него комаров [45, с. 541—542].

Погоды не дожждаться
Дожди, дожди, дожди...
А мне кричат по рации
Надейся, мол, и жди.

И я сажу не вякаю,
Комариков ловлю,
В конвертик запечатаю,
Любимой отошлю.

Мне б знать, какие модны.
Могу послать любых —
Хоть сытых, хоть голодных,
Хоть толстых, хоть худых!

Расцветки замечательной,
Хоть в клеточку, хоть без...
Сто первый любознательный
Опять в ноздрю полез.

Чихаю для порядку,
Мотаю головой,
А следом на посадку
Заходит сто второй.

Сто третий, сто четвертый,
Сто пятый, сто шестой...
И всяк иного сорта,
И всяк совсем другой!

Погоды не дожждаться,
Дожди, дожди, дожди...
А мне кричат по рации,
Надейся, мол, и жди.

Всемирный потоп

Внезапно упавший туман в горах родил у Владимира Шабашева замечательное сравнение с картиной Всемирного Потопа [19, с. 746].

ТУМАН В ГОРАХ

Опустился в долину туман,
По распадкам расползся, и вскоре
То ли новый возник океан,
То ль вернулось кембрийское море.

И на месте таежной реки
И хребта с его пышным убранством
Только бывших вершин островки
Возвышались над водным пространством.

Распростерлось оно от меня
В трех шагах, а быть может, и ближе.
И казалось, единственный я
Из всего человечества выжил.

Точно так вот, наверно, Земля
Будет выглядеть после потопа,
Когда воды затопят поля
И в пучине исчезнет Европа.

Снег в июне

Как с тоски от безделья спиваются геологи: свидетельство Глеба Горбовского [19, с. 100—101]. Впрочем, в поле пить-то нечего... Откуда он достал бутылку?

В душе свила гнездо тревога —
который месяц нет письма.
И так-то праздников немного,
а тут опять — всю зиму!

Опять по горло завалило
тяжелым снегом наш июнь.
В лицо — зима. Тревога — с тылу.

И вот уж кто-то шепчет: плюнь
на всё — на письма, на былое,
и на работу плюнь свою ...
Костры становятся золою,
а птицы ночью не поют.

Открой проклятую бутылку,
и — точно ломом по затылку!

Тайга после грозы

Колымский геолог-фронтвик Лев Фирсов наблюдает тайгу после грозы [30, с. 87].

ПОСЛЕ ГРОЗЫ

Сплеливерху развесистые кроны
Берёзы и стоят к плечу плечом,
Под ними полумрак плывет зелёный,
Распоротый светящимся лучом.

И тишиной наполнены овраги,
Не слышно даже писка комарья,
На сетках паутины капли влаги
Алмазным разноцветием горят.

Прекрасен лес после грозы лишь миг,
Когда он погружён в оцепененье,
Но режет слух пустой сорочий крик,
Внезапно наступает пробужденье,

Становится лес шумным и болтливым,
И исчезает сказочное диво.

5.6. Конец сезона. Осенняя лирика

5.6.1. Валентин Литвинов

Взгляд с высоты • Осеннее мироощущение • *«Дождь занавесил сопки...»*

Взгляд с высоты

Опять нечаянный стихотворный парафраз-1968 явно поэтически-талантливому Валентину Литвинову — к моему (Я.Ю.) «концу сезона». Только он собирается смотреть на Забайкальскую тайгу не из маленького самолёта, а из большого лайнера, летающего по маршруту Москва—Чита... Но чувства у него — практически те же самые! Сходный *modus vivendi* порождает в разных геологах сходные чувства! [19, с. 357—358].

ПЯТЬ ЧЕЛОВЕК, ЧЕТВЁРКА ЛОШАДЕЙ...

Пять человек, четвёрка лошадей...
Покинув гладь заброшенной дороги,
Который час, склоняя всех чертей,
Штурмуем мы корявые отроги.

А дальше — вниз, ещё немного вниз,
Туда, где ночь безветренной и глуше,
И упадут подпружные ремни
У первой льдом подёрнувшейся лужи.

Деревенеет вздетая рука,
Звук топора гремит, как выстрел в храме,
И вздрагивает стылая тайга
Молочными и синими ветрами.

И станет пламя в вычурной игре
Чеканить лики — тёмные иконы,
И станут рвать мороженный пырей
Голодные развьюченные кони!

Пять человек, четвёрка лошадей...
Во имя истин, малых, как дробинки,
Во имя непроверенных идей
Мы пробиваем новые тропинки.

И будет сон... Но поломав печать
Молчания таёжного простора,
Всю ночь сегодня боталам брэнчать,
А в вышине вызванивать моторам...

Пять человек, четвёрка лошадей
В излёте незадачливого лета.
И самолёт-иголка в высоте,
Пронзая небо, тянет нитку следа.

Всему своё. Пройдёт немного дней,
Маршрутных дней, закрученных спиралью,
И самому лететь придётся мне
Вот этой транссибирской магистралью,

...А мы уже на Нерчинском хребте,
Где ширь гольцов угрюма и надменна,
И только в подступившей темноте
Лишайников высвечивает пена.

Где всё не так и жизнь уже не та
(Москва—Чита «по щучьему веленью»),
Где ожидания дома маета
И стюардессы круглые колени.

И только в опускающейся мгле,
В разрывах туч над аспидностью леса
Лучом червонным вычертился след
Очередного детища прогресса.

Но под крылом увижу я родной
Таёжный край, где пролил столько пота,
И стану поневоле сквозь окно
Выискивать меж сопками проходы.

В нём превосходства видим торжество,
Но не судите нас сегодня строго...
Ещё один отчаянный рывок,
И вот она — заветная дорога!

И вспомню тех, что всё ещё внизу
По глыбняку, по гарям и болотам
Безвестно невидимками ползут
И смотрят вслед высоким самолётам.

И жгут костры, и мёрзнут в темноте,
И этот труд суров и бескорыстен —
Во имя непроверенных идей,
Во имя недовыясненных истин.

*Осеннее
мироощущение*

Лирическое чувство, навеянное наступающей осенью — в общем, типичное для любого геолога в конце сезона [19, с. 356].

СЕНТЯБРЬ

Сутулят сопки
каменные плечи,
Сырой гранит
лишайником порос,
Как сизый дым,
проглядывает речка
Сквозь мишуру желтеющих берёз.

Брожу, смотрю.
Шуршат о чём-то листья.
О чём шуршат? О лете? О зиме?
Тепло ушло, а холод где-то близко
И ветви всё прозрачней и прямей.

Накрапы охр.
Неяркий солнца ливень
Пушист и тёпл, как мамина щека.

Задумавшись,
плывут неторопливо
Изменчивые бриги-облака...

Крутом покой
и мудрая неспешность,
На всём печать
неброской красоты...
Течёт в меня
раздумчивая нежность
И розовеют стылые мечты,

И впитываю благодать очищения.
И кажется, идя под образа,
Читаю грусть
прощанья и прощенья
У сентября в распахнутых глазах.

*«Дождь занавесил
сопки...»*

Хороший стих алданского геолога о маршруте в ненастную пору [45, с. 284—285].

Дождь занавесил сопки,
опять спускается в падь...
Сейчас бы
глотнуть по стопке
и завалиться спать,

или, напившись чая
в зимовье у вспухшей реки,
смотреть, как кусты качает,
и сочинять стихи.

Но мы промокли в маршруте,
бредем по сырой траве,
и рифмы
от этой «мути»
не держатся в голове.

Когда-нибудь в непогоду
я все же припомню их:
возьму карандаш
и сходу
поймаю сбежавший стих —

про дождь и сырые сопки,
натруженность мокрых плеч,
про то, как мечтал о стопке
и рифмы хотел сбредить.

5.6.2. Елена Афанасьева

Полевая тоска • Не сделанные маршруты

Полевая тоска

Осенняя тоска геологини, душа которой в поле не загрубела [19, с. 26].

ТОСКА

Ночь озябшая и мрачная,
И луна из туч глядит,
И дымки из труб прозрачные
Ветер вяло теребит.

Огонек в палатке светится
В целлофановом окне...
Здесь сидеть нам больше месяца.
Ох, ребята, скучно мне!

Утром холодно выскакивать
Из промерзшего мешка.
Днем работаешь хоть как-нибудь,
Ну, а вечером — тоска.

Ох, ночная собеседница,
Ох, тоска! Какая дрянь,
Хоть ты на голову стань.

Вот сидишь, поёшь в компании
Или травишь анекдот,
Ну, а где-то в подсознании
Всё ж тоска тебя гнетет.

Ох, тоска, тоска осенняя,
Чувство давнее мое!
Почему же нет спасения,
Нет лекарства от нее?

1972

*Не сделанные
маршруты*

Далеко не стандартные чувствования геологини, у которой остались на осень, увы, не сделанные маршруты (а про комаров — очевидно, для рифмы — ведь осенью комаров уже нет...) [19, с. 27].

БРИНДАКИТ

Ручей Бриндакит неумолчно шумит,
В палатке соляркою лампа коптит,
Луна-половинка мне светит в окно,
А в мыслях своих уж не здесь я давно.

Мой пёс за палаткой вздыхает во сне.
Ну что же, вздыхать остается и мне.
Ведь нету ещё мне отсюда пути,
Нельзя мне уехать, нельзя мне уйти.

Продрогшие горы в дорогу зовут,
И очень далёк наш последний маршрут,
Нас ждут еще много болот и ручьев
И тысячи тысяч бродяг-комаров.

Сырая палатка, таёжный костер,
Сухая лепешка да банок набор,
Рюкзак тяжеленный да дряхлый наган...
На сопках туман... да и в мыслях туман.

5.6.3. Василий Кузнецов

Осенние наблюдения • Осенние ожидания

Осенние наблюдения [30, с. 50].

Облака, влагой сытые,
Вдаль китами плывут,
Где сиренью облитые
Горы рвут синеву.

Ночь ресницами чёрными
Потушила закат,
Светят звёзды зелёные
В миллионы карат.

Тёмных лиственниц пагоды
Городами встают,
Белым инеем ягеля
Ночью светится путь.

Утром хлопья осевшие
Стелют легкий покров,
То ль снежинки развешены,
То ль зола от костров...

С посветлевших деревьев,
Стон издав на лету,
Флотом сказочно древним
Листья полнят реку.

И колдует на суше
Медных красок настой...
Только всё-таки лучше
Цвет зелёный, живой.

Осенние ожидания [30, с. 47].

Снегом запорошены палатки,
В заводях реки стеклянный лед,
Снова нет ни взлёта, ни посадки,
Снова не пришёл к нам вертолёт.

Гулы самолётов пролетающих
Всё-таки тревожат всякий раз,
Вспоминаем дальних, ожидающих
Где-то на конце воздушных трасс.

В третий раз уж письма не отправлены:
Сами прилетим туда скорей,
Почтальоны будут пусть избавлены
От нелёгкой ноши новостей.

Побродив по северным широтам
И покой таежный возмутив,
Рады будем мы друзьям-пилотам,
Что примчат, тревогу заглушив.

Завтра у посадочной площадки
Чуткими шагами зверь пройдет.
Не осталось ни одной палатки,
А реку сковал стеклянный лед.

5.6.4. Олег Тарутин

Конец чукотского сезона • Наливай!

*Конец чукотского
сезона*

Это — настоящая Поэзия [19, с. 631]. Превосходное описание того дня 1964 г., когда закончится полевой сезон.

Еще одно заснеженное лето
кончается на этих берегах.
Еще одно усилие до рассвета,
который где-то в нескольких шагах.

Он наплывает, словно проявитель,
и возникают из небытия предметы
(ах, скорее проявите!):
антенна, изогнувшаяся нитью,
собака возле нашего жилья,
соседняя палатка...

И всё четче детали. А рассвет ползет к реке.
Он заливает плоский берег ночи.
И вот уже сереют вдалеке
изгиб реки и галечные косы,
куда сегодня сядет самолёт...
И в нескольких затяжках папиросы —
отлетный день, который настаёт.

1964

«*Наливай!*»

Он правдиво живописует окончание трудного сезона. Но нам особенно понравилось про камни в почках: «*Ты геолог до потрохов!*» [45, с. 462—463].

ПОСЛЕ ПОЛЯ

Наливай!
Ну что ж — резонно,
И себе налью и другим.
Отмечаем конец сезона,
Мы пришли вчера из тайги.

Наливаю во все сосуды,
Их по-прежнему девять здесь,
А закуски — какое чудо!
Даже боязно как-то есть.

Только съесть их все-таки стоит,
Подавай картошку сюда!
Что же ты повернулся спиной,
Нетактичная борода!

Я и так эту спину помню,
Я детально её изучал
В день, когда с ногой повезло мне
Возле Путаного ключа.

Как ты нёс меня, задыхаясь,
Как ругался в бога и в мать...
Ах, ты с девушкой?
Извиняюсь.

Да и время ведь разливать.
Подвигайте стаканы ближе!
Подвигают — что за вопрос.
Ты смеешься, бродяга рыжий,
Глянь-ка лучше, как сам оброс!

Помнишь, как тонули на мари,
Помнишь, лодку несло в залом?
«Слушай, что ты болтаешь, парень,
Про такое — за столом!».

А и правда, зачем об этом?
Ведь на то она и тайга...
Да и песни еще не спеты
Ну, компания, помогай!

Накурили,
Щиплет глаза мне.
Пей, сосед, да бывай здоров,
У тебя даже в почках — камни,
Ты геолог до потрохов!

Всё, о чем молчим непреклонно,
Мы вложили вот в этот гимн.
Мы отмечаем конец сезона,
Мы пришли вчера из тайги.

5.6.5. Разное на осеннюю тему

«Тихо по веткам шуршит снегопад» • Полевая камералка • Осенние размышления Бориса Жуланова • Предзимье в тайге • Конец сезона на Алтае • Осенние сонеты • «Прекрасная и черная работа» • «Тревога и тоска сжимают душу» • Паук Афоня • Магаданская осень • Простые слова • Под крылом самолета • Клавдия Буданова в самолете над Пянджем • Авторское-5: конец сезона

«Тихо по веткам
шуршит снегопад»

Знаменитый стих-песня «Снег» Александра Городницкого — о чём он? [45, с. 106—107]. Как и всякая настоящая Поэзия — вроде бы ни о чём. На самом деле — о грусти и тоске геолога в конце сезона — вот о чём.

СНЕГ

Тихо по веткам шуршит снегопад.
Сучья трещат на огне.
В эти часы, когда все еще спят,
Что вспоминается мне?

Неба забытая просинь
Давние письма домой.
В царстве чахоточных сосен
Быстро сменяется осень
Долгой полярной зимой.

Снег, снег, снег, снег,
Снег над палаткой кружится.
Вот и кончается наш
Краткий ночлег.

Снег, снег, снег, снег,
Тихо на тундру ложится.
По берегам замерзающих рек —
Снег, снег, снег, снег.

Над Петроградской твоей стороной
Вьется веселый снежок,
Вспыхнет в ресницах звездой озорной,
Ляжет пушинкой у ног.

Тронул задумчивый иней
Кос твоих светлую прядь,
И над бульварами линий
По-ленинградскому синий
Вечер спустился опять.

Снег, снег, снег, снег,
Снег за окошком кружится.
Он не коснется твоих
Сомкнутых век.

Снег, снег, снег, снег...
Что тебе, милая, снится?
Над тишиной замерзающих рек —
Снег, снег, снег, снег.

Долго ли сердце твоё сберегу? —
Ветер поет на пути.
Через туманы мороз и пургу
Мне до тебя не дойти.

Вспомни же, если взгрустнется,
Наших стоянок огни.
Вплавь и пешком — как придется, —
Песня к тебе доберется.

Снег, снег, снег, снег...
Пусть тебе нынче приснится
Залитый солнцем вокзальный перрон
Завтрашних дней.

Даже в нелётные дни
Снег, снег, снег, снег,
Снег над тайгою кружится.
Вьюга заносит следы
Наших саней.

Полевая камералка

Чудесный стих Юрия Альбова (1961) о камералке
в конце сезона... [19, с. 14].

Завершение сезона,
Крыша над головой.
Весь поселок — как зона,
Но распушен конвой.

От хрипящего радио,
От высот коммунизма,
От процессов и стадий
Ультраметаморфизма,

Календарная осень,
А на деле — зима.
Этак дней через восемь.
Не сойти бы с ума.

От невнятных гранитов,
От плакатных стихов,
От безгрешности быта
И эротики снов,

От трудов в одиночестве,
Коньяка вчетвером,
От бессонницы ночью
И сонливости днем,

От чужого распутства
И чужой чистоты...
От хорошего чувства,
Что на свете есть ты.

Ургал, 1961

От сомнительной радости
Быть начальником партии,
От излишней нарядности
Составляемой карты,

*Осенние размыш-
ления Бориса
Жуланова*

Философические размышления пожилого колым-
ского геолога [30, с. 35].

На резиновой лодке самосплавом иду.
Комары по задумчивым плёсам звенят.
Вдруг бабахнет лосось в нерестовом бреду,
Ударяя нещадно о воду себя.

Но без дела рыбацкие снасти,
И двухстволка навскид не грохочет —
Где мои кровожадные страсти!?
Но не хочется шума к ночи.

Плещет хариус, а перед закатом
Посвист крыльев утиных дружен.
Зверь лохматый над перекатом
Сторожит себе рыбный ужин.

И не шарит рука карабина ложе —
Нету страха, не надобно и печали.
Был когда-то и я горячей и моложе,
Но крутые дороги, увы, укатали.

*Унылая пора! Очей очарованье!
А. С. Пушкин*

А вокруг тишина, тишина многогласная,
И покой над природою и во мне.
Это осень просыпалась ягодой рясною,
Мир окрасила в золото по синеве.

Дунул ветер — потухли игривые всплески.
Зверь кету волочит, на меня осторожно косясь.
Раскричалась кедровка над перелесками
Ненадолго — ей некогда: за орехами подалась.

Шорох... Падают листья. Запах трав перестоев,
А о гроздь рябины, гляди — обожжёшься!...
Мир над Миром, и я непристойно спокоен —
Благодать не поделишь, не разживёшься.

Осень жизни моей и года...
Облака сгущает ненастьем —
Мне не в тягость любая погода,
Моё прошлое и настоящее.

Оградившись от ночи в брезента бронь,
Мне заснуть бы, но почему-то не спится,
А в печурке уютно воркует огонь,
То ли дождь, то ли снег о палатку стучится...

Предзимье в тайге

Размышления тонкого наблюдателя Юрия Бугельского [19, с. 55].

Рвется тент палаток на ветру,
Будто птицы белые взлетают.
По тайге назавтра поутру
Белый снег промчится горностаем.

Кружева раскинет, словно в сказке,
Землю наболевшую согреет,
Лишь рябина от морозной ласки,
Словно недотрога, покраснеет.

1958

Конец сезона на Алтае

Бесхитростный стишок Елены Крыловой [19, с. 315].

КОНЕЦ ПОЛЕВОГО СЕЗОНА

...А лето последние мили ползёт,
Наглеющим ветром следы заметая,
И август движеньем небрежным кладёт
Мазки позолоты на горы Алтая.

Последних ромашек неяркое пламя...
Нам скоро опять в города — на зимовье,
Туда, где, конечно, о нас вспоминали,
А может, и пили за наше здоровье...

Тайга опускает мохнатые веки,
В сырые доспехи закованы скалы,
Вскипают в ущельях зелёные реки,
Блестя на порогах опасным оскалом.

ОСЕННИЕ СОНЕТЫ

1

Звёзды в небе угасать начнут,
Как я сойду по галечным откосам,
По травам, от росы ещё белесым,
В предутренний и зыбкий уют.

Туманы вниз по склонам оползут,
И солнце первый луч свой бросит косо,
За обветшалым пасмурным утёсом
Последний обозначится маршрут ...

И день уйдёт и в сумерки угаснет,
И горизонт затянется к ненастью,
И завершится страданный летний труд,
И выйду из палатки помечтать я,
Мне звёздочки, скитаний дальних братья,
Свои костры прощальные зажгут.

2

Свои костры прощальные зажгут
Геологи, вернувшись из маршрута,
И многим станет грустно почему-то,
Когда последний завершён маршрут...

А осень уже снова тут как тут,
И ветры заворачивают круто,
И кажется, все за одну минуту
С ветвей непрочных листья оборвут...

Но красота в природе сохранится,
Готовая лишь тем из нас открыться,
Которые блаженство обретут
В печальном созерцании потери
И в негасимой, вечной светлой вере,
Что вновь с весной все силы оживут.

3

Что вновь с весной все силы оживут,
Подумал я, готовясь к расставанью
И возратить пытаюсь на прощанье
Душе своей утраченный уют...

Иные люди после нас придут,
Ища разгадку тайнам мирозданья,

В извечной жажде истин и познания
По нашим картам многое прочтут:
Как шло природы этой становленье,
И как свершалось тайное рожденье
В земле укрытых благородных руд,
И облеченным в символы понятиям
Разведчики, геологов собратья,
Истолкованье верное найдут ...

4

Истолкованье верное найдут
Они сомненьям нашим и пристрастьям,
И недра, покорённые той властью,
Свои уста немые разомкнут,
Но к их глубинам тяжёлым будет путь.
Пока придет нечаянное счастье,
Ещё не раз осенние ненастья
Дождём печальным землю обольют.

Но им не смыть тропу исканий наших,
Где каждый шаг легендой окрашен,
И, может, нас когда-то назовут
Причастными к судьбе больших открытий,
Коль скоро время, беспощадный критик,
Свершит над нами справедливый суд.

5

Свершит над нами справедливый суд
Не только время, но людская память,
И на пути, отмеченном кострами,
Костры воспоминания зажгут...
И песни наши старые споют,
Которых суть не старится с годами:

О тех любимых, что в разлуке с нами
Подолгу, терпеливо, верно ждут...
О том, что осень на своем наречье
Нам шелестит о скорой уже встрече,
И мысли беспокойные бегут
О том, что нами сделанного мало,
О счастье — каждый день прожить сначала,
Лишь звезды в небе угасать начнут.

*Прекрасная и
черная работа*

Эти хрестоматийные строки написал воркутский геолог Николай Герасимов, ставший потом и начальником всей погибающей воркутской геологии, и Министром промышленности Республики Коми. А сочинил он их в конце сезона на реке Лемве (Приполярный Урал) [41, с. 164—165].

Черная работа

Н. П. Юшкину

Верховья Лемвы. Август. Холода.
Ковер персидской осени на склонах
Угрюмых гор. Мятажная звезда
Пulsирует, как свечка пред иконой.

Выводит речка вечный свой мотив.
На берегу — палаток вереница.
Я, от маршрута чуточку остыв,
В дневник впишу прожитых дней страницу.

Распадками наверх ползет туман.
Закат костром в полгоризонта стынет,
Но, догоревши, за седой Тиман
Иль за Печору без остатка схлынет.

Про черный крепкий чай, соленый пот,
Маршрутов прозу, ранних рос монисты,
Про то, как не пробьётся вертолет
К нам с почтою. Про жар избитых истин.

Густеет на востоке ночи вал:
Мгновенье и прорвет хребта плотину,
Чернильной тучей ринется в провал
И до утра затопит тьмой долину.

Про то, как хочется к подругам в города.
Про то, что ещё вечность до отлета.
Верховья Лемвы. Август. Холода.
Прекрасная и черная работа.

*«Тревога и тоска
сжимают душу»*

Свой день рождения геологиня Вера Сапожникова
встретила в одиночестве у реки [45, с. 418—419].

Провисла в головах намокшая палатка,
Шуршит по веткам с мокрым снегом дождь.
Луна скатилась в темноту распадка
И затаился лес, на сказочный похож.

Тревога и тоска сжимают душу
И одиночество мне сердце леденит...
Торопятся сюда снега и стужа,
А самолет не скоро прилетит.

Огонь свечи дрожит, огарок оплывает,
Уродливая тень скользит по потолку,
Ночная птица вдалеке рыдает...
Хочу уснуть, забыться — не могу...

А связи не было — опять непрохождение,
Все те, кто дорог мне, сейчас так далеки...
Ведь у меня сегодня день рожденья,,
А я одна в палатке у реки.

Паук Афоня

Паучок в палатке Владимира Похилайнена скрасил
осенью жизнь бедному геологу... [45, с. 373—374].

Последние листочки с тополей
Слетят с ветвей — и лето похоронят...
Ищу покоя в старом кукуле,
А надо мной в углу паук Афоня.

Но, если честно, я соседу рад:
Афоня, ты чудесный паучишка
Чего бы я ни брякнул, ни соврал:
Поймешь, смолчишь —
сомненьем не обидишь.

Чего его в палатку занесло?
Случайно мы сюда, и не надолго...
Перебирайся в старое дупло,
Или к медведю в теплую берлогу.

Уже неделю с норда тучи гонит...
Сорок под осень прорву нанесло
Того гляди, склюют дружка Афоню.

Магаданская осень

Физик (участник многих экспедиций) Дмитрий
Смирнов — с весьма профессиональным стихом,
столь отличным от бесхитростных геологических
четверостиший... [30, с. 69].

МАГАДАНСКАЯ ОСЕНЬ

Там в гранитные скалы стучится прибор,
Беспокойные чайки кружат над водой,
То касаются крыльями пены седой,
То сливаются с пасмурным небом.

Обушедшем тепле стланик плачет смолой,
Серый ягель усыпан хвоей золотой,
И летящие гуси зовут за собой,
Растворяясь в седых облаках.

Там холодный туман по распадкам ползёт,
Кроны лиственниц ветер ломает и гнёт,
Белый призрак зимы торопливо идёт
Среди гор, припорошенных снегом.

Там прозрачные воды уносит река,
И кипит белой пеной в камнях пережат,
Над рекою крутые стоят берега
В золотисто-багряных лесах...

Пос. Белозерье, январь 1991 г.

Простые слова

Карельская геологиня Раиса Трошкова наблюдает
осень [46, с. 79].

ОСЕНЬ

Тихо в природе. Осень...
Падают листья шурша...
Выстыла озера просинь...
Рдеет рябины краса...

Ветви берёз, облетая,
Жёлтым полощут платком.
Низкое солнце играет
Ярким последним лучом.

*Под крылом
самолета*

Чувства, описанные мною в эссе «Конец сезона» [67, с. 65—67] испытывает любой геолог, пролетающий над своим районом. Об этом правдиво поведал профессор В. В. Зайков, отдавший свои молодые годы — геологии Тувы [29, с. 159].

Судьба распорядилась так, что площадь моих работ находилась под трассой самолета. И каждый раз, когда лечу в Кызыл или обратно, я пролетаю над горами и долинами, по которым проходили маршруты мои и моих товарищей. В иллюминатор видна и долина реки Уюк с поселком Сушь и местом базы на берегу Енисея, и Мезель — царство ягодников с ручьем Кызыл-Чира, где работала моя супруга Елизавета в окружении детей и с моей мамой-поваром. И речка Глухарина с участком Ласковым, где хозяйничал Гречищев и даже воспел избушку в стихах. И Тараскыр с опорным местом залегания конгломератов на гранитоидах Ожинского массива, где решался вопрос о возрасте таннуольского комплекса. А вдали, за Енисеем, высятся хребты Таскыл и, даже сегодня, 6 ноября видна Семибратка — хребет из семи гор. Макушки гор в снегу, воздух чист, и горы, как нарисованные. И даже видно, как хребты расступаются вдали перед долиной Улуг-О.

Когда летишь над неизвестной местностью, то взгляд скользит по горам-долинам не задерживаясь. Лишь при невиданных красотах он замирает. А когда под крылом горы, по которым ходил, вглядываешься в каждую складку, в каждый изгиб реки, каждую скалу, мыслями переносишься в те времена, когда был там.

*В самолете
над Пянджем*

И это — тоже как бы парафраз к моей (Я.Ю.) прозе «Конец сезона». Только у меня были тайга и тундра, а у Клавдии Будановой — высокогорье Памира [19, с. 56—57].

ВОЗВРАЩЕНИЕ

*В суету городов и потоки машин
Возвращаемся мы...
В. Высоцкий*

Словно кобра, изогнулся Пяндж,
Пенится, кипит на поворотах.
Друг напротив друга, как десант,
В грузовом летим мы самолете.

Груз тяжелый давит пиков плечи,
Но когда растопит солнце печь,
Горы вдруг, вздохнув по-человечьи,
Груз лавиной сбрасывают с плеч.

Скучные попутчики мои
В кислородные уткнулись маски.
Я ж, дыханье в зренья превратив,
Впитываю горы без опаски.

От всего на свете отрешившись,
Радость от чужих свою тая,
Пролетаю молча над вершиной,
Где ещё вчера стояла я.

Синевой пропитаны хребты,
В синей дымке спят еще долины,
И в сознании гордой красоты
Высятся державно исполины.

Я вернусь домой в свой пыльный город,
Брошу молоток, сниму рюкзак,
А купавшиеся в солнце горы
Всё еще стоять будут в глазах.

1964

КОНЕЦ СЕЗОНА²³

...Особенно славно, когда ты еще молод, и когда кончается сезон.

Конец сезона! К осени так надоедает тайга. В ней пропадают запахи смолы, цветов и трав, улетаю птицы. Ветер уже не освежает потного тела, как в июле, а выстуживает и сквозит; он холоден и враждебен. В маршруты нужно теперь брать брезентовую куртку или плащ из ряда «непросыхаемых». А то, бывало, тащишься в маршрут в телогрейке.

Дни короткие. Уже в обед откровенно беспокоишься — попадешь ли в лагерь до темна.

Мы пришли в тайгу как гости — на время. И она напоминает нам, что пора и честь знать, что мы тут лишние, что нам пора домой, а ей — оставаться со своими хмурыми холодными реками, в которых уже нет рыбы (она скатилась вниз, в глубокие плесы), с мокрыми елями, голыми лиственницами, продрогшими болотами — ждать скорой зимы.

Словом, пора, пора, пора домой. Доделывай свои дела поскорее, хватай последние маршруты — пора сматываться.

Бывает и так, что конец маршрутов застает тебя либо в таежной деревушке из пяти домов, либо — в палатке на базе. Там мы еще с полмесяца кантуемся, разбираем и чиним барахло, которое давно надобно списать (но не спишут, потому что другого нет), чистим черные чайники и ведра, камеральничаем, играем в карты и шахматы, пьем спирт, слушаем радио. Конечно же, это славно, что уже не надо в такую собачью погоду тащиться в маршрут — но все же сезон ещё не кончился.

Я всего такого растянутого завершения сезона не люблю. Конец сезона должен быть резким и красивым.

Мне 21... В поле я был на преддипломной практике. К назначенному еще в мае-июне сроку весь отряд выползает из тайги к некому месту. Это озеро. Сюда за нами прилетит гидросамолет.

25 сентября. Последние две недели тянулись так медленно. Эх, как я соскучился по белой булке с изюмом, и по маме, а всего больше — по одной особе, росточку небольшого, с теплыми руками, симпатичной рожцей, и с очень строгими (слишком строгими!) синими глазами. Писала ли она мне? Обещалась. Но связи у нас с внешним миром никакой не было — за весь сезон ни единого населенного пункта. И кто знает, может быть на почте в поселке для меня накопилась целая куча писем?!

Сегодня, если повезёт с погодой, то самолет прилетит. А потому укладываемся быстро и весело. Все ощутили новый интерес друг к другу: вот-вот кончится общая работа, спаявшая нас так крепко, и связи начнут распадаться — у каждого своя жизнь. (Так будет происходить всегда. Это неотвратимо). И вот кто-то роняет недоклеенный сапог и шипит на всех:

— *Тих-ха! Самолет...*

Все, разинув рты, прислушиваются. Ничего не слышать. Померещилось. Виновника начинают травить со всех сторон — маленькое, а все же развлечение. Но он упрям и сидит с лицом злым и напряженным.

— *Тих-ха, говорю! Слушайте, олухи!*

²³ Опубликовано в книге: «Уезжают друзья с севера: Литературный сборник». — Сыктывкар: Геопринт, 2003. С. 31—34. Перепечатано к книге: «Сыктывкар: Литературный альманах». — Сыктывкар: Коми книжное изд-во, 2003. с. 67—68. Перепечатано в книге: Юдович Я. Э. Записки геохимика. — Сыктывкар: Геопринт, 2007, с. 177. Перепечатано в журнале: Горный журнал: Литературный альманах. Специальный выпуск «Моим Северам». — М.: Изд. дом «Руда и Металлы», 2008. С. 8.

Да!! Теперь и мы уже слышим: гудит, гудит, болезный! Толкаясь, мешая друг другу, вылезаем из палатки наружу. Самолета за низкими серыми тучами не видно, но гул все сильнее.

— *A-a-a! Вон он где!*

Выскакивает откуда-то, чуть ли не из-за деревьев, делает облет озера. Пилот высунулся из кабины, делает вид, что нас тут и вовсе нет: смотрит, куда сесть...

Самое главное — потом. Только в воздухе, в оглушительном реве двигателя, сидя на своих ящиках и баулах с образцами, держась за что попало (это тебе не ТУ-104...), понимаешь, что сезон — кончен.

Я прилипаю к иллюминатору: подо мною проплывает *мой район*. Для пилота — это такой же клочок карты, как остальные. А я — я исходил тут все ручьи, пересек все высотки, прошел по болотам, кидал блесну вон на том озере... Во-он там — была ночевка в тяжелом двухдневном маршруте; а вон там, и там, и еще там, у восточного склона высоты 415.6 м, у ручья — стояли наши лагеря. Как это мелко и безобидно сверху. Вон — желтое красивое поле с зеленой извилистой лентой — это болото с ручьем. А вспомнить, как мы его переходили... А вон — озеро, так отлично вписано в долину — очень правильный длинный эллипс. Это чертово озеро нам пришлось обходить поверху, по бурелому — берега у него оказались топкими. А вон (как хорошо видно, однако!) — устье ручья на нашей магистральной реке. Здесь мы стояли почти две недели, и маршрутов было много, и дождь был три дня, и оленя ели. Славно мы там пожили...

А это что такое: красивые белые кружева, тонкой полосочкой пересекающие реку? Ба, да это же порог! Кто ж его забудет? Две лодки здесь проскочили, а третью, где ребята зазевались, развернуло поперек и захлестнуло; они успели выскочить, а груз затонул. Хорошо, что это был не сахар. Вытащили, потом целый день сушились. А сверху-то порог совсем безобидный.

Итак, пролетел и навсегда исчез из глаз клочок тайги, где прошло три трудных, незабываемых месяца. Я скручиваю себе шею, потом перебираюсь в хвост самолета и еще некоторое время вижу изгиб *нашей* реки. Но и она уходит, уходит, затягивается синей дымкой, и вот уж делается неразличимой среди пестрой желто-зеленой осенней тайги...

Внизу проплывает длинная незнакомая высота — пожалуй, уже за левой рамкой планшета. Неужели — всё?

А подо мною наплывают все новые и новые места — такие же реки, и ручьи, и болота, и высотки, и озера — такие же, только *не мои*. Я тут не был, я ничего тут не оставил.

...Как необъятно-огромна, величава и прекрасна моя Родина. И как это полезно — вот так сверху — прочувствовать свое истинное место и значение — вполне соизмеримое с тем клочком территории, который ты облазил, полил своим потом и нанес на геологическую карту.

5.7. Любовь у геологов

5.7.1. Томские геологи пишут про любовь

Анатолий Поцелуев возражает Маяковскому • Олег Пятов о любви

*Анатолий Поцелуев
возражает
Маяковскому*

Как он понимает сущность любви [61, с. 241].

Любить —
это значит...
рубить дрова
Силой своей
играючи.

*В. В. Маяковский. Письмо товарищу Кострову
из Парижа о сущности любви*

ЛИРИЧЕСКАЯ ГЕОЛОГИЧЕСКАЯ

(ответ товарищу Маяковскому из Сибири о сущности любви)

Товарищ Маяковский, прошу прощения,
Что не сразу, а через десятки лет,
Прочтение Вашего письма к Кострову
Родило этот ответ.

Париж, несомненно, достойное место
Дать волю чувствам и лирике,
Но мы — геологи, здесь — в Сибири
Значительно ближе к эмпирике.

Любить —
это значит маршрутом шагать, таща на себе спектрометр.

Любить —
это значит канаву копать величиной с километр.

Любить —
это значит в палатке жить, есть кашу, в костре пригоревшую.

Любить —
это значит колдобиться аж, увидев портянку сопревшую.

Любить —
это значит в зумф упасть, споткнувшись о пикобур.

В общем, любовь у геологов —
это не просто L'amour!

Он трепетно вспоминает про любимую, которая была с ним в поле. Очень необычный любовный стих геолога! [61, с. 251].

О чем басил цветку на ухо шмель,
О чем кричали в ночь перепела,
О чем орган лесов шумел,
Когда ты лугом медленно брела,

Когда у тихих губ твоих пылал
Карминовой клубники уголек,
И туча в стороне едва плыла,
А день отъезда был ещё далёк,

О том я замолчать себе велел...
Неудержимо цвел в лугах люпин,
По стеблю вверх тянулась повитель.

Весильно состояние любви.
Пускай тебе лесов орган поет,
Пускай кричат перепела...
Природа всё молчание моё
На песни птиц и трав перевела.

1975 г.

5.7.2. Разное про любовь

«Миг свиданья из рук разлуки...» • «Как просто писать о тебе...» • «Я отдал, что имел и мог...» • «Люблю тебя я до поворота» • Лекарство от любви • Расставание геологов • «Не улетай! Смотри, всё тает!» • «Ах, сердце, как ты прочно всё забыло» • «Что меня ты любишь, не взирая на» • Супруги Павловы • Любовные письма немолодых геологов • Станислав Белобяжский

«Миг свиданья
из рук разлуки...»

Первоклассная любовная лирика геологини Татьяны Москвиной [19, с. 426].

Если б тебе я могла рассказать,
Как со мною ты бродишь в маршруте,
Как по ночам не даёшь замерзать,
Как по утрам осторожно будишь,

Как костёр разжигает со мной,
Как на пламя кривое смотришь,

Как невидимой рукой
Ты беду от меня отводишь.

Если б можно мне было вырвать
Миг свиданья из рук разлуки,
Я за это бы блага мира
Всё отдала, согласясь на муки...

1964, п. Дидон

«Как просто
писать о тебе...»

Ещё образчик женской любовной лирики в исполнении Татьяны Овсовой [19, с. 434].

Как просто писать о тебе...
На что я в дороге ни гляну, —
Всё ты, буруны на волне
И эти ревушие камни.

И солнечный яростный блик
В алмазных зубах переката,
Долины еловый парик,
Мой путь от утра до заката —

Всё ты. Для тебя это всё.
Ты слушать не хочешь — ну, что же...
За ветки цепляет ружье,
И шаг мой становится тверже.

Понадоблюсь — ты позови,
Вернусь и свернусь возле двери.
...Как просто писать о любви,
Как трудно в такую поверить...

*«Я отдал, что имел
и мог...»*

Колымский геолог Борис Жуланов о любви [30,
с. 42].

Я отдал, что имел и мог, —
Азарт и молодые силы
На перепутьях тех дорог,
Которыми любовь водила.

Я из ружья её стрелял,
Топил в реке под перекатом,
Обманывал неоднократно,
И пьянствовал, и изменял.

Я мало отдал — много взял.
Она меня не предала,
А просто тихо отступилась,
И я скажу — опять и вновь:
Увы, на свете нету силы,
Которая вернёт любовь...

*«Люблю тебя
я до поворота»*

Это, быть может, самая известная строчка Город-
ницкого! Она неизменно порождала у нас, полевых
геологов, — веселое, бодрое настроение! [45, с. 107].

ПЕРЕКАТЫ

Все перекаты да перекаты.
Послать бы их по адресу!
На это место уж нету карты —
Плыву вперед по абрису.
А где-то бабы живут на свете.
Друзья сидят за водкою.
Владеют камни, владеет ветер
Моей дырявой лодкою.

К большой реке я наутро выйду,
Наутро лето кончится.
И подавать я не должен виду,
Что умирать не хочется.
И если есть там с тобою кто-то,
Не стоит долго мучиться:
Люблю тебя я до поворота,
А дальше — как получится.

*Лекарство
от любви*

Это Онежское озеро! Стихотворение Владимира
Кевлича [46, с. 84].

Я ЕЁ ЛЕЛЕЮ И НОШУ В СЕБЕ

Запахи медовые, кружит голова.
Старые знакомые, Пиньгуба моя.
А в садах тюльпаны, жизни алый цвет,
Белая черёмуха, сколько же мне лет?

Я её лелею и ношу в себе,
И не воспоминаю больше о тебе.
Я иду к Онего, к далям в синеве,
Где вода и небо, где я рад весне!

По дороге лужи, на дороге я,
И легко здесь дышится — вот и мысль моя.
Для меня понятная, для других ничто.
Ох! Какая сладкая, бытия вино,

*Расставание
геологов*

Альфред Зиллинг встретился с любимой на Енисее, после чего она оказалась на Сихотэ-Алине... [45, с. 182—183].

Нам не встретиться больше, нет, —
Наши вновь разошлись пути...
Ветер твой замечает след
И тебя уже мне не найти.
Не найти, не увидеть вновь
Ни лица твоего, ни кос,
И увянет в душе любовь,
Как цветок от осенних рос.
Увезут тебя поезда
На седой Сихотэ-Алинь
Ты с хребтов его иногда
Взгляд бродяге на Запад кинь.
Знаю, будешь сначала ты
Обо мне вспоминать среди гор.

А потом незаметно мечты
Время выметет, словно сор.
Будем в разных краях шагать.
Слушать ветра полночный стон,
Будем реже все вспоминать
Тот, минувший давно, сезон.
Будет реже все приносить
Почта письма твои ко мне,
А потом оборвется нить
По моей и твоей вине...
А пока что тропой зверей
Мы уходим в скитаний синь...
Познакомил нас Енисей
Разлучил Сихотэ-Алинь.

*«Не улетай!
Смотри,
всё тает!»*

Геофизик Ирина Запорожцева на Севере Коми с восторгом встречает долгожданную весну. Здесь потаённая любовная лирика тесно переплетена с северным нашим бытом [41, с. 185].

Не улетай! Смотри, всё тает!
Капель — как светлая слеза.
И небо мне напоминает
Твои мальчишечьи глаза.

Давай найдём киномеханика,
Он бросит дома водку пить
И в клуб пойдет в набухших валенках
Картины старые крутить.

Я, оступаясь в синих лужах,
С тобой бы в Варандей пошла,
Где в серый снег от зимней стужи
Дома зарылись до тепла.

И скажем ненцу мы: «Спасибо!»
И всем, кто улыбнется нам...
А запах шкур и свежей рыбы
Пойдет волною по рядам.

Нас встретят рыжие собаки.
Они, как вестники весны,
Хмельные от апрельской драки
И до отчаянья голодны.

Жизнь бесконечна в сини мая,
Её не замутит гроза..
Не улетай! Смотри, всё тает...
Капель — как светлая слеза...

«Ах, сердце, как ты
прочно всё забыло»

Нина Артамонова, профессионал-съёмщик, размышляет о строке своего полевого дневника, вопреки утверждению о том, что «любовь — обман» [19, с. 16—17].

СТАРАЯ ПИКЕТАЖКА

«Без человека нем любой пейзаж»

А человек пришел, остановился,

Разжег костер, — мир светом озарился...»

Запись в полевом дневнике, 1964

«Без человека нем любой пейзаж...»
Забыта фраза в старой пикетажке.
Ее задумчиво украсил карандаш
Виньетками, холмами и овражками.

Что притаилось в брошенной строке?
Она не просто так была написана.
Не просто так рисунками унижена.
Что было там — в далеком далеке?

Читаю описание маршрута:
«Гранит, опять гранит, багульник, мхи
Структура, цвет...». Как много чепухи,
Как описание изысками раздуто.

И вновь — «Пейзаж без человека нем...»,
Всё возвращалось к полустертой фразе.
Прилипла, как гриппозная зараза,
Да мало ли тогда рождалось тем!

Напрягшись, ясно вспоминаю:
Двухсотки выстраданной первые шаги
Так упоительно, так сказочно легки
В том баснословно ярком мае.

А после многодневки рюкзаки
По пуду весом, тягуны, болота.
Гудели пауты, как вертолеты,
И ночи были слишком коротки.

Мошка зверела, наседали комар,
Напиться можно было только на вершине.
От той воды мгновенно губы стыннут,
И в радость раскаленный солнца шар.

Но постепенно стал парчовым лес
На склонах гор в часы заката,
В ложбинах южных — яркие заплаты
Берез, рябин. Слепит лазурь небес.

И по утрам уже хрустит ледок,
Когда идешь к ручью, чтобы умыться,
И начинает город ночью снится,
В душе рождается тревоги холодок.

Сезон на убыль. Поджимает план.
Бичи ворчат. Геологи грызутся.
Все реже парочки до зорьки остаются
У костерка. Увы, любовь — обман.

Мы знаем цену полевым романам,
Но если хочется кому играть — играй,
Пока блистает и ликует май,
Пока сентябрь не охладит туманом.

И всё-таки «...без человека нем».
Должно быть, что-то в том сезоне было...
Ах, сердце, как ты прочно всё забыло,
О, осень — горький запах хризантем.

«Что меня ты
любишь,
не взирая на»

Очень необычный любовный стих новосибирской минералогини Лю [35, с. 31]. Впрочем, у талантливых людей — всё необычное...

Меня мама с папой в ноябре зачали
Темной страшной ночью в полную луну.
Я из тех, кто видит красоту печали
И кто любит осень больше, чем весну.

Развлеку, утешу — все, что ни попросишь.
Соблазню, согрею — лишь бы рядом быть.
Я из тех, кого ты просто так не бросишь,
А когда решишься — сможешь ли забыть?

Предпочту палатку суете столицы.
Я скорей подруга, нежели жена.
Я из тех, кто может по уши влюбиться
И любить годами, невзирая на.

Развенчаю имидж роковой вампирши
И тебя за ушко ласково кусну...
Я из тех, кто пишет не статьи, а вирши,
И кто любит осень больше, чем весну.

Не считаю нужным замечать измену —
Думаю, что каждый эту чашу пьет.
Я из тех, кто знает обещаньям цену,
Но упрямо верит тем, кто их дает.

Я в твоей палитре лучшая из красок,
Я твоей гитары главная струна.
Ты однажды утром осознаешь ясно,
Что меня ты любишь, невзирая на.

Супруги Павловы

Вот что пишет академик Д. В. Наливкин (кстати, ученик Карла Богдановича) о супругах Павловых — Марии Васильевне и Алексее Петровиче [43, с. 30—31; 33]. Мария Васильевна — палеонтолог, специалист по кайнозойским позвоночным. Она училась в Сорбонне (в России в те годы женщинам ходу в науку не было) и впоследствии создала целую московскую школу женщин-геологов. Она стала первой у нас женщиной-академиком, а в 1930 г. ее избрали почетным академиком СССР! Ну, а Алексей Петрович — великий специалист широкого профиля — геолог, геоморфолог, стратиграф и палеонтолог — знаток мезозойских аммонитов, создатель московской школы геологов, из которой, в частности, вышли и А. А. Чернов, и В. А. Варсанофьева.

Мария Васильевна и Алексей Петрович были ровесниками, оба родились в 1854 г., оба прожили большую и удивительную жизнь. А. П. ушел первым, в 1929 г., ему тогда было 75 лет. М. В. прожила на 9 лет дольше. Эти трудные 9 лет для нее были ужасны. Их могла вынести только мужественная, стойкая, несгибаемая женщина. Потерять человека, с которым прожил душа в душу многие годы, — это тяжкий, невыносимый удар, после которого хочется умереть как можно скорее. Мария Васильевна переживала своё горе долго. Она осталась одна, постарела, неузнаваемо изменилась, согнулась. Одна молоденькая студентка видела её в эти годы. Мария Васильевна гуляла с двумя собачками — наиболее близкими ей существами; вид её был страшен. Но перед нами останется не этот трагический образ, перед нами всегда будет живая, подвижная, энергичная, невысокая женщина с черными блестящими глазами, огненная и в то же время выдержанная, с большой силой воли и исключительно приятная. <...> Мыслителями, учеными и творцами нового они были оба всю свою жизнь, долгую и такую поразительно содержательную.

М. В. так любила, так уважала А. П., что ей хотелось с самого начала их совместной жизни удовлетворять каждое его желание. В то время А. П. увлекался юрскими аммонитами, ему хотелось, чтобы и М. В. работала вместе с ним, над одной темой. И М. В. удовлетворила его желание: она начала изучать аммонитов, и её первая печатная работа посвящена описанию нижнемеловых аммонитов, тесно связанных с юрскими. Работа эта вышла в свет в 1886 г.

Но сердце М. В. уже давно было отдано ископаемым млекопитающим, и она не могла оторваться от них. А. П., очевидно, знал, чувствовал это, и у него не хватило ни сил, ни сердца настаивать на своем желании, и М. В. возвратилась к своим млекопитающим, которыми она увлеклась еще во Франции. Ими она занималась всю свою жизнь.

<...>

Начинаются тяжелые годы болезни А. П. Павлова. М. В. сопровождает его по санаториям, ухаживает за ним, и ей не до научной работы. Последняя палеонтологическая работа М. В. появляется только в 1933 г. Она содержит описание «Фауны ископаемых млекопитающих, собранных близ г. Хвалынска на Волге». В то время М. В. идет уже 80-й год. В работе она искала забвения от ужасной потери — смерти мужа, с которым она прожила более 40 лет. Но забвения не было, не было и сил для научной работы.

Так закончилось научное творчество Марии Васильевны Павловой. По своему значению и размерам оно до сих пор не превзойдено никем — не только женщинами, но и мужчинами-палеонтологами. Остается только поражаться, как у небольшой, живой и энергичной женщины хватило сил для выполнения такой необыкновенной, единственной в своем роде работы.

Любовные письма немолодых геологов

Что такое любовное письмо геологов... Мария Ивановна Шульга-Нестеренко 16 октября 1950 г. [ей было 59 лет] пишет из Москвы в Сыктывкар Александру Чернову. Ей было необходимо вернуться в Москву, ибо она работала в ПИНе, занимаясь мшанками. Чернову в этот момент было 73 года. Она провела с Черновым в Сыктывкаре 2 месяца, видимо — весь отпуск, и уехала с разбитым сердцем, оставив старичка одного на попечение других (нанятых) женщин.

Прелестное письмо, полное нежности и заботы! Совершенно умилительны ее наставления мужу по части грибов и капусты! Подпись «К», видимо, означает любовное имя, например, Киса или Кисочка? [5, с. 101—102].

Пол<учено> 25/IX. № 5. 16/IX.50 г.

Милый! Вчера вечером, вернувшись в 8 часов из ПИНа, нашла на столе два синих конверта и даже не сразу стала их читать, смакуя ожидаемое удовольствие от общения с тобою, чтобы не сразу проглотить то, что является единственно отрадным на фоне моей какой-то тревожной и угнетенной жизни. Это, конечно, также и от того, что я всё время как-то подготавливаю любимую работу и никак не начну то, что даёт удовлетворение. Сейчас вся неделя ушла на возню со счетами и расчетами внештатных денег, которые неожиданно сваливались несостоявшейся монгольской экспедиции. Устраиваю трудовое соглашение с Тamarой Черновой на чертежи для трёх своих работ — двух старых и одной этого года, еще ненаписанной, и все такие расчеты, обдумывание числа рисунков, делаю необыкновенно медленно, на это уходят рабочие дни.

Да, итак твои письма, № 30 и № 31.

Так ты решил продолжать нумерацию, но мы ведь об этом не договаривались, и я начала с 1-го номера, которым считаю котласское письмо. Но это неважно.

Грузди стали солонее потому, что, боясь, чтобы ты не поел испорченных, я их сверху немного подсолила, уезжая, и, кажется, тебя предупреждала об этом. Нужно избыток груздевого желе счищать ножиком обратно в туюс, чтобы не уменьшать количества рассола. Нужно еще отмывать под краном дощечку и камни от плесени. На Катино письмо постараюсь найти время ответить самостоятельно. Как же это так химик может давать такие разные анализы? Куда же он годен после это? Гнать его, ведь вы его не можете на такую работу положиться в процессе камералки!

Шаги относительно метеорита я смогу предпринять только с 18-го числа, потому что сегодня, 16-го, взяла библиотечный день, а завтра воскресенье. Всё, чтопишешь, сделаю, не беспокойся.

Приезжал бы уж скорее в Москву, а то при мне похвалялся, что не знаешь скуки, а теперь пишешь, что тоскуешь. Горе моё! Если бы ты знал, как у меня болит душа от твоего одиночества.

Не нравится мне что-то поведение Д. около тебя. Все общение сводится только к денежным делам. Некрасиво это выглядит. Делает покупки вещей (чего мы не можем делать) и распространяется относительно своих недостатков. В конце концов она благотворительствует своим товарищам за твой счет. Принесла она тебе хоть те наволочки, которые я тебе сшила и к которым она взялась пришить пуговицы?

Заплесневевшую верхушку с капусты можно промыть в миске с водой, отжать и положить на тарелочку, а не выбрасывать.

Одну серебряную ложку я привезла с собой, и тогда их было две. Ясно, что увезла ее обратно, уезжая.

В Москве тоже цветная — 5 р. вилок. Виноград был 12 и дороже. Я сейчас перестала пить молоко. Думаю, что я от него толстела.

Я тебе уже писала, что мне очень важно всё, что ты пишешь о своем быте, а готовка — его существенная часть. Мне тоже кажется, что я ещё там с тобою и, получая твои письма, остро чувствую, что Москва мне чужая стала после этих 2 месяцев в Сыктывкаре.

Сегодня мыла голову, что-то все топталась. Марина (впервые, как я в Москве) испекла пирожков с мясом на дрожжах, восхитительных. Сделала котлетки. На несколько дней вперед едою обеспечены. Мама ест очень мало. Она не читает теперь и не вяжет, томится весь день, и больно на нее смотреть. С одной стороны, это будет хорошо, когда ты, живой и деятельный, будешь около неё в комнате, а с другой стороны — страшно мне, не окажется ли она, бедняжка, тягостной для тебя компаньонкой по комнате днём.

Не знаю, разве я увезла письмо от Нины? М.б., машинально, когда укладывала поспешно чемодан.

Как здоровье Зои Афанасьевны? Навещай ее около 9 часов, когда тебе скучно. Там, в её светелке, хоть зверей полно. Ходят ли к тебе наши черный и белый друзья? Пуська милovidнее, чем Богатка, меньше, толще и мягче. Всем мой привет.

Целую крепко. Твоя К.

Мария Ивановна вынуждена ради работы бросать своего обожаемого старика Чернова одного в Сыктывкаре — но продолжает страдать, тосковать и жестоко ревновать его к тем женщинам, которые о нём заботятся и живут в его квартире — в комнатке, которую она считала «своей». Горькие жалобы! «*Большинство женщин — собственницы*». Золотые слова! [5, с. 103, 107]. Это письма М. И. из Москвы {23—24 сентября 1950 г., с. 103; и 5 октября 1950 г., с. 107}. К тому же ей надо было ухаживать за старухой матерью.

Рада за тебя, что получил удовольствие от поездки в Серёгово, но не очень рада появлению Нелли. Я, очевидно, более жестокая, чем ты, и не нахожу удовольствия в том, что чужие люди будут жить на моем месте. Тем более, что за одной девочкой последуют её товарищи, будут воспитываться клопы, которые появлялись на моих платях, висящих на двери, и т.д. И во что превратится этот диван, из которого и так уже лезла шерсть во всех сгибах. Надеюсь, что ты не станешь её прописывать у себя?

На Нелли я не нападаю. Большинство женщин — собственницы, а я, видно, очень ревнива. Ты эту комнатку всегда называл «моею», я её полюбила и глубоко ею наслаждалась и думала, что ты её запрешь, как мы договорились, или сам перейдешь в неё для тепла. А в общем мне глубоко безразлично, и я пошутила, написав обо всём этом несколько фраз. Мне не на что претендовать, раз я приношу нашу совместную жизнь научной работе, раз я не живу с тобою там, где ты. И, конечно, пусть лучше Нелли, чем ты будешь одинокий сидеть по вечерам в пустой квартире.

Замечательное любовное послание 59-летней Марии Ивановны своему 73-летнему мужу, сидящего без неё в Сыктывкаре (и обещавшего приехать в сентябре! а не в январе) [5, с. 113—114].

Вава — это Варсанофьева, Ия — надо выяснить. «*Она его кормит*» — это женщина, домработница, нанятая ухаживать за матерью Шульги-Нестеренко. У Чернова когда-то имелась квартира в Москве, которая была разрушена при бомбёжке. После этого велись длительные хлопоты о выделении ему квартиры Кольским АН СССР в строящемся доме.

Пол<учено> 5/ XI. № 19.

29.X.50 г.

Дорогой мой! Сегодня получила твой № 46 от 22.X. Очевидно, перейдем теперь писать по воскресеньям, так от занятости некогда писать по будням. Теперь уже ты свиделся с Меннером, и он тебе всё привез и разъяснил, что она ему поручила.

Сердце у меня дрогнуло, когда я прочитала, что твой приезд в Москву зависит от Вавы. И оно вторично дрогнуло, когда я прочитала, что ты уже упоминаешь о январе (!), на что я же никак не рассчитывала. В этом всём меня беспокоит даже не то, что я лишаяюсь еще на сколько-то времени дорогой для меня жизни с тобою, а мучает страх, как бы ты не заболел без моей заботы и опеки, да еще в зимнее время, да еще расставшись с Ией, которую, мне казалось, я чему-то все-таки выучила. Я совсем не прошу тебя вернуть Ию обратно, но совершенно необходимо, чтобы какая-то разумная женщина готовила тебе нормальный обед или хоть три раза в неделю одно толковое блюдо: то щи с мясом, то котлеты, то овощное рагу, рецепт которого я послала. Ведь это же кошмар «*сам жарю себе свиные почки*»! Да разве ты можешь. Уж лучше вари большой кусок мяса, бульон отдай кому-нибудь, он тебе вреден, разведешь

подагру, и обжаривай это вареное мясо в масле на сковородке под крышкой, чтобы не засушивать. Держи отварную в солёной воде морковь, приправляй луком и у тебя будет здоровая по твоему возрасту пища. А еще лучше, договорись с кем-нибудь из семейных товарищей. За 800 р. в месяц тебя могут взять, или за 1000 р., чтобы давать тебе обед и завтрак. Может быть, Фишманы или Калинины согласятся? Всякая еда теперь на холоду может стоять 2—3 дня.

Да, напишу, чтобы не забыть: Ал. Ник. был месяц без службы. Сейчас опять поступил. Она его кормит пока до полочки, но ей не хватает, и она уже попросила у меня за маму вперед немного. А тут ещё праздники. Если можешь, вышли ей 200 р., не дожидаясь 15-го ноября, и прибавь к ним 50 р. для Сытина или 100, т.к. его счет на 97 р.

Мне как раз потому же не хочется ни умирать, ни стариться. Потому что мне массу радости дает работа с мшанками, воспитывание Иды (мы с нею уже очень любим друг друга), и Данильченко уже сказал, что её оставят в Институте после аспирантуры. И общение с друзьями, хотя бы письменное, когда они далеко. Голубое небо, цветы и зелень деревьев, ради одного этого стоит жить подольше.

Целую тебя крепко. Твоя К.

Остальные фото пришло в следующий раз, у меня ничего уже не останется.

Еще одно потрясающее любовное письмо! [5, с. 116—117]. Тектоника, о которой уже не впервые идёт речь, и которую должна была написать Варсанофьева — это, очевидно, глава в монографию «Производительные силы Республики Коми». Тамарка — видимо, тогдашняя жена Георгия Чернова.

Пол<учено> 30-го. № 24.

22.XI.50 г

Милушек мой! Видишь, я недаром тревожусь. Это самое нехорошее время между осенью и зимой, когда ты, по приезде в Москву, почти всегда заболел легким гриппом и каким-то недомоганием. Отлеживался у меня за ширмой, и все проходило. А теперь бесконтрольно делаешь там, несомненно, чего не следует и прежде всего, явно переживаешь на ногах, не знаю что — грипп или очередную вспышку твоих плевритных очагов. Раз у тебя появилась апатия и отсутствие аппетита, то это несомненный показатель чего-то в организме. Пойди к Суханову, умоляю, пусть он тебя прослушает и даст тебе нужные процедуры. Наверное, надо банки поставить несколько раз на спину — и всё пройдет. Пришлют тебе сестру на дом или сходишь в поликлинику.

Какое страдание сидеть тут прикованной к своей службе и не иметь возможности принять около тебя нужные меры!

Я же знаю, знаю тысячу раз, что к зиме ты должен быть тут около меня, чтобы всё было в порядке. Неужели нельзя эту тектонику так или иначе Ваве или тебе самому дописать в Москве и выслать туда, чтобы Фишман и Калинин сами уже включили её в нужное место тома? Убеждена, что можно; заяви, что ты болен и больше не можешь высиживать там. Не понимаю, зачем тебе нужно высиживать какие-то часы в филиале? Ты ведь можешь после завтрака ложиться отдыхать часа два, а потом работать дома или в филиале еще до 6 или сколько сможешь. Никто ничего тебе не скажет, а самое главное — не переутомлять сердце и часа через два, как в Москве, прикладываться отдыхать. Для тебя самое важное должно быть твоё здоровье. Ты явно пересидел в Сыктывкаре, умоляю, бросай всё и лети сюда. Всё равно ничего не наработаешь, раз переутомился.

М.б., хочешь, я к тебе поеду, черт с ним, на всё здесь наплюю. Только напиши, и я начну здесь хлопотать, чтоб мне позволили ради тебя поехать с работой, заканчивать монографию свою в Сыктывкаре. Основное я всё закончу к 1 декабря. Останутся всякие доделки.

Постараюсь завтра видеть Ваву.

20-го получила твой № 52 от 12-го, а сегодня № 53 от 18-го.

Брось ходить сейчас в театр, это самый подлинный рассадник гриппа. Мой руки с мылом почаще.

Ещё между своей квартирой и филиалом как-нибудь дотяни время до отъезда. Носи под пальто фуфайку, или м.б., ватник сможешь поддевать под пальто. Тепло ли в квартире у тебя? Ведь не взял даже ватного одеяла — купил бы, если есть в продаже. При восточном ветре не дует ли у тебя в большой комнате?

К Тамарке 18-го приехал супруг — теперь, верно, надолго замолчит. А насчет твоей квартиры, я подозреваю, у неё какие-то свои мысли.

Посмотри, какой у тебя язык. Если желтый — прими английской соли. Разведи в стакане всю порцию и выпей половину, на меня моментально действует.

Уверяю тебя, тектоника скорее напишется, если ты приедешь в Москву. Целую К.

Станислав

«Но той, которой быть не может»

Белобяжский

* * *

И уезжать, и возвращаться,
Когда тебя никто не ждет,
Как говорят, непросто, братцы,
Да только всё наоборот.

Никто не стонет и не хнычет,
Что долго не было тебя,
Никто заботой вас не тычет,
Никто не ссорится, любя.

Вернусь я в дом пустой, открою
Давно не смазанную дверь,
Чем Бог послал, я стол накрою,
И в том не вижу я потерь.

* * *

Узнал я горечь поздних встреч
И радость ранних расставаний.
Когда гора спадает с плеч,
Тем больше будет расстоянье

От той любви, что всех верней,
Которой я всего дороже,
Которая мне всех нужней,
Но той, которой быть не может.

5.8. Старость геолога

5.8.1. Геологи — об ушедшей молодости

Эрнст Портнягин • Юрий Мокин • Борис Жуланов

Эрнст Портнягин

Пронзительное ощущение надвигающейся старости — у крутого мачо геолога Эрнста Портнягина... [19, с. 504, 506].

Ещё по плечу кутерьма
тропы, каравана и вьюка,
и лошади сходят с ума,
завидев старинного друга.

Ещё подниму на скаку,
достану любую потерю.
Ни другу, ни ученику
я трудный маршрут не доверю.

Как прежде, высоты люблю,
в низинах впадаю в отчаянье,
но только всё чаще ловлю
себя на внезапном молчанье.

На первой своей немоте,
на страшном бессилии слова:
всё, что отболело во мне,
назад возвращается снова.

То тихой осенней водой,
то гулом и паводком вешним,
но нет безграничности той,
но нет беспечальности прежней.

Горячий туман поредел
и чувства лишились обмана.
Наверное, первый предел
дано мне почувствовать рано —

Любимцу порожистых рек,
питомцу тайги неоглядной —
узнать, что сжимается век
и скорость растёт беспощадно.

Изведать ещё молодым,
что шум — это жизни дыханье,
и мы неизбежно летим
к холодной границе молчанья.

Вариация на ту же тему — об ушедшей молодости...

Закружило меня ремесло,
слава путника и следопыта,
слишком быстро по свету несло,
слишком лихо звенели копыта.

Чудаку подарю скакуна,
пусть летит беззаботно, не видя,
как его позабыла жена,
как дорога с потерями свита.

Опостылело быть поутру
молодым, но уже ветераном,
уползать вечерами в нору
и зализывать юные раны.

А ночами туман в голове,
гул в груди, как в ущелии горном.
Это вечная молодость мне
подступает удушьем под горло.

Не начальник я вам, не глава,
поищите себе полководца.
Надоели чумные глаза
проходимцев и землепроходцев.

Реже волосы, разум ясней,
тяжелее похмелье работы,
где веселая ярость людей
состязается с буйством природы.

Я поднялся сюда из равнин,
и зовут они сына спуститься,
потому что я в мире один
и со мною мой мир прекратится.

А крутой мачо Эрнст Портнягин пишет всё о том же, всё об одном: об ушедшей молодости [19, с. 513].

Где легкого чувства разброд?
Где радость моя, бездорожье?
И каждый скитальческий год
становится сердцу дороже...

Пора их считать и беречь —
часы под распаханной ночью,

огарки палаточных свеч,
туманов рассветные ключья,

Альпийские травы в горсти,
просветы в брезентовой крыше...
Мне новых друзей не найти,
а старые горше и ближе.

Юрий Мокин

Пронзительный вопль геолога об ушедшей молодости.... [19, с. 420].

О, как быстро!
О, как скоро!
Пролетело время в спорах,
В суматохе встреч, прощаний,
Безутешных расставаний,
В долгих поисках, в раздумье,
В непростительном бездумье...

По таежным весям кралось,
По вершинам синим мчалось,
Пронеслось по перекатам,
По туманам, по закатам...

Борис Жуланов

«Прошагали своё пилигримы» [30, с. 37].

По дорогам судьбы человеческой
Прошагали свое пилигримы,
И все реже счастливые встречи,
А прощания — необратимы.
Эти встречи без продолжения
И разлуки на бесконечность...
Завершается наше движение
В необъятность пространства и вечность.
И дорога, увы, не радостью,
А работой в конце перехода
Оборачивается для шагающего
Труднумудрой в любые погоды.

Если горько тебе и тошно,
Утоляя душевную боль,
Сделай малость чего-то хорошего
Хоть кому-нибудь рядом с тобой.
Наши слёзы прольются грозами
В благодать на земной груди...
Мы с тобой ещё встретимся звездами
Где-то там — на Млечном пути.

5.8.2. Геологи — о неизбежности смерти

«Снесут тебя вперед ногами» • «Улетают друзья на погост» • «Жизнь проходит»

«Снесут тебя
вперед ногами»

Колымский геолог фронтовик Лев Фирсов о смерти и равнодушии наследников — *Идущих-вслед-за-нами* [30, с. 95].

Успей, потомков миру подари,
И, чёрт с тобой, сгнивай в могильной яме!
В них плоть свою и мысли раствори
И всё отдай Идущим-вслед-за-нами.

Не угаси случайно жизни пламя —
Подкинь в него Идущих-вслед-за-нами.
Не избежать назначенной судьбы,
Измерить путь короткими годами,

Пройдёшь в боренье или без борьбы,
Творя в любви Идущих-вслед-за-нами,

Лелея мысль, что долгими веками
Ты будешь жить в Идущих-вслед-за-нами.

Но эту веру ложную откинь —
В свой срок снесут тебя вперёд ногами.
За вздох пустой, бесстрастное «аминь»
Не осуди Идущих-вслед-за-нами.

Не возлагай надежд на чью-то память —
Не до тебя Идущим-вслед-за-нами.

«Улетают друзья
на погост»

Грустный стих постаревшего геолога и альпиниста
Николая Герасимова [1, с. 146].

Мы увязли в быту,
разучились глядеть в небеса,
Нам гроза по весне
первым громом сердца не обрушит.
И туман по лугам и на травах июньских роса
Не разбудят, увы,
срок земной отмотавшие души.

Позабыты колодезных вод
зубы ломящий чистый хрусталь,
И малины лесной
рот сводящая жаркая спелость.
Догорает на сопках заката парчовая шаль —
Нам давно отмолилось,
отплакалось, отгоревалось, отпелось.

Пуст родительский дом,
доживает Никола свой век,
Ямщики птицу-тройку
умаяли долгим галопом.
И ни гордо, ни горько —
никак не звучит человек:
Почернели от копоги юности светлые тропы.

Распадается время. Несносен Отечества дым.
Улетают друзья на погост в одиночку и стаей.
Я когда-то случился
на этой земле молодым...
Наступает пора, словно снег
прошлогодний растаять.

Жизнь проходит. Увы, неуклонно
Сокращаются дни и часы
До последнего, в пояс, поклона
Солнцу, листьям и капле росы.

Сожалеть о конце я не буду.
Всё, что прожито, то моё.
Жизнь всегда почитал за чудо,
Остальное же всё — враньё.

Мне остаться хочется в поле.
Не сочтите за труд, друзья,
Схороните меня на воле,
Даже если это нельзя.

Пусть мне памятью будет камень
Без таблички и без креста,
И листвы осеннее пламя
Озаряет пусть эти места.

1988 г.

5.8.3. Разное на тему старости

«Зарастают ожоги привальных костров...» • «Всё проходит поздно или рано...» •
«Мы сменили азимут?» • «В такие ночи тяжело на душе» • «Не ходите
в маршруты...» • «Небо прозрачно над далью таежной...» • Осень души •
Пронзительные признания • «Тропинка к радости — одна...» • «Сожмётся
сердце от тоски» • Авторское-6: После смерти

«Зарастают
ожоги привальных
костров...»

Невеселые размышления магаданского геолога
Бориса Жуланова [30, с. 36].

*Тогда считать мы стали раны ...
М. Ю. Лермонтов*

Зарастают ожоги привальных костров
На земле, по которой когда-то прошёл.
На дорогах крутых между скал и кустов
Я искал и как будто бы ничего не нашёл.

Только вот к непогоде немеет нога...
И болит поясница, и ноют суставы —
Где-то спрятались в них мерзлота и снега,
Стынь холодных ночёвок, сумасшедшие сплавы.

Это память о длинной маршрутной версте
Не дает мне уснуть к перемене погоды,
И лежишь, не смыкая глаза в темноте,
Вспоминая былые лихие походы.

Может, тысячи вёрст этих троп и дорог
Надо было пройти как-то проще, иначе?
Я, конечно, сумел бы и, наверное, смог
И прожить, и пристроиться как-то удачнее...

На дворе занимается тусклый рассвет,
Просыпается город для нового дня.
Мир входящему. Слава ему и привет!
Будьте счастливы. И не жалейте меня...

А над миром, как прежде, бушует весна —
Я намечу маршрут и рюкзак соберу,
И занует привычную болью спина,
Задубеет лицо на кинжальном ветру.

И, пьянея от запахов северной флоры,
Молодея всем телом и светлея душой,
Я пойду к горизонту — там и небо, и горы,
К горизонту, к которому я не дошёл.

Я не знаю, в болоте иль сумрачной куще
Уготовано мне свой рюкзак не поднять, —
Не жалейте меня, позавидуйте лучше:
Тех дорог, что прошли мы, у нас не отнять!

*«Всё проходит
поздно или рано...»*

Прощальный стих томского геолога Валерия Лихачева [61, с. 204].

Я прошу прощенья у полянок,
На которых больше не бывать,
У походных лагерных стоянок,
Где мне никогда не ночевать,

У тропы, проложенной надёжно
Там, где скалы скользкие встают,
У избушки в глубине таёжной,
Что дала усталым нам приют,

У озёр с серебряной каёмкой,
У тепла простого очага,

Когда скроет полосу позёмка,
А рекою двинется шуга...

Всё проходит поздно или рано,
Но хочу еще хотя бы раз
В том краю, свободном от обмана,
От усилий дружеских прикрас

Я своё увидеть отраженье
В зеркале прозрачного ручья,
Прежде чем отправиться в скольженье
В зеркалах иного бытия

*«Мы сменили
азимут?»*

Лирика постаревшего геолога Василия Терещенкова [19, с. 639].

Ягель нам — периною
Небо — синим пологом,
Тропы — лишь звериные...
Хорошо геологам!

Девочки — ровесницы,
Прелести под робами,
Дни — ступени лестницы...
А рюкзак-то с робами!

Но ручьи — хрустальные,
Но огни — маячные...
Где, когда устали мы,
Сбились в стайки дачные?

За какой вершиною
Мы сменили азимут
На возню мышиную
И запасы «на зиму»?

Как живется-дышится?
Не дождусь ответа я,
Но ночами слышится
Песня недопетая.

Но горят по-прежнему
Звезд глазищи в просини
Жили, будто не жили,
А дела-то к осени.

«В такие ночи
тяжко на душе»

Осенняя тоска состарившегося геолога Олега Чер-
нецова [19, с. 740].

Какая грусть! Как неуютно здесь...
Какая осень! В сердце хлынул холод.
И дикий ветер, словно тяжкий молот,
С размаху гнёт унылый голый лес.

На сером небе бледная луна
Летит меж туч, бросая свет убогий
На рябь реки, на чёрные отроги
Далёких гор, где скрылась тишина.

В такие ночи тяжело на душе,
В груди теснится смутная тревога,
Рассвета ждёшь, как милости от Бога,
И не дождёшься, кажется, уже...

О, жизнь моя!
Тебя я расплескал
По километрам долгих расстояний,
Где нет теперь костров моих сияний,
Лишь только пепла серая тоска...

Судьба моя! Какие рубежи
Мне одолеть когда-нибудь придётся,
Пока я жив, куда сердце бьётся
И о прошедшем некогда тужить?

.....
Ответа нет... Лишь ветер ледяной
Бунтует за палаточной стеной...

1993

«Не ходите
в маршруты...»

Весенние ощущения уже не молодой колымской
минералогини Наталии Савва [30, с. 64].

НЕ ХОДИТЕ В МАРШРУТЫ

— Не ходите в маршруты! Вам уже шестьдесят.
Ваши ноги ослабли, и зренье, и слух.
Но во сне я по сопкам бреду наугад,
И с лиловых цветов осыпается пух...

Город вылез из снега. Нет больше зимы.
На газонах опять поджигают траву.
Запах дыма... и ты выползаешь из тьмы.
Грезишь полем и жаждешь его наяву.

Снова чинишь штормовку. Пишешь кучу бумаг.
А друзья говорят: «Что, опять засвербило?»
Ничего не поделаешь — всё это так,
Это, видно, какая-то тайная сила.

Через месяц, не больше — в час белых ночей
Ты поставишь палатку под большим перевалом,
Где хрустально-прозрачный струится ручей,
Разбиваясь о скалы седым водопадом.

Опьянённый природой, проспишь до утра,
А, проснувшись, опять восхитишься рассветом,
Изумрудно-алмазною будет трава —
В каплях свежей росы, вся пронизана светом.

Впереди у сезона будут хмарь да ветра,
Будет вновь опалённая солнцем усталость,
Это всё для тебя, как всегда, — ерунда,
То, что память быстрее стереть постаралась...

— Не ходите в маршруты! Вам уже шестьдесят.
Ваши ноги ослабли, и зренье, и слух.
Но во сне я по сопкам бреду наугад,
И с лиловых цветов осыпается пух...

*«Небо прозрачно
над далью
таёжной...»*

Колымская геологиня Людмила Глотова о старом
геологе [30, с. 27].

ГЕОЛОГУ-ВETERАНУ

Небо прозрачно над далью таёжной,
Пахнет нездешним дымком...
Старый геолог, чего так тревожно
Стало на сердце твоём?

Помнишь дождей бесконечные нити
В зябкой унылости дня,
Мокрые спины прибрежных гранитов,
Жаркую ласку огня?

Вновь ожила беспокойная память,
Вызвав из прошлого мглы
Летние дни, что сгорали кострами,
Ночи, что были светлы...

Помнишь? Да разве же можно словами
Выразить памяти зов —
Просто весною колдуют над нами
Запахи трав и костров!

Помнишь аласных равнин многоцветье,
Шорохи трав на ветру
И как на небе холодно-рассветном
Гасла звезда поутру?

В душу врываются неосторожно,
Ранят своим волшебством...
Вот потому так, геолог, тревожно
В сердце твоём молодом!

Осень души

Осень года и осень души в мирском восприятии
Александра Олейникова [19, с. 437—438].

Не уйти. И некуда укрыться.
Оборвался времени полёт.
Осень бьет серебряным копытцем
В бронзовые прожилки болот.

Для чего бесовским наважденьем
Ты явилась, разум заслоня,
Для чего ты дышишь на поленья,
Надо мной камлая у огня?

Рассыпай, олесек, самоцветы!
В сумраке нехоженных трясин
Зажигает прожитое лето
Свечи умирающих осин.

Не собирать волшебных самоцветов.
Мы судьбе ударили челом —
Где бы силы встретиться с рассветом
И суметь не думать о былом.

Для чего ж тропой неповторимой
Ты ведешь за вереницу дней
От сырого устья Сеторыма
К берегам Киммерии моей?

Наши чащи поздно или рано
Станут степью, выжженной травой.
Снег идет в горах Сетте-Дабана.
Снег идет над нашей головой.

Ворох слов, истаскан и бессмыслен,
Отшумел, умчался, отлетел.
За грехи и горестные мысли
Нас накажет разобщенность тел.

Не для нас таежные растенья
Отворят живительную сень,
И другим раздаст свои камни
Сказочный серебряный олень.

*Пронзительные
признания*

Это выпускник-1957 геолфака МГУ, геофизик Алексей Николаев [12, с. 370—371]. Где ещё прочтешь такое? (Лиза — его жена Лиза Седова. Она внезапно умерла 2 февраля 2003 г. от тромба, попавшего в легочную артерию. Люба и Маша — его дочери, Сева — сын).

После смерти Лизы я остался прописанным один в четырехкомнатной квартире. Я жил с ощущением брэнности нашей жизни. Прописал Любу и Машу в нашей большой квартире на проспекте Вернадского. По согласованию с Севой, подарил дачу внуку Вадиму, составил завещание на большую квартиру.

В 1993 году у меня родился внебрачный сын Алексей Верещагин, сейчас ему 15 лет, заканчивает 9 класс. Последние три года мы в большом ремонте и перестройке и на проспекте Вернадского, и на Кавказском проспекте, где живет младший сын. По сути, с 1992 по 2003 г., до смерти Лизы, я был двоеженцем. Для нас, русских, это большая моральная проблема. Но время идёт, постепенно сглаживает остроту сегодняшних переживаний.

Наша группа редет. Нынче, в 2009 году, большинству из нас исполнится 75 лет. Еще активны, но это скорее по привычке. Раньше мне казалось, что сделано многое, чего-то добился на разных фронтах. Сейчас приходят другие мысли: главное лежит где-то в стороне от наших стараний. В мир геофизики вмешивается нечто, чего мы не знаем совсем, во что не верили раньше и ещё не верим сейчас. Задачи совершенно новы и непомерно сложны для нашего времени. Нам же пора на этом поставить точку и остановиться, успокоиться. Пришел к этому пониманию — и то хорошо.

«Тропинка к радости — одна...»

Грустные стихи пожилого геолога Валентина Литвинова [45, с. 283].

ПЕЧАЛИ

Тропинка к радости — одна,
к печали — сто дорог...
Молчит вечерняя сосна,
Мигает костерок.

Я на камнях разжег его,
над говором реки.
Уединенья моего
раздумия горьки.

Долиной вниз струится дым —
погоде завтра быть.
А мне — проснуться б молодым,
печали позабыть.

Они заблудятся в дыму,
они растают в нем,
и успокоенность приму,
очищенный огнем.

Огнём, и лесом, и рекой...
Минуя пережат,
плывут печали над тайгой
в малиновый закат.

«Сожмётся сердце
от тоски»

Геннадий Лысенин рассказывает о пенсионном
прозябании старого геолога [41, с. 230—232].

Старик

Памяти Владимира Константиновича Ливанова

Когда над камнем городов
Цветных огней заплещет россыпь,
На плечи стриженных садов
Алмазной пылью лягут росы,

Закончит ночь небесный сев,
И звезды щедро замигают,
Ты, к подоконнику присев,
Закуришь, свет не зажигая.

Спокойны мысли, и просты
Пенсионерские заботы:
Ворочай книжные листы
Да навещай друзей в субботы,

Считай созвездья, не спеша,
Броди по тротуарам гладким...
А по тайге дожди шуршат,
С утра загнав людей в палатки.

Они глотают едкий дым,
Погоду нехотя ругая.
Нет, этот отдых не по ним —
Здесь мера времени другая...

За окнами блестит роса,
И на столе белеет скатерть.
Но видишь ты, закрыв глаза,
Сверканье пиков на закате.

А ручку кресла сжав рукой,
Гранита жесткую шершавость
Вдруг ощутишь, и под ногой
Уж не ковер — трава прижалась.

И слух встревожит ковылей
Извечный шепот, еле слышный.
В уснувшей комнате светлей
От пламени костров давнишних.

Сожмётся сердце от тоски
По неустройству, по дорогам.
И вдруг покажется таким
Никчемным этот мир убогий.

И станут ненавистны вмиг
И эта теплая квартира,
И полки этих умных книг,
В себя вобравшие полмира.

Опять захочется спешить,
Недосыпать, не медля часу,
Забыть недуги, уложить
В рюкзак нехитрые припасы,

Уйти — и рядом, за стеной
В лицо целебный ветер хлынет,
И захлестнет тебя хмельной
И горький аромат полыни.

Уйти — и снова зашагать
По долгожданном и проклятом
Дорогам, где степная гладь,
Боры, хребты и пережаты!

Забыть галоши и шарфы,
Отогреться дымным чаем,
Смолить махорку, бить шурфы
И — водку пить, друзей встречая!

Авторское 6: После смерти²⁴

Не ищите меня по больницам,
Ибо меня там нет — я умер.
Умер — и прах закопали в землю, а
Я — перестал существовать.

Не ищите меня по тюрьмам,
Ибо меня там нет — я умер.
Но и при жизни Бог (в которого я не верил)
Уберег меня от тюрьмы.

Не ищите меня по тайге и в горах,
Ибо меня там нет — я умер.
Остались те же скалы по берегам рек,
Где я проходил с рюкзаком и молотком,
Но меня там давно нет.

Остался свист норда, тоскливый плач канюков,
Места, где когда-то стояла моя палатка,
Но и колышки от неё давно сгнили.

Не ищите меня в теплых читальных залах,
За столами с зелеными лампами,
Ибо меня там нет — я умер.
Лучшие женщины мира (библиотекарши)
Скажут вам: «*О-о! Мы не видели его уже очень давно*».

Не ищите меня за моим компьютером,
За которым я провел столько лет
Изнурительного труда, дарящего радость.
Остались мои тексты, но редактура их невозможна,
Ибо я умер: сошел с лица Земли, и меня больше нет.

Не ищите меня в храмах и синагогах:
Меня там нет и не было, ибо я не верил в Бога
И никогда ни о чём не просил Его.
Но Он всё равно любил меня —
Даже такого...

Но подойдите к моей старушке, оставшейся одной,
И поплачьте обо мне,
И загляните к ней в душу —
Там вы найдете меня,
Только там — я ещё живу.

²⁴ Этот странный текст пришел ко мне в тяжком сне под утро в апреле 2010 г. Мне оставалось, проснувшись, только записать его. Опубликовано в книге: Сыктывкар. Литературный альманах. — Полиграф-Сервис. 2013. С. 143—144.

Литература

1. *А гора остается горой.* Литературный альманах. — Сыктывкар: Геопринт, 2013. 270 с.
2. *Академик В. А. Обручев.* Мои путешествия по Сибири. — М.: АН СССР, 1963. 288 с.
3. *Академик В. А. Обручев.* По горам и пустыням Средней Азии. — М.-Л.: АН СССР, 1948. 244 с.
4. *Аксаментов Е. В.* Размышления // Смирновский сборник-2007. (Научно-литературный альманах). — М.: Фонд им. академика В. И. Смирнова, 2007. С. 313—318.
5. *Александр Александрович Чернов* / Институт геологии Коми научного центра УрО Российской АН. — СПб.: Наука, 1995. 255 с.
6. *Амшилов Ю. П.* На верхней границе фанерозоя (о нашем поколении исследователей недр). — М.: Геоинформмарк, 2007. 344 с.
7. *Бакут Ф. Б.* Пропавшее изваяние / Ф. Б. Бакут. Полевые были — Томск: Изд-во Томского политехнического университета, 2008. С. 111—118.
8. *Баратов Р. Б., Новиков В. П.* Каменное чудо Таджикистана. — Душанбе: Ифрон, 1988. 216 с.
9. *Батиева И. Д.* Игорь Владимирович Бельков. Хроника жизни. — Апатиты: КНЦ РАН, 2007. 205 с.
10. *Бурлин Ю. К.* О друзьях, коллегах и немного о себе // Смирновский сборник-2008. Научно-литературный альманах. — М., 2008. С. 185—198.
11. *Был у меня хороший друг.* Литературный альманах. — Сыктывкар: Геопринт, 2004, 480 с.
12. *Были мы вчера еще студенты...* Книга о выпускниках геологического факультета МГУ 1957 года. Биографии, воспоминания, песни, встречи. — М.: Университетская книга, 2009 г. 414 с.
13. *Варсанюфьева В. А.* Очерки Тимана. — М.: Гос. изд-во, 1922. 74 с. (Землеведение. Кн. 1, 2).
14. *Ваиш А. Яниши.* — Новосибирск: СО РАН, филиал Гео, 2004. 297 с.
15. *Вера Александровна Варсанюфьева.* — Сыктывкар: Коми научный центр Уральского отделения АН СССР, 1990. 187 с.
16. *Володин В. Д.* Неоконченный маршрут: Воспоминания о Колыме 30—40 гг. — Магадан: Охотник, 2014. 374 с.
17. *Вронский Б. И.* На золотой Колыме. — М.: Мысль, 1965. 280 с.
18. *Вронский Б. [И].* Тропой Кулика. — М.: Мысль, 1968. 254 с.
19. *Геология — жизнь моя...* Вып. 12. Негаснувший костер. М.: РосГео, 2004. 800 с.
20. *Геология — жизнь моя...* Сборник очерков. Вып. 7. — М.: ООО Геоинформцентр, 2002. 503 с.
21. *Геология и жизнь.* К 90-летию Л. И. Красного. СПб: Изд-во ВСЕГЕИ, 2001 г. 663 с.
22. *Горелов Г. Ф.* Жизнь в геологии. — Новосибирск: Православная Гимназия во имя Преподобного Сергия Радонежского, 1999. 208 с.
23. *Григорьев В. М.* Вспоминаю прожитое // Смирновский сборник-2009. (Научно-литературный альманах). — М., 2009. С. 199—213.
24. *Данилов М. А.* Первопроходцы: [Из истории геол. исслед. на Европ. Севере]. — Архангельск: Сев.-Зап. Кн. изд-во, 1981. 128 с.
25. *Дорогами надежд и сомнений.* История поисков месторождений нефти и газа в Тимано-Печорской нефтегазонасной провинции. Сборник статей и воспоминаний. — Ухта: ГФУП «Ухтанефтегазгеология», 2000. 582 с.
26. *Друянов В. А.* Рыцарь факта (Книга об академике В. А. Обручеве). — М.: Знание, 1984. 160 с.
27. *Емельянов Е. М.* На стыке двух тысячелетий. — М.: ГЕОС, 2012. 290 с.
28. *Жуланов Б.* Кегали // На Севере Дальнем. Лит.-худож. альманах. Магадан: «МАОБТИ», 2004. № 4 (84). С. 151—164.
29. *Зайков В. В.* Путь к просторам древних океанов. — Екатеринбург, РИО УрО РАН, 2013. 433 с.
30. *Золотой молоток: стихи геологов СВКНИИ* / составители В. Г. Шахтыров, И. Л. Жуланова. — Магадан: 2010. 116 с.
31. *Зоненишайн Л. П.* Очерки. Воспоминания. — М.: Наука, 1995. 330 с.
32. *Кузнецов С. С.* Александр Петрович Карпинский (1847—1936) // Отечественные геологи. — М.: Госучпедиздат, 1958. С. 13—38.
33. *Левченко С. В., Мозесон Д. Л.* За рудами в Сибирь. — М.: Наука, 1978. 144 с.
34. *Летников Ф. А.* Байки и беседы у вечернего костра. Книга первая — XX век. — Иркутск: ИЗК СО РАН, 2008. 262 с.

35. *Лю. Голая лирика.* — Новосибирск: СО РАН, 2009. 179 с.
36. *Максимов М. М.* Очерк о золоте. — М.: Недра, 1988. 112 с.
37. *Маркова Е. В., Войновская К. К.* Константин Генрихович Войновский-Кригер. 1894—1979. — М.: Наука, 2001. 144 с.
38. *Махлаев Л. В.* Полвека в геологии. Сыктывкар: ИГ Коми НЦ УрО РАН, 2010. 750 с.
39. *Милановский Е. Е.* Двести лет геологической школы Московского университета в портретах ее основоположников и выдающихся деятелей (1804—2004 гг.). — М.: Академический проект, 2004. 448 с.
40. *Михайлов Д.* Таёжные мемуары. — Горьковское: 2003. 120 с.
41. *Моим Северам.* — М.: Дом «Руда и металлы», 2008. 344 с.
42. *Наковник Н. И.* Охотники за камнями. — Л.: Изд-во «Недра», 1966. 244 с.
43. *Наливкин Д. В.* Наши первые женщины геологи. — Л., Наука, 1979. 216 с.
44. *Наливкин Д. В.* Он был человеком необыкновенным...// Дмитрий Иванович Щербаков. Жизнь и деятельность. 1893—1966. — М.: Наука, 1969. С. 45—49.
45. *Незаснувший костер.* Стихи. — М.: Геоинформмарк, 1998. 560 с.
46. *Несекретные материалы-2.* Сборник: рассказы, стихи. — Петрозаводск: Verso, 2010. 107 с.
47. *Паптелеймон Леонидович Безруков* (1909—1981). — М.: Наука, 1983. 192 с.
48. *Петров В. П.* Воспоминания о камне и о людях, связанных с наукой о камне. — М.: ГЕОС, 2005. 128 с.
49. *Петров В. П.* Очерки петрографа. — М.: Изд-во «Недра», 1971. 144 с.
50. *Полное собрание разлук.* Литературный альманах. — Сыктывкар: Геопринт, 2005. 460 с.
51. *Прекрасная и черная работа.* Литературный альманах. — Сыктывкар: Геопринт, 2006. 336 с.
52. *Прервана точкой строка.* Литературно-художественный сборник. — Сыктывкар: Народный дом, 1997. 188 с.
53. *Пусть россыпями стелются года.* Литературный альманах. — Сыктывкар: Геопринт, 2011. 304 с.
54. *Пучков В. Н.* Мои высокие широты, мои далекие костры (воспоминания геолога). — Уфа: Ди-зайн Пресс, 2012. 212 с.
55. *Пуцаровский Ю. М.* 12 Salto mortale в моей жизни // Смирновский сборник-2009. Научно-литературный альманах. — М., 2009. С. 191—198.
56. *Резанов И. А.* По горам и пустыням Азии: Путешествия К.И. Богдановича. — М.: Мысль, 1976. 78 с.
57. *Сафонов В. Г., Масленников В. В., Ежихин Н. Я.* Геологи рассказывают. — М: ОАО «Типография «Новости», 2009. 264 с.
58. *Смирнов В. И.* Тропой геолога. — М.: МГУ, 1992. 208 с.
59. *Соколов М.* Тяжелый шлик. Приложение к журналу «Вестник» № 2. — Сыктывкар: Геопринт, 1997. 48 с.
60. *Тиблов И. В.* Благословенные времена презренного застоя: Чукотские были. — СПб: Издательство писателей «Дума». 2007. 544 с.
61. *Томская геологическая россыпь.* Литературно-художественный альманах. — Томск: НТЛ, 2004. 500 с.
62. *Уезжают друзья с севера.* Литературный сборник. — Сыктывкар, 2003. 432 с.
63. *Хаин В. Е.* Из воспоминаний геолога. — М.: ГЕОС, 1997. 188 с.
64. *Хаин В. Е.* Дни моей жизни (воспоминания геолога). — М.: Научный мир, 2009. 224 с.
65. *Чернусов Я. М.* Академик А. П. Капинский. — Свердловск: Свердловское книжное изд-во, 1962. 108 с.
66. *Щербаков Д. И. А. Е.* Ферсман и его путешествия. — М.: Госгеографиздат, 1950. 200 с.
67. *Юдович Я. Э.* Беллетристика от ЭЮЯ. — Сыктывкар: Геопринт, 2012. 336 с.
68. *Юдович Я. Э.* Грамм дороже тонны: Редкие элементы в углях. — М.: Наука, 1989. 160 с.
69. *Юдович Я. Э.* Записки геохимика. — Сыктывкар: Геопринт, 2007. 195 с.
70. *Юдович Я. Э., Ветошкина О. С., Кетрис М. П.* Болгарский геологический феномен // Вестник Ин-та геологии Коми НЦ УрО РАН, 2009, февраль, № 2 (170). С. 12—15.
71. *Юдович Я. Э., Кетрис М. П.* Неорганическое вещество углей. — Екатеринбург: УрО РАН, 2002. 422 с.
72. *Юшкин Н. П.* На островах Ледовитого. Сыктывкар: Коми книжное изд-во, 1979. 112 с.
73. *Юшкин Н. П.* Поднятие Чернова. — Сыктывкар: Геопринт, 2006. 144 с.
74. *Юшкин Н. П.* Уральскими маршрутами. — Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1985. 136 с.
75. *Юшкин Н. П., Волкова Н. В., Маркова Г. А.* Оптический флюорит. — М.: Наука, 1983 г. 134 с.

Именной указатель

- Авраменко 206
 Адамович А. Ф. 225
 Асаментов Е. 327
 Александров А. 318
 Алискеров В. 20, 21
 Альбов Ю. 276, 339
 Ампилов В. 205
 Ампилов Ю. М. 208
 Амундсен Р. 29
 Амшинский Н. 75
 Андреичев В. Л. 49
 Аникин Л. В. 144
 Антошкина А. И. 52, 53
 Анциферов Е. А. 34
 Артамонова Н. 351
 Асанбек 231
 Асхабов А. М. 223, 236
 Афанасьев Б. Л. 104
 Афанасьев И. 170
 Афанасьева Е. 335
- Байков В. 275, 290
 Баймуханов ... 25, 27, 28, 43, 76,
 88—90, 180, 231, 232, 258, 259
 Бакшт Ф. Б. 155, 216, 218
 Бандура В. 192
 Банионис Д. Ю. 112
 Баранов Ю. 66
 Баратов Р. Б. 134
 Баулин В. 255
 Безруков П. Л. 249
 Бейшимбек 88
 Белик Г. 101
 Белобаяжский С. 63, 276,
 357, 361
 Бельков И. В. 295
 Бельский М. С. 37
 Белянкин Д. С. 40
 Березкин Н. Н. 190
 Берман Б. И. 153
 Бертин Э. П. 256
 Бессонов А. Г. 139
 Благов 249
 Блажчишин А. И. 191
 Бобров А. 297
 Богацкий В. И. 61
 Богачев В. В. 212
 Богданович Г. Г. 98
 Богданович К. И. 12—14, 74,
 127, 128, 217, 248, 249
 Боголюбова Л. И. 138
- Бончковский 162
 Боровских Т. А. 206
 Бродский И. А. 58
 Бруновский Р. 77
 Бугельский Ю. 340
 Буданова К. 344
 Бунин И. А. 282
 Бурлин Ю. К. 56, 196
 Былинский Н. Д. 105
 Бычков 77
- Ваганов М. И. 43, 77, 78
 Варсанофьева В. А. 15—18,
 64, 78, 81, 161, 162, 180, 232,
 233, 262—266, 268, 352, 355
 Вассерман Б. Я. 105
 Вахания Е. К. 38
 Вашуткин Ф. Ф. 105
 Величко Н. 315
 Велькен К. 238
 Верещагин А. 365
 Верниковский И. 122
 Власов М. А. 121
 Вознесенский А. В. 269
 Вознесенский Д. В. 39
 Войновский-Кригер К. Г. ... 19,
 72, 74, 163, 250, 278
 Волков Ю. П. 109
 Волкова Ю. 293
 Володин В. Д. 41, 68, 80, 81,
 84, 131, 149, 164, 190,
 192, 206, 225, 252, 253
 Володкевич Н. 38
 Вольнский Л. 229, 230
 Вронский Б. И. 22—24, 63,
 163, 177, 189, 196
- Высоцкий В. С. 344
 Выучейский А. 16, 180
- Габлин Н. С. 109
 Галабала Р. 195
 Галлиев М. 303
 Гарбар Д. 292
 Гарецкий Р. Г. 61
 Гатинский Ю. 224
 Герасимов Н. Н. 342, 360
 Герц 190
 Глотова Л. 341, 364
 Головка А. 209
 Головкин Н. 193
 Гонтаренко В. Ф. 105
- Горбовский Г. 37, 332
 Гордеич 163, 164
 Горелов Г. Ф. 55, 79, 80,
 161, 197, 280
 Горелова А. 55
 Горленко И. А. 138
 Городницкий А. 59, 338, 349
 Гофман 232
 Грамберг И. 330
 Григорьев В. М. 151
 Громов Л. 20, 21
 Гудымович С. 165, 198, 242
 Гукасян 200
 Гутникова Т. 315
- Данилов М. 238
 Дембовский Б. Я. 112
 Дембская Г. И. 104
 Джанелидзе А. И. 38
 Джуматай 27, 28, 43, 74, 77,
 88—91, 180, 259
 Дмитриевский В. 319
 Добролюбов В. 22
 Добролюбова Т. А. 161
 Донцов В. В. 56, 57, 196
 Драверга П. 319
 Друянов В. А. 14
 Дулов А. 324
- Евтушенко Е. 59
 Егоров А. 115
 Ельцин Б. Н. 50
 Емельянов Е. М. ... 59, 129, 132,
 133, 145, 146, 153,
 191, 207, 209, 215,
 222, 227, 245—247, 295
 Ерёмкин М. 97, 99, 236,
 241, 242, 286
- Ермаков Н. П. 148
 Ермолаев М. М. 20, 237, 238
- Жарихин К. Г. 34
 Жданов И. 324
 Жихарев А. Ф. 99
 Жуланов Б. Г. 34, 114, 115,
 286, 287, 339, 349, 359, 361
- Забияка И. 188
 Зайков В. В. 106, 112, 118,
 145, 153, 202, 344
 Зандерберг 140

- Запорожцева И. 315, 350
Зарайский Г. 297
Зиллинг А. 350
Зильберминц В. А. 249, 250
Знаменский В. 202
Зоненшайн Л. П. 66, 162, 225
- Иваниди С. 45
Иванов 41, 150
Иевлев А. А. 274
Иловайский Д. И. 141
Ильф И. 134
Индыченко А. Ф. 105
Исаков В. 85, 103, 157, 159
- Казак Р. А. 246
Кайзерлинг А. А. 224
Калашников Н. В. 16
Калинин Е. П. 46, 143, 191
Калинин [П. Д.] 356
Каракчиев В. С. 105
Карпинский А. П. ... 12, 139, 140
Картавенко Г. 160
Квенштедт 140
Кевлич В. 349
Кент Рокуэл 224
Кетрис М. П. 49
Кечек Г. А. 39
Киприан 16
Кирюшина М. 312
Ковалев А. М. 253
Ковалевский С. А. 212
Ковылин В. 247
Козлов 248, 249
Коковин К. 296
Кондратович И. 47
Конев И. С. 229
Корольков В. Г. 34
Красный Л. И. 200, 272
Кривцов К. А. ... 107, 109, 110, 172
Крузенштерн П. И. 224
Крупенский И. 108, 111, 256
Крылова Е. 340
Крылова М. Д. 73
Куваев О. М. 21, 70, 111, 282
Кузнецов В. Г. 15, 336
Кузнецов С. С. 140
Кузьмич 171
Кулик Л. А. 190, 196
Куняев С. 275
Куплетский Б. М. 55
Кянно А. И. 100
- Лавренёв Ю. Б. 326
Лагорио 140
Лайба А. 281
Лакруа А. 43
Ланко В. 188
Лебедь А. И. 258
Левинсон-Лессинг Ф. Ю. 36
Лейди И. 139
Лепихин 41
Лермонтов М. Ю. 361
Летников Ф. А. 87, 103, 121,
213, 214
Ливанов В. К. 366
Литвинов В. 119, 270—272,
322, 333, 365
Литвиненко Н. И. 105
Лихачев В. 302, 304,
328, 329, 362
Лобковский Л. И. 146
Ломако П. Ф. 120
Ломоносов М. В. 105
Лондон Джек 22
Лоскутов Ю. 160
Лубянский Я. Н. 326
Лукашев А. 47
Лутугин Л. И. 38
Лучицкая А. 86, 215
Лысенин Г. 366
Ляхов И. 122
- Максимов М. 144
Мальшев В. И. 105
Мальцев М. М. 251
Маресьев А. П. 170
Марков К. В. 140
Мархинин Е. 125, 320
Масленников В. В. 59, 73, 153
Матвеев В. Т. 131
Матвеев Р. 321
Матвиевская Н. 111
Махлаев Л. В. ... 31, 36, 38, 44, 49,
53, 54, 73, 79, 127, 141, 143,
188, 203, 205, 224, 253, 277
Маяковский В. В. 347
Мефферт Б. Ф. 37
Микоян А. И. 120
Милановский Е. Е. 16, 61,
215, 216
Мирзоев Г. 257
Мирошниченко Н. 298
Митяков В. 173, 174
Михайлов Д. 199, 206, 233
Мокин Ю. 359
- Мормышев А. 282
Морозов В. 200, 314
Морохина Л. [П.] ... 51, 166, 167
Москвина Т. 348
Мурзин В. 198
Мушкетов И. В. 12
- Набоков В. В. 282
Назарбаев Н. А. 260
Наковник Н. И. ... 25—27, 43, 74,
76, 77, 89, 91, 130, 178,
180, 220, 231, 232, 258, 281
Наливкин В. Д. 61
Наливкин Д. В. 274, 275, 352
Насонов В. И. 87
Николаев А. 365
Новиков В. П. 134, 147, 154
- Обручев В. А. 9, 11, 12, 14, 42,
57, 62, 63, 69, 71, 73—75,
82, 118, 120, 124, 127, 143,
197, 226, 269, 270
Обручев С. В. 11, 12
Оверин В. 57
Одиссей 281
Озеров В. С. 52
Олейников А. 364
Островская Н. А. 292
Охрименко В. 316
- Павленко А. С. 326
Павлов А. П. 352, 353
Павлов И. П. 74
Павлов (майор) 150
Павлова М. В. 352, 353
Пандер 140
Панский Е. 39
Пантелей 190
Парфенов 91, 179
Певцов 128
Пенягин Б. 301
Перевозчиков В. П. 229, 230
Песков Е. Г. 34
Петерсен 238
Петров В. П. 36, 40, 42, 135,
142, 149
Петров Е. 134, 302
Петрова Е. 317
Петровский Н. Ф. 217
Печерский А. В. 118
Пивоваров Ю. П. 58
Пири Р. 29
Плякин 223

- Погоревич В. И. 104
 Погребницкий Е. О. 28
 Погребницкий Ю. Е. 28—30
 Подопригорин И. Н. 214
 Подругин В. А. 153
 Полевой Б. 229
 Полежаева Т. 313
 Пономарева Т. 51, 214
 Попов А. И. 105
 Попугаева Л. [А.] 318
 Портнягин Э. 321, 359
 Похвистнева Е. 318
 Похилайнен В. 343
 Похиленко Л. ... 289, 303, 310, 317
 Похиленко Н. П. 310
 Поцелуев А. 347
 Пржевальский 128
 Прижимов Г. А. 98
 Пучков В. Н. .. 64, 164, 207, 213,
 214, 241, 255
 Пушкин А. С. 273, 308, 339
 Пуцаровский Ю. М. 195
 Пьянкова С. 293
 Пятов О. 277, 294, 305, 348

 Рабинович Л. Н. 228—230
 Раковский С. Д. 39
 Раменская М. 296, 323
 Резанов И. А. 12, 13
 Рейтлингер А. 194
 Роборовский 248, 249
 Рогозов Ю. Г. 33, 34
 Романцов Л. 67, 236, 251
 Романчук А. 191
 Рохлин М. И. 21
 Рукас В. 164
 Румянцев Л. 39
 Русанов М. П. 77
 Русланова Л. 225
 Рябушинский 16, 263
 Рязанов Э. А. 326
 Ряховский В. Н. 305

 Сабанов С. 165, 200, 209
 Сабанов Ю. Г. 200
 Савва Н. 314, 363
 Савельев В. 169
 Сазонов В. 305
 Самодуров В. И. 249
 Самсонов Б. 229
 Сапожникова В. 343
 Сафонов В. Г. ... 30, 33, 35, 58, 67,
 69, 76, 81, 91, 99, 102, 103, 113,
 Сафонов В. Г. 126, 168, 170,
 171, 178, 193, 194, 205, 226, 234
 Сверчков Н. Д. 105
 Се Ге Мон 151
 Седов Г. 29
 Седова Е. 365
 Селянин Ф. 296
 Семашева И. Н. 138
 Сикстель Т. А. 134
 Симон А. К. 46—50, 181
 Симонов В. 153
 Смирнов В. И. .. 120, 132, 235, 258
 Смирнов Г. М. 149
 Смирнов Д. 343
 Смирнов Е. (Джохан) 209
 Соколов А. С. 14
 Соколов В. П. 250
 Соколов М. 175
 Соломатин А. В. 105
 Сорокин А. 77
 Сорокин П. А. 77, 78
 Софиев И. С. 138
 Спасский Б. В. 167
 Спиринов В. 307, 313
 Спиро Барух 153
 Старшинов Ф. А. 225
 Степаных 220, 221
 Странский П. 166
 Страхов 265
 Судовиков Н. Г. 73, 205
 Сурина Н. 142
 Сухов В. 118

 Тарбаев М. Б. 83
 Тарутин О. 296, 307,
 308, 330, 337
 Терещенков В. ... 156, 291, 322, 362
 Тибилов И. В. 11, 20, 31—33,
 70, 71, 101, 111, 222
 Тихомиров Л. И. 114
 Ткачев Ю. А. 58, 116, 150,
 221, 280
 Толстихин О. Н. 228
 Топорков А. Д. 153
 Травин Ю. 297
 Траутшольд Г. 139
 Третьяченко В. 166
 Трошкова Р. 343
 Туманов В. 274
 Туполев А. Н. 150

 Удоратин И. 172
 Урванцев Н. Н. 31
 Усенко Ю. 278

 Федина И. 122, 181, 182
 Федоренко Н. 311
 Федченко А. П. 148
 Ферсман А. Е. 55
 Филимонов Б. 194
 Филиппова И. Б. 66, 162
 Фирер Г. М. 104, 105
 Фирсов Л. .. 273, 288, 327, 332, 360
 Фишер Р. 167
 Фишман [М. В.] 356
 Флеров Б. Л. 149, 150
 Флоренский К. П. 196
 Франсиско де Орельяно 129

 Хаин В. Е. 43, 61, 212
 Халезова Е. 310
 Хатанзейский 16
 Херрингтон Р. 153
 Хлыбов В. А. 37, 74, 190,
 230, 279
 Холодок Е. Д. 111
 Худяков Б. 205
 Худяков Ю. 210

 Цареградский В. А. 39, 40

 Чайков В. 276, 289
 Чамов Н. 194
 Чемоданов Н. И. 21
 Черепанова Д. 308
 Чернецов О. 291, 363
 Чернов А. А. 14—16, 102,
 161, 232, 250, 263,
 266, 352, 353, 355
 Чернов Г. А. 15, 57, 250, 356
 Чернова Т. 353, 356
 Черноусов Я. М. 138, 139
 Черный В. Г. 169
 Черных А. 254, 306
 Чертополохов Л. К. 16
 Чугунов Н. 55
 Чумаков В. Д. 247
 Чуркин П. 126

 Шабашев В. 294, 332
 Шадюк 213
 Шануренко Н. 38
 Шасткевич Ю. 102
 Шафранский М. 98, 99, 103
 Шевчук Ю. Ю. 310
 Шестаков 217

ШибакOVA В.	260	Шербаков Д. И.	55, 274	Юшкин Н. П.	17, 46, 57, 67, 83, 84, 115, 130, 143, 151, 152, 168, 169, 175, 178, 223, 230, 236, 237, 244, 251, 254, 273, 316, 343
Шинкаренко	41	Юдин В. В.	239, 241	Янковский К. Д.	177, 196
Шлезингер А. Е.	249	Юдович Я. Э. ...	50, 101, 102, 124, 126, 282, 286, 345	Яншин А. Л.	141, 193, 249
Шноль Э. Г.	198	Юренков В.	172	Яньшин Н.	311, 331
Шрейнис В.	119	Юровский [Ю.]	204, 233, 294		
Шульга-Нестеренко М. И.	15, 16, 353, 355	Юхтанов П. П.	230		

Я. Э. Юдович, М. П. Кетрис

РОССИЙСКИЕ ГЕОЛОГИ РАССКАЗЫВАЮТ О СЕБЕ

Тексты с комментариями

В трех книгах

Книга вторая

ГЕОЛОГИЧЕСКОЕ ПОЛЕ

Компьютерная верстка *Г. Н. Каблиса*